

НОВЫЙ МИР

11

МОСКВА
1938

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

НОЯБРЬ

МОСКВА
1938

Уполн. Главлита Б—46062. Подписано к печати 31/Х—38 г.
Сдано в набор 14/Х—38 г. 18 печ. листов. Тираж 80.000. Зак. 2596.
Технический редактор А. И. Гессен.
Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР».
Москва Пушкинская площадь, 5.

СОДЕРЖАНИЕ

ВКЛАДКИ

Портрет В. И. Ленина

Портрет И. В. Сталина

	Стр.
ВЕЛИКАЯ ГОДОВЩИНА	5
СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ — Донецкий слесарь. стихотворение, перев. с лезгинского С. Липкина	11
Л. ОЗЕРОВ — Песня в горах, стихотворение	12
С. ДИКОВСКИЙ — Старики, рассказы	13
Н. НЕЗЛОБИН — Две дороги, стихотворение	32
Н. БЕРЕНДГОФ — Стихи о трех летчицах	33
ФЕДОР ГЛАДКОВ — Энергия, роман, продолжение	35
ПЕСНЯ ПАСТУХА — грузинская народная песня, перев. с грузинского К. Липскерова	85
С. ШИПАЧЕВ — Чу, стихотворение	86
А. КОВАЛЕНКОВ — Четыре минуты, поэма	87
В. ЛОСЕВ — Молодой человек, роман, продолжение	89
ЭРИХ ВАЙНЕРТ — Четыре стихотворения, перев. с немецкого В. Бугаевского	138
М. ШОШИН — Три рассказа	142
МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ — Идиллия, стихотворение, перев. с украинского Н. Брауна	151
М. АЛИГЕР — Стихотворение	152
Л. ОШАНИН — Десятилетию, стихотворение	153

НАУКА И ТЕХНИКА

Проф. Х. КОШТОЯНЦ — Новое о природе нервного процесса	154
Проф. С. КРАВКОВ — Взаимодействие органов чувств	162

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

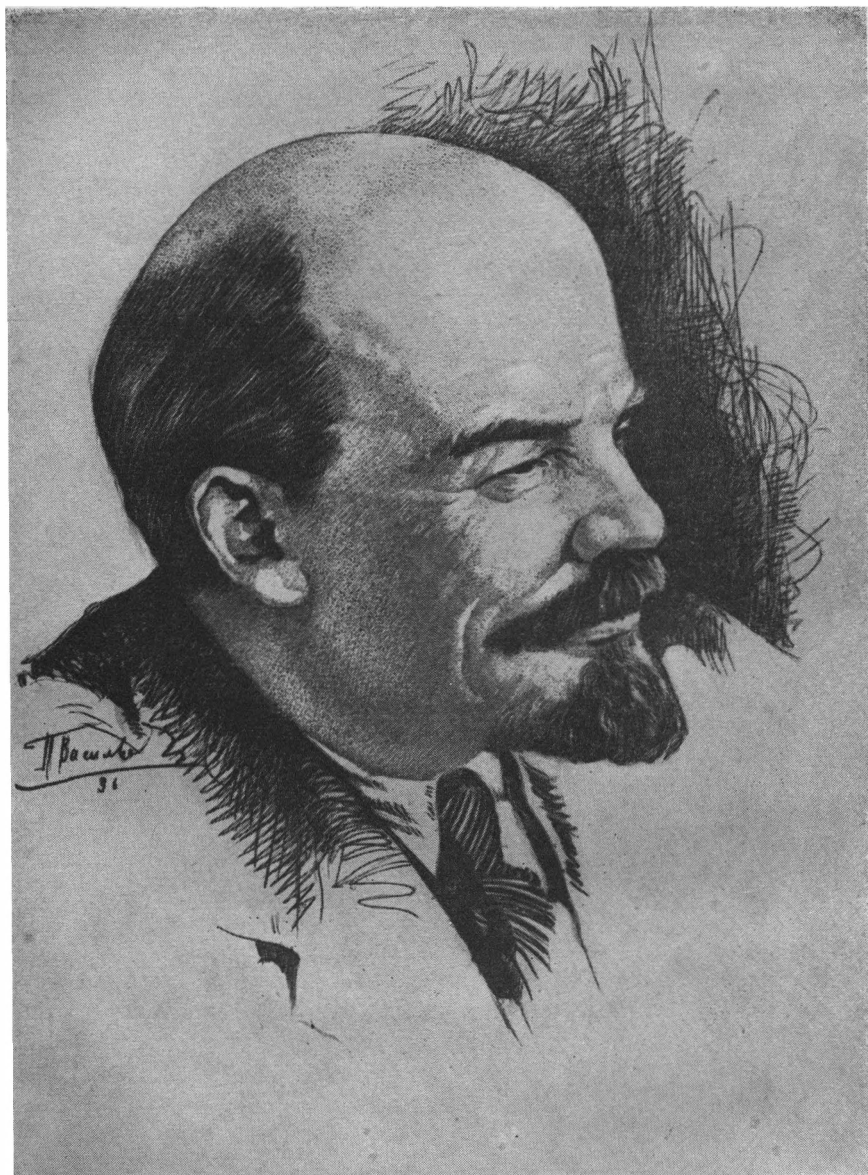
Комбриг П. СМЕРНОВ — Как всоружался пролетариат	171
Полк. И. ПОПОВ — Китай и его армия	182
Полк. Н. ЖУРАВЛЕВ — Героическая борьба испанского народа	190

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

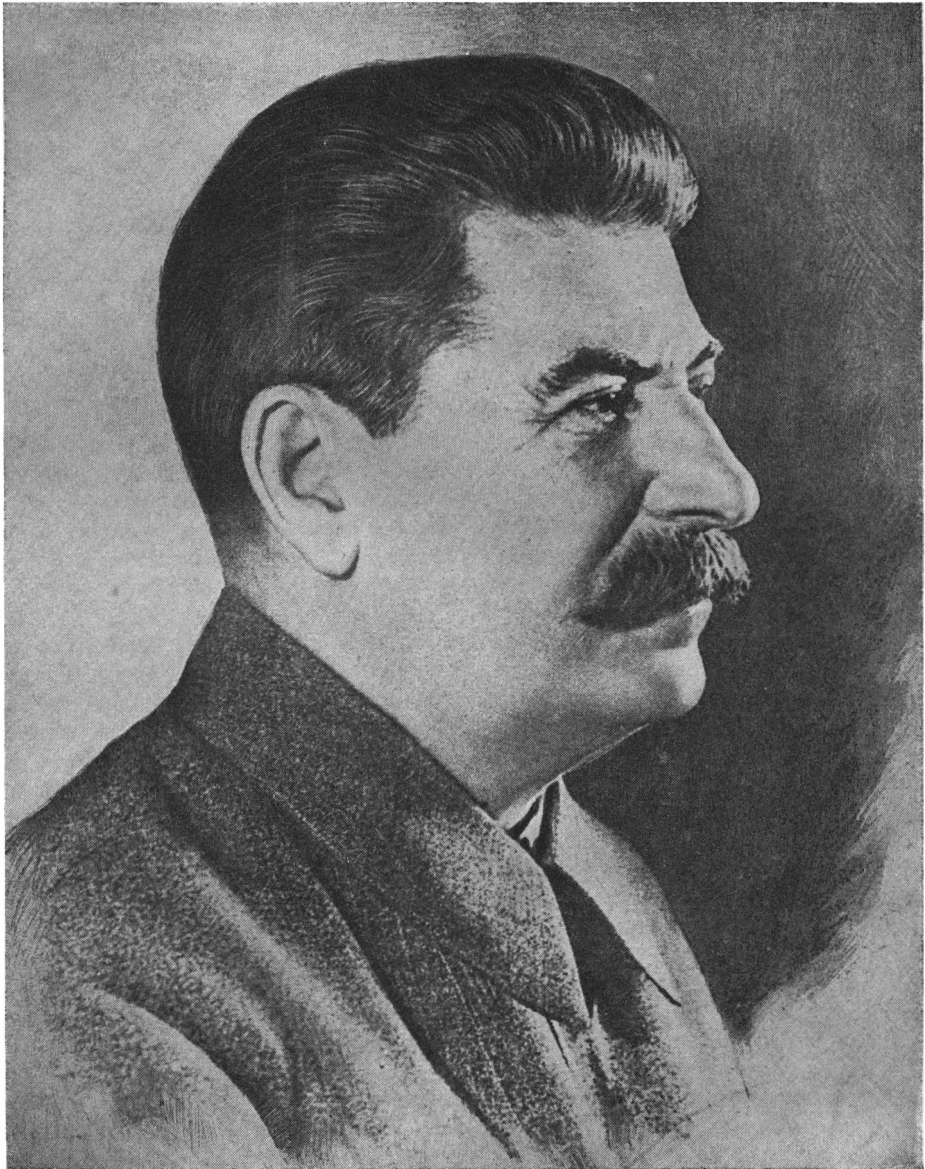
Г. БРОВМАН — Литературные заметки о современной теме	199
П. МЕТЕЛИН — Его время пришло	211
А. ЕГОЛИН — Некрасов и наша современность	218
ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. П. ЧЕХОВА и О. Л. КНИППЕР	232
И. АНИСИМОВ — Друг трудящихся	260

БИБЛИОГРАФИЯ

С. Б. — «Как мы били японских самураев», сборник статей и документов	276
П. БЕРЕЗОВ — М. Шапская, «Человек работает хорошо» (Дальний Восток)	278
Б. КОЗЬМИН — Н. П. Огарев. «Избранные стихотворения и поэмы»	279
С. ВОСТОКОВА — Ричард Райт. «Дети дяди Тома»	281
О. СЛУЦКАЯ — Густав Реглер, «Посев»	283
Проф. П. АНОХИН — Проф. Х. С. Коштойнц, «Повесть из жизни академика Павлова»	286

Владимир Ильич Ленин.

Иосиф Виссарионович Сталин.

ВЕЛИКАЯ ГОДОВЩИНА

XXI год Великой Октябрьской Социалистической революции — праздник пролетариата всего мира, всего передового и прогрессивного человечества. Взоры и надежды всех угнетенных народов мира в этот день будут обращены к СССР — отечеству трудящихся всех стран.

Мы встречаем свой XXI Октябрь в то время, когда народы мира «как-то незаметно вползли в орбиту второй империалистической войны»¹. Залитая кровью, обезглавленная, лежит древняя, независимая Абиссиния, попираемая чернорубашечниками Муссолини. Перестала существовать Австрия, проглоченная германским фашизмом, спущенным с цепи британскими «борцами за мир». С благословения «демократических» союзников фашизма растерзана демократическая Чехословакия. Центральная Европа отдана итало-германским бандитам на поток и разграбление.

Героическая Испания два года уже отражает натиск полчищ интервентов, наемников Гитлера, Муссолини и Франко — средневековых гуннов, вооруженных до зубов новейшими средствами истребления. Над Европой нависли грозные тучи войны. И, вползая в эту войну, втаскивая в нее свой народ, отдавая во власть фашизму малые народы, правящая группа буржуазии Ан-

глии и Франции лицемерно и хвастливо кричит о купленном ею в Мюнхене мире.

В это же время на Дальнем Востоке, в долинах рек Янцзы, Хуанхэ и Жемчужной героический китайский народ, зверски истребляемый японским фашизмом, ведет мужественно освободительную войну, отстаивая свою родину, свободу, независимость.

Весь мир об'ят тревогой. В Америке ученый с мировым именем, Альберт Эйнштейн, изгнанник фашизма, пишет в письме, адресуемом к поколениям, которые будут жить на земле 5000 лет спустя, в 70-м веке:

«... Мы научились летать и мы умеем без труда посылать сообщения по всему миру с помощью электрических волн.

Тем не менее производство и распределение товаров у нас совершенно не организованы, так что каждый человек вынужден жить в страхе быть выброшенным из экономического цикла и лишиться всего. Кроме того, люди, живущие в различных странах, через неравномерные промежутки времени убивают друг друга, и поэтому каждый, кто думает о будущем, должен жить в страхе и ужасе...»².

Всему человечеству угрожает кровавый фашизм. «Всякая, даже небольшая, война, начатая агрессорами.

¹ История ВКП(б), стр. 318.

² «Правда», 24 октября 1938 года.

представляет опасность для миролюбивых стран, а вторая империалистическая война, так «незаметно» подкрадываясь к народам и охватившая более полмиллиарда населения, — тем более не может не быть серьезнейшей опасностью для всех народов и в первую очередь для СССР»³.

Все прогрессивное, передовое человечество сплачивается для борьбы против фашизма и войны. СССР идет в авангарде этих сил, являясь примером и образцом для других. Каждым днем своей жизни, каждым своим успехом на фронте социалистического строительства, каждым своим выступлением на международной арене в защиту коллективной политики мира, в защиту малых народов, разоблачением предательского сговора империалистов за счет слабых стран, готовностью выполнить свои международные обязательства, — СССР мобилизует действительные активные силы мира, укрепляет интернациональный народный фронт борьбы с силами войны и разрушения.

Нам нельзя быть беспечными. Нам нельзя почивать на лаврах. Этому учит нас товарищ Сталин в своем историческом выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года. С новой силой напоминая нам об опасностях капиталистического окружения СССР, товарищ Сталин говорит: «Нужно усилить и укрепить интернациональные пролетарские связи рабочего класса СССР с рабочим классом буржуазных стран, нужно организовать политическую помощь рабочего класса буржуазных стран рабочему классу нашей страны на случай военного нападения на нашу страну, равно как организовать всяческую помощь рабочего класса нашей страны рабочему классу буржуазных стран; нужно всемерно усилить и укрепить нашу Красную Армию, Красный флот, Красную авиацию, Осоавиахим. Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность», никакие фокусы наших внеш-

них врагов не могли застигнуть нас врасплох»...⁴.

И когда Советский Союз, единственный подлинно защищающий дело мира и прогресса всего человечества, показал на японских самураях, как нужно защищать свою страну, как нужно отвечать на удар поджигателей войны, трудящиеся зарубежных стран выразили в своих простых теплых посланиях международную солидарность народов с отечеством трудящихся всех стран.

Крестьянин из Кубы пишет: «Радуясь победе великой Красной Армии над бандами японских фашистов и поздравляю вас».

Рабочий из Бельгии заявляет: «Что бы ни случилось, мы — на стороне СССР и, если потребуется, будем всеми силами помогать ему».

Перед лицом военной опасности, грозящей захлестнуть весь мир, Советский Союз стоит непоколебимо, как утес, как маяк, указывающий народам путь к освобождению от угрозы войны и фашизма.

СССР — крепость международного коммунизма. Сила этой крепости в ее величайших завоеваниях, достигнутых за 21 год и отображенных в Сталинской Конституции. В ней с предельной четкостью получили свое завершение победы трудящихся, одержанные за 20 лет Великой Социалистической революции. Она знаменует всемирно-исторический этап завершения построения социалистического общества и начало перехода к высшей ступени социализма — коммунизму.

В то время как весь капиталистический мир теряет последние остатки старой буржуазной демократии, — только в нашей стране, на основе Сталинской Конституции, человеческое общество обрело высшую форму демократии — пролетарскую демократию. На основе этой широчайшей, подлинно народной демократии народы СССР продемонстрировали перед всем миром в день выборов в Верховный Совет Союза преимущества социалистического государства, величайшее морально-политиче-

³ История ВКП(б), стр. 319.

⁴ Письмо т. Иванова и ответ т. Сталина.

ское единство трудящихся, крепкое, как гранит. Победа сталинского блока коммунистов и беспартийных показала всему миру сплоченность стасемидесяти-миллионного народа СССР вокруг партии Ленина — Сталина, его решимость идти вперед к новым победам коммунизма.

21-й год революции проходит под знаком разгрома всех и всяческих врагов народа — агентов международного фашизма, составлявших общую банду врагов под видом «право-троцкистского блока». Славная советская разведка под руководством Н. И. Ежова раздавила вражескую гадину и тем сделала еще более несокрушимой крепость социализма. История партии учит, что «крепости легче всего берутся изнутри. Чтобы добиться победы, нужно, прежде всего, очистить партию рабочего класса, его руководящий штаб, его передовую крепость — от капитулянтов, от дезертиров, от штрейкбрехеров, от предателей»⁵. Неослабная борьба с подрывной работой агентов фашизма, с троцкистско-бухаринским охвостом особенно важна сейчас, в связи с нынешней международной обстановкой и усилившейся опасностью военного нападения на СССР.

21-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции отмечена новыми победами во всех областях социалистического строительства. Мы вступили в этом году в первый год третьей пятилетки. Советский Союз, в итоге первых двух сталинских пятилеток, стал крупнейшей мировой индустриальной державой.

Так, по углю мы стоим на 2-м месте в мире, а железа, нефти, марганца у нас больше, чем в любой другой стране. По механизации угледобычи мы стоим на первом месте в мире. Один только Магнитогорский металлургический комбинат дает почти в три раза больше чугуна, чем вся Польша, а вторая по мощности в мире электростанция Днепрогэс одна вырабатывает электроэнергии больше, чем все электростанции царской России. Созданы мощная черная металлургия —

основа индустриализации страны, тракторо- и комбайностроение, автомобильная промышленность, станкостроение, современная химическая промышленность, передовое сельскохозяйственное машиностроение, мощная авиационная промышленность. Созданы целые новые отрасли индустрии, которых совершенно не было в царской России.

Давно уже известно, что наше сельское хозяйство — самое крупное механизированное коллективное хозяйство в мире. Это — свыше 470 тысяч тракторов, мощностью в 10 миллионов лошадиных сил. Наше сельское хозяйство — это 243.000 колхозов, почти 7 миллиардов пудов хлеба в год, урожай в 30—45 центнеров пшеницы с гектара. Это — полное обеспечение своим льном и хлопком социалистической легкой промышленности.

Огромны завоевания социалистической культуры. Наша культура — это 28 миллионов учащихся в средних школах, 550 тысяч студентов вузов, т.е. больше, чем во всех капиталистических странах Европы, вместе взятых. Расходы на одну только научно-исследовательскую работу превышают 1 миллиард рублей, а на все социально-культурные мероприятия 42 миллиарда. Где еще возможен такой размах работы, такие слитки богатств народных, идущих на удовлетворение народных нужд!

Но главное наше богатство — это люди. За годы сталинских пятилеток наша страна оснастилась первоклассной техникой. Этой техникой овладели миллионы лучших людей страны. Все богатство техники используется в интересах народа. Труд в нашей стране стал делом чести, делом славы, делом доблести и геройства. Нет предела смелым дерзаниям советских людей.

Неприступный, овеянный легендами Северный полюс завоеван большевиками. Блестящий десант Водопьянова, зимовка папанинцев на Северном полюсе, перелеты Громова—Чкалова—вошли ярчайшей страницей в историю покорения человеком сил природы. На крыльях советских самолетов славный экипаж Коккинаки, Бряндинского сделал близким советский Дальний Восток.

⁵ История ВКП(б). стр. 344.

Социалистическая революция раскрыла невиданные возможности перед всеми народами СССР. Она открыла советскую женщину, поставила ее у руля государства, открыла ей широкий доступ ко всем видам труда научной и государственной деятельности. Женщина нашей страны является подлинно равноправным участником социалистического строительства. Героические перелеты с юга на север, — из Севастополя в Архангельск, с запада на восток, — из Москвы в район Комсомольска, совершенные отважными летчицами Гризодубовой, Осипенко, Расковой, Ломако, — свидетельство невиданных возможностей, открытых Октябрьской революцией перед женщинами нашей родины.

В области культуры, искусства представители советской молодежи демонстрируют перед капиталистической Европой преимущества советского воспитания, дарований советских людей. Талантливые индивидуальности молодых пианистов, дирижеров, артистов, людей искусства и науки показывают, что только в стране победившего социализма продолжается победное шествие гаснущей в капиталистических странах цивилизации.

Советский Союз — это 170 миллионов человек, развивающихся, творящих во всех областях хозяйственной и культурной жизни страны. Стахановцы, герои труда обеспечивают быстрые темпы нашего развития на пути к коммунизму. Это — новое поколение людей, вооруженных техникой, партийных и непартийных большевиков, воспитанных социализмом. Вместе с людьми науки, искусства, инженерами и техниками, врачами и учителями, работниками нашего государственного и партийного аппарата они составляют кадры советской интеллигенции, они являются представителями той передовой науки, которая ломает старые нормы и двигает науку вперед. Только в нашей стране, в стране поголовной грамотности, при заботе государства и партии о каждом человеке, о всемерном развитии его способностей, интеллигенция является могучим рычагом хозяйствен-

ного и культурного прогресса, солью земли советской.

Но без марксистско-ленинской закалки наша интеллигенция не сможет руководить вверенными ей участками хозяйственного, культурного, государственного строительства. Советская интеллигенция подымется на небывалую высоту руководства всеми отраслями хозяйственного и культурного строительства, когда она овладеет марксизмом-ленинизмом, этой наукой всех наук.

Партия вооружила интеллигенцию этой наукой — историей Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), составленной под редакцией комиссии ЦК ВКП(б), при самом ближайшем участии товарища Сталина. Партия и страна получили исключительное по своей мощи оружие, помогающее овладеть большевизмом.

Изучая Историю ВКП(б), наши кадры, наша интеллигенция научатся еще сильнее ненавидеть врагов социализма, проникнутся пониманием законов общественного развития, глубокой верой в непобедимость дела партии Ленина — Сталина.

На-страже великих завоеваний социализма непоколебимо стоит Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Она родилась на октябрьских баррикадах, росла и закалялась в борьбе с интервенцией 14 капиталистических держав и полчищами белогвардейцев. За годы социалистического строительства Красная Армия выросла в могучую, грозную силу. Партия выковывала мощь Красной Армии, социалистическая индустрия стала источником боевого оснащения нашей армии. Красная Армия получает в достаточном количестве боевые воздушные машины разных видов и назначений, тяжелые и легкие танки. Создана первоклассная советская артиллерия. Красная Армия располагает в достаточном количестве новейшим автоматическим оружием. Морские границы надежно защищены могучим надводным и подводным флотом. В бетон и железо одеты рубежи Советского Союза. Красная Армия является первоклассной армией мира, способной разгромить любого врага.

Сила Красной Армии состоит не только в прекрасной ее боевой технике, но прежде всего в замечательных ее людях — бойцах, командирах и политработниках, в ее теснейшей связи с советским народом. Высшим законом нашей жизни, итогом героической борьбы трудящихся под руководством большевистской партии является Сталинская Конституция. Она определяет нормы и правила поведения советского человека. В числе этих правил одним из главных является защита отечества. Это — священный долг каждого трудящегося. Бойцы, командиры и политработники Красной Армии дали бесчисленное количество примеров своей беспредельной любви к родине, партии Ленина — Сталина, вождю и вдохновителю побед социализма товарищу Сталину.

В незабываемые дни боев у озера Хасан советское оружие покрыло себя бессмертной славой. Наглые японские захватчики, пытавшиеся прощупать огнем и штыком силу советской обороны, расшибли свои головы о несокрушимую стену защитников дальневосточных границ. С образом Сталина в сердце, с именем Сталина на устах шли бойцы на штурм укрепленных японских позиций. Штурм высоты Заозерной был победным взлетом советского патриотизма, его триумфом. Советский народ гордится своими сынами, он с любовью и уважением произносит имена героев — пехотинцев, танкистов, летчиков, проявивших чудеса отваги и храбрости в боях с японцами.

Наглая провокация поджигателей войны с новой силой напомнила всему советскому народу о долге каждого в защите советских границ. И в двадцать первую годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции мир является свидетелем боевой готовности всего советского народа, его непоколебимой решимости дать отпор любому фашистскому хищнику, который осмелится посягнуть на священную советскую землю.

Вся советская страна, как клятву, произносит слова любимой боевой песни народа:

Если завтра война,
Если враг нападёт,
Если темная сила нагрянет, —
Как один человек,
Весь советский народ
За свободную родину встанет...

СССР отмечает свою двадцать первую годовщину почти одновременно с двадцатилетней годовщиной молодежной организации СССР — Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. 20-летний юбилей комсомола — часть нашего октябрьского торжества, ибо молодые поколения трудящихся являются той силой, которая обеспечивает народу его победоносное движение в будущее. На 21-м году существования пролетарского государства комсомол дал стране сотни тысяч молодых граждан в качестве бойцов, руководителей, командиров. Они, ровесники Октября, были выдвинуты партией, чтобы помочь ликвидировать в кратчайший срок последствия вредительства, укрепить важнейшие отрасли народного хозяйства и культуры. И славные питомцы партии — молодое племя большевиков с честью несет свою вахту, оправдывая оказанное партией и народом доверие.

Огромны, необозримы успехи социалистического строительства на пороге 22-го года Октябрьской революции. Но наш долг не успокаиваться на достигнутом. Нужно неустанно оттачивать революционную бдительность — испытанное оружие в борьбе с агентурой фашизма, наемниками фашистских охранок — троцкистско-бухаринским охвостом. Всеми силами нужно крепить оборону нашей страны, держать порох сухим, быть в состоянии мобилизационной готовности, всемерно укреплять мощь Красной Армии и Военно-Морского Флота. В тяжелой промышленности, на транспорте, на оборонных предприятиях, на социалистических полях и в легкой индустрии нужно еще выше поднять знамя социалистического соревнования, знамя стахановского движения. Ответственные задачи стоят перед нашей интеллигенцией, составляющей соль земли советской. Изучение истории ВКП(б), этой сокровищницы мудрости

и опыта партии Ленина — Сталина открывает перед нашими руководящими кадрами, перед советской интеллигенцией новые широкие горизонты, научит их по-большевистски решать сложные задачи, идейно закалит их для новых работ и достижений.

На протяжении двадцати одного года партия большевиков вела народы СССР от победы к победе. Мы победили в Октябре, потому что во главе рабочего класса и трудового крестьянства стояла партия большевиков, «...партия нового типа, марксистско-ленинская партия, партия социальной революции, способная подготовить пролетариат к решительным схваткам с буржуазией и

организовать победу пролетарской революции»⁶.

Партия большевиков, партия Ленина — Сталина, сделала нашу страну непреступной крепостью социализма. Она подняла на недостижимую высоту материальный и культурный уровень трудящихся.

Страна вступает в двадцать вторую годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции. Под руководством большевистской партии, великого вождя и учителя трудящихся товарища Сталина народы Советской страны победоносно идут вперед, к новым победам, к коммунизму!

⁶ История ВКП(б), стр. 337.

Донецкий слесарь

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

★

I

Как много песен в голове,
А запоешь — одна прекрасна!
Я был в Москве, я жил в Москве,
Я говорю: она — прекрасна.

Союз велик, Союз богат.
Есть Ленинград, есть Сталинград —
Большой благоухает сад,
Воистину страна прекрасна!

Могуча Волги красота,
Светла Арагвы быстрота,
О, благодатные места,
Где жизнь светла, стройна, прекрасна!

Чудесных много мест у нас,
Но хочет петь сегодня саз
Лишь одного тебя, Донбасс.
Да будет песнь звучна, прекрасна!

II

Мы, весело трудясь, идем
В одном строю, вы это знаете.
Любым гордимся ремеслом
В родном краю, вы это знаете.

Ты — землепашец, ты — бочар.
Ты — стеклодув, а ты — гончар.
У каждого — особый дар,
Его пою, вы это знаете!

Хвала вам, умные врачи,
Хвала вам, быстрые ткачи.
Вам благодарность, избачи, —
Я всех пою, вы это знаете.

Но я простую песнь мою
Сегодня слесарю даю.
Сегодня слесаря пою,
Зачем пою — сейчас узнаете.

III

Зачем Донбассу песнь даю?
Родился там товарищ Ворошилов.
Зачем я слесаря пою?
Ведь слесарь — сам товарищ Ворошилов!

Отважный сталинский орел!
Когда народ был бос и гол,
Ты против тьмы народ повел,
Ты близок нам, товарищ Ворошилов.

Врага мы били всякий раз,
Когда хотел напасть на нас,
Врага побьем мы и сейчас,
Гроза врагам — товарищ Ворошилов!

Враг — хитрый зверь, но мы — ловки,
Он попадетсЯ нам в силки.
Мы все, мы все — твой стрелки
И путь наш прям, товарищ Ворошилов.

Смотрю сейчас на твой портрет,
И вижу по вискам: ты — сед.
О вождь, рожденный для побед,
Прими салам, товарищ Ворошилов!

Сталь-Сулейман — простой старик.
Язык народа — мой язык.
С народом я пою: велик
И близок нам — товарищ Ворошилов!

*Перевел с лезгинского
С. ЛИПКИН.*

Старики

РАССКАЗЫ

С. ДИКОВСКИЙ

★

ЕГОР ЦЫГАНКОВ

В семьдесят лет потянуло Егора на Север. Не бродить, не искать, как прежде, Жар-птицу в тайге, а пройтись по земле, не спеша, без пилы и лопаты, легким шагом милого гостя.

Пить бы чай на базарах, спать на сене, беседовать в поездах и дойти, наконец, до золотого ключа, что шумел когда-то от Байкала до самого Питера.

Здесь он первый построил шалаш из корья, первый принял в ладони окатное, тусклое золото.

Был Егор знаменит, по-дурному — пестро, горласто. Носил шаровары синего плеса и золотую серьгу, катал в гарантасе голых арфисток, запивал солонину шампанским. Жил лихо, угарно — год в тайге, день в трактире. И слава носилась, как тень, за курчавым, хмельным приискателем.

«Егоркин ключ» — так было отмечено на всех картах и написано на деревянном столбе возле первого шурфа. Егоркин ключ! Навек! Навсегда!

Он часто с тревогой и болью вспоминал о столбе. Если что и осталось от легкой егоркиной славы, так только бревно: смолёное дерево переживает людей.

Миллионщика из Егора не вышло. Через тридцать лет, помятый, остывший, испробовав все, что возможно, он пошел в сторожа на молочную ферму. То была работа не трудная, но обид-

ная. Не в характере Егора было ходить по ночам вдоль коровника.

Он часто рассказывал приятелям о знаменитом ключе, где жили в приисковой лесной простоте: дымно, страшно, весело, дико. Рассказы были, как солдатские сказки, — бравые, озорные, но с какой-то непонятной горчинкой, точно Егор и жаловался на что-то, и тайно завидовал.

Да, пожалуй, так и было. Хоть и бежал он от золота, от цынки, от таежного гнуса, хоть женился и вырастил трех сыновей, а беспокойство осталось. Рано ушел... Ослабел. Не дождался, когда золото снова улыбнется с лотка. Тайные мысли, как табачная пыль в кармане: хочешь — мой, хочешь — трясси, а положишь кусок хлеба, и опять — старая горечь махорки.

Если слушали Егора, то с усмешкой. Никто из приятелей не верил ни в золотой ключик, ни в самородки, величиной с конскую голову. И частенько, прохаживаясь один вдоль забора, Егор-приискатель рассказывал Егору-сторожу все, что помнил о прииске, — и оба были довольны.

... Сыновья помогли Егору деньгами. Старший — счетовод кондитерской фабрики, обстоятельный и важный (отец его немного побаивался), — медленно отсчитал двести сорок тройчатками. Младший — шофер такси, говорун и насмешник неожиданно отвалил во-

семьсот. «Дурак, легко кидаешься» — подумал Егор с неприязнью, но деньги взял и даже поцеловал сына в щеку.

Зная, как страшна дорога на прииск, он тщательно подготовился: кроме парадных сапог из плотной гамбургской кожи, заказал пару ичиг — просторных и легких, точно чулки, насушил ржаных сухарей и в мешок, вместе с продовольствием и носильными вещами, положил тополевы́й лоток, бересту, накомарник и спички в железной коробке. И ушел.

Отговаривать его не пытались, да и надоед всем Егор своей глухой воркотней. Он был из той упрямой стариковской породы, для которой рожь в старину была выше, солнце ярче, куриные яйца крупнее. Рослый, носатый, с жестким ртом хитреца и колючими голубыми глазами.

... На шестые сутки Егор слез в Чите и обрадовался городу, как милому другу. Все здесь было знакомо по прежним поездкам: и прямые, тихие улицы, и театр с фасадом в виде лиры, и сад за белой оградой, и краснощечие бурятки, в стеганых шапках с кистями, и песчаная нагорная часть, где сосны растут в палисадниках, как на юге акации.

Целый день ходил он по городу, открывая знакомые улицы и дома, и постепенно радость сменялась досадой. Стало заметно, что мил-друг не брит. Заборы рассыпались, тротуары сносились, обшарпанные дома гадели невелико. Вместо извозчиков, увязая в песке, ездили два грузовика с фанерными будками, в каких обычно возят хлеб. Кондуктора называли их горделиво — такси, а пассажиры — собачьими ящиками. Сразу было заметно, что сильный город находится на заштатном положении.

Но еще досаднее стало Егору, когда он пропустил подряд шесть поездов на восток. То ли другие пассажиры были нахрапистее, то ли не в ту очередь Егор попадал, но каждый раз, когда он добирался до кассы, окошко было закрыто.

Он собирался втихую протиснуться в тамбур и уже соображал, как вернее

обойти контролера, но в последнюю минуту кто-то из соседей сказал:

— Эх, отец! Было бы у тебя денег потолще — летел самолетом! Приисковые все летают.

Приисковые! А почему бы и нет? Егор даже обиделся. Мало, что ли, пито-сорено в этих местах? Самокрутки из катек крутили. Всю Аргунь спиртом поили. А портянки из бархата! А верблюжьей тройки в парчевых попонах! Да помнит ли кто егоркино дикое золото! Фартовые деньги, что степные ручьи. Вздудись, отшумели, а караси опять на мели.

Стакан коньяку, пропущенный на тощак у буфетной стойки, окончательно разрушил сомнение старика. Самолет! Триста целковых! Ну и что ж? Разве нельзя пошуметь немного под старость?

И только на аэродроме, получив талон с голубой полосой, Егор понял, что сделал глупость.

Летчик-мальчишка в волчьей куртке и фетровых сапогах не понравился старику: тонкорук, жидок, вертляв. Да и машина была ненадежная, слишком легкая, обшитая крашеной парусиной.

В тесную кабину влезли вдвоем с молодым техником, добравшимся на север из Крыма. В городе техник купил арбуз, но доест не успел и держал остаток на коленях завернутым в бумагу. Они летели в одном направлении. Егор — на Егоров ключик, техник — в город Удачный, где выстроен недавний химический комбинат.

Не успели они расположиться удобнее, как винт взревел, увлекая машину вперед. Мимо бортов понеслись клочья травы, бумага, солома. Самолет затрясая, пробежал по площадке и замер. «Не берет!» — подумал Егор облегченно. Он уже хотел вылезти и потребовать деньги обратно, но, взглянув за борт, испугался.

Самолет низко висел над дорогой, а навстречу неслись крыши, утренние, длинные тени стогов, телеги, коровы, кусты. В морозном воздухе слоями плыл дым. Чита уходила на запад, подмигивая светофорами, стеклами, последними фонарями... Боком, боком упала

вниз галка, нырнул под крыло паровоз. Иней на плоскостях самолета сверкал нестерпимо — шли прямо на солнце.

Вдруг город накренился, завертелся степенно и плавно, точно карусель на разбеге, а небольшое озерко за мостом стало боком — вот-вот опрокинется в степь.

Арбуз упал и покатился под ноги. «С ума сошел, чортов мальчишка. Лево! Лево! Эх, жизнь!». И Егор поспешно подобрал голову в плечи.

Так, зажмурившись, вцепившись в борта, с бородой, задранной к небу, он готов был принять обидную смерть. Но мотор ревел теперь глуше, спокойнее. Ветер стал неожиданно мягок, а сквозь веки просвечивала ровная солнечная теплота. И Егор осторожно открыл один глаз.

Перед ним в круглом зеркальце виднелся край шубы и легкая белая масочка мальчишки-пилота. В узких щелях поблескивали озорные глаза. «Шалыган какой-то, — подумал с обидой Егор. — Наблюдаешь? Обрадовался!».

Он с трудом поймал бороду и, заправив ее за ворот овчины, сделал вид, что зевает: подумаешь, самолет, — и мы, однако, летали достаточно.

Шли на большой высоте над просторной землей. Всюду горбатились сопки, заросшие бурой, кабаньей щетиной. Река лениво покачивалась в просвете между верхним и нижним крылом. Кое-где над тайгой стояли озера молочного дыма. Горело мелкоколосье. Бледные огоньки еле шевелились в хвойной шкуре, оставляя седые подпалины.

На полдороге к приску техник вдруг расщедрился и предложил Егору закончить арбуз.

Они ели его на ветру, собирая семечки в горсти. Липкий сок тек от кисти к локтю, вызывая озноб. Техник вскоре ослаб и хотел выбросить за борт горбушку, но Егор не позволил. Он доскреб мякоть ложкой, а сок выпил из арбуза, как из чашки.

Потом они стали беседовать, крича во все горло, но не понимая друг друга.

— Иркутск? Го-го-го... Викентий Корнилыч... Четыре шурфа го-го-го... — кричал техник.

— Го-го, в девятьсот третьем... Обратно на ключ, го-го-го!

Егор сидел на мешке, согнув колени, удивляясь, почему ветер задувает с хвоста самолета. Вытянуть ноги мешали педали, все время качавшиеся на дне кабины. Стоило упереться в одну из них, как педаль упруго возвращалась на место, а летчик в зеркальце грозил кулаком.

Вокруг было все то же. Тайга, ленивые реки, распадки, дымки. В оранжевом воздухе кружились тончайшие ледяные иголки.

Тайга... урчание мотора... солнце... тайга... и Егор задремал.

★

До прииска было далеко. Егор помнил это отлично. Стерлись имена, лица, названия рек и станиц, но прочно осталось ощущение бесконечной, нестерпимо тяжелой дороги тайгой. Вьюками и на плотах добирались на ключик двадцать семь суток.

... Пролетели горное озерко, миновали угрюмый хребет Оловянный, пожарище, плюгавую реку Чижовку и вышли, наконец, к городу Удачному, где работал спутник Егора.

Городок был горный, красивый, с белыми каменными домами и садом в виде звезды. Рядом с ним, в котловине, точно овцы, теснились старые избы. А по широкой дороге, к заводу, шли десятки, если не сотни, машин.

Егор хотел было спросить, какой продукт выпускает завод, но во-время остерегся, вспомнив, что химия — дело секретное. Да и поздно было: сильно стреляя, самолет уже шел на посадку.

Техник сразу выскочил из кабины и побежал по тропинке к поселку, а Егор с наслаждением вытянул ноги и утопил нос в овчине. Он оглох, размяк от долгого шума мотора. Что ни говори, а на твердой земле спать спокойнее.

— Да вы что? — спросил пилот удивленно. — Укачались?

— Ступай, ступай, — строго ответил Егор. — Хочу — сплю, хочу — песни пою, мое место плацкартное.

Он так разворчался, что и слушать не хотел мальчишку-пилота, болтавшего разные глупости. Мало ли, что самолет никуда не пойдет. Триста целковых заплачено! Если мотор — барахло, пусть дают другую машину, хоть на руках несут до ключей.

И только, когда подошел толстый начальник, с крылышками на рукаве, и объяснил, что Егоркин ключ и город Удачный — одно и то же, старик разом стих и позволил вынуть мешок из кабины.

— Значит, Егоркина ключа теперь нет? — спросил он тревожно.

— Значит, нет, — ответил начальник.

— Что же, кончилось золото?

— Нет, не кончилось. Вы к кому?

Улыбочки, которыми обменялись пилот и начальник, неприятно кольнули Егора. «За вербованного, за сезонника принимают» — подумал он с горечью, но вслух сказал нарочито важно и строго:

— Про то нам известно. К самому главному.

Пошатываясь (еще гудело в ушах), он спустился под гору и пошел вдоль заводского поселка, недоверчиво спрашивая на каждом углу:

— Это что, прииск? Егоркин ключ тут?

Пожилые отвечали утвердительно, молодежь пожимала плечами, а большинство встречало Егора либо подмигиванием, либо смехом. Рослый старик, в сбившейся шапке, казался всем пьяным, и так как ответы не сходились, тревога охватывала Егора все сильнее и сильнее.

Мало ли за Байкалом схожих долин и ключей. Раньше была тут гора, крутая, лобастая, до вершины заросшая кедрачом. Теперьazole дороги высились груды белого щебня.

Егор помнил: вот здесь, под увалом, стояла китайская харчевня, с красным бумажным тюльпаном у входа, — ханшу разливали прямо из жестяных контрабандных баночков. А рядом — знаменитый чуринский магазин, под цинковой крышей, с ковровой дорожкой, выбегавшей в грязь навстречу старателям. Тут

была площадь... Колодезь... Чугунное било... Изба с голубой вывеской «Вена» и зеркалами у входа. А где же сам поселок Рассыпка — мелкоглазые избы, землянки, шалашы из корья, все щелястое, вшивое, слепленное наспех руками будущих миллионщиков?

Да был ли тут прииск? Охваченный тревогой, он шагал все быстрее и быстрее, заглядывая во дворы. Ручей... мост... Тот ли? Всюду рядами стояли белые, двускатные дома-близнецы, двухэтажные бараки, палатки со стеклами. Строились здесь по-заводскому, навек, с чугунными трубами, дренажем и фундаментами. Кое-где вдоль фасадов торчали даже прутья саженцев. И солидность эта, странная для прииска, особенно смущала Егора. Он знал твердо — золотая жила, что лисий хвост: вильнет, поманит и снова уйдет. Лес в Рассыпке шел больше на гроба, чем на избы.

Наконец, он нашел то, что искал. Не Рассыпку, но частичку ее — низкую, черную баньку возле ручья. Теперь здесь не мыслилось. Во дворе лежал на козлах керосиновый бак, внутри фанерной пристройки громыхали железом, но все-таки Егор сразу узнал дом по ставням, с вырезами в виде тrefовых тузов. Он сам сколотил эти ставни за пять золотников рассыпного.

К нему постепенно вернулась былая уверенность. Нашелся дом, найдутся и старики, помнящие молодого Егора. Пускай, кому нравится, называют прииск Удачным. Первый лоток и первый шалаш были егоровы. И гора егорова, и ключ, и поселок!

Не спеша, отыскал он контору, поручил курьершам мешок и вошел в приемную главного, улыбаясь затаенным своим мыслям о встрече. Открывать себя сразу Егор не хотел. Пусть попробуют разгадать птицу по перьям.

К директору было добраться не так-то легко, мешала любопытная секретарша. В приемной толпились какие-то люди с бумажками и чертежными кальками. Но Егор взял хитростью. Он стал возле самой двери, делая вид, что читает плакат, а когда вышел какой-то воен-

ный, расправил бороду и двинулся вперед всех,

В кабинете сидело человек десять старых и молодых, по виду начальников. Егор, не спеша, обошел их всех, вежливо кланяясь и подавая мясистую ладонь. Последним поздоровался он с директором, коротеньким человечком в военном костюме.

Все начальники смотрели вопросительно. И Егор, улыбнувшись, сказал:

— Ну, вот и мы... Прибыли, наконец.

— Вижу, — ответил директор. — Чем я обязан?

— А ничем... Сорок лет не видались. Директор пристально посмотрел на счастливое, потное лицо посетителя и поморщился:

— Понимаю... Вы, кажется, уже с утра.

— Ни боже мой, — закончил спокойно Егор. — Натощак не балуемся.

Он хотел еще немного поиграть в протаска, в чужого для прииска дядю, но директор уже тянулся к звонку. Приходилось поневоле ходить с главного козбля.

Егор все же дождался истопника и, только когда его взяли за локоть, торжественно объявил:

— А ведь Егор-то... Цыганков... — это я!

Все с недоумением посмотрели на здоровенного носатого старика, в распахнутой шубе, под которой виднелся ватник. Он походил на загулявшего сторожа склада. А Егор подмигивал инженерам хитрыми голубыми глазами и медленно свретывал самокрутку, наслаждаясь произведенным впечатлением.

Теперь немного смутился директор. Только на-днях областная газета упрекнула его в черством отношении к людям.

— Ах, Цыганков! — сказал он, сясь что-то вспомнить. — Позвольте... Егор Цыганков... Ну, конечно...

— Мирон Львович, — крикнула секретарша, — да, ведь, это калильщик буров с восьмой-бис! Вы его сами посылали на грязи.

Но Егор покачал головой. Он не хотел принимать чужой славы.

— Егор, да не тот, — ответил он важно. — Прииск-то нашего имени.

Его не сразу поняли, а поняв, не сразу поверили. Пришлось достать из шапки клееночку и показать все, что сохранил Егор на память о приiske: и чуринский счет на солонину, и порох за 1906 год, и штрафную квитанцию, и карточку, где молодой, курчавый старатель был снят навтытяжку между граммофоном и фикусом.

Директор слегка удивился: основатели присков ни разу ему не встречались. Но так как он был человек практичный, склонный к решительным действиям, то сразу пригласил редактора приисковой газеты.

— Случился один казус, — сказал он, кивнув на Егора. — То-есть никакого казуса нет. Этот товарищ — тот самый Егор... Открыватель. Познакомьтесь... Устройте. Используйте... Что было, что есть. Он вам расскажет.

И открыватель отправился за редактором. Сначала в столовую, потом к главному инженеру, потом в бюро ИТР, завком, гостиницу, клуб и, наконец, в редакцию «Красного золота».

Весь вечер шустрый человечек в ковбойке и крагах, чмокая губами, записывал рассказ приискателя. А на следующий день Егор, с трудом узнав свой портрет по бороде и пробору, прочел, что: «глаза ветерана при виде крупноблочных трехэтажных домов подозрительно заблестели».

— Почему же подозрительно? — спросил Егор с обидой.

— Это метафора радости, — ответил сотрудник.

Так слава, расставшаяся с приискателем лет сорок назад, снова улыбнулась Егору. Он не искал ее, скорей сторонился, мечтая пройти по знакомым местам втихомолку: она сама брела за ним, по-старевшим, спокойным, заставляя здороваться с десятками незнакомых людей.

К нему прикрепили провожатого — краснощекого, восторженного техника в круглом пенсне. И тот, стараясь рассказать о золоте все, что сам недавно

узнал, говорил без-умолку, не давая Егору вставить ни одной фразы.

Первым делом он повел Егора к конусам белого щебня, таким высоким, что их хватило бы замостить всю долину.

— Обратите внимание на характер псевдокальцитов! — воскликнул провожатый, умащивая стеклышки на носу. — Рудное золото, по гипотезе Кедрова, — результат интрузии магмы... интрузия, как бы вам об'яснить? Это вроде школьного опыта. Ртуть под давлением проходит сквозь пробку. Так и здесь. Когда-то под страшным давлением в гору ворвалась золотоносная масса, ворвалась, и вот... миллиарды брызг, не доступных глазу... мельчайших! Это губка, которую мы теперь выжимаем.

Он поглядывал на Егора снизу вверх с почтительным любопытством. И каждый раз, переходя через канаву, поддерживал рослого старика под локоть.

Техник старался говорить понятно, но Егор уловил только одно: была гора — и нет больше горы. Одни ямы да грядки белых камней.

Он терпеливо ждал, когда техник покажет бутару, но они шли все дальше и дальше, мимо копров, дробилок, железных решет, под висячими канатами, перекинутыми с сопки на сопку, а старателей все еще не было видно. Навстречу им попадался странный, совсем не привычный народ: горластые девки в резиновых сапогах, шахтеры с лампочками на брезентовых шляпах, машинисты в лоснящихся ватниках.

Егор не выдержал.

— А где же золото моют?

— А мы его не моем, — ответил провожатый, смеясь. — Мы грызем, извлекаем...

Он показал на машину, присевшую у дороги, точно большая лягушка. Мерно раскачивая чугунной челюстью, она жевала белые глыбы, и сквозь скрежет, вопли и писк доносился торжествующий голос человека в пенсне:

— Бутары — хлам, ветошь... Здесь хозяева — отбойный молоток, аммонал, растворители... Нам дикого счастья не нужно. Прежде был фарт, теперь арифметика. Четырнадцать грамм на тонну. Понятно?

«Да видел ли ты настоящее золото?..» — подумал Егор, а вслух сказал ядовито:

— Чудно-о... Вроде еловых шишек.

Они спустились под гору, к низкому бревенчатому сараю, где была прежде бегунная фабрика, и Егор с облегчением услышал знакомые мельничные перестуки и гул. Все здесь было по-старому: так же, погруженные наполовину в мутную воду, вертелись чугунные бегунки, так же блестела на медных листах амальгама и шумела вода в желобах. Вся эта карусель, заведенная бельгийцами в 1903 году, кружилась не спеша, массивная и скрипучая.

Техник махнул на нее рукой.

— Дедова мельница! — сказал он громко. — Циан — самое верное дело.

Они пошли дальше к сопке, уставленной голенастыми вышками. Но на полдороге провожатый неожиданно свернул к больнице. И как Егор ни ворчал, техник заставил его пройти по всем палатам нового корпуса, где кровати отражались в половицах, точно в воде.

Ему показали странные круги с дырочками, шлемы, белые кресла, синие лампы, гармоники с матовыми стеклами и медные шары, о которые с треском билась лиловая искра.

Маленький, сутулый врач, щуря близорукие глаза, быстро перечислял:

— Шарко.. Дарсонваль... Солюкс... Горное солнце... Рентген...

Белый халат резал Егору подмышки. Он шел на цыпочках по скользкому полу и, стараясь сохранить равнодушие и строгий вид бывалого человека, говорил:

— Известно... Шарков... Он своего требует... Обратно же ревматизм...

Под конец Егору показали маленькую комнатку и кровать, где из подушек торчал пепельный нос и доносилось побряхтывание.

Врач сказал с гордостью почти отцовской:

— Уникум! Рана в сердце... ножом... Шов — два сантиметра.

— А у нас в околке зарезали фельдшера, — вспомнил некстати Егор, — садовым ножиком. Вот сюда.

Он не спеша расстегнул ворот и показал ямку над левой ключицей.

... До рудника они добрались только к обеду. Егора долго водили с шахты на шахту, и в одной из них восторженный техник, представляя гостя сменному инженеру, воскликнул:

— Вот вам живой брет-гартовский тип.

— Ну, а как же, — ответил, не слышав Егор. — Видали, конечно.

Шахты были просторные, с канатной тягой и трубами, шипевшими под ногами. Кое-где горели в железных намордниках лампочки.

Егор удивился длине штолен. Вся сопка, такая тихая с виду, была пронизана узкими ходами, огоньками, наполнена скрипом деревянных лестниц, шумом насосов, треском пневматиков. И в каждом тупичке он видел кружок света, спину в брезентовой робе и молоток — упрямый, жадный, неистовый, погрузивший в кварц дрожащее жало.

Изредка их останавливали в какой-нибудь щели, заставляя переждать взрыв, и тогда могучий и мягкий толчок встряхивал гору так сильно, что крепи отзывались испуганным треском.

Все это было настолько не похоже на принск, что Егор рассматривал шахту спокойно, с легким любопытством постороннего человека. Но постепенно подземные толчки и вид прогнувшихся бревен наполнил Егора боязливым уважением к людям, настигнувшим жилу на такой глубине.

А когда они очутились, наконец, на заводе, для которого пять тысяч людей день и ночь разрушали окрестные сопки, Егор совсем растерялся.

В большом, гулком зале, совсем как на бойне, стоял мутный рев. Что-то живое, огромное, мокрое ворочалось среди цеха. Раскачивались чугунные лапы, чавкали измазанные глиной губы, с тяжким грохотом поворачивалось железное брюхо, застегнутое на заклепки. Временами из-под колес вырывался скрежет или насадный визг камня, обреченного на смерть. Гора шла в разбол с глухим ропотом, стонами, точно не желая расстаться с золотой пылью.

Зато в соседнем помещении, где струилась широкая тропа ременной передачи,

было тихо и холодно. На высоких деревянных чанах белели плакаты: череп с костями. И у каждого рабочего висела на поясе тупорылая масочка. Егор наклонился над чаном: грязная пена пахла неожиданно — миндалем.

— Осторожней, отравитесь! — предупредил провожатый. — Слышите? Здесь циан.

Он заговорил о каком-то странном яде, растворяющем золото, словно сахар. Но Егор слушал плохо. Возле него по высокому мостику расхаживал полный достоинства курносый мальчишка в белом халате. Время от времени он доставал черпачком воду из чана и нес ее к столику, где за книжкой сидела девица в очках и беретке.

— Так вот какие теперь прискатели... — заметил в раздумьи Егор.

— Я не прискатель, я лаборант, — отозвался быстро парнишка.

— Все едино. Целковый есть рубль Как фарт?

— Не знаю... У нас норма.

Егору стало грустно. Куда делся добрый шлах — тусклый, грузный, который прочесывали большими магнитами.

— А где же золото?

— Да вот оно! — ответил техник, смеясь.

Он показал на чан, полный бирюзово-вой воды.

Глупая шутка рассердила Егора.

— Вижу, — сказал он сухо. — Веселый вы человек!

— Я серьезно.

— Варил один солдат из топора щипи...

Он долго сопел и косился на техника, пока тот не догадался отвести старика в литейный цех, где ноздреватые губки переплавляли в кирпичики.

Здесь в квадратной печи гудело короткое, белое пламя, на столах под стеклянными колпаками стояли весы, а пахло в зале не то москательной лавкой, не то аптекой.

От синих очков Егор отказался, опасаясь подвоха. Усталый и оглушенный грохотом барабанов с рудой, он долго смотрел в круглое стеклышко. Пламя было нестерпимо, по щекам текли слезы. Однако Егор стоял твердо, сисясь

разглядеть в изложницах золотые кирпичики.

— Понятно... Пробу в градусах нагоняете, — сказал он загадочно.

Инженер улыбнулся и вместо ответа подал Егору теплый кирпичик. Слиток был настоящий — зеленовато-желтый и такой тяжелый, что у Егора заныла рука, но все-таки он усмехнулся и горько сказал:

— Похож карась на орла!.. Только перышки разные.

— Не понимаю...

— А нам ясно. Легко, и проба не та.

Инженер засмеялся:

— Вот вы какой... Фома.

— Нет-с... Я Егор.

На вопросы он отвечал сдержанно, односложно, подозревая, что самое главное все-таки скрыли. И даже по дороге в поселок все еще посапывал и бубнил насчет дошлых химиков.

Ночевал Егор на горе, в легком деревянном флигеле с башенкой. Комната была слишком большая для одного. На оранжевых стенах висели чудные картины: петухи, зайцы, морковь, голые дети.

— Это спальня трехлеток, — объяснила девушка в белой наколке. — Интернет теперь на Серебряной речке.

Она бесшумно прошла по комнате, открыла окно и исчезла — точно растворилась в сумраке коридора.

Потолок был высок, воздух легок и чист, но спал Егор плохо, мешала драга. Всю ночь она выла, кашляла, скрежетала в луже под горой, разбивая значительные и важные мысли, накопившиеся у Егора за день. Временами сквозь фрамугу врывался круглый прожекторный столб — машина с рудой спускалась под гору: тогда по стене пролетали перекошенные тени деревьев и рамы.

Среди ночи, ворочаясь под фланелевым одеялом, Егор вспомнил, что у двери нет задвижек, а сапоги стоят на виду. Вытяжки были богатые, гамбургские. Стой хоть месяц в воде. Обеспокоенный, он вытер халявы о коврик и уложил сапоги под матрас. Стало немного легче, но сон не пришел. Хотелось высказать вслух суждение о рудни-

ке, поспорить, хотя бы просто поворчать при постороннем человеке.

Он вскочил и долго разгуливал по половицам. Краска еще не устоялась, и ступни слегка прилипали к холодному полу. «Лазарет...» — думал с досадой Егор.

На рассвете он не выдержал. Завязал в холстину лоток и, крадучись, вышел из дому. Не терпелось встретиться с землей один-на-один. Ведь осталось где-нибудь настоящее золото, грузное, ковкое, податливое и ногтю, и зубу.

Он быстро спустился к реке и зашагал вдоль странных грядок, которые заметил еще вчера по дороге на прииск. Островерхие, голые, они занимали всю восточную часть долины. И чем дальше уходил Егор от поселка, тем больше удивлялся человеческой силе и жадности. Похоже было, что вдоль реки прошли великаны с плугами. Они содрали со всех сопок хвойную шкуру, обнажили, поставили дыбом мерзлую глину, а потом пустили по горам и падам огромные бороны: там, где прошли их тяжкие зубья, тянулись теперь крутые отвалы: мокрая галька, камни, песок.

Было холодно. На теневой стороне отвалов и ям лежал снег.

Вскоре Егор нашел то, что нужно. Под обрывом рылся в сучьях и гальке ручей. Кое-где на излучинах темнел песок — крупный, тяжелый, с редкими блестящими пирита и кварца. Место было верное — у Егора сразу вспотели и ослабли руки, совсем как сорок лет назад, когда артельщик снимал с бутары печать.

Он выбрал место, где вода казалась уносистой, поддел песок краем лотка, и сразу, повинуясь нетерпеливым рукам, камешки затанцовали, закружились по шершавому дереву.

Он несколько не разучился. Руки его, ритмично покачиваясь, встряхивали лоток мягко и сильно. Первой сползла земля, потом мелкий песок. По самому краю заскакали пустяковые, но упрямые камешки. Егор скинул их щепкой и снова принялся гонять по лотку тяжелую массу. Он был увлечен, глух ко всему, кроме шуршания песка и камней. Смы-

вал... подкидывал... отбрасывал мелочь, стараясь не глядеть в знакомую лунку.

Как всегда, золото хитрило, пряталось в самых тяжелых железистых крупинках. Но Егор знал твердо: оно улыбнется под самый конец, когда руки готовы опрокинуть лоток.

Посмеиваясь, он вынул из кармана магнит и медленно разгреб черную кучку. Подковка сразу обросла бородой.

Он нагнулся... Ерунда!.. Кварц, железняк. Что ж! Первый лоток всегда холостой.

Он зачерпнул и промыл горсть песка. Ни крупинки! Это бывает. Надо бы подняться чуть выше. Промоина — верное место.

Шесть пустых лотков несколько не смутили Егора. Тем лучше. Значит, козырь в колоде. И он отправился вверх по ручью, сначала к промоине, затем к бочажку, излучине, перекаату, останавливаясь изредка у подозрительных мест, чтобы снова взять пробу.

Чем выше поднималось солнце, тем сильнее росло нетерпение приискателя. Напрасно он пытался успокоить себя воркотней. Пусто! С таким же успехом можно было искать золото в калужских суглинках.

Он стал горячиться. Швырял на лоток комья земли, скатывал, торопясь, и тряс... тряс... тряс... старческими, лиловыми от холода руками, точно стремясь вырвать у земли признание в преступлении.

Наконец, он устал. Бросил лоток, задубевшие руки сунул за пазуху.

— Шабаш! — сказал он с обидой. — Кончился фарт!

Кто-то негромко засмеялся. Он оглянулся и увидел девушку в беретке и лыжных штанах. Она стояла на обрыве возле треножника и нацеливалась трубкой на пеструю палку.

— Смешной вы человек, — сказала она мягко. — Ведь здесь прошла драга.

— Ну, и что же?

Вместо ответа девушка улыбнулась. Вероятно, он был действительно смешон — измазанный глиной, с багровым от досады лицом.

— Боюсь, вы ничего не найдете, — сказала она.

Егор озлился. Он терпеть не мог, когда его учили, особенно бабы. Он скривил было рот, собираясь сказать что-нибудь вредное, но девчонка была совсем молоденькая, длинноногая, с ясными глазами зверька, и Егор сдержался.

— Гляди в трубку... жужелица! — сказал он презрительно. — Нам лаборантов не требуется.

И ушел, вытирая руки о ватник.

Техник уже ждал его у столовой. На этот раз он повел его прямо к луже, где среди щепы и битого льда плавала драга — странное сооружение, похожее сразу на баржу, элеватор и морской кран. Она беспокойно ворочалась на месте, подгрызая ковшами обрыв, а из длинной железной трубы бесперывно сыпались камни и сочилась вода.

После неудачной утренней разведки с лотком Егору не хотелось смотреть на машину.

— Это нам известно, — сказал он ворчливо. — На ялах работает.

— А вот и ошиблись. Тут золото рассыпное. Старательское. Кстати, на драге — старичок любопытный. Должно быть, вас помнит.

Они поднялись наверх и в стеклянной будке нашли капитана. Маленький, волосатый человечек, в охотничьих сапогах, грыз копченую рыбку. Увидев гостей, он немного смутился и накрыл завтрак газетой.

Егор первый узнал капитана:

— Мурташка! Милок, это ты?

Удивленный фамильярностью, капитан сухо ответил:

— Да... То-есть... Муртаза Ахмет — это я.

И тут же заулыбался, узнав старого друга.

Они расцеловались.

— К нам, навсегда?

— Нет, друг, — сказал довольный Егор. — У нас свое назначение.

— Служишь? А кем?

Егор помедлил с ответом. Стыдно было признаться, что сорок лет пропал зря. Он важно соврал:

— Кем? В инспекторах числюсь... Тысяча двести целковых...

— Ну-ну, — сказал изумленный Мурташка и даже покрутил головой.

Старики помолчали. Они так долго не виделись, что говорить было не о чем.

— Чего ж ты молчишь? — спросил гость. — Прежде ты браво рассказывал.

— Вольтаж меня режет, — сказал капитан. — Норма сто двадцать, дают — девяносто.

— Только?

— Ну да.

— Табак твое дело, — заметил Егор равнодушно.

Они посмотрели в окно на отвалы. Ковши лезли вверх, блестя отточенными краями. Слышался визг, точно отворяли сотню ржавых дверей. Железный пол в рубке дрожал так сильно, что Егор с непривычки лязгал зубами.

Он покосился на мурташкины сапоги. Полуболотные... Целковых четверста. Поди, заважничал, капитан.

Вспомнив разговор с девчонкой у ручья, он кивнул в сторону каменных грядок:

— Так это ты вычерпал золотишко?

— Да, это я, — ответил тот просто.

Егору стало немного спокойнее. Как ни говори, своя прискательская рука.

— Так я и думал, — сказал он облегченно. — Одним лаборантам не взять.

Вскоре техник ушел, и Мурташка увел гостя наверх. Он и в самом деле считал себя капитаном, хотя драга за сутки проходила не больше двух метров. И слова тут были морские: трап, палуба, навигация, вахтенный журнал. Даже мальчишку-лодочника, отвозившего посетителей на берег, называли здесь гордо — матросом.

У входа в маленькую комнатку сидел милиционер. Заметив Егора, страж вскочил и взялся за кобуру.

— Посторонним нельзя, — сказал он поспешно.

Но капитан протолкнул гостя вперед:

— Инспектор... С разрешения дирекции.

И Егор снова увидел настоящее золото.

Контролер, важный, седоусый старик, держа одной рукою совок, другой прикрывал его сверху, точно боялся, что крупинки разлетятся от ветра.

Золото ссыпали в чашку весов. Оно было ровное, чистое и светилось мягко. словно сухое пшено. Трое стариков склонились над ним, и каждый по привычке ругнул тощую землю.

Впрочем, все трое были довольны: «пшено» наполнило доверху холщевый мешочек.

Они посидели еще немного, вспоминая знаменитый в прошлом столетии ключик Желанный. Но беседа не разгоралась. Мурташка все время поглядывал на часы:

— Однако, друг, прощай, — сказал капитан неожиданно. — Вечером приходи.

— Прощай, однако, — машинально ответил Егор.

Он спустился по трапу, оглушенный, притихший, унося в ушах томительный визг драги, и до вечера ходил по поселку, отыскивая знакомые углы и друзей.

Стариковская память капризна. В семьдесят лет уже не мог сказать Егор, как звали присковую мамку — бабу ласковую, падкую до курчавых, но подарок ее — берестяную табачницу с незабудками — помнил твердо, и полушалок ее, красный, с большими стрючками, и счастливый смех глупой бабы в шалаше из корья. А вот с кем ушла от него, Егор не припомнил.

Кроме Мурташки, никто во всем городе не мог вспомнить Егора. Да и сам он шел по земле, не узнавая ни лиц, ни домов. Больше всего удивлялся Егор строгости жителей. То ли водки завозили небогато, то ли разучились старатели пить, но пьяных на приске было мало. Один только раз возле прискового ресторанчика увидел Егор настоящего, всерьез загулявшего прискателя.

Толстогубый, чубатый парень в плюсовых шароварах, кушаке и сапожках гармоникой, лежал на спине посреди шоссе и грозил кулаком машинам.

Несколько раз шоферы оттаскивали пьяного на обочину. Но, едва машина трогалась, прискатель, изнемогая от хохота, приползал и ложился на старое место.

Егора развеселила пьяная настойчивость прискателя.

— Эх, пофартило парню, колупнул золотишка!

Но какой-то прохожий сердито ответил:

— Это наш счетовод... Москвич... Начитался романов, балда!

И Егору снова стало обидно и грустно. И этот не настоящий. Плисовые штаны... Мальчишка! Дурак!

Он посмотрел на счетовода с досадой, точно на фальшивый гривенник, а, когда пьяный снова остановил машину, Егор схватил дурака за ноги и с наслаждением оттащил под откос.

— Лежи, ферт несчастный! — сказал он сердито.

Зайти к Мурташке Егор не успел. Вечером приехала машина и увезла его в клуб. Здесь гостя усадили за стол, рядом с главным инженером и барышней с карандашиками, и председатель сказал, кивнув на Егора:

— Тут, между прочим, сидит наша живая история... Знаменитый старатель Егор Цыганков. Просим рассказать его про царскую каторгу.

Все захопала, и Егор поклонился. «Помнят все-таки, — подумал он, шуясь. — То ли дальше будет».

Он, не спеша, влез на трибуну и громко сказал:

— Привет вам и здравствуйте, дорогие старатели-горняки! Расскажу вам все по порядку, как видел и что испытал понемногу... Жили мы обыкновенно, можно сказать, исторически... Больше в землянках. Год цынгуюем, неделю гуляем... Мальчиком я сотенный билет только один раз видел на пасху, во сне. А тут сразу почти в миллионщики вышел...

Он рассказал про знаменитую четверговую дележку, когда прискатели, смеха ради, напоили свинью коньяком и сожгли вместе с китайской харчевкой.

— Крику было! — сказал, жмурясь, Егор. — Мадама китайская в одних сподниках выскочила. Хозяин сначала за ведро, потом плюнул... Сам хворост подкладывал, крыша горит — он громче прочих хохочет. Знал, как старатели забаву оплачивают.

Он подумал и стал рассказывать про сумасшедшего конторщика Чиркова, ко-

торый даже тарелку с кашей принимал за лоток, потом про рябчика, указавшего клювом на знаменитую россыпь Желтуху.

Зал был просторный, гулкий, как бочка. И Егор, сгоряча говоривший громко и складно, вскоре начал сбиваться. Он никогда не выступал перед большими собраниями, а озорные истории, которые так хорошо рассказывать хмельной компании, звучали в этом огромном зале неумно и невесело. Неожиданно он вспомнил старую обиду на бельгийца Роберта Карловича и рассказал, как управляющий обсчитал его на одиннадцать золотников, что никому не было интересно. Потом сообщил вдруг, как воровали золото на кабинетских участках, унося его в ноздрах, в салых волосах и на подошвах смазанных дегтем сапог.

Он хотел рассказать еще о драке на троицу, когда зарезали писаря Шашнева, но председатель уже звонил в колокольчик:

— Вот так и жили, — сказал Егор, уходя. — Весело жили!

Аплодировали дружно, но многие, особенно в передних рядах, переглядывались и откровенно смеялись.

Егор слышал, как инженер, наклонясь к председателю, заметил:

— Ну, к чему?.. Вот вам живая история!

А когда закрыли занавес, старичок-истопник, всегда дававший оценку ораторам и артистам, сказал Егору неласково:

— Лучше б ты, дед, не срамился.

Неприятное впечатление сгладилось только в буфете. Там за столиками с пивными бутылками Егор целый вечер рассказывал незнакомым людям о приiske. Иногда его просили повторить, он начинал снова, в тех же словах, с теми же паузами и жестами, как двадцать тридцать лет назад. Лучше всего удавались ему истории о дележе мировой ямы и пожаре в трактире — событиях в жизни прииска самых значительных.

Впрочем, вскоре Егор устал, захмелел, и даже о знаменитой драке на троицу рассказывал вяло, без особых подробностей:

... Артель не артель... Двое суток, как в германскую. У Михайлы винчестер, потом в ножи перешли. Девять на месте, семь в околосок!.. Большой кровью заплачено.

Очнулся он ночью в гостинице, на горе, куда его привезли прямо из клуба. Кто-то заботливый расстегнул ему ватник и снял сапоги.

Спать уже не хотелось. В ушах все время звучал то шум драги, то обидный, громкий смех приискателей, то ворчание откровенного истопника. А когда Егор вспомнил, что завтра с утра обещался зайти разговорчивый техник, захотелось одеться и уйти подальше от вежливых объяснений и слишком умных машин.

... Не простившись ни с кем, Егор в сумерках вышел из города, и часов через пять, одолев крутой заснеженный перевал, добрался до станции.

Здесь было тихо. Люди спали у печки вповалку. Горела свеча. Возле нее, распахнув полушубок, немолодая женщина кормила грудью ребенка. Темное лицо ее было величаво и строго, ресницы опущены. Стойкое пламя освещало золотые метелки бровей, сердитые круглые ноздри и зеленые лохмы овчины, из которых поднималась сильная шея.

Егор сел напротив и долго разглядывал женщину. После трудной, скучной дороги тайгой хотелось согреться беседой. Рассказать умно, не спеша, о пропавшей горе, о чанах с бирюзовой водой, о своей законной обиде.

Он снял мешок, отдышался, но тяжесть осталась. Рассказать, что ли, бабе? Поймет ли? Он предпочитал для солидных бесед мужскую компанию. Но со всех сторон неслись бормотанье и храп. Только одна женщина боролась со сном в этой комнате, наполненной теплым дыханием...

Он сказал (не бабе, себе самому):

— Однако пропало золото. Вес не тот, и проба не та.

Вздвогнув, она ответила медленно (не Егору, своим тайным мыслям):

— Ушел?.. Ну, и что ж... Видно, в приискателях слаще.

— Теперь приискателей нету, одни лаборанты.

Он сел поудобнее и вкусно улыбнулся. Голос бабы — сонный, покорный, сулил бесконечные, робкие ахи-охи, которые нужны хорошему рассказчику, как писарю запятые.

Наконец-то он мог, не спеша, поделиться обидой.

Но женщина смотрела мимо Егора, в угол, суровым, пристальным взглядом: — За виногретом ушел, — сказала она в пустоту. — Три рубли взял, кольцо... Где ж искать тебя, пес лукавый?

Егор не расслышал.

— ... черное... кислотой пережжено... что оно без цвета, без радости? Куриный помет?

— ... спи, ясынька... С нами не баско.

Она совсем очнулась от сна и заговорила громко, заглушая дребезжание Егора. Видимо, женщина рада была неожиданному собеседнику. Но и Егор не сдавался. Не слушая друг друга, как два больших глухаря, токующих рядом, они спешили рассказать самое главное.

— ... Прежде немцы по бедности в такой дряни копались..

— ... Он хитер, кудлатый, хитер...

— ... Мельница... Всю гору вразмол...

— ... Теплые пеленки себе на портянки...

Кто-то высунул голову из-под овчины и смотрел на них, как на сумасшедших. А старик, заросший до глаз колючей белой щетиной, и пожилая женщина с ребенком у голой груди сердито выкрикивали бессвязные фразы. В зале долго гудел непонятный дуэт двух рассказчиков. Наконец, Егор рассердился.

— Не скули, — сказал он строго. — Молчи! Ты послушай!

— Молчи ты! — приказала женщина гневно. — Я Сибирь пройду, я найду!

Он пробовал возражать, но она говорила, говорила, говорила, блестя сухими глазами, охваченная неудержимым желанием освободиться от слов, щекощущих горло.

И Егор понял, что женщина сильнее его, и боль ее глубже, и обида важнее.

— Ну, что ж, — сказал он с покорной досадой. — Рассказывай ты...

ГОРЯЧИЕ КЛЮЧИ

Разрешите, я свечку задую. Разговору темнота не помеха, а комарам — все меньше соблазна.

Если случится ехать в Актюбинск, через реку Илек, вспомните Федора Павловича. Скажу, не хвастаясь, — мост славный. Деревянный, без свай, а середочка выгнута аркой. Я, как зажмурюсь, сразу его представляю: для плотника воображение — первое дело.

У сосны, дорогой товарищ, жизнь по кольцам считают, а у нашего брата — по новым домам. Вот и прикиньте: в Самаре домов моих немало, с десятков, в Ардатове — шесть, в Актюбинске — двадцать пять штук. На фосфорном комбинате бараки тоже нашей руки.

Телеги, бочки и кадки разные, ясно, в счет не идут. Хотя тоже вспомнить приятно. Живешь на Камчатке, а колеса твои чорт-те где, по чувашским проселкам стучат. Великая сила — плотники! Без топора люди и посейчас бы в обезьянах ходили. Я б тому человеку, что топор избрал, поставил бы медный статуй на горе Арарате. Сто сажен! И надпись бы выбил: «Вот он, настоящий Адам человечества».

... Сколько срубов загнило, топориче изломалось, сколько щепы в Волгу угнало, а я все живу. Удивительно человек жилистое существо.

Три раза о гроб спотыкался, ребра помял, а душу не вытряс. У плотников она по-хозяйски — на столярном клею. Один раз под Казанью всерьез замерзал. Спасибо татарам, — как леща, в бочке оттаяли. Из-за этого случая у меня — окаянное дело! — каждый февраль чирики вскакивают и ногти секутся.

А еще был случай на фронте. Там нас немцы кое-чем угостили. Газ, что роса, светлый, веселый: лесом свежим, ландышем тянет. А пройдет день — и завял человек, точно в лицо купоросом плеснули. Прежде у меня глаз был плотницкий, верный. Стружку снимал, хоть самокрутку верти. Бревна без бечевки тесал. А теперь...

Всего не расскажешь. Разно в жизни случалось. Дома ставил, плотников обу-

чал, веялки правил, ободья гнул, шорничал понемногу, а как перевалило за шестьдесят, — сел под Алатырем в Парижской Коммуне. Ну, думаю, стою последний топор — и баста. Да вдруг и махнул на Камчатку.

Вдруг — это только так говорится. Меня конюх знакомый подбил. Почитай, говорит, газеты. Требуются на Камчатку люди обоюго пола, любых специальностей. Поездка в оба конца за государственный счет. Вот тут-то я и задумался. Если бы в Самару позвали, с твердой совестью отказался, — мало я там щепы нарубил? Иное дело — Камчатка, земля необжитая, лес по топору, земля по плугу сучает.

Понятно, я не сразу поехал. Стал прислушиваться. Одни говорят: Камчатка на манер Сахалина. Сверху туман, вокруг — лед вековой, а питание консервное. Воробьи, и те не выдерживают — от сырости у них перья не держатся.

Другие говорят — ничего. Климат нормальный. Вулканы свое отыграли. Береза растет, тополь. А заработки такие, что инженерам даже не снятся. Простые ловцы по восемь тысяч за сезон получают.

Рассказывать, как собирался, не буду. Дарья Григорьевна, жена моя, огородница, на Камчатку со мной не поехала. Истомишься, говорит, в море. Не всем бродягами быть.

Четыре сына живут отдельно, тоже затею мою не одобрили.

— Не ладно, батя, задумал. Топор-от оставь. Тесать нечего будет. Кругом мох да синий лед океанский.

— Погоди, — отвечаю, — отца хоронить. Я еще домов с полсотни свяжу из камчатского леса. А там увидим.

Ладно. Поехал со мной сын Андрей и еще тридцать пять плотников. Мастеров я сам отбирал.

Мечтал я всех тридцать пять довести. Да не уберег. Расташили ребят в Приморье по стройкам. Доехал на Камчатку сам-дюжина, и сын Андрей в том числе.

Удивление у нас Камчатка не вызвала. Воробьев, правда, не видно. Щуки не водятся. Пчел не встречал. Остальное все то же.

Между прочим, когда скажут, что камчатский лес трухлявый, а земля слабосильная, — отвернитесь и плюньте. Тополь здесь добрый. Береза камчатская, если пропарить да высушить, заповедному чувашскому дубу не уступит. У меня в сенцах бруски лежат: заденешь ногой, как чугулки, звенят. Камчатское дерево растет, не спеша, с натугой, борется с ветром-пургой, оттого и жилисто.

А земля здесь богатая. Видели у меня огурцы в кадке? Думаете, материковские? Нет, самые камчатские. Капустка кочуется славно, лист крутой, чистый. Картошки штук по двадцать под корнем, и любая с кулак. Тут бы понастоящему сеять ячмень двухрядный да гречу.

Да. Так я опять в сторону сбился.

На комбинате рыбном школу заметили? Сруб там чужой, а двери нашей работы. Меня всегда по дверям можно узнать. Станешь закрывать — ни скрипа, ни стука не будет. Только фукнет слегка. Хорошая дверь всегда с духом должна закрываться.

Мост на висячих канатах — тоже наш крестник. На Камчатке реки не больно широкие, но с характером, — трехпудовые камни, как репу, швыряют.

Направили меня бригадиром на Горячих ключи сани делать. Приехал я сюда — и ахнул. Лежат голые камни, меж ними кипятки бьют. А из одной ямины, через каждые семнадцать минут, фонтаном вода поднимается. Сначала со дна пузырьки скачут, точно искры, потом кипятки начинают шуметь. Пошумит минуту и снова в камни уйдет.

Сначала я боялся от землянки далеко ходить. Вокруг горячие лужи, иные грязью плюются, иные на манер чайников пар выпускают, или дышит тихонько, будто во сне. Потом привык. Серой пахнет, а чертей не видеть. Вода здесь целебная, не уступит иоду. Как-то порубил я себе ногу, выкупался в горячем ключе, и стала рана затягиваться.

Ужасная сила! Тут по соседству в скале охотники ванночку вырубали. Наловчились лечиться. Теперь без фельдшера какие хочешь болезни вытравливают. Ревматизм — пара боится, туберкулез — серы, чесотка — кислой воды. Если же пальцы дрожат или сердце заходится, нужно железную воду пополам с грязью мешать. Вы не смейтесь. Один рыбак, сухорукий, год у меня прожил, все главную жилу распаривал. Полный курс не осилил, сердцем размяк, зато сани левой рукой здорово гнуть научился. И на этом спасибо!

Вы меня, товарищ, за болтливость простите. Место здесь тихое, галок, и то не видать. В прошлом году я душу на одном ученом отвел. Вы его по Москве должны знать. Алексей Павлович. С собой плотный, немного на бабу похож. а шея от комаров полотенцем обмотана. Все температуру ключей измерял.

Теперь у нас вроде поселка. Сосед — тоже плотник. Поставили два дома да мастерские. Вокруг ключей земля жирная, сильная — огороды разбили.

На Горячих ключах дерево распариваем, дужки, полоски выгинаем. Стульев штук триста для рыбаков сделали. Сорок конных саней — свистни, сами пойдут, тридцать нарт собачьих да полста лыж с нерпичьей шкуркой.

Андрюшка мой на комбинат подался, к девкам поближе. А я вот живу, изба моя на теплых камнях стоит. Зимой, если зябнет, открою половицу, — теплом снизу веет. Сопки в снегу, а гейзер шумит, кипятится. Не поверите, зимой трава растет — тонкая, шелковистая.

Кипятки тут круглые сутки бесплатный. Я уже забыл, когда самовар разводил, все с чайником к гейзеру бегаю. Медвежьей тушу на вертеле в один час увариваем.

Вы меня извините — людям спать не даю. А у меня от планов бессонница. Хотел бы я над самым главным гейзером вышку построить, чтобы народ сухим паром лечился.

Председатели-то камчатские насчет народного здравия только языками

сучат — туда сто тысяч, туда двести, вода впустую идет. Я так полагал: вышку строить на манер каланчи. Наверху решетка из березовых брусьев, над решеткой полотняный конус с окошечком. Так у человека тело в пару будет, а голова на чистом воздухе. Можно, конечно, для порядка градусник вывесить и санитару с часами поставить. Надо бы только трубу да медных кранов штук десять. Вы не из техников? Дали бы ящик гвоздей трехдюймовых. Жалко, поди? Вот и все так инспекторы, губами почмокают, а вышка — в мечтах.

Ладно. Дело десятое. Я хотел вам про самое главное. Видели Охотское море? Вода очень невзрачная — серенькая, рябая. Кажется, против Каспия или Черного моря пшик один. Иная рыба километров за полсотни от моря заберется — воды в речке с ладонь, так нет, ляжет бок, плещется, прыгает и все вверх, вверх.

На лосося под осень страшно смотреть: нос загнется крючком, зубы торчат, на спине горб. До того изобьется о камни, что мясо лохмотьями. Уж глаза-то не видят, а живет, тянется вверх. Материнская сила сильнее смерти. Хоть погибни — да потомство оставь.

Есть такой рыбий закон — где лосось народилась, там она икру мечет и смерть принимает. Два года камчатская рыба бродяжит, всю Японию кругом обойдет, в Америке побывает, а на третий год тоска возьмет по речной сладкой воде. Тучей на родину рыба идет, точно по всем морям сбор проиграли. И никогда реку не спутает. Удивительно, домовитая тварь!

Почему это так, судить не берусь. Возможно, лет с тысячу назад какая-нибудь рыба парочка отнерестились в реке, а потомство этого случая забыть не может. Моря обмелели, реки повысыхали, лосось же все ходит по старой тропе.

Спите, товарищ? Если надоело, скажите: я буду про себя говорить. Алексей Павлович, тот замечательно слушать умели. Сам седьмой сон досыпает и все-таки носом тихонько поддакивает:

гм-угу, гм-угу. Это, говорит у меня университетская закалка.

Для Камчатки рыба, что для Кубани пшеница. Удивительно урожайное море. Люди рыбу вычерпывают, чайки клюют, собаки, нерпы круглый год кормятся, медведи, и те рыбачат, а все косякам края не видно.

Я когда в первый раз настоящий рыбный ход увидел, глаза руками протер. Верите, вода в речке кипит. Катер пройдет, за винтом полоса рыбьей крови. В 1935 году дохлая рыба на берегах метровым навалом лежала.

Сказать по правде, не рыбаки здесь рыбу ловят, а она — рыбаков. Сельдь невода топит, горбуша сама в руки скачет, треска на голые крючки налетает. Здесь народ набалованный. Если за один раз черпанет меньше ста центнеров, так уж и нос воротит. На середине моря никто не заглядывает. Все сверху берут, фарта, дикого счастья, ищут. Начерпает человек за неделю тысячу бочек — год будет руки в карманах держать.

Насмотрелся я в деревнях, как дуракам богатство идет. Вижу однажды — стоит на костре ведро, полно свежей красной икры. Бабка старая трубочку курит, варево щепкой помешивает.

— Зачем, старая, варишь?

— А собацкам.

И верно: на привязи сидят псы, облизываются.

— Знаешь, говорю, старая, за такое ведро на материке двести целковых дадут.

— Нам это ни к чему.

— Разве не солите?

— А ты что, икрянщик?

— Нет, я плотник.

Посмотрела на меня бабка и махнула рукой.

Вот я и думаю. Заводов у нас на Камчатке немало, размах есть, а хватки хозяйской не слишком заметно. Земля по уюту скучает. Поставить бы сюда хорошего начальника из военных или из плотников. Он бы из кеты соки выжал.

На комбинатах люди, как птицы, живут. Весной в палатках галдеж, ярмарка, а чуть лист пожелтел, море зашуме-

до, и берег пустеет. Одна память, что консервные баночки на песке. Смотреть неприятно.

Во сколько миллионов такая цыганская жизнь обходится, сказать невозможно. Я бы на месте Калинина такое безобразие воспретил. Пусть рыба бродит или зверь, или птица. Ими вместо мозгов живот управляет. Человек же должен на месте сидеть и землю себе подчинять.

Каждому важно свое назначение найти. Я, например, плотник, и парикмахером, так полагаю, не буду. А вот обследователь один приезжал, тот семь специальностей переменял. Так же вот ночью разговорились. Я, объясняет, теперь экономист, а прежде был финансистом, а еще раньше товароведом и старшим инспектором.

— Значит, отвечаю, вы вроде Михайлы Ломоносова — все достигли?

— Не все, но немного есть.

— Скажите тогда, ради бога, как отличить горбушу от чавычи?

— Ну, это мне не известно. Я экономист, вообще.

— Значит, говорю, скоро на материк?

— Из этого вовсе ничего не значит.

Куда нас поставят, там мы и будем на роду служить.

Поговорили еще с полчаса. Разнежился он на медвежьей шкуре и сознался:

— А впрочем, дед, верно, уеду. Жена в Москве, а мне туман местный на сердце влияет.

Думается мне, товарищ, что много бродит по Камчатке посторонних людей. Сам — здесь, чемодан — в дороге, а жена — в Таганроге. Экономист для своего кармана.

Спите, товарищ? Сказать вам по совести, скучаю немного. Знать, что на Камчатке останусь, — привез бы ульев с десяток, яблоню-антоновку или пару анисовок. На вишню не надеюсь, а яблоня — твердо знаю — на Камчатке привьется.

Перезимую, а по весне поеду в Чувашию колхоз поднимать. Народ в меня верит, пойдет. Я уж и места здесь для домов приглядел. Сына моего Андрюшку женить пора. Здешние девки — дерзкие, верченые. Поеду волжаночку поищу.

Вот тогда и приезжайте в Ключи. Антоновку не обещаю, а мед камчатский к чаю будет.

★

РЫБЬЯ КАРТА

Трое суток ехал степью, среди неоттаявших пашен и мертвой, высокой травы.

Шел март. Лед еще резал у берега рыбацкие каюки, но голубые чистые тропки уже разбегались из лиманов к повеселевшему морю. Все чаще и чаще попадались мне старые байды, изнемогавшие под тяжестью ветра и рыбы, темные конусы соли и чаны, полные льда и тарани.

Я объезжал лиман, разыскивая Григория Гончаренко, неутомимого следопыта тарани и сельди. Старика знали всюду. Но легче было встретить осетра в грудях комсы или тюльки, чем седую голову Гончаренко среди тысяч ловцов, населяющих берега урожайного моря.

Судя по рассказам соседей, он был неистов в погоне за рыбой. Настоящий

морской охотник — упрямый и крепкий, как мореный дубок. Трудно было сказать, когда Гончаренко обедал, где спал и сушил сапоги.

Он жил на краю Кушовки в щегольской хате, крашеной синею крейдой. Я заезжал туда дважды, и каждый раз жена Гончаренки — рослая, сутулая старуха, в ватнике и железных очках, — отвечала сурово:

— У мори...

А море дышало туманом, и тысячи байд, похожих друг на друга, как овцы в степи, паслись между Азовом и Керчью.

— Бабусю... бабусю, где же он ночует?..

Глухая, а быть может, упрямая, она повторяла все тем же суровым баском: — Кажу вам... у мори.

И снова навстречу коню бежали столбы, и звонкий шлях, и ветлы, с мелкими брызгами зелени.

Я продолжал погоню вдоль берега, от костра к костру, от пристани к пристани, надеясь застать Гончаренко в родной обстановке, среди тарани и влажных сетей, на фоне азовской воды, — и не мог угнаться за парусом.

Однажды, совсем близко, поднялся передо мной столб дыма. Я кинулся к берегу, но ветер уже заметал следы гончаренковой байдды.

Наконец, дрожки вытрясли из меня последние остатки терпения. Я хотел уже вернуться в Азов, когда в плетенку подсел пропыленный дядько, подпоясанный обрывками сети.

— Кажуть, вы тоже по гончаренкину душу? — спросил он, обрадовавшись. — Тоди идемо до Кушовки.

И мы снова помчались к знакомому дому с флюгерком из сухого осетра, где пятый день Гончариха грела на печке шерстяные носки.

Спутник мой оказался ходоком из под самого Мариуполя. Ехал он, действительно, «по гончаренкину душу», с трудным заданием переманить удачливого бригадира в рыбацкий колхоз «Долг моряка».

— И вы думаете, Гончаренко к вам перейдет?

— Ежака голой рукой не достанешь, — сказал мой спутник уклончиво. — Треба лаской... За сердце цеплять.

Он посмотрел на меня испытующе, точно сомневаясь, стоит ли доверить первому встречному тайну, и вздохнул:

— Е у мене...

Я сделал вид, что интересуюсь стайей скворцов. Ничто не успокаивает подозрительность лучше, чем равнодушие.

Покоробавшись, он снял шапку и достал из подкладки лист добротной бумаги с надписью «Сальдо».

— ...Е у мене одна пидманка.

Подскакивая на дрожках, мы силились разглядеть неясный почерк «пидманки».

— Читаты не треба, — сказал «сват» терпеливо. — Ось слушайте... Хата новая под черепицею — раз, колодезь

дубовый — то два... Пятьдесят вишен трехлеток и семьдесят абрикосов — то три. А шо вы скажете про ледник? А две железных кровати з иллюстрацией маслом? А венские стулья?

Были тут еще улыи, теплый собачник, полгектара огорода, четыре мешка угля, парниковая рама и даже медная лампа с двумя абажурами.

— Что ж у вас, рыбы нет? — спросил я, когда «сват» спрятал в шапку «пидманку».

— Рыба то е, да места ии незнаемо.

— Места?

— Ну а як же ж, — заметил «сват» философски. — Люди шлях мают в степу, птица у неби... А рыба шо? Дурна она була б, коли шляху соби не шукала.

— Гончаренко тот шлях знает?

— Гончаренко все знае, — сказал «сват» угрюмо. — У нього на рыбу секрет е.

... Было уже изрядно темно, когда по разбитой дороге мы добрались, наконец, до Кушовки. Заметно свежело. Волны уже переговаривались глухими басками. Крутой ветер скачками мчался вдоль берега, и высокое, чистое пламя гудело в степи, где школьники жгли бурьян.

Гончаренковцы только-что вернулись с моря. Человек пятнадцать ловцов стояли по бокам сети, растянутой вдоль темного сарайчика. То был отменно рослый, молчаливый и крепкий народ, одетый, точно по форме: на всех были черные шапки, ватные куртки с кожаными обшлагами, красные кушаки и невероятные сапоги, которых не берут ни соль, ни камни, ни лед, ни морская вода.

Они работали молча. Слышно было только, как в углу шипит примус, придавленный котлом со смолоу.

— А шо, товсто шла рыба? — спросил мариуполец, плохо изобразив равнодушие.

— На нас хватит, — осторожно ответили старики. — А вы кто?

— Инспекторы, — отважно соврал мариуполец, и тут же попятился, потому что рыбаки стали дружно ругать скверную снасть и протравку, от которой «тарань мре, як от воспы».

— Добре, добре... Товарищ Гончаренко вернулись?

— А бачите чоботы?

И точно: огромные, будто отлитые из чугуна, сапоги висели возле двери гончаренковой хаты. Так же неправдоподобно велик был окаменевший брезентовый плащ, еще сохранивший отпечаток тела хозяина.

Но больше, чем великанская одежда, удивил нас сам Гончаренко. Вместо богатыря-рыбака мы увидели плешивого босого старичка, сидевшего на скамье возле печи. Голые, пухлые ноги его были погружены до колен в лохань с горячей водой.

Увидев нас, Гончаренко смутился.

— Ревматизм наша болезнь, — сказал он, заулыбавшись. — Лечусь вот.

Никак не походил на прославленного бригадира босой и ласковый старичок, скакавший перед нами, точно мальчишка, на одной ноге, чтобы не замочить половиц.

Мы разговорились, и мариуполец с места в карьер стал жаловаться на подвесные моторы, что пугают своим треском тарань. Гончаренко не возражал, но и не поддакивал гостю, вздыхал, гмыкал, подкручивал лампу и, наконец, предложил чаевать.

Пили долго. Хозяин о деле не спрашивал. «Сват» подмигивал мне украдкой, давая понять, как тонка и деликатна игра в свои козыри. Опытный сердцевед, знаток уловков тарани, он знал, как опасна поспешность.

Наконец, он начал издалека, точно подтягивая своими огромными, багровыми ручищами сеть, полную рыбы.

— Скучная у вас, Григорий Максимыч, природа...

— Га? Скучная? А ничего соби, — благодушно сказал Гончаренко.

— Кажуть, воздух тут вредный... гнилой...

— Гнилой? А мабуть, и так.

Мариупольский «сват» плел разговор, прозрачный и длинный, как невод. И только когда Гончаренко стал позевывать, была извлечена из шапки «пидманка» и приступлено к делу.

Гончаренко слушал молча, кивая головой каждому пункту. Видимо, чтение

доставляло старику откровенное удовольствие. Он жмурился, посмеивался и все время подталкивал нас локтями.

— А ну ще раз, — сказал он. — Як це там? Хата... Колодезь... Три бочки... Ступа...

«Пидманка» была зачитана снова. И счастье чтеца, что он не заметил ядовитой стариковской усмешки, гнездящейся в усах Гончаренко.

— Ну, так як же? — спросил мариуполец.

Хозяин вздохнул и подумал.

— Тонули у нас в позапрошлом году в страшный мороз трое коней, — сказал он негромко; — мабуть, слышали? Кобылка и два меринка... В море тонули... Четыре километра от Утиной косы. Ой, тяжко ж гибла худоба! Колгосп молодой. Рыбаки новонаплывшие... Я в разводе с ножом. «Хлопцы, рижьте постромки! Хватай за гривки!». Так нет же, трусятя. Смотрят, як старик рачком по льду лазит.

— Ну и що же? — спросил мариуполец.

И вдруг Гончаренко озлился:

— Как що? — закричал он стариковским, застуженным тенорком. — А с кого десять часов ледяная корка не слзила? С меня или с вас? Нашли себе дядю... Мне ревматизм кость перегрыз.

Разобиженный, ошетинившийся, он долго фыркал в темноте, когда все улеглись спать. И, засыпая под мерные залпы прибоя, я услышал, как мариуполец пошел с последнего козыря.

— Григорий Максимыч, — прошипел он отчаянно. — Кажуть, е у вас секретная рыба карта. Вы же старый... продайте... Ей-богу, продайте.

— Карта не карта, а тезис могу одолжить.

— Нехай буде тезис, — сказал «сват» покорно, — абы рыба шла.

— Ну, так слушайте.

Он откашлялся и, точно диктуя, важно сказал:

— Моя куртка не от моря, от пота соленая. Шукать рыбу треба. Рыба красный флачок не выкидывает.

— Ну?

— Ну и все.

— Жадный вы человек, — сказал мариуполец с искренней грустью.

★

Я проснулся от стука и не узнал Гончаренко. Погруженный в тяжелые сапоги, накрытый, как колоколом, огромным плащом и зюйд-весткой, изпод которой торчали седые усы, теперь он, бесспорно, был флагманом рыбацкой флотилии.

Шагая на цыпочках, он снял со стены дешевый школьный компасик, повесил на шею пестрые варежки и вместе с мариупольцем вышел на двор.

Я быстро оделся и нагнал их среди огорода. Гремя плащом, Гончаренко рысцой спускался под гору. Рядом со стариком, сбиваясь с тропы на огородные грядки, шел высокий взлохмаченный «сват».

Они прошли через сад, затопленный

запахом рыбы и мокрой коры, и направились к берегу. Ветер упал, и рыбаки уже стаскивали на воду плоскогрудые байды. У самого берега я услышал, как мариуполец прогудел над головой бригадира:

— Григорий Максимыч, так як же, вы ж уважаете сливы?

— Я все уважаю, — сказал Гончаренко сердито. — Все, кроме дурнив. Бувайте здорови.

Он прыгнул в лодку. Медленно развернулся сырой, толстый парус, и байда ходко пошла к Утиной косе.

Тут я заметил, что «сват» смотрит на меня нехорошо, с неприязнью, точно на пройдоху-соперника.

— Чи вы не з «Красного хутору»? — спросил он тревожно.

— Нет... Я... инспектор.

«Сват» не понял шутки. Снял шапку и нащупал в подкладке «пидманку».

— Треба козу додайти, — сказал он упрямо. — Старики молоко обожают.

Две дороги

НИКОЛАЙ НЕЗЛОБИН

★

... В нашем районе есть прекрасное шоссе, сделанное бригадами комсомольцев и названное поэтому Кэмпсомольским...

Краем бора, краем лога,
мимо бедного тягла —
не одна-то ты, дорога,
пролегала-пролегла.

В колеях твоих веками
кто-то горе горевал,
уходя под облаками
за последний перевал.

Иль, пыля через овраги,
зноем, по пояс в хлебах,
громыхали колымаги
с арестантами в цепях.

Иль с короткого ночлега,
холодком, в седую рань,
шла крестьянская телега
на Данков и Лебедянь.

Волчья конница Батя
и петровские войска
истолкли твои худые,
косоребряе бока.

Торгаши и богомольцы,
коновал, монах... И вот —
вышли утром комсомольцы
на крутой твой поворот.

Молодым тягучим альтам
пели девушки с зари,
кроя дымчатым асфальтом
комья черные твои.

Загорелые ребята —
что ни мускул, то брусок —
подымали на лопаты
позолоченный песок.

Каждый нес полны ладони
песен, смеха и труда.
Здравствуй, утро молодое,
развеселая страда!

И пошли, пошли машины,
друг за дружкой, врасстяг, —
перегонами большими
на высоких скоростях.

Шумовые километры
по обочинам скользят.
Дуйте, ветры, сдвиньте, ветры,
кепку милому назад!

Чтоб вольнее дорогому
мчаться в утренней росе
по широкому, прямому
Комсомольскому шоссе!

★

Стихи о трех летчицах

НИКОЛАЙ БЕРЕНДГОФ

★

1

Помнишь: с ветром взволнованным
роща боролась,
Ночь на город накинула лунный асбест.
Что пропеть мне? Пропеллером сорван
мой голос!
Что сказать мне, когда ты в гостях
у небес?

Как же, как заслонить мне твой облик
другою?
Если каждое утро гудит самолет,
И лучи обнимают твоею рукою,
Свежий воздух — мое вдохновенье поет:

— На крыльях радужных лучистым
полукругом
Летят огни. И, лужу обойдя,
Ты огрубевшую протягиваешь руку,
Холодную от ветра и дождя.

Мне кажется, что всюду слезы улиц
На фонари нанизывает мгла.
От глаз твоих сто радуг протянулось,
На рукаве блеснуло два крыла.

2

Ты рассказала, как вдали,
Не видя ни земли, ни блика,
Три летчицы страны великой
Над горными хребтами шли.

Летя все дальше — за Урал,
К холодному лицу Байкала,

Отважно юность рассекала
Дождь, снег и мглу над пастью скал.

Рассвет, дыханье затая,
Вновь осветил дорогу к славе!
Хотел я вечности оставить
Одну секунду бытия,

Как вы, пробить полетом тьму,
Пить воздух просветленным взором,
Зажать в руке большую скорость,
Уметь смотреть в лицо всему!

3

Летели вы над тундрой,
сном дышавшей.
Воздушною дорогой журавлей,
Сквозь рёв пропеллера сердцебиенье
ваше
Отчизна различала все ясней.

День отражал обветренные лица,
Туман в тайге дрожал, как кисея.
И слышно было даже за границей,
Как ваша смелость мчалась,
снег кося.

Над сопками и над тайгой широкой,
Сквозь облака сплошные, мрак
и дождь,

Вы шли бесстрашно.
Из Москвы далекой
Вам слал приветствие великий вождь.

4

Шумит Амур, повитый мглой...
— Ты взором радостным окинь
Сияющие над страной
Портреты летчиц-героинь!

Они летели за тайгу,
Считая счастьем высоту,
Над голубой рекой Амгунь,
Кромсая воздух на лету.

Бросая вызов небесам,
Неслись над кручей темных скал
И у штурвала Сталин сам,
Казалось, день и ночь стоял.

Качала взвихренная мгла
Корабль воздушный в облаках
И три серебряных крыла
На трех бессмертных рукавах.

Вдали за сопки уходя,
Редели сумерки вокруг.
Улыбка мудрого вождя
Приветствовала трех подруг.

Вождь улыбался, слыша гул.
Пропеллер пел, глотая снег,
О том, кто в мире повернул
Могучее течение рек.

★

Энергия

РОМАН

Ф. ГЛАДКОВ

(Продолжение ¹)

★

VI

КАК СБЛИЖАЮТСЯ ЛЮДИ

1

Монтаж электростанции был в руках американцев. Главный инженер, мистер Уорд, заявил начальнику гэс Кувыркину, что он не может доверить работу русским мастерам, так как они не имеют ни опыта, ни знаний. Если фирма доставила сюда агрегаты и своих испытанных монтажников, то по договору она одна и отвечает за дело. Он был рыжий, чисто выбритый, с неизменной трубкой в углу кривого рта. Кувыркин подражал американцам: был методичен, лицо делал непроницаемым и не говорил лишних слов.

Переговоры шли через смугленькую переводчицу, которая юлила около Уорда.

— Разве мы не пришли с вами к соглашению, мистер Уорд?

— Да. Но рабочие ваши — грязны и дышат, как коровы.

— Итак, мистер Уорд?..

— Надо пригласить парикмахера, мистер Кувыркин. Мыть, брить... и — маникюр...

И отошел в сторону к распластанному статору. А Кувыркин пощажал между огромными нераспакованными ящиками.

Вся площадь электростанции была

завалена стальными брусьями, шинами, трубами, красными лопастями, похожими на обломки церковных колоколов, сплетениями проводов и кабеля... Вдоль всего здания одна за другой зияли глубокие круглые пропасти с пузатыми раковинами всасывающих труб.

Вакира назначили в бригаду электро-монтажников по установке трансформаторов. Это была самая трудная и сложная работа. Вакир чувствовал себя в первые дни безнадежно затерянным в этих строительных дебрях.

Мастер Чубук, с обвислой кожей на щеках, с седыми усами, искоса взглянул на Вакира и внушительно сказал:

— Знаю. От Ватагина. Он уж о тебе справку дал. Драться можешь... по физмату вижу. К хлопцам на трансформатор пойдешь. И главный тезис: ударяй по цели. Защипал цель, укрепляй корпус на другую щаблю.

— Наставление ценное, товарищ Чубук: я тоже так думаю.

— Дурень, и тот думает. Надо иметь образ действия.

— Вот именно, товарищ Чубук. Меня образы очень волнуют...

— Добре. Чую: хлопец ты речистый... Речистый да умом плечистый — золото...

Старик понравился Вакиру, и все стало ему близко и понятно.

— Ты же здесь спать разучишься... дуралей!..

— Вот это мне и есть по сердцу, товарищ Чубук.

¹ См. «Новый мир», кн. 10 с. г.

Усы и брови зашевелились у Чубука, и он шлепнул Вакира по спине.

— Хороший тезис, хлопче: бей и не побит будешь... Так нас, дураков, учит революция.

У трансформатора возился длиннолицый американец. Ребята около него бездельничали, как посторонние парни. Им было скучно, и они зубоскалили. Они как будто были даже довольны тем, что бьют баклуши.

Чубук, подтолкнув Вакира, набросился на ребят:

— Вижу, вижу, как научно упражняетесь...

— Пробка, товарищ Чубук... Ни туда, ни сюда — ни тпру, ни ну... Развесели, товарищ Чубук.

Американец работал один и поглядывал на парней опасно и недоброжелательно.

— От сиротливости, товарищ Чубук, кушать хочется. В дым измотались. И ни от кого никакой ласки...

— Боритесь, дурни. Ласку берите с бою... Что это за комса, которая пасует перед одним американцем? Стыд и позор. В степь угоню — на мачты...

— А, ей-право, угони, товарищ Чубук... Там — воздух и орда... Кровь проливать будем, памятники себе какие вознесем...

— Ну, нечего дураков изображать... — строго прикрикнул Чубук. — Вот товарищ вам новый... Договоренность с американцами есть. Теперь только от вас зависит... Сейчас главный тезис: учеба... пример дисциплины... Будь и подметальщиком на высший разряд.

Вакир пошел один по запутанному лабиринту длинных коридоров и проходов, похожих на тоннели.

Почему Тибра и Ватагин принудили его итти именно сюда? Ватагин сказал, что здесь — неблагополучно, неразбериха, затяжная борьба с иностранцами. Ну, посадили по специальности. Какая же у него, собственно, специальность?

В этот невиданный мир нужно входить через каждую частицу сложнейших приборов, через заросли кабелей. Иностранцы стоят у своих машин, у

трансформаторов, у роторов, у колокола рабочего колеса турбины и не подпускают к себе никого из советских рабочих. Они боятся их: они пунктуально выполняют инструкции своих фирм и доверяют только своим рукам.

Блуждая по пространствам электростанции, натываясь на злых рабочих и кичливых и замкнутых иностранцев, он думал, какая же здесь ему определена роль. Почему Ватагин так спокоен и безучастен к этим людям? Он занят плотиной, бычками и скалами, а здесь — самотек, возня, какой-то сеттлмент. Люди уже привыкли к безделю, а мелкая работа, которую поручают им американцы, — прибрать вещи, подмести пол, подать провода, протянуть и выправить кабель и т. д., — кажется им чужой, ненавистой, бессмысленной.

Многие сбежали отсюда на другие участки, а многие просто превратились в лентяев и даже перестали слушаться десятников.

Вспомнилось одно событие в коммуне:

... Однажды, когда Шастик уехал в отпуск, без него сразу стало как-то пусто, неуютно и скучно. В дортуарах, в столовой, в клубе, в цехах дни потускнели, небо казалось мутным и низким. Свои комнаты ребята сначала убрали с прежним старанием, потом — нехотя, а потом незаметно появилась пыль, сор, духота. Грязное белье бросали в шкафы, оно вываливалось на пол, и его забывали прятать. Ребята стали уходить в город, и кое-кто возвращался во хмелю. Двоих парней начальство водворило в карцер. Как-то внезапно Вакира охватила тоска. Он написал отчаянное письмо Тибре, но она почему-то не отвечала. Он без предупреждения ушел в город и напился вдребезги. Его доставил в коммуну милиционер.

Очухался он в карцере и взбесился: начал колотить в дверь и выбил все стекла в окне, которое было заплетено железной решеткой.

Шастик приехал неожиданно — раньше дней на десять. Встретили его крикливой толпой, с радостью и ликованием. Но он угрюмо шел вперед ребят и не отвечал на приветствия. Обо-

шел он все здание, все комнаты общежития, и, когда окинул холодным взглядом дортуар Вакира, все увидели, что он, Шастик, потрясен. Он прошагал к шкафу и распахнул его. Грязное белье вывалилось на пол, поднялось облако пыли. Лицо Шастика окаменело, и в глазах застыла грозная усмешка.

Он повернулся к Вакиру и пригвоздил его чужими глазами:

— Все понятно, Вакир. Такого оскорбления мне никто еще не наносил.

И быстро пошагал к двери:

— Мне ничего не остается, как совсем убраться отсюда...

Ошеломленные ребята молча проводили его до выходных дверей. Он сел в машину и уехал в город. Вакир бросился на койку и неподвижно пролежал часа два. Потом поднялся и собрал ребят:

— За уборку! поставить на ноги все общежитие! Белье — в прачечную!

Как только Вакир увидел коренастую фигуру Шастика и проникновенные его глаза, мгновенно понял, что он обманул Шастика, наплевал на его доверие, и Шастик не мог отнестись к нему иначе, как с презрением и гневом.

Вечером Вакир вместе с двумя друзьями поехал в город и нашел его в гостинице. Вытянувшись у порога, отработовал:

— Товарищ начальник, коммуна приведена в образцовый порядок. Коммунары ожидают вас с нетерпением.

Шастик молча протянул ему руки, и Вакир бросился к нему на шею.

— Ну, ну, Вакир... Я же не сомневался... Что же ты думал? Эх, ты!.. Ну, ну, поплачь, поплачь... Это — хорошо...

... Но ведь здесь — не коммуна, а неизвестная ему сложная жизнь: с одной стороны — непроницаемые, с чужими лицами американцы, которые не подпускают к себе советских рабочих и инженеров, а с другой — толпы парней и мастеров, озлобленных против иностранцев и против своих инженеров. Рабочие — и старые, и комсомольцы — пришли сюда с уверенностью, что руководство доверило им самый трудный

участок стройки, что неосвоенное до сих пор искусство собирать и устанавливать турбогенераторы и трансформаторы уготовано им, что это они будут первыми людьми в стране, и имена их прогремят, как имена героев. Вместо этого они — только подметальщики и «шестерки»; они не знают своего места и ждут, что скажет им переводчица. Нескольким раз обращались к Шлиппе, но он шутил, величественно разглаживая бороду:

— Даже младенцы в утробе матери ведут себя с примерным терпением. Не торопитесь родиться: будете выкидышами!..

Вакир сразу понял, что с такими разбитыми людьми, при такой покорности их и беспечности, работать невозможно. Тибра сказала: «Я верю в тебя, Вакир». А Ватагин прямо решил: «Пойдешь на электростанцию: у нас — затяжная борьба с иностранцами». Случай в коммуне больно ударил по самолюбию Вакира, и с тех пор он сохранил в себе болезненное чувство собственного достоинства. Провожая его, Шастик пожал ему руку и с задушевным убеждением напутствовал: «Я знаю, Вакир, — ты не подкачаешь, и любовь к коммуне у тебя будет гордой». Тут, рядом, — Тибра, там, в коммуне, — Шастик, который следит за ним (не забыл о нем и в письме Емельяну). Ватагин послал его сюда без колебаний: он сразу решил, что Вакир не сробеет.

В коммуне он прошел большой путь — от блатной анархии до строгого, почти военного, режима.

На этом пути много было тяжелых перевалов, глубоких пропастей, — он озлоблялся, плакал, мстительно ненавидел и товарищей, и Шастика, и даже Тибру.

2

Вакир сразу понял, что нужно воевать. А воевать можно было тогда, когда под ногами — твердая почва и рядом — верные люди. Он старательно и точно выполнял то, что ему поручали бригадир и переводчица: держал в чистоте место около трансформатора,

быстро обслуживал монтера-американца и не отказывался от самой грязной и обидной работы. Трех хулиганистых парнишек пришлось изгнать из бригады. Случилось это после того, как они начали обливаться из чайников водой. При сборке же трансформаторов воды не должно быть даже поблизости. Американец сорвался с места и свирепо бросился к ребятам с кулаками. Вакир поднял руку и остановил его. Потом уверенно взял у парней чайники и осторожно отставил далеко в сторону. Кто-то налетел на него, и он встретил злые глаза.

— Ну, что скажешь?.. — спросил он с угрожающей улыбкой.

Они поборолись взглядами с дюжим хлопцем и молча разошлись. Смелость и самообладание Вакира укротили ребят: они разошлись, многозначительно покашливая и посмеиваясь.

В бригаде парней работала девчушка-комсомолка, беловолосая пышка, Маруся. Она краснела около Вакира, вздыхала и как будто невзначай задевала его грудь. Раньше она пела песни и смеялась перед американцем. Потом замолчала.

Все заметили, что мистер Купер часто прерывал работу и, ухмыляясь, следил за Марусей.

Она кокетничала и выпаливала ему в лицо:

— Ты, америкашка, чучело огородное. С тобой целоваться-то отвратно — обслюнявишь...

А он нежно смотрел на нее и влюбленно таял. Переводчица смеялась, но выкриков Маруси не переводила. Монтажник предпочитал пользоваться только услугами девчонки. Выходило так, что она всегда возилась рядом с ним и он забывал о своей работе. Как-то Купер попросил у ней напиток. Она принесла полный стакан воды, но не отдавала его, а пятилась назад и дразнила американца. Вакир отнял у нее стакан и передал ребятам.

— Всю посуду — долой, наверх!.. А Маруся пойдет к мастеру и попросит расчет.

Девчуха хотела было забунтовать —

крикнула, бросилась за помощью к ребятам, но вдруг ослабела, опустила на пол и заплакала.

— Бедняжка! поиграть в любовь захотелось... — добродушно пошутил Вакир. — А с любовью не шутят: сердитая штука любовь...

— Профессор!.. — в восхищении крикнул кто-то из ребят. — Математик!..

Вакир по телефону доложил Кувыркину, что вольно обращаться с водой должно быть запрещено не только советским монтажникам, но и самим американцам. Советские рабочие будут образцово выполнять все работы, будут учиться и осваивать их опыт, но иностранцы сами изволят нарушать инструкции. После этого события монтажник первый вежливо раскланивался с Вакиром.

Вместе с Купером Вакир стал выполнять самую тонкую работу по сборке трансформатора. Ребята уже не болтались без дела: каждый был уже привязан к своему месту.

На производственном совещании Вакир потребовал от Кувыркина, чтобы каждый монтажник и практикант под руководством инженера на-зубок изучил все чертежи по своему объекту. Это требование было дружно поддержано всеми.

Американцы встревожились. Уорд выразил Кувыркину свое недовольство вопросом:

— Почему это ваши рабочие проявляют такой интерес к чертежам?

Кувыркин ответил вежливо:

— Вам, мистер Уорд, придется переменить свой взгляд на наших рабочих.

— Но это — все-таки рабочие?

— Да, это — советские рабочие.

Уорд вынул трубку и улыбнулся.

— Я должен выразить протест против вмешательства в наши порядки и телеграфировать мистеру Райту.

Он пошагал верблюжьим шагом между нагромождениями электроматериалов.

Кувыркин скрылся в телефонной будке и через несколько минут вышел злой, с похуевшим лицом.

— Бородастая дура!.. — пробормотал он и сразу же успокоился, когда всунул трубку в рот.

В этот вечер группы рабочих вместе со стажерами и практикантами уже сидели за чертежами. В самый разгар вошел Чумалов и молча сел на ящике поодаль.

В первый момент его не заметили, но стажер, жирненький парень в свитере, угодливо заулыбался ему, поперхнулся и закашлял. Потом вскинул руку и пискливо крикнул:

— Товарищи, у нас — дорогой гость.

Глеб сделал грозное лицо. Все повернулись к нему и оживились.

— Работайте, ребята. Ежели я вам помешал, — уйду. Что за мода будоражить людей?

Вакир оглядел Глеба и насмешливо определил:

— Да вы же сами всех взбудоражили, товарищ Чумалов...

Глеб засмеялся и встал:

— Извиняюсь, товарищи. Сейчас улепетьваю. Меня, собственно, самого взбудоражили... Шлиппе... иностранцы...

— Это насчет нас, что ли? — недружелюбно спросил Вакир.

— Не насчет вас, а насчет чертежей.

— Ну. и что же? Ежели вы пришли прикончить нас, так это не выйдет, товарищ Чумалов.

Глеб испуганно вытаращил глаза и притворно упавшим голосом спросил:

— Да что ты говоришь?

— Драка будет, товарищ Чумалов.

— Очень хорошо. Драку и я люблю. Так уж давайте сообща. Без дружных усилий мы ничего не сделаем. Беритесь за дело сами, а взялись — держитесь. От американцев надо перенять их опыт и систему работы. А раз вы постигнете особенность их мастерства, вы, друзья мои, можете об'явить им бой. Нам не нужна их математика времени и рапортчики: четко это, но бездушно. Вы должны победить их соревнованием. А теперь, голубок, — обратился он к Вакиру, — все-таки разреши мне сесть рядом с тобою и пошевелить мозгами.

Вакир освободил место и даже встал почтительно.

— Очень польщен, товарищ Чумалов. Надежная опора.

— Из практикантов, что ли?

— Нет, поскромнее: из трудовой коммуны, бывший правонарушитель.

— О, скажите, пожалуйста!.. Выходит, что ты нам всем родня...

На Вакира смотрели с удивлением, точно впервые он поразил всех и ростом, и смелыми глазами, и упрямым лбом.

3

А к общежитию привыкал он трудно: просторная комната со множеством кроватей пропитана была духотой и грязью. Ребята не знали своих мест, устраивали свалки, без спроса тащили друг у друга вещи: перочинные ножи, расчески, книжки, мыло, полотенца. Один раз сосед взял у него из чемодана рубашку, потому что у него не оказалось чистого белья. А в другой раз исчезла со столика книга, в которой лежали наброски по вопросам практической физики.

В первом случае он смолчал, но пропажа книги взбесила его. Он вышел на середину комнаты и, нажимая на каждое слово, об'явил:

— Дорогие друзья, у нас есть люди, которые елозят по чемоданам, лямзят чужие вещи. Это — некультурно. Прошу немедленно возвратить рубашку и книгу.

С ним яростно сцепились наиболее отважные путешественники по чужим кроватям и сундучкам. Он должен знать, куда вселился, а если не знает, то они не прочь наглядно втереть в его мозги прекрасные их правила. Пусть с этого часа он оставит на вольном воздухе свои мешанские привычки и забудет, что такое есть собственность. Получил зарплату — выкладывай на бочку, имеешь костюмчик — вешай на общий гвоздь, бельишко там в чемодане — ключик в карман не клади... Если же эти порядки ему — не по нраву, может отправляться на все четыре стороны. Вакир жестко ответил им, что из коммуны не уйдет, а эти их порядочки, которые плодят лодырей и дармоедов, посылает к чорту в зубы.

Сенька-поэт со страстью стал на его сторону, хотя терпеть его не мог за чванство и оскорбительное отношение к своим поэтическим занятиям. Вакир вспомнил общежитие в трудовой коммуне — чистоту, порядок, строгость и уважение к досугу товарища — и решил, что эта комсомольская коммуна — настоящая казарма безнадзорных, среди которых прогульщики и отпетые матершинники держали себя заправилами. Раньше времени он не хотел поднимать шума, чтобы не провалиться и не уронить своего достоинства. Он был глух, когда его называли «фертом», «интеллигентиком». А хулиганов бесила его независимость. Такие парни, как Семен, были терроризованы. Кое-кто из озорников пытался нахальничать — стаскивать Вакира с кровати во время сна, разбрасывать его вещи, подставлять ногу, когда он проходил мимо. Однажды он не вытерпел и встал перед ними с холодной угрозой в лице:

— Друзья мои, вы имеете дело с человеком, который прошел хороший стаж уркагана. Это было в прошлом, которое еще не забыто, имейте в виду. Ваши приемчики — невинное озорство. Не вынуждайте меня воспользоваться старым оружием: худо будет.

Он часто заходил к Татьяне и знал, что она ждет его в свободный вечер. Как бывает среди близких людей, говорили обо всем, немного спорили, немного ссорились, шутили, играли, смеялись или сидели и молчали, занятые своим делом: она писала или чертила, он читал или ломал голову над проблемой электропоезда в магнитном поле. Идея такого поезда занимала его с давних пор, и его работой заинтересовалась Татьяна. Они сидели за чаем и закуской, касались плечами, и Вакир был счастлив, когда видел, как у ней вздрагивала блузка на груди от ударов сердца.

Однажды совсем неожиданно явился Кряжич, злой, нервно взвинченный. Вакир отошел в дальний угол и сел там с книгой в руках.

Кряжич потирал руки и чувствовал себя неловко: как будто стыдился, что зашел неожиданно, нежданно.

— Вы извините, что без предупреждения... Шел мимо и не утерпел... Душу негде отвести...

— Я очень рада, Николай Николаевич. Прошу вас... Чем это вы встревожены?

— Понимаете, хоть ночуй у себя в конторе...

— Что это значит?

— С женой у меня, как вы знаете, все покончено. Но она не оставляет меня в покое.

— Вы слишком к ней нетерпимы, Николай Николаевич. Это — жестоко.

— Мы договорились, и она должна была уехать. Но... чорт знает, что происходит...

И упавшим голосом сообщил:

— Сегодня она заявила, что уезжать раздумала. Ее начинают посещать разные люди. Почему? Для чего? Иностранцы... немцы... потом Самородов... Шалнин со своей гитарой...

— Вакир, садись поближе! — Татьяна настойчиво позвала его взглядом. — Николай Николаевич, это — самый близкий мне человек, друг юности.

Кряжич насильно улыбнулся, совсем не интересуясь Вакиром, а Вакир не ответил на его улыбку и ниже наклонился над книгой.

— Вакир упорно работает в области практической физики, Николай Николаевич... — оживленно сообщила Татьяна. — Он сейчас решает трудную задачу — сконструировать нечто вроде летающего поезда в магнитном поле...

Вакир возмутился ее откровенностью:

— Тибра!

— А разве это — тайна, Вакир?

Она с невинным изумлением раскрыла свои ресницы и засмеялась.

— Это — не ново... — не глядя на него, заметил Кряжич, занятый собою. — Такие игрушки можно видеть в Лондоне и даже у нас. Один наш физик давно уже изготовил такую модель. Я ее видел в Томском университете.

— Дело не в том, что — ново, что — не ново... — угрюмо сказал Вакир: — Важно самостоятельно мыслить...

— Это — верно. — В далеком голосе Кряжича Вакир услышал что-то вроде насмешливого сожаления. — Но само-

стоятельная мысль бескрыла и бесплодна, если она — наивна, то-есть не вооружена знанием. Впрочем, вы — молодцы, и науку с вашим характером завоюете...

— Мой характер... — с недобрим огнем в глазах усмехнулся Вакир. — Откуда вы знаете мой характер?

Кряжич оживился и с любопытством покосился на Вакира.

Тибра засмеялась.

— Я угощу вас чаем, Николай Николаевич.

— Ну, что вы... какой там чай!.. — вздохнул он. — Вы — с чаем, а я — в отчаянии.

Он опять забеспокоился. Видно было, что его жгла тоска, что только одна Татьяна может утешить его душу.

— Понимаете... Самородов и Шалнин... И гитара... Какая-то бренькающая пошлость... И она, Рита, пляшет с Самородовым фокстрот. Я переживаю что-то вроде дурного предчувствия...

— Не понимаю, что тут особенного, Николай Николаевич? Женщина — одиночка, отвергнута вами... А тут оказалась под рукой подходящая компания...

— Нет, вы представьте: в вашем жилье вдруг возник этакий зловещий гнус... Этот гнус расхаживает по квартире и развязно роется у вас на столе...

— Как? — удивилась Татьяна. — Даже не стеснясь вас?

— Ну, этого еще не доставало!.. Обнаружил я беспорядок сегодня... сейчас... Запер комнату и ушел... ушел под звон гитары...

— Это кто же? Не Самородов ли?.. Не этот ли фанфарон?

— Извините, это — не фанфарон... Как-то на-днях я работал дома. А там, у жены, — ассамблея. Вижу, тихо отворяется дверь, и предо мною — конопатая ухмылка. «Трудолюбивый, говорит, муравей. Все пишете, пишете и похвал не слышите». Я взбесился. И он исчез, как дым... Сегодня я напал на жену: «Кто смел из ваших гостей рыться в моей комнате?». Она крикнула по-немецки: «Вы бредите. Не оскорбляйте моих друзей — вы оскорбляете меня...».

Этот немецкий визг ударил меня, как пощечина... Я разогнал бы эту публику, но призадумался: почему это ни с того, ни с сего — вечеринки? Рита никогда сама не пошла бы на это... Очевидно, что-то не так (он растопырил пальцы и пошевелил ими)... какая-то подозрительная канитель...

— А вы поиграйте с ними, Николай Николаевич, — шутивно посоветовала Татьяна. — Попляшите... побеседуйте с немцами... Шалнин сыграл бы вам на гитаре, а Самородов посмешил бы веселыми анекдотами...

— Вам хорошо шутить, а каково мне...

Книга дрогнула в руках Вакира, а за книгой встряхнулись плечи: он смеялся.

4

Память о Кряжиче сохранилась у Вакира еще с первого дня — с знаменитого собрания. Знает он и его историю с Бубликовым, знает, какое участие в его судьбе принимает Тибра. Но он, Кряжич, смешон и нелеп в самых простых случаях — вот, как сегодня. И Вакиру вспомнилась та ночь, когда он ворвался к Тибре с бунтом в душе. Это было недавно, но ему уже казалось сейчас, что так могло случиться только в первые годы его жизни в коммуне.

Однажды, проходя вдоль стены аванкамеры, он увидел несколько фигур во тьме, за грудой материалов. Каркасы здания станции были освещены прожекторами, а силуэты шевелились в сумраке, как призраки. Стена казалась черно-фиолетовой, а тень четко разрезала площадку наискось. Вдруг он услышал имена Татьяны и Кряжича и замедлил шаг. Какие-то безвестные инженеры сплетничали насчет бесполовой любви Кряжича и трунили, что он, как мальчишка, бессилён сделать решительный натиск на Танечку. О ней же просто сказали, что она перед ним приседает, как курица перед петухом. Кто-то из них сердито заметил, что Кряжича и Братцеву надо немедленно женить, а то план опять крахнет, как летом.

Вакир опомнился от боли в пальцах — они впивались в острые ребра железных конструкций. Он побежал назад, потом опять вдоль стены, но никого уже не встретил на дороге. Только в разных местах копошились рабочие да пробежал по рельсам прыткий, окутанный паром, паровозик.

В полночь, после работы, он вломился к Тибре и, не здороваясь, рухнул на стул.

Она всполошилась:

— Что стряслось, Вакир?

А он очень спокойно, почти строго, спросил ее:

— Кряжич любит тебя?..

— Ах, вот что!.. — разочарованно засмеялась она. — Кто же это растравил в тебе ревность?

— Дело не в ревности. Почему ты не сказала мне об этом?

— Ну, пусть любит... какое же это имеет отношение к тебе?

— Вы женитесь?

— Какую ты чушь плетешь, Вакир!

— Значит, ты его не любишь?..

Он встал и с судорогами в лице простонал:

— Он — мой враг... Я скорее погибну, чем дам ему коснуться тебя...

— Какой ты дурак, Вакир!

Она оскорбленно отвернулась, и это так на него подействовало, что он не помнил, как очутился около двери, как хлопотала около него Татьяна.

После этого он не заходил к ней несколько дней и работал на электростанции по целым суткам. Спал, прикорнув где-нибудь на ящиках.

За эти дни он думал много и мучительно. Всем существом своим понял одно, что Тибра для него — недостижима, что к ней он будет стремиться всю свою жизнь, что она для него так же близка и далека, как и в первые дни в коммуне, что она так же таинственна и прекрасна, как и в тот миг, когда он открыл глаза в больнице.

Ее может любить и Кряжич, и бесчисленное множество людей, потому что ее невозможно не любить, и он не в состоянии предотвратить этого. Он замолк, стал уединяться, но работу вы-

полнял попрежнему аккуратно и внимательно, к удовольствию американца. На него обратил внимание сам Уорд: однажды он похлопал его по плечу и бездушно буркнул: «Ол райт!». Но на Вакира он не произвел впечатления. И ребятам это очень понравилось. Они решили между собою, что у Вакира — «зверская выдержка». Но он переживал в это время странное чувство скорбного покоя.

Он хорошо видел, что Кряжич пришел к Татьяне не потому, что в доме у него завелись какие-то паразиты, а потому, что ему нестерпимо хотелось побыть с нею наедине, подышать одним с ней воздухом.

И Вакир злорадно решил, что для Кряжича она так же недостижима, как и для него.

Вакир встал, отчужденно прошелся по комнате, не интересуясь разговором Татьяны и Кряжича. Он будто понял, что этот человек совсем не такой, каким он его представлял себе. Но Татьяна находит с ним какие-то общие слова. Впрочем, голос ее сейчас тоже необычен: он играет лукавой насмешкой. О чем говорить с ним? И слов-то таких нет на языке, которые дошли бы до сознания Кряжича, точно оба они — люди разных миров. Вакир впервые видел образованного человека, который был силен в своих знаниях, в своей инженерской работе, но забавен в простых житейских делах. Он возводил мировую плотину, он — большой авторитет среди советских гидротехников, у него есть ученые труды, книги; он имел мужество спорить с тысячами за свои мысли и планы и отстаивать их без боязни; он — благороден и честен: не струсил перед диверсантом Бубликовым; последовательно и убежденно отказывался от своих заблуждений и решительно ломал себя, когда нужно. А вот сейчас жалуется на жену, на ее гостей, на то, что его выживают из квартиры, что кто-то хочет обмануть и обворовать его. Он — недотрога, чистоплюй и считает ниже своего достоинства интересоваться подлецами и хватать за горло негодяев. И Вакир почуял скрытый смысл шутилки Татьяны.

— Мне очень неловко... — вежливо сказал он. — Если я здесь лишний, могу уйти.

Кряжич поднял на него удивленные глаза и перевел их на Татьяну. Этот молодой человек был ему неприятен — он стеснял его: в нем было что-то недоброе и вызывающее. Он мог каждую минуту сказать ему дерзость.

— Глупости, Вакир. Я хочу, чтобы вы были друзьями.

— Тогда разрешите вмешаться, — так же вежливо вставил Вакир: — Раз в моем присутствии люди говорят о личных делах, то я становлюсь невольным участником. Мне кажется, что товарищ Кряжич как будто немножко слишком в панике.

Кряжич вынул портсигар, взял папиросу и звонко захлопнул крышку.

— Почему — в панике? Бунт, а не паника.

— Вы же сами сказали, что — в отчаянии... Какой же бунт?

— Я не выношу наглости, а тем более неразумительной. Кто они, эти люди?

— Людей же вы хорошо знаете, товарищ Кряжич.

— Как я могу знать людей, если сам нередко встречаюсь с собою, как с таинственным незнакомцем?..

Вакир посматривал на него исподлобья.

— И поэтому сбежали?.. Как же это называется, если не паникой?

— А что же я должен делать, по-вашему?

— Я присоединяюсь к совету Тибры...

— Я — не сыщик... — рассердился Кряжич и встал со стула, враждебно смотря мимо Вакира. — Я не понимаю ваших неуместных шуток...

— А я не понимаю людей, которые обижаются.

Татьяна укоризненно качала головой Вакиру и строго сдвигала брови.

— Не озоруй, Вакир: я защищать тебя не буду.

— Достаточно того, что ты один раз меня защитила. Я это помню хорошо.

— Не злись, пожалуйста.

Она с улыбкой оглядела Вакира и прошла к буфетику.

Вакир тоже ответил ей улыбкой и освобожденно вздохнул.

Татьяна ставила на стол стаканы, тарелки, печенье, фрукты. И по оживленному ее лицу видно было, что она рада гостю. Из буфета она вынула блистающий чайник и пошла за водой. Только в этот момент Кряжич почувствовал, как просто, близко и молодо человеческое счастье. И Татьяна, и этот юноша полны здоровья, силы и уверенности в своем праве на жизнь. Обидеть их нельзя. Оба они связаны общей судьбой, идут одной дорогой и знают, как помочь друг другу. Впрочем, они — не одиноки: около них и рядом с ними — много таких же здоровых и крепких юношей, родных по крови и по духу. Этот парень мало симпатичен, но разве можно отказать ему в пронизательности и опыте жизни?

— Вы не обижайтесь, товарищ Кряжич, — мягко попросил Вакир. — Я сказал, может быть, не так... Может быть, не по нраву вам... Но, честное слово, мне странно глядеть на такого человека, как вы...

— Почему же странно?.. — пожал плечами Кряжич.

— Да вам не жаловаться надо, а ликовать: когда есть друзья, с врагами и драться весело.

Кряжич с притворным негодованием бросился навстречу Татьяне.

— Нет, вы послушайте, что он говорит!..

5

В эту минуту вошел в комнату Игнатий Игнатьевич Шагаев. Приход его хотя был и внезапен, но удивления не вызвал. Он нередко заходил к Татьяне за просто, без предупреждения и всегда приносил кучу новостей. С обычной тонкой улыбочкой он сделал жеманный поклон и замысловато взмахнул кепкой перед собою.

— Сеньёры, во дворцовом зале Часы двенадцатым ударом прозвучали...

Надеюсь, что в этот полночный час непредвиденный мой визит не вызовет вражды...

Татьяна радостно протянула ему руки. Игнатий Игнатьевич церемонно приложил их к своим губам.

— В неожиданности — вся прелесть, Игнатий Игнатьевич. Как хорошо!

Игнатий Игнатьевич снял плащ и повесил на спинку стула. Одет он был в сильно потертый пиджачок, под пиджачком — холщевая косоворотка.

— Я начинаю бродить в минуты отдыха, — угрожающе изрек он: — Дурной признак. Я не нахожу себе места...

— Ну, второй не находит себе места!.. — засмеялась Татьяна. — Вы тоже жалуетесь?

— У Николая Николаевича полон дом народу. На что ему жаловаться? Прохожу мимо, — сияние огней и плеск веселья. Завернул к нему, но фрау Кряжич огорчила меня: муж исчез бесследно. Причем очень мило предложила мне быть ее гостем... Я, конечно, растрогался и с благодарностью принял ее приглашение...

Он мимоходом пожал руку Кряжичу, а Вакира обхватил за шею и привлек к себе.

— Глупо, глупо, дорогой мой, что ты — ничей... безотцовщина...

— Наоборот, Игнатий Игнатьевич; я всем — родня. Это Чумалов сказал.

— А почему ты смотришь на меня, как на зверя?

— Как на охотника, Игнатий Игнатьевич...

Шагаев скорбно продекламировал в лицо Кряжичу:

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий...

— Вот и я говорю... — подхватил Вакир.

— Что говоришь? — сварливо накинулся на него Шагаев. — Что ты можешь говорить нам, старшим?.. Ты можешь только оскорбить слух своим лепетом...

— Прoberите его отечески, Игнатий Игнатьевич, — пожаловался Кряжич. — Он смял все мои благородные чувства...

— Ах, ты, варвар!..

Сели за стол попарно: Татьяна с Кряжичем, Вакир с Шагаевым.

— Ты мне дороже сына, вьюнош дорогой... — вздохнул Шагаев. — Ты — один из самых верных борцов за идеалы техники безопасности. Это значит, что ты несешь в себе великие начала мировой культуры. Знание, энтузиазм, соревнование сокращают нам опыты быстротекущей жизни.

Кряжич поглядел на Шагаева и воспрительно улыбался. Этот хитрый человек никогда не теряет времени понапрасну, и его появление у Татьяны, очевидно, — не спроста.

— Вы уж, Игнатий Игнатьевич, — подмигнул ему Кряжич, — сразу берете быка за рога. Это у вас лучше выходит, хотя вы и любитель присказок и предисловий...

— А я хочу уюта и ласки. Я жажду отдохнуть под лебединым крылом нашей милой девушки... Здесь — свет и молодость...

— Ну, чем не поэт? — засмеялся Кряжич.

Он отхлебнул из стакана, но чай был горячий, и он обжегся.

Игнатьич с лукавым сочувствием посмотрел на него и вздохнул:

— Ох-ох, как неожиданны бывают ожоги!..

Посмеялись. А Кряжич подхватил весело:

— Как каламбуры и новости Шагаева...

— Увы! По ночам петухи поют хрипло...

Татьяна встревожилась, но ресницы ее дрожали от затаенной улыбки.

— О чем же поют ваши петухи, Игнатьич Игнатьич?

— Ах, как люди жаждут новизны!.. — вздохнул Шагаев, закрывая глаза от избытка чувств. — Жизнь полна странных внезапностей и загадок. Ну, к слову: мог ли я предполагать, что фрау Кряжич, этакая затворница, явится передо мною в роскошном платье, как королева, и любезно удостоит меня своим вниманием?

— Вы достойны всяческого внимания, — серьезно заметила Татьяна: — Но на ваш костюм я посматриваю критически...

— О! фрау Кряжич зорко проверила мои одежды. Разумеется, явлюсь я в смокинге и с белой астрой в петлице.

— А я считаю, что вам нужно, Игнатий Игнатьевич, не являться, а войти во всей своей правдивости... — глубоко-мысленно заметил Вакир.

Шагаев покосился на него и строптиво прикрикнул:

— Ты — долгоногий щенок. Хотя ухо у тебя и отжевано, но, оспаривая старых псов, ео ipso ты унижаешь их авторитет. Кто мне делает пропозицию — ты или фрау Кряжич?

Кряжич нетерпеливо поглядывал на Шагаева и посмеивался его игре. Чем ни сенсационнее была новость у Шагаева, тем он продолжительнее томил друзей.

Татьяна ликовала: Игнатий Игнатьевич всегда вносил в разговор веселую легкость и какую-то интригующую свежесть. Ей было приятно еще и потому, что Вакир чувствовал себя хорошо в обществе этих людей.

— Какая дерзость!.. — обличительно провозгласил Шагаев. — Он смеет оспаривать народную мудрость: по одежде встречают...

— Я уже не застал этой мудрости, — ответил Вакир. — Ее, кажется, вымела революция вместе с другим сором! Наш мастер Чубук поучал меня: бей и не побит будешь... Это мне ближе и понятнее.

— О времена, о нравы! какой у тебя, сынок, неотесанный и откровенный ум!..

— Порочный ум... — согласился Кряжич.

— Вы ошиблись, Николай Николаевич! — крикнула Татьяна. — Не порочный, а — прочный ум...

— Но не удобнее ли для нас, Николай Николаевич, хотя бы изящный ум Стрижевского? Этот замнач всегда одет безукоризненно, и манеры его полны благородства. Последний из могикан! Это — римлянин. Я преклонялся перед ним сегодня, как плебей, когда он, окруженный иностранцами, красиво говорил с ними о кризисе со строительными материалами. Это звучало, как стихи, когда он обворожительно заявил, что да-

же щитов на опалубки не будет в ближайшую декаду...

— Мне это не известно... — искренно удивился Кряжич.

Для него это было действительно неожиданной новостью: Стрижевский, ведающий строительными работами, не нашел нужным предупредить его.

— Вы слишком застенчивы, Николай Николаевич, — кротко и ехидно ответил Шагаев. — А Стрижевский — ласков и мил, как тигр.

— Но последняя бадья!.. — встревожилась Татьяна. — Она обязательно должна быть уложена к октябрьским дням.

— Ах!.. — вздохнул Шагаев. — Дорогая девушка, последняя бадья — это только мечта романтиков... Так изрек Стрижевский. Он — философ и сердобольный реалист. Романтизм, говорит, подкоренное число с отрицательным знаком.

— Я когда-то уважал этого человека... — раздумчиво сказал Кряжич, — уважал за последовательность и твердость мыслей. Эти мысли когда-то совпадали с моими. Но я не питал к нему симпатии: он по характеру — лиса.

Шагаев передал стакан Татьяне и угрожающе посмотрел на Вакира.

— Но более эффектная драма — у вас на электростанции.

— Знаю...

— Ни черта ты не знаешь. Где ваши рабочие?

— Твердо и убежденно — на местах.

— Ты, осел, способен взбесить самых уравновешенных людей, вроде меня. Они — в соугороде.

— Они не в соугороде, а — на электростанции, Игнатий Игнатьевич.

— Ты меня считаешь за Дагобера? По-твоему, я и штаны ношу вверх тормашками?..

Татьяна смеялась. Кряжич тоже улыбался, покуривая.

Шагаев вдруг озабоченно обратился к Кряжичу:

— Вы, Николай Николаевич, позволили бы сейчас на бетонный завод правого берега — почему вышли из строя две бетоньерки? У вас там веселые ша-луны.

Кряжич быстро встал и ринулся к телефону. С необычным спокойствием он ответил:

— Это похоже на обычную вашу шутку. Почему мне об этом не сообщали?

— Люблю пошутить, Николай Николаевич, верно. Шутка окрыляет душу. Но вам сообщали. Это — факт. Вы же ходите по гостям. Вот почему я счел долгом посетить вас на дому.

Кряжич позвонил в свою контору, но ему ответили молчанием. Тогда он яростно вызвал завод. Из разговора его с каким-то инженером выяснилось, что бетоньери внезапно потерпели аварию от чрезмерной перегрузки...

— Еду! — угрожающе решил Кряжич и направился к вешалке. — Любопытно схватить за горло подлецов.

— Красив человек в бешенстве своем... — с наслаждением сказал Игнатич.

— Сначала вызовите машину, Николай Николаевич, — посоветовала Татьяна. — Не пешком же итти. Я еду с вами.

— Я уважал этого человека, — взволнованно говорил Кряжич: — Я верил ему... Но, это — Лойола. Он замаял дело о пожаре на комбинатах. Он не раз намекал мне, что Бубликов не так страшен, как его малевали. И когда встречал с моей стороны отпор, почему-то юлил около меня, говорил комплименты и упрашивал посетить его на дому. Теперь для меня все понятно: это — последовательный, принципиальный негодяй.

— Это — крайности, крайности, Николай Николаевич, — хитро усмехался Шагаев: — Опасайтесь крайностей: они всегда заострены...

— Очевидно, меня учат только крайности... — огрызнулся Кряжич и заботливо обратился к Татьяне: — Вам, конечно, надо поехать. Новые бычки... сквозной договор...

Татьяна украдкой взглянула на Вакира, но он таинственно о чем-то совещался с Шагаевым.

— Ты ночуешь здесь, Вакир?

— Мы сыграем в шахматы с Игнатием Игнатьевичем.

— Но я могу не возвратиться до утра.

— Ключик при тебе, дорогая? Можешь не беспокоиться.

Кряжич молча пожал руки Шагаеву и Вакиру.

Игнатий Игнатьевич уже не интересовался Кряжичем: он с аппетитом пил из блюдечка чай вприкуску. Татьяна улыбалась. Николай Николаевич вдруг растроганно сказал:

— Хорошо жить, когда есть чувство локтя. И не одного, а обоих локтей.

— Опасайтесь локтей! — с притворным ужасом крикнул Шагаев: — Чем ни ближе локоть, тем больнее бьет.

Вакир поставил на стол шахматную доску.

VII

КТО НЕ СПИТ ПО НОЧАМ

1

Гудим каждый день ездил на стройку двух железнодорожных мостов: нужно было самому наладить и укрепить работу партгруппы. Ребят послали сюда со шлюза и комбинатов, а парторганизатором выдвинули Репея, и он был этим очень доволен.

Один большой мост с берега на остров строил «Стальмост», а другой, меньший, — с острова на другой берег, — чехи. Фирма прислала сюда своих инженеров, рабочих и оборудование. Чехи жили на острове, на высоком берегу, в дощатых бараках. У них была своя лавка, своя столовая, свой врач, и в советский поселок на другой стороне острова никто не заглядывал: строгонастроено запрещалось общение с советскими рабочими.

А если рабочие встречались случайно, чехи молча проходили мимо, хотя исподтишка бросали взволнованные взгляды на русских.

На этом супесчаном горбыле, разорванном оврагами и гребнями гранита, было пустынно и неприютно. Кое-где во впадинах и по берегам кудрявились заросли лозняка и ольхи, и рваными пятнами зеленела трава, а когда вдруг начинал дуть ветер с востока, суховой, —

откуда ни возьмись мчались, прыгая по пескам и пегой траве, прозрачные шары перекаати-поля.

Хладнокровие Гудима, его неизменная уравновешенность в работе — и в партийном комитете, и на площадке, и даже в столовой ИТС, где он обедал, — многих забавляла, а многих выводила из себя. Одни приписывали эту его особенность бюрократическим навыкам, другие — чванству и честолюбию. Всем казалось, что он совсем не способен волноваться. Случалось, что во время аварий и скандалов десятники, бригадиры и рабочие обступали его, кричали и ругались, а он, не обращая на них внимания, сам расследовал обстоятельства дела, допрашивал, проверял механизмы, вызывал завтехником безопасности Игнатия Игнатьевича Шагаева и вместе с ним устанавливал причины неполадок. Тут же на месте исправлял ошибки в распорядке работ, делал строгие выговоры и проводил новые мероприятия. А в заключение поучительно внушал:

— Чтобы хорошо работать, надо уметь оперативно руководить. А вы не отвечаете за себя, потому что не научились мыслить по-большевистски. Нет у нас тупиц и бездари, есть только рясняпы и вредители.

Шагал он по участкам твердо, повоенному, но тяжеловато, немного сутулясь.

Как-то он остановился около одной женской бригады на щебне. Хорошенькая бабенка кокетливо подошла к нему и, выпятив грудь, боком проплыла мимо, вызываяще играя глазами. Женщины визжали от хохота, а она, подергивая плечами, пропела:

Милый мой, Мартын косой,
Не смейся меня с другой...
Я — цветок, ты — сухостой...
Убирайся, чорт с тобой!..

Гудим внимательно взгляделся в нее, проверил ее движения и невозмутимо определил:

— Ритм — хороший, но — вхолостую. Ты на щебенке не годишься. Надо перевести тебя на бетон: там такие ноги — в самый раз.

И пошел дальше, глухой к хохоту и крикам женщин.

Весь свой день он проводил в партийном комитете и на плотине, на главном и ответственном участке работ. Обязательно бывал на электростанции, на шлюзе, на комбинатах. Раз в декаду ездил на мотоцикле в колхоз выселенцев, где орудовали Прокок с Домашей. Хотя за ночь уже выпадал иней, а над рекой дымился туман, он ровно в семь часов шел с полотенцем в руках на берег и погружался в воду. Неторопливо и основательно вытирался до красноты и делал утреннюю зарядку. В половине восьмого выпивал в парткоме два стакана горячего чаю, который готовила только для него уборщица Марфа. Оба они — и Марфа, и он — молчаливо проводили это время до девяти часов, как будто не замечая друг друга. И это очень нравилось Гудиму. Марфа, пожилая вдова, похожая на беременную, относилась ко всем с гордым хладнокровием. Но Гудима обожала и считала образцом для всех. Как-то она подошла к Васю и сказала наставительно:

— Ты еще стригунок, и уши у тебя щенячьи. Ты думаешь, ежели жожакуешь над комсой, так ты человек?..

— Даже больше, чем человек, Марфенька, — скалил зубы Васяй: — Я — образ истории...

— Люденишь ты... образ!.. Человеком ты тогда будешь, когда товарищ Гудим помолчит с тобой, как с ровней...

Васяй хохотал и вертел ее из стороны в сторону.

— Ах, ты, коварная женщина! Знает, что немые — самые хитроумные люди...

Марфа отталкивала его и сокрушенно качала головой...

Несколько дней подряд после отъезда Мирона в Мокву Гудим пропадал в котловане, — у подножья тех трех бычков, которые выросли на «гнилых подушках».

Уже много дней люди ломали головы над тем, как обуздать эту проклятую скалу. Приходил Кряжич, развевалась на ветру борода Шлиппе, размахивал полями макинтоша Вихляев. Опечаленно улыбался Борзый, Шлиппе обращался к нему с шутовым упреком:

— Ну, Петр Иванович, что же нам делать с вашей геологией? Задали вы нам задачу...

Борзый благодушно сидел на камне и внушительно отвечал:

— Мое дело — диагностика, а ваше — искать пути и средства врачевания язв...

— Утешил, старик, нечего сказать... совсем, как доктор: больной — плох, исцелит бог...

Немцы-консультанты, белобрысые, похожие на туристов, шагали около бычков и заботливо переговаривались между собою, обособленно, отчужденно. замкнуто.

Кряжич подходил к ним и старался вмешаться в их разговор. Они авторитетно бросали ему короткие фразы на своем суровом языке.

Кряжич щурился на них и усмехался. Шлиппе добродушно гладил свою бороду. На висках у него лучисто собирались морщинки.

Кряжич с злой вежливостью начинал спорить с немцами, но они отмалчивались и уходили.

— Вы понимаете, Генрих Карлович, они просто разрубают гордиев узел...

Шлиппе кивал головой и ласково чесал свою бороду.

— А вы потерпите, потерпите, Николай Николаевич...

— Станный все-таки народ, Генрих Карлович. Вы вот тоже немец по происхождению, но в вас нет этого педантического формализма.

Шлиппе улыбался морщинками и удивленно поднимал брови.

— Ну, какой же я немец? бывший дворянин... Дед — славянофил, а родитель — земец-либерал...

И лукаво играл бровями, прессиая бороду ладонью.

— Знаете, я предпочитаю не только не воевать за планы, таблицы и графики, но нарушать их, если требует этого коллектив. Отвечаю не я, а коллектив. Запомните. Надо учиться этой мудрости у Викентия Михайловича.

Кряжич сквозь зубы недовольно бурчал:

— Оппортунизм — бездушен, Генрих Карлович, потому что он беспринципен.

Шлиппе в ужасе поднимал брови.

— Мочи нет, какой вы ребенок! И щепетильны, как недотрога.

Путаясь в полах макинтоша, Вихляев подходил к ним, потный и измученный.

— Да-с, знаете ли... уж подлинно — скважина... Чортова дыра... прорва!.. Картина, знаете ли, достойная пера психолога... Ежели производить выемку — в ад угодим...

А Борзый улыбался всеми морщинками на лице:

— Картина этого гнездышка земной коры вам ясна, друзья. А победа над природой зависит не столько от техники, сколько от нашей воли и дерзкой мысли.

Гудим стоял среди бурильщиков и инженеров и, казалось, бездумно смотрел на сахарные изломы монолита под бычками. На всем пространстве гранитов не было видно ни трещин, ни провалов, ни дыр, забитых грязью и галькой. Только поодаль, со стороны островка и у основания среднего бычка, весело играли в камнях ручейки прозрачно-чистой воды.

Кое-кто из рабочих возился около бурильных станков, некоторые грустно сидели на камнях, дымя папиросками. Они молча переглядывались с Гудимом, недружелюбно ругались и покрывали. Гудим рассеянно посматривал на бетонную башню с отпечатками досок на стенах.

— А ведь, пожалуй, ребята, нас прут отсюда...

— Все может быть... — весело согласился рабочий с рыжей шерстью на щеках.

— Дни наши — скучные, сорока-барыня... — грустил Матвей (его бригаду перебросили сюда, как лучшую). Он поплеывал на пепел самокрутки и обиженно жмурился. — А отчего скучные? Оттого скучные, что — в потемках мы... И ты, Ефим Уколов, по сему разу, явно беззаботный.

Гудим вдумчиво изучал бычок и прислушивался к гранитам

— Обязательно попрут нас немцы, товарищи. Даю руку на отсечение. Позорно попрут.

— Все может быть... — опять весело подтвердил Ефим Уколов.

— Вы — хозяева: решайте. Немцы требуют: разоружайтесь! А вы?.. Как вы отвечаете? Скучно. Дрянь дело: это — поражение.

— Как это так — поражение? — возмутился долгоносый, угрюмый парень. — Никакого не может быть поражения.

Он снял кепку с головы, с презрением взглянул на нее и опять бросил на лоб. Потом встал, поправил широкие парусиновые штаны.

— Я не голосую...

— Это по какому же предложению, Митя? — с лукавым участием спросил Ефим Уколов.

— Я не голосую... — упрямо повторил парень, опять срывая кепку. — Ежели товарищ Гудим строит сатиру насчет разоружения, я сдаваться на его подходы не желаю. Я ночей не сплю из-за этих чертовых подушек... Я, может, болею от этого... Жизнь моя на этой скале — глупая...

— Все может быть... — засмеялся Ефим Уколов. И вдруг задумчиво, с притворным сожалением спросил вкрадчиво: — А ежели, Митя, жизнь твоя глупая на скале, то-есть, бесполезная, — как же ты бунтуешь?

— Вот так и бунтует, сорока-барыня... — строго пояснил Матвей. — И я бунтую, Ефим Уколов. Ежели не дается дело, как не забунтуешь? А инженеры молчат, арапы, — сами невеселые. Немцы — что? Им абы с рук долой, им хоть все вдребезги расшиби, — наплевать. А это, может, для меня — смерть... Митя страдает правильно. Я тоже никак не согласен голосовать...

— Я не желаю сидеть здесь сукиным сыном... — свирепел Митя. Он поблел и враждебно избегал взгляда Гудима и товарищей.

— Так давай же, Митя... — с насмешливой вкрадчивостью запищал Ефим Уколов. — Я — весь готовый... — И засмеялся. — Выноси резолюцию, Митя. Кто же нас мучил по ночам, как не ты?..

К ним подошел, прислушиваясь к их крикам, Борзый. С ним всегда так бывало: стоило ему увидеть и почувствовать оживление и спор среди людей, он сейчас же тянулся к ним.

Гудим был доволен: он внимательно следил за рабочими, изучая каждого из них и соображая что-то про себя. Хотя лицо его было непроницаемо, но в душе он переживал какие-то порывы. Что-то похожее на улыбку мерцало у него в глазах. Но он владел собою расчетливо, осмотрительно и делал вид, что только от рабочих ожидает окончательного решения.

— Что мне ваш бунт, друзья?.. Не бунт важен, а успех дела. Ни к чему мы с вами не годимся. И немцы будут правы, когда дадут нам под зад коленкой.

— Все может быть... — посмеивался Ефим Уколов, подмигивая Мите. А Митя увидел Борзый и с негодованием рванулся к нему навстречу.

— Товарищ Борзый!..

— Слушаю, слушаю, юноша...

... По общему мнению сведущих людей, подушки нельзя было устранить. Хотя бычки и будут стоять, но вода рано или поздно прорвется через эти рыхлые гнезда. Решили исследовать гранитное дно в верхнем и нижнем бьефах. Результаты были безотрадны. Немцы решительно требовали: взорвать бычки и произвести глубокую выемку породы.

Эта история привела в смущение и Балеева.

Он собрал техническое совещание, но совещание это только внесло сумятицу в дело.

Кряжич твердо заявил, что он не допустит взрывать бычки и найдет выход более достойный для советской гидротехники. Он будет иметь дело не с бризантными силами, а с силой сцепления. Он не доверяет консультантам и их требование считает нелепым и подозрительным. Инженеры испуганно смотрели в его сторону, а он резко отчеканил, что об этом он не постесняется сказать немцам в лицо. Балеев улыбался.

... Митя не спал по ночам. бродил по

пространствам барака между койками и стоном, как больной.

— Митька! — рычал на него из-под одеяла Матвей. — Ложись, домовой!.. Половицы вместе с тобой ходят...

— Невмоготу, Матвей... Не спится, не ложится... Несчастье у нас, Матвей...

А Уколов сонно похихикивал в кровати:

— Все может быть...

— Вы, сволочи, ни о чем не думаете... У вас сердце мохнатое... А я вот страдаю за всех сразу...

— А ты не страдай, Митя... — издевался Ефим Уколов: — Коли у тебя это по охотке — не из'являй вообще... страдать страдай, а спать не мешай...

— Ехида! — ярился Митя. — Из таких, как ты, дезертиры и летуны рождаются.

— Все может быть...

— Будешь ты спать, Митька? — угрожающе кричал Матвей, и со всех сторон тоже начинали ворчать рабочие.

— Не желаю спать... Это — мое добровольное дело...

— Не будь сукиным сыном, Митя... — добродушно ругался Ефим Уколов. — Не броди лунатиком — койка шкварчит.

— У меня, может, сердце шкварчит... Что мне твоя койка?.. Надо знать интерес...

— Вот, малохольный, сорока-барыня!.. — вздыхал Матвей и садился на кровати. — Шагай сюда, давай рассуждать... Прекращай спать, Яфим...

Склонив друг к другу головы, они долго шептались и ложились, примиренные. Но через некоторое время Митя опять мычал и спускал ноги с койки. Он сидел на ней, вцепившись руками в голову. Потом кричал, вставал с постели и опять бродил по бараку.

И вот Борзый будто почувствовал в нем этот неугасимый огонь тоски и пошел к нему с любопытством и оживлением в глазах.

— Слушаю, слушаю, дорогой...

А Митя метнулся к Гудиму.

— Помогай, товарищ Гудим: ты — партия...

Борзый пытливо следил за ним со стариковской лаской в лице.

— Скажи, товарищ Борзый, вот эта рухлядь под бычками — глубокая она?

— Глубокая, дружок: если выбрать ее до последнего камня, бычки могут деформироваться. Большое поле.

— Значит, бычки все равно повалятся, ежели удалить эту дребедень?

— Обязательно рухнет, юноша.

— Значит, мы будем дураки, ежели выгрузим этот навоз?

— Похоже, что будем дураки... — дружески улыбался Борзый.

— Ладно, не возражаю. Но ежели, товарищ Борзый, это барахло не тревожить, — что будет?

— Ничего не будет, юноша.

— Вот! — победоносно крикнул Митя. — Что и требовалось доказать. Долой перфораторы! Давай «сандерсон»! Зальем цементом под напор... У меня — план...

— Гидротехники — народ упрямый, дружок: они считают самым свирепым и опасным врагом — воду. Но все же я думаю, юноша, что ты — сильнее, чем все немцы, взятые вместе: не угадай душевной бури...

Рабочие переглядывались, перемигивались, хитренько притворялись внимательными слушателями, но видно было, что Борзый они считают за безобидного и потешного чудака, говорящего на непонятном языке. Люди они были практические, и всякие слова и мысли для них имели значение и ценность, как выражение их дел, стремлений и поведения. А этот старик, проживший долгую жизнь, похож на какого-то приятного проповедника и прорицателя, слушать которого хоть и занятно, но бесполезно. Митя же отнесся к нему иначе: он вытянул шею и жадно ловил каждое его слово, глубокомысленно сморщив лоб. Он ждал от Борзого каких-то больших, авторитетных слов. Казалось, что он только один проникал в мудрый смысл рассуждений Борзого и постигал их особую глубину. Когда Борзый сказал о душевной буре, Митя даже обрадовался. Он не утерпел и убежденно подтвердил:

— Истинный факт, товарищ Борзый.

Гудим был по обыкновению безучастен и слушал Борзя так, как слушал очередного оратора, точно заранее знал, что скажет этот старик.

Он отошел в сторону и с застывшим лицом понаблюдал за Шлиппе и Кряжичем. Потом сказал бесстрастно:

— Товарищ Кряжич! Попрошу вас всех сюда.

Шлиппе с торопливой готовностью устремился к Гудиму, вслед за ним пошли рядом Кряжич и Вихляев.

Кряжич прошел к группе рабочих, которые плотно обступили Борзя и слушали его с снисходительным вниманием. Только Митя был радостно возбужден и все поддакивал геологу:

— Твердый факт, товарищ Борзьяй. Ночей я, понимаешь, не спал...

— Не верь никому, дружок, — поощрял его Борзьяй. — Не верь никому, что ночи даны для сна. Сова Минервы вылетает только по ночам...

— Подлинный факт...

Митя оказался в центре внимания. Он страстно и вдохновенно бросался и к Кряжичу, и к Борзьяю, и к Шлиппе, и к Гудиму, сбивчиво и крикливо разъяснял им, как здорово будет, ежели двинуть «сандерсоны», пробурить скважины по всему флютбету, загнать туда жидкого цемента под высоким давлением, и — все будет в порядке. Его не перебивали, слушали внимательно, а он чувствовал, что он вдруг стал значительным и необыкновенным среди этих людей. Даже Ефим Уколов стал серьезным и умным. Матвей же улыбался и подмигивал. Но, когда Митя встретился с глазами Шлиппе и Кряжича, сразу запутался, и у него закружилась голова. Ему почудилось, что они смотрят на него с насмешливым сожалением. Кто он перед ними? Просто рядовой, незаметный парень, без знаний, без опыта, без технической квалификации. А они — высокие руководители, старые инженеры, большие головы... Они известны во всех уголках страны, они — настоящие великаны, и мозг их — непостижим для него, Мити, и для всех соратников по бригаде. Когда же он увидел лицо Вихляева, с лукавой улыбкой в глазах, удивленно-ласковое, под-

бадривающее, — опять осмелел и загорелся.

Кряжич, к удивлению всех, потрепал Митю по плечу и весело крикнул:

— Верно! молодец!.. Мы с тобой, голубчик, стоим на одной точке зрения. Твои соображения правильны. Взрывать бычков не будем.

— Пошли они к чорту, немцы-то, товарищ Кряжич!.. — счастливо засмеялся Митя. — Я, товарищ Кряжич, ночей не спал...

— Хорошо, что не спал... — Кряжич тоже засмеялся.

Матвей засопел и сердито крикнул, тыкая в грудь Мити закорузлым пальцем:

— Ты, Митек, хоть и надоскучил нам, шалый, ну зато мозгой поворачиваешь... Обеспечим... хоть год не спи, сорока-барыня...

Все засмеялись, а Вихляев растроганно сказал, ни к кому не обращаясь:

— Ух, народ наш... красавец!.. А какие песни поет!..

Инженеры вместе с Гудимом посоветовались между собою, и Кряжич отдал распоряжение немедленно перестроить работу.

2

Новый железнодорожный мост рабочие обязались закончить к зиме. Первые поезда должны были пройти по линии в новый год. Плотина к этому времени поднимет воду на двадцать метров, и огромное озеро зальет все долины и балки. Нижний поселок будет разрушен, обломки его погрузятся в воду, и эти места уже никто не узнает. Сборка новых мостов считалась ударным делом. Стальные конструкции громоздились на береговых площадках, тяжелые, страшные в своих изломах и дугах. Монтажные работы производились посредством порталных кранов. Клепальные молотки металлическим хором дребезжали в переплетах и слышны были даже в соулгоде.

Репей и днями и ночами пропадал на работах. Он скоро узнал всех слесарей и клепальщиков, всех мастеров, инженеров и техников. Как опытный кузнец и слесарь, он видел, что работы шли без-

заботно. Господствовала всюду мастеровщина, и каждый из этих людей, набранных в разных городах Союза, привык копошиться у своего места вразвалочку, с цыгарочкой, с раздуминкой. Каждый отвечал за себя и не интересовался работой другого. Репея встречали и провожали насмешечками, подмигиванием и нарочно собирались около него с хитринкой, чтобы побалагурить, поджечь его на ораторство, а потом ехидным вопросиком и озорством сделать его посмешищем для всех. Большинство этих людей вербовались самим Старателевым и его помощниками. Заводским рабочим трудно было бороться с этими кустарями. Но возбуждение, которое охватило тысячи рабочих в дни кампании за встречный план, зажгло и мостовиков. Они рьяно начали изучать проект сквозного договора, посылали делегатов на смежные участки и день ото дня вовлекались в дела всей стройки. Торжественно подписали они договор и сразу почувствовали, что с этого часа отвечают уже не только за себя, но и за всех. Выполнение его было уже делом чести.

Отпечатанный текст был вывешен всюду — и в конторке, и на мостовых конструкциях, и в общежитиях.

Репей собрал около себя своих шлюзовиков и ленинградцев и устроил с ними ряд совещаний о том, как организовать массу, как пробудить в них коллективный дух. По участкам устраивал производственные летучки и дружески убеждал людей:

— Решайте, друзья-товарищи... Вы — хозяева, вы — сила... Показывайте, где Москва на карте... Вызволяйте!.. Вон на плотине девушки чудеса делают, о них в газетах пишут... А неужто же мы, при нашей силе-возможности, не возьмем правильной линии и не покажем класс производительности?..

Однажды он поставил в пример чехов: как же это мы, советские рабочие, допускаем, чтобы над нами издевалась буржуазная фирма? Мы — свободный рабочий класс, а над нами хохочут, в грош не ставят, дикарями и бездельниками величают. У них, у чехов-то, — эксплуатация, мучают рабочих-то, как

грешников в аду... болеют они и мрут. Больницы у них нет, заботы о народе нет. Вон упал один с конструкций и умер без помощи тут же, на камнях. Болезни. Не выдержал один клепальщик и в горячке побежал к нам же — к братьям своим, как из плена. Не добежал — подход в степи. Вот как. А мы хулиганам, не ценим своих благ, не гордимся... Да куда же это годится? Да как же мы уважать-то себя смеем? Да где же у нас тогда Москва на карте?

Заводилой озорников был Перебойченко, здоровенный детина, с мстительными глазами. Он отшагивал напористо, не замечая людей и загребая левым плечом.

— Мы им, хадам, сами покажем, где Москва на карте... Поглядим, кто кого охомукает... Мы работали с начальником Старателевым... Можно сказать, орел... У нас никаких неполадок с ним не было... А тут — пожалуйста!.. наше почтение!.. — организаторы явились... сквозняков напустили... обязательство!.. Кто давал им право давать за нас обязательство?.. Чехи, пускай, ухнетенные, а на сквозняках не работают. Нас же, свободный, рабочий люд, палками выхоняют на встречные сквозняки...

Шайка хулиганов начала действовать угрозами и расправляться кулаками с теми из рабочих, которые находились в их артели.

3

Вскоре произошло событие, которое потрясло и возмутило всех рабочих. Однажды глубокой ночью на мосту раздался звериный рев. Рабочие бросили работу и сломя голову побежали на крик. Клепальщик, комсомолец, недавно присланный с гэта, лежал на настилах досок, скрюченный, с застывающей судорогой в теле. Пиджак у него дымился и вспыхивал огоньками в разных местах. Когда его осмотрели — нашли, что кто-то сунул ему в пазуху добела раскаленную заклепку.

Парень умер на глазах у рабочих. Сбежалась большая толпа и хмурую стояла вокруг его труп. Кто-то наклонялся над ним и тушил тлеющий пиджак. Кто-

то поднял его руку и бережно положил вдоль тела. И вдруг тихий и угрожающий голос спросил:

— Это — кто же такой?.. Эта какая же сволочь?..

Люди заволновались. Кого-то схватили, с кем-то боролись и тащили к толпе.

— Это ты, сукин сын? Говори!..

Перебойченко дергал то одной, то другой рукой, стараясь вырваться.

— А ну, брось! а ну, не цапай, хад!.. Кто свидетель? Докажи и опиши, ежели ты очковидец... А н-ну же, говорю! Оставить свои хваталы: я сам могу стоять на ногах и защищать свою личность...

— Это ты мутил... Кто брехал, как не ты?..

— А ты не брехал?.. Заявляю: ты брехал...

— Кто — у горна? Являйся!..

Чахоточный с виду кузнец, в кожаном фартуке, плаксиво улыбался.

— Не видал я... Работаете на бригаду... Народу тут шатается — прорва...

Так и не узнали, кто сжег комсомольца. Но подозрение падало только на Перебойченко. Подозрение это перешло в уверенность в день похорон парня: Перебойченко не провожал гроба до кладбища, а носился с открытой грудью, с оскальной мордой озорника по общестиям, по площадке и потешался.

— Еще никто Перебойченко не брал на абортж. Кровкой захотели покапать на мою личность... Не удастся во веки веков... Перебойченко не в таких переплетах бывал...

Пока милиция расследовала дело, Перебойченко продолжал работать на своем участке. Правда, он был задержан на сутки, но потом явился с победоносным нахальством. Рабочие волновались: никто не хотел становиться с ним в пару. На могиле комсомольца все решили объявить Перебойченко бойкот: не общаться с ним, не разговаривать, не отвечать на его вопросы.

В первые дни он держал себя героем: похаживал и задирал рабочих. Но они молчали, старались не замечать его, а в общестии около него была нема

пустота. С ним никто не работал, никто к себе не принимал. Даже его прежние дружки отшатнулись от него, подавленные жутким безмолвием. Он жил среди людей, он был одинок. Вокруг него шла обычная жизнь: ревели отбойные молотки, шумели горны, лязгало железо, а он, безработный, бродил, как пес, и его хохоток и издевательские насмешки не долетали до ушей. А в общестии он не мог найти себе места, кроме своего топчана: как только подходил к группе рабочих или к кому-нибудь из соседей, сейчас же все поднимались и уходили. Он попрежнему шагал с обычным мстительным взглядом исподлобья и издевался над «сквознячками» и ударниками, но гнетущая тишина уже испугала его. Он озирался, хмыкал и зловеще мычал: «Ну, и х-хады!..».

В общестии строго-настрого запрещалось приносить спиртные напитки. Ежели пьющим людям было невмоготу, они уезжали в старый город. Это правило с уважением выполнял и Перебойченко. Но вот однажды ночью он появился в общестии с бутылкой водки, сел к столу, вызываяще крякнул, выставил бутылку и красноречиво, с шутковским величием, провозгласил:

— ...и источника бессмертного вкуса!..

Люди угрюмо отошли от него еще дальше. И даже самые ненадежные парни, которые раньше якшались с ним, разбрелись по отдаленным углам. Он сидел и притворялся, что наслаждается и что ему наплевать на всех, сосал прямо из бутылки, крякал, завывал и стучал кулаком о стол.

— Ха, што, бито, резано... Осада крепости... Наплевал я на вас с высокой башни... Ваня! иди, корешок, причастись... Где горячие денечки наши, Костя!.. А-а! Изменники дружбы!.. Помните, Костя и Ваня: быть вам обратно в утробе матери-земли...

Но в выкриках его слышалась растерянность. Он видел, что рабочие тихо совещались о чем-то, не обращая на него внимания, и чувствовал, что эти чужие теперь люди становятся зловещими и загадочными.

Пришел комендант с портфелем. Изпод насупленных бровей он смотрел не на Перебойченко, а куда-то поверх его головы, в пространство барака.

— Гражданин Перебойченко, прекратите в стенах общежития употребление крепких напитков. Я должен составить протокол и по решению рабочих выслать вас из общежития.

Перебойченко забушевал, забесился, замахнулся бутылкой на коменданта. Но комендант как будто не чувствовал его угрозы.

Перебойченко упал духом. Он рухнул на табурет и уронил голову на руки.

— Попомните, хады!.. Жив Перебойченко, и не потухла его звезда... Костя и Ваня, не забывайте своей судьбы! Не в могилу вы меня провожаете, братишечки... а встретите меня, дружка, как гостя дорогого...

Он встал и надавил плечом на коменданта.

— Ну, шпанская муха, веди!..

Комендант с затаенной усмешкой дернул плечами.

— Не выйдет. Места для тебя везде под бойкотом.

— Так-с. Чисто сработано. Значит, под осенние небеса?

— Логически — так. Собирайте ваши вещи и оставьте помещение.

Перебойченко стоял зеленый. Лицо его дергалось. Он прищурился то одним, то другим глаз.

Очень медленно подошел к одному из столбов, которые шли в два ряда вдоль барака, прислонился к нему плечом, потер рукою волосатую грудь и прохрипел:

— Сдаюсь! Без никакого красноречия.

Кто-то насмешливо добил его:

— Москва слезам не верит...

Эти беззлобные, почти шуточные слова оглушили Перебойченко. Он отшатнулся от столба и угрожающе шагнул на голос, втягивая голову в плечи. Казалось, что он рванется к рабочим и начнет бить их направо и налево.

— Это кто сказал? Это мне веры нет?

Но ему никто не ответил.

Он привык иметь дело с отдельным человеком, а перед ним было много людей, и они вместе противостояли ему. Была секунда удушливой тишины, и тишина эта обессилила его.

— Попомните это, ребятишки... Гром и молнии будут...

И с трудом выдавил дверь.

4

Репей был человек подозрительный и в'едливый. У него, как он говорил, был «собачий нюх» насчет всяких врагов.

— Я Хабло учуял... на что осетр был... Я ни на час не забываю, где Москва на карте... А этот голавль поверху плавает...

Но Перебойченко вдруг бесследно пропал. Вещишки его лежали в бараке, а он растаял, как дым. Репей забеспокоился и забегал по всем мостовым участкам, но нигде Перебойченко не встречал. Он мчался на шлюзы, на плотину, на поселки, в охрану, секретничал и с невинным видом справлялся:

— Не встречали вы тут, случаем, Перебойченко... такой детина с голой грудью?.. Чего-то бродяжит, шайтан...

Хитрости Репея хорошо знали на шлюзовом канале и отвечали ему простодушно, подмигивая:

— Опять охотиться?.. Ну, погоняйся, погоняйся... Ты — как борзой кобель, Релей: ушки — на макушке, а нос — на прицел.

Неожиданно встретил он Перебойченко вечером — в коридоре, у дверей Самородова. Перебойченко оскалился и пронесся мимо к выходу. Репей даже улыбнулся ему и подошел к парапету, чтобы полюбоваться, как он сбегает по лестнице. А Перебойченко на повороте задрал голову, опять оскалился и помачал ему рукою.

— «Мой костер в тумане светит...».

Репей вошел в ярко освещенную приемную и увидел приветственный взмах конопатой руки Самородова. Он говорил по телефону и весело гримасничал. В комнате сидели несколько седых и молодых инженеров и уныло ожидали своей очереди на прием к Шлиппе. Репей, не снимая кепки, подошел к столу

Самородова и стал в упор всматриваться в его лицо. Ждал он терпеливо, неподвижно и, казалось, принюхивался. Из кабинета Шлиппе невнятно рокотали голоса. Репей встретился с глазами Самородова и увидел в них какой-то подмигивающий намек — этакую жизнерадостную игру. Лицо его беспокоило и озлобляло Репея, и ему чудилось, что веснушки ползают по коже, как клопы. Прикрыв ладонью трубку телефона, он заулыбался Репею.

— Не правда ли, дорогой, какие чудные дела творятся?.. На скале — метелица, у вас на мостике — бойкотики... Всюду — жизнь... Поздравляю, дорогой!..

Потом фокусно запетляя рукою какие-то манящие и тошно-противные узлы и, довольный, опять увлекся разговором. И вдруг сразу бросил трубку на рогатку, встал и липко заулыбался:

— Приходил ко мне твой герой...

— Видел. Развеселые вы оба люди...

— Теперь все — веселые... Даже фотографы заставляют ржать. Сломить его хочешь? Он пляшет вприсядку под твой бойкот.

— Это он у тебя пляшет. На стройке ему нет пристанища.

Самородов укоризненно покачал головой и опять начал плести рукою какие-то петли перед Репеем.

— Какой же ты руковод, ежели не можешь перековать сильного парня? Ай-ай, дорогой Репей!.. Партизанщиной занимаетесь. Запрашивал о нем отдел кадров.

Репей не выразил ни гнева, ни удивления, точно Самородов говорил о вещах малозначащих. Он взял трубку телефона и вызвал завкадрами. Но в трубке щелкнуло, и ухо Репея погрузилось в ватную немоту, похожую на мрак.

Он встретился с играющими глазами Самородова и покорно положил трубку.

— Нет нужды, товарищ Репей, — услышал он уважительный тенорок Самородова. — Я уже предупредил завкадрами. Будь спокоен: поле борьбы — чисто.

Но Репей уже шел к двери. Он пронзительно поглядел на румяного инженера с серебряными волосами и ухмыльнулся. В тот момент, когда самородовская рука нажала на рычаг телефона, Репей как-то внезапно испугался, точно эта щелкающая немота оглушила его. А когда встретился с смеющимися глазами Самородова, ему захотелось ликующе схватить его за галстук. На ходу он отворил дверь в кабинет Чумалова, но там никого не было.

VIII

ПОЧТИЛИ ВСТАВАНЬЕМ

1

Вечером Репей шел по мостовому переходу через плотину в Дом общественных организаций. Этот деревянный мост, узкий, грязный и скрипучий, колыхался от толп, от паровозов и вагонных площадок. Бетонными утесами стыли бычки, облепленные опалубками, обполосованные решетчатыми креплениями, оваянные метелью огней. Глубоко за барьером — вихри, полымя брызг и рев воды. Река не отражала света — она клубилась облаками, снежным кипением, и только там, в фиолетовом угасании, прощально уплывали, потухая, сугробы пены.

Репей распалялся от зависти к победоносным бетонщикам, к плотникам, к машинистам, к бурильщикам, мечтал о будущих ударных штурмах на мосту и мучился, что ему выпали на долю не штурмы, а насадная борьба со всякими сукиными сынами и поножевишками. Не рапортовать ему приходится о рекордах, а получать удары по черепу, возиться с каким-то проходимцем Перейбойченко, брать на прицел Хабло и конопатого Самородова. «Девчушки вот тут гремят на всю стройку... в газетах пропечатаны...», Репей замирал от боли о славе, о подвигах, о самоотверженности...

Да, вот уже новые опалубки в среднем котловане... растут все восемь бычков. Бурей оглушают паровозы с пло-

щадками по четыре бадьи. Теперь они выгружаются с крылатой быстротой. Говорят, что к октябрьским торжествам все бычки будут вздвигаться на шестьдесят метров... И людские потоки, и толпы кранов, и стремительные поезда будут вознесены на небесную высоту этого гребнистого хребта. Весь этот стройный, могучий фронт бычков, растянутый полукружием, как мехи необъятной гармонии, заиграет такой могучий марш, что дрогнет страна и ахнет от удивления мир. Вот что означает Москва на карте...

В'едались в мозг ползучий голосок и конопатая улыбка Самородова, а ухо еще звенело от внезапного щелчка в телефоне. «Вот и этот сукин сын украл дорогое время...». На собрании надо потолковать с Чумаловым. Впереди и позади запевалами заливались такелажники. И где-то в огненной бездне грохотали камни. Ветер повизгивал в проводах электропередачи. Солнечно ослепляющий фонарь покачивался от ветра, и четкие тени людей махали по настилам, ныряли друг в друга, выныривали и, разрываясь, судорожно обегали прохожих, вытягиваясь, ломаясь на рельсах и балках.

Далеко облачно сияли туманы над рекою, и оттуда несло холодной изморосью.

Кто-то схватил его за рукав и столкнул на площадку. В первый миг он даже опешил: по-новому незнакомой явилась перед ним Агаша.

Она пристально смеялась и поблескивала зубами. Белый беретик переливался шелком, теплая синяя кофта туго обнимала грудь.

— Ты куда это несешься, Гашок?

— А ты чего, Миша, такой задумчивый?

— Зато ты больно чепуристо одета. Почему пальтом бойкотируешь? — И строго пошутил: — Сурово взыщу за нарушение семейной дисциплины.

— Я же тепло одета, Миша..

И так задорно поиграла перед ним плечами и искорками в глазах, что Репею померещились двадцатые годы, когда Агаша гуляла с ним еще девушкой.

— Какая чудная кофта, Миша! Она — нагривистой пальтишка. А ведь ты знаешь мое барахло... погоди, разбогатею, куплю себе модное на меху...

Она выхватила из кармана розовую пастилку и сунула ему в рот.

— Скушай и помни. Видишь, я какая у тебя сластена?.. Очень даже уважаю фруктовые пастилки... Вот к Христе иду... Очень уж уещает меня: поступай и поступай на курсы камеральных техников...

Репей отвернулся на голос, который назвал его имя, — человек не поздоровался, а как будто смешливо отметил вслух, что увидел Репея. А когда он опять повернул лицо к Агаше, она уже исчезла.

Где-то в запутанной дали вспыхнул раз за разом белый беретик и погас бесследно.

2

В условленный час, в условленном месте — у дощатой конторки прораба — Агаша встретила Христею. Эта Христя раньше служила прислугой у инженера, а потом уборщицей в доме приезжих. Хотя ростом они были одинаковы, но Христя чудилась выше Агаши, — вероятно, потому, что костью была покрупнее: голова — большая, лицо — широкоскулое и руки — мужские. Агаша увидела ее у парапета и вскрикнула от удивления: Христя стояла к ней спиной, опираясь на поручни, в таком же белом беретике и такой же синей жакетке.

— Христя, голубушка! Как это вышло, что мы одинаково одеты?.. Вот неожиданно!..

Христя повернулась к ней, блеснула крупными зубами, и маленькие глазки ее, сдвинутые к длинному носу, смеялись узенькими щелочками. Она поцеловала Агашу, — не поцеловала, а толкнула толстыми губами.

— Прельстила ты меня. Сегодня купила, ядрышко. И, знаешь, — теплее пальто, а легкость-то — летняя. Вот в пропастину гляжу: что там, матушки, делается — страхота!..

— Мост этот скоро сломают — вот только бычки возведут в среднем про-

токе... Мост-то уж старый... Рабочие очень ругаются... У меня сердце трясется, когда хожу по этим доскам: все ходуном ходит...

— Я здесь, Ганя, никогда бы не согласилась работать. Когда в душе — страх, какой уж тут труд... мука одна... Я только на спокойной земле знаю себя правильно. Потрепала меня жизнь-то, — вот так же, как здесь, ног под собой не чуяла. А вот радость нашла... Дело-то камерального техника — тихое, незлобное...

— Вот, вот, расскажи-ка, Хрисгя, голубушка... Я ведь очень люблю все увлекательное...

— Да ведь это — мечта моя давняя...

— Сидишь себе в конторе, занимаешься сводками разными, расчетами... И люди тобой не распоряжаются и тебя не терзают. Может, это — скучно, но, Ганя, такая скука для нас, уставших женщин, — тихая обитель.

Агаша похолодела, поджала губы и посмотрела на Христю сбоку — с насмешливым участием.

— Всяк счастье характером своим меряет, Христя. Я тебя очень даже хвалю и уважаю: когда прислугой была, — птицей в мечтах летала. Вишь, какую дорогу-то проложила!.. А вот куда прилетела? В тихую обитель... Монастырь у нас, что ли? Брось ты, пожалуйста! И никакая ты не уставшая... Просто обидели тебя не во-время...

— Вот именно, Ганя, обидели... ах, как обидели!.. — вздохнула Христя: — Сирота я была... на чужих людей ворочала... Потом замуж вышла — за зверя вышла, за пьяницу... А потом — в прислугах, как собака... Как же мне, Ганя, не радоваться? Техник камеральный! Слова-то какие роскошные!..

Голос ее вздрагивал от счастья, а на глазах были слезы. Она не могла одна пережить своей обильной радости: будто пожадничала, взяла от жизни больше, чем нужно, а жизнь расточительно плескалась ласковыми волнами и волшебю открывала перед нею цветущие сады.

— Ну, ты уж, Христя, посиди одна в этой тихой обители. А я — человечина терпкая... — Она засмеялась, вспомнив,

что это же не ее слова, а — Мишины. — Не нужно мне, Христя, никаких роскошных слов. Я — женщина общественная: без суеты и беспокойства я дня не проживу. Ты слышала, как я жен инженеров взбулгачила? А домашние хозяйки — все по бригадам... и тоже на курсах... А ты берегись: стекла тебе камеральные вышибу.

Она дружелюбно улыбнулась и прощально погладила Христю по плечу. А Христя стыдливо засмеялась:

— Ну, вот! Хотела прельстить тебя: увлечь в камеральные техники... А мое счастье-то оказалось для тебя тряпчочкой...

3

В Доме общественных организаций Репей расхаживал по коридорам в толпах рабочих и нетерпеливо искал Чумалова. Рабочие приоделись — чистые костюмы, галстуки или просто свежие сорочки — и чувствовали себя приподнято и озабоченно. Люди толпились всюду: и в вестюбиле среди белых колонн, около книжного киоска, спускались и поднимались по лестнице и группами расхаживали по длинным коридорам с лунными лампами у потолка.

Встретил он и своих клепальщиков и кузнецов — четверых парней. Держали они несмело, обособленно. Когда увидели Репея, обрадовались, осветлели.

— Перебойченко встретили, товарищ Репей... Несется навстречу и нахально поет: «Мой костер в тумане светит...».

— Когда встретили?.. И все еще поет?

— Чего-то радостный, гнус...

Репей мрачно поглядел на каждого и, отравленный каким-то предчувствием, побежал по коридору, натываясь на людей.

— Чего-то знает... — встревожился рабочий с насупленными бровями.

— Мы видели, а он знает... вот как! — обрадовался парень с челкой на лбу. По привычке он наклонял голову и подставлял ухо к товарищам.

— Мы слово сказали, а он слово-то увидал...

— Ты — клепальщик, а мы — кузнецы... — загадочно пояснил ему первый. — Мы вместе с ним работали на шлюзе... Пронзительный характер... Погляди, он обязательно сразит...

— Перебойченко — не проста... он замыслил... — вдруг ошалел парень: — Дело так не пройдет: он веско продолжает...

— Мстит... — убежденно решил кузнец.

Пронзительно залились электрические звонки, по коридорам прошел ветер: все смешалось в тугую толпу и ринулись наверх по широкой лестнице.

Репей так и не нашел Чумалова: не было его и в комнате президиума. Здесь, в табачном дыму, толкались несколько человек ответработников, среди них — Осокин, Шлиппе, Цезарь, Паша. Осокин, испуганный, сидел за столом, дрожащими руками писал что-то карандашиком в блокноте и скрипуче прикривал:

— Ну, давай, давай, товарищи!.. садитесь, дорогие!.. Надо подготовиться умненько...

Цезарь и Паша стояли поодаль у стены и тихо разговаривали. Цезарь смотрел мимо Паши, заложив руки за спину, и как будто не слушал, что внушающе говорила ему Бочка, сердито поблескивая очками. Репей уважал Бочку и немного боялся ее холодных очков, а перед Цезарем благоговейно немел: хотя и редко говорил с ним, но знал, что в мозгах у него прорва знаний. Обратился он не к Бочке, а к Цезарю, робко и почтительно:

— Чумалов-то придет, Цезарь?

Цезарь ничего не ответил, а Паша досадливо буркнула:

— Ждем. Заседание откроем без него.

Забыв о Репее, она продолжала с печальной суровостью:

— Там разберутся, конечно, лучше нас. Но ты показал этим, что не доверяешь товарищам, подчеркнул этим свое к нам пренебрежение...

— Нет, я все продумал твердо. Если бы мое дело разбиралось здесь или в райкоме, это внесло бы разложение в работу и в массы. Всякое личное дело

неизбежно возбуждает сплетни и толки. Ты хорошо понимаешь, что я себя не щажу и готов на все...

— Ах, Цезарь, Цезарь!..

— Я выдержу, Паша... — И он болезненно улыбнулся. — Но ведь вопрос то не обо мне... Не должно быть никакого вопроса обо мне...

Репей ничего не понял из этого разговора, хотя он по привычке жадно ловил каждое слово. Он чувствовал, что стоять около них ему как будто неудобно: подумают, что подслушивает. Но и тут подозрительность взяла верх: он понял, что этот ученый культпроп завяз в какой-то путанице.

Осокин пыжился за столом, бородка вздрагивала у него, и он искал помощи у товарищей.

— Боченька, Цезарь!.. Будет там шептаться-то... Идите-ка сюда... помогайте!.. Начинать надо...

Репей прошел в зал и с трудом нашел место в говорливых рядах. Его клепальщики и кузнецы издали махали ему руками, но он долго не замечал их. И только тогда увидел своих делегатов, когда парнишка встал и громко выкрикнул его имя.

Делегаты еще входили по-одному, по два и бродили по рядам. В президиуме еще никого не было, хотя лампы сияли зелеными абажурами и воспламеняли красное сукно на столе. А Репей сидел, сдавленный плечами соседей, и думал только о Перебойченко. Эта встреча с ним в управлении около дверей Самородова не давала ему покоя. Слова клепальщиков оглушили его. При встрече с ними Перебойченко скалил зубы и напевал ту же песенку: «Мой костер в тумане светит...». В тумане... да, именно в тумане... Надо этого человека раздавить — раздавить на этом же собрании. Если это дерьмо держит себя нахально, значит, он — враг, значит, он вооружился. Что у них было с Самородовым? Не последить ли за этими двумя прохвостами? Может быть, лучше не поспать несколько ночей и толкнуть на это дело еще человека два из этих вот парней? Ежели узнают ребята, что Перебойченко уже размашисто гуляет по всей стройке и зубасто поет, они очумеют к

чорту... Щелк и грохот в трубке телефона... А ведь это — не в телефоне, а в подмигивающих глазах Самородова...

«Мой костер в тумане...». Этот голос уже мычит по улицам соцгорода. Он весь остался внутри Репея и отравлял кровь, а вот клепальщики уже томятся предчувствием.

Так только случалось с Репеем во сне: не человек, а кто-то больше, чем человек, не живой, не видимый, не осязаемый, которого в жизни не боишься, а жуткая тень → нечто... Оно угнетает, леденит душу, наполняет руки и ноги отчаянием, и весь обреченно немеешь... Тогда, ночью, во время пожара, кто-то раскроил ему череп, но он схватил за горло Хабло и его фальшивую прислугу. Эти краснофлотские оборотни тоже испугали Репея до немоты. Враг действует таинственной чертовщиной... Самородов — коммунист, а Перебойченко — хулиган, но оба они прыгают и мечутся в каком-то загадочном веселье. «Мой костер в тумане...». Ничего не скажешь: веселятся жизнерадостно... а ст этого их веселья в душе → сумятица и тоска...

А чем черт не шутит? Может быть, после повреждения мозга у него ползает ревматизм в нервах? Ведь и Аганя называет его очень даже мнительным. Да, почему нет до сих пор Агаши? Впрочем, она — где-нибудь здесь, среди своих женщин.

Он встал и долго искал всюду белый беретик и синий вязаный жакет. Белых беретиков много, а синие жакеты не мелькали в глазах.

... Почему вдруг такое волнение? Бегут по рядам рабочие в прозодежде — серые рубахи без пояса, серые лица, испуганные глаза. Несколько человек из соседних рядов выпрыгнули в проход и побежали к толпам. Репей не любил таких внезапных и скандальных сборищ. Базар, улица, обывательское любопытство... Люди падки на всякие сногшибательные пустяки...

Ребята его тоже забеспокоились и тоже вскопчили, чтобы броситься в эту толкучку.

— Сидит, чортовы души!.. — при-

крикнул на них Репей: — Что за беспорядок!..

Позади, задыхаясь, пробежал кто-то и захлебнулся:

— Товарищи, понимаете, какая беда!..

Должно быть, молодой парнишка, одуревший от очередной какой-нибудь аварии. Таким стригункам вовсе не страшно: им просто интересно и весело. Оттого, что авария совершилась без них, они кипятятся и стараются взбулгачить и поразить других, сочиняя небывицы.

— Понимаете... мостовой переход обвалился... Весь чебурахнулся к чорту... Паровоз — вверх тормашками... А народищу погубило!..

— Опять забрехал, Гришка? Петух кукарекует, а ты кричишь: волки напали...

— Да вот же человек-то был рядом со мной... Докажи им, товарищ...

Спокойный и рассудительный голос раз'яснил досадливо:

— Надо точно передавать, молодой человек: о народище не было речи...

— Я же сказал, что Гришка без брехни не обходится...

Репей чувствовал, что больше не выдержит: сердце засосала лихота. И он мог так же рухнуть в водометы, и Агаша... Где же Агаша? Стараясь быть хладнокровным, он пробрался к проходу, но задержался у последнего сиденья.

Люди взволнованно толпились на местах, в проходах, кричали, махали руками.

Кто-то в середине плотно сбитой толпы ревел яростно:

— Это — безобразие!.. Их предупреждали... не раз тыкали мордой... Довольно! В такие дни!.. Арестовать незамедлительно... Потребовать об'яснения у Шлиппе... Шагаева — к ответу.

Мимо озабоченно прошли трое рабочих в длинных теплых пиджаках.

Один с угрюмым равнодушием сообщил:

— Подбросило и — сразмаху... Даже не пикнула...

— Пикнешь тут в таком круговороте... Буря!

Репея потряс и оглушил будто сильный разряд. Он схватился за спинку сиденья и с ужасом глядел на рабочих. Хотел рвануться к ним, но больно ударился коленкой о локотник. Ноги дрожали, а внутри — холодная пустота.

В этот момент на эстраду вышел президент и растянулся по всему столу. Осокин зазвонил колокольчиком. Толпа разбегалась по местам.

Репея толкнули, но он не ощутил толчка, кто-то забранился, но он тупо глядел на людей, не понимая, чего они хотят от него.

4

С плотины Агаша прошла на площадь, к остановке автобуса, юркнула в переднюю дверку и стала у кабины шофера. Нужно было бы сейчас идти в Дом общественных организаций, но не могла стерпеть: только в полдень наведала Никандра. Надо покормить его обязательно. Это — ни на что не похоже: она стала пропускать свои часы в яслях. То ревела, дуреха, что отрывают ребенка, а то стала манкировать. Конечно, нет: это подумалось со зла. Но целые дни прова всяких дел — и по бригадам, и по организации жен инженеров, и по делам матери и младенца, и по подшефному колхозу... Да еще два заседания были в этот день. А день был холодный, мутный, ветреный, тучи неслись рыхлые, низкие. Пока стояла с Христей и шагала по мостовому переходу, ветер хлестал в нее мокретью — мглистая водяная пыль, брызги и сквозняки среди опалубок и бычков прострочили ее насквозь. По дороге к автобусу вся продрогла до сердца. Не могла согреться и в автобусе. На третьей остановке она выпрыгнула в грязь и промочила ноги. До квартиры бежала весь квартал, чтобы согреться. Хорошо, что ветер дул ей в затылок и гнал ее, путая юбку в ногах.

Она быстро вбежала в коридорчик, включила свет, промахнула в кухню, потом — в горницу, в спальню и всюду зажгла лампочки: уж очень любила она яркий свет и нигде не гасила его до самого сна. Миша ворчал на нее, вну-

шал ей что-то насчет экономии, но она отсмеивалась и ликовала:

— Ну, Мишенька! ведь этот же свет я сама заработала. При свете этом я — очень даже мягкая и приятная. Всякая растения свету рада, а я же, Мишенька, — человек... Не ворчи, — все равно не слушаю.

Но Миша только для видимости ворчал на нее, а глаза у него были довольные, и эта его воркотня даже нравилась ей.

Она быстро переобулась, сняла кофту и повесила ее на спинку стула. Потом переделась до нижней рубашки, умылась, и вдруг ей сильно захотелось чаю. Своим серебристо-зеркальным электрочайником она очень гордилась и держала его в картонной коробке, чтобы не пылился. Любовно и ласково она вынула его из буфетика и прошла с ним на кухню, осторожно, чтобы не забрызгать его, налила воды из крана, возвратилась с ним в комнату, поставила на стол и всунула развилку в штепсель. Хлопотливо приготовила стакан, сахар, черный хлеб, который любила кушать с маслом и солью. Ей нужно было торопиться к Никандру и на собрание, и она с ломтиком намащенного хлеба ходила по комнате, ела и на ходу разглаживала скатерть на столе, расправляла кофту на стуле, юркнула в спальню, что-то прибрала там, посмеиваясь:

— Ах, Мишка, Мишка!.. неряха несчастный!.. все-то разбрасает, все-то с места сорвет...

И, когда выпила стакан чаю, совсем согрелась. Хотела налить еще, но отмахнулась, выбежала в прихожую, надела пальтишко, повязала шальку и, выключив везде свет, вышла на улицу.

В яслях белая санитарка поворачала на нее за то, что она пропускает положенные часы, но, по обыкновению, сообщила новости о Никандре: на мать он, извольте-с, плюёт, желает сидеть самостоятельно, дерет за волосы нянюшек, покрикивает на них и хулиганит. А потом новая привычка появилась: сажай его вместе с другими карапузами для того, чтобы подрались. Вцепится в нос или ухо и победоносно орет. Агаша посмеивалась, полюбовалась на спящего Ни-

кандра и заторопилась в Дом общественных организаций.

Вошла она в тот момент, когда в зале стояла гулкая тишина. Какой-то рабочий в парусиновой прозодежде подошел к Осокину и зашептал ему нетерпеливо и настойчиво. Осокин, пораженный, качал жидковолосой головой, хватался за бороденку, а Паша грозно что-то внушала и Осокину и рабочему. Потом Осокин встал и заявил, что товарищ Гуляев, бетонщик с плотины, сделает внеочередное заявление, которое нужно обсудить экстренно. Настоятельная просьба к собранию — сохранить спокойствие, порядок и обсудить вопрос хладнокровно и умненько. Но, когда говорил, голос его вздрагивал, и бородка тряслась. Паша сидела неподвижно и поблескивала очками.

Товарищ Гуляев, в резиновых грязных сапогах, хмуро прошел к трибуне, вздохнул и оглядел собрание. Вдруг очень тонким голосом закричал и замал руками. Вот он сейчас прибежал сюда с блока, чтобы изяснить ужасную картину: на их звене, где они наращивали бычки, внизу ряжевый мост со страшным громом рухнул в водослив. Хорошо, что в этот раз людей тут не было, но все же вместе с краном погиб несчастный машинист да еще стояла с этим машинистом женщина. Женщина эта, к прискорбию, известная активистка. Он, Гуляев, ее доподлинно знает и по одежде ее за сотни метров от всех отличит... в белом беретике и в синей вязаной жакетке... Все ее знают... имя ее, конечно, всякий произнесет: товарищ Агафья Репей... Почтим, товарищи, эти жертвы вставанием...

Все густой массой с гулом и шелестом встали, где-то в разных местах хлопнули сиденья. И, когда так же шумно опустились в молчании, Репей, шатаясь, пошаргал по проходу вперед, протягивал руку к президиуму и что-то бормотал, как больной. Гуляев хотел было продолжать, но, увидев Репея, улыбнулся, крякнул и беспомощно развел руками. Кто-то возмущенно крикнул:

— Ведь не в себе же человек-то!.. Погоди ты, Гуляев!.. Товарищ Репей!..

Агаша стояла у задней стены около

двери в толпе опоздавших. Как только она услышала крик Гуляева, она замерла от страха. Ведь провалился-то ряжевый мост на том самом месте, где стояла она с Христей, и провалился-то он. должно быть, сейчас же после того, как они расстались. Грохота крушения она не слышала: то ли была уже на берегу, то ли далеко на левом протоке — ведь на плотине такой шум и суета, что и грома небесного не услышишь. Постояла бы она с Христей еще с четверть часа — и грохнулась бы вместе с обломками моста в водопад, раздавленная бревнами и железом. Ой, Христя, Христя!.. Но что он, этот дурак, болтает? чего он полетит небылицы в лицах? Вот все встали и похоронили ее... Вон Миша побежал, страшный такой... Она хотела крикнуть, но задохнулась. Хотела рвануться вперед, но какое-то безумное оцепенение сковало тело. Это же безобразие, товарищи!.. Вовсе она не умерла — не она это, не она же погибла... Вот она, Агаша, тут — дышит, живет вместе с другими... Она же — вот... вся тут... Как смешно, что ее почтили вставанием!.. Они уже думают, что ее нет — исчезла из жизни...

Продираясь через толпу, она закричала со злым отчаянием:

— Да вовсе же нет... Ерунда это...

Не то был очень слаб ее голосок, не то эти сотни людей были оглушены, но в далеком заседе голов даже волнения не произошло. Только несколько человек вблизи недовольно обернулись к ней и зашикали.

— Товарищ, чего же делается-то?.. Откуда оратору-то втемяшилось?..

И с мольбою оглянулась на людей, стоящих у стены.

— Да протестуйте вы, черти!

Но люди не понимали ее, усмехались и пожимали плечами.

По всему волосатому полю голов прошло беспокойство — кто-то поднялся и посмотрел назад, кто-то невнятно крикнул, народ зашевелился, загудел, в президиуме зашептались. Паша встала и, опираясь на стол, всматривалась в глубину зала.

А Гуляев рассердился и истошно закричал:

— Там вон какая-то товарищ недовольная спорить со мной желает. О чем это вы хотите спорить, товарищ?

Репей, должно быть, услышал голос Агаши, но не поверил себе—начал робко оглядываться и искать ее в людских далях.

По близорукости своей Паша, вероятно, не смогла рассмотреть Агаши в толпе у задней стены: она строго и выжидательно поглядывала и на Гуляева, и в зал.

Осокин тоже поднялся и о чем-то шептался с Бочкой. Она одобрительно кивнула головой.

— Кончай, товарищ Гуляев! — ласково сказал Осокин и пригласил его рукою оставить трибуну. — Товарищ Репей, мы скорбим... Мужайся, родной...

Гуляев не сошел с трибуны: он еще не успокоился от обиды, нанесенной ему товарищем-женщиной, обвиняющей его во лжи.

— Товарищ Осокин, я хочу задать вопрос...

И, не ожидая разрешения, крикнул: — Кто, товарищи, знает Агафью Репей, подтвердит убедительно. Вот ее муж — товарищ Репей... Скажи, товарищ Репей: белый берет был у ней, синяя жакетка была?..

Репей ответил что-то тихо и покорно.

— Ну, вот!.. — обрадовался Гуляев: — Чего еще надо?.. Белый берет, синяя кофта... А потом же, товарищи, я личность ее очень даже знаю...

Агаша еще не привыкла к многолюдным собраниям: она имела дело с такими же женщинами, как она сама. Даже в совещаниях жен инженеров не выступала, чтобы не оскандалиться. Она и подумать не могла, чтобы выступить здесь со своими слабенькими силами. Паша, правда, настаивала, чтобы она, Агаша, доложила на одном из таких собраний о своей работе, но у ней похолодело в сердце, и ноги заныли от ужаса. Она чуть не заплакала от отчаяния: как это Паша может посылать ее на такое страшное испытание? Она, Агаша, на всякую работу готова, но зачем же так бесчеловечно обречь ее на невозможное? И вот теперь она чувствовала та-

кую же жуткую беспомощность перед этой массой людей. Умопомрачительно дышала и двигалась эта многоголовая, многоликая толпа, как грозное существо. Каждый из этих людей — простой, понятный, обычный, свой, и чувствуешь себя с ним легко и небоязно: говоришь, смеешься, ругаешься, шутишь. А вот сейчас, когда они вместе, ее душит невыразимая угроза. Она вся дрожала от страха, и сердце у ней таяло, как ледяшка. Этот жуткий, громовый шелест вставанья раздавил ее до безнадежности. Что это такое? Как это можно? Паша смотрит на нее и не видит, точно ее, Агаши, действительно нет на свете, а Осокин утешает Мишу в его горе. Какой-то Гуляев спорит с ней и настойчиво доказывает, что она, Агаша, — не Агаша, что Агаша растерзана вместе с мостом в ураганах водопада. Ведь это же — Христя, а не она, слава богу. И как это все решили — и Паша, и Осокин, и даже Миша — оплакивать ее смерть?.. Из-за какой-то паршивой синей кофточки, которая сейчас висит на стуле и сушится? Вон из двери сбоку эстрады вошла вместе с Чумаловым и Кряжичем. Танечка. Ведь все же они знают ее. Где-то в недостижимой дали над толпами летали лампы по эстраде и реяли, поднимаясь и опускаясь вместе с красным столом... Сдирая шальку с головы, она бежала вперед, по проходу, и выкрикивала, задыхаясь:

— Товарищи, что же это такое?.. Что вы за люди? Вот же я — на-те!.. Это — Христя, а не я!..

Она взмахнула шалькой перед трибуной, вздернула голову и с искаженным лицом оглядела президиум, повернулась к собранию, а потом к Репею.

— Миша, что же это ты к рыбам меня отправил, будь ты неладный!

Репей, пораженный, глупо улыбнулся и медленно подошел к ней, не веря своим глазам. Паша крикнула на весь зал и выбежала из-за стола.

— Агашенька, радость моя!..

Татьяна и Глеб смеялись, оживленно разговаривая с Осокиным.

И вдруг вся тысячная масса людей вскочила с мест, заликовала и разразилась рукоплесканиями.

Паша протягивала к ней руки с эстрады и звала к себе. Агаша подошла к ней, полубезумная и счастливая, подала ей свои руки, и Паша вскинула ее на эстраду. Зал бушевал аплодисментами и смеялся.

А Гуляев пожимал плечами, конфузливо улыбаясь и изумленно вглядываясь в Агашу. Она погрозила ему кулачком и звонко крикнула:

— Я тебе задам! Ишь, ты, живоглот какой! Утопить меня хотел раньше времени...

Репей все еще стоял около эстрады и, не отрываясь, смотрел на Агашу, как тронутый умом.

Агаша подбежала к краю сцены, аскинула руку, хотела что-то сказать, но вдруг разрыдалась.

— Я Христю-то знаю, товарищи... Только-что техника камерального получила... Очень она хорошая... и вот...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I

ГОЛОС В БУДУЩЕЕ

1

Никогда еще Цезарь не чувствовал себя таким бодрым, как в эти осенние дни и ночи. Он изменился: лицо его погрубело, сутулость исчезла, походка стала стремительной и уверенной, и без остатка растаял чахоточный румянец на щеках. Та неврастеническая тоска, которая мучила его в разрывах сна и по утрам, при пробуждении, исчезла. Он заставил себя проделывать несколько гимнастических приемов перед раскрытым окном и вытираться мокрым полотенцем. В это время вскипал чайник, и он выпивал стакан кофе с молоком. Потом садился к столу, разбирался в бумагах, в книжках и обязательно прочитывал две-три страницы из Ленина, из Сталина, из Энгельса, старательно подчеркивая строчки карандашом, или делал торопливые выписки на бумажке, которые засовывал в боковой кармашек. И непременно вынимал из стола клеенчатую тетрадь и подавал свой «голос в будущее». Эти записки тоже отлича-

лись от прежних: они звучали тверже, громче. Потом он шел в партком, принимал пропагандистов, обществоведов из втуза, школ и курсов — советовал, раз'яснял, направлял, просматривал программы, планы и методику работы. Каждый день вместе с редактором газеты Прохладным и секретарем комсомола Васяем обсуждал выпущенный номер и содержание следующего выпуска.

Нужно было организовать аппарат культпропа так, чтобы он был похож на обсерваторию, где отмечались бы все явления строительской жизни и малейшие ее изменения. Нужно было постоянно идти впереди движения: сегодняшний день — это уже пройденный этап, это — свершение, а завтрашний день — детально разработанный план. Нужно было постоянно жить будущим и воплощать это будущее (месяц, квартал, год) не только в практический план и цифровые колонки, но, самое главное, — в человеческую волю, в борьбу, в волнение, в мозг и сердце, чтобы дрожали руки от нетерпения, чтобы горели глаза, и человек хорошел от огня и смелости своей мысли.

Цезарь казался всем очень привлекательным, скромным, простым и доступным. Все чувствовали себя в его присутствии свободно, приятно, хотя он никогда не интимничал и не откровенничал. Однажды Шалнин, как пропагандист, присутствовавший на совещании, попытался отозваться о нем с насмешливым недоверием:

— С виду — мягкая трава, а ступи — болото. У него — и мнения своего нет... Это — тень и голос Ватагина... Чорт его поймет, кто он такой...

— Не по мозгам он тебе, Шалнин... Ты завидуешь, поэтому шельмуешь...

Каждые сутки Цезарь дежурил на плотине то днем, то ночью. Дежурство попрежнему принимал от Гудима. Гудим молча и неодобрительно тыкал пальцем в сводки и холодно говорил:

— Хромает г.с. Оседлали иностранцы. Конфликты.

— Но ведь американцы, Гудим, не допускают наших к монтажу. Ребята не желают быть на побегушках.

— Надо уметь быть на побегушках и не терять своего достоинства.

Цезарь вспыхивал горячей улыбкой. Гудим чувствует сильно: он бушует, он волнуется, он сам рвется на аварийные места, но делает вид, что — невозмутим, бесстрастен, что его ничто не тревожит. И с людьми, и в телефон говорит как будто нехотя. И слеп ко всем, кто находится в комнате. Цезарю иногда даже было обидно, что и на него он смотрит, как на пустое место. Даже Паша Бочка не смогла вывести Гудима из сурового безразличия, а она очень любила подразнить его.

И Цезарь не раз вспоминал, как однажды Катюша ворвалась в партком и налетела на Гнедова. Она заорала, дрожа и задыхаясь:

— Где моя муха, чорт?.. Угробил мою муху! Соревнование слопал!..

Гнедов смотрел на Катюшу и идиотически улыбался. Гудим, не отрываясь от бумаг, показал пальцем на стул.

— Сядь! В чем дело? Не фырчи и не дрожи: ты — не перфоратор.

А Катя кричала в отчаянии:

— Ты пойми, товарищ Гудим: ведь мы этой мухой победили бы... а теперь... Кто будет нести этот позор?

— Ты и понесешь этот позор. А ты думала, как? Научись не только плясать от побед, но и пользоваться плодами поражений.

У Кати глаза заливались слезами, но она улыбалась.

— У нас под конец лопнул трос, товарищ Гудим, и чуть не убило девчат.

Гудим вопросительно взглянул на Гнедова.

— Ты бы расследовал это дело, Гнедов. Не понимаю этого угара.

Гнедов засмеялся и заворошил рыжие волосы.

— Она напрасно меня атакует, товарищ Гудим. К угару я не причастен...

И обратился к Катюше:

— Это не так просто делается, товарищ Бычкова. Вмешалось бюро рационализации и потребовало твою муху для изучения и испытания.

Катюша упала духом.

Гудим взял трубку и вызвал бюро рационализации.

— Вот что: скажите, кто сейчас исследует там некую муху? Что? Вы энтомологией не занимаетесь?.. А чем же вы занимаетесь? Очень приятно, что так вы догадливы...

Он замолчал и рассеянно посмотрел в окно.

— Ну, так вот... Эту самую энтомологию сейчас же доставьте мне в партийный комитет. Да. Доставьте вместе с этим замечательным энтомологом. Ах, его нет?.. Изучает?.. Разыскать и доставить! хотя бы на тачке...

Цезарь следил за Гудимом и Катюшей и любовался ими. Следил и слушал по привычке, только волнами загоралась улыбка в лице.

«Гудим не лишен юмора, — отмечал он: — Примитивен и трафаретен, но каждый день неповторим и нов».

А ночью изобразил всю эту сцену в своей клеенчатой тетради.

2

И, прежде чем записать впечатления и мысли, он, как обычно, перечитывал свои заметки в разных местах:

«...Смерть — всегда катастрофа, но смерть — не только печаль и страдание, смерть бывает и счастье. Новая эра — всегда борьба и кровь. Новая эра вырастает из трупов, это — кладбище прошлого, но это кладбище расцветает благоухающими цветами. Наши страдания — не отчаяние обреченных, а муки рождения и роста.

«Вот Катюша с своими девочками на боевых бычках. Страдания этой девочки — факт общественного значения: ее страдания — это страдания ее бригады, множества таких бригад. Неудачи в борьбе за бетон, ее бессилие сломить косность вещей и людей — отражаются в ней подлинным несчастьем. Ее личные чувства и переживания становятся общими. Пример с Катей взят наудачу: таких примеров — тысячи. Взять хотя бы Мирона Ватагина: его личная драма (потеря сына, разрыв с семьей и, кажется, — да не будет это сплетней!—

запутанный узел в отношениях с Пашей) — это драма многих из нас, как выражение бытовых конфликтов переходного времени.

«А тяжелые переживания Балеева? У него как будто нет своих личных драм. Но это — неверно. Он слишком горд, слишком большую ношу несет в себе, чтобы его чувства и противоречия были заметны для других. Его простая и нежная привязанность к Анечке — трогательна и прекрасна. Однажды я видел у него умиленные слезы на глазах. Мне кажется, что он часто грустит.

«Ну, а я? Задаю этот вопрос не из личного самолюбия, а самокритически. Проверяю хронологические даты моей жизни «в анкетном порядке». В старые времена мужики были убеждены, что на страшном суде господь-бог обязательно проверяет индивидуальную анкету каждого подходящего к его столу человека из бесконечной очереди. Следующий! Здесь! Возраст — сорок лет. Из крестьян — сельский учитель. Был на империалистической войне. Учился в школе прапорщиков. На войне ранен в грудь навывлет. Вынес два года позиционных боев. В страшном аду канонады страдал длительной контузией — дрожал весь, как в тике. Постоянный нервный шок. Этот шок проявлялся в полном отупении: в атаке ходил, как-то не ощущая себя, автоматически. Я был не я. Я не помню ни одной атаки. Привык спать (скорее не сон, а оценение, так как спать в обычном смысле этого слова не приходилось) — привык спать под ужасные взрывы тяжелых снарядов. Меня било в грудь сотрясанием воздуха и бросало, как мешок, но я не слышал. Говорили, что на мне кто-то стоял однажды, не заметив этого, но я не чувствовал (впрочем, это к анкете не относится).

«Марксист-ленинец — со скамьи учительской семинарии, но в партии не состоял до Февральской революции. После Октября видел Владимира Ильича и Сталина. Испытал величайшую радость беседовать с ними в Петрограде.

«В гражданскую войну был политруком, а потом политкомиссаром. Дрался на центральном фронте. От Орла в

непрерывных боях шел до самого Новороссийска. Потом участвовал против Врангеля. Демобилизован и послан на партработу в Донбасс. С третьего годастройки по сей день — на электроцентралах. Все. Все ли?..

«Это — внешние вехи моей жизни. А внутренние? Внутренние — вот эта тетрадь, где проявляются некоторые слабые снимки моих душевных событий. Человеку невозможно передать самого себя. Пусть не осудят нас люди будущего. Им будут неведомы муки людей моего поколения, — людей, которые были гробовщиками и могильщиками прошлого, а следовательно, отчасти и самих себя. Катя этого уже не знает. Она — цельнее и счастливее меня. Она начинает собою новое поколение счастливых людей счастливого века. Мы еще не завершили великой войны с мертвецами.

«Наше поколение — под ружьем, в полном боевом снаряжении. Мы продолжаем эти войны, новые поколения завершат их.

★

«... Свобода — это осознанная необходимость. Это — победа над собою, это — скачок за свои пределы. Древнее «смертию смерть поправ», это в наши эпохи (сознательно употребляю множественное число) — не экстаз, а сопряжение разума и воли. Экстаз мы преобразуем в энтузиазм, а веру — в глубокое сознание.

★

«Анечка уезжает в Москву. Она тоскует. Тоска ее выражается в некоторой сварливости и строгой сосредоточенности. У Веры Сергеевны — заплаканные глаза. При встрече со мною и с Борзяем она жалко улыбается.

«Вчера ночью Анечка позвала меня, когда я пришел домой. Ее звонкий голосок задыхался от радости:

«— Цезарь! — кричала она. — Немедленно сюда! Я прошу тебя свой чай пить у меня. Ты мне нужен, как воздух.

«— Сейчас явлюсь, Анечка, только умоюсь...

«И мне почудилось, что она металась в своей коляске от нетерпения.

«Вера Сергеевна попыталась успокоить ее:

«— Ведь, Цезарь Семеныч устал, Анечка. Ему надо отдохнуть.

«Анечка с гневным упреком осадил ее:

«— Но, мамочка, Цезарь отдохнет здесь лучше и содержательнее. Я это знаю.

«Я с удовольствием пришел и сел около нее. Она очень любит, чтобы я прикасался плечом к ее коляске. «Я чувствую твоё дыхание, Цезарь» — говорит она, и глаза ее лучатся. Время от времени она кладет свою худую, почти прозрачную, ручку с синими жилками, на мою руку и нежно поглаживает ее. Я волнуюсь около нее, потому что чувствую, что она очень привязана ко мне и любит по-ангельски, если можно так выразиться. С Борзием она — иная: она обожает его, как мудрого дедушку. Она почтительна с ним и нежна. Его слово для нее — закон. Достаточно ему сказать: «Анечка, тебе необходимо спать, детка», — и она беспрекословно подчиняется.

«Я видел однажды, как она с упоением целовала его руку.

«Со мной она держит себя, как с равным, точно я — ее сверстник, при встрече и расставании целует меня. Ее поцелуй — странный: в первый миг она порывисто всасывается губами, а потом сразу же медленно и как будто разочарованно отлипает. А провожает равнодушно и обиженно.

«Я сидел с ней долго, пил чай, закусывал. Вера Сергеевна трогательно ухаживала за мной. А Анечка говорила ей возбужденно:

«— Ты, мамочка, угощай Цезаря всем, что у тебя есть лучшего.

«— Я, Анечка, не хочу, чтоб меня угощали. Я же захожу к вам, как к самым близким людям. А к тебе — как к любимой сестренке.

«И она смотрела на меня и смеялась:
«— Если бы ты знал, Цезарь, как я люблю свою мамочку!.. А ведь мне придется жить в разлуке с ней целые годы...

«Вера Сергеевна вышла из комнаты.

«— Я, Цезарь, ни на минуту не забуду о тебе и о дяде Борзие и каждый день буду писать вам огромные письма. Ты, милый, сохрани их. Я и от дяди Борзья потребую.

«О Балееве мы не говорили ни слова. Она как-то засекачивает его посещения. А посещает он ее через день. Захаживать к Анечке стало для него погрешностью. Он нежнеет около нее, становится простым и домашним.

«Говоря о переписке, мы опять перешли к моим рассказам о прошлом. Каждый день она требует повествовать ей разные истории из дней гражданской войны, о людях тех лет, о том, что пережито мною за последние сутки.

«— А почему ты не пишешь, Цезарь?

«— Ну, какой же я литератор, Анечка?

«Она прикрикнула на меня:

«— Ты обязан, Цезарь... понимаешь?.. Обещай мне, что ты каждый день будешь записывать все, что рассказываешь — нет, больше: все, что переживаешь. Ну?

«— Даю слово, Анечка... Впрочем, я кое-что записываю... уже давно...

«Она ликующе хлопала в ладоши:

«— Вот это замечательно. Какой ты хороший умница! Прочти мне что-нибудь, пожалуйста. Знай, что я — живая тайна.

«Я колебался. Мне было неприятно, что я не сдержался — растаял перед нею и проговорился о своем «Голосе в будущее». Но в то же время я нестерпимо хотел прочесть свои записки именно ей. Анечке, которая меня поймет и скажет такие слова, которых не скажет никто. Она казалась мне в этот момент моим внутренним отражением — моей совестью.

«— Как-нибудь в другой раз, Анечка. Сейчас я не могу — очень устал.

«Да, я и перед нею закрыл свою душу.

★

«... Был у Паши и говорил с ней косноязычно, в третьем лице, иносказательно, как беллетрист. Она видела меня насквозь, и мне было тягостно. Не

получил я ожидаемого освобождения. С Гудимом не буду говорить — не поймет. Да и не нужно здесь возбуждать этого вопроса: будет сенсация и смута. Написал Прихромову: он — мудрец и душевидец. Я чувствую к нему что-то вроде благоговения. Кстати, в Москве и Ватагин. Прихромов сумеет ему втолковать. А может быть...

★

«...Надо иметь мужество пойти на встречу неизбежному. Я знаю, что такое война, знаю, что такое — смерть. На взрыв моста я шел с радостью, с гордостью бойца, которому доверили большое, ответственное дело. А мог ведь погибнуть. Родина окружена врагами — самыми свирепыми и кровавыми. Фашизм действует и провокацией, и наглостью, и шпионажем, и невиданным злодейским коварством. Война наводится к границам, война идет уже и в стране: троцкисты, правые, внутренние белогвардейцы... Я — в первой цепи для яростной атаки. Почему же я так жалок и раздавлен страхом перед возможностью раскрытия моей тайны? Вероятно, потому, что тайна, старея, превращается в хроническую болезнь.

«Только-что беседовал с Борзям. Что-то больно часто стал он меня донимать. Как обычно, он постучал в дверь и сказал улыбающимся голосом:

«— Цезарь Семенович, сегодня у меня — праздник. Какого паренька я обнаружил!.. Поистине борьбу венчает огонь. Человек стал гением в тот миг, когда произвел искру. Паренька Митей звать, из бригады на гнилых подушках. Так вот-с, этот Митя заявил в волнении, что он ночей не спал — страдал. мучился, искал, как бы превратить эти гнилые подушки в монолит... И знаете, он в эти минуты был велик...

«— Поздравляю вас, Петр Иванович, с удачным уловом...

«— Спасибо, родной... — ответил он сердечно, и мне показалось, что он не понял моей шутки. — Я к чему это, Цезарь Семенович? К тому, что именно в мятеже, в огне беспокойства познается истина.

«— Энгельс любил повторять, Петр Иванович, такой афоризм: «Чтобы познать пуддинг, надо его с'есть».

«— А я, Цезарь Семенович, думаю так: любишь огонь, люби и ожоги. Я предпочитаю раздувать пламя. Пришел я в свою келью и стал беседовать с жизне-радостными мыслителями прошлого, хорошими, чистосердечными стариками. Я их читаю и почитаю. Дидерот энергично вещает: «Существует одна обязанность — быть счастливым, один вывод — не преувеличивать ценности жизни (гм, гм!..) и не бояться смерти... Ибо мир — жилище сильного». Золотые слова!.. А ему вторит громовой голос Павла Гольбаха: «Перестань же, о человек, тревожиться из-за призраков... Освободись от удручающих тебя страхов, следуй спокойно необходимой дорогой!.. Посади вдоль ее цветы...». Почаще слушайте, Цезарь Семенович, этих бессмертных энтузиастов... Все сии слова трепещут великой силой жизни. Порою и мы чувствуем себя несчастными, когда вступаем в противоречие с собою... Иногда и я грешу на старости лет сомнениями. Рабы всегда склонны к рефлексии...

«— Неплохо сказано, Петр Иванович. Маркс и Энгельс очень ядовито издевались над этим словечком: некие, дескать, индивиды полагают, что в рефлексии и посредством рефлексии они вышались надо всем, тогда как в действительности они никогда не возвышаются над рефлексией..

«Борзый посопел, потоптался и покашлял. Потом легонько, изобличающе постучал ногтем в дверь.

«— Чудесно, чудесно, Цезарь Семенович. Ну-те-с?

«— Вот и все, Петр Иванович.

«— Так, так... Но не заслоняем ли мы мудростями гениев? Мне кажется, Цезарь Семенович, что и вы не чужды, извините, сей самой рефлексии... Не так ли?.. Не гнетут ли вас некие призраки?.. По ночам вас душат кошмары: вы часто стонете и кричите в ужасе.

«— Вероятно, — от переутомления, Петр Иванович. Сейчас трудные дни — реализация сквозного договора. Все бычки мы должны закончить в ноябре.

А зимой — наращивать соединительные стенки...

«Я начал говорить ему о тех больших трудностях, которые мы должны преодолеть в работах, о подготовке кадров, о втузе, о железнодорожных мостах и т. д. Для чего? Для того, чтобы угасить в нем эту старческую, философическую болтливость. Этот седовласый хитрец следит за мною и, как поп, вызывает на исповедь. Ловец человеческих душ! Я замолчал и прислушался к нему. У двери его уже не было.

★

«...Сегодня утром на обычном коротком совещании у Гудима говорили, между прочим, о злополучном аресте Братцевой. Паша рассказала, как она вместе с Кряжичем и Катюшей ездил в город освобождать пленницу. Она ярко изобразила, как бунтовала Катя, как она воинственно ворвалась в коридор угрозыска и бурно бросилась на шею Братцевой, которая шла им навстречу. Рядом с нею был начальник, добродушный военный человек, и говорил, посмеиваясь, как старый знакомый. Катюша бросилась к нему, бледная и яростная, и раскричалась:

«— Как вы смели, товарищ, оскорблять Танечку!.. Вы поступили подло... Да вы знаете, что не ее вы оскорбили, а всех нас, всю стройку...

«Начальник очень извинялся и старался успокоить ее:

«— Я расследую это дело и виновных привлеку к ответственности...

«А Катюша, задыхаясь от негодования, кричала:

«— Не беспокойся, товарищ, мы тоже сумеем найти негодяев... Мы этого дела не оставим...

«И опять кинулась на шею Братцевой — целовала ее и плакала...

«Но не этот рассказ взволновал меня, а слова Паши, брошенные ею вскользь:

«— Перед этим заходил ко мне Корятин. Странный такой, растерянный... Что-то произошло с ним... Хотел, мол, предупредить о задержании Братцевой,

но не смог... Проболтался будто бы Самородов...

«Гудим слушал равнодушно и ни одного вопроса не задал Паше. Он нажал кнопку звонка и, когда вошел быструглазый Ангел, приказал скучным голосом:

«— Позови-ка сюда Корятина!

«Мы переглянулись с Пашей. Гудим сам был занят этой любопытной историей и по-своему распутывал узел интриги.

«Корятин вошел неустойчиво и угловато. Черномазый, широкоскулый, он смотрел не на нас, а в пол.

«— Садись, товарищ Корятин... — безразлично пригласил его Гудим. Он тоже не смотрел на него, а передвигал растопыренными пальцами бумаги. Зато Паша подошла к Корятину и поздоровалась с ним за руку. Смуглая кожа на его щеках стала серой. От сердцебиения у него вздрагивала голова.

«— Тут, Корятин, случилась дурацкая история с Братцевой. Ты хорошо поступи, что предупредил товарища Бочку.

«Корятин мям кепку дрожащими пальцами и хрипло сказал:

«— Такой поступок — долг каждого, товарищ Гудим. Отмечать его нет надобности.

«Я и Бочка сидели в стороне и не принимали участия в беседе.

«— Наоборот, Корятин, каждый достойный поступок мы должны отмечать, как пример для других.

«Гудим говорил чересчур много и странно, чего с ним никогда не бывало. И мне кажется, что Корятин хорошо понимал, зачем его вызвал Гудим, и ждал какого-то страшного вопроса.

«— Мне только не ясен один момент, Корятин, и ты, конечно, сможешь нам разобраться... Дело идет о двух партийцах, даже — о трех: о тебе, о Самородове и Шалнине. Впрочем, и о Ситном можно было бы упомянуть. Вот Самородов не предупредил меня своевременно, и Шалнин — тоже. А ты сигнализировал. Чувство долга у тебя и у них — не одно и то же. И вот: как же, по-твоему, звучало это сообщение Саморода об угрозе Братцевой?

«Корытин впервые поднял голову и встретился с глазами Гудима.

«— Если я скажу, что отношение Самородова к Братцевой меня взбесило, вы можете, товарищи, сделать из этого надлежащий вывод. Я Братцеву хорошо знаю и очень уважаю.

«— Ты, Корытин, не подумай, что я допрашиваю тебя или вмешиваюсь в твои личные дела. Но пойми, милый человек: ведь странно. Ты едешь с Самородовым и Шалниным к Ситному провести вечер с приезжим знакомым... Кстати, я уже знаю, кто этот ваш знакомый. По дороге ты узнаешь, что Братцевой грозит беда. Ты проводишь вечер в доброй компании, а в это время на товарища, которого ты уважаешь, обрушивается несчастье. Конечно, это хорошо, что ты бежишь к Бочке, но бежишь тогда, когда событие-то совершилось. Путаница какая-то... Ничего не пойму...

«— Я не знал, что несчастье с Братцевой совершилось...

«— Ну, хорошо, Корытин: допустим, что так. Но, зная о том, что угрожает Братцевой, почему ты не сообщил своевременно?

«Корытин помолчал несколько секунд. Мозг его мучительно работал.

«— Я хотел возвратиться, но машину погнали дальше. Позвонить же мне не представилось возможности.

«— С Забодаевым ты давно знаком?

«— Я с ним не был знаком, — грубо отрубил Корытин.

«— Так в чем же дело? Зачем же ты дежурство оставил, неужели ради этого свидания?

«— Я не к Забодаеву ехал, а в райком в порядке вызова.

«— Кто же тебя вызвал?

«— Вызов Ситного мне передал Шалнин. Иначе я не оставил бы работы.

«— Понятно. Значит, ты все-таки ездил по вызову райкома?

«— Да, был в этом уверен.

«Гудим рассеянно глядел в окно.

«— Ну, вот что, Корытин: ты подумай-ка денек-другой, а потом приходи сюда и расскажи все начистоту. Ведь мы-то хорошо знаем, что за птица этот Забодаев. Пусть он ведает glavком, но

троцкист-то он был густопсовый. И о себе не мешает кое-что вспомнить...

«И встал, опираясь о стол обеими руками, пригвождая холодными глазами Корытина:

«— Ты ошибаешься, дорогой, считая нас за вислоухих дураков.

«Потом вышел из-за стола и пошагал по комнате, заложив руки за спину, точно хотел промяться. И, когда повернулся обратно, сказал с сожалением:

«— Ты пока свободен, Корытин...

Корытин хрипло ответил, подымаясь:

«— Я сказал правду, товарищ Гудим.

«— Хорошо, хорошо... Один процент правды тоже правда, но какая?..

Корытин вышел, как больной, сгибаясь под гнетом нашего молчания.

«— Ну, что вы скажете, товарищи? — равнодушно спросил Гудим.

«Паша убежденно проговорила:

«— Он не хочет лгать, Гудим.

«— Он и не лжет. Факты верны. Но самой правды — нет, только хвостик правды... Обязательно придет: не вынесет — измотается...

«Мне показалось, что Гудим задержал на мне свои глаза, но я встретил его взгляд твердо, с ожесточением...».

II

СЕРДЦЕ К СЕРДЦУ

1

Глеб жил неподалеку от Кряжича в таком же стандартном доме. Занимал он половину здания — четыре комнаты с кухней. Обедал дома, но пищу ему привозил шофер из столовой ИТС. Собственно, Глеб ютился только в одной изолированной комнатке. Из трех других одна была столовой, а остальные две предназначались для приезжих знатных гостей. Окно из его комнаты выходило на задний план сада, за которым виднелись крыши домов на другой улице.

Возвращаясь с заседания, Глеб пригласил Кряжича и Татьяну захватить к нему запросто, по дружбе. Когда они вошли в приемную, пожилая домработница встретила их с сердечным радушием:

— Уж я не знаю, кто вы такие, извиняйте... Но у Глеба Иваныча все гости прекрасные.

— Хорошие ребята, Евдокимовна... Будь спокойна: все останется в целости...

— Ну, что это вы, Глеб Иванович!..—в сильном смущении простонала Евдокимовна:—Как вы меня перед нами конфузите!..

Все засмеялись.

— Ничего, ничего, Евдокимовна. Угости-ка вот, пожалуйста, чайком и кое-какой закуской, и они тебя полюбят. Винца там у нас нет хорошего?

— Ну, насчет вина это вы, Глеб Иванович, оставьте... — заторопился Кряжич.

— В чужом монастыре, как говорится, Николай Николаевич, без хмеля не обходится...

— А я с удовольствием выпью... — сказала Татьяна, оправляясь перед зеркалом.

— Ну, вот видно, что женщина вышла из мастеровщинки. Кстати, Татьяна Ивановна, ваш папаша—не из чеботарей?

— Нет, покрепче—из рыбаков.

— Ого, это — народ серьезный!.. Прошу в мои апартаменты. Всюду, как видите, океан света. Евдокимовна всегда встречает меня торжественно.

Прошли через столовую с длинным столом, покрытым свежей скатертью. Комната Глеба — просторная, но уютная. Письменный стол с массивной чернильницей — группа медведей и медвежат. Рядом — в стеклянной рамке портрет молодой стриженной женщины, круглолицей, со вздернутым носом и строгими бровями. По лицу видно, что женщина — с характером. По другую сторону — портрет глазастой девочки. Сбоку стола, на подставке из-под цветов, стоял телефон. Позади, в углу, — этажерка, забитая книгами. У задней стены — прибранная кровать, а против стола — диван и два кресла перед круглым столиком. На стенах в дубовых рамах под стеклом — стройка в летней стадии работ и какой-то очень большой завод под горами. Вид был с моря, и завод раз-

мыто отражался в его зеркальной поверхности.

— Вот и мое гнездо. Здесь, говоря откровенно, я и сам гость. Но люблю это логово: есть кое-какие дорогие вещицы, связанные с моей биографией.

— Я завидую вам, Глеб Иванович,—сказал Кряжич, оглядывая комнату:— У вас чувствуется этакая живая теплота.

— Ну, а как же без теплоты? Как хотите, товарищи, а я немножко люблю вспомнить о прошлом. Есть и грустное, и радостное. Вспоминать всегда приятно и полезно.

Татьяна подошла к столу и посмотрела на портрет женщины и девочки.

— Это—Даша и Нюрочка, Глеб Иванович?

— Ха, вот и живи с людьми!.. Наквось видят...

— Кто же не знает, что ваша Даша работает в Москве, а вы давно уже отвыкли от семейного счастья, что у вас была единственная дочка, которую вы потеряли очень давно. Вам принадлежит честь быть пионером в создании новой формы брака — пошутила Татьяна.

— Вам подражает и Мирон Васильевич.

— Уж действительно — брак, а не семья. Забраковали мы семей достаточно. Наши женщины—не для домашних утех. У меня жена—военный политракторник, а у Мирона—директор завода. Мы свое дело сделали: семью разрушили. Вам выпала на долю другая задача — создавать семью более высокого качества.

— Но это же и ваша задача, Глеб Иванович.

— Да, попробуйте на нашем месте водворить жен в одну конуру! Ольга Ватагина живет своим заводом. Она с большой гордостью говорит, что в этой лампочке горит искорка и ее души. Тут к чортовой матери, извините, у нас—неразрешенное противоречие не только во внешних обстоятельствах, но и внутри. Как ни говорите, а наша теперешняя семья создается очень драматично.

— Если бы, Глеб Иванович, у вас в голосе не звучала некоторая печаль, я

сказала бы, что вы — в личных делах большой оптимист.

— Так ведь, дорогая Татьяна Ивановна, оптимизм рождается и крепнет только в борьбе и испытаниях. Я — конечно, самый жизнерадостный оптимист, поэтому не прочь и погрузиться...

Кряжич стоял у этажерки и перелистывал какую-то книгу. Глеб шагал по комнате и размышлял вслух. Так, вероятно, шагал он и в те минуты, когда оставался один. В гимнастерке и штанах оливкового цвета, полуседой, коренастый здоровячок, он дышал мягким добродушием. С лица, немного расплывшего, все время не сходила привлекающая улыбка. Кряжич в сравнении с ним казался тщедушным и бледным. Узкое его лицо удлиняла русая борода.

— А вы разве не оптимисты?.. — горячо говорил Глеб: — Неугасимые оптимисты. А почему? Потому, что у каждого из вас трепещет могучий нерв движения. Ну, скажем, нерв человеческого счастья.

— Это вы остроумно, Глеб Иванович... — серьезно сказал Кряжич, быстро отходя от этажерки... — Татьяна Ивановна не только чувствует в себе этот нерв, но обладает удивительным чутьем находить его в других...

— Какой чувствительный разговор!.. — засмеялась Татьяна. — Мне это немножко претит: во всякой чувствительности есть нездоровые преувеличения.

В столовой Евдокимовна звенела посудой, а Глеб ходил раздумчиво и говорил задушевно, точно давно хотел выложить душу перед этими людьми. То, что произошло с Татьяной, его как будто не интересовало. Правда, по приезду из края он сам пришел к ней на плотину и сказал шутливо:

— Ну, как, Татьяна Ивановна? Трепанули вас немножко?.. Дуракам закон не писан...

Ее арест взволновал не только технический персонал, но даже рядовых рабочих. Всякий, кто встречался с ней, непременно выражал свое негодование. Татьяна была очень тронута участием товарищей по работе, а внезапный приезд в город Паши и Кряжича с Ка-

тушей потряс ее до слез. Чумалов, который нередко приходил в ярость от пустяковых неурядиц и ошибок, не мог пройти мимо этого случая. А вот до сих пор упрямо молчит.

— Недавно мы решали проблему гнилых подушек под бычками, — рассуждал Глеб, набивая трубку табаком. — Эти гнилые подушки у многих из нас были в жизни. Они — тяжелое наследие, как рутина, как устой и быт. А рутина и быт создают инерцию — привычки. Навыки же приобретаются преодолением инерции, борьбой с инерцией и с самим собой. Вы вот, Татьяна Ивановна, о Даше моей говорили. Она бунт подняла против этих гнилых подушек, а я не понял. Почему? на этот счет много можно разговаривать...

«Что с ним такое? — недоумевала Татьяна. — Зачем он исповедуется перед нами?»

Кряжич слушал его с недоумением.

Рассуждения Чумалова были бы к лицу такому человеку, как, скажем, Борзый. Рефлексия свойственна людям обособленным, в которых живет этакий раз'едающий червяк. Но Чумалов — человек здоровый, полнокровный, действенный. Эти слова в его устах звучат смешно и неуклюже.

Кряжич вынул портсигар и, взяв папиросу, щелкнул крышкой.

— Всякий пройденный этап есть история, Глеб Иванович, — оживился он. — А Янус — вечен. Настоящее — двулико. Прошлое стоит к нам затылком, только будущее смотрит нам в лицо. Когда-то я любил вспоминать прошлое, а теперь, думая о будущем, даже физически чувствую, что молодею и здоровею.

— Это видно, Николай Николаевич. Только жизнь во имя будущего дает долголетие. Вы доживете до юных лет старости. А Татьяна Ивановна будет членом мирового цика.

Евдокимовна постучала в дверь и приветливо пропела:

— Пожалуйста к столу... милости просим!..

2

Вышли в столовую. Оттого, что на белоснежной скатерти сверкал на под-

носе чайник и прозрачно искрились стаканы, а тарелки манили своей белизной, в комнате как будто стало еще светлее и просторнее. Евдокимовна подала ветчину, консервы, сыр. Стояло три бутылки вина и маленький графинчик водки с лимонными корочками на дне. Глеб взял под руку Татьяну и Кряжича и посадил их по обе стороны стола, напротив друг друга, а сам сел в середине.

— Ну, что ж, друзья мои, подкрепимся? Вам, Татьяна Ивановна, какого?

— Рислингу.

— Ну, и мне рислингу,—сказал Кряжич.

— А может быть, водочки? Извлечем корень, а?

И Глеб налил Кряжичу и себе. Водка янтарно горела в рюмочках, а по краям их слезились и таяли капли.

— Итак, товарищи, — за молодость, за войну против всяческих гнилых подушек!..

Чокнулись и выпили. Все трое потянулись вилками к закускам.

— Вы — дома, товарищи, — сказал Глеб, загребая себе коробку консервов. — Заявляю, что гостевых условностей и этикетов не понимаю. Я вот все раз'езжаю — выполняю роль скандалиста и налетчика. Все время в состоянии войны со своими контрагентами. И тут — не легче: и день, и ночь — люди, дела, борьба. Сто раз полаешься, сто раз утешись и успокоишь младенцев и сумасшедших, сто раз сам побесишься. Но — хорошо: нравится мне это. Приятно драться, пробиваясь каждый час вперед.

— Я всегда вам удивлялся, Глеб Иванович,—признался Кряжич.—У вас нет ни усталости, ни сомнений, ни упадка духа...

— Извините, я обязан не отставать. Мне не в чем сомневаться и не от чего падать духом, когда передо мной, как у Лермонтова,—«кремнистый путь блестит». Я, вероятно, и в могилу упаду с разбегу.

— Позвольте, Глеб Иванович, — вдруг загорячился Кряжич.—Разве у вас... ну, у всех вас, коммунистов... раз-

ве у вас все вопросы решены и все ответы готовы?.. А как же с личной жизнью? по-боку?

— То-есть почему же по-боку? — с изумлением взглянул на него Глеб.— По-моему, совсем наоборот...

Татьяна в упор спросила Кряжича: — А разве она у вас есть, эта личная жизнь, Николай Николаевич?

— Почему же у меня не может быть личной жизни?

— Что же вы разумеете под личной жизнью?

Неожиданные и сдержанно-насмешливые вопросы Татьяны опрокинули его.

— Это же—ясно, Татьяна Ивановна. Поощадите!

— Не поощажу, потому что это для меня совсем не ясно.

— Есть же у меня интимные переживания, мечты, стремления, проклятые вопросы... Разве это не законно?

— Вполне законно, — согласился Глеб.

Он поднял рюмку, протянул ее к Кряжичу, понукая его, и дотронулся до стакана Татьяны.

Кряжич выпил машинально. И уже потом испуганно посмотрел на графин и укоризненно покачал головой. Выпил и Глеб. Татьяна отхлебнула свой рислинг и с той же сдержанной насмешкой опять спросила Кряжича:

— И это ваше законное право вы осуществляете с удовлетворением?

— Пытался, но без удовлетворения. пытаюсь, но...

— Но ваше право остается пустым звуком... — досказала она.—Почему? Извините за нескромные вопросы, Николай Николаевич, но я ставлю их в порядке принципиального разрешения...

— А по-моему, — вмешался Глеб, — этим правом Николай Николаевич пользуется неплохо: что еще нужно, когда он с таким успехом рушит гнилые подушки хотя бы на плотине.

— Как же можно отделять так называемую личную жизнь от жизни творческой, Николай Николаевич? — Татьяна резко отодвинула стакан. — Человеку свойственно излучаться, воплощать себя в любимом труде, в созданных им ценностях. Вы находите се-

бя только там, где вы боретесь и создаете. Человек размножается не только потомством, но и своими делами. Остается то, что вы относите к житейской, бытовой, интимной стороне. Если ваша житейско-бытовая, скажем, домашняя, жизнь не совпадает с вашей творческой работой, она — тормоз, плен, рабство... наконец, это — плесень, которая разъедает душу...

Глеб прислушивался к горячим словам Татьяны и лукаво усмехался.

— Как программа поведения — это превосходно и верно, Татьяна Ивановна, но в жизни много таких проклятых вещей, которые, как наши гнилые подушки, бывают трудно преоборимы.

— Значит, вы заранее отвергаете возможность ошибок и увлечений? — раздраженно спросил Кряжич. В этом ее задоре и глубокомыслии он видел только юношеский пыл.

— Нисколько не отвергаю, Николай Николаевич. — Она ясно и понимающе посмотрела прямо ему в глаза.

— Не только не отвергаю, Николай Николаевич, но допускаю множество глупостей и провалов. Но я не задумаюсь ни на минуту перешагнуть через них, чего бы это ни стоило.

— Поглядим, поглядим, Татьяна Ивановна, — пошутил Глеб. — Поглядим, как вы будете изворачиваться и страдать, когда попадете в лапы семейного быта.

— Я не возражаю ни против любви, ни против быта, Глеб Иванович. Любовь — не слепое чувство, а тоже — поведение.

— В ваших годах любовь расцветает пышным цветом, — шутил Глеб. — И притом, чорт возьми, красивы же вы, Татьяна Ивановна.

— Это — внешние, а не внутренние признаки. Цвет кожи и форма носа очень часто не совпадают со свойством характера. Это — случайное явление.

— А признайтесь, Татьяна Ивановна, любите вы кого-нибудь?

Татьяна очень серьезно ответила:

— Ну, конечно!.. а как же?

Кряжич вздрогнул и с ужасом впился в нее глазами. Глеб проследил и за ним, и за Татьяной.

— Замолкаю и дальше порога не пойду...

— Почему же? Раз это — мое поведение, тайн здесь не может быть.

— Здорово! — в восторге крикнул Глеб. — А я бы, например, не мог сказать этого вслух.

— Напрасно.

Кряжич замер в ожидании. В ее глазах с мерцающими ресницами темнела спокойная глубина. Было бы глупо думать, что она, с этим раздражающим спокойствием глаз, говорила о любви к нему, Кряжичу.

Любовь плещет через край, она опьяняет, и женщина становится прозрачной и откровенной — страсть ее волнуется в каждом взгляде, в жесте, в поющем голосе и смехе.

Женщина тогда призывно-мятежна, полна мольбы и готовности, она бессознательно расцветает кокетством и возбуждением. Тоскуя, она постоянно дразнит и пожатием рук, и дыханием, и телом, и томлением, и блеском глаз.

А Татьяна не забывается никогда: с ним держит себя так, будто покровительствует ему, будто чувствует себя выше и опытнее его. Это и бесило, и обезоруживало Кряжича. Всегда она была внимательна и выслушивала его распоряжения с почтительным достоинством. С таким же достоинством она обращалась к нему за консультацией или высказывала свои соображения по техническим вопросам. Ее научную работу он так и не прочел, но из бесед с нею вывел заключение, что эта работа рассчитана на переворот в системе труда. Раньше он оспаривал ее положения, рассчитанные на техническую подготовку рабочих, но сейчас, в дни трудового под'ема, он удивлялся ее прозорливости. Эта ее работа была предназначена для будущего, а Татьяна не раз высказывала мысль, что многие тезисы ее труда уже устарели и их надо заново перерабатывать. Эти разговоры не имели ничего общего с ее чувствами и ее душевным состоянием. Но у нее была своя, интимная жизнь, свои девичьи мечты, свой мир, которого он не знал. Он ни разу не решился зайти к ней на квартиру, хотя жила она через дом от него: он опа-

сался сплетен, оберегал ее от дурных глаз. Но и она его не приглашала, и их свидания всегда происходили или на плотине, или в кабинете его отдела. Но тот единственный и необыкновенный случай, когда она вошла к нему ночью сейчас же после ухода Бубликова, останется на всю жизнь, как ожог. Это был смелый и дерзкий поступок с ее стороны. Ей нужно было спасти его и поставить на ноги, когда он был уже ошельмован, опозорен и растоптан погаными ногами прохвоста.

И он впервые был поражен ее чуткостью, прямоотой и проникновенностью. Таких женщин в своей среде он не встречал.

С этого удивительного часа он всем своим существом понял, что без нее дальнейшая его жизнь невысказана. Каждый свой шаг, каждое дело, каждую мысль он уже невольно ставил под вопрос: а что скажет эта девушка? как она оценит то-то и то-то?

С Ритой у него уже не было ни ссор, ни пошлых скандалов: он просто с тех дней исключил ее из своей жизни. Они уже не сидели вместе за столом, и на ее попытки мягко, покорно ухаживать за ним отвечал глухим молчанием. Последние нити их супружеской связи оборвались навсегда. Недавно он сухо, как безнадежно чужой человек, сказал ей, что она может устроить свою жизнь, как ей угодно, но совместное их житье для него — невыносимо. С ее стороны было бы вполне последовательно и честно, если бы она уехала со стройки, куда ей больше по душе, он же считает себя обязанным помогать ей до тех пор, пока она не научится работать и тем самым уважать себя. Она, по обыкновению, билась в истерику, проклинала его, а потом однажды сообщила письмом, которое он нашел у себя на столе, что она решила уехать в Ленинград, если он обеспечит ее по крайней мере на год. Она только ждет ответа от своих подруг, которые уже давно просят ее приехать. Он ответил ей тоже письмом: да, он согласен и желает ей прочно устроиться, где ей нравится, без всякой надежды на возвращение.

Но вдруг она стала принимать гостей, танцевать, связалась с немцами, с Самородовым... И впервые он пошел к Татьяне и встретил новый расцвет:

— Вам нельзя пить водку, Николай Николаевич.

— А мы выпьем еще, — лукаво подмигнул Глеб, наливая рюмки.

— Вы отравите мое начальство, Глеб Иванович.

— Эх, чорт подери, какая у вас доблестная защитница, Николай Николаевич! Хотя бы меня разок защитили, Татьяна Ивановна, от моих многочисленных контрагентов. Поедемте как-нибудь со мной в мои походы...

— Вас не защищать надо, Глеб Иванович, а укрощать в ваших бурных порывах.

— Бешеный чорт... верно... Но это ведь от доброты и чистого сердца...

Кряжич выпил еще рюмку и почувствовал, как по телу разлилась приятная теплота и нежность.

3

Зазвонил телефон, и Глеб пошел в свою комнату.

Кряжич и Татьяна переглянулись, но сразу же смутились и опустили глаза. Оба почувствовали, что произошло это с ними впервые, точно они увидели себя врасплох и обнаружили в каждом что-то такое, о чем не догадывались и сами. Татьяна покраснела и стала скрести ногтем скатерть, а Кряжич нервно потирал руки и пристально смотрел на свои пальцы. Он первый поднял блестящие глаза и заволновался. Бывают в жизни моменты, короткие, как вспышка света, как потрясающий удар в сердце, которые решают человеческую судьбу. Эти моменты — самые трудные и часто непреодолимые. Нужна исключительная сила воли или самозабвенная страсть, чтобы сказать только одно слово или сделать простой жест, и дальнейшая жизнь пойдет по иному пути. Но Кряжич не мог найти ни одного слова, ни одного движения, силу и значение которых могла бы почувствовать эта девушка. Она была слишком высока и не-

доступна для него, она казалась ему грозной сейчас, в этот миг внезапной тишины. Он видел, что она ждала от него этого слова и скрытого жеста и готова была поднять свои длинные ресницы и улыбнуться. И он с ужасом чувствовал, что она удаляется от него, что он не в силах пошевелиться, не в силах произнести ни одного слова. Так бывает во сне, когда не подчиняются воле ни мускулы, ни гортань, а только в отчаянии бьется сердце, и душа готова угаснуть. Неужели никто еще не целовал эти ожидающие губы?

Она подняла лицо и взглянула на него пылливо и насмешливо. Эти глаза, теплые и таинственные, ослепляли его. Он протянул к ней дрожащую руку, как слепой.

В этот момент к столу подошел Глеб и сказал хмуро:

— Приходится ехать, ребята, на скалу. Не то преждевременный взрыв, не то самовзрывание. Не поймешь, то ли бунтуют люди, то ли омертвели от страха.

И вдруг увидел застывшую руку Кряжича.

— Правильно, Николай Николаевич, не останавливайтесь на полдороге...

Кряжич отдернул руку и откинулся на спинку стула.

Татьяна усмехнулась и певуче декламировала:

— «И кто-то камень положил в его протянутую руку...».

— Ребята!.. Ну, что в самом деле!.. Женитесь вы, что ли, честное слово... Все же ясно и понятно...

Татьяна как будто торжествовала и как будто злилась:

— Мимо, Глеб Иванович!..

Глеб сердито оглядел обоих и даже отбросил стул в сторону.

Татьяна быстро встала и с холодком в голосе пошутила:

— Сватать вы, что ли, пригласили нас сюда, Глеб Иванович? Берегитесь, Самородов может расславить вас, как сводника...

В приемной заговорил крикливый, требовательный голосок, а Евдокимова ворчала и, очевидно, не впускала гостя.

Глеб уже от двери обернулся и безнадежно крутнул головой.

— Репей это... Прошу не беспокоиться, товарищи. Раз ворвался — дело доведет до конца...

Здороваясь с Глебом, с Татьяной и Кряжичем за руку, Репей говорил только с Чумаловым, торопясь и обжигаясь словами.

— Время, конечно, позднее, товарищ Чумалов... А дела такие, что и ночь — не в сон... Сегодня в душу мне били, как в барабан... Слышал, как Аганьку-то мою угробили?.. Даже вставаньем почтили... Добро, что нервы у меня согласно настроены, как на балалайке, а то бы — каюк...

— Да, по этой балалайке тебе здорово хлестанули... — согласился Глеб: — Садись пока... минут на пять... Еду сейчас: на скалу вызывают. Неудачный взрыв.

— Вот!.. — с торжествующей злобой крикнул Репей и угрожающе оглядел всех троих: — Словно по-писанному... Я несусь, как малохольный, а оно через меня перескочило...

— У тебя — загадки какие-то, Репей... Сразу не поймешь... Ты-то здесь при чем?..

Репей пошлепал кулаком по спинке стула и прищурился на Глеба.

— Я, товарищ Чумалов, целый вечер за тобой охотился. А потом происшествие с Гашаткой помешало: пока отдышался, тебя уже в видимости не было. Отвез Гашатку домой и, высуня язык, — сюда...

— Что же тебе так приспичило?.. — усмехнулся Глеб: — Мог бы и завтра... или позвонил бы...

— А как себя чувствует Агаша, товарищ Репей? — спросила Татьяна: — Как же это вы бросили ее одну? Разве шутка — пережить такое потрясение!..

Репей с неудовольствием оглянулся на Татьяну и, очевидно, не считая нужным отвечать на ее вопрос, недружелюбно отозвался:

— Нам, товарищ Братцева, тонкими чувствами играть некогда.

Глеб захохотал.

— Скрипка и балалайка — две большие разницы, как говорится.

Кряжич сидел за столом, курил папиросу и следил за Репеем отчужденно и безучастно.

Репей опять постучал кулаком о спинку стула и настойчиво заявил:

— Я не о балалайках пришел говорить с тобой, товарищ Чумалов, а о бдительности.

— Ого! Тут уж спорить нельзя — надо действовать.

— Вот именно. О наших мостовых делах я тебя информировал. А гады у тебя играют и спереди, и сзади.

— Да, это не особенно мило, когда играют гады...

— Я, товарищ Чумалов, не стесняюсь: Николай Николаевич и Татьяна Ивановна — наши люди. А ежели ты ведешь разговор шутейно, я могу замолчать и итти по другой линии.

— Нет, почему же? Валяй!

— Я заниматься дипломатией не умею, товарищ Чумалов. Я только сигнализирую. Хоть бы взять мостовые дела. Масса под бойкотом держит Перебойченко, а его твой Самородов взял под крыло. У меня нынче был конфликт знаменательный... Где корень теперешнего крушения на мостовом переходе? С жертвами, товарищ Чумалов!.. И вот сейчас — скала... Учти, какая картина получилась на собрании...

Чумалов стоял перед Репеем, засунув руки в карманы, с терпеливым вниманием в лице.

— И о крушении знаю, товарищ Репей, и картину видел, и о Перебойченке слышал... Это хорошо, что ты сигнализируешь. Но я никак не пойму, о чем ты сигнализируешь...

Репей взъярился и засопел. Глеб вдруг почувствовал, что от него запахло старым потом и ржавым железом.

— Сигнализирую я, товарищ Чумалов, как умею... и Самородову твоему я ни на картошку не верю. Гляди, товарищ Чумалов, как бы шутка-то не обернулась бедой... Я сволочь за версту чую...

Глеб заложил руки за спину и, пристально глядя в лицо Репею, весело пожурил его:

— Охотник ты — заправский, Репей, но стреляешь по воробьям. Страху-

то сколько нагоняешь! Больше всего опасайся играть роль скомороха, — дружеский совет.

— Это не я скомороха изображаю, товарищ Чумалов... — оскорбленно крикнул Репей, и у него затряслась голова. — Это тебя потешают скоморохи... У меня — душа не на месте... Не желайшь слушать, я уйду...

Глеб строгим тоном начальника оборвал его:

— В конце-концов ты ведешь себя, как сутяжник, Репей. Фактов — никаких, одни бессвязные слова. Ну, чего ты хочешь, — скажи конкретно.

— Их всех арестовать надо... всех, чтоб не гадили...

— Кого всех?..

За окном, в непроглядной тьме, сверкнули фары. Фанфарами запел гудок.

— Ага, вот и машина...

Глеб отвернулся от Репея и скрылся в своей комнате.

Репей осоловело взглянул на гостей, и в лице его судорожно мелькнула улыбка, похожая на плаксивую гримасу. Он молча пошел к двери и остановился у порога. Татьяна с гневом в глазах быстро подошла к нему и схватила его за руку.

— Товарищ Репей, вы — человек хороший... честный и чуткий.

Но Репей с покорным упрямством тихо сказал, смотря мимо нее, на Глеба, который надевал теплую куртку:

— Я с открытой душой пришел к тебе, товарищ Чумалов, как к другу-товарищу. Со мной сегодня было потрясение... А я вот все бросил... Сердцем хотел перетолкнуться... А до тебя не дошло, товарищ Чумалов...

И, убитый, вышел из комнаты. Татьяна медленно прошла к окну и посмотрела во тьму.

Глеб намешкаиво оглядел дверь и сердито проворчал:

— Такие сигнальщики шатаются ко мне каждый день... Я даже оглох от них...

Кряжич сидел, занятый собою, курил и посматривал на Татьяну. А Татьяна холодно проговорила в окно:

— Какого вы верного товарища отшвырнули, Глеб Иванович!

Глеб пошлепал себя ладонями по карманам на груди, по бокам и, смеясь, утешил ее:

— Ничего, ничего, Татьяна Ивановна. У нас — тысячи людей, и все — хорошие. А Репей от этой встречи будет не хуже, а — лучше. Поехали, товарищи... Прощу!

Кряжич поднялся, как будто нехотя, и пошел из комнаты первый — твердым шагом, с достоинством человека, который попал сюда по недоразумению. Около вешалки Глеб подал пальто Татьяне с подчеркнутой грацией опытного кавалера.

Кряжич молча оделся, надвинул шляпу на лоб и стал поодаль в безучастном ожидании.

Когда вышли в садик, все трое посмотрели на небо. Оно было совсем черное, густо и сочно засыпанное звездами. Млечный путь пылился с севера на юг, и в зените радужно переливались Вега и звезды Лебеда.

Ослепительно прорезал всю эту мерцающую россыпь звезд метеорит и погас, оставляя после себя сияющую нить.

— Эх, как звезды-то играют здорово!.. — залюбовался Глеб. — На юге у нас они — ярче. На войне это небо казалось невыносимо родным. Почему, когда глядишь в него, хочется вспомнить свою молодость?..

Подошли к машине, и Глеб распахнул дверцу. Татьяна подала ему руку.

— До свиданья, Глеб Иванович.

Кряжич вежливо снял шляпу.

— Позвольте, друзья... никаких гвоздей!.. Едем вместе. Проведем уж до конца этот вечер.

— Поздно, Глеб Иванович. — уже полночь...

— Ерунда! Что вы так скупитесь насчет времени? Впервые, что ли?.. Николай Николаевич все равно пошел бы сейчас на плотину. А я обязательно должен быть на электростанции. Ну, ну, прошу!.. И пожалуйста, не дуйтесь... Ругайте, кричите, терзайте, но не затаивайте своих чувств...

Он подхватил Татьяну под руку и подтолкнул на подножку, а Кряжича даже обнял за поясницу.

III

СХВАТКА

1

На той стороне, на высоком острове, у акватория шлюза, мгновенно сверкнул сноп пламени, и взвился огненный вихрь дыма. Громовой взрыв встряхнул воздух.

— Эти взрывы я слышу много лет, — сказал Кряжич, — но никак не могу переживать их спокойно. Они точно очищают кровь. И как бы я ни был утомлен, я всегда в эти моменты чувствую себя обновленным и бодрым.

Глеб смотрел на облако, покрывающее остров, и с нетерпением ждал следующего взрыва.

— Я, друзья, — военный человек, и эта канонада напоминает мне о том, что мы обязаны каждый день быть готовыми к боям. И выходит, Николай Николаевич, что спокойненькая работка в тихих масштабах — это обывательская наивность. Не забывайте Бубликовых и Хабло. Извините: привычка агитатора и пропагандиста.

И сердито крикнул:

— Мы — на войне... каждый час, каждый миг!.. Надо это крепко помнить и остро чувствовать. Отсюда и надо решать задачи личной жизни и так называемого человеческого счастья...

Слушая его, Татьяна думала, что у этого человека все крепко поставлено на свое место. Он и на настоящую войну пойдет так же просто, без встряски, как на свою повседневную работу. Для него стройка и война — это две формы одного и того же процесса борьбы. А вот Самородова не разглядел. Не считается с ничтожными людьми. А не в этом ли ничтожестве и не в мелочах ли гнездятся раз'едающая гниль и преступление? Ничтожество — незаметно: ничтожество может только сорить и поступками, и словами.

Самородов — болтун, обыватель, он больше интересуется сплетнями и фокстротцами, легкий человек. У него набита секретарская рука, поручения выполняет ловко и умеет держать себя с людьми.

Крайности сходятся: ничтожные люди очень похожи на людей высокого полета. Людей крупного масштаба, вроде Стрижевского, того же Балеева или какого-нибудь кита из Главэнерго, дико подозревать во вредительстве: они защищены своим почтенным и почетным положением. Самородов же, как ничтожество, не вызывал тревоги, потому что он не способен ни на какие рискованные дела.

Кряжич внимательно всматривался в ярчайшие вихри огней на плотине, в движение далеких крановых стрел и издали угадывал то, что происходит на обоих берегах. Он стал тверже, напряженнее, строже. Менялось лицо его, когда он вглядывался в даль и близкие участки.

Проехали военный городок в широкой ложбине. Караульные красноармейцы с винтовками проверили пропуск у шофера, и машина полетела по короткой улице с кирпичными домами по сторонам. На плацу стояли, одетые в чехлы, зенитные орудия, задрав дула кверху. По улице и между домиками ходили группами и в одиночку бойцы. Машина влетела на высокий, холмистый берег. Здесь опять ослепительно залучились огни. Свернули вправо и понеслись по крутому спуску — к высоким гранитным скалам в осыпях камней. Перемахнули через железнодорожный путь и опять повернули влево, в расселину глубокой каменоломни. Остановились на широкой площадке, среди нагромождений гранитных глыб и сложенных в штабели камней.

Огромные кубы лежали широким полукругом. Они были красиво окантованы мелкой рубкой.

Эти камни готовились для береговых примыканий, для электростанции, для зданий соцгорода. Гранитные утесы искрились от фонарей, а черные тени, похожие на дыры и пещеры, были мрачны и жутки.

К машине подбежали двое: в одном из них Татьяна узнала Вихляева (макинтош, борода и певучий голос), а другой был молодой, вертлявый парень, весь в серой пыли, — повидимому, десятник. Первый вышел из машины

Глеб, за ним с другой стороны — Кряжич, а потом — Татьяна.

Глеб всматривался во тьму расселины, в толпу размытых теней и прислушивался. Но там, в глубине, в скалистых даях, в огненных отсветах, было пустынно и глухо.

— Страшная вещь, товарищ Чумалов... — угодливо суетился десятник: — Это у нас второй взрыв... Громадина: сразу десять шнуров... И, как это произошло раньше времени, — сущая загадка... Еще люди не успели уйти... грохнуло и... ужас... землетрясение... Пятых не досчитались...

Глеб молча пошел один в каменное ущелье. За ним, с'ежившись, пошагал десятник, а потом — Вихляев с Кряжичем и Татьяной.

Шли по камням и по рельсам, между кранами и экскаваторами. Утесы казались очень высокими в узкой расселине прохода. А когда вышли в широкий простор каменоломни, скалы ступенились террасами и казались отлогими. Всюду разбросаны гранитные глыбы, отвалы щебня и множество оговоренных и диких камней. Пахло серой и ржавчиной. Прожекторы бросали пучки ослепительного света с одной стороны, и тени в щелях чернели глубоко и четко. Всюду — и на террасах, и внизу, у подошвы цирка — широким полукругом громоздились обвалами обломки скал и ярусы камней.

Вправо, на взлобке, стояла густая толпа: люди в длинных парусиновых рубашках издали смотрели на Глеба, ожидая его с угрюмой настороженностью. Вдали, перед обвалами, суетились несколько рабочих и что-то кричали друг другу. Неподалеку, у ряда окантованных камней, лежали два человеческих тела в лохмотьях парусины, пропитанной кровью. Глеб быстро свернул к ним и вздрогнул: у одного трупа головы не было — она лежала у него под боком, страшная, вся в крови, уткнувшись носом в руку, которая, казалось, прижимала ее к телу. Другой труп, с закинутой головой, с открытыми глазами и ртом, вытягивался спокойно, с наивным удивлением в лице. Вихляев и десятник стояли в сторонке с страданием на ли-

цах. Кряжич и Татьяна тоже хотели подойти к телам, но Вихляев пропел упавшим голосом:

— Не советую, Николай Николаевич. Ужасный вид. Да и неловко это для женщины... Зачем расстраиваться, знаете ли?.. Нет, нет, Татьяна Ивановна, не позволяю...

И он рукою загородил им дорогу.

— Ах, как нехорошо, знаете ли, вышло!.. Возмутительное событие! Ума не приложу, знаете ли... Ведь не первый раз одновременный запал... Странно, очень странно!.. Тщательные осмотры, проверка... И, главное, взрыв-то произошел в момент осмотра... — И, криво усмехаясь, добавил: — Не везет Игнатичу с его техникой безопасности!.. Чем он больше тормозится, тем больше несчастий...

Они тихо прошли среди камней еще несколько шагов. Татьяна вскрикнула и отступила в сторону. Из-под глыбы вытягивалась рука и жадно впивалась пальцами в щебень.

Кряжич остановился и с раздражением сказал:

— Безобразия, товарищ Вихляев!.. Люди у вас бродят, как овцы. Организуйте их, пожалуйста... Спасать же надо... может быть, есть живые...

Вихляев жалко улыбнулся:

— Ну, знаете ли, Николай Николаевич. Сейчас распоряжаться нельзя... И у голоса, и у молчания есть свои критические минуты.

Бригадир угодливо пояснил:

— Вы, Николай Николаевич, пока к народу не ходите. Все — оглушенные, не в себе: могут и посвирепствовать... Пускай чуток отмолчатся...

И он вразвалку, озираясь, побрел куда-то в сторону. Вихляев вприщурку последил за ним и переглянулся с Кряжичем и Татьяной:

— Обмер человек, знаете ли...

Татьяна не могла еще успокоиться от жуткого вида ползущей из-под камня руки и жадно хватающих пальцев. На несколько минут она вся сжалась и оцепенела. Но когда гневно крикнул Кряжич, а потом заговорил Вихляев, она вздохнула облегченно.

Хотелось броситься к красноармей-

цам, которые ворочали камни, самой взяться за дело и внести порядок в работу. Что это за чудачки елозят по взорванным скалам?

Она побежала к обвалам скалы.

— Куда вы, Татьяна Ивановна? Зачем? — крикнул Кряжич и сам невольно пошел вслед за Вихляевым.

2

А Глеб подошел к толпе рабочих. Навстречу ему глядели враждебные глаза. Люди как будто не обращали на него внимания, переговариваясь друг с другом. Одни стояли кучками и о чем-то угрожающе спорили, другие сидели на камнях и курили с злобной задумчивостью.

Глеб понял, что эти люди контужены, что они могут сейчас безумно молчать, если не встревожить их, но достаточно одного выкрика — и они осатаеют. В те времена, когда он восстанавливал заводы, не раз сам переживал потрясающие минуты аварий и катастроф, сам застывал от ужаса перед неожиданными, непредвиденными разрушениями и гибелью многих людей. Такие события, как вот этот нелепый взрыв, надрывали душу на всю жизнь или вызывали сумасшедший бунт. И это было страшнее самой катастрофы.

Глеб молча сел на камень и вынул трубочку. Он также угрюмо поглядывал на рабочих, закурил и, казалось, был занят только своими мыслями. Неподдалеку от себя в толпе он заметил коренастого детину в пиджаке, с открытой волосатой грудью, и сразу вспомнил Редея, его сумбурные слова, похожие на бред. Очевидно, в навязчивой подозрительности Редея не только — одержимость, но и острое чутье человека, который живет среди скрытых врагов и опасностей. Впрочем, у него есть достаточные основания не доверять людям... Татьяна и Кряжич говорят о Самородове с откровенной ненавистью. В глупом аресте Братцевой Самородов действительно играл какую-то странную роль: тут не только ломался скоморох, но умело действовал ловкий провокатор. Хотя Глеб и виду

не подал Братцевой, что пришел к такому выводу, и старался отделаться шутками от раздражительных наскоков Кряжича, но при каждом появлении у себя в кабинете Самородова он не мог освободиться от желания схватить его за горло.

К Глебу подошел крупный, с большими руками, усатый рабочий, с бабьей повязкой на голове, с кровавой царапиной на лбу.

Он взглянул искоса на камни и тускло сказал:

— Вот, товарищ Чумалов... Глядите сами... Договор договором, а работать при таких порядках нам — не с руки...

Из-за его спины выскочил низенький мужичок, с татарской бородкой, с беззаботными маленькими глазками, в парусиновой рубашке до колен. Приседая и взмахивая руками, он злорадно закричал:

— Ну, вот чего делать-то будешь, начальник?.. Народу-то сколь сгубили!.. За что, начальник?.. За какие грехи?.. Отрыгнется это, начальник...

Глеб не спускал глаз с детины с открытой грудью. Загребая плечами, он бродил в толпе рабочих, обличал кого-то и крыл матом.

Глеб вынул трубку изо рта и сказал:

— Я сам хочу знать, кто совершил это злодейство. Если мне отрыгнется, значит, злодей — я. Но ведь не я же стоял у рубильника...

— Ты — чего!.. ты тут не обозначался... истинно верно... — забормотал мужичок. — Злодей-то невидимы, начальник... вот какая вещь... Бес его знает, где он, а дело есть — вот...

К Глебу начали подходить люди. Он встал и, не слушая рабочих, направился к детине с открытой грудью. Все с недобрый любопытством провожали его глазами.

Кто-то надсадно крикнул ему в спину:

— Работать больше не желаем... баста!.. Пускай другие идут на убой...

— Дело ваше... — с готовностью ответил Глеб. — Я здесь — такой же хозяин, как вы... Кому вы грозите? Това-

рищей бросили под скалой, а сами — наутек?

— Эх, ты умный какой!.. — злобно насмешничал кто-то сбоку в толпе. — А как бы ты-то?.. Сам бы первый дал тягу, чтобы ноги унести... Кого это ты повестишь?..

Глеб остановился на шагу, повернулся на голос и в упор спросил:

— Я спрашиваю: кто стоял у рубильника?

Все застыли и молча переглядывались друг с другом. Легким шелестом прошло среди них удивление.

— Чай, кто... — робко ответил невидимый голос. — Чай, там подпальщики... Кто же еще?..

— Чего зря мелешь, пустомеля... Они все на линии были.

— Ты, видать, по контролю — мастер: все видел, все заметил и за всех ответил...

— Прораба сюда давай!.. — вдруг забунтовал кто-то: — Прораба, сукина сына!.. Мы ему кишки выпустим... И безопасного инженера потянем... Салазки ему — на бок...

— Вот они какие сквозняки-то!.. Вечером мостовой переход провалился, а сейчас — землетрясение с жертвами... А вот начальство налетело, вы — в подворотню...

Очевидно, этот детина (он! Перебойченко!) уже был здесь свой человек. Он прятался за спины рабочих, чтобы не быть на виду, но, несомненно, поработал здесь, как следует...

«Это он против меня натравляет... — решил Глеб: — Самосуд хочет устроить...».

Человек с бабьей повязкой опять подступил к Глебу и смотрел на него бешеными глазами. Глеб предупредил его: он схватил Перебойченко за руку и вытащил на середину.

— Вот где я накрыл тебя, хлюст! Это — тот самый бандит, который сжег парня на железнодорожном мосту. А рабочие его выперли. Это он был у рубильника...

Перебойченко так был ошеломлен, что покорно стоял перед Глебом, не понимая, что произошло с ним. Люди оторопело отхлынули, потом сразу же сдвину-

ли их тесным кольцом. Все зашумели, заговорили, зашуршали подошвами о камни.

Никто не понимал, почему Глеб сгрудил этого парня и почему парень так ошарашен.

Перебойченко опаматовался и рванулся в сторону.

— Убери руку! Не цапай, а то так цапну!..

— Не думай улизнуть: на месте уложу!

Перебойченко уже нахально скалил зубы, подмигивал рабочим и, засунув руки в карманы штанов, подрыгивал ногою.

— Чего ты мне грозишь? Не грози: я видал многие угрозы...

— Глядите в оба, ребята!.. Я с ним сейчас побеседую... Пятерых он уже распластил — имейте в виду.

— Я тебе — не обормот... И собак не вешай на моей личности. Народу очей не отведешь...

Стало трудно дышать от тесноты, от пота, от запаха окалины и пыли. Толпа еще жила ужасом взрыва: некоторые сидели безучастно, оглушенные и тупые, другие готовы были опрометью бежать из этого проклятого места, а многие ошалели от мстительной тоски: с кем-то им нужно было расправиться, на ком-то сорвать свою ярость. Может быть, они подчинились бы сейчас истощенному крику: «Бей и ломай!» — и оравой бросились бы на случайных людей и на машины, и даже друг на друга. Чувствовалось, что вот-вот грянет этот бунт, и этой минуты Глеб ждал с смертельной готовностью.

Но он знал такие необузданные моменты в жизни толпы. Он переживал их и на фронте, и в первые годы хозяйственной работы. Не нужно только теряться, надо спокойно глядеть в глаза...

Из толпы вдруг выскочил, весь в грязи, замурзанный парень, испачканный кровью.

Он в остервенении ударил себя кулаками по груди и закричал плачущим визгом:

— До чего довели!.. Зачем загубили народ?.. Кому нужна кровь наро-

да?.. Детишки у них... семьи... Гляди на меня... видишь?.. Весь в кровище...

Но его быстро оттолкнул мужичок с татарской бородкой. С той же застывшей улыбочкой он напер на него и оттеснил в толпу. Глеб удивился, откуда у этого тщедушного мужичонки взялась сила, чтобы сладить с парнем, который мог бы уложить его одним взмахом кулака.

— Не дело, милок, не дело... Ну-ка, ну-ка!.. Разве можно, дурашман? Поберегите его, ребятки... Не в себе человек-то... Долго ли до греха...

Толпа еще теснее сдвинула Глеба и зловеще молчала. Она еще ждала чего-то от этих двух людей — от Чумалова и Перебойченко. Кто-то из них должен быть уничтожен. Чумалов — высокое лицо: он — хозяин и партийный человек, и в повадках его чувствуется сознание власти. А Перебойченко, хоть и не из их артели, но его поведение и слова понятны. Появлялся он здесь несколько раз — к друзьям заходил, но умненько и резонно соображал, что в соревновании они свое искусство ценят очень низко. Каменщики — мастера редкие, и отделка гранита сейчас для них — выгодное дело. Если они ошарашат хозяинов требованием удвоения ставки и подкрепят забастовочкой, то администрация и профсоюз неизбежно сникнут. Сдружился он и с подпальщиками, и с бурильщиками и сразу стал своим человеком на каменоломнях. Говорил он, что работает на железнодорожном мосту клепальщиком, а строительство моста — рядом, рукой подать. Народ на мосту — бой-ребята. Когда готовились одновременные взрывы, Перебойченко очень любознательно изучал механику этого дела и не раз хвастался, что он на взрывных работах несколько лет находился в Карелии, что одновременные взрывы для него — не новость. Когда же ему подрывники пытались доказать, что такая система взрывов применяется впервые только на этой стройке, что он «арапа заправляет», Перебойченко презрительно скалил зубы и внушительно загребал плечами. «Масштаб

у вас, друзья, — никакой. Мелко плавае — задок наружи...».

Несомненно, Перебойченко знал, с кем имел дело, знал, как легко растравить стяжательские инстинкты сезонников, среди которых много было подозрительных и явно враждебных элементов. Держал он себя рубахой-парнем, размашисто, напористо, дерзко, с загадочным видом сильного, уверенного в себе человека.

Глеб хорошо был осведомлен и о событиях на мосту, и о таинственном свидании Самородова, Шалнина и Коририна с Забодаевым в старом городе, но делал вид, что это его совсем не тревожит. Емельян вел себя еще беззаботнее: он даже Глебу не сообщил о своих намерениях, а заходил к нему несколько раз, пил крепкий чай и говорил о тифлисских банях, хотя русскую курную считал лучшей в мире; рассказывал о сибирской тайге, об изюбрях и способах охоты на них. Почему-то он опять обращал внимание Глеба на Вакира и посплетничал о жене Кряжича, которая с тоски и ревности бросилась в фокс-объятия к немцам и Самородову с Шалниным, как к людям, наиболее веселым и музыкальным.

Все это мелькнуло в голове Глеба, когда он стоял в толпе лицом к лицу с Перебойченко.

— Я знаю этого человека, — сказал Глеб, указывая на него. — Повторяю: это — бандит.

— Это я — бандит?.. — заорал Перебойченко, ударив кулаком в грудь. — Не я бандит, а те, которые из рабочего люда крошку делают... Медведь дерет, да сам же ревет...

— Ты подожди, не ори, стой на месте. Пусть народ сам увидит тебя настоящего. Рассказал ли он вам, товарищи, за что рабочие на мосту объявили ему бойкот? и как он отказался проводить до могилы того, кого сжег?

— Брехня! провокация!..

Перебойченко держал руки в карманах и подрыгивал ногой.

— Это — не брехня. Каждый из вас может проверить у мостовиков.

Перебойченко ухмылялся.

— Фасонный разговор... арабские сказки...

Глеб схватил его за грудки.

— Говори перед народом, бандит, кто заставил тебя сделать преждевременный взрыв...

Перебойченко внезапно рванулся к Глебу с хищной решительностью в лице, но Глеб быстро метнулся в сторону и мгновенно очутился за его спиной. Он схватил его за локти и придавил их друг к другу.

Толпа шарахнулась назад.

— Отберите-ка, товарищи, у него финку. Я уже заметил, к чему он готовился.

Толпа оторопело отступала все дальше, круг становился шире, а Глеб чувствовал, что сейчас произойдет свалка между ним и этим живорезом. Он с ужасом ощущал, как изнемогает от напряжения: локти Перебойченко странным образом уползали из его рук. Он как будто покорно стоял спиной к Глебу, но его затылок и плечи напирали на него с нарастающей тяжестью.

— Ну помогите же, черти!.. — прохрипел Глеб.

И опять тот же мужичок с татарской бородкой подбежал к Перебойченко и неуклюже стал ловить кисть его руки.

— Отдай-ка, отдай-ка ножичек-то, милоч!.. Разве это резонное дело с ножичком-то?.. Ах, ты, ухарь сибирский!..

Вдруг он пискнул и кубарем полетел на камни. И опять толпа шарахнулась в стороны, но двое парней в длинных рубахах кинулись к Перебойченко. Он без всяких усилий оторвался от Глеба, и, согнувшись, запрыгал вниз.

— Обратять хотел... Шалишь, сука!.. Мы и не таких лебедей встречали на своей геройской пути...

Из-за скал бросились за ним в погону несколько человек. Легко и быстро он вскарабкался на первую террасу и побежал по под'ему опять направо, к расселине, и исчез во тьме. За ним бежали рабочие, и какие-то люди в пиджаках. Непонятно, с какой стороны раздался выстрел, кто-то ободряюще покрикивал. Сверху полетели камни. Толпа только сейчас очухалась и гурьбой

понеслась в ту сторону, куда побежал Перебойченко.

3

Подошел Емельян и весело блеснул зубами.

— Что же это ты, милый человек?.. Не сумел скрутить такого карася!.. Ну, да он не уйдет — будь благоден. Пойдем-ка лучше к братской могилке...

— Понимаешь... — виновато пробормотал Глеб: — Скрутил ему руку, думаю: не уйдешь, подлец... А он, как пресс, на меня... Чувствую, руки, как слизняки... уползли, понимаешь...

— Понимаю, понимаю... — смеялся Емельян. — Парень большой науки...

Запыхавшись, подбежал Репей. С страданьем и яростью в глазах, он надрывно закричал в лицо Глебу:

— Ну?.. Вот тебе, товарищ Чумалов!.. Видал, где Москва на карте?..

— А ты-то чего сюда прилетел?

— Сам, своими руками за горло его схвачу...

И, злобно повизгивая, затряс кулаком перед Глебом.

— Смешки тебе, Чумалов... шуточки!.. Все — дураки, ты — умный... А товарищ Емельян душевно воспринял... Надо, товарищ Чумалов, верные глаза уважать...

И побегал по скалистому дну каменоломни, — туда, где карабкались люди в погоне за Перебойченко.

— Правильно!.. — живо одобрил Емельян. — Именно, верные глаза надо уважать...

Оба быстро пошли, вилая между камнями, к обвалам скалы, где уже работали краны. По ярусам бежали кучками и в одиночку люди. Наперерез Глебу и Емельяну пробегали санитары с носилками и сумками.

— Скверно, что мы не умеем предупредить событий, — злобно проворчал Чумалов. Он будто только сейчас опаматовался и поразился тем, что произошло в этой мрачной ямнице. — Ведь не было ни одного случая, чтобы мы схватили за руки негодяев...

— Почему же? хватали неплохо.

Вот и ты схватил... и даже за обе руки... Правда, неудачно, но схватил смело...

Катастрофа чувствовалась всюду. Казалось, что в развалинах скал и нагромождениях каменных глыб еще дрожит и рокочет гром, и люди, которые бегут по террасам один за другим, в ужасе спасаются от гибели.

Два человека — один в военной шинели, другой в теплой куртке и мерлушковом картузе — вышли из-за холма щебенки. Увлеченные разговором, они не заметили Чумалова и Емельяна.

— Ты подумай! — изумился Емельян, оживляясь: — Они, оказывается, прибыли сюда раньше нас.

И он приветственно поднял руку.

— Ситный-то!.. — озадаченно спросил Глеб: — Неужели он успел примчаться из города? Что бы это значило?

С дружеской улыбочкой Емельян поспешил к Ситному и Гудиму. А Глеб остановился и стал наблюдать за погоней на верхних ярусах. Там, в скалистом сумраке, враспынную карабкались люди и исчезали в черных расселинах и закоулках. Люди чудились очень маленькими и юркими, и в воздушной дали, под ослепляющим светом прожекторов, утесы и осыпи щебня на скалах и террасах похожи были на горные обвалы и оползни. Несколько человеческих фигурок появились на самом верху и побежали по гребню утесов. Оттуда, сдвоенные эхом, прикрикивали певучие голоса. Перебойченко уже не появлялся, и видно было, что люди растерялись и не знали, в какую сторону бежать.

«Неужели удрал?» — с тревогой думал Глеб, всматриваясь в даль.

Вдруг поодаль от людей выскочил наверх человек. Он присел, опять поднялся и быстро исчез.

«Идиоты!.. — забесновался Глеб: — Ослы слепые!.. Проворонили, мерзавцы...».

Но люди остановились, посоветовались о чем-то, замахали руками и тоже исчезли за краем каменоломни.

Краны чихали и гремели металлом, поднимая огромные камни и относя их по окружности в разные стороны. Татьяна вместе с Кряжичем и Вихля-

вым торопливо переходили с места на место и отдавали какие-то распоряжения. Глеб увидел, как эти трое инженеров подошли к гранитной свалке, и, наклонившись, стали внимательно всматриваться во что-то. Потом они сами стали отваливать глыбы, к ним подбежали санитары. Ближайший кран попятился, залязгал, заиграл паром, неуклюже завозился на месте и пополз к ним на своей гусенице.

Глеб, злой, подошел к Емельяну, который весело, по-приятельски разговаривал с Ситным и Гудимом.

— И меня чуть не ухлопало... — усмехаясь, окал, Ситный: — Хотел было полюбоваться знаменитым вашим одновременным электропалом, да неудачно. Случай-то скандальный, замазать не удастся...

Гудим нехотя возразил:

— Наоборот, размазать постараемся.

Ситный оскалил зубы:

— Что ж, по силе возможности, и мы поможем.

— Премного благодарны, — кротко, с той же неохотой ответил Гудим. — Вы нам и без этого много помогали...

— А как же? Наш долг.

Ситный махнул рукою на ступенчатые склоны каменоломни и загадочно усмехнулся.

— Заяц — тоже зверь. А здесь лоят воробья, чтобы хвост послать.

— Бывало, и воробьи сжигали города... — скромно заявил Гудим.

Глеб всматривался в сумеречную даль каменоломни, сердито бормотал и порывался уйти, но что-то удерживало его. Несколько рабочих толкались внизу, в тени ямы, перед грудой камней и боязливо оглядывались на место взрыва.

Гудим прошел мимо Глеба и пошагал вниз — к группе рабочих.

Емельян и Ситный продолжали приятельский разговор.

— Против психологии техника безопасности — бессильна, как бы она ни была совершенна...

— Но ее совершенство зависит от психологии... А вон другая психология удирает в степь...

— Вы на полях как будто не особенно интересовались психологией... — огрызнулся Глеб.

— Бдительность важна не столько для действия, сколько для противодействия... — ехидно скалил зубы Ситный. — Ваше влияние мы чувствовали всегда... Плохие вы психологи... Вот Емельян в бане психологию изучает...

— Хочешь, попаримся?.. — добродушно пошутил Емельян: — Там и подведем итоги...

— Мне хватит и этой бани. Хотел бы я знать, кто был здесь банщиком. Какая предупредительность! стоило мне появиться и — баня готова...

— А ты еще не доволен... — шутил Емельян: — Ради тебя мы даже принесли в жертву нескольких рабочих. Кстати, где же твоя машина?

— Там, на вершине... Мой шофер решил, что напрямик, по степи — сходнее...

Емельян взял его под руку.

— Я тебя доставлю к твоей машине... Ты — с нами, Чумалов?

Глеб отмахнулся и пошагал в обратную сторону.

Когда Емельян с Ситным выбрались на верх каменоломни, их встретила толпа черных теней. Все закричали наперебой, мешая друг другу.

— Удрал, сукин сын... Темь — глаз выколи...

— Главное, мы — за ним, а он, оказывается, позади нас... и чортом — к машине...

Одна из теней прилипла к уху Емельяна, шепнула что-то и быстро исчезла в толпе.

— Ты это удачно сделал... — засмеялся Емельян Ситному. — Очень кстати приготовил машину парню...

— Молодец, догадался... — одобрил Ситный. — Находчив и смел...

— А главное, как знал...

(Окончание следует)

Песня пастуха

Грузинская народная песня

★

Я пастух, бегу за стадом
Вдоль долин, по кряжам гор.
Нет, постели мне не надо:
Для ночевки есть простор.

Верный пес — моя подмога.
Он весельем одарен.
Задремлю лишь я немного,
Навостряет ухо он.

Лишь увидим мы, скитальцы,
Солнце встало и горит,
Как мои заходят пальцы,
Саламури мой звенит.

О лугах поет, о росах,
Слаще песен не найти.
И кизилковый мой посох
Мне опорю в пути.

Я жилье себе готовлю
В старой хижине, — и рад.
Пусть летит в худую кровлю
С неба падающий град.

Только с ласточкою схожа
Жизнь подвижная моя.
Улетит она, и тоже
Ухожу в кочевку я.

*Перевел с грузинского
К. ЛИПСКЕРОВ.*

★

Чу

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

★

Он, вот, передо мной,
Киргизии простор.
Глазами не обнять
хребты Небесных Гор.
И с этих гор, где скалы
стоят плечо к плечу,
несется голубая,
вся вспененная Чу.
В камнях сырых ущелий,
как снег, ее оскал.
Она в песок стирает
косые ребра скал.
Но не пробилась Чу
всей яростью струи
ни к морю за барханы,
ни к водам Сыр-Дарьи.
Она сильна (и горы
за нею высоки),
но выпивают силу
сыпучие пески.
Жесткая, сухая пустыни
горячая щека, —
и высыхает Чу
в литых солончаках.
Киргизия, вот так же
и жизнь твоя текла.
Ты сквозь пески бесправья
пробиться не могла,
не радовалось сердце
кипенью горных рек,
пока с рекой Советов
ты не слилась навек.

★

Четыре минуты

ПОЭМА

А. КОВАЛЕНКОВ

★

I

Полковник английской службы —
сэр Арчибальд Шенрок
Бумажник, медаль и колючко
хрипя зарывал в песок.
Бежать было поздно, — сзади
враждебно молчала река,
Черным огнем горела
простреленная рука.
Душно светило солнце,
медленно таял дым.
Германцы шли ровным шагом —
в ногу, один за другим.

Полковник не верил в бога
и знал, что сейчас умрет.
Но, верный военной чести,
упрямо пополз вперед.
Холодная мысль о славе
тушила горячий страх.
Британское мхурое море
ревело в его ухах.
Торговая сила Англии
благословляла его.
И он невпопад припомнил
наследника своего,
Свой дом и свою прислугу,
жену и жасмин в саду;
Расчетливой, честной жизни
спокойную красоту.
И, мужеством озаренный,
защитник своей любви,
Он прыгнул навстречу бошам,
взмахнув рукавом в крови.

Железный лимон гранаты
хлестнул разрывным дождем...
Об этом писали в романах,
но я расскажу о другом.

II

Босые, сизые ноги
топтали колючий снег,
А рядом играл наганом
внимательный человек.
Могила была готова,
и, заступ воткнув в сугроб,
Красноармеец вытер
покрытый испариной лоб.
Хорунжий спешил. Послушно
привстал и упал курок.
Беззвучно метнулось пламя,
шарахнулись сосны вбок...
Но, падая, смертник слышал,
как выстрел бежал вдогон...
Над черным квадратом ямы
блеснул золотой погон.
Готов! И, смахнув снежинки,
хорунжий пошел назад
К дощатому полустанку,
к штыкам молчаливых солдат.

Но смерть не посмела хлынуть,
глаза потушив тому,
Кто верил, что счастье близко
и шел напрямик к нему.
... Луч солнца на скатерти чистой,
полей черноземная гладь...
Да мало ли было хорошего,
что он захотел отнять
У тех, кто зевал со скуки,
доброту отвечая злом;
У тех, кто в него ударил
огнем и слепым свинцом.

И грозная сила жизни
за плечи его взяла,
Поставила снова на ноги
и под руки повела.

С клокочущим, рваным легким
 он ночью нашел крыльцо,
 Где с криком к нему метнулось
 заплаканное лицо.
 Дрожала земля под копытом,
 шла музыка, падал гром...
 Об этом слагались песни,
 но я расскажу о другом.

III

Вдова говорила сыну:
 «Ты должен запомнить, Джон:
 Вода окружила Англию
 со всех четырех сторон.
 Хорошая поговорка:
 «Он ловок, как рыба в воде».
 Вода от огня защита,
 и нам не бывать в беде.
 Отец твой забыл про это,
 когда на жуком берегу
 Ушел далеко от моря
 и в лапы попал врагу».

Но Джонни молчал. Он слушал
 (мечтатель и сумасброд),
 Как костяной походкой
 по Англии старость бредет.
 Ее замороженный разум
 упрям, осторожен, жесток.
 Ей страшно смотреть на запад
 и страшно смотреть на восток.
 Она улыбнулась Джонни,
 когда с этикеткой «яд»
 Зеленый флакончик с полки
 был юной рукою взят;
 Когда, материнские пальцы
 целуя в последний раз,
 Сказал «до свиданья» Джонни,
 но так и не поднял глаз.
 О чем говорить и спорить,
 когда собеседника нет!

Ведь Гамлет с отцовской тенью
 беседует сотни лет.
 Дожди говорят торопливо,
 молчит бездыханно жара,

И облака проплывают
 такие же, как вчера.

... Бормочет самоубийца
 и горлышко ловит ртом...

Об этом поют романсы,
 но я расскажу о другом.

IV

Овчарка вела по следу,
 а след уходил туда,
 Где черная, словно деготь,
 лежала в кустах вода.
 Родных поминая лихом,
 пугая болотных птиц,
 Бежал по земле советской
 пришелец с чужих границ.
 Бежал, задыхаясь, хорунжий —
 матёрый, травлёный волк,
 Да так, будто гнался следом
 отряд или конный полк.
 Уже поднималось солнце
 и ночь уходила прочь.
 А с вечера диверсанту
 болото пришлось толочь.
 Надеясь, что грянет чудо,
 он бога на помощь звал
 (Но бог, как его рисуют,
 на облаке мирно спал).
 Одышка брала за горло,
 затылок гудел и ныл,
 И страшно на лбу вздувались
 веревки лиловых жил.
 А в черном крошечном сердце
 такая клубилась злость,
 Что пуле красноармейской
 его догонять пришлось.
 В трясины, в болотную тину
 хорунжий упал лицом...
 Об этом писали в газетах,
 но я расскажу о другом, —
 О том, как в реке Амуре
 чиста и светла вода,
 Как песню поет пограничник,
 Как светит над ним звезда...

Молодой человек

РОМАН

ВАЛЕНТИН ЛОСЕВ

(Продолжение ¹)

★

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Паровоз замедлил ход, и поезд неторопливо вошел под арку Брянского вокзала.

Пассажиры наскоро прощались и выбегали на перрон. Новые лица мелькали перед глазами, новый город-великан возникал перед взором приезжего.

Посреди вокзальной площади стоял Дмитрий Ордынский. Стихающий дождь оставлял капли на его одежде, по чемодану бежали струйки воды, но Дмитрий не замечал дождя. Он смотрел на грязную площадь, на покосившиеся домишки, на неприглядные ларьки. У серого гранитного здания вокзала длинная вереница равнодушных ко всему извозчиков. Гремела по камням мостовой тяжело нагруженная телега. Возница, точь-в-точь такой же, как в Лучаевске, хрипло ругался и немилосердно хлестал кнутом жеребца, высекавшего тяжелыми подковами искры из мокрого, блестящего булыжника.

«Так вот она, Москва!» — думал Дмитрий. Он был немного разочарован, хотя понимал, что это окраина.

Разумеется, Дмитрий уже не был розовощеким, наивным и немного смешным мальчиком, каким он когда-то пришел в газету. Так, по крайней мере, ему казалось. Но если говорить правду, то и серьезным, взрослым человеком его

еще никто не считал. Правда, он выпустил уже книжку рассказов с предисловием самого Степана Зица, но все же писателем не стал.

Дмитрий уехал в Москву неожиданно. Как-то пришел домой и увидел на столе письмо от Бореля, полгода назад уехавшего в Москву. Борель звал туда. Дмитрий собрался в один день. Все бросились его отговаривать.

— Мировых масштабов захотелось, — криво усмехаясь и вздергивая очки на лоб, говорил Зиц. — Рано вы собрались в Москву. Пропадете там. Впрочем, как знаете. Я от души желаю вам успеха.

Редактор долго жал на прощание руку и сказал:

— Если будет плохо, приезжайте обратно.

... Миновав кривые домишки, Дмитрий пошел в город.

Он пропустил несколько трамваев. Все ждал, когда схлынет толпа. Но поезда приходили и приходили, толпа не убавлялась, и тогда с внезапной решимостью он бросился к подходившему вагону. Кто-то грубо толкнул его, кто-то больно ударил в спину ящиком, какая-то женщина, без всякой причины, назвала его нахалом и, ударив локтем в грудь, неторопливо влезла в вагон. Сзади его ругали за то, что он медлит, стоявшие впереди кричали, чтобы он не смел толкаться... В конце-концов Дмитрия втиснули в вагон. Он стоял между молодым человеком в клетчатой кепке и той самой женщиной, что толкнула его

¹ См. «Новый мир», 1937 г., кн. 10 с. г.

в грудь. Кондуктор, прижатый к углу, переругивался с пассажирами и сердитым голосом называл остановку.

Дмитрий сошел у Мясницких ворот и, миновав два переулочка, подошел к многоэтажному серому дому. На двери той квартиры, где жил Борель, висели многочисленные наклейки. Найдя звонок, Дмитрий нажал кнопку. Дверь отворилась, высунулась седая старушечья голова.

— Вам кого? — спросила старуха злым голосом.

— Бореля, — робея, сказал Дмитрий.

— У нас таких нет. Ему звонить не так... — крикнула она и захлопнула дверь.

Дмитрий ничего не успел сказать. Он стоял, разинув рот, ничего не понимая. Почему она захлопнула дверь, если он только ошибся звонком? Он нажал кнопку уже два раза, затем три, четыре, надеясь, что какой-нибудь звонок дойдет до Бореля.

За дверью слышались возбужденные голоса. Щелкнул замок, и Дмитрий увидал перед собой Бореля.

— Еще жилец, — сердито ворчала высунувшаяся из какой-то щели давешняя старуха, глядя на чемодан Дмитрия. — Трезвон поднял на всю квартиру.

Борель, смеясь, повел его по темному коридору. Они долго шли, натываясь на какие-то предметы. Наконец, Борель толкнул дверь, и они очутились в крохотной комнатке.

— Держу пари, — говорил Борель, — ты вспоминаешь свою квартиру. Но если бы ты знал, какими чистыми и нечистыми махинациями я добыл это роскошное палаццо. Да опусти же, наконец, чемодан.

Глядя на Бореля, Дмитрий вдруг тоже засмеялся и, сев на чемодан, ответил:

— Ну, что ж, Дмитрий Николаевич, располагайтесь: вы приехали.

II

Дмитрий полагал, что его слава достигла столицы и что если не читатели,

то уж во всяком случае писатели знают его имя.

Но Москва встретила его равнодушно. Дмитрий, усвоивший уже независимый тон, был поражен холодностью и даже резкостью редакторов.

«Еще один гений из провинции...» — неприязненно думал редактор крупного книгоиздательства Промошкин, рассматривая переплет дурно изданной книжки Дмитрия.

— Вряд ли мы сможем ее издать... — вяло сказал он.

— Но ведь вы же ее не читали! — возмутился Дмитрий и вырвал у него книжку.

— Это не имеет значения, — сказал редактор.

Глядя ему прямо в лицо, Дмитрий раздраженно сказал:

— Вы, видимо, принадлежите к тем людям, которым совершенно все равно, талантлив человек или нет. Если он — имя, вы льстите ему, если нет, вы так же крутите носом, как вот сейчас передо мной.

Дмитрий, уходя, хлопнул дверью. Он вышел на улицу, не замечая людей, толкая их и не извиняясь. Это была первая неудача. Дмитрий вошел в скверик и сел у подножья памятника печатнику Федорову.

Глядя на бегущих мимо людей, Дмитрий чувствовал себя одиноким. Ему казалось, что он всеми брошен. Хотелось заплакать, броситься на середину улицы и закричать.

Но он не плакал и не кричал. Он понимал, что и то, и другое — глупо. Но что делать? В этом огромном, переполненном городе жить маленьким и незаметным, одним из миллионов? Может быть, если бы не было этих нескольких лет, наполненных до краев упорным трудом и успехом, Дмитрий не чувствовал бы себя таким обиженным. Что же, значит, это обман? Нет, он не так слаб. У него есть силы бороться даже с таким врагом, как равнодушие. Жизнь только начинается. Неужели кинуть оттого, что какой-то книжный червь пощмыгал носом. Как бы не так. Будем бороться!

Дмитрий решил идти к редактору большой газеты. Человек с умом не может равнодушно отнестись к начинающему только потому, что он ему неизвестен.

Дмитрий пришел, когда редакционный день завершал свой стремительный бег. Была та пора, когда выпускающий нетерпеливо поглядывает на часы, ожидая макетов завтрашнего номера газеты, метранпажи, надев халаты, ждут начала верстки. Дмитрий сидел в приемной редактора и, странное дело, не чувствовал знакомой суеты, которую он привык видеть в разгар редакционного дня. Никто не бегал, не хлопал дверями, не бранился и не кричал. По коридорам, усталым мягкими дорожками, бесшумно проходили люди. Не было той горячки, которую так любил Дмитрий. Ему стало как-то не по себе.

Секретарша вышла из кабинета и сказала:

— Товарищ Ордынский, можете войти.

В просторном кабинете, за большим столом, сидел нестарый еще человек с густыми и жесткими черными волосами. Редактор правил рукопись и, не поднимая глаз, кивнул головой Дмитрию, приглашая садиться.

Когда он кончил читать, Дмитрий прямо приступил к делу.

— Моя фамилия — Ордынский. Вы ее, конечно, не слышали. Я приехал из провинции, пишу рассказы и несколько лет работал в газете. Хочу работать в Москве, но меня встретили так, точно я нищий и прошу подаяния. Вот книга моих рассказов, вот мои вещи, напечатанные в газете. Я вас прошу прочесть их и сказать свое мнение. Я хочу работать в вашей газете.

Редактор слушал его внимательно и, как Дмитрию казалось, слегка насмешливо. Дмитрий почувствовал, что его поведение мальчишески глупо. «Налетел, как петух» — с досадой подумал он.

— Напрасно вы думаете, — сказал редактор, улыбаясь, — что ваша фамилия мне незнакома. Вот вы меня не узнали; я узнал вас сразу, и потом я стараюсь следить за всеми провинциальными га-

зетами, а вашу газету даже нельзя считать провинциальной. Хотите работать у нас? Могу предложить вам раз'ездную работу. Будете ездить и писать очерки.

Дело принимало такой неожиданный оборот, что Дмитрий покраснел и потупился. Как? Значит, не так уж все плохо? И, уступая странному влечению, он спросил:

— Простите, вы говорите, что узнали меня, да и мне все время кажется, что я вас где-то видел, очень давно.

— Может быть... — усмехаясь, сказал редактор. — Ведь я работал там, на заводе, в Арсенале.

— В Арсенале?! И вы участвовали в восстании?

— Участвовал.

— Помню, помню! — радостно закричал Дмитрий. — Вы — Зайцев. Ах, я дурак! Ведь я же знал, что ваша фамилия Зайцев. И как мне в голову не пришло. Помните, на берегу? Мы тогда на фронт бежали. А потом вас ранили, я поил вас молоком, притащил с братом домой. Помните?

Зайцев широко улыбнулся:

— Да разве можно это забыть, чудак вы этакий! Я же говорю, что сразу узнал вас. Все помню и за все благодарю вас. Как отец, мать?

Дмитрий рассказал о смерти отца и матери.

Зайцев молча пожал ему руку.

— Да, — задумчиво сказал он. — Вот мы и встретились.

— Извините, я мешаю вам: вы заняты. Я пойду.

— Будьте здоровы. Как-нибудь поговорим в свободное время. А завтра приходите к секретарю редакции. Я ему скажу о вас.

Дмитрий долго не мог притти в себя. Знаменитый редактор оказывался простым, а главное, знакомым, родным человеком. Однако какой он путь прошел!

Дмитрий снова вспомнил базарную площадь, выстрелы и молодого рабочего, бегущего с винтовкой наперевес. Жив Зайцев, жив!

В голове теснились новые планы. Ему уже казалось, что и здесь, в Москве, все

пойдет, как прежде. Его признают, будут хвалить, он будет читать свои рассказы на литературных вечерах. Может быть, даже ему удастся познакомиться с Маяковским.

Он не заметил, как вышел на Красную площадь. Здесь было тихо и торжественно. Неярко блестя мраморные плиты мавзолея. Величавый, простой и суровый, он высился на легендарной площади; в верхней башенке мавзолея дымился мягкий свет. Дмитрий посмотрел на часы. Он еще может успеть, через двадцать минут прекратят доступ.

Часовые неподвижно стояли у входа. Люди молча снимали шапки и старались итти бесшумно.

III

Утром Дмитрий вернулся из командировки. Не заезжая домой, поехал в редакцию. Все комнаты были пусты. Дежурный секретарь читал свежий номер. Он не спал всю ночь и поминутно глядел на часы, досадуя, что его не приходят сменять. Дмитрий поздоровался.

— Как дела в редакции?

— Обычно... — устало отвечал дежурный. — Канителиться, запаздываем, за ночь меняем по три передовых.

Он зевнул и страдальчески поглядел на Дмитрия.

— Что это вы ни свет, ни заря?

— Прямо с поезда... решил заехать.

— А-а!.. — Дежурный снова зевнул. — Извините, спать хочется смертельно. Ну, и ночка была! Зайцев уехал в шесть часов утра.

Дмитрий пошел в библиотеку и перелистал подшивку за месяц. Ни одной строки. Что это значит? Послал из Ростова два очерка. Где они? За три месяца напечатали три очерка. Он не так уж часто пишет, неужели не нашлось места? Дмитрий пробегал глазами корреспонденции, в изобилии разбросанные по страницам газеты. Для них место есть. Нет, сегодня надо все выяснить.

Понемногу редакция заполнялась людьми. В буфете, обжигаясь чаем, азартно спорили репортеры. Проходили заведующие отделами, размахивая пудовыми портфелями. Словно очнувшись от

сна, зазвонили телефоны. Заглушая пулеметную дробь «ундервудов», гремел бас Калугина — рабкора-выдвиженца, диктовавшего подвал. Ему вторили резкий тенор раз'ездного корреспондента Ольгина и сиплый, простуженный голос репортера Треймана.

По коридору прошел секретарь редакции Сокольский. Он приветливо кивнул Дмитрию.

— А, приехали? Заходите.

Дмитрий пошел за ним.

Секретарь, снимая пальто, обернулся и быстро, слегка шепелявя, заговорил:

— Зайцев разбушевался. Оба ваши очерка у меня с его резолюциями. На вчерашней летучке он даже зацепил вас. «Есть, — говорит, — у нас люди с пером, да пишут не то, что нужно». Ольгин спросил: кто это? Он так и не ответил.

Сокольский сел за стол и, роясь в папке, продолжал:

— Вчера вечером вызвал меня и говорит: «Надо прекратить эту практику печатания благодушных пейзажей. Начинаете забывать, что в газете работаете, Сокольский». Это он мне за то, что я пропускаю! Как вам это нравится?

Дмитрий хмуро молчал. Сокольский, живший со всеми в мире, заранее отводил от себя недовольство. Ему не хотелось ссориться с Дмитрием.

— Вот они! — Он протянул очерки. — Оба на переделку.

Дмитрий взял рукописи. На одной из них в углу размашистым почерком Зайцева было написано: «Нет политической остроты. Больше фактов, люди видны, а, что они делают, — неизвестно. А. Зайцев». На другом: «Слишком размазано. Меньше внимания уделяйте красотам, больше конкретным делам. Сократить в два раза. А. Зайцев».

Дмитрий сунул рукописи в карман и, не прощаясь, вышел. Сокольский проводил его сочувствующим, взглядом.

— Ох, уж эти авторы! Небоскреб самолюбия... — вздохнул он и принялся за работу.

В расстегнутом пальто, со сбившейся на затылок кепкой, размахивая чемоданом, Дмитрий быстро шагал по улице. Стыд, возмущение, злость переполняли

его. Ах, вот как с ним обращаются! Сократить в два раза! Размазано? Нет политической остроты? Пстой же...

Он очнулся на Страстной площади. Милиционер тянул его за рукав.

— В чем дело? — грубо спросил Дмитрий.

— С вас рубль штрафа, гражданин.

— За что?

— За нарушение правил уличного движения. Вам шофер подавал сигнал, а вы не двигались с места. Машина чуть не налетела на столб.

Дмитрий растерянно оглянулся и вынул деньги.

— Извините! — сказал он, приходя в себя.

Это происшествие развеселило его. Ему пришло в голову, что он возмущался слепо, даже не подумав о том, что Зайцев может быть прав. Он решил еще раз внимательно прочесть очерки. Вспомнил, что ничего еще не ел. Зашел в кафе, заказал завтрак, стал читать рукописи. И, странное дело, очерки уже не казались ему такими хорошими, как раньше. Он прочел еще раз и задумался. «А ведь, пожалуй, Зайцев прав» — прошептал он. Так что же? Значит, он разучился писать? Нет, не об этом пишет Зайцев. «Нет политической остроты» — вспомнил он. Вот оно что. Перебирая в памяти все, что он делал во время поездки, Дмитрий поймал себя на том, что, действительно, думал не о том, что он будет писать, а как он будет писать. Вот оно и сказывается.

Два дня Дмитрий не являлся в редакцию. Борель слушал его речи с насмешливым сочувствием. Он пережил уже это состояние.

— Ты не терзайся, а то совсем потеряешь себя. Лучше возьми свои очерки, раскрой записную книжку и переделай так, как требует Зайцев. А главное, не ломайся. Кстати, можешь отныне пользоваться моим книжным шкафом. Там и Ленин, и Маркс, и Энгельс.

★

Дмитрий читал азартно и беспорядочно. Никто не помогал ему. Но все же он кое-что начал понимать. Чорт возь-

ми! Как мог он жить так бездумно, в сущности, ничего не зная!..

Так прошел месяц. Он являлся в редакцию и кротко соглашался на самые незначительные задания. Ему нужно было читать. Он понимал, что ничего не сумеет увидеть, если поедет сейчас в командировку. От Сокольского он узнал, что Зайцев несколько раз справлялся о нем: почему Ордынский мало пишет?

★

Воскресным вечером Дмитрий сидел на бульваре и смотрел на гуляющих. Бульвар звенел весельем, смехом, говором и песнями. Вечер выдался на редкость сухой и ясный для поздней осени. Казалось, вернулось лето. От памятника Пушкина бежали вниз огни. Темное, по осеннему густо усыпанное звездами небо точно придвинулось к земле, и от этого становилось как-то теплее. На открытой эстраде играл духовой оркестр.

Кто-то подсел к Дмитрию и кашлянул. Дмитрий оглянулся и увидел Зайцева, закуривавшего папиросу.

— Куда вы пропали? — спросил Зайцев.

«Какая у него интересная голова» — подумал Дмитрий. Он точно впервые увидел Зайцева. Узкое, смуглое лицо со слегка выдающейся верхней губой венчалось неожиданно широким и открытым лбом. Все эти месяцы Дмитрий не имел случая поговорить с Зайцевым. Редактор был всегда занят, и Дмитрию не хотелось занимать его пустяками. Появление Зайцева на бульваре сделало редактора снова доступным и простым. И Дмитрию захотелось рассказать Зайцеву обо всем, что так мучило его.

Дмитрий заговорил быстро, будто боясь, что вдруг Зайцев зевнет, встанет и уйдет. Но Зайцев слушал.

— Вы хорошо сделали, что рассказали, — послышался из темноты голос Зайцева. — Хорошо и то, что вы уехали из города, где вас непомерно расхваливали. Так мне кажется. Плохо, что вы росли в атмосфере излишне восторженного восхваления. Человек вы способный, но, если говорить правду, уже немало испорченный.

Зайцев помолчал, вынул коробку, достал новую папиросу и закурил.

— Вы терзаетесь и не находите себе места, — продолжал он. — Если хотите знать, ваше положение тяжелее, чем вам кажется. Дело в том, что вы постоянно думаете о себе, как будто интереснее этого нет ничего на свете. Кончайте с этой изнурительной душевной возней. Очищайте мозги от мусора. Посмотрите, что кругом делается — камни поют, создается заново мир, а вы терзаетесь. Надо больше любить людей, больше наблюдать, всматриваться в жизнь и работать. Хотите поехать на Камчатку?

— На Камчатку?

— Да, на Камчатку. Там люди суровые и жизнь суровая, зато интересно. Хотите?

— Н-нет, не хочу, — откровенно сознался Дмитрий. — Разве нет других способов?

— Есть, конечно, — протянул Зайцев и снова закурил. Дмитрий при свете спички увидал изуродованную кисть левой руки Зайцева и, чувствуя неловкость вопроса, все же спросил:

— Откуда это у вас?

Зайцев посмотрел на кисть руки так, точно впервые ее увидал, и неохотно ответил:

— При подавлении кронштадтского мятежа. Так не хотите на Камчатку? Во всяком случае, в Москве вам сейчас нет смысла оставаться. Поезжайте в провинцию. Дадим вам длительную командировку. Посмотрите людей, увидите жизнь. У вас в руках хорошее перо, но по-настоящему полезных вещей вы у нас еще не писали. Для советского газетчика это тяжкое обвинение. Постарайтесь доказать, что вы мужественный человек.

Зайцев встал. Тут Дмитрий снова увидал его улыбку, широкую, ясную, добродушную. У него были очень белые зубы.

— Вы не обижайтесь за резкость. Хочется, чтобы вы стали настоящим человеком.

Дмитрий долго думал над словами Зайцева. Ему не хотелось соглашаться с ним: обидно было, но он чувствовал, что Зайцев прав.

Через неделю Дмитрий принес Зайцеву исправленные очерки. Зайцев прочел и, ни слова не говоря, написал сбоку: «В набор». В тот же вечер Дмитрий уехал на Урал.

IV

Сторожевая будка была заперта. Одиноко работала домна, пламенея в снежной ночи. Дмитрий долго стучал. Заспанный сторож, не глядя на него, рассказал, как пройти в приезжую.

Все тело ныло. Хотелось лечь в чистую, свежую постель и спать, спать. Но уже утро. За стеной тихо. Наверное, все уже встали. Дмитрий с наслаждением умылся, гремя заржавленным умывальником.

Больше года прошло с тех пор, как Дмитрий уехал из Москвы. Он побывал на заводах и шахтах Урала, на бескрайних сибирских полях, на дальневосточной границе. Изредка Зайцев присылал ему короткие письма.

Неделю назад в Иркутск пришло очередное письмо. Зайцев писал, что получил тревожную весть с Калитинского завода. Пусть Дмитрий срочно выезжает туда. Дело очень сложное и требует большой осторожности. И вот он — здесь...

День серый, туманный. Неожиданно подул влажный ветер, и в поселке сразу стало грязно. Перед зданием заводоуправления толпились рабочие. Дмитрий подошел к директорскому кабинету и открыл дверь. На мгновение он остановился, в кабинете стоял такой дым, что люди, сидящие там, казались синеватыми тенями.

— Могу я видеть директора? — спросил Дмитрий.

— Я — директор, — ответил человек сидевший за столом.

Дмитрий коротко и осторожно изложил цель своего приезда, умолчав о письме рабочего, полученном Зайцевым. Выходило так, что он приехал просто познакомиться с заводом.

— Очень хорошо, очень хорошо. Заглянули и в наш медвежий угол? Знакомьтесь. Илья Федорович Кононов — наш главный инженер.

— Ордынский, — сказал Дмитрий, пожимая руки и вглядываясь в лицо директора.

— Ордынский? Позвольте, позвольте! — закричал директор. — Знал я одного Ордынского, Владимира, погиб на фронте. Вместе дрались.

— Это мой брат, — удивленно произнес Дмитрий, все еще вглядываясь в лицо директора. — Гусев! Иван Кузьмич! — вдруг закричал он.

Директор вышел из-за стола и обнял его.

— Как же, как же, помню! Такой был шустрый мальчуган. Вот так встреча!

Они говорили быстро, перебивая друг друга, охваченные воспоминаниями.

Первым опомнился Дмитрий. Он поймал равнодушный, слегка насмешливый взгляд главного инженера. Сразу вспомнил тревожное письмо в редакцию и нахмурился. Гусеву тоже, видимо, стало неловко.

— Ну, что ж... — сказал он, — приступим к делу. Вот, Илья Федорович...

Главный инженер, с длинным, чисто выбритым лицом, вертел в пальцах цветной карандаш. В ответ на слова Гусева он вежливо наклонил сидящую голову и с готовностью улыбнулся.

Он стал неторопливо объяснять положение завода. Первая домна работает на неполном дутье. Но это явление временное. Во второй домне — козел. Это очень тяжелая вещь, козел. Если товарищ не знает, что такое козел, он готов пояснить.

— Я знаю, что такое козел, — сказал Дмитрий.

— Тем лучше. — Кононов наклонил голову. — Что касается третьей домны, — он безнадежно покачал головой, — то ее придется, видимо, остановить. Прогар горна. Домне нужен капитальный ремонт.

— Но мне сказали, что ремонт был два месяца назад. Печь новая, американская... — недоуменно сказал Дмитрий. — В чем же дело?

— Причин много, вы их увидите на месте. В домне семитонный козел; ее на-

до разбирать. Вообще — грустно, — закончил Кононов. — Недостатков у нас много. Обилие хозяев. Мартеновский двор завален ломом почти до высоты подъемных кранов. Углежжение никуда не годится. Оно срывает работу домен.

Дмитрий встал. Если товарищи не возражают, он пойдет на завод.

Принесли пропуск. Дмитрий попрощался и вышел.

У входных ворот никто его не остановил. Сторожа не было видно. Дмитрий пошел по внутривозовским путям, прямо в мартеновский двор.

Двор напоминал свалку. Доменные чушки, мартеновские слитки, лом, рухлядь, какие-то части машин, станков, заржавленное железо... Люди пробирались к домнам, балансируя, словно канатные плясуны.

Дмитрий, разыскав начальника цеха, пошел с ним ко второй домне. Они остановились на мостике.

— Сейчас будут выпускать чугун... — сказал начальник цеха.

Внизу сустились рабочие.

Мастер заглянул в фурмы.

— Выпускай! — закричал он старшему горновому.

— Надевай маски!

Старший взял длинный, тяжелый лом. Горновые нацепили маски с сеткой и стали похожи на фехтовальщиков. Вчетвером они раскатали лом и ударили в летку — под низ печи.

Глухой звук ударов пропадал в грохоте ревущей домны. Летка покраснела. Старший отстранил лом и схватил трехметровый прут. Он вонзил его в краснеющую летку и с силой рванул.

Печь брызнула фейерверками искр. Хлынула струя молочно-белого чугуна. На землю упали сотни, тысячи крупных голубых звезд. Звезды взлетали и лопались в воздухе.

— Стой! Стой! — закричал мастер. — Закрывай дорожку!

Горновые кинулись к лопатам и повернули лаву к шлаковому ковшу.

— Опять шлак! — застонал начальник цеха. — Мука наша.

И, гремя тяжелыми сапогами по железной лестнице, он побежал к домне.

V.

Гусев вернулся домой рано. Раздраженно хлопнул дверью. В квартире было жарко и угарно. «Переусердствовали!» — злобно подумал он и с силой рванул окно. Замазка треснула и посыпалась на пол. Сырой ветер обжегал комнату и вздул скатерть на столе. Из соседней квартиры, где жил Кононов, слышались звуки рояля. «Музицирует фея» — проворчал Гусев и заходил по комнате.

Он шагал крупно, невольно считая шаги. Шесть, семь... В сущности, почему он волнуется. Приехал журналист, репортер. Будет бегать по цехам, будет восторженно разевать рот и пускать пузыри. Потом напишет розовой водичкой очерк. Ах, домны, ах, мартены! Пламенный энтузиазм! Борцы за социализм! Ведь, приезжали, писали...

Очень кстати бы сейчас такой розовый очерк. На заводе поганые дела. Кононов что-то затеял серьезное. Говорят, вредитель. А, чорт с ним! Только бы вырваться отсюда поскорее, а тогда — пусть делает, что хочет, пусть все полетит к дьяволу на рога. Полгода его водят за нос с назначением в Москву. Ведь, на все пошел. Связался с Максименко, а все тянут, тянут.

Гусев усмехнулся. Приезд Ордынского освежил воспоминания. Да, выступление против нэпа было его первой и последней ошибкой. Выговор, в конце концов, сняли. Верили. И сейчас верят.

Послышались легкие шаги. В дверь тихонько постучали. Вошла, озираясь, маленькая блондинка с вздернутым носом и тонкими, подбритыми бровями.

— Ты один? — тихо спросила она, улыбаясь. — Я для тебя играла, слышал?

Она быстро забросила руки ему на шею и прижалась крашеным ртом к усам. Гусев отступил, смеясь:

— Ну, вот опять раскрасила усы. Беги, Люська, домой. Сейчас отец придет, неудобно. А ночью жду тебя, ладно? Мне тут поработать еще надо.

— Иду, иду, я на минутку.

«Такая не надоест...» — весело думал он, шагая по комнате. Можно было бы,

конечно, взять ее в Москву, но это, пожалуй, рискованно. Кононов, конечно, вредитель. А тут связь с его дочерью. Нет, нельзя. В сущности, какая разница между ним и Кононовым? Оба с революцией потеряли все и ничего не приобрели. Гусев остановился и зажмурился. Вот так мысли для коммуниста! Гусев даже пожегился, точно от холода. Впрочем, в комнате уже стало действительно свежо. Он захлопнул окно. Сел за стол, порылся в бумагах, наткнулся на пачку фотографий. Сверху пожелтевший портрет дородного мужчины с великолепными бакенбардами и шикарным пробором. Чудный папаша был, — насмешливо сощурился Гусев. Подумал с минуту, потом медленно и старательно разорвал портрет. Сжечь! А вот — красивое лицо мальчугана в гимназической фуражке: Иван Гусев в пору своего отрочества.

Зазвонил телефон. У аппарата — начальник цеха.

— Товарищ Гусев, вторая домна дала шлак.

— Чорт возьми! Опять! Почему это?

— Плохая шихта, слабое дутье, фурм нехватает.

— Отговорки, товарищ Лерт. На мартенах жидкий чугунок есть?

— Есть. От первой домны.

— Ну, хорошо. Поставьте запасные фурмы на вторую.

— Откуда их взять?

— То-есть как откуда? Позвоните Кононову: он знает.

Гусев повесил трубку. Гимназист задорно смотрел на него, слегка улыбаясь. Перед глазами пронеслось видение: старый город с тихими улицами, дворянское собрание, городовые на перекрестках...

★

Кузьма Львович Гусев в родном губернском городе был знаменитым адвокатом. Его приемная, известная всем горожанам кожаными диванами и двумя легкомысленного вида статуями, была всегда полна. Но Кузьма Львович строго разбирался в чинах и рангах. Иные жалобщики просиживали весь день и уходили, не дождавшись приема

(велика беда, много ли от них пользы), но были и такие, перед которыми конторщик, едва лишь они появлялись в приемной, распахивал двери кабинета, не докладывая. Адвокат считался либералом, но выгоду свою соблюдал строго и так ловко умел вести дела, что всякий клиент, сколько бы ему ни стоило ведение дела, считал себя как бы в долгу перед Кузьмой Львовичем.

Ваню в семье считали простачком, и Кузьма Львович часто досадовал, глядя на него. Но родители ошибались. Очень рано Ваня узнал, что отец его порядочный жулик и защищает явно сомнительные дела в пользу богатых, против бедных. Мать была слезливой, рано увядшей женщиной. Ваня не любил мать за ее постоянные слезы и истерики и чувствовал себя чужим в семье, но держался спокойно и добродушно и с годами научился врать без всякого труда. Он много читал, хорошо запомнил прочитанное. И физически, и умственно он рос, обгоняя свои годы, и в десять лет казался тринадцатилетним, а в тринадцать—пятнадцатилетним.

Однажды поздно вечером Ваня возвращался с катка домой. Фонари не горели, прохожие встречались редко, ночь была темной, безлунной. Но он храбро шел, размахивая коньками.

Вдруг из-за угла кто-то выскочил, налетел бурей на мальчика, сшиб его с ног, сам упал и сунул ему в руки какой-то сверток, шепча: «Спрячь, спрячь!». Потом незнакомец вскочил, побежал дальше, легко подбрасывая ноги, и скрылся в воротах ближнего дома. Ваня сидел на снегу и силился сообразить, что произошло. Он едва успел только разглядеть лицо незнакомца — молодое, безусое. В это время он услышал свистки и сразу понял, в чем дело. Незнакомец спасался от погони, за ним гнались городовые. В руках у Вани были какие-то важные бумаги. Он едва успел спрятать их за пазуху, как набежали, стуча тяжелыми сапогами, городовые... Ваня заредел, размазывая слюни по лицу и жалуясь, что какой-то дядька сшиб его с ног.

— Куда побегал? — торопил его подбегавший пристав, знакомый отца.

— Туда-а! — всхлипывал Ваня, искоса оглядывая пристава совершенно сухим глазом.

И вдруг Ваня увидал давешнего незнакомца, подходившего к ним об руку с девушкой в шубке и меховой шапочке. На незнакомце вместо бараньей шапки была черная шляпа, он курил сигару и шел спокойно, о чем-то весело рассказывая спутнице. Подойдя вплотную к группе, вежливо осведомился у городского, что случилось и почему плачет мальчик. Ваня следил за ним восхищенными глазами, забыв даже о том, что только-что ревел. Пристав, пригладившись к Ване, воскликнул:

— Вы Кузьмы Львовича сын?

— Да-да-а, — всхлипывая, ответил Ваня.

И вся ватага помчалась дальше. Ваня поднялся и только хотел обратиться к незнакомцу, как тот сказал, точно невзначай, не замедляя шага и не поворачивая головы:

— Беги на Пушкинскую, дом 15, жди меня в воротах.

И прошел мимо, как ни в чем не бывало, продолжая разговаривать со спутницей.

Ваня был покорен и восхищен. Пинкертон и Шерлок Холмс поблекли в его глазах. Замирая от счастья, Ваня бросился на Пушкинскую улицу.

Он ждал у ворот дома. Пачка бумаг согрелась за пазухой. Осторожно вытащил один листок, свернул его и положил в карман. Раздались шаги, и мимо мальчика прошел быстрыми шагами, не оглядываясь, незнакомец, шепнув на ходу:

— Иди за мной!

Ваня покорно пошел за ним. Незнакомец пересек темный двор и вошел во флигель. Они долго поднимались по лестнице. Наконец, незнакомец остановился, молча взял Ваню за руку и повел его. Внезапно яркий свет ударил Ване в лицо.

— Владимир! — прозвучал чей-то голос, и в комнату вошел рослый бородач.

— Ты какими судьбами? — Человек, названный Владимиром, взял у Вани пачку бумаг и, отойдя в угол, о

чем-то быстро заговорил, указывая на Ваню. Бородач засмеялся и громко сказал:

— Эх, ты, романтик!

Потом нагнулся к Владимиру и что-то тихо сказал ему. Ване удалось услышать только слово: «неосторожно». Он понял, что речь идет о нем.

Владимир подошел к мальчику.

— Ну, молодец! — сказал он, подавая ему руку. — Ступай домой. Завтра увидимся и поговорим. Ты в первой гимназии учишься?

— Да.

— Ну, и я тоже.

На другой день, во время перемены, к Ване подошел вчерашний незнакомец. Это был гимназист восьмого класса Владимир Ордынский.

Адресов явочных квартир Ваня не знал. В квартире на Пушкинской уже никто не жил. Не раз он жаловался Ордынскому, что его считают мальчишкой. Ордынский успокаивал, говоря, что и его также держали на посылках три года и лишь потом приняли в партию.

И вдруг Володю арестовали. Почти одновременно арестовали всю верхушку организации. Бородач, которого Ваня видел в квартире на Пушкинской, оказался провокатором. Ваня сначала притаился, выжидая, но потом ему удалось связаться с Володей, и он получил от него письмо к Николаю Ильичу. Вот тогда и приехал в уездный городок Иван Кузьмич Гусев.

★

... Гусев встал, расправил плечи, усмехнулся.

Вечер воспоминаний. Какой, однако, пылкий мальчик был Ваня Гусев!..

И все-таки до семнадцатого года его не принимали в партию. А потом, в Питере, после переворота записали и его. Как рвали и металы тогда отец и все петербургские друзья! Толстокожие дурни!

А в итоге? Папаша расстрелян, а он, Гусев, всю жизнь должен скрывать это прискорбное событие...

Так что же с Ордынским? Надо

проследить. И предупредить Кононова. Если этот мальчишка разберется в здешних делах, — прощай мечты о Москве. Утром сговориться с Тищенко, чтобы не было разнобоя. Ведь Ордынский, конечно, побежит в партком. Ну, там он не много узнает...

А пока — спать.

Гусев погасил свет...

VI

— Так вы считаете...

— Что на заводе вредители.

— Кто?

— Главный инженер Кононов.

— И вы можете это доказать?

— Извольте. Печь № 3 спроектирована на древесное топливо. А завод может питаться только каменным углем, и об этом знали авторы проекта.

— Но при чем тут Кононов?

— Он составлял проект. Печь пришлось переделывать.

— Дальше.

— Литейный двор так мал, что не вмещает и половины сменной выплавки чугуна.

— А-а, понятно. Значит, если бы печь работала нормально...

— То пришлось бы остановить другую домну, потому что мартены не могут принять столько жидкого чугуна.

— Так, так. И это все?

— Нет, не все. Ведь печь № 3 не выходит из аварий. Вы это знаете?

— Да, в ней — козел.

— Вот именно, козел в семь тонн. А знаете, откуда взялся козел?

— Ну, это — известно. Застыл металл.

— А отчего застыл? Оттого, что не было фурм, дутья нехватило, и металл не мог расплавиться добела. А чтобы действовать наверняка, Кононов дал такой рецепт шихты, что даже при нормальном дутье печь будет выпускать шлак. Поняли?

Инженер Лерт бросил карандаш и поднялся. Дмитрий бессмысленно смотрел на листок бумаги, где чертил каких-то кудрявых молодцов с заломленными картузами.

В крохотной комнатке было так накурено, что дым ел глаза.

— Товарищ Лерт прав, — угрюмо сказал мастер третьей домны Быстряков (это он прислал Зайцеву письмо). — А теперь этот гад требует остановки печи на капитальный ремонт. Шутка? — вдруг закричал он, поднимаясь. — Вы, говорит, технически безграмотны, я, говорит, лучше вас знаю, что делать. Понятно?

— А в партком вы обращались? — спросил Дмитрий и вспомнил свой вчерашний разговор с секретарем парткома Тищенко. Секретарь насмешливо улыбался и щурил близорукие глаза. «Какое там вредительство! — говорил он. — Болтовня. Разве бы мы не заметили?».

— В партком? — Быстряков побагровел. — Да мы Тищенко заставили созвать партийное собрание, — выступали, говорили...

— И что же?

— Без толку. Тищенко держит руку Гусева, а Гусев ни во что не вмешивается. «Вы, говорит, — спецееством занимаетесь».

— Что ж вы молчите?

— Мы молчим? Мы? — Быстряков задохнулся. — Мы кричим на весь завод, послали письмо в газету, заявление в окружком и — ничего. Приезжал инструктор, заперся на весь день с Тищенко и Гусевым и укатил. Даже в цеху не был.

— А как его фамилия?

— Гусман... Продали советскую власть... Ведь этот Кононов до революции был директором, делил прибыль с хозяином. Ты пойми, голубчик, ведь я за этот завод кровь проливал на фронте, зубов лишился. И таких партизанов на заводе — триста душ. Легко это нам?

... Уже восемь дней, как приехал на завод Дмитрий. Кононову, Гусеву и Тищенко удалось сначала повести его по ложному следу. Подозрения Быстрякова казались ему преувеличенными. Кононов доказывал, что Быстряков не знает дела и страдает манией преследования. И Дмитрий послал в редакцию корреспонденцию, написав Зайцеву, что

письмо Быстрякова неправильно. Но в тот же вечер, после беседы с рабочими доменного цеха, он понял, что промахнулся, и, прискакав на станцию, отправил телеграмму, чтобы корреспонденцию задержали.

Гусев был словоохотлив и держался приветливо, но вскоре Дмитрий понял, что Гусев на заводе ничего не делает. Тищенко посмеивался над подозрениями Дмитрия, рекомендуя Кононова честным и преданным специалистом.

Однажды Дмитрию удалось затащить молодого инженера Лерта в каморку доменного мастера. Лерт долго не хотел говорить, — Гусев и так косился на него, — но, наконец, не выдержал.

Разговор с Лертом и Быстряковым дал Дмитрию ключ ко всему. Теперь уже он верил рассказам сталевара Ковалева о том, что Гусев стакнулся с Кононовым, пьет и целыми днями не появляется на заводе. И больше не казалась нелепой история, рассказанная ему горновым Озолиным о заявлении доменных мастеров, поданном Гусеву. Озолин говорил, что заявление оказалось у Кононова, и после этого один за другим были сняты четыре мастера.

★

Утром в заезжий дом прибежал курьер и сказал, что Гусев просит товарища Ордынского зайти к нему.

Дмитрий пришел. В кабинете сидели Гусев и Тищенко.

— Ты уж извини, что я без церемоний, — добродушно сказал Гусев. — Но, понимаешь, тут одна неловкость получилась.

— А что такое? — настораживаясь, спросил Дмитрий.

— А то, что я получил заявление относительно вас... — сдерживая раздражение, вступил в разговор Тищенко.

— На меня? Заявление? Не понимаю.

— Сейчас поймете. Вы собрание рабочих в цеху созывали?

— Собрания я не созывал, а просто разговаривал с рабочими.

— Пусть будет так. На этих собраниях вы критиковали руководство заводом?

— Не я критиковал, а рабочие...

— Брось, Димка, — с грубоватым добродушием перебил его Гусев. — Ведь мы же люди свои. Зачем тебе это надо?

— Что «это»?

— Зачем вы возбуждаете рабочих против руководства? — прищурился Тищенко.

«Что за нелепая комедия?» — удивился Дмитрий.

— Я не понимаю вас... — сухо сказал он. — Либо вас неправильно информировали, либо...

— Либо?..

— Либо вы не заинтересованы в том, чтобы дела на заводе получили правильное освещение в печати.

Тищенко перестал улыбаться и встал. Теперь уже совсем не видно было его глаз.

— У нас с вами разное представление о правильном освещении... — холодно сказал он. — Я предупреждаю вас...

— Прошу извинения, но я не могу больше поддерживать этот разговор. Если мое поведение вам кажется неправильным, сообщите об этом в мою редакцию. — И, не дожидаясь ответа, он вышел.

Так. Все, кажется, ясно. Дмитрий пошел к Кононову.

Главный инженер спокойно и вежливо слушал Дмитрия. Он казался усталым и опечаленным. Наконец, Кононов сказал:

— Вы правы, беспорядков много. Но что я могу поделать? Я ничего не в состоянии изменить, у меня нет полноты власти.

— Вы же — главный инженер!

— К сожалению, это очень мало... — грустно улыбнулся Кононов.

— Вы участвовали в проектировании третьей домны?

— Участвовал.

— Она спроектирована неправильно.

— Ошибка. С кем не бывает.

У Кононова — скорбное лицо.

— Но почему домна не выходит из аварий? Кроме вас, здесь никто в этом не может разобраться.

— Откровенно говоря, я сам смутно

понимаю, в чем дело. Нужно домну остановить и разобрать. Тогда будет видно.

Затрещал телефон. Кононов взял трубку. Что-то похожее на улыбку мелькнуло в его глазах. «Что? Быстряков? — говорил Кононов. — Нет. Кислорода нет. Да нет же, я вам говорю. Ну, где я его возьму? Ничего не поделаешь. До свиданья».

Быстряков, видимо, что-то продолжал кричать, но Кононов положил трубку на рычажок.

— Что там такое? — тревожно спросил Дмитрий.

— Очередная авария — летка замерзла, — устало отвечал Кононов. — Нет, эта домна нас измучит вконец. Надо ее остановить.

Дмитрий побежал в цех. Авария! Опять авария!

У домны суетились люди. В печи образовалась насталь. Летка замерзла. Быстряков с перекошенным лицом хрипло орал горновым:

— Скорей, скорей, ребята!

Горновые уже и сами видели, что близится авария. Ломом и кувалдой они били по летке.

Быстряков что-то кричал Дмитрию. Наконец, он разобрал. Печь заполнена чугуном, авария неминуема. Кислород, баллон кислорода — и все в порядке.

Домна ревела. Чугун бурлил, требуя выхода. Ослабевшие люди безуспешно пытались пробить летку.

Дмитрий подбежал к телефону и вызвал главного инженера.

— Если не дадите кислорода, будет авария, и вы полностью отвечаете за нее.

— Кислорода нет, — сухо отвечал Кононов. — Обратитесь к коммерческому директору.

Дмитрий позвонил коммерческому директору Рождественскому.

— Где кислород?

— Кислород? Вчера главный инженер распорядился дать два баллона копровому цеху.

— Копровому? Зачем? Срочно доставьте к третьей домне, иначе неминуема авария.

Через несколько минут прибежал Рождественский. За ним несли два баллона с кислородом.

Но было поздно. Быстряков закричал, люди отбежали. Бурливший в печи чугун прожег шлаковую летку и, заливая рабочий двор, устремился на железнодорожный путь, ведущий к остальным печам. Авария третьей домны стала аварией всего цеха. Все домны были отрезаны от платформ и шлаковых ковшей.

Прибежали инженеры, начальник цеха, директор.

Быстряков подошел к Гусеву:

— Я предупреждал, я звонил. Вот кто виноват.

И Быстряков указал на подходившего к домне Кононова.

— Илья Федорович, ведь вы же знали, где кислород... — недоуменно говорил Рождественский.

Спокойствие изменило Кононову:

— Я знал? Что вы мелете, извините меня?

— Позвольте, — обиделся Рождественский, — вы вчера сами распорядились отправить его в копровый цех.

— Где мое распоряжение?

— Илья Федорович, ведь вы же устное распоряжение дали.

— Устное? — Кононов усмехнулся. — Вам слышалось, Георгий Прокофьевич, просто слышалось. Я только сейчас от вас узнал, что на заводе есть кислород.

Рождественский недоуменно пожал плечами. Слышалось? Нет, он хорошо помнит. Ему не слышалось.

Кононов уже овладел собой.

— Надо немедленно мобилизовать рабочих на расчистку путей, — говорил он. — Через два дня авария будет ликвидирована. Но домну все-равно придется остановить.

Быстряков шевелил губами. Уже не владея собой, он подступил вплотную к Кононову. Инженер отшатнулся.

— Остановить?! — вдруг закричал Быстряков. — Дождался? Вредитель! Ты вредитель!

Кононов поблел.

Гусев замахаля руками:

— Что ты городишь?

Тищенко неодобрительно смотрел на Быстрякова.

— Опять вредители... Заладили.

Быстряков оглянулся, крикнул Дмитрию:

— Что же ты молчишь, газетчик? Ты видишь, или тебе глаза замазали?

— Я вижу, — сказал Дмитрий и отошел. Редакция его не уполномочила выступать с речами.

— Товарищ Гусев! — издали крикнул он. — Можно вашу лошадь? Мне нужно срочно на станцию.

— Берите, — устало отвечал Гусев.

VII

Секретарь окружкома постучал карандашом по настольному стеклу и поднялся. Разговоры смолкли. Глядя на жесткое лицо секретаря, Гусев поежился. Ничего хорошего не предвещало это лицо. Тищенко скучными, невидящими глазами смотрел перед собой.

— Вопрос ясен, — сказал секретарь. — Наша партийная организация расплачивается за свою беспечность. Окружной комитет несет всю полноту ответственности за то, что творилось на Калитинском заводе. Мы должны принять решение о калитинском деле и срочно укрепить людьми партийную организацию завода. Теперь по пунктам.

Секретарь остановился и обвел глазами присутствующих. Гусев вздрогнул и еще ниже опустил голову.

— Статью центральной газеты «Враги и их покровители» признать правильной целиком и полностью, — продолжал секретарь. — Директору завода Гусеву, допустившему развал доменного цеха и прогладевшему контрреволюционную вредительскую организацию, объявить строгий выговор с предупреждением. Поставить вопрос перед наркоматом о снятии его с работы...

«Пронесло...» — облегченно вздохнул Гусев.

— ...Секретаря парткома Тищенко за антипартийное поведение, игнорирование сигналов о вредительстве и рецидивы троцкистских выступлений — из партии исключить.

«Ого!» — подумал Гусев, с жалостью глядя на Тищенко.

— Ошибки Гусева и поведение Тищенко — не случайны, — говорил секретарь. — Оба они в прошлом имеют взыскания. Гусев активно боролся против партии в 1921 году, произнося клеветнические речи по поводу новой экономической политики. Тогда армейская партийная организация вынесла ему выговор. Оставляя Гусева в рядах партии, мы учитываем, что в 1923 году и в 1927 году он боролся против троцкистской оппозиции. Что касается Тищенко, то он — неисправим. В прошлом активный троцкист, он доказал, что не хочет бороться за генеральную линию партии. От таких мы должны освобождаться...

Бюро закончилось поздно вечером. Когда Гусев и Тищенко вышли на улицу, навстречу им рванулся сырой ветер. Они быстро и молча пошли по пустынному тротуару. На углу Тищенко проговорил глухо:

— Пойдем в ресторан. Я условился с Максименко.

Гусев кивнул головой.

Пили молча. Тищенко хмелел. Гусев с жалостью смотрел на него и напряженно раздумывал. Он искал выхода. С тех пор, как пришла газета со статьей Ордынского, он понял, что ему не выпутаться. Арестовали Кононова и еще трех инженеров. Приехала комиссия. Следствие велось день и ночь. Рабочие толпами являлись в комиссию. Против Гусева не было никаких улик, но ожидаемое назначение в Москву сорвалось...

— Св-волочи! — вдруг сказал Тищенко.

— Ты чего? — усмехнулся Гусев.

— Думаешь, этим дело кончится? — говорил Тищенко, перегибаясь через стол. — Не-ет! Тищенко не один. Его голыми руками не возьмешь.

— Слаб ты на хмельное, Тищенко, — брезгливо сказал Гусев. — Что ты распускаешься?

Тищенко усмехнулся. Он пытался овладеть собой.

— Ты думаешь, я страдаю? — прищурился он. — Тоскую? Не-ет. Я спокоен. Придет время, рассчитаемся спол-

на за все, за все! Но где же Максименко? Максименко где? — вдруг пьяным голосом заорал он.

— Да тише ты! — испуганно оглянулся Гусев. — С ума сошел?

— Кричишь? — злобно сказал кто-то. Гусев вздрогнул. К столу незаметно подошел человек, в гимнастерке и сапогах. Он был среднего роста, с тонким, неприятным, подергивающимся ртом. Тищенко притих.

— Товарищ Максименко, — пробормотал он.

— Нашел место, где кричать, — все так же злобно и тихо проговорил Максименко садясь за стол.

— Извини, товарищ Максименко. — сказал Тищенко. — Меня сегодня..

— Знаю, — перебил Максименко, — сумеем восстановить, если не будешь дурака валять. Бери пример с Гусева.

Максименко всегда восхищал Гусева спокойствием и умением не теряться при любых обстоятельствах. Гусев завидовал ему. Максименко в троцкистском подполье был фигурой влиятельной.

— Мне некогда. Я сейчас должен итти. Наклоните головы и слушайте оба внимательно, — быстро сказал Максименко. — Ваше назначение в Москву состоялось, Гусев. Из наркомата пришло требование отослать вас в его распоряжение. Завтра получите путевку. В Москве явитесь, минуя инстанции, прямо к Копятову. Он вас знает. Остальное узнаете там. Но помните, никакого ребячества. Строгая конспирация и дисциплина.

— Понял, — ответил Гусев. Жизнь снова улыбалась ему. — Деньги? — спросил он.

— Получите. Теперь идите. Нам зачем выходить вместе. Мне нужно остаться с Тищенко. Прощайте.

Через два дня, получив путевку и деньги, Гусев уехал в Москву.

★

В строгом, чинном кабинете сидел человек с хищным лицом, с острой бородкой. Глаза его были закрыты толстыми стеклами очков. Много лет назад надел он на себя маску, которая всех обма-

нывала. Но Гусев знал его настоящее лицо. Человек говорил спокойно, не оглядываясь и не понижая голоса, потому что его окружали верные ему люди, он произносил слова, которые привели бы в ужас всякого другого, но Иван Гусев слушал спокойно и молча. Человек, сидевший перед ним, говорил о том, что Гусев назначается директором завода здесь, в Москве. Гусеву надлежит работать честно и добросовестно, вникая в дело, овладевая технологическим процессом. Гусев должен помнить, что завод имеет оборонное значение, и, когда придет пора, вывести его из строя; это сделать нужно будет быстро и организованно. И пусть Гусев не смущается, если это будет связано со смертью двух-трех десятков рабочих. Это даже лучше, если будут смертные случаи. А пока он должен работать и срабатываться с людьми, пробраться в бюро парткома. А вообще, может устраивать свою жизнь, как хочет. Если ему понадобятся деньги, он их получит. Пусть Гусев женится, если он не женат, но желательно, чтобы на коммунистке или если на беспартийной, то безупречной советской женщине. Никто не должен знать то, что он слышит здесь в кабинете. Гусев умный человек, он должен понимать, что организация примет любые меры для того, чтобы сохранить конспирацию.

Гусев поднялся, — ему все ясно. Это последнее напоминание он считает излишним; он, Гусев, идет с радостью на это дело и будет исполнять то, что ему указано.

Гусев попрощался и вышел, чувствуя на своей спине острый взгляд человека с клинообразной бородкой.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Еще неясны очертания города. Где-то на окраинах, опережая солнце, загорелся день; из депо выехали свежие, точно вымытые, трамваи; в центре тихо и сонно. Пусты бульвары и сады, в них пока хозяйничают крикливые грачи и проворные, озорные воробьи.

Шумы возникают незаметно, отовсю-

ду несутся миллионы звуков, рождая симфонию бурного столичного дня. И вот уже гремит, не умолкая, Москва.

Кончилась короткая предрассветная передышка. Порозовели и засверкали окна верхних этажей. В домах зазвенела чайная посуда и примусы раскинули синеватые упругие веера огней. Уже умолкли нетерпеливые призывы заводских гудков, на разбуженных улицах сочно басили автомобильные клаксоны.

Над городом все выше поднималось солнце.

Зайцев спал, обняв рукой подушку. В квартире было тихо. Сюда не доносился шум. Во сне лицо Зайцева казалось удивленным. Елена Ивановна читала свежую газету. Она шуршала листом и прислушивалась. Спит. Пусть спит. Утро не существовало для Зайцева. Он лег в шесть часов утра. Ему надо спать.

Изуродованная кисть левой руки брошена на одеяло. На обнаженном плече след от пули. Милый. Елена Ивановна смотрела на него, забыв о газете. Она очень редко видит мужа. Только по утрам, вот, как сейчас.

Хочется приласкаться, поговорить. Но будить жалко.

Елена Ивановна вздохнула и стала натягивать чулки. Смотрела на свою ногу и улыбалась. Как красиво выглядит нога в чулке. Подошла к зеркалу. Грустно улыбнулась своему отражению.

— Какая ты красивая, Леля! — сказал Зайцев. Его детские голубые глаза сияли. Он оперся локтем на подушку, взял со столика коробку и закурил папиросу.

Елена Ивановна вздрогнула.

— Шурка, я разбудила тебя, извини. — Она поцеловала его. — Подумай, мы так давно не виделись. Я соскучилась.

Он задумчиво смотрел на нее.

— Я сейчас проснулся и увидел, ты такая красивая. И я тоже подумал, что очень давно не видал тебя.

Она молчала. Семь лет прошли, как семь веков. И вдруг муж просыпается и видит, что его жена — красивая. Неужели он раньше не замечал?

— Шурка, это очень грустно, — обиженно сказала она.

— Надо взять отпуск. Устал я. Подем на море. В Гагры хочешь? Или в Новый Афон? Кипарисы, луна, виноград. Хочешь?

— Конечно, хочу.

Взгляд его упал на часы.

— Леля, ты опоздаешь!

Она поцеловала его и, пошла, на ходу схватив жакетку. Из коридора слышались ее быстрые шаги. У Лели сегодня в райкоме совещание. Неудобно, если запоздает.

Зайцев увидел газету. Он взял свежий, пахнувший типографской краской лист. Знакомый холодок охватил его. Так бывает каждое утро. Быстро пробежал передовую о весеннем севе. Писал ее в час ночи. Только к полуночи собрал нужные сведения. Ростовский корреспондент молодец. Какие факты! Очень способный человек. Еще полгода — и можно будет выдвинуть в центральный аппарат. Зайцев вспомнил, как этот малый — Любарский — явился к нему. Его рекомендовал крайком. Неуклюжий парень, бывший батрак. Кончил совпартшколу, работал в Таганроге, потом в аппарате крайкома. Все предупреждал: «Я, товарищ Зайцев, журналист неопытный. Вы не обижайтесь, если первое время не так». А теперь обгоняет старых газетчиков. У него острый глаз.

Однако на Северном Кавказе очень тревожные дела. Середина мая, а сев не закончен. Любарский пишет, что семена разворованы, государственную ссуду растащили по дворам. Что же делает крайком? Зайцев задумался. Это уже третий сигнал с Северного Кавказа. Нет, тут что-то нечисто, не может быть, чтобы там всего этого не замечали.

Взял карандаш, записал в блокнот: «Посылка бригады в Ростов, вызвать к телефону Любарского, поговорить в ЦК».

Сегодня удачный номер. Очень хорош подвал Ордынского о доменном мастере. Прекрасный парень — этот Ордынский. Правда, еще много мусора в голове, но постепенно мусор выметается. Кстати, он пишет о домнах, но ни слова о конкурсе. Металлургические заво-

ды на Урале работают неважно. Юг показывает чудеса, а Восток хромает. И в чем там дело?

Зайцев вспомнил недавнее совещание в ЦК и еще раз пробежал глазами подвал Ордынского. Единоначалие — вот проблема, много хозяев, неразбериха.

Карандаш бежит по бумаге: «Сделать полосу о единоначалии, показать опыт лучших заводов».

За каждой статьей, корреспонденцией Зайцев видел человека-автора. Вот Борель. Острый человек, но какая-то неприятная черта — фанфаронство, что ли. Надо приглядеться получше. Из этой южной газеты трое — Ордынский, Борель и Литавин. Вот Литавин — чудесный малый. Жадный человек, много работает. Только очень больной.

Зайцев придвинул блокнот и записал: «Литавин. Поговорить насчет курорта. Борель. Вызвать в восемь часов вечера».

Он отложил карандаш и задумался. Вот Любарский, Литавин, Калугин, — все они — кто батрак, кто токарь, кто слесарь. Что они знали? Какая у них культура была? Как их встретила газетная аристократия? Издевались. Дескать, куда им, с суконным рылом... А пройдет год, и все они займут командные посты в редакции. Культура — капитал благоприобретенный...

Зайцев оглядел комнату и увидел забытый женой носовой платок... Хорошо пахнет. Да, он видит Лелю мельком, случайно. Плохо они живут. Но что делать? Вздохнуть некогда. Ведь это чорт знает, что такое. День и ночь в редакции. И в отделе печати ЦК уже говорят: опаздывает газета, неорганизованно работаете.

Зайцев мысленно перебирал в памяти рабочий день. В три часа дня летучка. Обсуждается вышедший номер, намечается следующий. Очень много говорят. Не давать на выступление больше пяти минут. После летучки просмотр почты — час, просмотр телеграмм ТАСС, Роста, собкоров, столичных и провинциальных газет, заседание коллегий, — на все это три часа. Много. Окончательный просмотр материалов,

читка передовой, макеты, переделка макетов, верстка, переверстка. Правка в полосах. Очень много правки в полосах. Нужно сократить. Об этом давно уж говорят.

Так незаметно проходит ночь. А тут вдруг срочное сообщение из Хабаровска. Опять японцы напали на пограничный пост. Нужно дать, написать комментарий. Что-то снимается. Опять переверстка.

И все это — текучка, в сущности, второстепенное дело. А если редактор займется серьезными проблемами — весь номер идет кувырком. Вот и сутки. А читать, а заниматься, а в театр сходить? Нет времени. Неорганизованность. Иной раз газета явно отстает. А жизнь не ждет. Да! Зайцев снова взял блокнот: «Дать полосу о культуре жилищ; подготовить специальный номер о партийной пропаганде».

Постучал карандашом по столу. Нет, надо решительно кончать с этой текучкой. Да и аппарат пора чистить. Сколько в провинции свежих, здоровых людей, а в редакции немало хлама.

★

Елена Ивановна прошла к себе в кабинет. Навстречу ей поднялась Евдокия Смирнова — женорганизатор оборонного завода.

— Здравствуй, Острецова! Уж я тебя жду, жду.

Голос у Смирновой был низкий, удивительно не подходивший к ней — худенькой, остроглазой. «А ведь ее боятся» — с удовольствием подумала Елена Ивановна и вспомнила, как однажды Смирнова отчитывала на районной конференции прежнего директора завода. Директор — большой, грузный мужчина — сидел в президиуме с опущенной головой и бросал на Смирнову виноватые, косые взгляды.

— Ну, займемся, Дуся.

Смирнова закурила папиросу, торопливо, с присвистом вдохнула дым, тряхнув темноволосой стриженной головой.

— Пришла к тебе похвастать, — сказала она. — Сама знаешь, не люблю я этого, но дела так пошли, что хоть в

газету пиши. Если получились первый сорт, бабы не нахвалятся, детский сад еще лучше, на кружке политграмоты народу полным-полно, — такой актив растет! Иной раз просто злюсь, некого подталкивать. Директор — о чем его ни попросишь, на все соглашается, помогает.

— Как же ты все это сумела, Дуся?

— Всем тебе обязаны. Как ты нового директора на бюро райкома отбрила, он и стал мягче шелка.

Леля вспомнила, как новый директор завода Гусев пришел в райком жаловаться на Смирнову: «Командириша, не женорганизатор, а чорт в юбке». Леля тогда обещала урезонить Смирнову, а потом, разобравшись, резко выступила на бюро, заставив Гусева признать свою неправоту.

— Да вот он и сам, — встрепенулась Смирнова.

По двору быстро шел светлоусый человек, в полувоенном костюме, с кожаной полевой сумкой в руке.

— До чего хорош, а? — восхищенно проговорила Смирнова. — Картина. Наши бабы просто помирают.

— А ты? — с улыбкой спросила Леля.

Смирнова запыхтела папиросой.

— Я в безопасности, Острецова. От добра добра не ищут. Лучше расскажи, как дела на «Красном металлисте»? Ведь мы же соревнуемся.

— Очень плохи там дела. Придется директора и секретаря парткома тащить к ответу.

— А женорганизатор?

— Мямлит, жалуется, мало энергии. Женщины ее не уважают.

Смирнова взглянула на часы и поднялась:

— Забегу домой, сынишка что-то захворал.

Леля опустила голову и вдруг спросила:

— Ты счастлива, Дуся?

— Что?

— Я хотела спросить, довольна ли ты своим... своей семьей?

Смирнова обошла вокруг стола, положила маленькую, жесткую руку на лелину голову и взглянула ей в глаза.

— Волосы у тебя, Острцова, мягкие, нежные. Красивая ты.

И, помолчав, добавила:

— Грустишь? Я знаю. Я все знаю, давно уже.

Елена Ивановна поднялась.

— Завтра заеду к вам на кружок. Будь здорова, Дуся.

Смирнова по-мужски встряхнула ее руку.

— А ты ломай, Елена, рви без жалости. Лучше одной жить, чем так... мучиться.

— Сколько твоему сынишке?

— Четыре года. Зашла бы, хороший мальчишка.

Лея молча нагнулась над бумагой...

День был тревожный. После обеда позвонили из ткацкой фабрики. Ткачихи требовали Острцову. Пусть приедет, объяснит, почему цех переводят на три смены. Как может ткачиха доверить свои станки неизвестной сменщице?

Просторный зал заседаний фабкома был переполнен. Ткачихи — так приучила их профессия — никогда не разговаривали тихо. В ткацком цеху вечно стоял грохот, и понимали друг друга женщины только по движению губ. Лея остановилась посреди зала и молча подняла руку. Когда шум понемногу стих, она негромко сказала:

— Только не кричите, товарищи. Пусть кто-нибудь объяснит, в чем дело.

Из толпы работниц выдвинулась пожилая ткачиха, в пестрой блузке с зашученными рукавами.

— Ты им растолкуй, Острцова, — ни к чему нам три смены. Станки загубят треть сменщицы.

— Правильно! Разобьют станки, на чем работать будем?

— Докажи им, Острцова.

— Хорошо, — сказала Елена Ивановна. — А вы знаете, зачем нужны три смены? Кричите, кричите, а подумали о том, что страна сидит без мануфактуры? Подумали, откуда берутся очереди? Да против чего вы, собственно, восстаете? Станки новые, фабрика завалена сырьем, в две смены переработать его она не сможет. Вместо того,

чтобы кричать, лучше б помогли дирекции.

В зале снова поднялся шум, но Лея уже видела, что кричат далеко не все.

— Вы что же думаете? — продолжала она нарочно негромко, чтобы шум утих. — Только вы одни на всем свете умеете обращаться со станками? Да вы-то сами родились ткачихами? А вот посмотрим, как молодежь вас за пояс заткнет. Стыда не оберетесь, — медленно говорила она уже в полной тишине. — Так и знайте, на фабрике комсомол организовал молодежный комплект. Вызовут они старых ткачих на соревнование и побьют. Что тогда?

Лея улыбнулась и сразу заткнула уши, — такой крик и хохот раздался кругом:

— Сопливые они нас побить!

— Не смей, Острцова!

— Пряжу в клочья изорвут!

— Так вот, товарищи, — Лея строго посмотрела на женщин. — Молодежный комплект выдвигает такие условия соревнования: во-первых, обязательное выполнение нормы на сто пятьдесят процентов, во-вторых, полное отсутствие брака, в-третьих, ни одной поломки станков по вине работницы...

Уже под вечер Елена Ивановна вернулась в райком. В кабинете было пусто и тихо. Все разошлись. Лея зажгла настольную лампу. На столе лежал начатый еще утром доклад.

Она пробежала глазами написанное и залпом выпила стакан холодного чая. Захотелось есть, вспомнила, что еще не обедала.

— Все еще работаете, труженица? — послышался веселый голос. В комнату вошел Гусев. — А у нас только-что кончилось совещание. Вижу, огонек, — ну, и зашел.

— Некогда отдыхать, товарищ Гусев, — сухо сказала она.

— А я к вам по делу. Решил премировать Смирнову. Как вы на это смотрите?

— Давно пора.

— Вы ее ближе знаете, и потом — вам удобнее. Не могли бы вы спросить, в чем она особо нуждается?

— Охотно. Это вы хорошо придумали. — Леля молча вертела карандаш в руках, ей хотелось сказать что-нибудь дружеское этому человеку, так просто пришедшему к ней посоветоваться о своих заводских делах.

— Простите, товарищ Острцова, — сказал внезапно Гусев. — Вы заму-жем?

— Замужем.

— Вы только не сердитесь, я — товарищески. Мне просто любопытно, как муж ваш мирится с тем, что вы так много работаете.

— Муж? — Леля улыбнулась. — Я его почти не вижу. Когда прихожу домой, он еще на работе. Когда ухожу, он еще спит.

— А-а, — Гусев пристально и, как ей показалось, с жалостью посмотрел на нее. — И вам нравится такая жизнь?

— Что вам вздумалось говорить о моей жизни? — раздраженно спросила Леля. — Моя жизнь касается только меня и близких мне людей.

— И партии, товарищ Острцова, — наставительно произнес Гусев. — Ну, да ладно. Извините, что надоедаю вам. Просто жаль, что вы такая... красивая, обаятельная женщина и...

— Прекратим этот разговор, товарищ Гусев.

— Извините, — покорно и грустно сказал он, вставая. — Я не хотел вас обидеть.

Леле вдруг стало жалко, что она зря оттолкнула человека, потянувшегося к ней с необычным участием.

— В другой раз, товарищ Гусев, может быть, поговорим об этом. Сейчас мне просто не до этого.

Она тоже встала. Гусев сильно пожал протянутую руку и несколько задержал в своей. Леля осторожно потянула руку обратно и, подняв голову, перехватила взгляд Гусева, жадный, внимательный, ласкающий. «Бабник» — неприятно подумала она, глядя ему вслед.

Где-то далеко хлопнула дверь. Пусто. Что это сегодня словно сговорились допекать ее семейными делами? Семейными... Леля подумала с мгновенье, сняла телефонную трубку и назвала номер. «Зайцев?» — спросила она. «Да,

Зайцев» — глухо ответил голос. «Ты сегодня не скоро придешь?». — «Нет, задержусь. А что тебе?». — «Госкливо, Шурка». — «Что-нибудь случилось?». — «Нет». — «Ну, вот еще! У меня тут номер опаздывает, а ты!.. Поговорим дома, ладно, Леля? Ну, будь здорова».

Повесила трубку. Вспомнился утренний разговор со Смирновой: «А ты лодмай, Елена, рви без жалости. Лучше одной жить, чем так... мучиться...» Одной. Но почему одной? Разве это преступно — хотеть любви, ласки, участия?

— Я живой человек, — вдруг громко сказала Леля и испугалась своего голоса.

II

Окно выходило в сад. На залитой солнцем песчаной лужайке возились дети. Они сосредоточенно углублены в свое занятие. Сложные, фантастические сооружения воздвигались из желтого песка. Соседкин сын, четырехлетний Мишка, — черноглазый, румяный, круглый, — сидел на песке и что-то строил. От усердия и напряжения он высунул язык и водил им по щеке в такт своим движениям. Влажный, вспотевший носик давно требовал платка, но Мишка не замечал этого. Постройка казалась ему восхитительной. Мишка грустно вздохнул, ему хотелось похвастать, а не перед кем. Он встал, поднял голову и увидел устремленные на него веселые, знакомые глаза.

— Дядя Митя! — восхищенно закричал Мишка. — Дядя Митя! Ты дома?

— Нет, я ушел гулять, — строго отвечал Дмитрий.

Мишка не смутился нелепым ответом. — Иди лучше сюда. Посмотри, что я построил.

Дмитрий исчез и через минуту подбежал к Мишке, подхватил его и подбросил. Малыш хохотал и визжал от удовольствия. Потом он повел Дмитрия к своей постройке, дергал его за штаны и требовал оценки.

— Что это? — дипломатично спросил Дмитрий.

— А ты не знаешь? — ядовито сказал Мишка.

— Не знаю. Это, наверное, заседание Лиги наций?

— Не угадал, не угадал! — заорал Мишка, приплясывая и хлопая ладошками.

— Уборка ржи?

— Нет, нет, нет.

— Катание на лодке? Футбольный матч? Библиотека? Пожар?

— Нет, нет, нет.

— Ну, тогда я не знаю, — вздохнул Дмитрий.

Мишка сжалился над ним и сказал:

— Эх, ты. Это танк.

Дмитрий расхохотался и высоко подбросил мальчика.

Потом опустил Мишку на землю и сказал серьезно:

— Однако, Михаил Тимофеевич, мне на работу пора. Разрешите откланяться.

— Кланяйся, — милостиво разрешил Мишка и закричал вслед: — приходи скорей играть в песочек.

★

Семь месяцев прошло с тех пор, как он вернулся в Москву. Тогда, на второй день приезда, произошел памятный разговор с Зайцевым. Это было ночью, когда номер уже пошел в машину. Зайцев, как всегда, говорил скупно.

— Вот вы уже становитесь на ноги. Главное — начать, всякое начало трудно. Сравните свои первые очерки и последние. Там словесное украшательство, завитушки, здесь — люди, поступки. А самое главное — вы чувствуете себя бойцом, и из ваших писаний не выпирает, как прежде, желание выразиться пооригинальнее и красивее.

Он говорил мягко и даже ласково, но Дмитрий все время ощущал его пылкий взгляд. Дмитрий рассмеялся.

— Вы хотите знать — что во мне осталось от прежнего? — сказал он тогда. — Мне самому трудно судить, но, понимаете, дышится как-то легче, свободнее. Я ловлю себя на том, что совсем по-иному смотрю на людей. А сколько я видал интересных, замечательных людей, товарищ Зайцев. И вот вчера, приехав, я всю ночь бродил по Москве и...

Дмитрий замялся и вопросительно поглядел на Зайцева.

— Ну, что ж вы?

— Дело в том, что я... решил писать книгу о героях нашей эпохи. О самых обыкновенных тружениках, создающих новый мир.

— Роман?

— Роман.

— Ну, что ж, дело хорошее. Если вы с ним справитесь, это будет очень здорово. Но помните, не торопитесь. Вы не обижайтесь, вам нужно еще многому поучиться, почитать.

... Дмитрий кропотливо собирал материал. Иногда казалось, что взялся за непосильный труд, книга страшила его своей значительностью. В такие минуты он приходил к своему другу Литавину. Литавин таил в себе такой огромный запас жизнерадостности, что как-то не верилось в обреченность этого сильного человека. Он собирался на курорт. Дмитрий, тревожно заглядывая в его запавшие глаза, говорил, смеясь: «Ты будешь толстяком, Сережа...», — и вдруг умолкал, видя, что Литавин смотрит на него насмешливо, будто желая сказать: ври, ври, Митя, и я, и ты — мы хорошо знаем, что скоро конец.

Дмитрий часто переписывался со своими друзьями — Овечкой, ставшим уже мастером смены, с Быстряковым и горновым Озолиным. Они мало писали о своих личных делах. Три четверти писем посвящалось заводским делам. Овечка писал сдержанно, но ярко, и одно из его писем о реконструкции завода Дмитрий, с согласия самого Овечки, переделал в корреспонденцию и напечатал в газете.

С каждым месяцем дружба становилась прочнее. Дмитрий с удивлением замечал, что письма друзей внутренне обогащают его, на многое раскрывают глаза...

В редакцию он пришел до летучки. В коридорах было пусто, воздух утреннему чист.

Из большой комнаты, где сидели репортеры и разъездные корреспонденты, слышался веселый говор и смех. Дмит-

рий отворил дверь и вошел в комнату. Разговор сразу прекратился.

— Явление пятое. Те же и молодой, но многообещающий Ордынский, — провозгласил Сергей Ольгин.

В комнате сидело четыре человека. Трое из них — Крылов, Вольский и Трейман — репортеры, а четвертый, Ольгин, — разездной корреспондент.

— Перемените пластинку, Ольгин, — сказал Дмитрий, закуривая папиросу. — Ваши граммофонные возгласы отдают глубокой стариной.

— Хотите послушать новый анекдот? Идут два еврея...

— Не хочу. Эти два еврея идут у вас во всех анекдотах.

— Ордынский! — вступил в разговор Трейман. — Как вам нравится сегодняшней очерк Литавина?

— Мне нравится, — быстро ответил Дмитрий, которому очерк не совсем нравился, но ему почему-то не хотелось ругать его перед этими людьми.

— Как хотите, очерк не хорош, — сказал Вольский. — Почему это, вообще, называется очерком? Это более или менее грамотно написанная корреспонденция.

— Скорее менее, чем более... — ввернул Крылов.

Разговор шел об очерке Литавина на очень большую тему — о нехватке деталей на крупном машиностроительном заводе.

— Вот вы ругаете Литавина, а он способный человек и способнее многих так называемых интеллигентов. Вы думаете, ему легко все дается? У него чахотка, он подорвал свое здоровье, но партия его послала в газету, и он заново перестроил свою жизнь. Заново! Понимаете? Он был малограмотным рабочим, когда пришел в газету, а теперь? О таких людях романы надо писать.

— А вы напишите, — насмешливо сказал Ольгин, чувствующавший, что, говоря о так называемых интеллигентах, Дмитрий намекал на него.

— И напишу, — вызывающе ответил Дмитрий. — А что вы думаете, и напишу, если сумею.

— Вот именно, — пробормотал Ольгин.

— Почему вы злобствуете, Ольгин, ищете блох в очерке Литавина? Вы равнодушный человек, понимаете? Вас не трогает судьба мастера, страдающего от того, что на заводе нет деталей, а для Литавина — это кровное дело. Страсти в вас нет, оттого и пишете вы, хоть грамотно, но бездушно.

— Ну, понес — спутник агитатора, — буркнул Ольгин.

— Не нравится? Верно, приятного мало. Куда легче ловить скверные анекдоты и злобствовать. Честное слово, Ольгин, жить в наше время только для себя — постыдно.

Дверь распахнулась. Курьерша Лида звонко закричала:

— На летучку!

Все уже были в сборе. Дежурный критик Литавин обстоятельно критиковал номер.

— Подробно я хотел сказать о фельетоне Ольгина. Я удивляюсь, как мог товарищ Зайцев пропустить его. О чем пишет Ольгин? Он берет, в сущности, незначительный факт, ошибку, которую совершил директор крупного предприятия, кстати прекрасный директор. Эту ошибку директор уже исправил, он сам в ней сознался. Спрашивается, зачем нужно было смешать с грязью крупного и ценного человека? Почему фельетон должен носить такой заушательский и, я бы сказал, враждебный характер?

Литавин перевернул страницу.

— Самым ценным в номере считаю письмо бригады рабкоров Донбасса, — продолжал он. — Думаю, что редакция может поднять большое дело, оттолкнувшись от этого письма. То, о чем они пишут, — это целый госплан у станка. Миллиард начинается с копейки, — вот о чем говорит бригада.

— А что ты не скажешь о своем очерке? — спросил Ольгин. Зайцев бросил на него быстрый и внимательный взгляд.

— Пусть выступают другие, — ответил Литавин. — Я лично очерком не удовлетворен.

— Мне кажется, наша газета чрезвычайно увлекается хозяйственными проблемами, а живой материал берется

в штывки! — крикнул с места Ольгин.

— Это — неправда, — поднялся Калугин. — Мы просто позорно мало занимаемся хозяйственными делами, а страна живет сейчас главным образом именно хозяйством. Ни одного серьезного вопроса не поставили. Отделяемся риторикой и болтливыми шапками. Уж не считает ли Ольгин живым материалом свой фельетон? Нельзя позорить людей на всю страну за незначительную ошибку, тем более, что фельетон запоздал и газета придет на завод, когда уже ошибка исправлена. Так можно подорвать авторитет газеты среди рабочих. Я считаю предложение Литавина очень ценным. Планы наших хозяйственников очень часто преуменьшены. Письмо рабкоров Донбасса — это предложение о встречном планировании.

Закрывая совещание, Зайцев встал:

— С критикой фельетона Ольгина я согласен и должен признать, что помещение его в газете ошибочно. Предложение Литавина очень ценно. Мы будем широко печатать отклики на письмо рабкоров Донбасса. Я даже думаю, что это письмо вызовет соответствующий приказ народного комиссара. Теперь у меня есть одно сообщение, — тяжело сказал он, и всем вдруг стало ясно, что сейчас что-то произойдет. — Сегодня, — продолжал Зайцев, — у нас напечатан материал о перспективах машиностроения, написал его Трейман. Примерно такой же материал напечатан в промышленной газете. Три цифры не сходятся. Я послал Сокольского выяснить, кто наврал. И оказалось, что наврал Трейман, — громко и сурово сказал Зайцев. — Может быть, товарищи думают, что это мелочь, ну, что ж, с мелочи мы и начнем.

В комнате воцарилось короткое молчание.

— Редакция решила об'явить строгий выговор с предупреждением Трейману, а я считаю необходимым предупредить всех, что мы будем сурово карать за самое незначительное вранье. Мы считаем, что вранье — это результат распушенности и безответственности. Прошу это, товарищи, учесть.

Уйдя к себе, Дмитрий долго расхаживал по комнате, обдумывая короткую, жесткую речь Зайцева. Дмитрий почему-то связал его речь с теми разговорами, что велись в комнате репортеров.

Сегодня в клубе журналистов концерт Барсовой. Вечер оказался свободным, и Дмитрий пошел. Издали увидел Ольгина с его компанией. Вольский что-то шептал Ольгину, кивая в сторону Дмитрия. Ольгин досадливо отмахивался, но Вольский пересел к Дмитрию и весь вечер не отставал от него, мешая слушать.

После концерта Вольский потащил Дмитрия вниз, в кафе, где уже сидела вся компания вместе с Борелем.

Борель, раскрасневшийся от выпитого вина, что-то говорил Дмитрию о родном городе, вспоминал бульвары, сады, называл общих знакомых.

— Вольский говорит, — неожиданно обратился к Дмитрию Ольгин, — что ваши утренние речи — признак душевных неурядиц. Правда это?

Дмитрий не понял, но как-то внутренне подобрался.

— Каких неурядиц? — спросил он.

— Он говорит, что вы неисправимый интеллигент, и, нападая на интеллигентов, защищаетесь от самого себя.

— Во-первых, я нападаю не на интеллигентов, — сухо сказал Дмитрий. — Я нападаю на так называемых интеллигентов. Нужно чувствовать разницу.

— Что это значит — так называемые?

— Есть люди, называющие себя интеллигентами только на том основании, что их папаши носили твердые воротнички, котелки и палки с набалдашниками. Интеллигент по рождению — это чепуха.

— Значит, вы отрицаете врожденный интеллект? — спросил Вольский.

— Я не отрицаю ничего врожденного: наследственность естественна. Но развитой интеллект, насколько я понимаю, — это капитал благоприобретенный, а не полученный по завещанию.

— Но вы не отрицаете ведущую роль интеллигенции в среде журналистов?

— Я считаю, что все журналисты должны быть интеллигентами.

— Все это слишком железо-бетонно, — поморщился Борель, изменяя своей обычной сдержанности. — Вольский говорит о вещах, по-моему, ясных. Он хочет сказать, что пока, «на данном этапе», как говорится, не Литавин, Калугин и Зайцев делают газету, а Ордынский, Борель и Ольгин.

— Что за бред? Откуда это тебе в голову пришло? Ты же знаешь, что именно Зайцев делает газету и работает больше и лучше всех. И Литавин, и Калугин делают газету. Зачем ты говоришь чепуху? — раздраженно сказал Дмитрий.

— Я не об этом, не о конкретных лицах, — пожал плечами Борель. — Я говорю о том, что мы — люди опытные, знающие дело газетчики, а они — новички. Им нехватает культуры, знаний, которые у нас есть. Мы лучше их владеем пером, мы быстрее их ориентируемся. Мы...

— Да что это за разделение? Мы, они. Можно подумать, что ты говоришь о каких-то двух враждебных лагерях, — проговорил Дмитрий. — Вот уж не ожидал от тебя, Борель.

— Ну, не о враждебных, но в известной степени антагонистичных. Люди, приходящие в газету с фабрик, заводов, с партийной работы, из института журналистики, смотрят на старых газетчиков враждебно, как на людей, которых рано или поздно нужно убрать. И естественно, что эти старые газетчики обороняются.

— Чепуха, — резко сказал Дмитрий. — Я не чувствую никакой враждебности в отношении к себе со стороны, например, Литавина или тем более Зайцева. Я не верю в то, что честно работающий журналист будет убран только потому, что он из интеллигентов. Это вздор.

— По-моему, — сказал Ольгин, — все, что говорит Ордынский, — митинговщина. А я считаю, — вдруг, словно взбесившись, закричал он, — что Зайцев ни по уму, ни по интеллекту не выше меня, и не понимаю, почему он может делать мне замечания, и почему он

надо мной, а не я над ним. Вот к чему сводится разговор, Ордынский. А вы митингуете, проповеди произносите.

Дмитрий внимательно присматривался к Ольгину, и внутренний холодок как-то все более возрастал в нем по мере того, как Ольгин говорил.

— Ах, вот вы о чем! — сказал он, когда Ольгин кончил. — Теперь мне понятны все ваши злобствования. Вы забываете, что живете в Советской стране. Советский строй требует, чтобы на командных постах стояли проверенные люди, лучшие представители народа, и коммунисты, и беспартийные. Все это азбука, но, к сожалению, мне приходится о ней напоминать. Что касается Зайцева, то он человек большого ума и культуры. Ольгин злобствует, и это очень неприглядно.

Вольский сидел, бледный и сконфуженный. Он уже предчувствовал, как будут ругать его товарищи за то, что он притащил Ордынского. Вольский слабо улыбнулся и сказал:

— Бросьте вы спорить, Надоело. Давайте лучше выпьем!

— По-моему, Ордынский в этом случае прав, — спокойно сказал Борель. — Ольгин чересчур нажимает и теряет чувство меры. Это неправильно.

Ордынский чувствовал, что одержал верх и с обидным сожалением смотрел на хмурого Ольгина.

На другой день Дмитрий зашел к Зайцеву и рассказал о вчерашнем разговоре. Ему хотелось поделиться мыслями, которые возникли во время спора. Зайцев очень внимательно слушал и под конец спросил:

— Это сотрудники нашей редакции?

— Да.

— Кто это?

— Я не назову фамилий.

— Почему?

— Считаю неудобным.

— Скажи фамилии.

— Не могу. Это донос, — твердо сказал Дмитрий. — В гимназии за донос шинелями накрывали и били. Я сам бил.

— Эх, ты, размазня, — с раздражением сказал Зайцев. — Не можешь по-

нять, что покрываешь враждебные разговоры.

Дмитрий чувствовал, что Зайцев прав, но в то же время думал, что, если назовет фамилии, это будет не товарищески.

— Вы не сердитесь, — виновато сказал он, — я, может быть, через год назову! А сейчас — не могу.

Зайцев молча усмехнулся:

— Ладно, сами узнаем. — Он вышел из-за стола. — Ступай, Дмитрий. А за фамилии я еще тебя проработаю.

III

Рано утром раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Дмитрий и приподнялся на кровати. «Кого это принесло?» — с досадой подумал он.

Дверь распахнулась, и в комнату пролез сперва большой деревянный ящик, похожий на сундук, а вслед за ним боком вошел Овечка.

— Что ж ты, братику! — закончил он. — Так друзей встречаешь? Разлепившись, поганец?

— Овечка! — заорал Дмитрий. — Какими судьбами?

— Не судьбами, а поездом, а вот зачем, скажи, я три карбованца на телеграмму загубил?

— Какую телеграмму?

— Дывься на его. Телеграмму я снес третьего дня, деж вона?

Дмитрий вскочил с кровати и, расцеловавшись с Овечкой, быстро застелил постель, поставил в кухне на плиту чайник, сбегал к умывальнику и вернулся в комнату, вытирая мохнатым полотенцем лицо.

Овечка уже снял дождевик и сидел у стола, с любопытством поглядывая на разбросанные в беспорядке листы рукописи. Это был все тот же квадратный здоровяк с застенчивым румянцем, голубыми девичьими глазами и исполнинскими пушистыми усами.

— Время ничего с тобой не может поделаться, Овечка, — смеясь, заговорил Дмитрий, любясь им. — Все тот же.

— А як же? Кто ж меня подменит? Тильки я вже дид.

— Что-о? Дед?

— Ага. У дочки сынок родился.

— Сколько ж тебе лет?

— Пьядесят.

— Ч-чорт! Вот бы не сказал.

Дмитрий сгреб в кучу рукопись, поставил на стол слегка подсохшее варенье, распечатал коробку печенья.

— Пир горой! — усмехнулся он. — Ты по делам в Москву?

И Овечка рассказал, что его выдвинули в начальники механосборочного цеха, а правительство присвоило ему звание героя труда. Теперь он приехал на всесоюзный съезд металлистов, а завтра его будет принимать сам народный комиссар.

Дмитрий не переставал удивляться. Он вспомнил свое первое знакомство с Овечкой. Овечка был прежним, и все-таки в нем было что-то новое. Это был уверенный, что-то твердо знающий человек..

Овечка пробыл в Москве три дня и уехал, оставив в комнате крепкий запах прославленной роменской махорки.

Вечером, накануне отъезда, ложась спать, он вдруг разговорился, вспомнил босое и голодное свое детство, дымную кузницу, где его «учили» пинками и подзатыльниками. Дмитрий с удовольствием слушал его сочный, мягкий говор, в котором причудливо мешались русские и украинские слова. Овечка говорил образно, ярко. «Какой он, должно быть, оратор на заводе!» — невольно подумал Дмитрий. Сдерживая рокочущий бас, Овечка рассказывал о приеме у наркома.

А уже когда лег и погасил свет, вдруг спросил:

— Дивлюсь я на тебе, Митя. Чого ты у партию не идешь? А?

Дмитрий молчал. Овечка нечаянно ударил по наболевшему. Вот уже полгода, как Дмитрий порывался завести об этом разговор с Литавиным — секретарем парткома, но проклятая робость мешала. А вдруг скажет: нет, не надо, погоди.

— Ты шо молчишь? — допытывался из темноты Овечка.

— А ты поручишься за меня? — не то шутя, не то серьезно спросил Дмитрий.

— Я? — Казалось, Овечка помедлил. — Я поручусь. И не прогадаю. Подавай, Митя, такого золотого парня да чтоб не приняли?

На том и кончился разговор. Но, проводив Овечку на вокзал, Дмитрий уже не мог отвязаться от этой мысли. Через два дня он поймал Литавина в коридоре и, не глядя на него, сказал, что хочет подавать заявление о приеме в партию. Как Литавин на это смотрит?

Литавин кашлянул и с мгновенье подумал.

— А рекомендации у тебя есть? — неожиданно спросил он.

— Есть.

— Ну, подавай, рассмотрим.

В ту же ночь Дмитрий написал Быстрякову, Озолину и Овечке.

Вскоре у него уже были три рекомендации.

Овечка крупно и размашисто писал: «Рекомендую товарища Дмитрия Ордынского, как преданного революции человека».

Быстряков:

«Знаю товарища Ордынского, как оправдавшего на деле партийную бдительность в разоблачении вредителей, и горячо рекомендую».

И Озолин:

«С помощью товарища Ордынского рабочие нашего завода расчистили гнездо саботажников и контрреволюционеров».

Дмитрий долго писал заявление, черкая и перечеркивая. Ему все казалось, что получается чересчур красиво, а хотелось просто и честно изложить свои мысли.

Наконец, все было готово, и Дмитрий отнес Литавину все пять рекомендаций (остальные две дали Калугин и Елена Ивановна — жена Зайцева). На другой день его вызвали в партком. Он говорил сбивчиво, заикаясь, не сумел ответить на несложный вопрос о том, как произошел раскол РСДРП, бестолково изложил свою биографию.

Дмитрий пришел домой, усталый и разбитый. Он сел за стол, взялся за рукопись. Она уже стала обемистой — его будущая книга. Дмитрий листал ру-

копись, чувство недовольства собой все росло. Большой кусок, написанный совсем недавно, казался бледным и невыразительным.

IV

Переполненная пепельница дымилась на столе последним непогашенным окурком. Когда дверь открылась, на столе от сквозняка заметались листы бумаги.

Пока Литавин вытирал ноги о половик (на дворе шел дождь), Дмитрий уже успел собрать бумаги. Он стоял спиной к столу, лицо его было в тени.

— Ну? — скорее вздохнул, чем сказал, Дмитрий?

— Решили пока воздержаться.

— Та-ак. — Дмитрий повернулся и заходил по комнате. — Недостойн? — усмехнулся он.

Литавин молча следил за ним.

— Говори прямо, — Дмитрий остановился. — Недостойн?

— Не те слова, Димка, — спокойно сказал Литавин. — Подумай, как следует, и увидишь, что все правильно. Обида застилает тебе глаза.

— А ты думаешь, я должен плясать от радости. И почему ты не отговаривал, когда я подавал заявление? Ведь ты, секретарь парткома, наверняка знал, что не примут.

— Я не мог знать заранее решения бюро. И опять повторяю — не о том ты все говоришь. Я и зашел к тебе нарочно ночью, хочу поговорить, как с другом, а ты...

— Ничего у нас не выйдет из этого разговора, — перебил его Дмитрий. — Ты говоришь — обида? Да, обида, злость, тоска, чорт в ступе. Я тысячу раз подумал, прежде чем подать заявление. Я проверял себя, как самая строгая комиссия, я...

— Да что ты заладил: я, я. В том-то твоя и беда, что уж очень ты уважаешь эту букву. Ты проверял себя — этого мало, Димка. Со стороны виднее.

— Что виднее?

— Да то, что ты еще не созрел для партии, понимаешь, не созрел. Мне не хочется говорить эти слова, правда никогда еще не была приятной. Ты ин-

дивидуалист. Всегда и везде прежде всего думаешь о себе. Да, да, обижайся, сколько угодно. В тебе много слякоти, ты еще не понимаешь, как следует, что такое дисциплина, не внешняя, а внутренняя, не умеешь контролировать себя, свои поступки, повинуешься импульсу.

— Спасибо.

— Не за что, — сухо отвечал Литавин. — Ты не кривляйся, Димка. Мы все любим тебя, ты свой, советский человек, но Зайцев прав, когда говорит, что в тебе много мусора. Выметаю его, мы поможем тебе, и тогда подавай снова.

— Не декламируй, пожалуйста. И не нужна мне твоя помощь. Сначала человека бьют, затаптывают в грязь, а потом подают руку помощи. Ты не думаешь, что это лицемерие?

Литавин надел фуражку и сказал беззлобно:

— Если ты еще сомневался, то этими словами ты окончательно убедил меня в правильности нашего решения. Будь здоров. Тебе лучше побыть одному. Подумай, как следует, и не делай глупостей.

И Литавин вышел.

Так вот как они поступили с ним! Значит, все, что он делал, писал эти два года, — чепуха?

Дмитрий подошел к столу, взял пачку исписанной бумаги и медленно разорвал ее надвое.

— Так, — сказал он и стал рвать листы на мелкие части. — Вот, вот и вот, — шептал он. Потом сгреб все в кучу и подбросил вверх. Бумажные листы засыпали комнату, кружились в воздухе. Это была его книга.

Дмитрий выбежал на улицу. Ему казалось, что прохожие смотрят на него и знают, что он сейчас натворил. По опустевшим улицам с недозволенной скоростью мчались машины. Пронесся, громыхая, последний трамвай. По площади медленно ходили механические катки. Шипел горячий зернистый асфальт, в темноте походивший на антрацит. За поворотом спешно чищали трамвайный путь. Рабочие в синих очках разрезали рельсы: ослепительное

голубое пламя со свистом вгрызалось в сталь, рассыпая цветные искры.

— Нагрузился, малый? — вдруг сказал кто-то, и Дмитрий увидел рядом с собой старика, смотревшего на него с усмешкой.

Нагрузился! Может быть, он действительно похож на пьяного. Ну, что же, пусть все летит кувырком...

В ресторане плясали красные, зеленые и желтые огни. Какие-то пьяные люди, сидя на высоких табуретках перед стойкой бара, орали песни.

Дмитрий морщился. Ему не хотелось пить, водка была неприятной, обжигала горло. Его даже слегка знобило. Садясь за стол, Дмитрий увидел Ольгина с женой. Они смотрели на него и перешептывались. Может быть, Ольгин удивлялся, что Ордынский пьет? Пусть удивляется. Когда официант принес третий графинчик, Ольгин подошел к столу и молча сел рядом. Он был пьян.

— Ну? — отрывисто спросил Дмитрий, точно продолжая начатый разговор.

— В одиночку пьянствуют фельдфебеля или самоубийцы, — сказал Ольгин.

— Все равно я вас терпеть не могу.

— И я вас, но мы похожи друг на друга. Думаете, я не знаю, почему вы здесь?

— Идите к чорту!

— Не пойду. Мы оба пьяны. Я — потому, что это доставляет мне удовольствие, а у вас травма. Вам не удастся меня провести. И все ваши возвышенные речи — блеф, самооборона.

— Граммофон! — Дмитрий засмеялся, хотя ему, быть может, хотелось плакать. — Вы — граммофон, Ольгин, я никогда не слышал от вас ни одного живого слова. Вы хотите меня завербовать в сообщество трутней и неудачников? Не выйдет, предупреждаю.

— Вам нравится эта девушка? — Ольгин показал на свой столик, где рядом с его женой сидела девушка с наклеенными ресницами, в черном гладком платье, похожем на чехол.

— Нет, — не глядя, сказал Дмитрий. — Вы — пошляк, Ольгин. Да, у

меня травма. Но это вас не касается. У меня конфликт, в котором вы не разберетесь. Я повздорил со своими людьми, понимаете, со своими, а вы — злобствующий и чужой.

— Врете, вас не приняли в партию, и вы пьянствуете, потому что у вас ничего нет за душой. И ваше пьянство — лишний аргумент против вас.

— Я могу вас ударить, Ольгин... — Дмитрий побледнел и нагнулся над столом. Ольгин отодвинулся. — Слышите? Вы хотите застать меня врасплох? Да, я слаб. Я сегодня разорвал свою книгу. Что вы понимаете в этом?

— Вашу книгу никто не будет печатать. Вы хорошо сделали, что разорвали ее.

Дмитрий вдруг ударил кулаком по столу.

— Как вы сказали? — закричал он. — Мое пьянство — лишний аргумент против меня?

— Да, это доказывает, что они правильно поступили.

— Это правда, — неожиданно коротко сказал Дмитрий. — Спасибо. Ольгин. Первый раз в жизни вы сказали правду. Дайте счет! — позвал он официанта.

Дмитрий расплатился и вышел, не простясь с Ольгиным.

На улицах уже не горели фонари. Дмитрий остановился на углу. Он думал о том, что, может быть, не все еще погибло.

— Все ходишь!.. — сказал кто-то рядом.

Это был давешний старик.

— Дай закурить, гражданин, — попросил он.

Дмитрий протянул ему коробку, старик закурив, вынул папиросу изо рта, зачем-то осмотрел ее и сплюнул:

— Иди-ка ты от греха спать, малый.

— Послушай, старик, я разорвал сегодня свою книгу. Ты понимаешь, писал целый год и разорвал.

— Это зачем?

— Со злости, с тоски. Что мне теперь делать?

— Напиши новую, — сказал старик и зашагал прочь.

V

Вчера уехала Нина. Она приезжала на один день к тетке. Он хотел было рассказать ей о своей горе, но даже не успел рассмотреть ее, как следует. Когда Дмитрий хотел ее поцеловать, она отстранилась. Нет, пусть он забудет про это, — сказала она. Он ведь совсем не писал ей. Может быть, он думает, что она приехала ради него, но у нее здесь совсем другие дела, а к нему она зашла просто по старой привычке. Они друзья, не правда ли? Разумеется, она права: они друзья. Здесь было столько событий, Нина, конечно, не знает, но ведь ему пришлось очень плохо. Он разорвал свою книгу. Какую книгу? Ах, она даже не знает, какую. Ну, так пусть она теперь знает, что он писал книгу целый год. И вот разорвал ее. Вот как обстояло дело.

Нина смотрела на него жалобно и испуганно.

Через месяц Нина уедет на практику. Она кончила институт и стала инженером-электриком. Кстати, Дмитрию будет, наверное, интересно узнать, что она едет в Лучаевск на стройку электростанции.

Понемногу Дмитрий стал понимать, что произошло. Он искал причины и находил их в себе. В сущности, он даже не имел права подавать заявление.

Однажды Зайцев вызвал Дмитрия в кабинет.

— Ну, как, успокоились?

— Все в порядке, — просто ответил Дмитрий.

— Хотите ехать на Урало-Кузбасс?

— Хочу.

— Имейте в виду, там сложно. Вы наткнетесь на хитро построенное сопротивление строительству. Редакция смотрит на эту поездку очень серьезно. Вы должны оценить доверие и оправдать его.

— Постараюсь.

Прощаясь, Зайцев взял Дмитрия за плечи и сказал мягко:

— Я на тебя надеюсь. Главное, не вешай носа и помни, что ты солдат в бою.

VI

Поезд приехал вечером. Новый каменный вокзал блистал свежей краской и зеркальными окнами. Еще повсюду валялись стружки, кое-где не отмыта краска. От вокзальной площади к городу бежали новенькие автобусы.

Дмитрий шел на свидание с детством. Вот их дом — большой, полукаменный, с широкими, светлыми окнами. Над крыльцом вывеска: «Школа № 14». Дмитрий зашел во двор. Здесь все было по-старому. У дровяного сарая играли ребятишки.

Дмитрий пошел по улице дальше, взобрался на холм. Отсюда был виден весь город.

Город ситцевых занавесок, мелких дряг и азартных сплетен доживал последние дни.

За белым саваном Карьяша ошетинились строительными лесами вековые пустыри. Терял свои старые границы Лучаевск. К окраинам стремительно бежали асфальтовые шоссе, окаймленные новыми, стройными зданиями. В центре города сомкнется социалистическая магистраль жилых кварталов, и сгинет старый город...

Вот и кончилось свидание с детством. В сущности, она была неинтересной — эта встреча. Завтра он переселяется на строительство и, быть может, никогда не увидит ни одного такого города — сонного, нищего, покосившегося...

★

Пять месяцев назад Дмитрий приехал в Медногорск, где строился гигантский медеплавильный завод. Уже монтировалось оборудование, со всех концов мира прибывали ящики со сложными машинами и станками. Рудники начали добычу меди. И тогда Дмитрий повстречал главного геолога Студницкого. Это был высокий, красивый старик с уверенными и спокойными движениями. Длинными нервными пальцами музыканта он перебирал образцы руды и рассказывал Дмитрию фантастическую повесть о геологических разведках.

— Ни одна профессия, — говорил он, — не знает таких горьких разочарований, как профессия геолога. Порой ка-

жется, что обнаружил богатейшие залежи, все пробы доказывают, что найдены несметные сокровища. А на поверку выходит, что показания ложны. Какая-нибудь микроскопическая мелочь — и все рушится. Он, Студницкий, с рюкзаком за плечами исходил многие сотни километров, лазил по горам и собирал камни. Каждый камень казался ему живым, по первому взгляду геолог мог определить его возраст, происхождение.

Можно было подумать, что Студницкий — художник, поэт, — так увлекательно и живописно он говорил.

Дмитрий написал и отослал в редакцию очерк «Поэзия геолога». Ему казалось, что этот очерк — лучшее, что ему удавалось написать. И неожиданно пришла телеграмма Зайцева: «Очерк не пойдет. Имей в виду, что в Медногорске крайне запутанные, противоречивые показания залежей. Проследи историю разведок. Есть сведения, что Студницкий намеренно затягивал разработки. Зайцев».

Дмитрий был ошеломлен. Как? Этот старик, похожий на поэта, геолог, без памяти влюбленный в свое дело, — вредитель? Дмитрий впервые усомнился в правоте Зайцева.

Что же ему оставалось делать? Он с жаром зарылся в бумаги, принуждал себя относиться ко всему бесстрастно, как будто и не было никаких долгих душевных разговоров со Студницким. Так ему удалось установить историю геологических разведок. Показания петляли, непрерывно опровергались. Дмитрий прочел всю переписку; он читал письма, заявления и рапорты самого Студницкого. Старик жаловался, протестовал; ему не дают работать. Теперь уже Дмитрий ясно видел, что здесь велась двойная игра. Кто-то делал ловкие ходы. После упорных поисков Дмитрий добрался до сути. В Медногорске работала группа саботажников и вредителей, которые имели покровителей в центре, в Госплане. И когда молодые инженеры все-таки прорвались через блокаду и доказали, что рудных залежей хватит чуть ли не на сто лет (Дмитрий читал их подробное письмо), и нарком подписал приказ о начале строительства, Студ-

ницкий ловким маневром присвоил себе все лавры. И опять кто-то сильный его поддержал. Студницкого премировали, его прославляли всюду, областная газета посвятила ему целую страницу.

Целую неделю Дмитрий обрабатывал материал и, наконец, послал его в редакцию. Когда его статья появилась в газете, все были поражены, но никто не подозревал, что месяц назад этот же автор писал хвалебный очерк о вредителе.

Через несколько дней Зайцев прислал ему письмо. «Ты, наверное, терзаешься, Дмитрий, — писал он. — Я понимаю тебя, но не сочувствую. Это — жестокий урок. Враг маскируется так изобретательно, что разоблачить его может только постоянно настороженный человек. Часто враг нацепляет маску глупца. Помни, что человек никогда не бывает слишком глуп. Внимательно оглядывайся, не поддавайся первому впечатлению, пусть чувства контролируются разумом. Это трудно и утомительно, но ведь ты поехал не на пикник. Я верю, что случай со Студницким будет всегда служить тебе уроком. Мы будем обсуждать эту твою ошибку на широком редакционном совещании».

VII

Главный инженер строительства Антон Сергеевич Градов недовольно поморщился, снял пенсне и помахал им в воздухе.

— Я журналистов принимаю каждый день от семи до восьми вечера, — сухо сказал он Дмитрию.

От этого посещения остался неприятный осадок. Градов держал себя высокомерно, и Дмитрию казалось странной его популярность на строительстве.

...Вчера Дмитрий увидел, наконец, Нину. Он остался недоволен встречей. Положительно, Нину точно подменили: она уже не подчинялась ему, как прежде. Дмитрий чувствовал, что она рада разговаривать с ним на «вы».

Леня Мостовой — его старый школьный товарищ — кончил вместе с Ниной институт и вместе с ней приехал

сюда. Вчера он рассказывал Дмитрию, как удивились иностранцы, монтирующие турбину, когда к ним прислали эту золотоволосую мисс. Пусть Дмитрий не удивляется — Нина оказалась превосходным инженером.

Мысли Дмитрия не раз возвращались к Градову. Старик был все-таки слишком консервативен. Его заместитель Штаубе казался куда энергичнее и современнее, хотя тоже был немолод. Градов относился к нему подчеркнуто вежливо, — ведь Штаубе был его заместителем, — но держался от него в отдалении. Однако Штаубе открыто хвалил Градова. Их отношения казались Дмитрию странными.

Когда Дмитрий спросил об этом секретаря парткома Терехина, тот неопределенно пожал плечами и сказал:

— Приглядывайся. Для наблюдателя здесь материалу уйма.

Терехин пригласил Дмитрия на собрание инженеров и техников. Станция строилась третий год, и никто не знал, когда ее пустят. Правительственный срок истек. Только на-днях сняли леса с главного здания и начали монтаж первой турбины. Молодые инженеры, приехавшие на строительство, заволновались. Сегодня вечером будет бой.

Когда Дмитрий пришел, клуб уже был полон. Собрание началось с того, что инженеры потребовали от Градова твердых сроков. Пусть, наконец, Антон Сергеевич скажет, когда будет пущена станция; ведь все окрестные заводы сидят на голодном электрическом пайке...

Градов поднялся и сердито сказал, что управление строительством заинтересовано в сроках не меньше, чем молодежь, но что всякая торопливость вредна. Он, Градов, думает, что станцию можно пустить первого октября.

— Это неправильно! Где у нас соревнование? — восклицал Николай Кривицкий, работавший на монтаже открытой подстанции.

— Жокеи на скачках могут соревноваться, а не инженеры, — неожиданно перешел на сторону Градова Штаубе. — Неверно! — крикнул Кривицкий. —

Неверно, товарищ Штаубе. Вредные разговоры! Вся страна соревнуется. Станция может быть пущена первого июля.

— Позвольте, позвольте! — морщась, заговорил Штаубе. — Давайте обсудим спокойно, без этой самой... — Он покрутил в воздухе рукой. — Одной экзальтацией станцию первого июля не пустишь. А что у нас есть еще для этого? Масленников нет, они пока во Франции. Трансформаторы не готовы, — инженер Кривицкий об этом хорошо знает. Трансформаторы не могут быть готовы раньше поздней осени. Сушить их надо током короткого замыкания, а его надо взять от турбины! Мистер Питер Дживис — английский инженер — говорит, что он турбину сдаст не раньше сентября. Мистер Стен — представитель фирмы Бабкок-Вилькокс — не ручается за котлы. Оборудования нет. Как же вы хотите пустить станцию первого июля? Надо рассуждать здраво. И если даже мы будем работать от зари до зари, то иностранцев мы так работать не заставим. Они гнать не будут, и мы получим не турбину и не котлы, а балалайки. Ясно?

— Нет, не ясно, — раздался голос. — Прошу слова.

И к столу вышел Мостовой.

— Конечно, Аркадий Павлович — инженер опытный, и нам нужно у него учиться. Это так, — начал Мостовой. — Но я думаю, что и нас советская власть не зря учила. Мы тоже говорили с иностранцами. Мне самому сегодня американец Плятер сказал, что трансформаторы можно сушить не током короткого замыкания, а горячим воздухом. Это сделать мы можем. Теперь масленники. Во-первых, они понадобятся в последнюю очередь, а, во-вторых, их уже выслали из Франции. Получена телеграмма. Оборудование тоже прибывает. Все части турбины на месте. Конечно, мы очень уважаем товарища Штаубе, но, мне кажется, он неправ, и хотя товарищ Кривицкий горячится, но он все же прав. Станцию можно будет пустить первого июля. А иностранцы? Что ж, им будет стыдно, если мы их обгоним.

Дмитрий внимательно наблюдал за Градовым. Пока говорил Штаубе, Градов недовольно морщился. Когда же вышел на трибуну Мостовой, Градов оживился и с веселым удивлением слушал его замечания о сушке трансформаторов горячим воздухом. Градов взял карандаш, что-то быстро стал высчитывать на клочке бумаги и, когда Мостовой кончил, он встал и сказал коротко и все еще сердито:

— Я согласен. Но помните, вам придется работать втрое больше, чем раньше.

Раздались аплодисменты. Дмитрий оглянулся. Громче всех хлопал Терехин. Он нагнулся к Дмитрию и шепнул:

— Зам-мечательный старик!

VIII

Разумеется, Зайцев должен был предвидеть то, что произошло. И осень, и зима были трудными, нехватало времени подумать о себе, о Леле. Тут уж, пожалуй, все зависело не от него.

Так они и не поехали на курорт. Раза два Леля напоминала ему о Гаграх, но Зайцев отмалчивался; ему не хотелось врать, — знал, что никуда не поедет. Они видались все реже и реже. Однажды он решил пойти в театр и позвонил из редакции Леле. Пусть она заедет за ним в семь часов. Но когда Леля приехала, секретарь передала ей билеты с торопливой запиской: «Прости, Леля; срочно вызвали. Пойди с кем-нибудь. Не везет нам с тобой». Да, им отчаянно не везло.

Как-то, приехав домой в 4 часа утра, Зайцев застал ее неспящей и одетой. Он обрадовался; ему показалось, что она ждала его.

— Леля, почему ты не спишь? — упрекнул он ее.

— Не спится. Мне кажется, что все это плохо кончится.

— Но я же не виноват, Леля.

— Да, ты не виноват!.. — вяло сказала она. — Ты не виноват, но зачем искать виновников? Мы стали чужими. Пойми, ведь я — не деревянная. Тебе некогда об этом думать, но почему ты не видишь, что я живая. Мне тоже хочется

ласки и любви. Может, тебе это смешно слышать?

Нет, ему не было смешно. Он любит ее, — разве она этого не знает? Ему было бы очень тяжело без нее.

— Слова, слова... — шептала она.

Ему хотелось спать; не ложился уже двое суток. Сквозь сон он слышал ее шаги.

Когда Зайцев проснулся, Лели уже не было. Он взглянул на часы, вскочил, быстро оделся, умылся и, схватив газету, уехал в редакцию. В 12 часов начиналось совещание местных корреспондентов. Оно подготавливалось целый месяц. Зайцев возлагал на него большие надежды.

Вернулся поздно. Лели не было. И тут он увидел ее записку.

Зайцев очень долго читал эту коротенькую записку. Потом зазвонил телефон. Зайцев снял трубку. Кто-то спрашивал Елену Ивановну. Мужской голос.

— Нет ее, — сказал Зайцев и повесил трубку. — Нет ее... — повторил он. Зайцев взял газету, но глаза, смотревшие на газету, не читали. Он встал, подошел к зеркалу. На него смотрело изнуренное, давно небритое лицо. Голубые, на выкате, глаза смотрели так тоскливо, что Зайцеву стало жалко себя.

Он сел за стол и уронил голову на руки. Пробовал заснуть, закрыть глаза, считать до ста. Считал, но думал о другом.

На столе лежала записка Лели.

«Александр! — писала она, и это было особенно неправдоподобно, потому что она никогда так не называла его. — Больше не могу. Ухожу. Не могу тебе сказать об этом прямо в лицо, потому что боюсь себя. Прощай. Леля».

Зайцев очнулся. Он размахивал руками и кричал. На кого? Зачем?

И неожиданно он вспомнил, казалось, давно забытое. Они шли по лесу, собирали грибы или землянику. Леля держала в руке корзинку. Она шла быстро, точно бежала от него, из-под платочка выбилась прядь волос. Но все-таки он догнал Лелю. Он чувствовал, что должен сейчас сказать что-то очень важное, но продолжал начатый еще в дачном по-

езде разговор об английском министре Керзоне. И вдруг Леля остановилась. Не ожидая этого, он налетел на нее и, чтобы не сбить с ног, схватил ее за руки. Леля покачнулася, он удержал ее и внезапно обнял и поцеловал. Все было забыто—и Керзон, и земляника, и упавшая корзинка. Это было счастье...

Они ехали на пароходе. И оттого, что было внизу темно, представлялось, что море еще глубже, темнее. Впереди блестя, точно нарисованная, серебристая лунная полоса. Леля зажмурилася, ей было слегка страшно, — вот-вот они войдут в эту ослепительную белую полосу, и все пропадет. Она прижималась к нему, и Зайцев слышал, как бьется ее сердце. Это было счастье...

— Лелька!—прошептал он,— Лелька!

Вспомнился лелин доклад на заводе. Собрание было ответственное, и они оба волновались. Завод очень важный, с большой партийной организацией. Троцкисты готовили обструкцию. И Леля, и Зайцев знали, что троцкисты будут выступать. Они хорошо помнят этот вечер. Она заехала к нему в редакцию. Ей хотелось, чтобы он приехал. Зайцев обещал быть через полчаса, но задержался и приехал только к заключительному слову Лели. Едва он вошел в зал, как понял, что троцкисты потерпели поражение. Леля говорила звонко, страстно:

— Ни один честный рабочий, ни один честный коммунист никогда не пойдет за троцкистами. Они называют себя марксистами, но кто им поверит, если с первого же слова они начинают нападать на марксизм, на ленинизм. И если рабочий не овладел еще марксизмом, он чутьем, пролетарским чутьем почувствует ложь и фальшь в их рассуждениях. Это доказало наше сегодняшнее собрание.

Зайцев видел, как она волновалась. В этот вечер он почувствовал, насколько она ему дорога. Это тоже было счастье...

Последнее время он почти совсем не видал ее, не знал, как она живет. Леля уже не рассказывала ему о себе. У нее была своя жизнь, которой он не знал. Совсем недавно он увидел ее из окна

машины. Лея шла с каким-то мужичиной — высоким, красивым, со светлыми усами. Он закричал ей, но она не слышала. Машина промчалась мимо, но в глазах все еще стояло ее лицо — оживленное, смеющееся.

... В комнате было душно. Еще топили, а уж в Москве весна. Зайцев встал, подошел к окну и распахнул его.

В первый раз за много лет он видел утреннюю Москву. Выходило солнце, туман исчезал, и Москва казалась умытой и свежей. Быстрыми ручейками неслись со всех сторон на площадь разноцветные машины. Пешеходы казались маленькими и торопливыми. Берега Москва-реки ошетинились строительными лесами. Вышки взлетали в небо, подъемные краны вздымались над домами.

Зайцев отошел от окна, открыл наружную дверь и вынул из ящика газеты. Потом он вошел в кухню и поставил на газовую плиту чайник. Времени было еще много; утро только начиналось.

«Все в порядке, — подумал он, просматривая газету. — Только не раскисать. Сегодня очень хорошая передовая Литавина о соревновании. Любопытное письмо селекционера из Саратова. Надо ему написать... Пора Любарского брать в редакцию. Прекрасно писать стал. Что же, новые люди уже начинают прочно оседать в аппарате. Скоро уж они будут в большинстве. — Взгляд его упал на очерк Ордынского о секретаре парткома. — Пожалуй, и его можно считать новым, он совсем изменился».

Уже все прочитано и перечитано. И чай, налитый в стакан, остыл, а утро все тянется. Он взглянул на часы. «Через полчаса поеду» — решил он. Но чего он ждет? Что, если он приедет на полчаса раньше? Зайцев позвонил в гараж и вызвал машину.

В редакции его ждала почта.

Вошел Литавин. Он зашел проститься. Курорт не помог ему, — врачи посылают его в туберкулезный санаторий в Ялту на длительное лечение. Он грустно улыбался, глядя на Зайцева. Ему не хотелось уезжать.

— Кто знает, Зайцев, — может, сего-

дняшняя моя передовая — последняя в жизни, — сказал он, смеясь.

— Чепуху городишь... — строго сказал Зайцев, подписывая удостоверение и не глядя на него. — Будешь жить и жить.

— А ты думал, я сомневался? — весело спросил Литавин. — Такие, как я, не умирают. Я уж и так десять лет все умираю. Полечусь, окрепну и — повоюем.

— Повоюем! — улыбнулся ему Зайцев и крепко пожал влажную руку. — «Не выживет» — подумал Зайцев, глядя на прозрачное лицо Литавина, на его ввалившиеся глаза. — Ты знаешь, Сергей, — неожиданно сказал он, — жена от меня ушла.

— Ушла-а? — недоуменно и жалобно протянул Литавин. — Ушла Елена Ивановна?

— Ушла.

Литавин молчал. Он понял состояние Зайцева и решил, что слова тут ничего не скажут. Он пожал руку Зайцева.

— Я не боюсь за тебя...

— Спасибо! — ответил Зайцев.

★

— Я не боюсь за тебя, Елена, — говорила Смирнова, сидя на кровати, поджав босые ноги. — Никто тебя не осудит. Не знаю, как там у вас с Зайцевым все сложилось, — она неопределенно повертела в воздухе узкой, маленькой рукой, — но знаю: и ты, и он стоите хорошей, настоящей жизни, и счастья стоите.

Смирнова обняла Лелю, прижалась к ней — тоненькая, трогательная в своей длинной голубой рубашке, женственная и легкая, такая непохожая на ту грубоватую командиршу, которую все знали. Лея благодарно молчала, перебирая край одеяла. «Ну, вот я и ушла, — вяло и грустно думала она. — Может быть, он хоть сейчас поймет, как тяжело было жить».

— Но не верю я в то, что вы разошлись, — задумчиво говорила Смирнова. — Если есть чувство, оно окрепнет в разлуке, если чувства нет или слабее оно, — погаснет, и так даже лучше. Мне

мать всегда это говорила, а она у-умная бабочка была. — Смирнова вздохнула, потянулась к ночному столику и закурила папиросу. — Счастье, что, кроме мужа, у нас есть еще работа, и никто не знает, что важнее.

— Ты понимаешь, Дуся, — Леля оперлась локтем о подушку и приподнялась, — я и ушла потому, что люблю его. И я ведь знаю, что он тоже любит. Но как это все-таки уродливо. Месяцами, понимаешь, месяцами, не видели друг друга. Я уже не помню, — она перешла на шопот, — когда последний раз он целовал меня.

— Да что ты, Острцова! — Дуся в шутливом ужасе потрясла маленьким кулачком. — Мерзавец! Такую красоту! Да ведь его зарезать мало! — Она погасила папиросу и залезла под одеяло. — Ну, спать, спать. А то скоро Гриша проснется, тогда мы с тобой пропали...

IX

Дмитрий шел рядом с Ниной и иска смотрел на нее. Когда-то ее улыбка, глаза, походка, волосы были иными. Та, другая, не по-детски кокетничала.

В конце-концов, это произошло, когда он совсем потерял надежду. Вечером он встретил ее на берегу Кирьяша. Они молча поздоровались. Нина жевала стебелек травы и почему-то шурилась. Тогда Дмитрий заговорил. Ведь они были на «вы».

— Сказать вам честно? — проговорил он. — Я совсем забыл о вас, даже не вспоминал. А сейчас мне кажется, что я всегда помнил вас. Помнил и любил. Разве так может быть?

Нина молчала. Он поцеловал ее.

— А я всегда помнила вас, — вдруг сказала она.

Вспоминая тот вечер, Дмитрий радовался целомудрию своей любви. Нина стала его женой. Сжимая его голову и глядя в его лицо, она шептала, точно удивляясь своему счастью: «Муж мой, любимый мой!».

... Они молча уселись на траве. Луны не было видно, но в роще мерцал ее бледный колеблющийся свет.

— В такую ночь, — сказала Нина, — хочется думать почему-то только об очень чистом и важном. Когда-то я пришла в отчаяние от своей испорченности. Вдруг все опротивело. Сама я себе казалась гадкой, люди мерзкими. Кто знает, что произошло бы, если б не товарищи. Но я выздоровела и сейчас чувствую себя сильной. Никогда не думала, что буду учиться, и уж совсем в голову не могло притти, что могу стать инженером...

С дороги послышались голоса, потом прозвучали шаги, спускавшиеся к реке, и Дмитрий увидел Штаубе. Инженер вздрогнул, но улыбнулся, заметив Нину.

— Простите, я помешал, — сказал он. — Вы превосходно дополняете пейзаж... — Он отрывисто засмеялся.

— Да и вы, видно, молодеете, что так поздно гуляете по роще, — засмеялась Нина. — Мы слышали, как вы там с кем-то прощались.

Штаубе усмехнулся:

— Ну, прощанье было не из особенно нежных.

— В такую ночь чувствуешь себя усталым и ненужным, — медленно, как будто думая вслух, сказал Штаубе. — Жизнь кажется бесполезно прожитой и против воли завидуешь молодости — прямой, резкой и дерзкой. У меня уже нет ни прямоты, ни дерзости. Я живу неторопливо, как улитка, да, собственно, не живу, а доживаю.

— Вы клеветаете на себя, — возразил Дмитрий. — Энергии вашей могут позавидовать молодые.

— Ну, какая там энергия.

Штаубе говорил так, будто его слова имели какой-то тайный смысл.

— Я всегда думал, что побеждает опыт и возраст. И поверьте, никогда еще не был так расстроен, как в тот раз, когда мне пришлось выступить на собрании и признать свою неправоту, и перед кем — перед молодежью. Вы отчетливо видите цель и стремитесь к ней, — продолжал Штаубе. — Вот возьмите Нину Михайловну. Иностранцы встретили ее снисходительно, как красивую девушку, которая, конечно, ничего в технике не понимает. А кончилось тем, что

она своим примером заставила их работать вдвое лучше. И она сделала то, чего не могли сделать мы. Однако, прощайте. Я, кажется, заболтался, — неожиданно закончил Штаубе.

Когда он скрылся, Дмитрий задумчиво проговорил:

— Станный человек. Иногда кажется тряпкой, безвольным, а порой чувствуешь, что он для чего-то притворяется.

— Помнишь, Дима, ты смеялся надо мной, когда я расхваливала Градова?

— А знаешь, я тогда решил, что Градов — вредитель... — засмеялся Дмитрий. — У меня развилась бешеная подозрительность.

— А теперь?

— Градов честный человек, — убежденно сказал Дмитрий. — Конечно, он немного консервативен, но не способен на подлость. Меня удивляет, что он так враждебно относится к Штаубе. Может быть, тут что-нибудь есть?

Когда они подошли к поселку, Дмитрий увидел в кабинете Терехина свет.

— Ты иди, Нинок, а я загляну к Терехину.

Дмитрий вошел, не постучавшись. У Терехина сидел уполномоченный ГПУ Никонов.

— Все бродишь? — весело встретил его Терехин. — Вот смотри, Никонов: попадешься ему на перо, жизни не рад будешь. Я теперь боюсь с ним говорить, расписал в своем очерке, как апостола.

— Сейчас встретил Штаубе, — сказал Дмитрий.

— Где?

— На берегу реки.

— А что ты там делал?

Дмитрий смешался:

— Гулял с женой.

— А-а... — протянул Терехин, многозначительно поджав губы. — Ведешь подрывную работу на стройке, лучшую девушку собираешься увозить? Ну, да уж ладно. А с кем гулял Штаубе?

— Он был один. Но мы слышали, как он с кем-то прощался на дороге.

— Тоже с девушкой?

— Не знаю. Вряд ли. Он был расстроен. Жаловался на старость. Говорил, что не живет, а доживает.

— В этом-то он, пожалуй, прав... — сказал молчаливый все время Никонов. — Ну, я пошел. Будьте здоровы.

Когда он вышел, Дмитрий внимательно посмотрел на Терехина.

— Ты что-то скрываешь от меня? — сказал он.

— Не обо всем же можно и говорить.

— А все-таки?

— Ничего-таки. Наблюдай, брат! Самое главное для тебя — наблюдать.

Приближался день пуска, но на строительстве происходили странные события. То пропадали важнейшие части присланного оборудования, без которых нельзя монтировать машины, то вовсе исчез целый вагон со сложным оборудованием. В здании угольного силоса произошел пожар. Иностранцы, монтировавшие турбину, придирались к малейшим пустякам, точно они взяли подряд на срыв монтажа.

Два дня назад Градов отдал приказ об очистке станции от строительного мусора. На двор вышли жены рабочих. Освободившиеся бригады помогли им. Сортировали железный лом, отделяли его от камня, щебня, Мусор вывозили на свалку. Появились катки, они мяли, укатывали землю. У самого здания окопали длинную узкую полосу земли и засадили ее цветами. И станция, и поселок наряжались.

★

Настало тридцатое июня. Станция казалась вымершей. Чисто выметенный двор был пуст. В темноте лишь светился огонек проходной будки. Где-то, наверно, на берегу Кирияша, пели молодые девичьи голоса. Из клуба слышались нестройные звуки духового оркестра. Музыканты готовились к завтрашнему торжеству.

Из темноты вынырнул человек. Оглядевшись, он быстро зашагал по направлению к турбинному залу. Человек нес в руке чемодан. Когда он скрылся в здании, за ним последовала другая фигура.

Площадка перед станцией внезапно оживилась. Послышался чей-то шопот,

кто-то подбежал к входу в турбинный зал и замер...

Минут через двадцать из здания вышел человек. На этот раз он был без чемодана. Остановившись, он снял фуражку и вытер платком лоб.

Послышался шорох. Человек рванулся, но его крепко держали. В темноте вспыхнули фонари и осветили человека в защитном френче и галифе. Это был инженер Штаубе.

Через полчаса к турбинному залу подошли Терехин, Градов, Ордынский и редактор местной газеты Селиванов. Посланный застал их в кабинете Терехина, где разрабатывался церемониал завтрашнего торжества.

— Пошли! — сказал Никонов.

Итти пришлось долго. Переходы были узкие и низкие. Высокий Градов сгибался в три погибели. Впереди шел Никонов, освещая путь карманным фонарем.

— Здесь, — сказал он, когда подошли к бетонному основанию турбины.

В углу, незаметно для глаза, заваленный землей и щебнем, возвышался какой-то предмет. Никонов осторожно разгреб кучу. Все увидели ящик.

— Позвольте мне, — сказал Градов и нагнулся над ящиком. Он рассматривал его недолго.

— Штука недурна, — медленно сказал Градов. — Немецкого изготовления. Адская машина с часовым механизмом. Стрелка поставлена на 10 часов.

— К началу митинга, — пробормотал Терехин.

Наутро, ровно в десять часов, на балкон турбинного зала, где стояли лучшие рабочие стройки, вышел Терехин.

Степь трепетала бесчисленными алыми флажками. Десятки тысяч празднично разодетых людей стояли внизу.

— Товарищи! — крикнул Терехин. — минуту назад завертелась турбина. По приказу народного комиссара наша станция входит в строй действующих предприятий социалистической промышленности.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I

Комната тонула в полумраке и от этого казалась больше. Стояла такая тишина, что Дмитрию казалось, будто он во всем мире один. На диване спала Нина.

Дмитрий писал.

Иногда он останавливался, откладывал перо и, не отрывая глаз от рукописи, неторопливо закуривал папиросу.

★

Жили в одном городе, в одном доме два разных мальчика. Миша Ильин — сын наборщика — обитал в подвале, Женя Лайко — сын профессора — в бельэтаже. Они дружили. Верховодил, конечно, Миша. Он, во-первых, сильнее, во-вторых, больше знал жизнь. Никто лучше его не умел залезть на дерево, переплыть Днепр. Зато Женя гораздо учнее Миши. Он знал такие удивительные вещи, что Мише иногда оставалось только рот разевать. Женя даже знал названия звезд. Кроме того, Женя играл на скрипке, знал таблицу умножения и даже именованные числа. Впрочем, Миша не завидовал ему; он, вообще, никому не завидовал, потому что был доволен жизнью и у него была веселая и неунывающая мать. Они редко ссорились — Миша и Женя, потому что уважали друг друга. Оба они любили мечтать, только мечты их были совсем разные.

Что касается Миши, то он мечтал о белом хлебе с изюмом, а иногда даже о сладком пироге с яблоками. Ну, а потом Миша мечтал, конечно, о том, как он станет большим. Тогда Миша возьмет ружье и станет убивать подряд всех буржуев и паразитов, о которых он часто слышал от отца. Мишин отец был всегда бледен, часто кашлял, ругался и говорил: «Умный поп крестил, дурак, что не утопил». Нередко он напивался и тогда начинал кричать и плакать. Мишка уходил от греха подальше, а отца утешала мать. Вот уж мать была, конечно, лучше всех на свете. Женин отец, высокий, чистый, в золотых

очках, никогда не ругался и был таким важным, что даже городской козырял ему. Он никогда не ходил пешком, а все ездил в коляске. Матери у Жени почему-то не было, и Миша за это слегка презирал своего друга.

Жизнь шла своим чередом. Умерли и женин отец, и мишины отец и мать. Жена хотел сделать музыкантом, но вышло так, что он стал инженером. Зато мишины мечты осуществились. В руках у него оказалось ружье. Теперь-то уж он хорошо знал, кто такие буржуи и паразиты. Миша стал командиром бригады, и к концу гражданской войны у него оказалось три ордена. Наступила пора, когда вся страна начала учиться, строиться. Миша Ильин хорошо постиг мир. Теперь он знал уже не только таблицу умножения, но интегральные исчисления и сопротивление материалов. Так и жил он, черноволосый, грубый и веселый, с одной ногой (другую оторвало снарядом на фронте). Он не унывал, хотя, конечно, и не радовался своему протезу. А Евгений Лайко, белокурый интеллигент, мучился своей неполноценностью. Он не принимал революции. Его раздражала прямолинейность эпохи.

Однажды инженера Евгения Лайко вызвали по какому-то делу к заместителю наркома. Когда Лайко вошел в кабинет, из-за стола поднялся ему навстречу Мишка Ильин. Лайко похолодел. Он почувствовал, что ему нанесен тяжкий удар. Он воспринял эту встречу, как оскорбление, и вышел из кабинета врагом Михаила Ильина.

Дальнейшая их история была историей падения Евгения Лайко и его друзей и возвышения Михаила Ильина и его друзей.

А в общем, это была книга о героях эпохи.

★

Нина во сне громко вздохнула. Она повернулась на спину и, как бы заслоняясь от невидимого света, поднесла руку к глазам. Во сне она походила на ребенка. Дмитрий подумал о том, что он скоро станет отцом, и улыбнулся. Только что был мальчишкой, и вдруг — отец.

Дмитрий тихо собрал разбросанные листы, уложил в папку рукопись, открыл форточку и набросил на Нину одеяло. Только сейчас заметил, как накурено в комнате. Табачный дым клубился у раскрытой форточки. Свежий воздух врвался вместе с далеким звонком трамваев. Шумел никогда незасыпающий город. Где-то там, за много кварталов отсюда, работает сейчас Зайцев.

Дмитрий никогда не думал о семейной жизни Зайцева. Он хорошо знал Елену Ивановну, но почему-то не мог представить Зайцева в семейной обстановке. А когда, вернувшись из командировки, узнал, что от Зайцева ушла жена, удивился. Было непонятно, как это могло произойти. Зайцев всегда представлялся ему человеком великого спокойствия и силы. Человек, поработавший с ним, становился лучше, чище, скромнее. Как же могла женщина, жившая с ним много лет вместе, уйти от него?

За стеной вдруг заплакал и сразу затих соседкин сын Мишка. Дмитрий улыбнулся, погасил свет и лег.

II

Сведения о Гусеве были отрывочны и случайны. В прошлом году Дмитрий узнал, что Гусев в Москве — директор крупного оборонного завода. Сначала Дмитрий не поверил — такой невероятной казалась эта весть. Гусев представлялся ему вялым бездельником, бесхарактерным, почти спившимся человеком. Ведь Дмитрий хорошо помнит поведение Гусева на Калитинском заводе. Но потом Дмитрий узнал, что завод, где работает сейчас Гусев, делает большие успехи и этим обязан новому директору. В конце-концов Гусев сумел доказать, что он тогда получил выговор неправильно. Выговор сняли. Теперь в партийном деле Гусева не было ни пятнышка. Так обстояло дело, когда Гусева выбрали членом райкома, а потом и в члены бюро. Что может сделать человек, если он захочет исправиться, — думал Дмитрий.

Однажды, когда Дмитрий был в редакции, к нему неожиданно вошел Гу-

сев. Он был попрежнему молодцеватый, красивый.

— Иван Кузьмич! — обрадованно вскричал Дмитрий. — Какими судьбами? А я как-раз думал о вас, хотел даже заехать.

— Ну, что ж, милости просим, — добродушно улыбнулся Гусев. — А я к тебе по делу. Видишь ли, у вас в газете была напечатана статья о плохой работе смежных производств. Это очень больной вопрос, и я решил высказаться. Мне кажется, нужно изменить самую систему снабжения машиностроительных заводов полуфабрикатами. Вот я и решил у васoble отбить — статью написал.

— Прекрасно! — весело сказал Дмитрий. — Нам как-раз нехватает производственных авторов. Только я ведь этим не занимаюсь. Вы должны обратиться в производственный отдел.

— Да нет уж, — запротестовал Гусев, — никого я здесь не знаю, а ты старый мой знакомый. Ходить по комнатам нет охоты. Займись сам и протолкни статью.

Гусев вынул из портфеля рукопись.

— Вот она. Если нужно там поправить, сократить, я не обижусь. На том и сидите.

— Ладно. Говорят, у вас дела на заводе идут великолепно.

— Да, не жалуются. Калитинский урок, брат, не прошел даром. Ты мне лично, Митя, своей статьей оказал большую услугу. Все собирался благодарить тебя.

Дмитрий смутился.

— Ну-с, живу вот... — продолжал Гусев. — Работы много, личной жизни нет. Как бы бобылем, так и остался. А ты как?

— Женат, — гордо сказал Дмитрий. — Недавно дочь родилась.

— А кто жена?

— Инженер-электрик.

— Вот случай. А я как-раз с ног сбился: нужен мне дозозезу начальник электроцеха, энергетик. Попроси ее зйти ко мне, а?

— С удовольствием.

— Ты подумай, Михаил Сергеевич, — обернулся вдруг Гусев к человеку, вошедшему с ним и молча сидевше-

му на диване. — Как нам повезло, а? Фу, чорт, да я вас не познакомил. Это — товарищ Литвиненко, наш начальник отдела кадров.

Литвиненко, — бледный рыжеватый блондин с глубоко запавшими темными глазами, — улыбаясь, подошел к столу. — Очень рад, — сказал он.

Дмитрий невольно вздрогнул, прикоснувшись к его влажной и холодной руке. «Как жаба» — неприятно подумал он. Литвиненко показался ему странным, особенно глаза его, тусклые, как у слепого.

— Вы близоруки? — неожиданно спросил Дмитрий.

— Да, — равнодушно отвечал Литвиненко. — Надо бы к врачу сходить.

— Ну, я пошел... — заторопился Гусев, взглянув на ручные часы. — Дел по горло. Сегодня два заседания. Двинули, Михаил Сергеевич?

Гусев встал.

— Ты бы зашел ко мне как-нибудь с женой, — сказал он. — Выпьем, поговорим.

— Я не пью.

— Все равно, заходи. Очень рад буду тебя видеть.

Они вышли. Дмитрий стоял неподвижно, устремив взгляд в дверь, как будто что-то пристально разглядывал. Вдруг он побежал к двери и крикнул:

— Иван Кузьмич, на минутку!

Гусев обернулся и, крикнув Литвиненко, чтобы тот подождал его в машине, подошел к Дмитрию.

— Иван Кузьмич, извините, пожалуйста, и не удивляйтесь моему вопросу. Вы давно знаете этого Литвиненко?

Гусев нахмурился.

— Нет, недавно, — подумав, ответил он. — А что?

— Да нет, ничего. Мне показалось... Он никогда не носил очков?

— Не знаю, — засмеялся Гусев.

★

Дмитрий зашел к Зайцеву:

— Александр Иванович, вы помните Гусева?

— Какого Гусева?

— Ну, директора Калитинского завода, про которого я писал, помните, в статье «Враги и их покровители».

— А-а, помню, помню.

— Ну, так вот он только-что был у меня, статью принес.

— А где он сейчас?

— Директор завода имени Ворошилова.

— Разве это тот Гусев?

— Тот самый.

— Значит, ты его напрасно ругал?

— Да нет, тогда его стоило ругать.

— Любопытно.

Зайцев пробежал глазами статью.

— Интересно. Как будто толково написано. Да что с тобой? Чего ты побледнел?

— Видите, тут какая-то чепуха произошла. Когда я в чем-нибудь сомневаюсь, мне хочется спросить у вас.

— В чем дело?

— Я не знаю, может быть, это просто глупость. Но с Гусевым вместе был некий Литвиненко — начальник отдела кадров. Мне он показался жутким, похожим на мертвеца. Это глупо, но дело в том, что атаман банды, которая убила моего брата Владимира, тоже был Литвиненко. Мне описывали его наружность. Тот носил дымчатые очки и волосы до плеч. Этот без очков и волосы у него коротко острижены, но все же...

Зайцев внимательно посмотрел на Дмитрия. История смерти Владимира Ордынского была ему хорошо знакома.

— Ты не волнуйся, Ордынский, — мягко сказал он. — Может быть, тебе это показалось?

— Наверное, показалось. Да и, потом, того звали Максимом, а этого Михайлом.

Зайцев усмехнулся и что-то записал в блокноте.

— Ты говорил, кажется, что Гусев был другом твоего брата.

— Да, они были друзья.

— В общем, ты не волнуйся, все это, очевидно, ерунда. Что касается статьи Гусева, то мы ее печатать не будем. Газета его нещадно ругала, читатель таких вещей никогда не забывает. Да и потом печатать его — значит брать на щит,

а это надо делать осторожно. Как ты думаешь?

— Да, пожалуй.

Когда Дмитрий вышел, Зайцев встал и закрыл дверь на ключ. Он подошел к столу и снял трубку кремлевского телефона.

★

Вернувшись на завод, Гусев быстро прошел с Литвиненко в кабинет.

— Мы сейчас совершили страшную глупость.

— Какую? — удивленно спросил Литвиненко.

— А такую, которая может стоить тебе головы, да и мне тоже. Мелочь, пустиак, но ведь именно на мелочах можно попасться.

— Да что такое?

— Ты знаешь, у кого мы сейчас были?

— У кого?

— У брата Владимира Ордынского. Литвиненко медленно опустился в кресло. Его губы дрожали:

— Позволь, но ведь он же никогда не видел меня?

— Не видел, не видел... — раздраженно бросил Гусев. — Знаешь, зачем он меня позвал?

— Да?

— Чтобы спросить, носил ли ты когда-нибудь очки и давно ли я тебя знаю.

— Что же делать?

— Не знаю, мне нужно посоветоваться. Может быть, уволить тебя, перебросить куда-нибудь, — не знаю, но имей в виду, дело очень серьезное. Копятов рассвирепеет.

Когда Литвиненко вышел, Гусев тщательно закрыл дверь, подошел к столу и снял трубку кремлевского телефона.

III

В комнате стало шумно. Гости, изрядно выпившие, говорили громко, мало слушая друг друга. Гусев завел патефон. Хохочущие и взвизгивающие инструменты шумно вздыхали, замирали, откашливались, потом вдруг оглушительно, с немислимой быстротой что-то

лопотали, дружно ахали и снова вздыхали и откашливались. Дмитрий слушал неврастеническую музыку с удивлением и беспокойством. Он не любил патефона. Нина прислушивалась с веселым любопытством. Польский коммунист с бритым актерским лицом слушал, презрительно усмехаясь.

Он очень мало говорил, этот важный гость. Звали его Яном Сигизмундовичем Гродзенским. Дмитрий заметил, что Гусев смотрит на Гродзенского почти подобострастно. В манере, с какой Гусев наливал Гродзенскому вино, придвигал закуску и обводил при этом беспокойным и в то же время довольным взглядом окружающих, — во всем этом чувствовалось, что Гродзенский — точно генерал на свадьбе, которым угощают гостей.

Другой гость с удовольствием прислушивался к звукам акробатической музыки, в такт слегка притоптывал ногой. Дмитрию казалось, что если бы никакой музыки не было, все равно этот человек веселился бы не меньше. Его голова покрыта редкими жирными волосами, которые он то слегка ерошил, то приглаживал ладонью. На большом носу — роговые очки с толстыми стеклами. Он смеялся, сверкая золотыми зубами. На нем был превосходный английский костюм, коричневый, с искрой, щегольские ботинки. Но все носило отпечаток неряшливости. Галстук повязан криво, воротничок не первой свежести, загнул одним краем кверху, костюм помят и даже засален. Ел он жадно, чавкая и всхлипывая. На подбородке висели крошки, и Дмитрию все хотелось сказать ему, чтобы он их смахнул.

Человек этот носил фамилию Ермак, хотя на самом деле он был Розенбергом. Ермак был заместителем редактора сельскохозяйственной газеты.

Рядом с ним сидела хорошенькая женщина с тем глубокомысленным выражением лица, которое всегда скрывает полное отсутствие мысли. Это, как Дмитрию успел шепнуть Гусев, не то четвертая, не то пятая жена Ермака.

В комнате была еще одна женщина. Дмитрий смотрел на нее с острым интересом. Женщина эта обладала удиви-

тельно подвижным лицом, казавшимся то обаятельным, то старообразным и некрасивым. Она молчала почти весь вечер. Звали ее Евгенией Аркадьевной.

Только-что выпили за здоровье Нины. Тост провозгласил Гусев. Нина работала на его заводе, и он говорил о ней с восторгом, который Дмитрию казался преувеличенным. Зато Нина слушала с нескрываемым удовольствием. Случайно Дмитрий уловил ее взгляд, брошенный на Гусева, и ему показалось, что она за что-то благодарит Гусева.

Ермак обвел всех смеющимся взглядом и сказал:

— Моя мятежная подруга жаждет танцев. Однажды некий танцор, увидев меня танцующим, едва не покончил самоубийством. Я дал ему клятву больше не танцовать.

Неожиданно поднялся и пошел танцевать с Евгенией Аркадьевной Гродзенский. Евгения Аркадьевна шла легко, полузакрыв глаза, положив левую руку на плечо Гродзенского и слегка откидываясь назад, отчего казалась особенно гибкой и стройной. Она слегка порозовела, и, когда открывала глаза, Дмитрий видел золотые искорки в ее синих глазах. Дмитрий любовался ею, испытывая странное волнение. Она изредка взглядывала на него, и Дмитрий чувствовал, что краснеет, но не мог оторвать от нее глаз. Внезапно Дмитрий почувствовал отвращение к Гродзенскому, к его лицу ксендза. С усилием Дмитрий оторвал глаза от этой пары и посмотрел на Гусева и Нину. Гусев танцевал с видимым удовольствием, изобретая какие-то па, приводившие в смятение Нину. Дмитрию показалось неприятным, что Гусев обнимает Нину и едва не касается лицом ее волос. Он отвернулся.

Патефон умолк. Евгения Аркадьевна как бы невзначай села рядом с Дмитрием и, закурив папиросу, сказала:

— А вы напрасно не танцуете, Дмитрий Николаевич.

Она обратилась к нему небрежно, как будто из простой вежливости, но ее взгляд сказал еще что-то, отчего Дмитрий снова покраснел. Ему вдруг захотелось говорить красиво и с блеском. Говорить для нее. Завязался легкий, ни-

чего не значащий разговор. Кто-то тронул его за плечо, он обернулся и увидел Нину, глядевшую на него с обидой.

— Ты совсем не смотришь на меня, — прошептала она.

Дмитрию показалась смешной ее маленькая ревность. Но ведь она только что танцевала с Гусевым. Она даже улыбалась ему. Пусть она теперь немножко помучается. Дмитрий продолжал разговор с Евгенией Аркадьевной.

Патефон снова играл. Ермак неутомимо танцевал, оглядывая всех, точно приглашая их в свидетели, какой тяжелый крест он несет по милости жены.

В углу стояли Гродзенский и Гусев. Они вполголоса о чем-то говорили. Гродзенский казался недовольным. Очевидно, то, что он говорил, было обидно Гусеву, но Гусев слушал с почтением, которое неприятно поразило Дмитрия. Нина потянула его за рукав.

— Пойдем домой, Димка, — тихо сказала она, и Дмитрий заметил, что Нина расстроена.

— Что с тобой, Ниночка? — спросил он.

— Домой хочу. Не нравится мне здесь. Пойдем!

Они встали, прощаясь, Дмитрий все время помнил, что ему не нужно смотреть на Евгению Аркадьевну, но в последний момент он не выдержал и, когда она протянула руку и сказала: «До свидания, Дмитрий Николаевич», поднял глаза. Она смотрела на него в упор.

По дороге Дмитрий спросил Нину:

— Тебе нравится Гусев?

— Очень — ответила она.

Придя домой, Дмитрий сел за стол. Нина ушла в другую комнату — к ребенку. Дмитрий с отвращением вспомнил о вечеринке. Зачем он пошел туда? Что общего у него с Гусевым? Почему ему все время кажется, что Гусев не тот, за кого он себя выдает? Какая-то непонятная связь существует между его негодной работой на калитинском заводе и безупречной работой здесь, в Москве. А, может быть, все это плод воображения? Ведь Гусев был другом покойного Володи. Впрочем, откуда это известно, что они были друзьями?

Дверь отворилась, и Нина громким шопотом позвала Дмитрия. Он обернулся и увидел ее счастливое лицо.

— Посмотри на Танюшку, — шепнула она. — Ты посмотри, Митя, какая она стала чудесная.

Каждый раз она говорила эти слова, ожидая, когда, наконец, он увидит и почувствует то, что с первого дня видела и чувствовала она сама.

В комнате был полумрак. Дмитрий подошел к кровати. Он точно впервые увидел свою дочь. Это было здоровое, розовощекое существо. И, когда Дмитрий увидал, как шевелятся во сне ее губки, он ощутил непреодолимое желание дотронуться до нее; и он дотронулся, осторожно и боязливо, и замер в необъяснимой радости, когда его рука ощутила теплоту живого тела.

Дмитрий глупо улыбнулся и обернулся к Нине, глядя на ее счастливое лицо. Она обняла его и зашептала всякий милый вздор. Вдруг он слегка оттолкнул ее.

— Скажи, чем тебя привлекает Гусев. Чем?

— Что с тобой?

— Ты отвечай, Нина. Мне не нравится, что ты любезничаешь с ним.

Нина побледнела и сжала рот:

— А мне не нравится, что ты любезничал с этой женщиной.

Дмитрий молча повернулся и вышел. Да, это, пожалуй, была первая их размолвка.

IV

— И давно это? — спросил Зайцев, пристально посмотрев на Нину.

— Месяц, не больше. Разве вы ничего не заметили?

— Заметить-то я заметил, но не придавал значения. В его возрасте такие перемены не могут вызвать особого удивления. — Зайцев снова внимательно посмотрел на Нину. — А вы мне все сказали? Вы действительно ничего не знаете?

— Понимаете, Александр Иванович, мне неловко говорить об этом. Я колебалась, вы сами видели. Вам может показаться это пустой бабьей ревностью.

Но... месяц назад мы были в гостях у Гусева.

Зайцев нахмурился, а Нина, совсем смешавшись, замолчала.

— Ну, что же вы? Продолжайте.

— И там встретили женщину. Очень красивую. У нее недобрая внешность. Но она действительно очень, очень красива. Странная женщина. Мне показало, что Дмитрий... что она... я сама не знаю...

— Значит — женщина... — задумчиво произнес он.

— Фактов у меня нет никаких. Я даже не знаю, виделся ли Дмитрий с ней после того вечера, но я чувствую всем своим существом, что это недобрая женщина. Я сумела бы понять, если бы он увлекся кем-нибудь. Не знаю, что со мной было бы, но это совсем другое. Вы простите меня, я навязываю вам свое горе, это, может быть, очень по-бабьи, но я...

— Полно вам, — мягко сказал Зайцев. — Я сделаю все, что можно. Дмитрий мне доверяет, он знает, что я люблю его. А вы успокойтесь. Как работается?

— Вообще, хорошо. Но вчера на заводе был скандал.

— А что такое?

— Да вот был у нас на заводе начальник отдела кадров Литвиненко.

— Был?

— Ну, да, был. Директору он показался политически сомнительным.

— Гусеву?

— Да, Гусеву. И Литвиненко уволили, сняли с работы. А на другой день все узнали, что Литвиненко застрелился.

— Что-о? — Зайцев встал, он не мог сдержать волнения. — Застрелился?

— Да. Вы его знали?

— Так, слышал кое-что о нем.

— Ну, вот. Литвиненко застрелился, а на Гусева все набросились, обвиняя его в том, что он уволил Литвиненко без достаточных оснований и толкнул этим его на самоубийство. Вчера было бурное партийное собрание, и Гусеву поставили на вид нечуткое отношение к людям и так далее. Он страшно расстроен.

Нина ушла. Зайцев позвонил.

— Попросите Ордынского, — сказал он секретарше.

Когда Дмитрий вошел, Зайцев быстро оглядел его. Дмитрий казался похудевшим. По тому, как он смотрел, по его беспокойным глазам Зайцев увидел, что Дмитрию плохо.

— Что с тобой делается, Ордынский?

Дмитрий открыл рот, собираясь что-то ответить, но сдержался.

— Так что же?

— Ничего. Все в порядке, — вяло и, очевидно, не думая, ответил Дмитрий.

— Напрасно ты думаешь, что я ничего не вижу и не знаю. Мне кажется, у тебя есть что рассказать мне.

— Потом как-нибудь, — грустно сказал Дмитрий. — Это очень личное дело, и я пока ничего не могу о нем сказать.

— Жаль. Я вовсе не хочу вторгаться в твою личную жизнь, но мне кажется, что это не только личное, — вернее, не только твое личное дело.

Дмитрий часто задышал, но ничего не сказал, только посмотрел на Зайцева с такой мольбой, что тот отвел глаза.

— Ну, что же... — сказал Зайцев. — Потом, так потом. Ты слышал о смерти Литвиненко?

— Слышал, — равнодушно отвечал Дмитрий.

— Тебе это не кажется странным?

— Не знаю, я как-то не думал об этом.

Дмитрий казался потерянным. Он ничего больше не сказал и, бросив недокурную папиросу на ковер, выбежал из кабинета.

Зайцев поднялся, подобрал папиросу и положил ее в пепельницу.

— Странно! — по привычке вслух подумал он.

Впрочем, что же тут было странного? В жизни двух людей образовалась трещина. Зайцев хорошо знает, что это значит. Недавно на районной партийной конференции он встретил Лелю. Она выступала по докладу секретаря райкома. В перерыве Зайцев подошел к ней.

— Здравствуй, Леля, — сказал он.

Леля обернулась, и Зайцев почувствовал, что она еле удержалась от крика.

— Здравствуй.

— Как поживаешь?

— А ты? — Она боялась смотреть ему в лицо.

— Я жду тебя, — тихо сказал Зайцев. — Леля, ты кажется, ошиблась. Подумай, Лелька.

Она ничего не ответила. Ну, что же она могла ему ответить? Он ошибся тогда, решив, что она ушла к другому. Нет, Леля просто ушла. Она жила одна, и он все еще надеялся. Но что же происходит с Дмитрием? Какая-то ерунда. Надо бы им все-таки заняться. Зайцев думал о нем с нежностью. Ну да, ведь они прочно связаны. Разумеется, он теперь уже отвечает за Дмитрия.

День был горячий, напряженный, и Зайцев, в конце-концов, забыл об Ордынском. Выпускался специальный номер, посвященный стройкам Урало-Кузбасса. Номер готовился давно, вот уже две недели вся редакция работала над ним. Но, как это часто бывало, материала набралось на два номера. Приходилось отбирать самое лучшее и ценное. И тут уж Зайцев вынужден был иметь дело с авторами. Они почти вламывались в кабинет, протестовали, жаловались, обижались. Сокольский сбился с ног, номер запаздывал, да, кроме того, он боялся, что его макеты будут разрушены. Если нехватало места, Зайцев безжалостно выбрасывал иллюстрации, а разве есть большее горе для секретаря редакции, чем неудачно оформленный номер газеты? И к протестующим прибавил свой голос всегда покорный Сокольский. Куда девались его кротость и добродушие? Он шел даже на то, чтобы опорочить чью-нибудь статью, лишь бы защитить иллюстрацию. Зайцев слушал его внимательно, и, когда уже Сокольскому казалось, что редактор уступает, Зайцев ласково и даже сокрушенно говорил:

— Ничего не поделаешь, — придется иллюстрации все-таки выкинуть. Дадим их в следующем номере.

Только поздно ночью улеглась горячка. Редакция опустела. Последним уехал Сокольский. Перед уходом заглянул к Зайцеву и напомнил ему:

— Только смотрите, не снимайте переполосного рисунка, иначе я повешусь.

— Ладно, ладно, — усмехнулся Зайцев. — Поезжайте спать, — на вас лица нет.

Над дверью вспыхнула белая лампочка. Дежурный помощник принес редактору полосу. Зайцев нагнулся над влажным листом. Теперь уже ничто не существовало, кроме газеты. Мир выключился. Зайцев приучил себя забывать обо всем, когда читал полосу. Главное, в конце-концов, было в этой полосе, которая завтра станет страницей газеты.

Во дворе шофер разогревал мотор. Машина точно дрожала от утреннего мороза. В это время во двор вбежал человек без шапки и пальто. Он бежал так, точно за ним гнались. Швейцар узнал его и, подивившись, смотрел ему вслед. Человек взбежал по лестнице, промчался по коридору и с шумом распахнул дверь.

Зайцев стоял уже в пальто. Он вздрогнул:

— Ордынский!

А Дмитрий почти упал в кресло. Он был так бледен, что Зайцев молча налил стакан воды и поставил его перед Дмитрием.

— Рассказывай!

VI

Разумеется, Зайцев должен понять его. Правда, это очень сложно, но только он может понять. У них с Ниной что-то разладилось. Началось все после вечера у Гусева. Там была женщина. Ее наружность трудно описать. Он бы не назвал ее красивой, но она полна обаяния, тянет к себе, не делая для этого никаких усилий.

Так и случилось, что он стал встречаться с ней. Они ходили на каток, она прекрасно катается, три-четыре раза были в театре, один раз в ресторане, несколько раз в кино. Она остроумна и

насмешлива. И он влюбился в нее. Во всяком случае, он не мог жить без нее. Вот как все это произошло.

Однажды Дмитрий провожал ее домой. Женщина шутила, он злился и говорил ей колкости. Он ничего так не ждал, как видеть ее и говорить с ней.

— Ну, вот мы и пришли, — неожиданно сказала она. — Жаль, что вы в таком состоянии, а то я пригласила бы вас к себе и угостила бы чашкой кофе.

Они стояли у подъезда серого дома в одном из тихих арбатских переулков. Дмитрий молчал. Евгения Аркадьевна, казалось, ждала ответа, не прощалась. И вдруг он почувствовал, что она хочет, чтобы он зашел к ней.

— Я буду пить кофе, — сказал Дмитрий.

— В таком случае, зайдем.

В квартире было две комнаты — спальня и столовая, похожая и на кабинет, и на гостиную. В углу — небольшой рояль, на письменном столе — немецкий радиоприемник (Дмитрий видел такой в одном из кабинетов наркомата), рядом с ним — небрежно брошенный фотоаппарат Лейтца последней модели. Посреди стола, в рамке, — портрет.

— Мой муж, — сказала она, заметив взгляд Дмитрия. — Он — начальник строительства. — И женщина назвала крупную стройку на Востоке.

Пили кофе с каким-то ароматным и крепким ликером. С высокого потолка спускалась лампа, затянутая голубоватым шелком. Евгения Аркадьевна о чем-то болтала и казалась милой, домашней женщиной.

— Вот видите, — она усмехнулась, — вы оттаяли; выпили кофе — и стали нормальным человеком. Хотите, послушаем музыку?

Она подошла к приемнику. Загремели голоса, говорившие на разных языках, послышался визг, приглушенное комариное пение морзянки, свист, скрежет. Евгения Аркадьевна повозилась у приемника, и вдруг, словно кто-то дунул, пропали голоса и в комнате ясно и чисто зазвучала музыка. Где-то на другом краю земли играли фокстрот.

— Как жаль, что вы не танцуете, — сказала она. — Хотите, поучу?

— Хочу... — сказал Дмитрий каким-то незнакомым голосом.

Он встал. Голова слегка кружилась. Со страхом он ждал, что она встанет рядом с ним и он должен будет ее обнять.

— Только не отдавите мне ноги. Ужасно боюсь. Какой вы неуклюжий! Смелее! Нельзя же даму так волочить. Прижмите крепче. Вот так, — говорила она.

— Что с вами? — снова откуда-то послышался голос, но Дмитрий уже ничего не слышал.

Она вырвалась и оттолкнула его. Он отступил и наткнулся на стол. Чашка с недопитым кофе упала на пол и разбилась.

— Однако, вы, кажется, с ума сошли...

Он поднял руку, точно обороняясь, сделал два шага к ней и почти упал на стоявший тут же диван. Потом, с ненавистью глядя на нее, заговорил:

— Кто вы такая? Иногда мне кажется, что я вас ненавижу.

Он опустил голову и замолчал. Она постояла минуту, потом подошла к нему и сказала:

— Успокойтесь, мальчик... — и провела рукой по его волосам.

Дмитрий пошел в переднюю, снял с вешалки пальто, шапку, открыл дверь. Она подошла к нему, на нее упал свет через открытую дверь.

— Приходите завтра вечером, пораньше, — неожиданно сказала она и хлопнула дверь.

Так началась эта игра. Дмитрий совсем потерял себя. Нина видела, что Дмитрий уходит от нее, и не могла понять причины, но из гордости не говорила об этом с ним и плакала втихомолку, жалуясь Танюшке.

Дмитрий каждый день ходил к Евгении Аркадьевне. Она встречала его с ласковой и слегка насмешливой улыбкой. Они подолгу разговаривали, и он с удивлением обнаружил, что она много знает, владеет языками. Она не хвастала своими знаниями и даже неохотно обнаруживала их. Однажды, как бы случайно, подошла к роялю и спела красивым голосом неаполитанскую пе-

сенку. Она любила спорт, свободно разбиралась в автомобильных марках. Тон ее разговора с Дмитрием был всегда насмешливым. Он чувствовал себя задетым и однажды решил взять реванш. Как-то, говоря об авиации, она сделала технически неграмотную обмолвку. Дмитрий бывал на авиационных заводах и с удовольствием вникал в сложную и увлекательную технику самолетостроения. Уязвленный ее насмешками и желая показать, что он знает неизмеримо больше нее, Дмитрий подробно рассказал ей о конструкции новых машин, о работе удивительно сложного оборудования и даже о мощности заводов, хотя сам эти цифры знал лишь по слухам и приблизительно.

— Довольно, довольно! — со смехом кричала она. — Лучше читайте стихи.

И Дмитрий, опираясь на спинку стула, читал стихи. Она смотрела на него с нежностью. Иногда она позволяла целовать себя. И все.

Как-то, придя к ней, он увидел высокого, щеголеватого человека с густыми черными усами.

— Приятель моего мужа — инженер Борхгардт, — представила она его Дмитрию.

Борхгардт внимательно смотрел на Дмитрия светлыми серыми глазами, казавшимися странными на лице брюнета.

Заговорили о строительстве, о надвигающейся войне. Борхгардт считал, что война будет тяжелой, и нельзя предсказать ее результат. Дмитрий доказывал, что страна достаточно сильна. Он ссылался на недавние маневры, подтверждавшие высокую боеспособность и вооруженность армии, говорил о строительстве военных заводов. Борхгардт усмехался, но не прерывал его. Вдруг лицо Борхгардта до странности показалось знакомым Дмитрию. Он прервал сам себя и сказал:

— Странно, мне вдруг показалось, что я вас где-то встречал. Вы меня не знаете?

— К сожалению, нет. — И Борхгардт действительно улыбнулся с сожалением. — Ну, что же, — возвращаясь к прерванной теме, сказал он, — пожи-

вем — увидим... Будем думать, что в случае войны поражение потерпят наши враги. Все мы этого желаем.

Евгения Аркадьевна заговорила о литературе:

— В Англии, говорят, вышла любопытная книжка о знаменитом разведчике полковнике Лоуренсе.

— Да, — сказал Борхгардт. — Это удивительно талантливый шпион и диверсант.

— Скорее диверсант, чем шпион, — сказал Дмитрий.

— Разница невелика, — усмехнулся Борхгардт. — Все-таки Лоуренс — замечательная личность.

— Занимательная!?! — воскликнул со смехом Дмитрий. — Иуда, Макиавелли, Игнатий Лойола — тоже занимательные личности, но от этого они не менее омерзительны. Каста шпионов — это подонки общества, люди, потерявшие человеческий облик.

— Однако, — перебил его Борхгардт, — бывают виртуозные шпионы. Вот, если хотите, я расскажу вам одну историю, которая, быть может, пригодится вам, как пищущему человеку.

Борхгардт посмотрел на Евгению Аркадьевну, точно испрашивая позволения.

— Расскажите, Генрих Карлович... — сказала она.

Дмитрий, видя, что Борхгардт не скоро уйдет, покорился и приготовился слушать.

— В 1921 году, — начал Борхгардт, — в одном соседнем с нами государстве готовились к отправке небольшой партии отечественных коммунистов в СССР в обмен на пленных офицеров. Неожиданно главарь охраны Эрманс, допрашивая одного из коммунистов, — назовем его Ткач, — убедился, что этот Ткач поразительно похож на него, Эрманса, а через три дня во всех газетах напечатано было сенсационное сообщение о том, что накануне в летнем саду коммунисты зверски убили прославленного государственного деятеля Эрманса. Состоялись пышные похороны, за гробом Эрманса шли — его престарелая мать, министры и даже глава правительства. Газеты целую неделю шумели

и требовали крови убийц. А тем временем Ткача, вместе с остальными коммунистами, переправили через границу. Ткач был довольно известным коммунистом, очень умным и знающим человеком. Его выдающиеся способности, острый ум, прекрасное знание политики и экономики соседнего государства создали ему превосходную репутацию. Прошло несколько лет. С той страной, из которой приехал Ткач, давно были установлены нормальные отношения, многое изменилось, началась пятилетка.

Совсем недавно в СССР прибыл очень крупный чин тайной полиции этой страны под видом дипломатического лица. Он был загримирован, переодет и, естественно, пребывал в уверенности, что его не узнали. Но, несмотря на то, что он был очень ловок, его выследили. Изумлению незримо присутствующих не было границ, когда однажды этот чин тайной полиции встретился, — с кем бы вы думали? — с Ткачом!

Об этой встрече было доложено, куда следует. Чин тайной полиции уехал в свою страну, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, а за Ткачом стали наблюдать. Однажды некий пакет не дошел по назначению. Тогда Ткача пригласили в некое учреждение. Остальное ясно. Ткач оказался Эрмансом. Хоронили в 1921 году убитого охранкой настоящего Ткача. А Эрманс пробрался под его личиной в СССР и все 10 лет регулярно пересылал шпионские сведения в тайную полицию дружественной державы.

— Нравится вам эта история? — смеясь, спросил Борхгардт. — Разве не талант?

— Д-да, талант, — задумчиво произнес Дмитрий. — Посмотреть хоть одним глазом на это чудовище. Подумать только, десять лет жить двойной жизнью, лгать, притворяться на каждом шагу, и во имя чего?

— Во имя спорта. Этот человек — просто спортсмен, любитель сильных ощущений, — заметил Борхгардт.

— Его, конечно, расстреляли?

— Наверняка. А чего он мог ожидать?

— Нет ничего гаже шпиона, и человек, о котором вы рассказываете, омерзитель. Таких спортсменов надо истреблять без сожаления, — горячо сказал Дмитрий.

— Мечтаю взглянуть на такого человека, — вздохнула Евгения Аркадьевна. — Не знаю, — продолжала она со смехом, — устояла бы я против такого демона-искусителя или нет?

— Однако, — Борхгардт посмотрел на часы, — мне пора.

Он ушел. Евгения Аркадьевна пошла его провожать. Она долго не возвращалась. Дмитрий слышал их голоса, смех и возглас: «Готов, готов!». Потом хлопнула дверь, и стало тихо. Дмитрий закрыл глаза. Он ждал ее прихода и старался услышать шаги. Но внезапно ее руки обняли его сзади.

— Мальчик, мой мальчик! — шептала она.

Она не отталкивала его, нет. Глаза ее стали туманными. Она что-то шептала, он не слушал. Тогда она вырвалась.

— Милый!.. Завтра!.. Завтра!..

Дмитрий ушел.

Всю ночь он бродил по городу, только под утро пришел домой.

Нина спала. Дмитрию стало жаль ее. Он вздохнул, сел за стол и так просидел до утра. Спать не хотелось. День тянулся невыносимо медленно. Он знал, что сегодня все кончится. Был момент, когда все хотелось рассказать Зайцеву, но нехватило духа. И тогда в кабинете, уже дойдя до двери, он вернулся к столу, хотел закричать, позвать на помощь, но... Он вышел из редакции.

... Вот и Арбат.

Дмитрий нырнул в переулок. Звонок. Она показывала ему какие-то стихи и целовала его в губы. У него кружилась голова. Он что-то писал, она смеялась.

— Мы — одни, — шептала она, — мы одни. Никто не придет, мой мальчик!

— Кто ты такая? — спрашивал он. — Я не знаю, кто ты такая. Чем ты дышишь?

— Углеродом.

— Я ненавижу тебя. Я могу тебя убить.

— Не убьешь. Ты любишь меня... Ты — мой...

— Все равно! — громко сказал кто-то, и Дмитрий проснулся. В соседней комнате кто-то разговаривал.

— Оги спит еще?

— Спит.

— Надо его разбудить. Пора.

Дмитрий встал и быстро оделся. Дверь распахнулась. Она вошла в спальню.

— Ты уже встал? Пойдем, милый.

В кресле сидел Борхгардт. Его фальшивые усы лежали на столе.

— Гродзенский! — воскликнул Дмитрий.

— Долго же вы угадывали меня... — усмехнулся Гродзенский и снял черный парик. — Извините за маскарад; я проверял вас.

— То-есть как проверяли?

— А так.

— Кто вы такой? — воскликнул Дмитрий.

— Я? — Гродзенский усмехнулся. — Сейчас я Гродзенский, когда-то был Эрмансом, кроме того, я — Ткач, Борхгардт.

— Вы — шпион! — закричал Дмитрий.

— И вы, — хладнокровно ответил Гродзенский, — и она.

— Мы все шпионы, — быстро сказала она.

— Ты врешь, мерзавец! Я — не шпион!

— Зачем вы кричите? Раз я говорю, что вы — шпион, значит, это так. Я вел игру — на вас. Она мне помогала. Неужели вам не ясно?

Дмитрий зашатался.

— Не волнуйся, мальчик! — насмешливо сказала она. — Все прошло, и все ясно.

— Я не шпион! — крикнул Дмитрий.

— Нет, шпион, — жестко сказал Гродзенский. — Вот ваша первая работа.

Он подал ему какую-то бумагу. Дмитрий взял ее машинально и пробежал глазами. Чем-то незнакомым почерком сжато и лаконично перечислялось все то, что Дмитрий говорил ей об авиационных заводах, о новых оборонных

предприятиях и еще о том, чего он и не говорил.

— Мы прибавили кое-какие факты, вам незнакомые, — сказал Гродзенский.

— Но это писал не я!

— А чья подпись?

Под донесением стояла его, Дмитрия Ордынского, подпись. Он бессмысленно посмотрел на Гродзенского, на нее и сел на стул.

— Стихи, — бормотал он, — стихи... Она показывала мне стихи.

— Ну, какие там стихи! Это, дорогой, проза чистой воды.

— Но ведь Эрманс расстрелян. Вы лжете, это — маскарад, шутство!

Гродзенский рассмеялся:

— Нет, пока еще не расстрелян. Конец моей истории я сочинил, чтобы не очень вас пугать. Это было бы слишком идеально, — выследить и поймать такого человека. Эрманс жив, он сидит перед вами. Он еще долго будет жить.

— Я заявлю в ГПУ, — быстро сказал Дмитрий.

— Не заявите. Вам никто не поверит. Вы теперь наш. Вы скомпрометированы и в наших руках. Впрочем, вам нечего отчаиваться. Впереди — интересная, увлекательная жизнь, наконец, она вас любит. Что вам надо еще? Деньги? Сколько угодно.

— Не поверят, — шептал Дмитрий, — не поверят. Так что же, я погиб?

— Успокойся, мой мальчик! — ласково сказала она и провела рукой по его волосам.

— Гадина! Дьявол! — закричал он. — Дьявол!

— Ну, ну, без истерики, — холодно сказал Гродзенский. — Давайте бумагу. — И он протянул руку.

— Врешь, поверят! Не отдам бумагу!

— Отдайте бумагу. Довольно паясничать!

Гродзенский встал. Дмитрий сжал в кулаке бумагу и вдруг, подавшись вперед, коротким ударом свалил Гродзенского, бросил кофейник в лампу. Раздался треск, в комнате наступила тьма. Дмитрий кинулся к двери, открыл ее и скатился по лестнице. Морозный ветер

свистел в его ушах. Он мчался по улице без пальто, без шапки, навстречу ему мелькнули и пропали огни автомобиля. Он бежал по пустынным ночным улицам. Где-то засвистел милиционер.

VI

Зайцев слушал молча. Дмитрий говорил, не глядя на него. Он все еще сжимал в руках бумагу и чувствовал, что каждое произнесенное слово снимает с него непосильную тяжесть. Зайцев внимательно смотрел на него, ничему не удивлялся, не прерывал рассказа и, когда Дмитрий кончил, взял бумагу, прочел ее и положил в карман.

— Я не буду читать тебе нравоучений, — сказал Зайцев. — Тебе и так все ясно. Думай сам и извлекай уроки.

Зайцев посмотрел на часы. Уже давно наступило утро. Разгорался день. Зайцев снял трубку, назвал номер. Дмитрий не прислушивался к разговору. Он думал о другом. Зайцев тронул его за плечо.

— Едем!..

В небольшом светлом кабинете сидел человек и внимательно слушал рассказ Дмитрия. Когда Дмитрий, заканчивая рассказ, упомянул о промчавшейся ему навстречу машине, человек этот усмехнулся.

— Нужно их арестовать, — волнуясь, сказал Дмитрий. — Они могут скрыться.

Собеседник снова усмехнулся:

— Ничего нового вы нам не сообщили, — сказал он свежим голосом. — Но рассказ ваш верен от начала до конца.

Собеседник нажал кнопку звонка и что-то сказал вошедшему. Тот вышел.

— Все хуdeerшь... — ласково сказал Зайцеву человек, сидящий за столом. — Когда ты наведешь у себя порядок? До сих пор еще газеты нет. Все опаздываете. — Потом он повернулся к Дмитрию и продолжал: — Я вас знаю, Ордынский. Вы не огорчайтесь. Это очень ловкие люди, и то, что вы не поддались им, делает вам честь. Остальное вы сами уже поняли. Никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах не болтайте.

Дверь отворилась, в комнату ввели Гродзенского и Евгению Аркадьевну. Человек, сидящий за столом, холодно и вежливо предложил им сесть.

— Вы — свободны, — сказал он Зайцеву и Дмитрию, встал и крепко пожал им руки. — Машина, которую вы встретили, — вполголоса сказал он Дмитрию, — ехала как-раз за этими спортсменами. Будьте здоровы!

Выходя, Дмитрий взглянул на арестованных. Гродзенский усмехался и казался спокойным. Женщина устало смотрела вперед.

— Первая редакция вашего рассказа оказалась правильной, — с ненавистью сказал Дмитрий, глядя на огромный синяк под глазом Гродзенского. — «Моя работа...» — с удовольствием подумал он, спускаясь по лестнице.

— Поедем ко мне, там уснешь... — предложил Зайцев.

Квартира его попрежнему была опрятна и чиста. Паркет натерт до блеска.

Зайцев повел его в спальню. Он открыл шкаф, чтобы достать чистое белье.

В шкафу висел новый темносиний мужской костюм. Дмитрий никогда не видал Зайцева в этом костюме. На левом лацкане пиджака был орден Красного Знамени.

— Орден? — удивленно воскликнул он. — Это ваш? Когда вы его получили?

— Это за Кронштадт. Я же говорил тебе.

Зайцев никогда не говорил об этом. Дмитрий хорошо это помнил, но промолчал.

— Я очень люблю вас, Зайцев. Почему я не могу быть с вами на «ты»?

— Не знаю, — усмехнулся Зайцев. — По глупости, наверное. Я давно тебе хотел сказать об этом.

Они молча пили чай.

— Помнишь, Дмитрий, — вдруг сказал Зайцев, — ты не хотел мне называть фамилии тех молодых, что запутывали тебя в клубе журналистов? Ты пыжился и говорил: «Это — донос, я не могу».

— Помню, — смущаясь, сказал Дмитрий.

— А сейчас ты назвал бы их?

— Назвал бы, — твердо сказал Дмитрий.

— Теперь ты понимаешь, что это — не донос. Там, где дело касается интересов коллектива, не может быть и речи о молчании. Человек, покрывающий врага, сам неизбежно становится врагом.

— Мне казалось, что я уже окреп, Зайцев. Я думал, хорошо вижу людей. И все же я провалился. Я же должен был разглядеть все раньше... а вел себя, как болван.

— Да, конечно, это — тяжелый промах. Если бы это случилось два года назад, ты бы, пожалуй, пропал.

— И с Ниной все кончено. Она не простит, да и сам я чувствую себя перед ней гадко. Что делать?

Резко зазвонил телефон.

— Я слушаю, — сказал Зайцев. — Кто? А-а! Здравствуй, старик. Уезжаешь? Куда? Ого! Ну, желаю тебе всех благ. Да, да. А что, у тебя все укомплектовано? Есть один человек. Да, да. Очень. Выдержит. Ну, приезжай, поговорим. Всего!

Зайцев обернулся к Дмитрию.

— Помнишь, я тебе предлагал поехать на Север?

— Помню.

— Ну, вот, слушай. Мой хороший, близкий друг едет начальником зимовки на два года. Он может взять тебя с собой. Я это могу устроить.

— В Арктику? На два года?

— Да, советую ехать. Там закончишь книгу, наберешься новых впечатлений, но, имей в виду, это очень тяжелое дело, не всякий выдержит.

— Я согласен.

— Подумай. Дело очень серьезное.

— Тут и думать нечего. Согласен. Я сам чувствовал, что мне нужна такая поездка. Но ты же знал, что я соглашусь, ты сам ему предложил, я слышал.

— Ну, вот и прекрасно. А теперь спать. Через два часа надо ехать в редакцию. Ложись на мою кровать, я здесь устроюсь.

Зайцев спал, чуть склонив голову. На черном шелке диванной подушки резко выделялось его бледное лицо. Раздался

легкий стук в дверь. Зайцев перевернулся на спину и вздохнул. Стук повторился. Зайцев сел, прислушиваясь. Да, стучат. Он не сразу открыл. В дверях стояла Елена Ивановна.

— Леля! — прошептал Зайцев и отступил вглубь комнаты.

— Я пришла, — сказала она, не глядя на него. — Ты не прогонишь меня? Я — на минутку.

— Входи!

Она вошла и прикрыла дверь. Все здесь близкое, родное... Она села на стул и повторила:

— Я — на минутку...

Потом встала и шагнула к нему.

— Шура, — проговорила она: — Шура, я люблю тебя.

Он обнял ее.

— Леля, родная! Ты все-таки пришла...

— Я люблю тебя. Я всегда любила тебя. Я не могу больше.

Она плакала.

— Ты пойми, пойми, — убеждала она его, хотя его не в чем было убеждать. Он слушал жадно, точно от ее слов зависла его жизнь. — Это была такая ошибка. Я никого не люблю, кроме тебя. Ты тогда сказал, что ждешь меня. Я еще не знала, примешь ли ты меня, но все-таки пришла.

Зайцев гладил ее волосы и думал о том, что, в конце-концов, и у него может быть личная жизнь. И во всем виноват он сам.

VII

Вот он и прощался с Москвой. Неожиданно подули теплые ветры, в столице наступила ранняя весна.

Все же Дмитрий немного грустил. Что встретит его здесь через два года? Нина? Говорят, к ней часто приходит Гусев. Они — друзья. Ну, что же, если это принесет ей счастье, он будет рад. Однако как скоро она была его.

Там, на Севере, их будет только семь человек. Все-таки это немного страшно. Вчера начальник зимовки рассказал Дмитрию о его обязанностях. Прежде всего, он — секретарь зимовки и бу-

дет вести дневник, затем — редактор стенной газеты, помощник радиста, заведующий собачьей упряжкой и, наконец, помощник начальника зимовки по административной части. Словом, Дмитрий понял, что на зимовке нужен человек, который мог бы делать все, вплоть до варки обеда.

Нет, он не будет скучать там, на зимовке. Они будут жить дружно и весело.

★

Вечером накануне отъезда Дмитрий зашел к Нине. Танюшка ложилась спать. Увидав отца, она завизжала и, вырвавшись из рук няни, зашлепала по полу босиком.

Потом Танюшка заснула. Она лежала, обняв другую Танюшку — куклу. Дмитрий смотрел на нее и тихо разговаривал с Ниной. Пусть Нина пишет ему почаще о Танюшке и о себе самой. Это не очень затруднит ее, не правда ли?

Нина что-то чертила на бумаге. Ка-

жется, она хотела что-то ему рассказать. Он ждал, но Нина только ответила на его вопрос. Конечно, она будет писать: ведь они друзья. Если ему что-нибудь понадобится, пусть напишет, она все сделает.

Голос ее дрожал. Дмитрий стал смотреть в другую сторону. Может быть, она тоже вспомнила о чем-то, очень хорошем, может, и ей было жалко счастья. По лицу Нины бежали слезы, она не вытирала их.

Дмитрий встал.

— Может быть, ты простишь меня, Ниночка? Нет? — Она молчала. — Ну, прощай, береги девочку. — Ему хотелось сказать что-то еще очень значительное. Подошел к кровати, долго смотрел на девочку, потом на цыпочках вышел.

За окном вспыхнули фары. Машина осторожно выбралась на улицу. Нина отдернула занавеску. Дмитрий смотрел в освещенное окно. Она взмахнула рукой.

Уехал...

(Окончание следует)

Слепой сидит на обочине тротуара и поет

ЭРИХ ВАЙНЕРТ

★

Я на войне утратил зренье
Под Шмэн де Дам!
Я видел звезды за мгновенье,
Вдруг гул раздался в отдаленьи,
То смерть стремглав летела к нам,
Подкралась смерть к моим глазам
Под Шмэн де Дам.

Я на войне утратил зренье.
Что ж, генерал!
За кайзера я отдал оба глаза.
С тех пор я не был сыт ни разу.
Осколок, что в груди застрял,
Вот ныне весь мой капитал...
О, генерал!..

Я на войне утратил зренье.
В стране чужой!
Ты всем обуза, бедный воин,
Ты и крохи хлеба недостоин.

Исчезни, музыкант слепой,
Наелся ты земли сырой
В стране чужой!

Я на войне утратил зренье.
О, жалкий сброд,
Глаза, войной украденные, ныне
Блестят брильянтами в витрине
И орденами у господ,
А тот их в слитки перельет.
О, жалкий сброд!

Я на войне утратил зренье.
Юнцы, смелей!
Слепому не прозреть и в день свободы,
Но знамя красное народа
Блеснет мне тысячью лучей,
Как первый свет в ночи моей.
Юнцы, смелей!

*Перевел с немецкого
В. БУГАЕВСКИЙ.*

★

Немецкая мать

ЭРИХ ВАЙНЕРТ

★

Они во вторник взяли паренька.
— Не плачь, — сказал он, руку ей
сжимая.

И, побледнев, не плакала, пока
Они ушли, — не плакала седая.

До полночи его ждала она,
Потом ее в полиции видали.
«В шесть взяли Ганса. Я теперь
одна».

«Ганс Фишер? Якобштрассе пять?
Не брали!»

Вбежала в полицейпрезидиум —
«Ганс Фишер? В списках нет совсем
такого».

«Такого нет?» Уже мутился ум.
Она дрожала. «Где искать мне
снова?».

Смеялись там: «Попался парень твой.
А, Темпельгоф ему посбавит прйти».
Она туда. У двери часовой.
«Ганс Фишер где? Он выпущен, —
скажите?»

«Не знаю, — много их у нас теперь»
Она дрожит: «Я мать его». — «Так
что же.

В полицию!» И заслоняет дверь.
«Я там была». И страшно ей до
дрожи.

Она стоит, растерянная, там,
Потом идет в полицию поспешно.
Уже светает. «Что угодно вам?
Ганс Фишер? Якобштрассе? Здесь,
конечно!»

И сразу слезы брызнули в ответ.
«Сейчас его увижу я наверно?».
Тот говорит ей: «К сожаленью, нет!
Скончался Ганс. И выглядит
прескверно».

И рот раскрыт. И замерли слова.
Ее выводят. На воротах флаги.
Ей холодно. Она идет едва.
Она дрожит, как лоскуток бумаги.

Есть матери! Сердца их коченеют,
Их тысячи у тысячей дверей.
Грянь, ураган, и горе их развей!
И щеки впалые порозовеют,
И выйдут легионы матерей,
Подняв знамена павших сыновей.

Перевел с немецкого
В. БУГАЕВСКИЙ.

★

Джон Шер и трое товарищей

ЭРИХ ВАЙНЕРТ

★

То ночью свершилось... В дремоте поник
Озябший лес... Вдруг гудит грузовик,
А в грузовике бок о бок сидят:
Тайной полиции сводный отряд,
Джон Шер и трое товарищей.

Шофер тормозит: «Хоть выколи глаз,
Ничего не видать...» — «Что случилось
у вас?»

А начальник: «Спокойнее, дело
пойдет...»

И знают отлично, что их ждет,
Джон Шер и трое товарищей.

У кого-то щелкнул уже револьвер.
«Пытаться бежать?» — спросил Джон
Шер.

Полицейские в хохот: «Ну-ка смелей,
Вон из машины и в лес быстреей,
Джон Шер и три товарища».

Джон Шер говорит: «Всегда было так.
И Либкнехта гнали убийцы сквозь
мрак...»

А начальник орет: «Гоните их прочь!»
И уводят в глухую бездонную ночь
Джона Шера и трех товарищей.

Заводят их в чащу — таков приказ,
И эхо гремит двенадцать раз...
Рассвет их в траве росистой застал,
Три пули каждый в затылок поймал —
Джон Шер и трое товарищей.

И опять грузовик гудит во тьме...
«Бежало четверо...» — пишут в тюрьме.
А начальник вносит в свою тетрадь:
«Расстреляны при попытке бежать
Джон Шер и трое товарищей».

Он спешит во дворец, чтоб с глазу на
глаз

Сообщить генералу, что отдан приказ
О том, что тот может спокойно уснуть:
— Сделано дело. Окончили путь —
Джон Шер и трое товарищей.

Сделано дело! Но будет, поверь!
Под прикладами рухнет тяжелая дверь.
Он спрыгнет с кровати... Штыки перед
ним...

— Пожалуйста с нами!.. О, мы
отомстим,
Джон Шер и трое товарищей!

Перевел с немецкого
В. БУГАЕВСКИЙ.

★

Три рассказа

М. ШОШИН

★

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

Пароходик мал, река неширока, берега ее извилисты. Она изощренно вьется, петляет по лугам, меж пологими, поросшими дубняком холмами.

К лоцманской рубке подходит сухонькая, древняя старушка.

— Батюшка, останови карапь, — молит она, — мой колхоз на пригорочке, мне тут рядышком... Вон к тому бы местечку, где голенький мальчик на копне сидит... Это мой правнук меня встречает.

Капитан дает тихий ход, «карапь», вмещающий сто двадцать человек, плавно подходит к берегу и прижимается кормой к скошенной луговине.

Юный лейтенант в новой, безукоризненно сшитой форме, помогает старухе сойти с парохода. Он ловко прыгивает на берег и протягивает вверх руки.

Старушка склоняется к нему, он, как ребенка, берет ее подмышки, снимает с кормы, несет несколько шагов и осторожно ставит на мягкий луг.

К старушке подходит мальчик, лет семи-восьми, в одних только черных трусиках. Он берет у бабушки туго набитую сумку и взваливает себе на плечо.

Пароход идет дальше.

Тишина. День, высокий, светлый. Воздух напоен ароматом смолянистого соснового бора.

Среди пассажиров особенно непоседлив бодрый, дочерна загорелый старик в голубой майке, холщевых штанах, в

тапочках на босу ногу, с фибровым чемоданом в руках. Он безбоязненно подставляет свою лысеющую голову под палящее солнце, живо интересуется всем. Узнав, что тут едут собиратели сказок, он с жалостливым укором говорит;

— Что же вы старуху-то упустили?! Ведь, ей без году девяносто. Вам бы надо следом за ней шагать.

С парохода он сходит на последних, верхних шлюзах. Дальше река несудоходна. Со всех сторон ее обступают леса. Деревень не видно. Мы идем лесной дорогой. Сладко пахнет малиной. С ягодников то-и-дело поднимаются тетеревиные выводки.

— Сторона наша раньше считалась глухой, — говорит старик, — теперь этого сказать нельзя. Мы живем полной жизнью, пользуемся всеми правами. Я, например, возвращаюсь из дома отдыха, отдохнул хорошо, буду работать еще лучше. От хорошего настроения могу вам и сказку рассказать. Слушайте! А придете в деревню, можете записать.

— «На море, на океане, — певуче и строго начинает он с обычного сказочного зачина, — на острове на Буяне, стоит бык печеный, возле его лук толченый... Шли тут молодцы, да позавтракали, дальше идут, усмеваются, силой своей похваляются, глядят на все, удивляются. Это называется присказка, сказка впереди. Вот идут они зимой, несутся на лыжах, и подбегают они к деревне

Деяновке... Жил в этой деревне мужик Крот — пониже середняка, повыше бедняка, сыт не был и с голоду не помирал. Встречаются они с ним в поле, а дело было перед весной, в сумерках. Молодцы его и спрашивают:

— Куда, дяденька, путь держишь?

— Вот вышел в поле подумать.

— А дома тебе разве нельзя думать?

— Дома с таким размышлением душно.

— Может, вопрос сильно велик?

— Вопрос мудреного заглавия. Хожу вот здесь больше часу — и все думаю. Вся наша Деяновка в колхоз взошла, один я остался и за это дали прозвище мне — последний единоличник.

— Что ж ты задержался?

— Стар я стал, привык работать в одиночку, характер у меня угрюмый, не артельный. Бывает, я целый день слова ни с кем не скажу, только разве на кого из семейных прикрикну. Горько мне станет, я в лес уйду, на охоту, сгину с глаз людских на несколько дней. В колхозе же всегда приходится вместе с народом быть, а я неуживчивый. Но жена мне покою не дает. Все выглядела, выжила, ей все там по душе, женщины в почете, на собрании сами вопросы решают, а главное — завидно на доход. Сосед в колхозе заработал, говорит, втрое больше тебя, вдова Матюшина на весь год хлеба получила. Все это, ясное дело, хорошо, но вот опасюсь я за свой характер.

— В колхозе переделаешься! Нешто ты не видишь, как люди там развиваются, растут, — уговаривают его ребята.

— Меня не разовьешь. Поздно.

— Ничего не поздно, а в самый раз. Мы в вашей деревне сегодня ночевать будем. Пойдем, угости нас чайком, мы там тебе подробно свое соображение расскажем и потолкуем, как, что и почему.

— Идемте, — отвечает им Крот, — хорошие вы ребята, веселые, только все исписаны... Куда путь-дорожку держите?

— А мы, дядь, культурная эстафета, на лыжах бежим докладывать, сколько народу за эту зиму читать-писать обучилось.

— А ну, трогайтесь, — я погляжу, прытко ли вы бегаєте. Хорошие вы ребята, веселые, радостные и почему-то все исписаны.

— А это, дядь, на нас лозунги.

Поговорили они с ним за чайком по душам, от чиста сердца, развеселили его, и он в тот же день насмелился — в колхоз вступил, а они утром встали спозаранку и побежали дальше, только их и видели. Вот работает Крот в колхозе, привыкает помаленьку, чувствует себя благоприятно, в зажиток входит и вроде как чудеса показывает. Мужик-то он нелюдим, малоречив, но не лентяй и до дела охочий. Встает он, скажем, работать севцом. Соседи жалкуют над ним:

— Ноги у тебя, старый, отымутся, норма-то, ведь, два га.

— Я еще в силах, буду стараться, может, молодых обставлю.

— Одного я прошу у вас, — говорит он бригадир, — не торопите меня и не дергайте, неторопом я больше свершу, ну, когда же я тороплюсь, то становлюсь совсем бестолковый — теряюсь и скоро устаю.

Берется он и неторопом сеет. Бродит и бродит по полю без остановки, как маятник. В первый день засеял четыре га, во второй четыре га, и так до самого окончания. Понимать надо — удвоил норму. После весеннего сева начинается вывозка навоза, подъем паров. Встал Крот навоз из хлебов на телеги наметывать, с ним еще два человека рядом встали.

— Вот что, дружки мои, колхозники, — сказал он им. — Как я постарался вас годами и порядком потер в жизни свой хребтюг, слушайте, что я скажу. Работать будем так: зря не толкаться, не торопиться, поддевать всем сразу большими ломтями, класть на то место, куда я крикну.

Благодаря этой плавной установке кротовское звено вышло на первое место.

Подняли пары. Наступил сенокос. Лето выдалось жаркое, зной огнем палил. И в ту пору случилась в колхозе беда. На овчарне падеж начался. Сошлись колхозники на собрание. Нашего зло-

счастливого чабана Проню ответ заставили держать.

— Мрут и мрут, — развел руками Проня. — А я почему знаю, отчего. Поезжайте за скотским доктором, он поученому все выяснит. Я техникумов не проходил, болезней не изучал, овец я пасу, не обижаю, сами мрут.

Некоторые заговорили, что ферма прибыла не прищосит и ее надо нарушить, но получили отпор и стихли, как маленькие.

Тут выступил наш неразговорчивый Крот, затронуло его, взяло за живое. Встал со скамейки и, не попросив слова, начал Проню отчитывать:

— Падеж получился от полного твоего, Прокофий, нерадения к делу. Овца — животное драгоценное: обувает, одевает и мясом кормит. Овца — животное прибереговатое, его надо приберегать, следить за ним в оба глаза, а ты пасешь безо всякого соображенья, гоняешь в зной по молодому лиственнику, а там овцу поражает овечий овод, выгоняешь стадо по холодной росе...

— Возьмись сам, коль ты такой специалист, — обиделся Проня.

— А что ж... доверит мне народ, — возьмусь. Я это дело знаю, как свою жену. Я, брат, с девяти лет до самой кненьтыбы пастушил.

Собранные за это и ухватилось, назначило Крота чабаном.

— Что — напросился? — смеется Проня. — Достанется тебе на орехи. Глупее овцы нет скотины. Утку никогда не накормишь, овец в стаде не сосчитаешь.

— Что до того, что напросился, — в этом стыда нет, я хочу колхозу хорошего, а овца — животное по-своему способное, только его надо понимать.

Прошел год, другой, ферма преобразилась. Романовская овца плодовита, и приплод на ферме исчислялся по три ягненка на овцематку, каждая овца с приплодом давала по три с половиной килограмма шерсти. Ферма приносила колхозу богатство, и о ней стали заботиться все колхозники, не только один чабан. Крот теперь стал не Крот, а перерожденный человек, настоящий колхозник Семен Андреевич Кротов. Кол-

хозную жизнь он полюбил всем сердцем, работал все лучше и больше, а силы у него все прибавлялось и прибавлялось. В один распрекрасный день вызывают его партия и правительство в Москву на съезд передовых животноводов и награждают орденом за примерную работу. Вот какой почести простой овечий пастух удостоился. А лыжников он много раз вспоминал: замечательные, говорит, ребята, молодец к молодцу, очень жизнерадостные и разумом светлые. Каждую зиму перед весной в поле встречать их выходил. Верилось ему, что опять придут. Хотелось в гости их к себе позвать, поблагодарить от всей души, показать, как знаменито теперь живет. Но не дождался он своих гостей, нет, так больше никогда и не пробегали мимо Деяновки эти хорошие ребята.

Видел на съезде Семен Андреевич великого Сталина, много говорил с мастерами животноводства других краев и областей, осмотрел красную столицу. Когда же его пригласили к товарищу Калинину получать орден, увидел он в приемной одного военного, знакомого лицом. Командир подходит к нему и говорит:

— Мне кажется, что я вас где-то встречал?!

— И мне кажется, что я, надо быть, где-то вас видел.

Сели они рядком и стали вспоминать. Командир молодой, память свежая, он скорее на правильный путь попал:

— Вы, говорит, откуда?

— Из Деяновки.

— Деяновка... Деяновка... А-а, вспомнил! Помнишь, мы вашей деревней на лыжах пробегали и, кажется, вам в колхоз советовали вступить.

— Вот оно самое и есть, — обрадовался Кротов, — огромное вам спасибо. Я тогда вступил, живу теперь хорошо, сегодня буду орден получать за хорошую работу на овчарне. А вы?

— А я теперь служу на границе, — отвечает командир, — награжден за подвиг.

На другой день он зашел к Семену Андреевичу в гостиницу поговорить о родных краях. Дело было зимнее, очень холодное, и пришел он в дубленом по-

лушубке до колен. Кротов, как овцевод, заинтересовался, какая овчина, какой овцы, не тяжела ли шуба, тепло ли согревает.

— Морозы у нас там бывают очень сильные, — говорит командир, — но ничего, шуба греет отлично.

— Овчинка-то нашей, романовской, овцы, — любитесь Кротов, — мы ее воспитываем, в том числе и я, и мне очень отраднo, товарищ командир, что и мои овчинки нашу непобедимую, любимую согревают.

Поговорили они всласть о родном крае, о колхозах, командир пожал Кротову руку, отдал честь и пошел, красивый, статный такой молодец... ну, здесь и сказке конец».

— Таких сказок у нас наберется много, — сказал старик после недолгого молчания, — а старые мы уже забывать стали. Вот старуху вы зря упустили. Вам бы надо следом за ней. Она, поди, старинки-то много помнит.

К вечеру лес поредел, дорога вышла на поля, показалась небольшая деревня. Солнце опускалось за леса, обливая розовым светом тихую лесную окрестность.

Из перелеска к деревне двигалось серой тучей большое овечье стадо. Кол-

хозники возвращались с полей, радушно приветствовали старика, спрашивали, хорошо ли отдохнул.

— Очень хорошо, — говорил он всем, — было там весело, кормили хорошо, без мала на четыре кило прибыл.

Первым делом старик зашел на овчарню узнать, все ли там благополучно, потом двинулся домой.

— Вот располагайтесь тут удобнее, — у меня просторно, живу я только со своей старушкой. Дети мои, пять человек, все уже поднялись на крыло: кто агроном, кто командир, кто партийный работник... Бывает, приезжают сюда отдохнуть, сходить со мной на охоту.

— Звать-то вас — Семен Андреевич? — спросили мы.

— Точно...

— Вы здесь овчарней заведуете?

— И это правильно.

Он отпер свой дорожный чемодан. В нем был черного сукна костюм, пара белья, запасная майка, грудка ракушек и цветных камушков.

Семен Андреевич отряхнул костюм и бережно повесил его на стенку.

На отвороте пиджака в косых лучах закатного солнца загорелся орден.

★

ПЧЕЛКА

Председателем колхоза у нас работает Леонид Емельянович Кокошников. Ему двадцать четыре года. Он — комсомолец. Высокий, широкоплечий парнище. Все Кокошниковы на отличку рослый народ, а он выше всех. В поле за километр увидишь — председатель идет. Малые ребята иногда увяжутся за ним с насмешкой:

— Дядя Леня, достань воробушка, — он ухватит какого-нибудь мальчика из насмешников, усадит к себе на плечо и пойдет с ним по улице, и скажет:

— Доставай сам, мне некогда.

Утром он первым делом зайдет ко мне, просмотрит счета, поговорит о предстоящих расходах, одни одобрит, другие оставит, — любит он в денежных делах порядок. Счетное дело вести

с ним хорошо, ну, правда, достается порядком, работать много приходится.

От меня он отправляется по фермам, по полям. Внушительный, мужественный, ходит он медленно и как-то тяжело, с колхозниками разговаривает коротко и будто невзначай. Остановит кого-нибудь, посмотрит долгим взглядом и спросит:

— Сделал ли?

— Понимаешь...

— Надо сделать. Вечером опять спросу.

И не забудет, спросит. Память у него изумительная.

Немногословный, охочий до дела парень. Работает он ровно, без толчков и прорывов. Колхозники его любят за постоянство, заботливость и пылкое благородство юности.

В иные дни он совершенно преображается, в правление приходит беспокойный и великолепный, в шелковой бледнозеленой рубашке.

В такие дни мы уже так и знаем — сегодня районный пчеловод придет. У нас в колхозе большая пасека, она считается в районе примерной, к нам ходят из других колхозов глядеть на постановку дела. Надо честь отдать — районный пчеловод помогает. Нынче она, то-есть пчеловод, провела у нас вывозку ульев на клевера, на посевы лугопастбищных трав, что улучшило опыление.

Сегодня Леонид явился с утра нарядный, чисто выбритый и заметно волнуясь, поглядывая в окно.

Она приехала на велосипеде. Ездилла она всегда полевыми дорожками и тропками, ездилла медленно, чтобы не вспотеть. Пчела не любит запаха пота.

Представьте себе небольшую, кругленькую блондинку. Лицо загорелое, нежно-шоколадного цвета, пышные белокурые волосы. Глаза у этой девушки ясные, чистые, откровенные. Родом она из деревни Матрохино, нашего района. Отец ее имел с пяток ульев на своем огороде. Дочурка так пристрастилась к пчелам, что решила стать ученым пчеловодом. Окончив семилетку, она разыскала пчеловодный техникум где-то на Юге и укатила туда учиться. Через четыре года вернулась на родину и стала районным пчеловодом.

В нашем колхозе относились к ней с приветливым поклонением.

— Пчела ее очень любит, — сказал как-то в правлении пасечник.

— Ее любит не только пчела, — неожиданно вырвалось тогда у председателя.

В глаза мы ее величали почтительно Натальей Ивановной, а между собой звали Пчелкой. Моя мать, бойкая, острая на язык старушка, не раз говорила: — Невелика репка, а сильно крепка. Ну, и Пчелка... Летаёт, жужжит, сердце радуется... Таких до гроба любят. Будь я парнем, не упустила бы я эту невесту. Я делал вид, что не понимаю ее, но молчал.

Сколько раз я старался заинтересовать Пчелку собой. Прочитал целую кучу брошюр по пчеловодству, толкался

на пасеке, чтобы показаться ей человеком родственных интересов и увлечений, писал стихи, — ничто не тронуло ее. Ничем я не мог вызвать в ней ни печали, ни восторга, ни волнения... Тут уж ясно — надеяться не на что.

Она приехала сегодня после полудня. Неторопливо и тихо вошла в правление, равнодушно кивнула мне и присела на диван... Леонид зарумянился, глаза его посветлели. Разговаривая с ней, он без всякой надобности листал бумаги, откладывал их в сторону и вновь брался за них, и вновь листал. Пришли председатель ревизионной комиссии Леванов и пасечник Комарьков.

Оказалось, что Наталья Ивановна приехала на пасеку снимать рекордный взятки. Его должны видеть — председатель колхоза, председатель ревизионной комиссии и она, районный пчеловод. Они ушли. В правлении стало тихо и тоскливо. Я смотрю в окно. Впереди идет Пчелка с пасечником. За ними в некотором отдалении — Леонид, празднично одетый, высокий, прекрасно сложенный, цветущий великан. Рядом с ним ковыляет коренастый Никита Леванов. Вместо правой ноги у него деревяшка, он закидывает ее, описывая полукруг. За ним текут струйки пыли. Я смотрю на Пчелку. Она, всегда верная себе, идет плавно, неторопно, изредка кивает встречным своей маленькой гордой головой.

Вскоре они скрываются за селом, в молодом саду, где находится пасека.

Я щелкаю на счетах, вписываю в книги цифры и часто взглядываю в окно. Жду их возвращения. Мне хочется увидеть Пчелку. Зачем? Ничего я от нее не требую, ничего не жду, мне просто хочется еще раз поглядеть на нее. Но так я и не дождался. Никто из них не зашел в правление. Все они исчезли куда-то.

После обеда я опять уже был в правлении, работал, — колхозная копеечка, знаете, любит счет.

Сажу, щелкаю, вписываю... Солнце склоняется к закату. Дневной зной спадает. В такое время дня дело здорово спорится. Заявляется ко мне Емельян Кокосников, отец председателя, пере-

дает мне распоряжение сына относительно завтрашних денежных операций. Я тревожно спрашиваю:

— Леонид где?

— Проруха с ним вышла, — с досадой машет рукой старик. — Пчеловодка завела его сегодня на пасеку медовый рекорд подписывать, и вдруг пчелы тучей надели на моего Леонида и так искусили, так изжалили его, что парень распух весь... Сейчас я от него из больницы иду. Лежит гора-горой. Вот до чего... Подхожу к саду — пчеловодка бредет, велосипед за рожки катит. Остановила меня, беспокоится:

— Не могу понять, отчего пчелы на него освирепели!

— Я тоже, — говорю, — никак не пойму.

— Может, он потный был? — задумчиво спрашивает меня.

— С чего ему потному быть, — отвечаю, — его работа умственная...

— Может, в нетрезвом состоянии? Пчелы не любят винный дух...

— Поклянусь за своего парня — не выпивает. Привычки он, — говорю, — к горькому еще не возымел, а может, и совсем никогда не будет закладывать.

Дернула плечиком, приладилась на велосипед садиться и говорит:

— Тогда я ничего не понимаю.

На другой день она незаметно, неслышно опять появилась в правлении. Отодвинул я счета, потянулся за табакком — очередная передышка. Вскинул глаза — она сидит на диване.

— Привет! Вы к председателю? Он в больнице.

— Я прекрасно знаю.

Тогда зачем же, думаю, она сюда... Может, ко мне?! Кто знает девичью душу? В приливе внезапного оживления и веселости я встал, подсел к ней и в те минуты сам себя не узнал бы. Я шутил, смеялся, откровенничал, пышно излагал свои переживания и вскоре остыл, застыв, что надоед ей.

— Зачем вы сюда пришли? — неожиданно строго и резко спросил я ее.

— Не знаю... Мне приятно посидеть на этом месте.

Ленька, чорт долговязый, как я завижусь тебе!

Мне вспомнились слова матери-старушки относительно «не упустил бы».

Представим несбыточное — она стала моей женой. Она живет с нелюбимым человеком, она страдает, она несчастна... Какая это нелепица! Нет, наша Пчелка должна быть всегда счастливой. И я решил сделать ее счастливой. Я не нуждаюсь в любви из жалости, милости и снисхождения. Где-то есть девушка, которая всем сердцем полюбит и меня. Я повернулся к Наташе и говорю:

— Хотите, я вам скажу, отчего Ленку пчелы истерзали?

Она сразу оживилась, встрянула, даже руку мне на плечо положила:

— Скажите!

— Скажу. Он не в меня, он несмелый, любит вас безмерно и не смеет об этом сказать... Каждый раз к вашему приезду он готовится, как к празднику: бреется, одевается во все лучшее, обливается тройным одеколоном, а в одеколоне спирт, а пчелы не любят запаха спирта... Понимаете? Да, он любит вас.

Она встала и, скрывая радостное волнение, молча вышла из правления. Я видел в окно, как она, изменив своей привычке, поспешно вскочила на велосипед и стремительно помчалась за село, в больницу. Там они, видно, объяснились до конца. Через три дня Леонид являлся на работу, подходит ко мне, крепко жмет руку и довольно ухмыляется.

— Я на тебя не сержусь, — басовито бормочет он, — ты парень большого сердца... Это теперь ясно...

Проходит день, другой. Слышно по стороне, что они решили пожениться, вот-вот будет свадьба.

Леонид молчит, на свадьбу меня не приглашает. И я молчу. Отношения у нас на официальной ноте, работаете мне безрадостно. Я начинаю сердиться и думать о нем презрительно: «Боишься, считаешь меня соперником. Плохо, видно, оценил ты меня».

Но все это оказалось не так. Я удостоился особого приглашения. Приходит ко мне Пчелка и сама приглашает на свадьбу.

Потом говорит:

— Вы, наверное, на меня в обиде, но, ведь, сердцу не прикажешь.

Свадьба Леонида и Пчелки была веселой и многолюдной. Наташа рядом с крупным, плечистым Леонидом казалась еще более изящной и красивой. Она коротко кивнула мне светловолосой головкой и прижалась к Леониду. Глаза ее сияли счастьем.

Отец Леонида произнес речь.

— Мы, бывало, женились — горькое... — заговорил Емельян Кокошников. — У соседа я брал пиджак и рубашку под венец с'ездить... На другой день сосед приходит спозаранку — давай, говорит, одеvu-то! Перед молодой женой до чего ж стыдно мне было... А теперь сын мой в шелку в будний день

ходит, пригоршней духи на себя поливает...

Леонид сконфуженно опустил голову, а Наташа залилась смехом. И гости рассмеялись, чокнулись, и начался свадебный пир.

В течение всего гулянья Пчелка ни разу не остановила на мне взгляда, она была счастлива. Я того и добивался. Славная Пчелка, ты права! Какая неволя в наше прекрасное время приказывать сердцу любить того, к кому не тянется душа. Нет этой неволи, и в том наше молодое счастье.

Счастливых дней, Пчелка! Я не в обиде. Где-то есть девушка... Я найду ее!

★

СЕСТРЫ

Настасья Васильевна, председатель Гриневского колхоза, возвращалась из города.

Дорога шла мимо огородов, скрывалась в сосновом бору, ныряла в глухой приречный дол и выходила, наконец, в широкое поле. Ветер с присвистом проносился с одного конца поля в другой, дорога курилась поземкой.

У поворотка на село Сердечное Настасья Васильевна заметила впереди стройную женскую фигуру. Она окинула ее придирчивым взглядом заботливой матери и недовольно поджала губы: женщина была в галошах, в короткой меховой куртке, малиновый берет зябко свинут на ухо с подветренной стороны. «До костей прозябнет, — подумала Настасья Васильевна, — поле — это ведь не городская улица, ветер здесь вольно гуляет. Надо ее подвезти» — решила она и, поровнявшись с девушкой, остановила лошадь:

— Далеко ли?

— В Сердечное.

— Садись, подвезу.

Девушка обрадованно прыгнула в сани. Настасья Васильевна укутала ноги девушки меховой полостью, потом сняла с себя полшалок и велела ей повязаться.

— Ничего, ничего, — говорила она, — грейся, на мне еще платок да шаль остались. Чья ты будешь? Да, да, по раз-

говору слышать, что московская. Мы здесь окаем, а у тебя слова-то вылетают как-то скорехонько. Зачем в Сердечное-то?

— Сестру разыскиваю. Сказывали, что она там... К сестре!

— Нешто давно не видались?

— Давно. Лет пятнадцать.

И девушка рассказала, что матери она не помнит. Говорили, что она умерла после родов. За сестренкой ухаживала старая бабка, выкармливала ее сладким чаем и соской из черного хлеба.

— Без матери, без грудного молока девочка росла худосочной, была очень беспокойной, плакала день и ночь. Отец изредка приносил восьмушки хлеба. А чаще — помидоры, и они до того надоели, что на них смотреть не хотелось. Вот помидоры помнятся хорошо. Это, значит, тогда была осень. Однажды отец пришел домой задумчивый. «Собирайтесь, — глухо проговорил он, — в детдом вас сведу. — И чтобы развеселить детей, добавил с напускной веселостью. — Городом пойдем. Пешком».

Мне, голодной, еле державшейся на ногах, как сквозь полусон, послышалось: с песком! «Там хлеба с песком дадут» — подумала я, а мне тогда больше всего на свете хотелось хлеба с песком, — этим лакомством по ночам бредила я, и тут же собралась и заторопила отца.

Помню тихие улицы, наглухо запертые лавки и магазины. Теперь-то я знаю, что был тогда восемнадцатый год. Отец шел впереди, а мы тащились за ним, как две крохотные тени. В детдоме хлеба с песком не дали. Я повесила нос и потянула за полу отца к выходу. Но через полчаса действительность превзошла все мои мечтания. Нас накормили горячим обедом, и мне стало весело. «Здесь хорошо жить» — подумала я и решила остаться тут навсегда. Отец с нами провел в детдоме целый день. Все ласкал нас, глядел и, кажется, не мог наглядеться. Видимо, очень больно ему было с нами расставаться.

Мы не понимали его грусти, были малы, беззаботны, да к тому же здесь было хорошо: музыка, книжки, игрушки, много сверстниц и пища такая хорошая, какой никогда не бывало дома.

Перед сном отец расцеловал нас и собрался уходить.

«Ну, девчурки, — сказал отец, — до свиданья, на фронт еду. Вернусь домой, тогда будем жить хорошо. Замечательно будем жить. За счастьем еду, крошки мои...—Потом обернулся к воспитательнице: — Прошу вас, описывайте мне, как здесь девочки Стасовы будут жить».

На другой день он, как это я много позже узнала, уехал с отрядом Михаила Васильевича Фрунзе на фронт.

Девушка смолкла. Лошадь шла шагом. Настасья Васильевна сняла варежку и пальцем вытерла морщинку на щеке, в которую заползла слеза. Потом она подобрала вожжи и прикрикнула на жеребчика:

— Н-но, заслушался..

... Гремела война, а на тихой окраине большого текстильного города, в светлом, просторном детдоме шла тихая безоблачная жизнь. Дети учились, пели, играли, в определенные часы садились за стол, ложились спать. Дочки Алексея Стасова пристрастились к музыке и с ликованием взбирались на высокий стульчик к рялю.

С фронта изредка приходили письма.

«Хочется повидать своих дочурок, — писал отец, — как-то они живут? Постарайтесь ответить. Вот скоро кончим

войну, тогда свидимся и заживем мирно и ладно».

Гражданская война кончилась, задымили трубы фабрик, ожили и зашумели корпуса, а отец не возвращался. Однажды к детскому дому подехали двое военных верхами. Они поднялись в дом и попросили устроить им свидание с детьми Алексея Стасова. Воспитательница привела их в отдельную комнату и сказала:

— Вот к вам гости приехали.

Они разложили перед девочками гостинцы: изюм, яблоки, колбасу, белый хлеб, просили кушать. Потом осторожно рассказали, что отец убит на фронте и похоронен в большом, красивом городе. Похоронен с почестями: с музыкой, с почетным воинским эскортом.

— Сестренка была мала, ничего не понимала и беззаботно кушала изюм, а я сидела, не притрагиваясь к гостинцам, и, как большая, плакала навзрыд, — вспоминала девушка.

Настасья Васильевна слушала безмолвно и чувствовала, как опять теплая слеза наполняет морщинку под глазом.

— Тут вспомнилось мне наше семейное путешествие через весь город и слова отца, сказанные на прощанье: «Вернусь, замечательно жить будем. За счастьем еду, дочурки». И вот не вернулся. Военные успокоили меня и ушли. Я подбежала к окну. Мне жалко было с ними расставаться, я в каждом из них видела частицу отца. Вот они поднялись в седла, тронули лошадей, подковы зацокали сначала редко, потом все чаще и чаще. Я прыгнула на подоконник и закричала «прощайте», голова у меня закружилась — вот-вот упаду, но меня подхватили в эту минуту и унесли в кровать.

В детдом прибывали все новые и новые дети, родители у которых погибли. Стало тесно. В детдоме часто появлялись незнакомые нам люди, они присматривались к детям и увозили с собой. Моя сестренка понравилась каким-то двум деревенским старикам. Они соблазнили ее тем, что у нее будет своя королева, овечка, курочка и петушок, она с радостью согласилась ехать к ним. Я взяла с них слово — немедленно привезти обратно, если ей не полюбится у них.

— Ручаюсь, что полюбится, — сказал старик, — а ежели нет, закладую лошадь и везу в обратну.

Сестренка уехала и не вернулась. Она привыкла и полюбила стариков, как отца и мать. Я жила в детдоме, кончила среднюю школу, потом работала, а теперь опять учусь. Весной кончаю институт. Работать поеду далеко-далеко — на Север. Это уже решено... И вот нынче нестерпимо захотелось разыскать сестренку, повидать, а то ведь думаю, так всю жизнь и не увидишь ее. Воспользовалась каникулами и вот — путешествую. Ездил в ту деревню, где она жила. Старики умерли... Катя, говорят, уехала года три тому назад на курсы животноводов и в колхоз не вернулась. Пришлось ехать в районный город. Там знают ее. Сказали, что после курсов послали Катю в Сердечное на укрепление фермы. Там она и работает.

— Вот как выходит, — подхватила разговор Настасья Васильевна, — ведь наш-то колхоз в соседях. Вот сейчас будет Сердечное, а в двух километрах от него Гринево. Ведь я твою-то сестричку хорошо знаю. Ну, как же, как же Катю-то Стасову да не знать! Славный животновод... У ней на-кругло выходит по три тысячи литров молока от каждой коровы. За год она заработала 867 трудней. Что хлеба, картошки, денег! Да еще ее премировали. Парни-то как увииваются за ней, а она еще не идет, считает, что рано, выйду, говорит, за самого хорошего человека, когда полюблю до забвенья. Да, да... А что ей?! Девушка она хорошая, умная, работница замечательная. Кого она полюбит, тот будет счастливый человек. Колхозница она у нас известная. Одна из ее коров на всеююзную выставку отправляется...

Приехали в Сердечное... Настасья Васильевна потянула за одну вожжу, свернула в переулок.

— Вот здесь она живет, — указала Настасья Васильевна. — Я озябла, пойду с тобой погреюсь. Подожди меня, в один хлоп войдем, чтобы комнату не студить.

Председательница привязала коня и двинулась впереди девушки, указывая

ей дорогу. Она могла доехать до Гринева без остановки, озноба не чувствовала, ее просто разбирало любопытство, хотелось видеть встречу сестер, полюбиться на них.

В теплой, чистенькой комнатке сидела девушка в легком цветном платье с широкими рукавами до локтей. Вытянув ноги в белоснежных валенках из тонкой шерсти и откинувшись на спинку стула, она увлеченно и быстро вязала что-то на спицах.

— Вот мы ее и нашли, — сказала Настасья Васильевна.

— Катя, — сказала приезжая взволнованным, срывающимся голосом, — узнаешь ли меня?

Девушка всматривалась и молчала.

— Не узнаешь? — с отчаянием сказала городская, порываясь к сестре. — Вспомни-ка детский дом... Сестренка-то старшая у тебя была... Ну, вспомни же... Это я... твоя сестра.

Спицы с вязаньем упали на пол, Катя поднялась и одним порывом кинулась на шею сестре. Две толстые белокурые косы качнулись и обвили стройный стан девушки.

— Верочка!.. Откуда ты взялась! Дай я тебя раздену. Озябла? Сейчас чай пить будем, отогреться.

— Да подожди ты! — Вера ухватила ее за плечи, держала перед собой, восторженно глядя в лицо сестры. — Какая ты прелесть... Сушня Аленушка.

— Совсем я старая стала, — заговорила Настасья Васильевна, — за этот час третий раз глаза взмокли. От чужой радости... Да и не чужая это радость-то. Наша радость! Вот оно, счастье-то, за которое ваш отец на фронте бился. Не зря он кровь свою пролил. Советская страна вас вырастила, воспитала и каждой свое счастье дала. Живите на славу.

Настасья Васильевна по-матерински расцеловала сестер на прощанье и вышла на улицу.

Гнедой жеребчик, почувяв теплую конюшню, стрелой помчался в Гринево.

Настасья Васильевна сидела в санках и улыбалась, ощущая такое удовлетворение, как будто сегодня свершила великое дело.

Идиллия

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

★

Ой, діброво, темний гаю!

Шевченко.

С утра играет сказочная вьюга,
И в желто-белом мареве снегов
Тревожный мир сегодня утопает.
Все мчится, вьется, крутится, летит,
Вверху, внизу — движение повсюду,
Среди полей ручьями льются вихри
И заливают пеших и подводы,
И не понять в круженьи этом диком —
Где конь, где человек, а где лишь тень
Коня иль человека? Темной точкой,
Из камышей вдруг выбежав, лисица
По полю катится. Не видно солнца,
Но где-то все ж оно живет и светит
За тучами плывущими, за снегом,
За мглою переливною.

А здесь

Тепло и тихо в комнате уютной,
Как будто бы в каюте корабля,
Что проплывает в этом снежном море.
Три мальчика здесь мастера прилежно:
Рыжеволосый, темный, белокурый,
Шерхебелем орудует один,
Обстругивая быстро и умело
Бруски в прожилках тонких,
красноватых;
В руках черноволосого рубанок
Задорно свищет; золотую стружку
У третьего фуганок выпускает.
Один сопит и кончик языка

(Уж так привык он!) прикусил зубами.
Другие перебрасывают песню,
Как будто мяч,— один ее подбросит,
Другой подхватит. Иногда о чем-то
У них заходит спор. Как видно, речь
Не о каких-то пустяках ведется —
И в черных, серых, голубых глазах
Из-под бровей три пары огоньков
Живых блестят. Потом опять к согласью
Они приходят. Вновь сопит один,
Поют другие. И опять рубанки
Шуршат под их руками.

А в окно

Зима седая лапою мохнатой
Стучит совсем нестрашно. В это время
В печи, в углях из-под дубовых дров,
Спеклась картошка. И готовит мать
На завтрак детям розовое сало,
И хлеб ржаной глубоким летом пахнет.
— Ты, мама, подожди, сейчас мы
кончим,

Тогда уже и есть!

И мать смеется,

И солнце вдруг откуда-то взялось
И луч горячий на стены бросает.
И вот уж скоро черный, белокурый
С товарищем своим рыжеволосым
Легко вздохнут и радостно опразят
Достойной рамкой Сталина портрет.

Перевел с украинского
Николай БРАУН.

★

★ ★ ★

М. АЛИГЕР

★

У вас, наверно, осень хороша!
Легко откинув голову без шапки,
пройти бы мне аллеей, вороша
сухой листвы багряные охапки.

В прозрачный и трепещущий покой
протягивая дрогнувшие руки,
застыть бы над извиистой рекой,
заглядываясь в ясные излучки.

Блаженна медленность осенних рек.
Вода бежит,
еще в ней краски живы,
но вся она уже, как человек,
утративший стремленья и порывы.

Я помню, как ступала тут весна
своей неощутимую походкой
и таяла, как легкий след весла,
никак не поспевающий за лодкой.

Закаты были проще и ясней,
неосторожно поджигали воду
и были не страшны они весне,
могучему беспорному восходу.

А нынче солнце медленно скользит,
рассеивая горестную ясность,
как будто издали ему грозит
ничем неотвратимая опасность.

И мне уже не видно из-за хат,
в какие пропасти оно заходит,
но я, как осень, чувствую закат,
дрожащий в вечеряющей природе.

Ирпень. Май 1938.

★

Десятилетнему

ЛЕВ ОШАНИН

Большими, чуть лукавыми глазами
Ты смотришь в мир загадок и задач.
Я не зову тебя. Ты вечно занят.
Как высоко взлетел твой легкий мяч!

Но каждый раз так весело и просто
Родное чувство сердце шевельнет,
Когда мелькнет в кустах твоя матроска
И шапка с красной надписью «Пилот».

Коптящие лампы в избах гасли,
И Днепр взбирался на горбы плотин,
Когда тебя снесли впервые в ясли,
Завернутого в вату и сатин.

Ты шел гулять с шумливым детским садом,
Ты клетки плел синице и чижу,
Когда стальной посланник Сталинграда
Перепахал отцовскую межу.

Мы мир даем тебе большим и новым.
Ты не слышал про голод и бои.
Ты рос под гул пропеллера Слепнева,
Пел песни октябрятские свои.

И все, что с детства для тебя знакомо,
Твой светлый мир, который так хорош,
Навечно
 в нерушимые законы
Своей рукой вписал великий вождь.

И мы на смерть пойдем легко и просто,
Чтоб шире двери распахнуть вперед
Для мальчика в коротенькой матроске
И в шапке с красной надписью «Пилот».

Новое о природе нервного процесса

Проф. Х. С. КОШТОЯНЦ

★

Более полутора столетия физиологи изучают природу нервного процесса. Среди многочисленных тайн природы тайна возникновения нервного импульса—его природы, его распространения и воздействия на различные части тела—была едва ли не одной из глубочайших тайн природы. Бесчисленные тома сочинений философов, врачей и натуралистов посвящены этому важнейшему вопросу. На смену туманным представлениям о существовании какой-то особенной «нервной силы», какого-то особого нематериального «нервного флюида» в конце XVI и в начале XVII веков начало выкристаллизовываться представление о нервном процессе, как о процессе электрической природы. Открытие и точное описание электрических явлений в организме животных двумя итальянцами — Вольта и Гальвани — не только положили начало строго научному изучению явлений, протекающих в нервной системе, как явлений электрического порядка, но и породили учение о так называемом «животном магнетизме». Мы не будем останавливаться здесь на подробном описании этого последнего. Первоначальное, строго научное содержание понятия о животном магнетизме в дальнейшем вылилось снова в какие-то туманные представления о животном магнетизме, как об особой силе, чем не прочь были воспользоваться многочисленные шарлатаны от науки.

XIX век в истории физиологии характеризуется всемерным внедрением в об-

ласть изучения сложнейших физиологических явлений точных методов физики и химии. Уже в начале XIX века была поставлена на очередь важнейшая задача расшифровки таких представлений, как представления о животной теплоте, животном магнетизме и т. п. Работами многочисленных физиологов, среди которых можно назвать много выдающихся естествоиспытателей (Гельмгольц, Дюбуа-Раймонд, Маттеучи, Сеченов и др.), было с исключительной очевидностью на многих примерах показано значение электрического фактора в сложных явлениях нервной деятельности, и этими же работами было заложено основание новому направлению в физиологии, именно: электрофизиологическому. Методика изучения электрических явлений в элементах нервной системы, а также и в других тканях организма, становилась все более тонкой и точной, благодаря развитию электротехники и современной радиотехники. С помощью точнейших приборов физиологи описывали те мельчайшие электрические колебания, которые возникают в покойных и деятельных элементах нервной системы и других тканях. Уже трудно становилось различать лабораторию современного физиолога, изучающего нервные процессы (электрофизиолога), от лаборатории электрофизической. В токах, отводимых от нервных клеток и нервных волокон, большинство физиологов видели природу самого таин-

ственного нервного процесса. Изучая явления нервного возбуждения в опытных условиях, физиологи-экспериментаторы в качестве искусственного агента, возбуждающего нервную систему в тех или других его отделах, применяли электрический ток как источник раздражения. В сознании исследователей представлялось представление об источнике нервного возбуждения в применяемом ими электрическом раздражении. В бесчисленных электротерапевтических кабинетах те же принципы лежали в основе лечения заболеваний элементов нервной системы. В начале XX века появился целый ряд работ, представляющих еще более упрощенно представление природу нервного процесса. Так, американец Ральф Лилли в большой серии работ пытался доказать, что нет никакой разницы между явлениями, протекающими в нервном волокне, и электрохимическими процессами, имеющими место при растворении стальной проволоки в азотной кислоте. На своей стальной проволоке Лилли пытался построить модель нервного процесса и утверждал, что имеется полное сходство между электрическими явлениями физиологических систем и теми же явлениями в неорганических системах.

Невзирая на крупнейшие достижения электрофизиологии, ряд вопросов, касающихся основных явлений, протекающих в нервной системе и в других системах под влиянием нервной, были поставлены на обсуждение как спорные крупными представителями физиологической науки. Так, уже в 80-х годах прошлого столетия великий русский физиолог Иван Петрович Павлов в своей докторской диссертации о влиянии нервной системы на сердце открыл, что нервная система теснейшим образом связана с обменом веществ клеток сердечной мышцы и регулирует этот обмен. Так впервые было формулировано понятие о трофической (от греческого слова трофео — питаю) роли нервной системы, такой роли, которая получает особую оценку в современной физиологии.

Из чисто биологических оснований,

т.-е. исходя из истории развития нервной системы, два английских исследователя — Гаскел и Элиот — в разное время показали, что в нервной системе, именно в клетках нервной системы, могут образовываться особые химические вещества, способные вызывать реакцию тех или других органов. В качестве примера укажем на работы Элиота. Он отметил, что симпатическая нервная система и та часть надпочечных желез, которая выделяет особое гормональное вещество, именно адреналин, имеют общность происхождения в эмбриональном развитии животных: и узлы симпатической нервной системы, и железистые клетки надпочечника, выделяющие адреналин, первоначально имеют один общий зачаток, из которого они в последующем развиваются. Отсюда Элиот сделал вывод, что и в нервных клетках симпатической нервной системы должны образовываться вещества гормональной природы типа адреналина, которые и вызывают нервный эффект. И действительно, при раздражении симпатического нерва учащается ритм сердца, — так же действует на сердце и адреналин.

Наконец, в самое последнее время был выдвинут, в качестве дискуссионного, вопрос о соотношении между электрическим раздражением и физиологическим возбуждением. Этот вопрос был выдвинут крупнейшим германским физиологом Винтерштейном, ныне изгнанным из фашистской Германии. Подвергая критической оценке различного рода модели нервного процесса, Винтерштейн поставил кардинальный вопрос о том, что нельзя аналогизировать явления, которые физиолог наблюдает при раздражении нерва искусственным путем, т.-е. электрическим током, с теми явлениями, которые имеют место при нормальном физиологическом возбуждении. К этому выводу он пришел на основании изучения особенностей обмена веществ нерва при естественном возбуждении по сравнению с обменом веществ нерва при его раздражении электрическим током.

Мы изложили схематически некоторые этапы в развитии новых перспектив в физиологии нервной системы. Однако электрическая природа нервного раздражения казалась фактом доказанным. Электрический характер действия нервного раздражения, на основе огромного материала электрофизиологии, признавался большинством физиологов.

Но вот с решительностью, достойной новатора науки, в 1921 году Отто Леви опубликовал статью, которая начиналась словами: «Механизм действия нервного раздражения не известен».

Эта статья была размером всего лишь четыре страницы! По сути дела, если отбросить пять выразительных рисунков этой статьи, то на самый текст сочинения остается всего лишь две с половиной страницы, набранных крупным шрифтом. Но эти две с половиной страницы, написанные Отто Леви, открывали новую страницу в истории науки. Прошло после этого 15 лет, и Леви получил Нобелевскую премию 1936 года именно за эту работу, выдержавшую критику и проверку многочисленных ученых всего мира. Это не первый случай того, как крупнейшие научные открытия и обобщения делаются учеными в коротких и сжатых сообщениях. Достаточно напомнить, что сообщение Дарвина, в котором этот великий ученый формулировал свою теорию происхождения видов, было первоначально изложено на двух страницах и в шести положениях. Сообщение Отто Леви поражает читателя не только краткостью, но и исключительной простотой и ясностью. Вместе с тем оно отвечает на важнейший вопрос о том, каким образом передается возбуждение с нервов на те или другие органы, в частности на сердце.

«Механизм действия нервного раздражения не известен» — этими словами, как мы уже указывали, начинается своя статья Отто Леви. И, чтобы сделать это действие известным, он обратился к изучению того, каким способом передается раздражение замедляющих и ускоряющих нервов на сердце.

Но прежде, чем перейти к изложению самого существа этого крупного открытия в области физиологии, послушаем, что рассказывал позже профессор Леви о внешних обстоятельствах, сопутствующих этому открытию. Эти внешние обстоятельства всегда очень интересны. Кто не знает наивной истории о том, что внешним поводом к формулировке законов тяготения Ньютона послужил Ньютону такой простой факт, как падение яблока с дерева. Как ни наивна эта история, но она полна своеобразного интереса.

Мы имеем возможность воспроизвести эту занимательную внешнюю сторону открытия Отто Леви по его собственному рассказу об этом американскому физиологу Вальтеру Кеннону. Вот он, этот рассказ:

Он читал поздно вечером какой-то занимательный французский роман и задремал за этим чтением. Когда вдруг он проснулся, то в голове у него с исключительной ясностью пронеслась отчетливая мысль следующего порядка: «Если факт, что при раздражении сердечных нервов выделяются какие-то вещества, то нужно ожидать, что солевой раствор, омывающий сердце после раздражения нервов, должен содержать это вещество и... и если эту жидкость теперь перенести на другое сердце, то она (эта жидкость) должна оказывать такое же действие на сердце, как и раздражение нервов». Профессор понял всю исключительную важность этой мысли и тут же, на блокнотном листке, записал как основную канву пришедшей ему в голову мысли, так и схему возможных опытов и снова заснул. Наутро, проснувшись, он увидел свою короткую запись, начал ее читать, но ничего понять в этой записи не мог. Однако он остро ощущал, что запись эта связана с чем-то очень значительным. Весь этот день прошел в упорных и напрасных поисках смысла написанного. Свою маленькую блокнотную запись профессор не смог расшифровать; наступила ночь, и он уснул. И уже на другое утро, проснувшись, он снова взялся за блокнотную запись и расшифровал ее с предельной

ясностью. Расшифровав ее, он приступил тут же к выполнению опытов.

Как хорошо было бы воспроизвести здесь фотокопию короткой записи Отто Леви, в которой он дал изложение сущности крупнейшей физиологической теории. Но мы не имеем этой возможности.

Но с одной такой записью, пожалуй, наиболее яркой в истории биологии, мы хотели бы познакомить читателя. Это запись знаменитого Чарльза Дарвина, сделанная им в блокноте в 1837 г. В этой короткой записи 27-летний Чарльз Дарвин набросал в основном схему своей теории происхождения видов, которая была изложена в специальной книге лишь через 22 года! Известно, что книга Дарвина «Происхождение видов» явилась самым крупным событием в истории биологии, так как в ней заложены основы строго научного, исторического понимания развития живых организмов от более простых к более сложным.

Из того факта, что некоторые химические вещества и яды действуют на сердце наподобие действия нервов, Отто Леви пришел к теоретическому выводу о том, что и при действии нервов должны образовываться особые химические вещества, которые и осуществляют действие нервного раздражения. Но мало сделать теоретическое предположение. Физиолог, как и всякий естествоиспытатель, обязан верность своего теоретического предположения доказать опытным путем.

И вот мы видим 45-летнего профессора фармакологии университета в Граце, с юношеским пылом взявшегося за экспериментальный анализ допущенного им теоретического предположения. А мысли, волновавшие профессора Отто Леви, касались крупнейшего вопроса физиологии, именно вопроса о природе нервного раздражения. «Механизм действия нервного раздражения не известен...».

Упорно думал об этом профессор: «А вдруг окажется возможным эту загадку решить? — спрашивал он себя. — Но как?..»

Февраль и март — два ранних весенних месяца — посвятил своим первым опытам Отто Леви в 1921 году. Его опытными животными были 14 лягушек и 4 жабы. И опытами на этих 18 животных он с предельной ясностью и убедительностью доказал, что при раздражении как замедляющих нервов сердца (блуждающий нерв), так и ускоряющих нервов (симпатический нерв) образуются вещества, которые сами по себе вызывают действие соответствующих нервов.

Таким образом, Отто Леви поставил и решил крупнейшую загадку жизни о том: как же осуществляет свое влияние нервное возбуждение? Опыт Отто Леви был до крайности прост. Он раздражал блуждающий нерв сердца лягушки и одновременно собирал жидкость, циркулирующую в этом сердце во время своего опыта.

Такой жидкостью являлся обычный физиологический раствор солей. Испытания свойств этой жидкости на этом же сердце или на другом лягушачьем сердце дали совершенно исключительный результат. Оказалось, что жидкость, собранная в течение 15- и 25-минутного ритмического раздражения блуждающего нерва, способна вызвать замедление ритма и уменьшение амплитуды сокращений этого же или другого сердца, если эту жидкость пропускать через сердце. Жидкость же, собранная из «покойного сердца», т.-е. сердца, не возбужденного раздражением блуждающего нерва, такого действия не оказывала.

Вывод такого опыта ясен: во время раздражения блуждающего нерва, вызывающего замедление или остановку сердечного ритма, образуются особые химические вещества, которые сами по себе могут вызывать то же явление замедления или остановки сердца. Повидимому, это вещество и поступало в омывающий раздражаемое сердце физиологический раствор.

Позже Отто Леви назвал это вещество «вагусштоф», или вещество блуждающего нерва.

Однако, как известно, ствол так называемого блуждающего нерва лягушки

смешанный, т.-е. он несет волокна и блуждающего (замедляющего) и симпатического (ускоряющего) нервов. Поэтому Отто Леви решил поймать вещества не только блуждающего нерва, но и симпатического.

Но, как пишет Леви в своем первом сообщении, эту задачу он не мог решить из-за... отсутствия лягушек. Помогли ему однако 4 жабы. У этих животных раздражение ствола блуждающего нерва в это время года (ранняя весна) вызывало резко выраженное симпатическое действие, то-есть резкое увеличение силы отдельных сердечных сокращений и учащение сердечного ритма. И вот, после длительного раздражения ствола блуждающего нерва жабы в жидкости, циркулирующей в сердце, удалось поймать вещества, которые вызывают тот же эффект на сердце без всякого раздражения нерва. Отто Леви назвал это вещество «симпатикуштоф», или вещество симпатического нерва. Позже это удалось сделать и на лягушках; раздельно удалось получить и то и другое вещество.

Как и следовало ожидать, открытие подобного рода взбудоражило исследовательскую мысль многих следопытов науки, и вот в самых разнообразных странах мира физиологи стали проверять опыты Леви. И тут-то произошла поучительная для развития науки история. Часть физиологов подтверждала правильность опытов и выводов Отто Леви, другая же часть просто не могла получить в опытах то, что описал Леви, и склонна была признать его работу ошибочной.

В чем же дело? В чем секрет этих разногласий? Секрет оказался в том, что многочисленные физиологи, занявшиеся проверкой опытов Отто Леви, свои опыты ставили на самых разнообразных животных, а, как мы говорили выше, Леви ставил опыты на лягушках. На лягушках же удавалось получить это и другим физиологам, которые проверяли работу Леви. Для того, чтобы понять эту сложную ситуацию, мы должны несколько подробнее познакомиться с самим веществом, образующимся при раздражении блуждающего

нерва, именно — «вагусштофом», и его свойствами.

Вскоре веществам, открытым Леви, было дано название химических передатчиков нервного возбуждения. А английский ученый Дэл на основании большого количества опытов пришел к выводу, что вещество, которое образуется при раздражении блуждающего нерва, имеет много общего с определенным химическим веществом, так называемым ацетилхолином. Понятно, с каким жаром набросились ученые на разработку этой вновь открытой жилы. И действительно, все более и более накапливалось фактов, говорящих о том, что прав Дэл, что вещество, образующееся при раздражении блуждающего нерва, действительно близко по химическим свойствам к ацетилхолину.

Мы указывали выше, что Леви получил Нобелевскую премию: здесь добавим, что он получил ее пополам с англичанином Дэлом.

Установление химической природы передатчика нервного возбуждения раскрыло в значительной степени и секрет всех тех споров, которые загорелись вокруг открытия Леви. А секрет заключался в том, что в организме животного наряду с образованием химических веществ — передатчиков нервного возбуждения — происходит непрерывное их разрушение. Разрушение это происходит под влиянием особого фермента, который носит название холинэстеразы. В частности, эта холинэстераза содержится в большом количестве в крови различных животных. Таким образом, в ряде случаев, когда ученые не могли подтвердить опытов Леви, становилось очевидным, что передатчики нервного возбуждения, типа ацетилхолина, разрушались ферментом — холинэстеразой. Это тем более верно, что эти ученые свои опыты ставили при наличии крови, а Леви, как мы уже говорили, омывал сердце искусственным солевым раствором. Скоро удалось найти такое вещество, которое тормозит действие холинэстеразы всюду, в том числе и в крови.

Это вещество — яд эзерин. Минимальные количества его парализуют действие холинэстеразы; в силу этого

не происходит разрушения химических передатчиков нервного возбуждения, и их тогда легче поймать. Ловушка была найдена! И после этого весь спор между сторонниками и противниками открытия Леви был ликвидирован. Особенно хорошо можно видеть всю эту сложную историю на одном примере, о котором сейчас будет рассказ.

Замечательные опыты Отто Леви и подтвердившие их многочисленные опыты других авторов послужили основанием для серии новых интересных поисков. Именно был поставлен вопрос следующим образом: если при раздражении сердечных ветвей блуждающего нерва в сердце образуются особые вещества, способные вызывать эффект раздражения блуждающего нерва, т.-е. замедление ритма или остановку сердца, то не происходит ли передача этого вещества от сердца беременной матери к маленьким сердцам зародышей внутри матки. И вот на самых различных беременных животных многими физиологами были поставлены опыты, чтобы получить ответ на этот естественно возникающий вопрос. Опыт ставился следующим образом. Обнажалось сердце беременной самки и регистрировалось его сокращение, далее обнажалась матка, а в ней вскрывалась грудная клетка зародыша — и регистрировалось сокращение сердца зародыша. После того, как была налажена запись сердца как матери, так и зародыша, производилось раздражение блуждающего нерва. В ответ на это наступала типичная реакция со стороны сердца матери, т.-е. замедление ритма и временная остановка его. Ну, а что же с сердцем зародыша? Что же касается сердца зародыша, то мнения в этом отношении снова разошлись. Подавляющее большинство физиологов единодушно заявляли, что сердце зародыша не отвечает никак на раздражение сердечных ветвей блуждающего нерва матери. Казалось, снова возникло затруднение для признания широкого значения опытов Леви.

Но вот два физиолога — Гансен и Ренгу — на морских свинках обнаружили, что при раздражении сердечных ветвей блуждающего нерва матери насту-

пало замедление ритма работы сердца зародышей. То-есть, иными словами, вещество, образующееся при раздражении сердечных ветвей блуждающего нерва, так называемый «вагусштоф», по общему кровяному руслу матери через пупочные сосуды достигал сердца зародыша и здесь вызывал типичный вагусный эффект.

Эти опыты Гансена и Ренгу на морских свинках были в последующем подтверждены и другими физиологами. Спрашивается, почему же эти результаты не удавалось получить на зародышах других животных? Ответ на этот вопрос мы находим все также в том, что в крови животных есть холинэстераза, которая разрушает ацетилхолиноподобные вещества, к которым относится и вещество, образующееся при раздражении сердечных ветвей блуждающего нерва. У большинства животных холинэстераза имеется в крови в значительном количестве. Поэтому те незначительные количества ацетилхолиноподобных веществ (передатчиков нервного возбуждения), которые попадают в кровь матери, быстро разрушаются в кровеносном русле и не могут достигнуть сердца зародыша. А у морских свинок в крови этого разрушающего фермента холинэстеразы относительно меньше, и вот почему именно на этих животных удавалось получить замедление или остановку сердца зародыша при раздражении сердечных нервов матери. Когда я пишу эти строки, у меня возникает вопрос, не увеличивается ли количество холинэстеразы в крови беременных животных? Надо было бы этого ожидать. Тот факт, что у беременных самок многих животных не удалось получить действия химических веществ, образующихся при раздражении нервов матери, на органы зародыша, имеет огромное значение, так как этим обеспечивается некоторая независимость зародыша от процессов, происходящих в организме матери. Еще раньше мы знали, что сама стенка матки обладает способностью «отфильтровывать» многое, что приходит от матери к зародышу, и служит как бы «барьером»; такой же барьер мы видим уже в крови в виде

особых ферментов, разрушающих вещества, могущие действовать не только на органы матери, но и зародыша.

После того, как научились угнетать действие холинэстеразы с помощью эзерина, опыты с получением реакции зародышевого сердца в ответ на раздражение сердечных нервов матери начали давать положительные результаты и на тех животных, на которых их не получали, т.-е. искусственным путем нарушался «барьер», угнеталось действие ферментов, разрушающих нервные вещества, и тогда «раздражение» матери передавалось зародышу, тогда вещество, вызвавшее временную остановку сердца матери, замедляло ритм, останавливало развивающееся сердце зародыша.

Стоит призадуматься над этими фактами, приоткрывающими завесу перед сложнейшими процессами взаимоотношений между сердцем матери и сердцем зародыша! Читатель! Задержи внимание на этом, а потом перейдем к нашему дальнейшему рассказу.

Таким образом, в 1921 году появилась новая, находящаяся в глубоком противоречии со старой, общепринятой, химическая теория нервного возбуждения. Из явления частного, имеющего отношение к нервной регуляции сердечной деятельности, обнаруженного Отто Леви, она через ряд лет стала общей физиологической теорией природы нервного процесса, давшей мощный толчок развитию физиологической науки. Прошел ряд лет напряженной работы и борьбы, и, наконец, в 1936 году, через 16 лет после опубликования статьи Отто Леви, его работа была признана работой, имеющей мировое значение и, как мы указывали уже, достойной высшей научной премии Нобеля. Но его работа оказалась оборванной в 1937 году полчищами зверей в одежде солдат «Третьей империи», оккупировавших Австрию. Отто Леви, новатор науки, единственный нобелевский лауреат Австрии, друг Советского Союза, был арестован и посажен в тюрьму фашистами немедленно по приходе в Австрию.

Мы остановимся на дальнейшем развитии учения Отто Леви и тех перспек-

тивах, которые открываются для теории и практики из этого учения.

Подробное изучение веществ, образующихся при раздражении симпатической нервной системы, было дано известным американским ученым В. Кэнноном. Оказалось, что при раздражении симпатических нервов образуются вещества, подобные (но не аналогичные, как думал Элиот) адреналину. Вещества, выделяющиеся при раздражении симпатических нервов, таким образом, являются адреналиноподобными, и Кэннон назвал их симпатинами. Лишь в самое последнее время удалось показать, что и при раздражении так называемых моторных нервов, то-есть нервов, раздражение которых вызывает сокращение мышц, происходит образование тех же химических веществ—передатчиков нервного возбуждения (в этом направлении работает школа акад. Л. Орбели). Такие же вещества образуются при раздражении нервов, возбуждающих железистые органы. Так, например, советский физиолог Разенков, раздражая ветви блуждающего нерва, иннервирующие поджелудочную железу, получал в крови, оттекающей от этой железы, такие вещества, которые на железе другого животного вызывали эффект действия раздражения нерва.

Таким образом, мы видим на ряде самых различных нервов, что их раздражение вызывает действие на периферические органы путем образования особых химических веществ—передатчиков нервного возбуждения. Возникает вопрос, не осуществляется ли передача возбуждения путем тех же химических веществ, от одной нервной клетки к другой, к центральной нервной системе. Ответ на этот вопрос в мировой литературе дан впервые молодым советским физиологом Кибяковым, который установил, что кровь, протекающая из верхнего шейного узла после раздражения шейных симпатических нервов, содержит вещества, способные вызывать действие симпатических нервов. Работы в этом направлении ведутся интенсивно в последнее время, и, в частности, ими заняты многие советские физиологи.

Надо указать, что многочисленные опыты в отношении некоторых лабораторных животных в последнее время были расширены сравнительно с физиологическими исследованиями. Оказалось, что вещества типа ацетилхолина и адреналина могут быть обнаружены в нервной системе многих беспозвоночных животных. Этому посвящены, в частности, и работы автора данной статьи. Интересно отметить, что у простейших организмов, у которых отсутствует нервная система, не удастся обнаружить веществ типа ацетилхолина и адреналина. Особое практическое значение приобретают работы, посвященные изучению веществ, являющихся передатчиками нервного раздражения у человека. Этому посвящены, в частности, работы советского физиолога Альперна. В этом направлении работают физиологи ВИЭМ, которые должны связывать современные вопросы химической природы нервного возбуждения с вопросами клиники.

Действительно, перспективы в этом отношении огромные. Мы указывали выше, что электрофизиологический период в физиологии нервной системы вызвал к жизни электрические, физические методы лечения нервных заболеваний. Можно без преувеличения сказать, что мы находимся на пороге возникновения нового направления в клинике нервных болезней — направления химического. Это направление должно будет вырасти на основе новейшей химической теории нервного возбуждения. Само собой разумеется, что должен пройти какой-то период увлечений, отсева случайного и лишнего для того, чтобы сформировалась подлинно научная теория, покоящаяся на безусловно достоверных фактах. А именно такая теория может обеспечить прорывку в области клинической практики.

Одной из центральных задач в этом направлении, как нам представляется, является задача изучения природы тех химических процессов, которые ведут к образованию химических передатчиков нервного возбуждения. Наличие подобных синтезов в нервной системе, повидному, является частным случаем бо-

лее общего процесса следующего порядка: каждая форма возбуждения в живой системе сопровождается синтезом особых высокоактивных химических веществ. Приведем пример: в неоплодотворенной икре не имеется вовсе или имеются следы тимонуклеиновой кислоты — вещества, вызывающего дробление яйцеклетки; вслед же за оплодотворением этой яйцеклетки сперматозоидом (т.-е. возбуждением яйцеклетки) скачкообразно синтезируется тимонуклеиновая кислота, вызывающая дробление клетки, а также другие вещества — вещества роста. Наши опыты показали, что синтез веществ, передающих нервное возбуждение, тесно связан с известными нам элементарными процессами обмена веществ клеток. В частности, синтез ацетилхолиноподобных веществ, образующихся при раздражении блуждающего нерва, тесно связан с хорошо известными нам звеньями распада углеводов. Действуя на распад углеводов, в направлении задержки этого распада на определенном этапе, нам удалось прервать передачу возбуждения с нерва на сердце. Веществом, которым мы при этом пользовались, был фтористый натр, который задерживает распад углеводов на определенном этапе, таком этапе, при котором образуются вещества, необходимые для синтеза ацетилхолина. Это только начало работы. Нужно глубже проникнуть в тайны процесса синтеза веществ, с помощью которых осуществляется передача нервного раздражения. Глубоко проникнув в сущность этих явлений, мы овладеем ими и сумеем воздействовать на нервные процессы в нужном нам направлении в большом организме. Уже сейчас намечаются определенные перспективы в деле воздействия на болевые процессы на основе химической теории передачи нервного раздражения. Очевидно, наиболее эффективными веществами, утоляющими боль, будут те вещества, которыми возможно затормозить синтез веществ, с помощью которых осуществляется передача импульсов в нервной системе. Но это только перспективы, в направлении которых нужно упорно и страстно искать.

Взаимодействие органов чувств

Проф. С. В. КРАВКОВ

★

Изучение физиологии наших органов чувств начинает привлекать к себе все большее внимание исследователей. В то время как в дореволюционный период мы не имели вовсе лабораторий, специально занимающихся этой главой нервной физиологии, в настоящее время можно насчитать уже целый ряд подобных исследовательских ячеек. Удивляться такому развитию физиологии органов чувств нет оснований. Раскрытие всех тех законов, которые управляют деятельностью нашего глаза, уха, органа равновесия и других рецепторов, представляет не только специально научный интерес, но имеет, несомненно, и большое практическое значение.

Самые различные специалисты (водители транспорта, радисты, наблюдатели и т. п.) заинтересованы в том, чтобы наши органы чувств были наиболее остры и наименее утомляемы. Содействовать этому возможно, однако, лишь хорошо зная законы нормальной деятельности этих органов, т.-е. зная их физиологию.

При этом, конечно, особенно важно и интересно изучить работу наших органов чувств в той обстановке, в какой она протекает обычно в условиях повседневной практической жизни. В таких же условиях на человека воздействует не одно какое-либо раздражение, влияющее на данный орган чувств, но всегда целый ряд самых различных раздражителей. Мы обычно одновременно с тем, как что-нибудь видим, получаем и

те или иные слуховые раздражения; нередко в то же время на нас действуют и различные запахи; мы не бываем изолированы и от тех или иных температурных влияний. Всегда в той или иной степени мы испытываем и сигналы, идущие от разных частей нашего собственного тела в виде разного рода органических ощущений. Словом, всегда на наш нервный аппарат воздействует целый комплекс раздражителей. Нельзя поэтому достаточно хорошо познать реальную деятельность наших органов чувств, не учитывая этого важного обстоятельства.

Мы стоим, таким образом, перед обширным и важным кругом вопросов о взаимодействии раздражителей, действующих на наш организм, перед вопросом о взаимодействии органов чувств.

О существовании взаимного влияния одних органов чувств на другие нам свидетельствует ряд наблюдений, взятых из повседневной жизни. Зубная боль часто заметно обостряется при звуках, особенно при звуках высоких. Невидимое при рассмотрении одним глазом становится хорошо заметным, если открыть другой глаз. Ощущение щекотки на одном месте кожи проходит при достаточно сильном охлаждении или нагревании другого места кожи. Кусок серой материи, положенный рядом с ярким цветным фоном, перестает казаться нам серым, — он приобретает оттенок контрастного цвета. К области взаимодей-

ствия раздражений надо отнести и наблюдаемое у многих появление ощущения «мурашек, бегающих по спине», при слышании скрипа, вызываемого царапанием стекла о стекло.

Подобные факты были, конечно, уже давно известны наблюдательным людям. Неудивительно поэтому, что и в научной литературе упоминания о влияниях с одного органа чувств на другой мы, можем встретить уже в XVII веке. Уже тогда датский анатом Бартолинус описал свои наблюдения над тугоухими, слух которых, по его мнению, при освещении улучшался. О влияниях со стороны зрения на слух упоминают затем геттингенские врачи Эбермайер и Хорн в конце XVIII века. Однако специальным образом начал исследовать вопросы взаимодействия раздражителей впервые известный венский отиатр Урбанчич в конце прошлого века. Им описаны многочисленные случаи, когда, например, под влиянием звука камертона, подносимого к уху, изменялась заметность цветных пятен.

Острота зрения при слуховых раздражениях обычно улучшалась. Урбанчич наблюдал также изменения вкусовой чувствительности во время звуков, а равно и обострение слуха при световых раздражениях. По показанию одного из лиц, принимавших участие в его опытах, «тикание часов особенно усиливается при желтом свете, меньше при красном и зеленом и всего менее при синем и фиолетовом».

Следует признать все же, что опыты Урбанчича, доказав общее положение о взаимном влиянии органов чувств, не дали каких-либо определенных закономерностей в этой области. Потребовались дальнейшие исследования, исследования с более строгой научной, количественной, методикой эксперимента. В 1905 году акад. Лазаревым были опубликованы опытные данные, показывающие, что звуки кажутся нам громче, если у нас освещены глаза. Факт этот имеет место для не слишком слабых звуков. Лазарев даже демонстрировал усиление звуков светом перед большой аудиторией. Опыт может быть очень просто повторен каждым. Для этого на-

до лишь ударить на рояле какую-нибудь ноту (нажав при этом педаль, чтобы звук долго длился) и посредством бесшумного выключателя то зажигать, то гасить свет в комнате. В моменты освещения затухающий звук будет слышаться как бы усилившимся, громче, в моменты темноты — тише и т. д.

Есть указания на то, что факт усиления звуков светом был известен давно также некоторым симфоническим дирижерам: когда нужно было в заключительных, патетических местах заставить оркестр звучать особенно громко, они требовали давать в зрительном зале освещение. Подобное требование в настоящее время может считаться, очевидно, уже научно обоснованным.

Если в только-что описанных работах ставился вопрос о влиянии со стороны зрения на слух, то мы, в наших работах, изучали, главным образом, обратные влияния — зависимости зрения от слуха. Наши первые опыты на эту тему были поставлены в 1931 г. и касались выяснения того, как ведет себя острота зрения, если одновременно со смотрением ухо испытываемого субъекта подвергается дпящемуся звуковому раздражению. Результаты этих опытов сразу же обнаружили, что под влиянием слуховых раздражений острота зрения меняется, и меняется довольно значительно. При этом оказалось, что если речь идет о различении темных объектов, находящихся на светлом фоне (как, например, обычных печатных букв и т. п.), то от звука острота зрения улучшается. Улучшение, как уже сказано, может быть достаточно большим. Острота зрения может повышаться на 20—50 процентов. Если же наш глаз вынужден различать светлые объекты на темном фоне (как, например, белые нити, написанные или напечатанные белым буквой и т. п.), то, по данным наших опытов, слуховое раздражение уже ухудшает остроту зрения; при звуке две белые нити должны быть раздвинуты дальше одна от другой, чтобы мы их различили, чем то требуется в условиях полной тишины.

В чем же дело? Почему острота зрения для различения темных предметов

на светлом фоне от звуков улучшает-ся, — острота же зрения, нужная для различения предметов светлых на темном фоне, наоборот, от звуков делается хуже? Оказывается, что это различие может быть без труда объяснено тем, что под влиянием побочного звукового раздражения у нас в глазе увеличивается эффект так называемой световой иррадиации.

Под явлением световой иррадиации понимают кажущееся увеличение очертаний светлых предметов, которое обычно имеет место в силу некоторых недостатков устройства нашего глаза. Благодаря световой иррадиации белый диск кажется нам обычно больше черного, хотя бы последний и был ему на самом деле равен по своей величине; руки в белых перчатках кажутся больше, чем они же в перчатках темного цвета, и т. д. Этот эффект иррадиации растет при усилении света, т. е. очертания светлых объектов расширяются для нас тем больше, чем эти объекты ярче. Специальные опыты, поставленные нами, показали также, что величина иррадиации растет от слуховых раздражителей, действующих на человека.

Что же это значит — применительно к остроте зрения? Это значит, что под влиянием звуков как бы увеличивается тот маленький светлый промежуток, который имеется между темными объектами (например, черными черточками), различаемыми нашим глазом. Объекты становятся от этого лучше различаемыми. Иными словами, острота зрения выигрывает. Когда же перед глазом стоит задача различить светлые предметы, лежащие на темном фоне, то усиление световой иррадиации звуком должно влиять на остроту зрения уже в обратном направлении. Действительно, в этом случае очертания самих светлых предметов расширяются, промежуток же между ними кажется меньше. В результате светлые объекты мы различаем при звуках хуже, чем без них. Острота зрения в этом случае от звуков падает.

Таким образом, факты различного изменения остроты зрения под влиянием звуков, в зависимости от того, имеем ли

мы дело с темными или светлыми объектами, нашли себе объяснение. Вместе с тем из описанных опытов следовало, что звук как бы усиливает световое раздражение. От усиления света иррадиация увеличивается. Равным образом она увеличивается, как мы видели, и от звуков.

Дальнейшие наши опыты, поставленные для выявления влияний слуха на зрение, показали, что звуки в редят такой важной стороне нашего зрения, как различительная чувствительность глаза. Под различительной чувствительностью в физиологии зрения понимается способность глаза различать яркости — видеть, что одно поле чуть-чуть светлее или чуть-чуть темнее другого. Способность эта имеет очень большое практическое значение. На ней основывается фотометрия, от нее зависит замечаемость нами слабо вырисовывающихся теней, силуэтов, пятен. При раздражениях уха эта различительная чувствительность глаза, как оказалось, ухудшается. Малые различия в яркостях, замечавшиеся нами в тишине, при звуках перестают замечаться. Добавочное возбуждение, накладывающееся от слухового раздражения, эти малые различия для нас стирает. При этом было установлено, что ухудшение способности нашего глаза видеть различия яркостей оказывается особенно значительным в том случае, когда глаз наш смотрит на что-нибудь достаточно яркое; в случае же различения глазом темных предметов вред от звуков оказывается уже сравнительно небольшим. Такое наблюдение привело к установлению одной важной закономерности в действии побочных раздражителей на зрение. Именно, приходилось признать, что звук вызывает добавочное возбуждение в тех местах нервной системы, которые затрагиваются прямым, световым, раздражителем, и что это возбуждение оказывается тем большим, чем больше прямая возбужденность данного места. Выходило так, как если бы добавочная возбужденность, порождаемая слуховым раздражителем, распространяясь в нервной системе, проникает более всего в сильно воз-

бужденные участки нашего зрительного аппарата. Эта закономерность, как можно видеть, имеет нечто общее с учением акад. Ухтомского о доминанте; по этому учению, очаг сильного возбуждения в нервной системе как бы притягивает в себя возбуждения от всех других раздражений, действующих на суб-екта.

Изучение зависимостей зрения от разного рода побочных раздражений позволило, далее, установить, что влияние побочных раздражений не остается все время постоянной. При многократном предъявлении какого-нибудь побочного раздражения действие его может ослабевать и затем вновь усиливаться.

Во всех описанных нами выше случаях опыты показали, что звук действует как усилитель света. Естественно, однако, перед нами вставал вопрос — всегда ли звук действует на зрение именно так? По современным данным науки, следует различать зрение дневное и зрение сумеречное. Зрение дневное осуществляется при помощи раздражения так называемых «колбочек» сетчатки. Колбочки сосредоточены в сетчатке по преимуществу в центре ее. Поэтому дневное зрение называется также зрением центральным. Зрение сумеречное имеет своей основой возбуждение так называемых «палочек» сетчатки. Сумеречное зрение функционирует при слабом свете (вечером, ночью). Сумеречным зрением мы не можем различать цветовых оттенков, нам все кажется серым той или иной яркости. Несмотря на этот недостаток сумеречного зрения, оно чрезвычайно важно в жизни. Лишь благодаря ему мы можем зрительно ориентироваться ночью и в сумерки.

Так вот, изучение нами того, как влияют звуки на наше зрение, показало, что звуки действуют как усилители света лишь по отношению к зрению дневному, зрению колбочками сетчатки. Зрение же сумеречное, зрение посредством палочек сетчатки, от слуховых раздражений, напротив, ухудшается. Слабый свет в темноте мы замечаем лучше в условиях

тишины, когда слуховые раздражения отсутствуют.

Дальнейшие опыты, проводившиеся нами над дневным зрением, установили, что и внутри самого дневного зрения не все аппараты его ведут себя одинаково по отношению к звуку.

По современным воззрениям на природу цветного зрения, воззрениям, идущим еще от Юнга и Гельмгольца, дневное зрение осуществляется посредством трех особых нервных аппаратов, имеющих в глазу. Один из этих аппаратов является красноощущающим, другой — зеленоощущающим и третий — синеощущающим. Пользуясь специальными спектральными аппаратами, мы и стремились выяснить, как действуют звуки на каждый из этих трех нервных аппаратов.

Полученные в опытах результаты показали, что слуховое раздражение на эти отдельные аппараты цветного зрения влияет по-разному. А именно: в то время как чувствительность зеленоощущающего аппарата, равно как и чувствительность синеощущающего аппарата, от звуков повышается, чувствительность красноощущающего аппарата, напротив, ухудшается. Таким образом, под влиянием слуховых раздражений наше цветное зрение подвергается известной перестройке, в сторону повышения чувствительности к зелено-синим цветам. Специальными опытами удалось показать, что при звуках желтый, например, цвет кажется нам несколько зеленоватее, чем в тишине. Ухудшение заметности красного цвета, как показали эти наши опыты, при воздействии звуков может быть достаточно значительным. Можно поэтому утверждать, что факт этот заслуживает внимания со стороны инженеров-светотехников, обслуживающих цветную сигнализацию на разных видах транспорта. Для некоторых лиц в наших опытах при звуке требовалось силу красного света, для того, чтобы он правильно опознал, удвоить по сравнению с той силой, которая была нужна для замечания того же красного света в условиях тишины.

Но не только цветное зрение центральных частей сетчатки меняется от

звук. Границы полей зрения для цветовых раздражений различного цвета при воздействии звука подвергаются также подобным же изменениям. Для зеленых и синих цветов поля зрения расширились, для оранжево-красных — они суживались. При этом разница во многих случаях наблюдалась достаточно значительная. Все эти факты могут поэтому, как нам кажется, иметь не только теоретическое, но и известное практическое значение как в медицине, так и в светотехнике.

Физиологов интересует, естественно, вопрос об анатомо-физиологической природе всех вышеописанных связей зрения со слухом. Акад. Лазаревым, а затем нами высказывалось предположение, что переход возбуждения с путей слухового нерва на пути нерва зрительного может осуществляться в подкорке, в так называемых четверохолмии и коленчатых телах. Там нервные волокна того и другого нерва лишены изолирующей миелиновой оболочки и очень сближаются друг с другом.

В последние годы со стороны американских физиологов Джерарда и Маршалла вышеприведенное предположение получило эффектное объективное доказательство. Названные ученые записывали электрические токи, возникающие в подкорке у кошки при слуховом раздражении ее. Оказалось, что в случае одновременного светового раздражения записи кривых этих электрических токов действия показывают, что свет усиливает возбуждение, вызванное звуком. Таким образом, можно считать доказанным, что взаимодействие слуха со зрением имеет место уже в подкорке. Это не говорит, конечно, против того, что взаимные связи этих двух важнейших наших органов чувств осуществляются и в более высоко лежащих участках нервной системы, т.-е. в коре полушарий головного мозга.

Не только слуховые побочные раздражители могут сказываться на зрении. Мы проводили специальные опыты о влиянии на зрение запахов. Результаты этих опытов показали, что запахи также бывают далеко не безразличными для глаза. На ряде лиц мы

смогли показать, что при запахе бергамотового масла эффект иррадиации света в глазах увеличивается. Запахи герианола, индола и камфары также заметно влияют на различные зрительные функции. При этом интересно отметить, что и запахи по отношению к зрению ведут себя различно, в зависимости от того, какого цвета мы берем световой раздражитель. Как и в описанных выше наших опытах над изменением цветного зрения звуками, запахи по-разному — противоположным образом — сказываются на раздражителях зеленых и красных.

По мнению некоторых физиологов, различные запахи затрагивают различные отделы нашей вегетативной нервной системы. Одни влияют преимущественно на так называемую симпатическую нервную систему, другие — на так называемую парасимпатическую нервную систему. Любопытно, с этой точки зрения, результаты недавних опытов Гольц. Прежде всего Гольц установила, что слуховая чувствительность может заметно меняться уже от весьма слабых обонятельных раздражений. При этом наметилась связь между характером запаха (затрагивает ли он по преимуществу симпатическую или же парасимпатическую нервную систему) и тем изменением слуховой чувствительности, которое он вызывает.

Проф. Кекчевым изучались изменения зрения под влиянием различных температурных, проприоцептивных (мышечно-двигательных) и интероцептивных (внутренних органических) раздражителей. Поскольку мы всегда находимся в условиях той или иной температуры, всегда сохраняем то или иное положение тела, напрягаем или не напрягаем те или иные мышцы, поскольку мы всегда испытываем то голод, то сытость, то тошноту, то те или иные органические потребности, — раздражители температурные, проприо- и интероцептивные являются наиболее постоянными и для нас близкими. В качестве испытываемой зрительной функции в опытах Кекчева была взята световая чувствительность сумеречного зрения. Ре-

зультаты опытов показали, что все названные выше раздражители могут заметно влиять на глаз. Например, было ясно показано, что потребность в опорожнении мочевого пузыря сильно снижает световую чувствительность глаза; после же опорожнения мочевого пузыря световая чувствительность повышается.

Следует еще иметь в виду, что эффект, производимый тем или иным побочным раздражителем на чувствительность исследуемого органа чувств, может зависеть не только от качества применяемого побочного раздражителя, но и от его интенсивности. Так, ряд недавних наблюдений (проф. Теплова, Кекчеева и др.) показал, что часто один и тот же раздражитель (например, мышечная работа, вкусовое раздражение) может сказываться на световой чувствительности глаза и повышением, и понижением ее — в зависимости от того, какова интенсивность этого побочного раздражителя. В общем, здесь намечается такая закономерность: малые интенсивности побочных раздражителей влияют на чувствительность глаза повышающим образом, средние интенсивности бывают безразличны, а большие интенсивности вызывают понижение чувствительности.

В науке имеются указания на то, что между отдельными видами чувствительности, т.-е. между отдельными видами наших органов чувств, могут существовать и отношения постоянного антагонизма, отношения, как говорят, реципрокной зависимости. При наличии таких отношений возбуждение одного органа влечет за собою угнетение другого, и обратно. Широкую известность приобрели здесь опыты и идеи физиолога Хэда. Он перерезал у себя на руке один из нервов, посредством коих мы получаем осязательные ощущения с кожной поверхности руки. В течение нескольких лет Хэд наблюдал ход восстановления нарушенной кожной чувствительности. Он смог установить, что чувствительность болевая и грубая температурная чувствительность восстанавливались раньше, чем тонкая осязательная чувствительность, дающая ощущения при-

косновения. При этом до восстановления этой последней, тонкой осязательной чувствительности, чувствительность к боли была чрезвычайно обостренной. По мере же того, как восстанавливалась чувствительность к прикосновениям, чувствительность к боли притуплялась. Выходило, следовательно, так, что возбуждение чувствующих органов прикосновения оказывалось тормозом для чувствующих органов боли. Многие наблюдения клинического характера над лицами с так называемой сухоткой спинного мозга подтверждают такой вывод. Осязательная чувствительность у больных сухоткой спинного мозга бывает значительно сниженной. Вместе с тем у них часто наблюдается повышенная чувствительность к боли.

Но не только между отдельными видами кожной чувствительности существует подобного рода антагонистичность. Акад. Орбели высказал предположение, что аналогичную же реципрокную зависимость, может быть, следует признать и между различными видами чувствительности зрительной. Мы уже знаем, что по отношению к глазу мы различаем чувствительность «колбочкового» аппарата глаза, или зрение дневное, и чувствительность аппарата «палочек» сетчатки, или зрение сумеречное. Возникла мысль о реципрокной зависимости аппаратов дневного и сумеречного зрения. Проф. Лебединским и др. в лаборатории акад. Орбели было, действительно, наблюденно, что раздражение центральной области сетчатки ухудшает чувствительность ее периферии. С другой стороны, наблюдалось тормозящее действие и в обратном направлении. Наблюдалось, что раздражение периферических мест сетчатки действует ухудшающим образом на чувствительность ее центральных участков.

Дальнейшее изучение этого интересного вопроса о функциональном антагонизме дневного и сумеречного зрения, изучение, проводившееся в нашей лаборатории Центрального института офтальмологии в Москве, позволило вскрыть здесь некоторые новые факты, уточняющие первоначальные представления о таком антагонизме. Оказалось, что в де-

ле торможения сумеречного зрения решающую роль играет не вся центральная область сетчатки, но лишь некоторый ограниченный участок ее. Вместе с тем обнаружилось, что и не все три цветоощущающие аппарата дневного зрения в одинаковой степени могут влиять тормозящим образом на чувствительность «палочек» сетчатки. Красноощущающий аппарат дневного зрения, например, показал себя как довольно безразличный для чувствительности периферии. Раздражение же зеленоощущающего и синеощущающего аппаратов цветного зрения резко сказывалось на световой чувствительности боковых мест сетчатки глаза, ухудшая эту чувствительность. Таким образом, вопрос о реципрокных зависимостях между отдельными частями нашего зрительного аппарата требует еще дальнейшей, углубленной разработки.

Надо иметь здесь в виду и то обстоятельство, что действие светового побочного раздражителя, падающего на сетчатку глаза, может не оставаться все время одинаковым по своему характеру, но может обнаруживать чередование фазы повышенного возбуждения с фазой обратной — фазой понижения чувствительности. Подобного рода явления также наблюдались в лаборатории акад. Орбели и описаны проф. Лебединским. Факты «фазовости» действия побочных раздражителей еще нельзя признать достаточно изученными. Во всяком случае несомненно, что, работая в этом направлении, можно будет установить много интересного и важного относительно скорости распространения в глазу основных нервных процессов — возбуждения и торможения.

Насколько сложны и многочисленны условия, могущие вообще влиять на зрение, можно себе представить, если принять во внимание еще и то, что не только ощущаемые нами раздражения других органов чувств сказываются на функциях глаза, но и раздражения, вовсе нами не ощущаемые, как, например, освещение кожной поверхности (на спине). По проведенным у нас опытам оказывается, что

освещение кожи влечет за собою понижение чувствительности глаза. Последние факты заставляют думать уже о гуморальных путях, т.-е. о влияниях через изменения в составе крови.

Наконец, недавно в нашей же лаборатории Богословским было установлено, что зрение может меняться и по схеме павловского условного рефлекса. До сих пор были известны условные рефлексы преимущественно лишь двигательные и секреторные (слюнные). Ныне же установлено, что благодаря образованию условно-рефлекторных связей может изменяться и чувствительность наших органов чувств, например, глаза. Если пропускать через глазное яблоко электрический ток, то при замыкании и размыкании тока возникает ощущение света в глазу (так называемый электрический фосфен). Чувствительность глаза к току, или, как говорят, электрическая чувствительность глаза, повышается при освещении глаз и снижается при погружении их в темноту. Слабый стук метронома сам по себе никакого влияния на электрическую чувствительность глаза не оказывает. Но проведем ряд опытов так, чтобы всегда вслед за стуком метронома глаза погружались в темноту. Оказывается, что после нескольких таких опытов стук метронома приобретает способность снижать электрическую чувствительность глаза и тогда, когда затемнение за ним не следует. Стук метронома стал, следовательно, условным раздражителем (по терминологии И. П. Павлова), влекущим за собою определенное изменение чувствительности органа зрения. Если метроном предварительно применять всегда вместе с усилением света, вызывающим повышение электрической чувствительности глаза, то он может сделаться, подобным же образом, условным раздражителем, повышающим зрительную чувствительность. В других опытах, проведенных в нашей лаборатории, была показана возможность подобного же условно-рефлекторного повышения остроты зрения. Сочетав несколько раз слабое постукивание с улучшением освещения испытательных таблиц, можно было потом и

одним слабым постукиванием улучшать остроту зрения, как если бы усиливалось освещение.

Для того, чтобы вполне понять все те многочисленные и многообразные связи, которые существуют между отдельными нашими органами чувств, необходимо ближе подойти к выяснению анатомо-физиологической природы всех этих связей. Современная физиология все больше и больше подчеркивает целостность организма и взаимную обуславливаемость отдельных частей его. Это объединение, эта связь между частями живого целого может, как мы теперь знаем, осуществляться двумя способами. Первый — это уже давно известный путь нервных связей. Благодаря широкой и разветвленной сети нервных волокон и тончайших нервных нитей — фибрилл — возбуждение, возникшее в одном месте нервной системы, имеет возможность распространяться и на очень удаленные участки нашего организма и так или иначе изменять их состояние.

Второй способ связи между отдельными частями нашего тела — это связи химического, гуморального характера. Железы внутренней секреции, например, направляют свои выделения прямо в кровь; химический состав крови от этого меняется, а вместе с тем могут происходить перемены во всех местах организма, омываемых этой кровью. Но не только железы внутренней секреции, а и нервы, по новым данным физиологии, могут выделять при своем раздражении особые, подобные адреналину и ацетилхолину, вещества в кровь и тем самым влиять на весь организм уже таким гуморальным путем — через общий кровяной поток.

В настоящее время есть все основания думать, что взаимодействия в области органов чувств происходят как нервным, так и гуморальным путем. Выяснением этих проблем занимаются у нас особенно лаборатории акад. Орбели (в Ленинграде) и проф. Проппера-Гращенко (в Москве). Согласно учению акад. Орбели, на деятельность органов чувств, вообще, и на их взаимные связи, в частности, большое влияние оказывает наша вегетативная нервная система. Нервы же,

относящиеся к этому отделу нашей нервной системы, по преимуществу и являются нервами, вызывающими гуморальные изменения в организме. Так, раздражение болевых нервов кожи влечет за собою изменение в химическом составе крови. Если взять у животного, подвергающегося болевому раздражению, кровь и пропустить ее, например, через изолированное сердце лягушки, то эта кровь повлияет на сердечные сокращения иначе, чем простая, «неболевая» кровь, взятая от того же животного. Таким образом, болевое раздражение, очевидно, вызывает гуморальные изменения в организме. С другой стороны, было наблюде- (проф. Лебединским и др.), что нанесение кожного болевого раздражения повышает световую чувствительность глаза. Следовательно, здесь мы имеем перед собою пример взаимодействия органов чувств, осуществляемого именно путем гуморальным. Такой же путь влияния лежит в основе и тех изменений в чувствительности глаза под влиянием освещения кожной поверхности, о которых мы уже упоминали выше.

Изучение гуморальных влияний, исходящих от раздражения тех или иных отдельных органов чувств, представляет собою новое, широкое и интересное поле для исследования.

В заключение нашей статьи мы хотели бы еще остановиться на одном вопросе. Это вопрос о перспективах практического использования установленных физиологией фактов взаимодействия органов чувств. Эти практические перспективы бесспорны и сводятся, как нам представляется, к следующим двум возможностям. Во-первых, когда мы хорошо знаем, что и как влияет на продуктивность работы нашего органа чувств, то мы, естественно, можем сознательнее и успешнее избегать всех тех условий, которые эту продуктивность снижают. Мы знаем теперь, например, что различительная чувствительность глаза от шумов ухудшается, а потому мы будем при фотометрировании и при других обстоятельствах, требующих высокой различительной чувствительности, шумов, по возможности, устранять, — хотя бы,

путем затыкания себе ушей ватой. Далее, в наших экспериментах было найдено, что заметность красных цветов также падает при звуках. Мы можем, очевидно, учесть, когда следует, и это обстоятельство. С другой стороны, данные физиологии о взаимодействии органов чувств могут быть использованы в целях искусственной стимуляции органа в целях искусственного под'ема его чувствительности. Выше мы уже видели, что побочными раздражителями (как-то: звуками или светом, направленным в другой глаз) мы в состоянии заметно улучшать остроту зрения. Равным образом, выше мы видели, что границы полей зрения, в пределах которых мы способны видеть цвета при слуховом раздражении, могут значительно расширяться. Есть опытные данные, говорящие о том, что кратковре-

менные световые раздражения могут влечь за собою довольно продолжительное повышение световой чувствительности сумеречного зрения. Описано в литературе и аналогичное же действие кратких слуховых раздражителей на слуховую чувствительность.

Таким образом, посредством применения побочных раздражителей можно в некоторых случаях делать наши органы чувств более чувствительными, можно «сенсibiliзировать» их.

Очевидно, что все имеющиеся здесь конкретные практические возможности достаточно многочисленны. Успешность же реализации этих возможностей, конечно, зависит от того, насколько полно, глубоко и достоверно мы изучим все те сложные законы взаимодействия, которые управляют жизнью наших органов чувств.

Как вооружался пролетариат

Комбриг П. СМИРНОВ

★

I

Борьба народных масс против своих угнетателей велась с незапамятных времен. Эта борьба происходила в форме стихийных восстаний наиболее активных групп трудящихся. В большинстве случаев, вследствие своей неорганизованности, народ терпел поражение, или же успехи восстаний и заговоров использовали в своих интересах богатые классы. При капитализме стихийное рабочее движение всегда оказывалось в плену буржуазной идеологии, как это с исчерпывающей наглядностью раскрыл Ленин в своей книге «Что делать». Буржуазия, прикрываясь лозунгом «демократизма», направляла силы восставшего народа против феодальных установлений и для расширения своих прав и привилегий. Пролетариат в буржуазных революциях был «пушечным мясом», которым торговала буржуазия.

Ленин, борясь с величайшей энергией за чистоту пролетарской, марксистской идеологии, за создание крепкой, скованной железной дисциплиной партии большевиков, одновременно вел борьбу и за подготовку вооруженных сил пролетариата.

С наибольшей энергией подготовка к восстанию развернулась в 1905 году, после расстрела рабочих 9 января в Петербурге, когда революционное движение начало нарастать с каждым днем в форме политических стачек и демонстраций рабочих и крестьянских волнений.

В апреле 1905 г. на III большевистском съезде партии (в Лондоне) по вопросу о вооруженном восстании была принята резолюция, в которой говорилось:

«... Третий съезд РСДРП признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

а) выяснять пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания,

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания,

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников»¹.

В вышедшей через два месяца после съезда (в июле 1905 г.) книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин, беспощадно разоблачив оппортунистическую так-

¹ Ленин. Сочинения, т. VIII, стр. 75.

тику меньшевиков и так называемой «прогрессивной буржуазии», со всей страстью призывал к подготовке вооруженного восстания.

«Или, может быть, я ошибаюсь? Может быть, революция еще не началась? Момент открытого политического выступления классов еще не пришел?» — писал он. И дальше: «Посмотрите вокруг себя, высузьтесь из кабинета на улицу, чтобы ответить на эти вопросы. Разве само правительство не начало уже гражданской войны, массами расстреливая повсюду мирных и безоружных граждан? Разве не выступают вооруженные черные сотни, как «аргумент» самодержавия?...». «У кого есть глаза, чтобы видеть, тот не может усомниться в том, как должен быть поставлен теперь сторонниками революции вопрос о вооруженном восстании»².

Большевики, выполняя решение III съезда, вдохновляемые призывом вождя, настойчиво готовили вооруженное восстание. В ряде городов были созданы боевые дружины из рабочих. Усилилась пропагандистская работа среди солдат и матросов. Некоторые из них дезертировали из армии и становились инструкторами по военному обучению в рабочих дружинах. Рост дружин тормозился недостатком вооружения. Партия организовала закупку и доставку оружия из-за границы. На некоторых заводах рабочие тайком от администрации изготавливали ручные гранаты. Но оружия все же не хватало.

В начале октября 1905 г. началась забастовка на Московско-Курской железной дороге. Через несколько дней забастовка распространилась по всем железным дорогам России. К забастовке железнодорожников примкнули работники почты и телеграфа и один за другим рабочие на фабриках и заводах. Забастовка охватила почти всех рабочих, проникнув до самых отдаленных уголков страны.

В то же время в некоторых городах начали происходить вооруженные выступления боевых дружин. Так, 11 ок-

тября в Харькове рабочие построили 10 баррикад и защищали их с оружием в руках. В тот же день на улицах Екатеринослава было воздвигнуто шесть баррикад. 16 октября соорудил баррикады на главных улицах города пролетариат Одессы.

Но это еще не было всеобщее восстание, к которому подготавливалась партия большевиков, это были только первые грозные раскаты грома, предшествующие буре.

В дни октябрьской политической стачки рабочие массы создали новое могучее оружие — Советы рабочих депутатов. Они возникли во всех крупных рабочих центрах. В отдельных районах были созданы Советы крестьянских депутатов. Делались попытки организовать Советы солдатских и матросских депутатов.

Царское правительство, напуганное возрастающей активностью рабочих и крестьянских масс, 17 октября издало манифест, в котором были обещаны народу «незыблемые основы гражданской свободы: действительная неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов». Этот манифест был царской уловкой с целью обмануть народные массы, усыпить его активность, выиграть время для собирания сил и удара по революции.

Большевики не поддались обмачу. Они продолжали призывать рабочих к оружию, к вооруженному восстанию.

Товарищ Сталин в день объявления манифеста на митинге говорил рабочим Тифлиса:

«Какая революция может победить без оружия и кто тот революционер, который говорит: долой оружие? Оратор, который это говорит, наверное толстовец, а не революционер, и кто бы он ни был, он враг революции, свободы народа...»

Что нужно, чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи: первое, что нам нужно, — вооружение, второе — вооружение, третье — еще и еще раз вооружение»³.

² Ленин. Сочинения, т. VIII, стр. 74, 75.

³ Л. Берня. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 64.

Подготовка к вооруженной борьбе наиболее активно велась в Москве, где руководство в Московском совете принадлежало большевикам, в Закавказье, где руководил товарищ Сталин, и в прибалтийских губерниях, особенно в теперешней Латвии. В ноябре 1905 г. в Россию возвратился из-за границы Ленин. Он принял непосредственное участие в работе по подготовке восстания, скрываясь от царских сыщиков и жандармов.

Царское правительство, в свою очередь, деятельно готовилось к подавлению революционного движения. Оно создало полицейско-бандитские организации «Союза Михаила Архангела» и «Союза русского народа», получивших название «черной сотни». С их помощью повсеместно начались еврейские погромы и избиения революционеров из интеллигенции и передовых рабочих, разгоны и расстрелы митингов и собраний граждан.

В Петербургский совет рабочих депутатов, пользуясь отсутствием крупнейших руководителей большевиков и в первую очередь Ленина, пробрались меньшевики. В их числе был и враг народа Троцкий. Меньшевикам удалось повести Совет, а за ним и рабочие массы против восстания. Это в дальнейшем крайне отрицательно отразилось на развертывании всеобщего восстания.

В Москве на многих заводах были образованы рабочие дружины, представители которых составляли так называемый Коалиционный совет боевых дружин. Он являлся главным штабом московских революционных организаций.

4 декабря Московский совет рабочих депутатов вынес резолюцию о подготовке к вооруженному восстанию. 7 декабря в Москве началась политическая забастовка. Ее не удалось распространить на всю страну, Петербургский совет не организовал достаточной поддержки. Это ослабляло шансы на успех восстания с самого начала, но 9 декабря восстание все же началось при следующих обстоятельствах.

В Лобковском переулке, в доме Фидлера, близ Чистых прудов, был назначен на 9 декабря митинг. Туда пришли

и дружинники. В 10 часов вечера дом Фидлера был оцеплен прибывшими войсками и полицией. Находившимся в доме дружинникам было предложено сдать оружие, на размышление давался один час. Дружинники единогласно решили сказать сопротивление. До истечения часа войска открыли огонь по окнам дома, дружинники отвечали выстрелами. Была вызвана артиллерия, которая целый час громила дом, ведя огонь прямой наводкой. Солдаты несколько раз бросались в атаку, но дружинники отбрасывали их огнем. После каждой неудачной попытки солдат ворваться в дом артиллерия возобновляла бомбардировку. Наконец дом был захвачен. По полицейским сведениям, было взято в плен 118 дружинников, 8 убито и 30 ранено.

В то время, когда шла борьба у дома Фидлера, рабочие дружины Басманного района сделали попытку захватить Николаевский вокзал, чтобы отрезать Москву от Петербурга и помешать прибытию оттуда войск. Но эта попытка дружинников была отбита гренадерскими частями, охранявшими вокзал.

Дружинники выступали во всех районах города. На Тверской и Брестской улицах были сооружены баррикады. Дружинникам помогали добровольцы из рабочих и частично из учащейся молодежи. Восстание начинало стихийно развертываться.

Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов назначил начало всеобщего восстания на 6 час. вечера 10 декабря. Руководство борьбой возлагалось на штаб боевых дружин, который разместился в городском Народном доме на Введенской площади.

Штаб ушел неудачный опыт борьбы в доме Фидлера. Действовать крупными отрядами, вооруженными револьверами, ручными гранатами и частично ружьями против войск с артиллерией не сулило успеха. Была выработана своеобразная тактика, которая прекрасно выражена в изданной 12 декабря прокламации. Эта прокламация определяла характер и формы борьбы, она являлась первым наставлением по ведению боя рабочими дружинами. В ней указывалось, как нужно действовать при столк-

новении с войсками (небольшими отрядами в 3 — 5 чел., нападать из-за за-сад, не занимать укрепленных мест и т. д.), как поступать с офицерами и солдатами, с чинами полиции и рядовыми полицейскими (офицеров и чинов полиции убивать, а солдат и полицейских щадить).

План борьбы состоял в том, чтобы оттеснить войска в центр города, ведя нападение с окраин. Затем принудить отрезанные со всех сторон войска к сдаче. Было намечено сооружение трех кольцевых линий баррикад, за которые последовательно должны были оттесняться войска. Первая внешняя линия баррикад намечалась от Брестского вокзала к Каланчевской площади и дальше на Лефортово, вторая линия — от Смоленского рынка по Садовой к Сухаревке и дальше к Красным воротам, третья линия — по бульварному кольцу. В Замоскворечье также строились баррикады.

Сооружение баррикад началось с утра 10 декабря. К вечеру уже были сделаны баррикады у Старых Триумфальных ворот, на Садовой, Тверской, Долгоруковской и на Малой Бронной. В дело были пущены ворота, ставни, телеграфные, фонарные и трамвайные столбы, ящики и ларьки торговцев. Все баррикады и прилегающий к ним район оплетались проволокой, чтобы всячески препятствовать свободному движению войск.

Как только на улицах Москвы появились первые баррикады, завязалась горячая борьба. Генерал-губернатор Дубасов для подавления восстания немедленно ввел в бой все свои силы и в первую очередь артиллерию, которая громила баррикады, не считаясь с разрушением зданий и многочисленными жертвами «нейтрального» населения. Но баррикады росли одна за другой. Взамен разрушенных баррикад на Тверской рабочие в ночь на 11 декабря успели сделать баррикады на Большой Дмитровке, на Петровке, в Каретном ряду, на Петровском бульваре и в других местах.

Жестокая борьба развернулась на Каланчевской площади. Дружинники не-

сколько раз захватывали ее в свои руки, но удержать все же не могли.

Несмотря на героизм дружинников, оттеснить войска не удавалось. Они медленно, но все же продвигались вперед. Сказывались недостатки в вооружении и боевой выучке красных бойцов.

12 декабря войска захватили здание типографии Сытина, которое с необыкновенным упорством защищали дружинники из печатников.

В ночь на 13 декабря были сооружены баррикады на Арбате и Пресне. Дружинники готовились оказать здесь упорное сопротивление. 13 декабря на поддержку московских рабочих прибыли дружинники-железнодорожники со станции Перерва и Люберцы. Борьба продолжалась с неослабевающей энергией.

14 декабря стало известно, что в Москву прибывают из Петербурга Семеновский полк, конно-гренадеры, часть первой гвардейской артиллерийской бригады, а из Варшавского военного округа Ладожский пехотный полк. Царское правительство спешило подавить восстание, стягивая в Москву наиболее надежные войска. Между тем силы красных бойцов не возрастали, а боевых припасов становилось все меньше и порой уже не хватало.

15 декабря был арестован Московский комитет социал-демократической партии. Это ослабило руководство восстанием. 16 декабря Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов объявил о прекращении борьбы. Но рабочие все еще продолжали оказывать сопротивление. Только 20 декабря войскам удалось захватить Пресню с Прохоровской мануфактурой и фабрикой Шмидта. По сведениям полиции, на Пресне «со стороны дружинников и рабочих было убито до 670 чел., около 2.000 ранено и 410 дружинников было захвачено». По приказанию полковника Мина, руководившего борьбой, все пленные были расстреляны без суда, а некоторые сожжены заживо. Так царское правительство расправлялось с восставшим пролетариатом.

Восстание московского пролетариата было подавлено. В борьбе участвовало первоначально не больше тысячи дру-

жинников, руководимых Коалиционным советом боевых дружин. Они во время восстания пополнились отдельными добровольцами и спешно организованными отрядами фабрик и заводов, вооруженными еще хуже боевиков. Много рабочих и работниц принимало участие в работах по устройству баррикад и в оказании помощи раненым. В общем восстание располагало всего несколькими тысячами слабо вооруженных бойцов. Против них правительство двинуло больше дивизии пехоты, несколько полков конницы и многочисленную артиллерию. Неравенство сил было огромное. И все же рабочие в течение десяти дней вели борьбу. В этой борьбе было еще много стихийности, так как штаб восстания не успевал руководить всеми небольшими отрядами, разбросанными по огромному городу. Нехватало ни средств связи, не было и организационных навыков.

Революционные восстания возникли не только в Москве, а и во многих промышленных городах. В Ростове-на-Дону восстание продолжалось с 14 по 27 декабря. В Харькове рабочие в столкновении с войсками потеряли до 100 человек убитыми, в Горловке — до 300 человек. Вооруженные выступления происходили в Красноярске, Перми, Новороссийске, Сормове, Севастополе и в Кронштадте.

Наибольшей силы борьба рабочих и поддерживавших их крестьян достигла в прибалтийских губерниях (в теперешней Латвии), где действовали многочисленные дружины восставших рабочих, и на Кавказе.

Восстание на Кавказе началось 27 декабря в Кутаисе столкновением дружинников с казаками. Отсюда пожар восстания перекинулся в Батум, а затем охватил всю Западную Грузию. Красные дружинники, выбитые войсками из городов, в течение всего декабря продолжали борьбу в уездах, опираясь на помощь крестьян.

Но силы восставших всюду еще были слабы, а царское правительство еще могло распоряжаться своими многочисленными войсками, и восстания были жестоко подавлены.

Пролетариат в декабрьских боях потерпел поражение. Но в этих боях он впервые создал свою вооруженную силу, получил опыт ее организации и боевой тактики. Дружинники 1905 года были первыми бойцами пролетарской социалистической армии, которая вновь возродилась в боях за Октябрьскую революцию.

II

После декабрьского поражения революция постепенно шла на убыль. «Рабочие и революционные крестьяне отступали медленно, с боями»⁴.

Меньшевики все больше скатывались в оппортунистическое болото, ища путей соглашения с буржуазией. Они осудили декабрьское восстание. Плеханов заявил: «Не надо было братья за оружие». Впредь, по мнению меньшевиков, пролетариат должен добиваться успеха не вооруженным восстанием, а мирными средствами.

Другие выводы из вооруженной борьбы рабочих сделали Ленин и товарищ Сталин. В статье «Уроки Московского восстания» Ленин указывал: «И теперь мы должны, наконец, открыто и во всеуслышание признать недостаточность политических забастовок, должных агитировать в самых широких массах за вооруженное восстание, не прикрывая этого вопроса никакими «предварительными ступенями», не набрасывая никакого флера. Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления, значит, обманывать и себя, и народ»⁵. Ленин указывал, что надо шире развернуть борьбу за войско, за привлечение его на сторону борющегося народа; что надо учиться искусству восстания — «главное правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное наступление»⁶; что нужно на уроках Московского восстания пересмотреть организацию сил восстания и тактику борьбы.

⁴ История ВКП(б), стр. 80.

⁵ Ленин. Сочинения, т. X, стр. 50.

⁶ Ленин. Сочинения, т. X, стр. 51.

Точно так же товарищ Сталин, беспощадно критикуя пораженческо-предательскую позицию меньшевиков, в брошюре «Две схватки» писал: «Нет, товарищи! Пролетариат не побежден, — а отступил на время, и теперь он готовится для новой славной схватки. Российский пролетариат не опустит обгаренного кровью знамени, он был и будет единственным достойным руководителем великой русской революции»⁷. Товарищ Сталин призывал партию продолжать работу по организации общерусского вооруженного восстания: «Увеличивать количество боевых дружин, обучать и склеивать их в одну общую боевую организацию, доставать оружие, хоть бы при помощи оружия...»⁸.

В статье «Уроки Московского восстания» Ленин со всей решительностью настаивал: «Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необходима еще группировка по отношению к вооруженному восстанию. Кто против него, кто не готовится к нему, — того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции, выкидывать к противникам ее, предателям или трусам, ибо близится день, когда сила событий, когда обстановка борьбы заставит нас разделять врагов и друзей по этому признаку»⁹.

Несмотря на разгром в период начавшейся реакции пролетарских и партийных организаций, большевики продолжали готовить рабочих к грядущим боям с царским самодержавием. В годы мировой империалистической войны большевики проникали в армию и флот, организовывали в войсковых частях свои ячейки, ведя агитацию против войны и за свержение царского правительства. Эта подготовительная работа сыграла огромную роль в «борьбе за войско» во время Февральской революции.

III

С первых же дней Февральской революции большевики Петрограда влились

⁷ Л. Берия. «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 74.

⁸ Там же, стр. 73.

⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. X, стр. 51—52.

в рабочие и солдатские массы и руководили непосредственной борьбой на улицах с приспешниками царского правительства. Рабочие использовали опыт революции 1905 — 1907 гг., организуя рабочие боевые дружины для ведения борьбы и советы депутатов для руководства ею.

Вооружение пролетариата шло в бурные дни революции усиленно. Оружие отнимали у полиции, захватывали в разгромленных полицейских участках, получали у солдат. По данным Петроградского военного округа, за первые дни революции было разобрано из арсенала более 40 тысяч винтовок и 30 тысяч револьверов.

Меньшевики и эсеры, имевшие большинство в Петроградском совете, вынуждены были на первое время санкционировать вооружение рабочих. 28 февраля (13 марта) Исполнительный комитет Петроградского совета постановил организовать на фабриках и заводах рабочую милицию из расчета 10 проц. к общему числу рабочих. Оружие образованной в тот же день рабочей милиции выдавалось на районных сборных пунктах.

Большевики в первом же номере «Правды» поставили вопрос о вооружении пролетариата и организации вооруженной пролетарской гвардии. «Опасность реставрации старой власти еще не исчезла, — писала «Правда». — Пролетариат должен помнить, что только с оружием в руках он может упрочить свои завоевания и довести дело революции до конца. Задачей момента является образование пролетарской демократической гвардии, гвардии, которая вместе с революционными войсками в нужный момент могла бы защищать завоевания революции»¹⁰.

Пока шла ликвидация остатков полицейских сил, Временное правительство через местные органы городского самоуправления спешно создавало свою «народную» милицию. Она комплектовалась из офицеров, студентов, гимназистов, представителей мелкой буржуазии и даже из бывших городских. Буржуазия,

¹⁰ «Правда», № 1 от 5 марта 1917 г.

а вместе с ней и соглашательские партии меньшевиков и эсеров торопились сколотить свои буржуазные вооруженные силы для участия в борьбе за власть. Революционную армию они предполагали нейтрализовать. При этом условия «народная» милиция могла оказаться решающей силой. Поэтому-то большевики и начали борьбу за пролетарскую гвардию, которая должна была не только сохранить завоевания буржуазно-демократической революции, но и двигать развитие революции дальше.

Как только меньшевикам и поддерживаемому ими Временному правительству стало казаться, что революционная буря стихает и начинается некоторое успокоение, они попытались разоружить рабочих. 4 марта начальник петроградской общегородской милиции издал приказ о сдаче оружия всеми гражданами.

Но рабочие оружия не сдавали.

Тогда соглашатели из Исполкома Петроградского совета предприняли другую маневр. Они задумали слить рабочую милицию с общегородской, чтобы затем постепенно отнять у рабочих оружие. На собранном Исполкомом Петроградского совета совещании представителей районных советов соглашатели получили неожиданный для них отпор. Совещание пришло к заключению о необходимости дальнейшего развития рабочей милиции.

Меньшевики продолжали свою предательскую политику. Они организовали 7 марта еще одно совещание без представителей рабочей милиции, которое согласилось с предложением слить рабочую милицию с общегородской. Соглашательский исполком поспешил 7-го же марта вечером утвердить решение совещания.

Большевики продолжали вести на заводах и в районных советах агитацию за усиление рабочей милиции. Слияние, благодаря противодействию с мест, не осуществлялось. Борьба за вооружение рабочих продолжалась.

12 марта в Петроград прибыл из туруханской ссылки товарищ Сталин, куда он был сослан в 1913 году. Немедленно включившись в работу по руководству большевистскими организация-

ми, товарищ Сталин уделил огромное внимание и вопросу о рабочей милиции. В статье «Об условиях победы русской революции» товарищ Сталин писал: «И если верно положение, что революция не может победить без вооруженной силы, всегда готовой к ее услугам, то и наша революция не обойдется без своей собственной рабочей гвардии, кровно связанной с интересами революции.

Немедленное вооружение рабочих, рабочая гвардия — таково второе условие победы революции»¹¹. В качестве первого условия победы революции товарищ Сталин указывал укрепление и повсеместную организацию советов рабочих и солдатских депутатов.

Под влиянием агитации большевиков рабочие не только не расформировали своей милиции, несмотря на все попытки меньшевиков и начальника общегородской милиции, но настойчиво продолжали усиливать ее.

20 апреля 1917 г. в «Правде» была напечатана статья Ленина «О пролетарской милиции». В этой статье Ленин разоблачил буржуазный характер «народной» милиции, создаваемой Временным правительством, и требовал организации пролетарской милиции, оплачиваемой хозяевами фабрик и заводов. «Не дать восстановить полицию! — писал он. — Не выпускать местных властей из своих рук! Создавать действительно общенародную, поголовно-всеобщую, руководимую пролетариатом, милицию! — вот задача дня, вот лозунг момента, одинаково отвечающий и правильно понятым интересам дальнейшей классовой борьбы, дальнейшего революционного движения, и демократическому инстинкту всякого рабочего, всякого крестьянина, всякого трудящегося и эксплуатируемого человека...»¹².

Ленин и Сталин исходили из неизбежности перерастания Февральской буржуазно-демократической революции в социалистическую. Поэтому-то они со всей решительностью боролись за пролетарскую милицию, за рабочую Крас-

¹¹ «Правда», № 12, от 18 марта 1917 г.

¹² Ленин. Сочинения, т. XX, стр. 36.

ную гвардию, за всеобщее вооружение пролетариата. Практическое осуществление лозунга пролетарской милиции и всеобщего вооружения народа с неизбежностью приводило массы к реальному контролю над распределением продуктов и над производством на фабриках и заводах. Тем самым создавалась практическая школа общественно-политического и военного воспитания для широчайших слоев пролетариата, происходило сплавивание его в классовую армию, могущую бороться за власть Советов.

В первые месяцы революции рабочая милиция Петрограда состояла из разбросанных по фабрикам и заводам немногочисленных отрядов. На «Новом Парвизайнене» был отряд в 300 чел., на «Новом и Старом Леснере» — по 500, на «Эриксоне» и «Айвазе» — по 300, на «Рено» — 100, на «Сименс-Шукерте» — 120, на Балтийском заводе — 170, на Трубочном — 96, на Военно-подковном — 28, на «Сименс-Гальске» — 50 чел. и т. д. В милицию выбирались молодые рабочие в возрасте от 20 до 30 лет. Много в милиции было и молодых работниц.

Ни общегородского, ни районных центров в первое время рабочая милиция не имела. Поэтому не было и однообразной организации отрядов.

После длительной борьбы выборгский районный совет принял в мае категорическое решение преобразовать милицию в рабочую гвардию. Он одновременно принял проект устава рабочей гвардии, в котором определялись ее задачи: а) борьба с контрреволюционными противонародными происками господствующих классов, б) отстаивание с оружием в руках всех завоеваний рабочего класса и в) сохранение жизни, безопасности и имущества всех граждан общества без различия пола, возраста и национальности. Членом рабочей гвардии мог быть всякий работник и работница, состоящие членами социалистических партий или профессионального союза, по рекомендации или выбору общего собрания завода или мастерской. Красная гвардия формировалась в десятки и сотни во главе с выборными десятскими и сот-

скими. Десять сотен объединялись в батальон во главе с выборным начальником и двумя помощниками.

Так были заложены основы четкой организации рабочей Красной гвардии. За Выборгским районом к преобразованию рабочей милиции в гвардию приступили Нарвский и Невский районы. Разнообразные дружины и отряды милиции, пестрые по своему составу, на большинстве фабрик и заводов начали переформировываться в красногвардейские батальоны, сплоченные дисциплиной и классовым единством своего состава. К июлю число организованных красногвардейцев в Петрограде достигало нескольких тысяч.

После июльской демонстрации, во время которой «Улицы Петрограда обильно были политы кровью рабочих и солдат»¹³, предатели рабочего класса — меньшевики и эсеры вместе с Временным правительством — сделали еще одну попытку разоружить рабочих. Партия большевиков была загнана в подполье. 7 июля был издан приказ об аресте Ленина. По фабрикам и заводам производились обыски с целью обнаружения складов оружия. Отряды Красной гвардии объявлялись распущенными. Но районные штабы, перейдя на нелегальное положение, продолжали работу.

В конце августа разыгралось корниловское восстание. На красную столицу двигались Кавказская «дикая» и казачья Донская дивизии. Растерявшийся, перетрусивший социал-соглашательский состав Всероссийского центрального исполнительного комитета советов образовал Комитет народной борьбы с контрреволюцией, куда вошли и большевики под условием вооружения рабочих и освобождения арестованных за участие в июльской демонстрации. Условия большевиков были приняты.

Красная гвардия опять стала легальной организацией. Немедленно возродились распущенные сотни и батальоны. Еще шире развернулась организационная работа. Была создана более соответствующая условиям боя организация красногвардейских батальонов. Они ста-

¹³ «История ВКП(б)», стр. 186.

ли делиться на три роты или дружины, пулеметную команду, команду связи и санитарный отряд, общая численность— 400—500 человек. Иногда батальонам придавались бронеавтомобили и одно-два орудия. Красногвардейские батальоны, таким образом, выработали свою боевую организацию.

«Большевики призвали к отпору также петроградский гарнизон, на что полки гарнизона ответили тем, что изгнали эсеро-меньшевистских комиссаров из своей среды и выдвинули на их место большевиков. К ужасу эсеро-меньшевиков оказалось, что не только петроградский гарнизон, но и большинство матросов Балтфлота стоит за большевиков. Чужа опасность, Керенский патетически заявил, что он отдает себя под защиту большевиков, на что большевики ответили, что у них имеется более серьезная задача»¹⁴. Действительно, красногвардейские батальоны вместе с революционными частями армии и флота были единственными надежными защитниками советской власти.

Корниловский мятеж был ликвидирован. Красногвардейские силы продолжали неуклонно расти. Целые заводы— «Новый Парвизайнен», «Новый Леснер», «Дюфлон», «Айваз» и др. — почти полностью записались в Красную гвардию. К организации красногвардейских единиц приступил огромный Путиловский завод, насчитывавший до 36 тысяч рабочих. На 79 фабриках и заводах Петрограда были открыты регулярные учебные занятия с красногвардейцами.

Рост вооруженной силы пролетариата позволил большевистской партии, уже получившей большинство в Петроградском совете, приступить к подготовке вооруженного восстания с целью передачи власти в руки Советов и установления диктатуры пролетариата.

Организация Красной гвардии происходила не только в Петрограде, но и во всех районах огромной страны, где имелся фабрично-заводской пролетариат. И везде, как и в Петрограде, возникновению и росту Красной гвардии упорно

противодействовали эсеро-меньшевистские предатели. Но так же, как и в Петрограде, рабочие всюду поддерживали идею перехода от разрозненных отрядов и дружин фабрично-заводской милиции к однообразно организованным частям Красной гвардии, имеющим единое твердое партийное руководство.

В Москве 14 апреля 1917 г. МК большевиков принял постановление о необходимости создания Красной гвардии. С этого времени на заводах и фабриках было приступлено к ее формированию. В дни корниловского мятежа большинство дружин и отрядов рабочей милиции, по призыву большевиков, влилось в отряды Красной гвардии. Под давлением обстановки меньшевики вынуждены были признать факт существования Красной гвардии, но до последних дней они не оставляли попыток ее ликвидировать. Устав Красной гвардии формально был утвержден Московским советом только 3 сентября, при этом был образован центральный штаб на коалиционных началах. Расширение организации Красной гвардии продолжало торжеситься. Особенно трудно было со снабжением оружием. Дело дошло до того, что рабочие решили купить за свой счет 12 тысяч винтовок, 24 пулемета и 2 миллиона патронов на Тульском заводе. На некоторых заводах было организовано самодельное изготовление бомб и гранат и починка оружия.

В октябре на московском областном съезде советов меньшевикам удалось незначительным большинством голосов проташить резолюцию об отмене организации Красной гвардии. Но было поздно. Красная гвардия уже настолько окрепла, ее связь с солдатскими массами была так прочна, что для ее разоружения нужна была большая посторонняя сила, которой меньшевики не располагали. Численный состав московской Красной гвардии ко времени Октябрьской революции доходил до 10 тысяч человек. Кроме того, под руководством большевистских инструкторов на заводах и фабриках самой Москвы и в ее окрестностях военному делу обучалось еще до 12 тысяч рабочих, которые вли-

¹⁴ «История гражданской войны в СССР», т. I, стр. 205.

лись в ряды Красной гвардии в первые же дни Октябрьской революции.

В провинции наиболее сильные отряды Красной гвардии были организованы в Донбассе и на Урале из рабочих — горняков и металлургов. Сильная красногвардейская организация была создана в Одессе. В нее входили заводские отряды, отряд рабочей молодежи и отряд интернациональной Красной гвардии, состоящий из военнопленных чехов, венгров, австрийцев, немцев. Одна из рот была укомплектована китайцами.

Пролетариат не дал себя разоружить. Он готовился к боям за свою диктатуру.

IV

О роли Красной гвардии в совершении Октябрьского переворота так говорит товарищ Сталин: «Выдающуюся роль в Октябрьском восстании сыграли балтийские матросы и красногвардейцы с Выборгской стороны. При необычайной смелости этих людей роль Петроградского гарнизона свелась главным образом к моральной и отчасти военной поддержке передовых бойцов»¹⁵.

После этого свидетельства остается отметить только наиболее выдающиеся случаи непосредственного участия отрядов Красной гвардии в восстании.

В ночь на 25 октября красногвардейские отряды по плану Военно-Революционного комитета захватили большинство правительственных учреждений. Вечером 25 октября они отбили два орудия у батареи, вызванной к Зимнему дворцу на поддержку Временного правительства. Орудия были немедленно использованы против защитников Временного правительства. Красногвардейцы вместе с солдатами и матросами атаковали и захватили Зимний дворец. 29 октября отряды Красной гвардии, при поддержке матросов, разоружили Владимирское военное училище, предотвратив подготовку контрреволюционного выступления. В течение всего периода борьбы красногвардейцы поддерживали строгий революционный порядок в го-

роде. Они не допустили самосуда над захваченными членами Временного правительства.

Только начала затихать борьба в столице, как были получены сведения о приближении казаков генерала Краснова. По призыву партии красногвардейские отряды вместе с революционными матросами устремились в борьбу с врагами. 31 октября Пулковский отряд красногвардейцев и матросов отбросил казаков и в 2 часа ночи занял Пулково. 1 ноября была взята Гатчина, Краснов арестован. Попытка захватить столицу была ликвидирована.

Революция победила.

В Москве всю борьбу за пролетарскую революцию вынесли на своих плечах красногвардейские отряды. Здесь положение было особенно трудным в первые дни, так как центр города был захвачен юнкерами. Сломить сопротивление сил контрреволюции наличными силами одной Красной гвардии было трудно. Тогда поднялись рабочие московских заводов, спешно, под огнем организуя новые и новые отряды Красной гвардии. На помощь стали прибывать красногвардейцы из Тулы, Иваново-Вознесенка, Орехово-Зуева и других городов и фабрично-заводских поселков. К 2 ноября сопротивление контрреволюционеров было сломлено и белогвардейские части разоружены.

И в других городах нашей необъятной страны Красная гвардия выступала передовым борцом за власть Советов, за пролетарскую диктатуру.

Не успели отгреметь последние выстрелы октябрьской борьбы, как на окраинах зашевелились силы контрреволюции. Из Петрограда, Москвы, из Донбасса и с Урала красногвардейские отряды направлялись для борьбы с Калединым на Дону, с белополяками в Белоруссии, с петлюровцами на Украине, с Дутовым в оренбургских степях. Красногвардейские отряды центра цементировали все местные революционные силы, показывая свою беспредельную храбрость и преданность делу рабочего класса. Они умели побеждать, а когда нужно, и помирать, не сдаваясь врагу.

¹⁵ И. Сталин. «Об Октябрьской революции», стр. 20.

В феврале 1918 г. был опубликован декрет Совета народных комиссаров об организации Красной Армии на добровольческих началах. Основным костяком этой новой вооруженной силы пролетариата были влившиеся в нее бойцы красногвардейских отрядов. Из них подбирались лучший и преданнейший командный состав.

Формирование Красной Армии происходило в то время, когда немецко-австрийские дивизии наступали по всему Западному фронту, а на Дону и Кубани кипела борьба с белоказаками Краснова и белогвардейской армией Корнилова. Нужна была беспредельная вера в конечную победу своего дела, чтобы в этих условиях продолжать борьбу. За-

каленные красногвардейские отряды как раз и несли эту веру колеблющимся партизанским отрядам крестьянской бедноты, разбитым частям старой армии и местным рабочим дружинам, всюду объединяя силы, организуя сопротивление.

Мы проследили, как вооружался пролетариат для борьбы за свою диктатуру под руководством партии большевиков. От рабочих дружин 1905 г., через рабочую милицию Февральской революции, к Красной гвардии и рабоче-крестьянской Красной Армии—таков славный путь вооруженного пролетариата, впервые в истории построившего социалистическое государство и подготавливающего основы коммунистического общества.

Китай и его армия

Полк. И. ПОПОВ

★

Внимание «передового и прогрессивного человечества» приковано к западному сектору Тихоокеанского бассейна, где героический китайский народ отстаивает свою национальную независимость. Китай, чья пятитысячелетняя история исключительно богата знаменитыми философами и выдающимися изобретателями, ведет ожесточенную борьбу с японским империализмом. Китай в настоящее время переживает, пожалуй, самый трагический этап своей истории.

Японская военщина напала на Китай под флагом «карательной экспедиции». Японская армия рассчитывала легко овладеть Китаем. Японский «златоуст» генерал Араки надрывался изо всех сил, доказывая, что самураям предстоит будто бы не воевать с Китаем, а лишь совершить легкую прогулку по его территории. Но в действительности оказалось иначе. Китайский народ нашел в себе силы для организации решительного отпора агрессору.

Борьба Китая с японским империализмом заслуживает внимания потому, что она дает весьма поучительный предметный урок — на каком языке следует разговаривать с любителями чужих земель.

Японская военщина теперь уже поняла, во что ей может обойтись война с Китаем. Япония мобилизовала более чем двухмиллионную армию. В войне против Китая она применяет все бесчеловечные средства борьбы. Мировая печать не раз сообщала о том, что японские бандиты

используют самым широким образом не только боевые отравляющие вещества, но даже с помощью шпионов заражают ядом в тылу китайских войск источники водоснабжения и продукты. Однако, все это не в состоянии сломить героическое сопротивление Китая.

Германское информационное агентство из Ханькоу 3/IX.1938 г. распространяло сообщение, полное тревоги о дальневосточном союзнике немецкого фашизма. Это сообщение подчеркивало, что «все яснее становится сопротивление китайских войск. Где бы японцы ни пытались наступать, они всюду встречают сильнейшее сопротивление». К тому же и сами самураи стали весьма беспокоиться за свое будущее. В этом отношении является весьма показательным дневник одного убитого японского офицера, попавший в штаб китайской армии. В этом дневнике написано буквально следующее: «Мне кажется, что никто из нас не вернется домой... Китайцы героически дерутся... У нас много убитых и раненых... Весь наш батальон, стоявший в Чжайюане, уничтожен китайцами. Все победы, о которых трубят наши газеты, превращаются в катастрофу... Налет китайских самолетов. Кто еще из наших не испытывал, лежа врястяжку на земле, этого страшного чувства... Дороги все перерезаны партизанами. Кто отстал — погиб.. Впрочем, я сам не знаю, где будет моя могила. Ничего не видно впереди, все печальней и печальней на душе...».

Современный Китай представляет в настоящее время стройную государственную формацию. Последнее столетие китайской истории характеризовалось непрерывными войнами между отдельными генеральскими кликами. Этому междуусобию теперь положен предел. Китайский народ, беспощадно расправляясь с изменниками родины, уничтожая троцкистских бандитов — этих презренных агентов международного фашизма и наймитов японской разведки, крепит свое национальное единение. Вместе с этим он решительно подавляет попытки ведения самостоятельной политики некоторыми провинциальными правительствами. Словом, весь китайский народ, все его партии и демократические организации, наконец, объединились вокруг своего центрального правительства.

Именно как-раз в этом кроется прежде всего разгадка того положения, почему китайский народ нашел в себе силы и решимость ответить ударом на удар поджигателей войны.

Японские империалисты отдают себе полный отчет в том, что если Китай станет единым, то им придется расстаться с мечтами о превращении в своих колониальных рабов четырехсотпятидесятиmillionного китайского народа. Вот почему японская военщина пришла в бешенство от объединения Китая. Она пусгила на полный ход весь свой арсенал излюбленных средств провокации, диверсии, подкуп и террор, с тем, чтобы сорвать объединение Китая. Но японская военщина своей цели не добилась. Китайский народ в настоящее время един, как никогда. Он может чрезвычайно продолжительное время сопротивляться японскому нашествию.

Китай — огромная страна. Она занимает территорию в 10,6 млн. кв. км., что превосходит суммарную площадь всех европейских государств. Общая длина государственных границ Китая равна 12 200 км., из них морских границ — 4 200 км.

Не считая Японии, соседями Китая являются: СССР, Монгольская народная республика, Афганистан, британ-

ская колония Индия и французский Индокитай.

В отношении своего государственного устройства Китай представляет такую картину. У нее установлен республиканский образ правления. Правительство Китая избирается партией Гоминдан и перед ней несет ответственность. Основными органами правительства Китая считаются пять палат (юаней) и, кроме того, разные министерства и комиссии.

Самая влиятельная палата — исполнительная или административная, состоящая из всех министров, кроме министра юстиции. Эти палаты, сравнительно с прочими странами мира, представляют как бы кабинет министров. Остальные палаты носят названия: законодательная, судебная, контрольная и экзаменационная. Функции их определяются самим названием. Экзаменационная палата производит испытание лиц, желающих занимать государственные должности. Вместе с этим нужно заметить, что правительство Китая, отражая интересы широких народных масс, приступило к дальнейшей демократизации государственного устройства страны. В частности, теперь приобрел большое значение Национальный политический совет Китая, в который входят представители всех партий и слоев населения.

Китай обычно делится на такие части: Северо-восточный или Манчжурия, Западный, Внутренняя Монголия и Собственно Китай. Манчжурия состоит из трех провинций: Гирин, Хэйлуцзян и Ляонин. Внутренняя Монголия включает провинции: Жехе, Чахар, Суйюань и Нинся. В понятие Западный Китай входят провинции: Цинкай и Сикан. В Собственно Китае насчитывается 18 провинций. Кроме того, отдельно стоят провинции Синьцзян и Тибет.

Все наиболее крупные исследователи Китая полагают, что его население равно 400—450 млн. человек. Можно думать, что эти цифры совершенно реальны. Правда, в Китае еще никогда не производилась полная перепись населения. Но в разное время и во всех провинциях Китая население все же бра-

лось на учет. Итоги этого как-раз и соответствуют 400—450 млн. человек. Это дает среднюю плотность населения в 45—50 человек на 1 кв. км.

Нужно заметить, что по территории Китая население распределено крайне неравномерно. Наиболее плотно населены восточные провинции Китая. Например, в провинции Цзянсу средняя плотность населения достигает 300 человек на 1 кв. км. Зато в Западном Китае и во Внутренней Монголии средняя плотность населения падает до 7 человек на 1 кв. км.

В национальном отношении население Китая достаточно монолитное. Китайцев не менее 90 проц. от общей численности населения. Помимо них, наиболее крупные национальные группы составляют уйгуры (провинция Синьцзян), тибетцы (Тибет) и монголы. Последние являются основным населением провинций Внутренней Монголии. В южных провинциях: Гуйчжоу и Юньнань проживают немногочисленные народности: шань, лоло, мяо и другие, мало чем отличающиеся от китайцев.

Городского населения в Китае мало, всего 15—17 проц. общей численности. Остальное население живет в сельских местностях. Это обстоятельство полностью соответствует аграрному характеру страны. И вообще нужно заметить, что экономическая деятельность Китая развита в несравненно меньшем размере, нежели в Японии.

Но экономика Китая отличается неизмеримо лучшим «здоровьем», чем Японии. В отличие от последней, Китай обладает огромными запасами стратегического сырья. Китай располагает совершенно устойчивым финансовым положением. Наконец, продовольственные потребности Китая полностью удовлетворяются отечественным производством.

Для того, чтобы получить хотя бы поверхностное представление о громадных запасах стратегического сырья Китая, достаточно сказать, что недра его содержат прекрасный уголь, железную руду, олово, вольфрам, сурьму, медь и т. д. Общие каменноугольные богатства Китая оцениваются в 930 млрд. тонн.

В этом отношении Китай занимает видное место среди прочих стран капиталистического мира. Если даже учесть все без исключения энергетические ресурсы (каменный уголь, торф, нефть, древесину и белый уголь) таких крупных стран, как, например, Японии, Франции, Германии, Англии и Италии, то они все равно стоят далеко позади Китая. В этом легко убедиться из рассмотрения нижеприводимых цифр.

Энергетические ресурсы некоторых стран мира

Энергоресурсы	Япония	Франция	Германия	Англия	Италия
	(в млн. тонн условного топлива)				
Каменный уголь	6820	14818	218794	164566	138
Торф	—	100	2095	4375	1
Нефть	277	1020	—	—	—
Древесина	3493	2380	1231	711	640
Вод. энергия	5188	—	3000	618	2400
Итого . . .	15778	18318	225120	170270	3179

Железнодорожные запасы Китая определяются одним миллиардом тонн. Между тем недра Японии содержат только 40 млн. тонн железной руды промышленного значения. Так что и в этом отношении нельзя ставить знак равенства между Японией и Китаем.

Каменный уголь и железная руда имеются почти во всех провинциях Китая. Таким образом, потеряв свои северные районы, Китай все же располагает полной возможностью снабжать внутренний рынок каменным углем и железной рудой отечественной добычи. Остальные же полезные ископаемые Китая сконцентрированы преимущественно в ее западных и южных провинциях. Именно здесь добывают такие полезные ископаемые, как сурьма, медь, вольфрам и олово, которые, как известно, имеют огромное значение в военном производстве. Кстати сказать, провинция Хунань дает около 75 проц. общемировой добычи сурьмы.

Размеры посевной площади Китая столь же велики, как и ее территория. За последние годы посевная площадь Китая определялась в 950 млн. му. Эта

цифра свидетельствует о том, что Китай располагает огромными возможностями по производству сельскохозяйственной продукции. И на самом деле. Китай полностью снабжается своей пшеницей, просом, гаолян, маисом, кукурузой, ячменем, бобами, инжиром, картофелем и прочими культурами. Более того, свои зерновые и масляничные культуры Китай продает на внешних рынках. Помимо этого, значительные площади Китая заняты тутювыми, камфарными, разными масляничными деревьями, а также табачными, хлопковыми, чайными и сахарными плантациями. Всем этим Китай также полностью удовлетворен.

Для продовольственного снабжения своего населения и армии Китай не закупает никаких продуктов на внешних рынках. Между тем в Японии чрезвычайно обостренное продовольственное положение. Япония удовлетворена зерновыми культурами своего производства лишь на 40 проц., рисом — на 88 проц., растительным маслом — на 5 проц., животными маслами — на 35 проц. и т. п.

Финансовое положение Китая достаточно устойчивое. Денежное обращение Китая полностью обеспечено его золотым запасом. Именно этим объясняется то положение, что Китай закупает вооружение на внешних рынках за наличные средства. «Норд Чайна Дейли Геральд» еще 8/Х 1937 г. сообщала о том, что «Китай лишь только бомб, ручных гранат и мин закупил в США на общую сумму в 2809 тыс. долларов». Несколько позднее, 12/VIII 1937 г. «Manchuria Daily News» утверждала о том, что «Китай в США еще закупил вооружения на 603 тыс. долларов, из них на 294 тыс. долларов — аэропланов».

В Китае до самого последнего времени предпринимались весьма робкие шаги к созданию своей военно-промышленной базы. Но, начиная с 1936 г., одновременно с коренной реорганизацией своих вооруженных сил, центральное правительство Китая приступило к налаживанию собственного военного производства. В этом отношении, не-

смотря на ограниченные сроки, Китай добился осязательных результатов. Его электростанции стали давать за год электроэнергии свыше 2,5 млрд. квтч. В разных районах страны выросли новые промышленные предприятия, в том числе и специально кадровые военные заводы. Выстроено несколько металлургических, коксохимических и металлообрабатывающих заводов. В Чжучжоу (провинция Хунань) построен автомобильный завод. По всей стране создано много, хотя и небольших, автосборочных заводов. В районе Кантона пущен на полный ход крупный завод авиастроения. По данным «Берлинер Берзенцейтунг», в провинции Гуандун работают 4 автосборочных завода. Есть сведения, что китайское правительство не только успело эвакуировать многочисленные предприятия из приморских провинций вглубь страны, но они будто бы на новых местах уже вырабатывают военную продукцию. Так что, по мере затяжки нынешней войны, Китай получает все большую возможность снабжать свою армию вооружением отечественного производства. Если к этому добавить, что Китай продолжает импортировать вооружение, то станет совершенно ясным, почему с каждым днем между японской и китайской армиями происходит все в большей мере уравновешивание сил в отношении технического оснащения.

Наряду с этим нужно заметить, что правительство Китая за последние годы сделало очень много для развития и улучшения своей сети путей сообщения. Протяженность железных дорог Китая в 1937 г. составляла более 13 тыс. км. Кроме того, известно, что в 1936 г. правительство Китая наметило за пять ближайших лет построить еще восемь тысяч километров новых железных дорог.

Длина шоссежных дорог Китая с 40 тыс. км. в 1930 г. выросла до 90 тыс. км. в 1937 г. Вместе с тем в Китае резко улучшилось техническое состояние железных дорог и увеличился автомобильный парк. В настоящее время автомобильный парк Китая, не считая армии, состоит не менее чем из

75 тыс. машин, из которых 50 тыс. легковых, 15 тыс. грузовых и 10 тыс. автобусов. Нет никакого сомнения, что все это, хотя и в несколько ограниченном размере, дает возможность командованию китайской армии практиковать переброску войск с одного фронта на другой по так называемым внутренним операционным направлениям. Это же обстоятельство дает пока обороняющемуся Китаю значительное преимущество. Опыт мировой империалистической войны 1914—1918 гг. и нашей гражданской войны показал, какое громадное значение имеет возможность осуществления маневра по внутренним операционным направлениям.

В целях достижения полного единства страны, а также для управления войсками, разбросанными по огромной территории Китая, нужно иметь густую и отчетливо работающую сеть связи. В этом отношении Китай также далеко не беспомощен. Протяженность его телеграфно-телефонных линий превосходит 39 тыс. км. Количество телеграфно-телефонных станций составляет не менее одной тысячи. Помимо этого, Китай располагает мощными средствами радиосвязи. Он имеет более 90 радиовещательных станций, 60 правительственных станций и несколько сотен приемно-передаточных аппаратов.

В общем, нужно сказать, что экономическая структура Китая обладает немалым количеством положительных качеств, в итоге чего китайский народ может бодро смотреть в глаза будущему.

Социальная база китайской армии становится с каждым днем все более крепкой. Нынешняя война принесла китайскому народу тягчайшие испытания. Японская военщина в припадке бешеной злобы сжигает сотни городов и тысячи сел Китая. Самураи насилуют, издеваются и убивают мирных жителей Китая. Но все это не ослабило сопротивления китайского народа, напротив, злодейские преступления японской военщины пробудили его сознательность. В нем накопилась глубокая ненависть к агрессору. Китайский народ еще плотнее сомкнул свои ряды вокруг правительства и демократических орга-

низаций. Он, как никогда, полон решимости до конца бороться с агрессором.

Именно этим объясняется невиданная активность и героизм китайской армии. «Observer» от 14/VIII.1938 г. поместил восторженную статью о китайской армии. Автор ее пишет: «Миф о непобедимости японской армии разрушен. Политико-моральное состояние китайских войск изумило весь мир». Они, действительно, проявляют исключительную доблесть.

Китайский полк под командованием полковника Ла-Чу-Фанга защищал Нанькоуский проход до последнего человека. Китайские рыбаки, вооружив свои джонки, бесстрашно нападают на корабли военно-морского флота Японии. Совершенно ясно, что эти китайские храбрецы идут на верную смерть. Но они с пробудившимся национальным самосознанием, с жаркой любовью к своей родине не останавливаются ни перед чем. Причем это относится не к отдельным китайцам, а ко всему китайскому народу.

Английское тихоокеанское агентство из Гонконга 9/VI.1938 г. писало о том, что «поведение китайского населения во время воздушных бомбардировок вызывает восхищение. Оно не проявляло никакой паники».

Китайцы во всем спешат оказать помощь своей родине. Достаточно сказать, что в сооружении окопов и укреплений в районе Ухана принимало участие более 100 тысяч крестьян. Не только мужчины, но и женщины Китая готовы отдать свою жизнь за лучшее будущее своей родины. Даже в самых отдаленных уголках Китая создаются женские организации, которые проходят военную подготовку и осуществляют разностороннюю работу по укреплению тыла страны.

В трех провинциях Китая: Ганьсу, Нанся и Шэньси 170 тыс. женщин проходят военную подготовку с тем, чтобы в ближайшее время пойти на фронт. Помимо этого, китайские женщины выполняют колоссальную работу по охране тыла, уборке урожая, санитарной службе и т. п. Словом, весь китайский народ включился в борьбу с агрессором.

ром. Это обстоятельство, конечно, не может не сказаться самым благотворным образом на китайской армии. Она от своего народа получает зарядку бодрости и укрепляет свою решительность в борьбе против коварного врага. В этом отношении китайская армия чрезвычайно резко отличается от японской армии. Политико-моральное состояние японской армии неумолимо падает. Об этом свидетельствует нарастающее дезертирство, массовое уклонение от явки на призыв, частые самоубийства и даже волнения и мятежи в отдельных войсковых соединениях.

Еще несколько лет тому назад китайская армия не представляла собою стройной организации. Прежде всего Китай не имел единой армии, так как многие провинциальные войска не подчинялись центральному командованию. Войсковые части с организационной стороны были самыми разнообразными. Единая штатная система вовсе отсутствовала. В пехотных дивизиях было разное количество полков — от 3 до 6. В армии не было однотипного вооружения. Даже в одном и том же полку, не говоря уже о более крупных соединениях, можно было встретить винтовки, пулеметы и орудия самых разных систем и калибров. По своему техническому оснащению китайская армия уступала почти всем армиям мира. У нее было исключительно мало броневедомостей, танков, самолетов и зенитной артиллерии. Военно-хозяйственное снабжение было поставлено из рук вон плохо. Наконец, в китайской армии почти вовсе не проводилась боевая выучка.

Но, начиная с 1936 г., центральное правительство Китая стало на путь решительной реорганизации своих вооруженных сил. Было установлено единое командование над всеми вооруженными силами страны. Декретом правительства была введена всеобщая обязательная воинская повинность. Все войсковые части стали формироваться по однотипным штатам. Центральное командование приступило к унификации и обновлению вооружения армии. В то же время поднялась на должную высоту боевая выучка бойцов и командиров.

Эти мероприятия правительства Китая встретили большие трудности на своем пути. Провинциальные генералы в осуществлении этого плана видели конец своей самостоятельности. Реакционные круги Китая, в особенности прояпонские, яростно выступали против реорганизации армии. Но центральное правительство твердо проводило в жизнь намеченный план, и уже к началу японского нашествия китайская армия представляла несколько иную картину.

В 1937 году китайская армия, не считая красной армии, насчитывала более 2 млн. человек. Однако боеспособных частей было всего лишь 40—45 пехотных дивизий. Остальные войсковые соединения китайской армии и в начале 1937 г. еще не представляли собой крепких боевых организмов. Они находились еще в стадии реорганизации.

Как только началось широкое наступление японцев на Китай, героическая китайская красная армия передала себя в распоряжение центрального правительства. Этим актом китайская красная армия лишний раз показала всем, что ее единственной целью является счастье своего народа. Китайская красная армия, переименованная затем в 8-ю народно-революционную армию, увеличила на 300 тыс. человек вооруженные силы своей страны. 8-я армия за время боев с агрессором потеряла много своих старых бойцов. Несмотря на это, численность 8-й армии растет. Китайский народ с чрезвычайной охотой пополняет ряды 8-й армии. «Manchester Guardian» от 4/VIII. 1938 г. утверждала, что «численность 8-й народно-революционной армии вновь увеличилась до 150 тыс. человек. Кроме того, она руководит 100 тыс. хорошо обученных и 0,5 млн. плохо обученных партизан». По данным, относящимся к лету текущего года, «8-я народно-революционная армия сведена в 16 дивизий, по 8 тысяч бойцов в каждой». («New York Times» 31/VII 1938 г.).

8-я народно-революционная армия — гордость китайского народа. Центральное правительство Китая и его общественные организации не раз отмечали блестящую боевую деятельность 8-й

армии, которая выросла в такую силу, что смогла выделить еще одну — 4-ю народно-революционную армию. Она объединилась с партизанами и в настоящее время действует весьма успешно вдоль Шанхай-Ханькоуской железной дороги. Та же «New-York Times» сообщает, что «4-я народно-революционная армия состоит из 6 дивизий по 10 тыс. бойцов в каждой».

Кроме 8-й и 4-й армий, Китай выставил сейчас на фронт более 100 пехотных и 10 кавалерийских дивизий.

На вооружении китайской армии состоят 6,5-мм. и 7,9-мм. винтовки. Ручные и станковые пулеметы — тех же калибров.

В начале японского нашествия артиллерийское оснащение китайской армии было очень слабое. В то время китайская артиллерия располагала только 1 200 орудиями (37- и 75-мм. пушки, 105- и 150-мм. гаубицы). В армии почти вовсе отсутствовали автоброневики и танки. В военно-воздушном флоте Китая насчитывалось лишь около 1000 самолетов, причем далеко не все они удовлетворяли современным требованиям. Но теперь, вследствие значительных заграничных закупок и роста отечественного военного производства, значительно улучшилось техническое оснащение китайской армии. Она в настоящее время располагает неизмеримо большим количеством артиллерийских орудий, пулеметов и самолетов. Мировая пресса не раз отмечала новые авиационные и танковые формирования китайской армии.

Это обстоятельство одновременно позволяет правительству Китая вести в своем тылу формирование новых крупных армейских соединений. В иностранной печати не так давно проскользнула заметка о том, что Китай будто бы в своем тылу подготавливает и оснащает современной техникой миллионную армию. Но и те части китайской армии, которые ныне действуют на фронте, представляют собой крепкую боевую силу. «Manchester Guardian» 13/VIII 1938 г. писала о том, что только «вокруг Ханькоу сосредоточено свыше миллиона хорошо обученных китайских

войск». Словом, китайская армия растет и крепнет в непрерывных боях. Используя боевой опыт, китайская армия на ходу исправляет ошибки, совершенствуется и уже теперь представляет стройную организацию. Например, еще несколько месяцев тому назад в китайской армии отсутствовало взаимодействие родов войск: пехоты с артиллерией и авиации с наземными частями. Ныне же, по свидетельству мировой печати, в этом уже нельзя обвинить китайскую армию. Она стала действовать по заранее выработанным планам. Между отдельными соединениям и родами войск, как правило, устанавливается тесное содружество.

Особое восхищение всего мира вызывает китайская авиация. Она безусловно выросла численно и одновременно повысила качество своей работы. Об этом свидетельствуют полеты китайской авиации над метрополией Японии и прочие многочисленные факты.

«Journal des Nations» от 22/II. 1938 г. сообщал о том, что «при бомбардировке Нанкина 18/II из 38 японских самолетов вернулись на базу только 21, а китайцы потеряли только четыре самолета». Если же учесть все потери, понесенные Японией с первых дней, то они к настоящему времени составят не менее 700 самолетов. «Journal des Nations» еще в апреле текущего года утверждал, что «японская авиация потеряла с 15/VIII. 1937 г. по 1/III. 1938 г. 513 самолетов».

Силы китайского народа несомненно возрастают. Но командование китайской армии пока еще не переходит в решительное наступление на противника. Оно отдает себе полный отчет в том, что если уж бить противника, то его нужно бить наверняка. Для этого следует его окончательно вымотать, а тем временем сформировать в тылу резервную армию и безошибочно достигнуть победы. На этом и базируется та тактика, которую проводит центральное командование Китая. Тактика эта заключается в завлечении врага вглубь страны, в выигрыше времени, ибо оно работает на китайскую армию.

Эта тактика оправдывается и другими мотивами — стремлением заставить японскую армию действовать в цен-

тральном, горном районе страны, где она не сможет использовать свои мотомеханизированные соединения, и удлинить коммуникационные линии противника, которые можно было бы без особого труда рвать с помощью партизанских отрядов. Последнее обстоятельство представляет для японской армии огромную опасность. Китайские партизаны уже теперь проявляют столь интенсивную и успешную деятельность, что она начинает у японского командования вызывать большую тревогу. Да это и неудивительно, ибо массовое партизанское движение в тылу японцев, опирающееся на широчайшую поддержку китайского народа, показывает высокие образцы мужества и доблести. Китайские партизаны на глазах у японской армии взрывают плотины через многочисленные реки страны, разрушают железнодорожные мосты, пускают под откос японские воинские поезда и доставляют очень много других неприятностей для японской армии. В этом отношении они добились значительных успехов. «Petit Parisien» 2/VIII.1938 г. писала о том, что «железнодорожные линии, связывающие Северный Китай с Жехе, перерезаны и бездействуют уже в течение трех недель». «Journal des Nations» 17/II. 1938 г. поместил восторженную статью о китайских партизанах. В качестве одного из примеров героического поведения китайских партизан, в этой статье был приведен такой случай: «Китайский отряд переоделся нищими, вошел в город Уси и уничтожил весь японский гарнизон, численностью в 500 человек».

Сколь успешно действуют китайские партизаны, об этом пишет Эдгар Сноу в «Daily Herald» от 15/II. 1938 г. Он утверждает, что «партизаны лишь только одной провинции Шанси уже уничтожили 15 тысяч японцев, захватили 34 артиллерийских орудия, 50 станковых пулеметов, 1200 лошадей, 26 самолетов и т. д.».

В росте партизанской борьбы Китая играет исключительную роль 8-я народно-революционная армия. «Северный

Китай превратился в театр партизанской войны, руководимой 8-й народно-революционной армией. Партизанская война может в будущем решить исход войны» («Manchester. Guardian» 4/VIII. 1938 г.).

22 октября пал Кантон, а 25 октября моторизованная колонна японских войск вошла в Ханькоу.

Сдача Кантона может быть объяснена только предательством командующего гуандунской армией генерала Ю-Ханмоу. Отступление китайских войск из Ханькоу — лишь стратегический маневр, а отнюдь не поражение. Напротив, отход китайской армии из Ханькоу свидетельствует о стремлении Китая вести длительную освободительную войну. Этим актом командование китайской армии обнаружило желание и впредь держать в своих руках инициативу, закрепить за собою свободу в действиях. Отступление от Ханькоу — не означает конец борьбы китайского народа за право на самостоятельное национальное существование. От Ханькоу отошла армия, полная решимости продолжать борьбу с японскими захватчиками.

В этом отношении является весьма знаменательным заявление, сделанное Чан Кай-ши 25/X. 1938 г. корреспонденту «Пари суар»: «Мы будем твердо продолжать войну до конца. Мы добьемся успеха».

Словом, китайский народ решил бороться до конца за свою национальную независимость. Истекший период японо-китайской войны совершенно ясно показал несомненное преимущество китайской армии. Это находит отзвук среди колониальных народов Японии. Формозцы, корейцы, манчжуры увидели, что японский империализм можно победить. Именно это побудило колониальные народы поднять выше свои головы и приступить также к партизанской борьбе против своих угнетателей.

Китайская армия и сотни тысяч партизан в тылу японских войск способны нанести сокрушительный удар по агрессору и очистить от него свою родную землю.

Героическая борьба испанского народа

Полковник Н. ЖУРАВЛЕВ

Война в Испании длится уже третий год. Много за это время пролито рабоче-крестьянской крови. Велики потери у испанского народа, но дух его попрежнему крепок, и народ-герой полон решимости бороться до конца.

Много славных подвигов совершено бойцами республиканской армии. Весь мир восхищен их мужеством, отвагой, хладнокровием, храбростью и беззаветной любовью к родине. Но, как показывает опыт, как бы ни была велика значимость героизма на войне, исход ее в конечном счете все же зависит от общего соотношения сил и от умения руководства с имеющимися силами достигнуть победы.

Понятие соотношение сил по своему содержанию очень сложное; оно включает в себя и численность войск, и их боевую подготовку, и уровень политико-морального состояния бойцов, и военно-производственную базу страны, и, наконец, целый ряд внутренних и внешнеполитических факторов, которые или действуют данной стороне, или, наоборот, препятствуют ей в достижении целей войны. Все названные факторы непостоянны; они в процессе войны непрерывно изменяются, тщательный же анализ позволяет установить направление тенденции в их развитии, а на базе последнего с той или иной долей правдоподобности можно определить и вероятный исход данной войны.

Изменение соотношения сил у воюющих сторон в Испании шло в таком направлении. В первые дни войны республиканцы на суше имели до 40 тысяч

бойцов, а мятежники — до 100 тысяч, но из них половина была в Марокко; на море численное преимущество было на стороне республиканцев; фашисты располагали всего лишь 1 линкором, 1 крейсером (два были в ремонте), двумя-тремя миноносцами, а на стороне республиканцев был весь остальной флот; причем матросы расправились с ненадежным реакционным офицерством; в воздухе силы республиканцев были вдвое больше сил мятежников. В распоряжении республиканского правительства, кроме небольшого числа частей регулярной армии, было еще значительное число дружинников народной милиции, последние в основном и были той силой, которая подавила фашистский мятеж в таких центрах, как Мадрид, Барселона, Валенсия, и других крупных городах. Следовательно, превосходство в численности войск было на стороне республиканцев.

Аналогичная картина наблюдалась и в области производства средств вооружения. Основные производственные районы были в руках республиканцев. На территории, подвластной законному правительству, было все необходимое для производства средств борьбы, не говоря уже о том, что в распоряжении правительства был и весь государственный запас золота. В экономическом и производственном отношениях силы фашистов и республиканцев были несоизмеримы: республиканцы имели ярко выраженное превосходство.

То же самое приходится сказать и о политико-моральном состоянии бойцов.

Весь испанский народ был охвачен исключительно высоким энтузиазмом борьбы и ненавистью к фашистским мятежникам.

Казалось бы, что при столь благоприятных данных по целому ряду показателей, входящих слагаемыми в понятие соотношение сил, республиканцы должны были бы ликвидировать мятеж в самом его начале. Но этого, к сожалению, не случилось, и только потому, что ряд других показателей был для них неблагоприятен. Республиканцы не смогли быстро подавить мятеж по причинам двоякого порядка: во-первых, вследствие вмешательства в борьбу итало-германских интервентов, а во-вторых, из-за того, что республиканское командование не смогло решить целого ряда оперативных задач. Последнее случилось потому, что у республиканцев отсутствовало единство воли и руководства. Чтобы яснее представить себе существо последнего положения, достаточно вспомнить, что в начале войны у республиканского правительства, по сути дела, не было сил, которыми оно могло бы управлять и командовать в соответствии с обстановкой. Дружины народной милиции формировались профсоюзными и партийными организациями и ничьих приказов и распоряжений, кроме своих организаций, выполнять не желали. Точь-в-точь такое же положение было и с национальными и провинциальными формированиями, которые желали драться только в пределах своей провинции или автономной национальной области. Ясно, что в этих условиях о создании какого-либо плана войны и его осуществлении говорить не приходилось.

Вторым неблагоприятным для республиканцев фактором в первые дни войны было отсутствие достаточного количества подготовленных в военном и надежных в политическом отношении командных кадров, так как большинство офицеров примкнуло к мятежникам. Отсутствие командных кадров в морском флоте было той основной причиной, вследствие которой республиканцы, несмотря на свое превосходство в силах на море, не сумели помешать Франко перебросить свои войска из Марокко. Если бы

республиканцы смогли это сделать, то весь дальнейший ход борьбы принял бы совершенно иной оборот.

Таким образом, можно констатировать, что под воздействием названных причин ход событий на фронтах на долгое время сложился не в пользу республиканского правительства, хотя численно и в моральном отношении его силы были больше сил мятежников.

Результаты первых боевых действий были крайне печальны для республиканцев: их импровизированные отряды и отрядики не выдерживали натиска фашистов и откатывались в глубь страны. Можно было предполагать, что из этого факта будут сделаны нужные выводы как общественным мнением страны, так и руководителями государства. Но анархистская идея «всепобеждающей» стихийности безраздельно владела умами значительной части населения Испании, и опыт борьбы начального периода войны остался неучтенным. Чтобы понять простую истину, что без хорошо организованной, обученной и обильно снабженной армии в современную эпоху успешно вести войну нельзя, потребовался печальный опыт военных неудач в течение ряда месяцев, и эту истину поняли лишь тогда, когда банды фашистов вплотную подошли к Мадриду. Единственная партия среди партий народного фронта, которая с самых первых дней войны призывала к созданию регулярной армии, требовала организации оборонной промышленности, единого командования и вела борьбу за установление в войсках твердой дисциплины, — была коммунистическая партия Испании. Хотя ее голос в ту пору был слаб для того, чтобы заглушить шум стихийности, тем не менее она начала создавать войсковые части, которые по своей организации и подготовке были бы пригодны для современного боя. Коммунистическая партия создала тот самый 5-й полк, который в последующем прославился на весь мир своей доблестью и героизмом при отражении первых штурмов фашистских полчищ на Мадрид. Этот полк совместно с Интернациональной бригадой в начале ноября 1936 года спас от падения

столицу Испании. Боевая подготовка 5-го полка была столь высока, что когда республиканцы развернули строительство регулярной армии на центральном фронте, то в качестве командных кадров для вновь формируемых частей они брали бойцов 5-го полка. Блестящие боевые успехи славного полка были самыми убедительными агитационными аргументами в пользу необходимости создания регулярной армии.

В данное время задача по созданию регулярной армии республиканской Испании решена. Многие республиканские дивизии по своей организации и уровню боевой подготовки не уступают односторонним войсковым соединениям лучших армий в мире. Среди них особенно выделяется 11-я дивизия во главе с командиром-коммунистом Листером. Эта дивизия с честью и достоинством продолжает славные традиции знаменитого 5-го полка, из личного состава которого она была сформирована при переходе от народной милиции к регулярной армии. В марте 1937 года 11-я дивизия громила итальянцев под Гвадалахарой, она же брала Теруэль, а последним ее подвигом было форсирование р. Эбро. За боевые заслуги дивизия награждена почетным знаменем.

Численность республиканской армии иностранная печать определяет не менее чем в полмиллиона человек. Таким образом, сухопутные силы республиканской Испании за время войны выросли в 12—13 раз.

Численность войск фашистов, по данным иностранной же печати, достигает тоже примерно полмиллиона солдат; следовательно, силы фашистов за годы войны по сравнению с ее начальным периодом выросли в пять раз. А поскольку в число 500 тысяч человек входят и войска интервентов, на долю которых приходится до 200 тысяч, то численность банд Франко возросла не в пять, а всего лишь в три раза.

Цифровые показатели численности армий воюющих сторон крайне характерны; в них, как в зеркале, отражается подлинное отношение широких народных масс к фашистскому и к республиканскому демократическому режиму. В

медленном темпе роста армии Франко выражается враждебное отношение народных масс к фашизму, вследствие чего база для комплектования армии у Франко до крайности сужена. Мобилизации, объявленные фашистами, проваливаются, так как призываемые под всяческими предлогами уклоняются от службы в рядах армии Франко. Кроме того, фашистское руководство, не доверяя мобилизуемым массам, вынуждено производить строгую фильтрацию (отбор). А это профилактическое мероприятие еще больше сокращает фашистам возможность полного использования имеющихся на их территории людских контингентов.

В области политико-морального состояния войск положение Франко и его приспешников еще более плачевно.

Испанский народ ведет борьбу во имя сохранения своей свободы, ради сохранения своей национальной независимости и тех завоеваний, которые ему, в результате революции удалось вырвать у буржуазно-помещичьей реакции. Насколько эти цели близки, родны и дороги каждому подлинному испанцу, можно видеть на бесчисленном множестве примеров. Хосе Гарсиа в одной из своих корреспонденций из Испании приводит такой любопытный диалог, имевший место на призывном пункте республиканцев. Восьмилетний мальчик спрашивает отца: «Папа, почему ты идешь в солдаты?». И отец отвечает: «Чтобы у тебя была родина, сынок».

Родина—великое, магическое слово в устах народа, оно полно огромного внутреннего содержания. Во имя ее стала под знамена республики и доблестно сражается та часть офицерства старой испанской армии, которая любит свою страну, свой народ, его язык и культуру. Ради борьбы за родину перешли на сторону республиканцев прогрессивные и честные элементы из рядов правящих классов Испании, и многие из них пали смертью храбрых в борьбе за независимость своего народа, как, например, сын бывшего президента Испании Замора; погибший лейтенантом народно-революционной армии. Сознанием правоты и величия идеалов, за которые борется

весь испанский народ, объясняются ска- зочные подвиги и твердость духа, про- явленные бойцами республиканской ар- мии в борьбе с фашистами.

Совершенно иная картина наблюдает- ся в лагере противника. Мятежники ведут войну ради захвата власти фа- шистами и установления фашистской диктатуры. Франко хочет восстановить имущественные и правовые привилегии крупной земельной знати и католиче- ского духовенства. Ясно, что подобного рода «идеалы» не могут вдохновить на ратные подвиги насильно мобилизован- ных рабочих и крестьян. И солдатские массы армии Франко в бой идут только потому, что палки фашистского капрала они боятся больше смерти. Вся фашист- ская армия держится исключительно на жесточайшем терроре, насилии и шпио- наже. Но эти «основы» непрочны, они при первых же сильных ударах респуб- ликанцев падут, и недовольство масс фашистским режимом прорвется наружу, а вооруженные силы фашизма рассып- лются в прах.

Политико-моральное состояние войск интервентов не блестяще, потому что солдат действительной службы герман- ской и итальянской армий насильно послали завоевывать Испанию. Цели этой преступной войны не только не близки солдатам этих армий, а более того — враждебны и непонятны.

Таким образом, если в отношении численности войск соотношение сил у воюющих сторон на сегодня примерно равное, то в отношении боевого духа, стойкости и желания драться респуб- ликанские войска стоят на неизмеримо более высоком уровне.

Но инициатива действий все же оста- ется в руках фашистов, что объясняет- ся их большим превосходством в обла- сти вооружения. Фашистские войска Гитлера и Муссолини по сравнению с республиканскими более обильно снаб- жены современными средствами борь- бы — танками, артиллерией, самолета- ми и т. п. По вполне понят- ным причинам, нам неизвестна точ- ная численность технических средств борьбы, имеющихся на той и другой стороне. По данным же печати, фашисты

имеют примерно 400—410 самолетов, из них — до 140 немецких и до 260—270 итальянских. Количество танков оцени- вается примерно в 250—300 машин, а артиллерия имеется в количестве, пре- вышающем 1.500 орудий. О техническом оснащении республиканской армии из- вестно, что она имеет все виды современ- ной военной техники — самолеты, танки и артиллерию всех видов. Качест- во боевых машин у республиканцев прекрасное: достаточно сказать, что в воздушных боях победа неизменно остается за героическими республикан- скими летчиками, причем фашисты несут, как правило, в 4—5 раз больше потерь, нежели республиканцы. То же самое наблюдается и в области борьбы с фа- шистскими танками: противотанковые орудия республиканцев с успехом отби- вают танковые атаки врага, выводя из строя в среднем по 3—4 танка на каж- дое орудие. В количественном же отношении превосходство в технических средствах борьбы остается на стороне фашистов, и до тех пор, пока суще- ствует иностранная интервенция в Испании, ожидать какого-либо измене- ния в этом отношении не придется.

За выигрыш времени, которое необ- ходимо было Испанской республике для организации вооруженных сил, республиканцы заплатили ценой потери значительной части территории. Потеря- на Страна басков, Астурия, Эстремаду- ра и Арагон. За все время войны республиканцы утратили приблизительно 125—130 тысяч кв. км. территории, на которой до войны проживало около 6 млн. населения. Таким образом, если в начале войны на территории респуб- ликанской Испании проживало около 14 млн., то теперь численность ее населения равна примерно 10 млн. Численность народонаселения сократилась бы еще больше, но значительная часть насе- ления при приближении фронта постоянно уходила вглубь страны, спасаясь от фашистских зверских расправ. благода- ря названным потерям военный потен- циал республиканской Испании со- кратился, а ее производственные воз- можности уменьшились; например,

около 60 проц. испанской металлургии сейчас оказалось в руках фашистов. Поэтому совершенно очевидно, что без прекращения итало-германской интервенции в Испании и без восстановления законного права испанского правительства на закупку оружия за границей изменения материально-технического обеспечения в пользу республиканских войск не предвидится. Для успешного же завершения борьбы против банд Франко будет достаточно и тех средств, которыми располагают республиканцы к данному времени.

Война в Испании протекает в крайне сложной и тяжелой для республиканцев международной обстановке. Лига наций, как Понтий Пилат, умыла руки и палец о палец не ударила, чтобы защитить своего члена от агрессии фашистских стран. Лондонский комитет по невмешательству сделал не больше, чем сделала Лига наций. Это учреждение из комитета по невмешательству в испанские дела постепенно превратилось в ширму, прикрывающую итало-германскую агрессию в Испании.

Итало-германские фашисты войну в Испании ведут не ради «прекрасных глаз генерала Франко», а ради достижения для себя таких стратегических выгод, которые позволили бы им свободно и легко достигнуть своих внешнеполитических целей, сводящихся, как известно, к мечтам Муссолини о восстановлении Римской империи и к сношениям Гитлера о создании Срединной Европы. Муссолини стремится превратить Средиземное море во внутреннее итальянское море, чтобы вытеснить англо-французское влияние из стран, прилегающих к Средиземному морю. Первым шагом Муссолини в этом направлении был захват Абиссинии. Это обстоятельство привело к тому, что восточные ворота Средиземного моря оказались для англичан запертыми на итальянский замок. Если бы итальянскому фашизму удалось завоевать Испанию и Испанское Марокко, то и западные ворота Средиземного моря оказались бы запертыми на замок того же производства. Кратчайший путь в Индию, путь к «жемчужине короны британского короля», находится под

угрозой, — такова перспектива для Англии.

В не меньшей степени висит угроза в Средиземном море и над Францией. Ее коммуникации, которыми она связана со своими африканскими владениями, проходят неподалеку от Балеарских островов и от берегов Италии. В случае закрепления итальянскими фашистами захваченных ими в данное время Балеар, французские коммуникации в Средиземном море будут зажаты в стальные тиски и в любой момент могут быть перерезанными по воле Муссолини. Мощь Франции, изолированной от своих колониальных владений, значительно сокращается. Фашизированная Испания, состоящая в союзе с Италией и Германией, кроме того, представляет собой огромный плацдарм, и притом довольно удобный, для нападения на Францию с той стороны, где ее границы меньше всего подготовлены к обороне. Наличие подобного рода угрозы, по расчетам Муссолини, должно будет сделать Францию более уступчивой в процессе торга о территориальных требованиях фашистской Италии.

Аналогичные стратегические цели преследует и Гитлер, который в дополнении к планам и вождениям Муссолини прибавляет еще и свои. В частности, походом в Испанию Гитлер желает приобрести для германской промышленности испанские железные руды и цветные металлы. А чтобы сделать Англию более уступчивой при обсуждении колониальных требований Германии, Гитлер стремится создать угрозу и второму английскому пути, идущему вокруг Африки, которым Англия связана со своими колониальными владениями. Угрозу этому пути Гитлер пытается осуществить устройством базы военно-морского и военно-воздушного флотов на Канарских островах (к чему уже приступлено), до сих пор принадлежавших Испании и ныне захваченных фашистами.

Таким образом, итало-германская интервенция в Испании своим острием направлена как против испанского народа, так и против англо-французских интересов. Казалось бы, что

английская и французская дипломатии должны были бы это понимать и должны были бы не чинить препятствий испанскому народу в борьбе с его врагами. На деле же получается обратное: в Лондонском комитете по невмешательству дипломатия Англии и Франции всемерно убожает итали-германских агрессоров, игнорируя интересы и права испанского народа; в частности, усилиями англо-французской дипломатии испанское законное правительство лишено права закупки оружия за границей. Такое поведение англо-французской дипломатии продиктовано исключительно социально-классовыми интересами буржуазии, ради которых приносятся в жертву агрессору национальные интересы этих стран. Английская и французская буржуазия смертельно боится развития и углубления испанской революции, благодаря чему дипломатия этих стран и стоит на пути уступок агрессору и соглашений с ним во что бы то ни стало вместо того, чтобы оказать противодействие итали-германской агрессии в Испании.

В общем, внешнеполитическая ситуация Испанской республики на третьем году войны значительно ухудшилась, и нет никаких оснований надеяться, что правительства крупных капиталистических, так называемых «демократических», стран предоставят испанскому законному правительству право свободной закупки оружия за границей. Следовательно, до тех пор, пока в Англии и Франции у власти находятся государственные деятели типа Чемберлена и Даладье, нет никаких оснований для предположения, что испанская народно-революционная армия в области технического оснащения сможет быстро сравняться с фашистскими войсками.

После того, как Англия и Франция капитулировали перед Гитлером в Мюнхене по чехословацкому вопросу, есть веские основания для опасений, что они капитулируют перед Гитлером и Муссолини и в испанском вопросе, т.е. предоставят этим господам такую же свободу действий в Испании, какую Гитлер получил в Чехословакии. Если это случится, то и в численном отноше-

нии превосходство сил может перейти на сторону врагов испанского народа.

Итак, на данном этапе войны для одержания окончательной победы республиканскому испанскому правительству нехватает лишь военной техники. Решение этого вопроса тормозится неблагоприятной внешнеполитической ситуацией, сложившейся вследствие неблагоприятных со стороны руководителей британской и французской политики. Изменить существующее положение вещей могут только народные массы Англии и Франции. Достаточно народу этих стран одернуть по-настоящему зарвавшихся профашистски настроенных премьер-министров и потребовать проведения политики, которая бы отвечала национальным интересам этих стран, как проблема вооружения для испанской народно-революционной армии будет окончательно и притом успешно решена.

Стратегическое положение Испанской республики в данное время довольно острое, но его нельзя считать безнадежным. Республиканцы имеют все необходимое для успешного и длительного сопротивления, а при изменении международной ситуации в лучшую для них сторону и для перехода в наступление. Об этом говорят факты. В профашистски настроенной части западноевропейской печати, после выхода фашистов на берега Средиземного моря (15 апреля текущего года), раздавалось восторженное завывание о скором конце демократического режима в Испании. Но с тех пор прошло уже шесть месяцев, а Испанская республика все еще продолжает не только существовать, но и наносить фашистам крепкие, увесистые удары, как это было, например, более трех месяцев тому назад на р. Эбро.

Острота стратегического положения республиканской Испании заключается в том, что ее территория со второй половины апреля оказалась разрезанной на две части. Это обстоятельство затруднило республиканцам маневр своими вооруженными силами по внутренним операционным линиям и внесло осложнения в поддержание связи между Каталонией и основным массивом испан-

ской территории. Само собой разумеется, что появились осложнения и в доставке снабжения из одной части республиканской территории в другую. Но нужно иметь в виду, что налицо имеются только трудности в поддержании сообщения, а никакой изоляции одного района от другого не существует, так как сообщение между Каталонией и остальной республиканской территорией с успехом поддерживается морским путем. Перерезать этот путь фашистские мятежники не в состоянии — у них для этого нет военно-морских сил; после того, как они потеряли линкор «Эспанья» и крейсер «Балеарес», они стали особенно слабыми. На море господство фактически принадлежит республиканцам, и их военно-морской флот в условиях данной обстановки играет исключительно большую роль в деле обороны страны.

Невзирая на ожесточенный отпор республиканцев, фашисты не отказываются от надежды сокрушить вооруженное сопротивление республиканцев. После выхода на берега Средиземного моря фашисты пытались осуществить такой план: основные усилия они сосредоточили на фронте Леванта в надежде прорваться к Валенсии; вспомогательный удар они организовали в Эстремадуре, на западном участке центрального фронта республиканцев, а в сторону Каталонии выставили заслон, который организовал оборону по рекам Сегре и Эбро.

Ближайшим объектом действий на фронте Леванта фашисты наметили Валенсию. Этот город привлекал внимание фашистских головорезов не только потому, что он является одним из крупнейших центров и портов современной Испании, где фашистские бандиты мечтали упиться доотвала кровью рабочих, но и потому, что в условиях существующей обстановки в Испании этот город имеет исключительно большое стратегическое значение.

Если бы фашистам удалось захватить Валенсию, то они приобрели бы для своего морского флота очень важный опорный пункт на побережье Средиземного моря. Имея Валенсию и Балеарские

острова, фашисты смогли бы действительно почти полностью изолировать Каталонию от остальной республиканской территории.

Не менее серьезного успеха фашисты достигли бы в этом случае и на суше. Дело в том, что линия фронтов Леванта, Центрального и Южного, проходит почти исключительно по горной местности. Горы же представляют огромное преимущество обороняющемуся перед наступающим; в горах до крайности ограничено применение танков, артиллерии и авиации, вследствие чего фашисты лишаются возможности использовать свое преимущество в области техники вооружения. Без широкого же применения военной техники наступление в современных условиях войны невозможно. Следовательно, благодаря удачной для обороны местности база и коммуникации республиканцев, находящиеся в пределах Ново-Кастильского плато, остаются недоступными для фашистов.

Доступов для крупных войсковых масс на Ново-Кастильское плато существует два: один из них расположен южнее Валенсии, а другой — в восточной части Эстремадуры; причем первый, имея более хорошо развитую сеть путей сообщения, значительно выгоднее второго, что и послужило одной из причин выбора фашистами направления главного удара на фронте Леванта, а не в Эстремадуре.

Наряду с этим немалое влияние оказал на решение этого вопроса также и тот факт, что снятие фашистами крупных сил с фронта Леванта и переброска их на какое-либо другое направление были чреваты опасностью перехода республиканцев в наступление на этом фронте. Если бы это случилось, то фашизму был бы нанесен смертельный удар. В силу всех этих соображений фашисты и сосредоточили свои основные усилия на фронте Леванта, имея целью не только захват Валенсии, но и овладение плацдармом южнее ее для организации дальнейшего наступления в сторону Ново-Кастильского плато.

В наступление на Валенсию фашисты бросили все, что имели. Но оно с треском провалилось. Причин крушения

планов фашистов две: стойкость республиканских войск на фронте Леванта и тот разгром, который им учинила республиканская армия на р. Эбро под командованием талантливого командира, испанского коммуниста, Модесто. Удар через Эбро был блестяще проведен республиканскими войсками, и они глубоким клином врезались в расположение фашистов. Значимость этого успеха республиканцев заключается не только в том, что они полностью разгромили 50-ю и 4-ю наваррские дивизии мятежников, захватив свыше 7000 пленных и большое количество разного военного имущества, а главным образом в том, что дальнейшее продвижение войск Модесто создавало угрозу окружения всей основной массы фашистских войск, действующих на фронте Леванта. Под угрозой этой опасности фашисты принуждены были не только прекратить наступление на валенсийском направлении, но и перебросить оттуда основную массу своих сил на р. Эбро. Совокупность этих фактов и составляет оперативную сущность успеха армии Модесто. Из факта прекращения фашистами наступления на Валенсию и переброски ими войск с этого направления на р. Эбро видно, что у фашистов нет крупных сил в резерве, им нечем оперировать, и они вынуждены вести стратегию «тришкина кафтана», т. е. перебрасывать из стороны в сторону одни и те же войска.

Плაცдарм на правом берегу р. Эбро, освобожденный от фашистов армией Модесто, твердой костью застрял в горле фашистского волка. Опираясь на этот плацдарм, республиканцы теперь в любое время могут предпринять новое наступление с целью окружения фашистов, действующих в пределах Леванта. Насколько это обстоятельство беспокоит фашистское командование, видно хотя бы из того, что уже три месяца банды фашистских вандалов настойчиво атакуют республиканские позиции на правом берегу р. Эбро. Но все их усилия тщетны: герои республиканцы стоят твердой скалой, ни пяди не уступая врагу из освобожденных территорий.

Наступление на валенсийском направлении стоило фашистам, по мнению ино-

странной печати, не менее 60 тысяч убитыми и ранеными, а за время бесплодных атак на р. Эбро они потеряли еще не менее 50 тысяч человек. Велики потери фашистов и в материальной части: например, с июля по октябрь (за три месяца) они потеряли до 250 самолетов. Потери республиканцев за это время во много раз меньше потерь фашистов: среди наземных войск раз в 6—7, а среди воздушных сил в 4—5 раз.

Успех обороны республиканцев на фронте Леванта, как и успех наступления и обороны армии Модесто на р. Эбро, могли бы стать поворотным пунктом в ходе войны в пользу республиканцев, так как соотношение сил в численности войск становилось выгодным для республиканцев. Но этого не произошло только потому, что Муссолини и Гитлер немедленно пополнили потери фашистских войск присылкой свежих сил и восстановили численность своей авиации присылкой новых самолетов.

Попытка фашистов оказать содействие своему наступлению в Леванте ударом со стороны Эстремадуры не имела успеха и была легко и быстро ликвидирована контр наступлением республиканцев. Этот факт показателен в том отношении, что он свидетельствует о наличии достаточно крупных резервов в распоряжении республиканского командования.

Из положения на фронтах, и особенно из фактов успешности активной обороны республиканцев, видно, что фашисты не обладают в данное время таким превосходством в силах, которое привело бы их к быстрому завершению войны. Война в Испании затянется надолго, во всяком случае третья зимняя кампания неизбежна. Исход ее будет определен дальнейшим поведением дипломатии таких стран, как Англия и Франция, и состязанием тыла у воюющих сторон: победит тот, у кого тыл крепче.

Прогрессивное человечество и мировой рабочий класс имеют все возможности к тому, чтобы оказать свое решающее влияние на оба названных фактора в пользу республиканской Испании. Героический испанский народ не должен

быть выдан Чемберлену в качестве мелкой разменной монеты при его торгах с Гитлером и Муссолини. Для этого требуется лишь более активное воздействие пролетариата демократических стран на внешнюю политику своих правительств.

Необходимо добиваться прекращения интервенции в Испании, нужно требовать эвакуации итало-германских войск из Испании, бороться за прекращение снабжения банд Франко оружием и боеприпасами, нужно добиться восстановления права закупки оружия за границей для законного республиканского правительства. Человечество все это должно делать не только ради права и справедливости в отношении испанского народа, но и ради спасения себя от новой мировой империалистической бойни.

Состояние тыла у республиканцев превосходное, хотя страна испытывает огромные экономические трудности. Испанский народ сейчас объединен, как никогда. На опыте кровавой борьбы антифашистские партии и рабочие организации изжили ранее существовавшие разногласия по тактическим вопросам. У народных масс Испании и у ее интеллигенции, как и у всех тех, в ком бьется сердце патриота и в чьих жилах течет испанская кровь, есть только одна задача: защитить свою родину от нашествия иноземных войск и банд фашистских мятежников.

Сколь высоко у испанского народа желание драться и победить, можно судить на основании того, с какой быстротой республиканцы справились с тем кризисом, который им пришлось пережить весной текущего года. Когда усилиями итало-германских интервентов и их же техникой в десятых числах марта был прорван восточный фронт республиканцев и войска фашистов широкой волной катились по Арагону, то испанский народ не растерялся, а поднялся единой сплошной стеной на защиту своей родины и менее чем в две недели на место выбывших из строя бойцов встали 110 тысяч новых героев.

Не менее показателен и другой факт. На тяжелую весеннюю неудачу на во-

сточном фронте рабочие Испании ответили повышением производительности труда и добровольным удлинением рабочего дня.

Оба эти факта ярко и убедительно свидетельствуют, что, невзирая на огромные жертвы и потери, испанский народ твердо решил во что бы то ни стало добиться победы над своими врагами. Ясность цели войны и ее близость для каждого испанца вдохновляют республиканцев на борьбу и победу, и они ее вырвут из лап коварного врага.

В лагере фашистских насильников наблюдается совершенно иное. Растут распри и раздоры между «союзниками». Итальянские и германские завоеватели на каждом шагу своими действиями показывают населению, что подлинными хозяевами являются они, а не марионеточная фигура карманного генерала Франко. На предприятиях иногда вспыхивают стачки, дают себя знать и партизанские отряды. В Марокко, как и в некоторых пунктах территории Пиренейского полуострова, занятой фашистами, время от времени вспыхивают восстания в войсковых частях.

Пока что итало-германским интервентам удавалось подавлять все эти проявления недовольства фашистским режимом, но кто может поручиться, что они справятся с ними завтра, когда вспыхнет народное возмущение в более широком масштабе?

Исторический опыт подобного рода борьбы в той же самой Испании говорит о том, что завоеватели не справлялись с народным движением; так, например, в 1809 году Наполеон вынужден был вывести свои войска из Испании и оставить в покое ее народ. Несмотря на остроту положения у республиканцев, и в данное время все же имеется достаточно много оснований, чтобы надеяться на конечную победу. Но нужно помнить, что испанский народ сейчас нуждается в помощи всего прогрессивного человечества, ибо над ним висит опасность быть выданным «демократическими» странами на расправу Гитлеру и Муссолини.

Литературные заметки о современной теме

Г. БРОВМАН

★

I

«Итак, по моему мнению, первый и главный вопрос, предстоящий для разрешения критика, есть — точно ли это произведение изящно, точно ли этот автор поэт?».

В. Белинский

(«О русской повести и повестях г. Гоголя»¹).

На склоне жизненного и творческого пути Гончаров подверг критическому разбору свои произведения. Автор бессмертного «Обломова», этого шедевра русской реалистической прозы, был не удовлетворен современной ему литературной критикой. И писатель сам выступил с известной критической статьей «Лучше поздно, чем никогда» (она была опубликована в девятом номере журнала «Русская речь» за 1879 г.). Однако, не находя лестных слов по поводу критики вообще, Гончаров в то же время выделяет в своей статье таких критиков, которые подчас видят художественные образы, понимают произведения, истолковывают их значение лучше, глубже, полнее, чем сам автор.

Гончаров пишет: «Картина говорит за себя, и художник часто сам увидит смысл — с помощью тонкого критического истолкователя, какими, например, были Белинский и Добролюбов»².

¹ В. Г. Белинский. Избр. соч., т. I, стр. 99. М. ГИХЛ. 1934. (Курсив автора. — Г. Б.)

² И. А. Гончаров. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 208. СПб. 1896.

Но дело, разумеется, не в одном «толковании» литературных произведений, дело и в том (о чем Гончаров уже не пишет), что названные им критики не только толковали романы или поэмы, но на основе первых книг писателя раскрывали реальные перспективы его художественного развития. На примере творчества самого Гончарова это подтверждается блестяще.

В 1847 году Белинский прочитал первый роман Гончарова «Обыкновенная история». Великий критик незамедлительно откликнулся на литературную новинку. В знаменитом «Взгляде на русскую литературу 1847 года» роман был подвергнут обстоятельному рассмотрению. Наряду со множеством других тонких и правильных замечаний Белинский делает гениальный историко-литературный прогноз. Он пишет об Адуеве-младшем из «Обыкновенной истории», что «автор имел бы скорее право заставить своего героя заглохнуть в деревенской дичи в апатии и лени...»¹. И действительно, двенадцать лет спустя появился «Обломов».

Воистину поразителен этот пример проникновенности критики. Но ведь все это было не случайным в литературной практике Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Суждения этих великих критиков, как правило, строились на принципах историзма и диалектики в оценке литературных явлений.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 135.

Взгляд на творчество писателя, как на процесс, имеющий свою историю, — особое прошлое, определенное настоящее и возможное будущее, — отличал русскую революционно-демократическую критику. И совсем напрасно Писарев потешался над идеей органического развития, которую утверждал Белинский. Без понимания и раскрытия органического характера творческого своеобразия каждого истинного художника невозможна настоящая, правдивая, учащая критика. Но все это может иметь отношение, конечно, только к истинным художникам. Там, где нет пафоса, где нет искусства, а вместо живописи словом налицо одна ловкая версификация или набор риторических откровений, там, разумеется, бесполезна и идея органического развития. Да там, собственно, излишен и глубокий анализ, как и бесплодны научно-критические предвидения.

Вот почему Белинский неустанно подчеркивал необходимость определения в качестве первой и главной задачи критики — «точно ли этот автор поэт?».

Нам думается, что интересы развития советского искусства настойчиво требуют постановки того же вопроса в порядок дня. Причем именно с той остротой и резкостью, с какой подымал этот вопрос в свое время борец за реалистическую народную литературу — «неистовый Виссарийон». И только тогда можно будет всерьез решить проблему насыщения нашей критики и принципами историзма, и отношением к современной литературе, как живому процессу, и взглядом на творчество каждого писателя не только как на совокупность романов или поэм, а как на закономерное движение индивидуально-своеобразных идей и образов.

Пусть не думает читатель, что мы заводим разговор об отставании нашей критики, мы прекрасно сознаем, что едва ли можно изобрести что-либо более скучное для беседы. Кажется, все возможное (да и невозможное!) на эту тему было сказано авторами подобных антикритик. Читателям же, разумеется, надоела вся эта нудная рецептура, они

жаждут самого простого — хороших критических статей.

А между тем, действительно хорошими, живыми и нужными будут только такие критические статьи, в которых, прежде всего, пойдет речь о произведениях искусства и в которых все, что не имеет касательства к художественной литературе, будет решительно отбрасываться прочь. Наша критика потому и оказалась в хвосте грандиозной очистительной работы партии и народа, что многие из ее приверженцев, вместо анализа художественных образов, восторгались принятыми на веру пустыми фразами, наводнявшими писания врагов. Такая критика, взамен анализа романа или поэмы, как специфического явления искусства, занимается поверхностным рассмотрением голых идей, механически изымаемых из произведения, а иногда и просто высасываемых из пальца.

Поэтому нельзя упускать из виду эстетический критерий, ибо, как справедливо говорил Белинский, «всякая поэзия должна быть выражением жизни, в обширном значении этого слова. обнимающего собой весь мир физический и нравственный... Но, чтобы быть выражением жизни, поэзия, прежде всего, должна быть поэзией»¹.

Анализируя же литературные произведения, как явления искусства, наша критика тем самым с еще большим успехом выполнит свою основную задачу анализа идей и тем самым будет действительно, а не на словах способствовать развитию подлинного искусства. Все остальные пути могут привести и приводят, как показал опыт, к поощрению нудного и серого сочинительства, в котором типические характеры подменяются штампованными, наподобие болванок, героями, а типические обстоятельства заменяются стандартными ситуациями. В результате советскому читателю и зрителю преподносятся те самые пустые зрелища, против которых протестовал в свое время В. И. Ленин.

В известных беседах с Кларой Цеткин Владимир Ильич, между прочим,

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 277.

сказал, что «наши рабочие и крестьяне... «делали» революцию и защищали дело последней, проливая потоки крови и принося бесчисленные жертвы. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство»¹.

Только решительно отбросив всякое умиление перед (внешне даже как будто «стройными» и «глубокомысленными») замыслами писателей, которые воплощаются в произведения, лишенные поэзии, критика сможет реально содействовать выполнению ленинского завета. Пухлые книги и многоактные драмы, в которых пережевываются тезисы, хотя бы и заимствованные из проверенных источников, и в которых действующим лицам аккуратно раздаются для напыщенного произнесения очередные лозунги, — такие плоды литературного ремесленничества следует раз навсегда признать не имеющими ничего общего с тем великим искусством, о котором говорит Ленин.

«Говоря о литературе, — прямо заявил Белинский, — мы преимущественно разумеем и з а щ и т у ю л и т е р а т у р у — круг произведений поэтических, художественных»².

Лишь о таких произведениях можно говорить, как о нужных советскому народу. Это и будет то великое искусство, которое заслужили рабочие и крестьяне, в революционных боях завоевавшие себе право на строительство нового социалистического общества, новой социалистической эстетики.

II

«Когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно».

В. И. ЛЕНИН.
(«Талантливая книжка»³).

Эта простая и, казалось бы, очевидная истина в действительности оказывается тайной за семью печатями для

¹ Клара Цеткин. «Воспоминания о Ленине», стр. 38. М. Партиздат, 1933.

² В. Г. Белинский. Избр. соч., т. II, стр. 86, М. ГИХЛ, 1936.

³ В. И. Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 92.

многих советских литераторов. Если мы, требуя строго ограничить понятие искусства, не применяя это определение к ряду современных книг, за художество незаслуженно выдаваемых, ссылаемся при этом на классический опыт Белинского, — то мысли Ленина об отношении писателя к теме помогут нам точнее формулировать причины множества творческих неудач советских писателей, которые критика в последнее время все чаще и чаще осуждает, но которые, по существу, выводят таких авторов за пределы искусства.

Давно пора сдать в архив грубые представления о теме, как о лежащем вне автора предмете изображения. Как раз такие представления диктовали в свое время вульгаризаторам статьи под широковещательными, почти рекламными названиями «Темы, которые ждут своих авторов», и т. п. Отсюда ползли пресловутые теории всеобщей доступности любых тем. И это родило в конечном счете своеобразное безразличие писателя к теме произведения. Ибо, если любому писателю доступна любая тема, то энергичная критика может, вообще говоря, всегда продиктовать скачущим писателям перечень актуальных тем, и в зависимости, очевидно, от конъюнктурных соображений темы и будет соответственно разбираться.

Больше того. Наряду с незадачливыми «теоретиками» и готовыми к изображению всяческих гем писателями это положение в своих целях использовали враги народа. Разумную идею создания ценных книг коллективным творческим опытом они опоздали, иззратили, стремясь сделать такие книги способом восхваления их несуществующих добродетелей, средством прикрытия своей вражеской «работы». Известны случаи, когда даже весьма скромные по своему удельному весу ведомства предпринимали многотомные «труды», в которых должны были в розовых красках описываться грандиозные достижения такого ведомства, на деле срывавшего все планы, да еще подчас «руководимого» вредителями...

И находились, с позволения сказать, литераторы, которые охотно вступали в

договорные отношения с различными конторами и бюрократами, транжирившими на эти незаконные дела народные деньги. Но ведь все это было только логическим «развитием» тех вульгарных представлений о теме писателя, которые усиленно поощрялись блаженной памяти рапповскими «критическими» писателями.

Эти ложные принципы, правда, в лишенном уродства виде, к сожалению, лежат в основе деятельности определенной части советских писателей и поныне. Кое-кто из критиков и издателей поощряет такую практику, забывая, что нельзя заставить писателя освещать тему, далекую от его идейно-творческих устремлений. Такие издатели, да и, например, руководители театров и т. п. содействуют размножению лишенных поэзии произведений.

Не надо никогда забывать слов товарища Сталина, сделавшего проникновенное замечание о характере деятельности писателя:

«Не надо обязывать его написать о колхозах или Магнитогорске. Нельзя писать о таких вещах по обязанности»¹.

Эти немногие строки ясно определяют направление творческой деятельности советских художников. А что касается писателя, откликающегося на требование писать «по обязанности», то как-раз такой писатель видит в теме только пассивный объект изображения, совсем не обязательно лежащий в направлении его личных дум, индивидуальных творческих устремлений, собственной писательской фантазии. Такой литератор считает себя неизменно готовым к «воплощению» любых предложенных ему тем, к раскрытию любых современных проблем. Причем, пусть эта тема будет автору и неизвестна, все равно он ее, как ему кажется, успешно «освоит», достаточно лишь для этого вскинуть свое око...

А между тем Владимир Ильич, говоря об «известной» писателю теме, разумел под этим вещи, более значительные, чем это кажется поверхностному

наблюдателю. В этой же статье (о книжке А. Аверченко) Ленин пишет: «Зато большая часть книжки посвящена темам, которые Аркадий Аверченко великолепно знает, пережил, передумал, перечувствовал»¹. А то, что передумано и перечувствовано, изображено, как говорит Ленин, «с поразительным талантом»².

В этих немногих словах — ключ к разрешению интересующего нас вопроса. Писателю тема не только должна быть известна, он должен ее пережить, передумать, перечувствовать, и только тогда по-настоящему раскроется талант художника. Именно об этом и говорил в свое время Белинский. Там же, где нет этого, там нет искусства, и автор обращается к читателю лишь с доводами холодной риторики. Но не забудем, что, как уже в свое время было замечено, риторика в литературе, это — «вольное или невольное искажение действительности, фальшивое идеализирование жизни»³. Вот откуда течет сусальщина и патока, которой покрываются на сцене театров многие современные герои, действительные мысли и эмоции которых авторами не передуманы, не пережиты и не перечувствованы и потому даны с фальшивой идеализацией, искажающей жизнь. Напомним целую серию пьес, опубликованных и поставленных на сцене наших театров в последнее время. Самые различные авторы, — например, В. Гусев и К. Финн, Б. Ромашов и В. Соловьев, да и многие другие, — при всем различии их индивидуального творческого пути, вдруг, как по мановению волшебного жезла, решили откликнуться на чрезвычайно актуальные, боевые темы — героизм, дружба, советский патриотизм и т. п. Разумеется, можно только приветствовать увлечение писателей этой поистине волнующей тематикой.

Но беда в том, что авторы эти увидели в великой и многогранной теме

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 92. (Подчеркнуто нами. — Г. Б.)

² Там же.

³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 396.

¹ «Литературная газета» от 1/IX—36 г., № 49, стр. 1.

героизма советского народа только его внешнюю сторону, которая доступна даже самому поверхностному наблюдателю, но которая в действительности далеко не отражает всего богатства реальных идеалов и эмоций, мыслей и чувств, радостей и переживаний советского патриота. Да и эта внешняя сторона дается с поразительным однообразием, колющим из пьесы в пьесу с такой аккуратностью, что временами кажется, словно все эти разные фамилии — лишь различные псевдонимы одного и того же автора. Можно говорить даже не только об одинаковых сюжетах, ситуациях и коллизиях; приходится устанавливать полное профессиональное и должностное тождество действующих в различных пьесах персонажей.

Возьмем несколько типичных примеров. Герой современной драмы, это — непременно врач, хирург, молодой или старый («Платон Кречет», «Родной дом»), или научный работник, химик, биолог («Под соснами» П. Юнеевой и «Симфония будней» П. Осипова и др.), или, наконец, наиболее распространенный, герой-летчик («Сыновья» К. Финна, «Слава» В. Гусева) и т. п. Свободно оперируя только различной специальной терминологией, все эти персонажи в разных пьесах переживают один и тот же утомительный конфликт.

В момент, когда, потрясенные глубокими личными переживаниями, сии герои, казалось бы, полностью теряют присутствие духа, — внезапно раздается зов общественного долга, на выполнение которого они моментально бросаются. И это возвращает им силу, бодрость, оптимизм! Таким образом, в изумительно богатой фактами, насыщенной многообразными переживаниями жизни советских патриотов авторы подсмотрели только этот примитивно понятый конфликт, который притом показан совершенно однотипно, настолько, что даже цеховые различия персонажей, и те не дают себя чувствовать по существу, если не принять во внимание совершенно внешнего жонглирования специальными терминами из самых кратких справочников и словарей.

Для придания таким конфликтам ви-

димой жизненности и драматизма они помещаются некоторыми авторами в пределы одной семьи, что демонстративно подчеркивается даже в названиях пьес («Семья Волковых» А. Давурина, «Большая семья» К. Финна и др.). А, например, Б. Ромашов, тоже перенесший этот конфликт в обстановку семьи, умудрился в то же время ввести в свою пьесу «Родной дом» все три категории «героев» одновременно: профессор-хирург Виктор Алексеевич Скворцов — отец, геолог-Лиза — его дочь, ну, а обязательный летчик — сын Сергей; и, конечно, в апофеозе семейные радости персонажей совпадают с торжеством их, как героев! И автору кажется, что он художественно решает исконную проблему личного и общественного; а в действительности, кроме оловянных солдатиков и картонных мечей, здесь ничего нет.

Все это теперь, казалось бы, совершенно ясно не только зрителям, читателям и критикам, но и, пожалуй, кой-кому из авторов. Но почему, однако, все эти пьесы лишены поэзии, чужды искусству, почему они в полном смысле слова нехудожественны? Нам сдается — потому, что темы этих пьес их авторами, конечно, по-настоящему не передуманы, не пережиты, не перечувствованы. О приспособленчестве можно говорить только в исключительных случаях. Как правило, перед нами — отсутствие личного, индивидуального-своеобразного художнического осмысливания и переживания той жизни, изображение которой стремится дать писатель. Впрочем, надо тут же заметить, что даже для подлинного таланта не всякая по-настоящему осмысленная тема может послужить источником творческого вдохновения и привести к художественной удаче. Нужно, очевидно, подходить к изображению жизни с той стороны, которая органически касается индивидуальных устремлений автора.

В этой связи не лишне напомнить то определение темы, которое дает А. М. Горький: «Тема — это идея, которая

зародилась в опыте автора, подсказывается ему жизнью, но гнездится во вместилище его впечатлений еще не оформленно и, требуя воплощения в образах, возбуждает в нем позыв к работе ее оформления»¹.

Подчеркивание идейности темы, которая в формулировке Горького ведет почти к отождествлению ее с идеей, необычайно плодотворно для уяснения причины творческих неудач тех писателей, для которых идея существует, как заранее данная логическая схема, могущая быть воплощенной якобы на материале любой темы. В действительности это не приводит ни к каким результатам, и абстрактная идейная тема, задуманная писателем предварительно, так и остается в произведении ничем не прикрытой тощей абстракцией. Именно в личном жизненном опыте писателя должна зарождаться тема-идея, а отнюдь не заимствоваться из безразличных автору, как художнику, источников.

Первый путь ведет к созданию эстетических ценностей, второй — к ремесленничеству от литературы. К сожалению, это ремесленничество непроницательной критикой принимается иногда за чистую монету искусства. Но, увы, такие критические суждения полностью разделяют судьбу незаслуженно возносимых произведений: и от тех, и от других читатель отворачивается равнодушно.

III

«Стихи стоят
свицово-тяжело,
Готовые и к смерти
и к бессмертной славе.

И все
пoверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий».

В. МАЯКОВСКИЙ.

(«Во весь голос»).

Искреннее стремление отразить мысли и чувства социалистического народа

¹ М. Горький. «О литературе», стр. 296. М. 1935.

отличает всех лучших советских писателей. Вслед за великим поэтом революции и они могут сказать, что идеалом их является служение новому обществу и его строителям, его героям; и это будут не только фразы, — это будет правда. Но если Маяковский эту правду своих мыслей и чувств воплотил в яркие, волнующие и художественные образы, доказав свою преданность революции и народу «строкою вот этою...», то в творчестве некоторых советских писателей их высокие стремления не нашли соответственного художественного эквивалента.

Оставляя сейчас в стороне немаловажный вопрос о степени талантливости тех или иных авторов, мы должны признать, что и многие бесспорно одаренные писатели тоже не всегда достигают успеха. В частности, и драматурги, о которых речь шла выше, тоже вряд ли могут быть признаны бесталанными; но их постигли явные неудачи. Для нас бесспорно, что нехудожественность ряда упомянутых произведений объясняется бесстрастным отношением автора к теме, отсутствием того знания и переживания темы, которые необходимы, как одна из важных предпосылок творческого успеха. Ошибется, однако, тот, кто сделает отсюда вывод о том, что нашим писателям безразличны темы жизни и борьбы социалистической страны. В том-то и дело, что тут нет безразличия, но есть преимущественно умозрительное, теоретическое приятие новой жизни, новых идеалов и новых характеров, рождаемых нашей эпохой.

Это рационалистическое приятие нового мира (факт сам по себе весьма положительный для ряда писателей) не может, однако, привести к созданию действительных эстетических ценностей. Рассудочно воспринимая героическую борьбу советского народа, его любовь к партии, любовь к родине, такие писатели в произведениях своих тоже остаются лишь в плоскости одних логических схем. Отвлеченное сочувствие коммунистическим идеям рождает у этих писателей только абстрактное и изображение действительно

сти, лишенное реальной художественной плоти, живой поэтической крови. Вот почему читатель с грустью проходит мимо таких книг, где ему, вместо того, чтобы показать жизнь в ее могучем цветении, в богатстве ее волнующих красок, подсовывают весьма сухое изложение фактов и событий, уныло систематизированных по категориям добра и зла.

Невозможно, разумеется, познать характер героя-большевика, относясь к нему лишь рационалистически, — тем менее возможно при таком отношении художественно его воплотить. Поэтому в книгах и пьесах таких писателей мы встречаемся не с живым и правдивым характером человека, а только с бледным изображением его чисто внешних признаков, сводимых к «профессии», а еще того хуже, и к «должности». Причем даже мысли и чувства такого героя предельно погружены в интересы «цеха», — что может вызвать только горькую усмешку читателя, знакомого с Гоголем или Толстым.

Но вот парадокс. Рассудочно подходя к нашей действительности, некоторые писатели создают героев, тоже, в свою очередь, голо рационалистически сочувствующих социализму. Поэтому реплики этих героев сплошь и состоят из громких и напыщенных фраз. Они оперируют одними тезисами и цитатами, и если являются отражением какой-то стороны жизни, то только отражением книжного, лозунгового усвоения коммунизма, которое всегда осуждали Ленин, Сталин, партия.

В речи на III съезде РКСМ Ленин сказал: «Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы»¹.

Так вот, оказывается, что герои, выдаваемые за положительные

ных именно потому, что они орудуя коммунистическими лозунгами, превращаются по иронии судьбы в отрицательных — демонстрирующих заучивание готовых формул и рецептов. Они весьма неправдоподобны и худосочны; но если на мгновение взять их всерьез, то окажется, что «герои» эти сугубо отрицательные. Так мстит искусство тем, кто пренебрегает его законами¹.

Перед советскими художниками стоит великая и благодарная задача, начертанная Лениным: показать, как коммунизм из программы превращается в действительность «...в то живое (как говорит Ленин комсомольцам), что объединяет вашу непосредственную работу...»². Но этого, конечно, никак не покажешь комбинацией рецептов и предписаний. «Еще более опасным, — предупреждает Ленин, — было бы, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги»³.

Эта опасность угрожает не одним комсомольцам, но и тем советским писателям, которые усвоение коммунизма фактически подменяют заучиванием коммунистических лозунгов, а героев неумолимо творят по своему образу и подобию. И когда эти герои начинают излагать свои концепции, становится неловко за самого автора.

В изданной недавно пьесе Веры Инбер «Союз матерей» перевоспитанная «под руководством» автора героиня-мать в таких словах откровенничает о своем благотворном перерождении:

«Я была уверена столько лет,
Что мать и героизм несовместимы,
Но у нас в стране этого нет,
У нас материнство лишь новый стимул (?).
Советская мать под огонь батарей
Пойдет, если нужно, хоть какой загорись
он...» (!) — и т. д.

И эта примитивная и к тому еще косноязычная декламация должна, очевидно, отразить чувство матери, становящейся героиней! Но, конечно, никто этому ни капельки не поверит — поэтес-

¹ Такая история получается с образом Гали в пьесе В. Соловьева «Чужой».

² В. И. Ленин. Соч., т. XXX, стр. 409.

³ Там же, стр. 405.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXX, стр. 409.

са снабдила своих действующих лиц выхваченными наугад и непрожеванными самим автором «р-р-революционными фразами», которые почти на протяжении всей пьесы звучат на-редкость неправдиво.

Вот. наглядная иллюстрация той опасности лозунгового усвоения коммунизма, о которой сказано было выше и которая просто губительна для искусства. Во всех таких произведениях (а их, увы, в нынешнем году появилось немало) обращает на себя внимание это постоянное умствование героев, действительный интеллектуальный уровень коих весьма низок. Но если, как кажется автору, вкладываемые в уста персонажей звучные фразы демонстрируют его идейную сосредоточенность, то как же быть с чувствами героев? Вот тут-то и начинается сущее бедствие для авторов, стремящихся посредством этих же фразеологических приемов снабдить своих персонажей целым комплексом переживаний, распределяемых между ними с аккуратностью прейскуранта.

Вот как в пьесе К. Финна изъясняется в чувствах поживившаяся пара буквально в первые минуты брачной жизни. Муж—летчик Павел, жена — архитектор Ольга:

Павел. Кто это стоит передо мной?

Ольга. Жена.

Павел. А чья жена?

Ольга. Павла Ивановича Розанова.

Павел. А кого любит жена Павла Ивановича Розанова?

Ольга. Павла Ивановича Розанова! (Бросается к Павлу.)

Что и говорить, немного красок нашел автор для изображения страстной любви, о которой ведется громкая речь в пьесе. Это — скорее бюрократический допрос или анкетная информация, но никак не изображение сильного чувства.

Конечно, как и «откровения» на идеологические темы, так и любовные переживания требуют совсем других слов. А главное, требуют настоящих мыслей и настоящих чувств, которых как-раз лишены герои этой драматургии.

Указывая на совершенство ряда образов, созданных народным творчеством, А. М. Горький в докладе на съезде пи-

сателей говорил: «Все это образы, в создании которых гармонически сочетались радио и интуицию, мысль и чувство». Такое сочетание, — продолжает Горький, — возможно лишь при непосредственном участии создателя в творческой работе действительности, в борьбе за обновление жизни»¹. Не потому ли так далеки от совершенства многие образы современной литературы, не потому ли они, скажем прямо, немощны и просто ущербны, что в создании их как-раз участвовало только радио, лишенное должного сочетания с интуицией и с чувством? А сочетания этого нет в таких образах вследствие того, что авторы их еще по-настоящему кровного, непосредственного участия в творческой работе действительности не принимают. Их «борьба за обновление жизни» остается целиком в плане чисто рассудочном. А все это только подтверждает поставленный ранее тезис. В абстрактном, умозрительном подходе к социалистической действительности кроются причины того худосочия образов современных героев некоторых романов и пьес, которое превращает эти произведения в явные творческие неудачи талантливых писателей.

IV

«Спору нет, литературное дело все-го менее поддается механическому равнению, инвेलлированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата».

В. ЛЕНИН.

(«Партийная организация и партийная литература»²).

И эта мысль Ленина относится к числу широко известных, — кто из наших

¹ М. Горький. «О литературе», стр. 370. М. 1935.

² В. И. Ленин. Соч., т. VIII, стр. 387—388.

литераторов не знает этих замечательных строк? Однако именно эти простые и глубоко содержательные строки служат не только укором таким писателям, о которых речь шла выше, но и объясняют многие творческие удачи значительной части советских художников.

Литература, это — часть партийного дела. Но к коммунистической партийности в литературе каждый писатель идет особым путем. Этот путь лежит через свой жизненный опыт, через свою творческую тему, через свои художественные идеи. Это — путь неустанных исканий, и только тогда путь настоящего художника.

Подлинная большевистская партийность в искусстве не совпадает с одним-двумя лозунгами, которые иной ретивый критик, схватив с газетной полосы, наподобие трафарета прикладывает к художественной ткани. Это и есть механическое равнение, это и есть нивелирование, которому, по словам Владимира Ильича, литература всего менее поддается. И тот художник, кто понимает, что социализм обеспечивает простор его личной инициативе, его индивидуальным склонностям, и умеет этот простор мысли и фантазии воплощать в большом содержании и яркой форме, — пусть он, выработав свое кровное отношение к революции и социализму, отбросит даже абсолютно правильные силогизмы, с которыми подходит к нему плохой критик. Ибо, вообще говоря, невозможны в природе такие теоретические абстракции, которые с успехом прилагались бы к творчеству даже нескольких настоящих художников и что-нибудь объясняли бы. Требовать в этом случае абсолютного совпадения и соответствия — значит толкать писателя к созданию гладких и круглых героев, которые у разных авторов и в разных произведениях будут мыслить и чувствовать как-раз по мерке этой абстракции.

Подлинный художник, вырабатывающий свое личное страстное, а не умозрительное отношение к революции и социализму, никогда не пойдет на поводу у таких критиков.

В этой связи весьма показательна творческая эволюция ряда крупных со-

ветских писателей. Обратимся к известным примерам.

От «Сестер» через «Восемнадцатый год» к «Петру I» и, далее, к «Хлебу» движется Алексей Толстой по пути органического приятия и творческого утверждения социализма, который в изображении талантливого художника вырисовывается во плоти и крови. Та самая личная инициатива и индивидуальные склонности, о которых говорил Ленин и которые обязательны в творческом пути каждого художника, получают в произведениях Толстого свое развитие.

Одна из центральных идей творчества писателя, идея патриотизма нашего народа воплощается в романах Толстого в цельных и ярких характерах, в темах, составляющих самое существо его индивидуального художественного развития. Так, старая тема Петра, которую писатель вынашивает и над которой работает свыше двадцати лет, развивается и обогащается, отражая идейно-творческий рост художника. Петр, мужественный одиночка из рассказа «День Петра» (1917), и Петр, выражающий волю народа в борьбе с варварством и реакцией, Петр, строитель нового государства из романа «Петр I», — не только этапы развития темы, но и ступени растущей идейной и художественной зрелости писателя.

Точно так же органически вырастают из первых двух частей трилогии «Хождение по мукам» и центральная тема «Хлеба», и целый ряд идейных мотивировок этого романа, в котором на старом, но великом материале гражданской войны разрешаются новые волнующие советский народ проблемы. В нашу задачу не входит сейчас рассмотрение эволюции идей и образов в произведениях Толстого; мы хотим только отметить, что и недостатки его романов (и, в частности, «Хлеба») также коренятся в некоторой еще неподготовленности писателя к изображению уже сегодня всего фронта борьбы за социализм в полнокровных характерах, уступающих иногда еще свое место публицистическим и историческим выкладкам.

Убедительный пример творческого участия в борьбе за обновление жизни показал покойный Александр Малышкин, написавший, вообще говоря, немного, но каждой страницей своей честно служивший революционному искусству. Начав возвышенно-романтическим изображением гражданской войны в «Падении Дaira», Малышкин вполне закономерно пришел к глубоко реалистическим картинам классовой борьбы 30-х годов, данным в «Людах из захолустья». Мастер человеческих характеров (вспомним Шелехова из «Севастополя»), Малышкин в своем последнем романе создает ряд правдивых и ярких художественных образов простых рядовых людей социалистической страны.

Что может быть обыденнее замученного большущей семьей кустаря-гробовщика? Но тем труднее на истории жизни такого человека показать преобразующую силу социалистического строительства. Чем проще и обыденнее изображаемый художником человек, тем труднее и сложнее показать его подлинный героизм. Это было еще в свое время замечено Н. В. Гоголем, который в статье «Несколько слов о Пушкине» так и написал: «Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтоб это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина»¹.

Малышкин показал это необыкновенное во множестве мельчайших реалистических деталей, которые убедительно раскрыли психологическое содержание образа этого обыкновенного человека. Вот как, например, утверждает личность нашего героя, столяра Ивана Алексеевича Журкина, даже такая, казалось бы, от душевного состояния далекая вещь, как приказ о зачислении на работу. А между тем труд для героя Малышкина, это — не только источник существования, но и процесс, определяющий его жизненную человеческую устойчивость.

«Слишком много горечи отстоялось в

памяти гробовщика. Он помнил голодную безработицу довоенных лет. Он пережил в Мшанске бедование одиночки. Прочности — вот, чего никогда не знал он в своей рабочей судьбе. Но теперь он упрямо захотел ее, этой прочности, он захотел ее и для завода, для всей стройки. Ибо то, что его провели приказом, было уже прочно. Приказом Журкина проводили в первый раз в жизни. «Да, тут чегой-то получается» — приятно содрогался он, потирая руки».

И мы верим этим приятным ощущениям бывшего гробовщика, как верим всему, что с любовью, искренностью и теплотой воссоздал писатель в своем романе, насыщенном подлинным пафосом социализма.

Этим пафосом проникнуты все лучшие произведения советской литературы, и мы останавливаемся здесь только на некоторых, произвольно взятых, образцах, чтобы показать реальные творческие возможности, лежащие перед писателями, избирающими трудные, но единственно ведущие к успеху пути.

Особую ценность представляют в этом плане творения наших великих народных певцов — Сулеймана Стальского и Джамбула. Пафос революционного дела, пафос социализма пронизывает каждый стих этих мастеров советской поэзии. Песни Стальского и Джамбула лишены риторического холода, идущего от поверхностного рассудочного отношения к действительности. Они поют только о том, что сами пережили, что сами переживают, но именно эти песни без мелодраматизма и без напыщенности отражают переживания миллионов, — их горести и беды в прошлом, их радости и торжество в социалистическом обществе.

В изображении народных страданий, тяжелой жизни трудящегося человека в условиях эксплуатации и собственничества Стальский находит удивительно впечатляющие эмоциональные краски, дающие образ большого идейного наполнения:

Был человек всю жизнь рабом,
Всю жизнь о землю бился лбом.

¹ Н. В. Гоголь. Собр. соч., т. VI, М. 1937, стр. 64.

И, насмерть раненный бичом,
 Был с братом брат в раздоре.
 («Слово о Сталинской Конституции»).

Многие годы творчества посвятили поэты народа песням о его подневольной жизни.

Семьдесят лет я сквозь слезы пел,
 В юртах дырявых, в голодной толпе.
 (Д ж а м б у л. «Привет народа»).

Эти песни поражают силой органического ощущения воли народа, его дум, его идеалов. Без трескучих фраз и надуманной идеализации живописуют народные поэты свободную жизнь трудящихся нашей родины. В песнях Стальского и Джамбула, в их творческой деятельности мы видим черты, характеризующие новый тип писателя — художника социалистической эпохи.

Я буду честен до конца.
 И волю Ленина-отца,
 И славу скромного борца
 Я пронесу сквозь жизнь страны.

(С т а л ь с к и й. «Принимая... орден Ленина»).

В одном из своих выступлений Николай Островский сказал:

«Перед нами, писателями, стоит задача огромного значения: показать в художественных образах все величие происходящего. Кому же, как не нам, участникам и свидетелям великой революции, это делать? Я хочу сказать о том, каким должен быть писатель советской страны.

Это — прежде всего, строитель социализма, а не равнодушный «созерцатель». Это — боец. Боец, учитель, трибун. Человек с большой буквы. Это несомненно. Ведь каждый из нас должен учить не только своим словом, но и всей своей жизнью, поведением»¹.

В устах автора романа «Как закалялась сталь» эти слова звучат почти клятвой. Едва ли сыщем мы в литературном развитии нашей эпохи много примеров такого удивительного слияния жизни и творчества, такого крепкого сплава реальных переживаний

бойца и высокой фантазии художника, как в книгах Николая Островского. Каждая строка его романов подкреплена днями героической борьбы, и потому эти строки звучат такой убеждающей, чудесной симфонией жизнеутверждения, человеческого счастья и радости творческого труда.

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Эта мысль напоминает о том, что только глубокая вера в идеи коммунизма и подлинная готовность отдать за него свою жизнь могут вдохновить художника на создание такого насыщенного пафосом революции образа, как Павел Корчагин.

Дальнейшая творческая работа над образом нового человека остается центральной задачей советских писателей. Эту задачу выдвинула перед нашей литературой сама жизнь, героический наш народ, лучшие люди страны. Эту задачу с блеском разъяснил на съезде писателей А. М. Горький, оставивший на своих гениальных художественных полотнах вдохновенные образы новых людей.

Выполнение этой в полном смысле слова исторической задачи советской литературы возможно только на путях социалистического реализма, обеспечивающего художникам «исключительную возможность проявления творческой инициативы, выбора разнообразных форм, стилей и жанров» (Устав ССП СССР). Эти возможности, стоящие перед революционными писателями, широко наметил в свое время еще В. И. Ленин. Об этом надо помнить.

Но не нужно забывать, что, выдвигая положение о просторе мысли и фантазии, формы и содержания, которым должны располагать художники, В. И. Ленин в то же время подчеркивал важность неустанного партийного руководства литературным развитием. Партийное руководство должно осуществ-

¹ Николай Островский. «Речи. Статьи. Письма», стр. 22. М. Изд. «Мол. гвардия». 1937.

вляться путем обеспечения писателям их личной творческой инициативы, индивидуальных литературных склонностей для создания произведений социалистического реализма.

«Каждый художник, — говорил В. И. Ленин Кларе Цеткин, — всякий, кто себя таковым считает, имеет право творить свободно, согласно своего идеала, независимо ни от чего.

— Но, понятно, мы — коммунисты. Мы не должны стоять, сложа руки, и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты»¹.

Партия и ее Центральный Комитет, лично товарищ Сталин руководят процессом литературного развития Советской страны. Двадцать один год отделяет нас от исторических дней Ок-

тябрьской социалистической революции. Великие события свершались в те дни. «Возглавляемый партией большевиков, рабочий класс, в союзе с крестьянской беднотой, при поддержке солдат и матросов свергает власть буржуазии, устанавливает власть Советов, учреждает новый тип государства — социалистическое советское государство...»¹.

Невиданные возможности развития получили в нашем новом государстве наука и искусство. Огромные эстетические ценности созданы уже художниками социалистической страны. Они отражают великие идеалы революционного народа, строителя нового общества. Но это только первые успехи социалистического искусства. Ни с чем не сравнимы будут его грядущие достижения.

¹ Клара Цеткин. «Воспоминания о Ленине». М. Партиздат, 1933, стр. 33.

¹ «История Всесоюзной коммунистической партии большевиков», стр. 214. М. Госполитиздат. 1938.

Его время пришло

П. МЕТЕЛИН

★

I

В. И. Ленин писал о Мамине-Сибиряке в «Развитии капитализма в России»:

«В произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим развратом» «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России».

Перечитайте внимательно основные, крупнейшие произведения Мамина-Сибиряка, что вас поразит в них? Каждое, полное огромного содержания слово из этих ленинских строк как бы развернуто у Мамина-Сибиряка в десятки красочных картин и художественных образов.

Максим Горький подчеркивает, как характерную черту Мамина-Сибиряка, особенную острую «социальную зоркость» его и, помимо высоких художественных качеств, особенно отмечает глубокую народность его творчества.

После этого, какой критик станет отвергать глубокое познавательное значение произведений Мамина-Сибиряка?!

И, несмотря на это, Мамин-Сибиряк при жизни не был оценен так, как он этого заслуживает.

«Мамин-Сибиряк принадлежит к той категории писателей, литературная

жизнь которых начинается после их смерти» — выразился один из критиков. Это сказано хорошо и верно. Крупный писатель, он не получил при жизни общественного признания, и под конец вокруг него даже «постепенно образовалась пустота».

Почему так случилось?

Мамин-Сибиряк пришелся не ко двору тогдашней общественности, он оказался чужаком среди своих современников.

Мамин-Сибиряк был крупным художником-реалистом. Творческий материал он черпал всегда из жизни, заботился, прежде всего, о жизненной правде своих произведений и по красочности, полнокровности своего стиля определенно являлся последователем и продолжателем реалистической школы классиков.

Но по своей тематике и самой направленности творчества Мамин-Сибиряк в основных, крупнейших своих произведениях вышел из прямого, широкого русла, проложенного классической литературой, и уж совсем пошел против течения тех кривых, узких и мелких протоков, которыми извилисто потекла у нас литература в восьмидесятые и девяностые годы.

Волею жандармского самодержавия «освобожденные» от всяких политических и общественных интересов и забот, обыватели, дворянские вырожденки и чистокровные мещане, размножавшиеся, как грибы после дождя, кулацкие выходы, — все ушли с головой в узколичную жизнь. Одни из них самодовольно отдались построению своего хозяй-

ственного благополучия; другие натуры, более «изысканные», старались заполнить пустоту жизни пряными и острыми наслаждениями и развлечениями, приукрашая свое душевное оскудение пустозвонной либеральной болтовней; большинство честных, но безвольных и бездеятельных интеллигентов превратилось в чеховских «хмурых людей», «нытиков» и с тоской мечтало о том прекрасном, что наступит в жизни через двести-триста лет; были, наконец, и люди, не лишённые общественных инстинктов и потребности хоть какой-нибудь деятельности,—эти немногие одиночки искали нравственного удовлетворения в делании «малых дел».

Вот в эти-то поистине подлые годы, «бывали хуже времена, но не было подлее»,—в литературу пришел и развернул свое творчество Мамин-Сибиряк.

С чем же пришел он? Чем хотел заинтересовать он своих читателей?

Да тем же, чем интересовался он сам, что захватывало целиком его душу, его творческие силы. В центре своего творческого внимания ставил он не личность, а крупнейшие исторические движения и сдвиги в общественной жизни и, главным образом, в широкой жизни народных масс.

Могло ли такое творчество прийти по вкусу читателю-обывателю восьмидесятых и девяностых годов, целиком и неотвязно поглощенному своей маленькой личной жизнью, своими мелкими интересами и еще более мелкими переживаниями? А для миллионов рабочих и крестьян того времени, в подавляющем большинстве малограмотных и даже безграмотных, «толстые» журналы, где печатались произведения Мамина-Сибиряка, были недоступны.

Так Мамин-Сибиряк и закончил свою богатую творческую жизнь непонятым и неоцененным, чужим и даже окруженным холодной враждебностью.

II

Мамин-Сибиряк, как художник-реалист, в силу своего жизненного опыта, не «чувствовал» человека-одиночку, не мог представить себе живого человека

вне массы, вне социальной среды. Каждый из его образов связан с соответственным общественным слоем; и скрепляющими нитями являлись здесь трудовые, производственные процессы и социально-бытовые условия.

Его глаз художника-реалиста, охватывавший человека во всей целостности, не мог видеть его без этой социально-бытовой окрашенности.

Особую социальную насыщенность показывает Мамин-Сибиряк, когда изображает трудящихся, которые в его творчестве, как и в жизни, — все, весь смысл, вся сила.

Возьмем его роман «Горное гнездо». Напечатан он еще в 1884 году. С каким знанием рабочей массы в быту и на производстве, с какой любовью к эксплоатируемому трудящемуся человеку зарисована пятитысячная толпа, ожидавшая приезда «барина», заводовладельца Лаптева:

«Для человека нового эта пятитысячная толпа представлялась такой же однообразной массой, как трава в лесу, но опытный взгляд сразу же определял видовые группы, на какие она распадалась естественным образом. Основание составляли собственно фабричные рабочие, которых легко было отличить от других по запеченным, естественно красным лицам, вытянутым, сутуловатым фигурам и той заводской саже, которой вся кожа пропитывается, кажется, навеки. Тут были простые поденщики, черноделы и рабочая аристократия. Все эти люди, изо дня в день тянувшие каторжную заводскую работу, которую бойкий заводской человек не даром окрестил огненной, теперь слились в одно общее желание взглянуть на барина, для которого они жарились у горнов, ворочили клещами раскаленные двенадцатипудовые крицы, вымогались над такой работой, от которой пестрядевые рубахи, после двух смен, вставляли от потовой соли коробом. Фабрика рядом поколений выработала совершенно особенный тип заводского фабричного, который в состоянии вынести нечеловеческий труд. Эти жилистые, могучие руки, эти красные затылки, согнутые

спины и крепкая, уверенная поступь были точно созданы для заводской работы. Каждая фигура была сколочена из одних костей и мускулов и дышала чисто заводской силой... Красные рубашки, накиннутые на плечи чекмени и лихо надвинутые на одно ухо войлочные шляпы придавали фабричным рабочим вид записных щеголей, которые умеют поставить последнюю копейку ребром.

Полным контрастом с заводскими мастеровыми являлись желтые рудниковые рабочие, которые «робили в горе». Изнуренные лица, вялые движения и общий убитый вид сразу выделяли их из общей массы, точно они сейчас только были откопаны откуда-то из-под земли и не успели еще отмыться прильнувшей к телу и платью желтой вязкой глины. Работа «в горе», на глубине восьмидесяти сажен, по всей справедливости, может назваться каторжной, чем она и была в крепостное время, превратившись после эмансипации в «вольный крестьянский труд». Конечно, «в гору» толкала этих желтых, выцветших людей самая горькая нужда, потому что там платили дороже, чем на других работах».

И дальше, продолжая зарисовку внешнего облика этих рабочих, Мамин-Сибиряк вскрывает социально-драматический момент в положении рабочих этого вида труда:

«Стоило только раз попасть рабочему в медный рудник, чтобы на веки вечные обречь следующее поколение на эту же работу. Это объясняется очень просто: молодых, здоровых рабочих толкает «в гору» возможность больших заработков, но самый сильный человек «израбавляется» под землей в 10—12 лет, так что поступает на содержание к своим детям в 35 лет. Таким образом, детям рудниковых рабочих приходится слишком рано содержать не только самих себя и свои семьи, но и семью отца, а такой заработок может дать только одна «гора». Получается роковой круг... рудниковый рабочий органически связан со своей «горой», как устрица со своей раковиной».

Находит нужным писатель отметить и самые мелкие группы рабочих и даже—«случайных»:

«Между этими основными группами толкались черномазые углежогги, приехавшие поглядеть барина из дальних лесных деревень, «транспортные», прозванные за свою отчаянность «соловьями», и всякий другой рабочий люд, не имевший определенной специальности или менявший ее с каждым годом».

Мамин-Сибиряк в пятитысячной толпе не мог не выделить и особую группу — уже безработную, но с характерными следами былого труда:

«Сюда же прибрели самые древние старики, вытянувшиеся еще на крепостном праве. Достаточно было взглянуть на эти согнутые в дугу спины, подгибавшиеся колени и дрожавшие корявые руки, чтобы сразу узнать бывших огненных и рудниковых рабочих. Они чинно держались в стороне от молодых рабочих, большинство было с длинными, черемуховыми палками».

Около стариков толкались ребятишки, и у них Мамин-Сибиряк, вопреки установившемуся в литературе обычаю, замечает не цвет рубашонок и волос, а их участие в трудовых процессах. Не может иначе видеть Мамин-Сибиряк:

«Около них вертелись босоногие ребятишки, особенно те, которые еще не успели отведать заводской работы. И слабые детские руки тоже принимали участие в гигантской заводской работе, с десяти лет помогая семьям своим гривенником поденщины».

Вы видите, как даже праздной стоящую на площади в ожидании приезда барина «однообразную, как трава в лесу», массу Мамин-Сибиряк воспринимает в разрезе определенных трудовых процессов. Внешняя зарисовка праздной толпы углубляется в социально-насыщенную широкую картину.

Но он понимал, что это социальные условия делали производственный труд огненной каторгой.

Производственные процессы показаны Маминым-Сибиряком с огромным

знанием завода, фабрики, их механизмов. Они показаны ярко, красочно, и в то же время — какая простота и сила образности! Видишь движение, слышишь шум механизмов. И на фоне их огненной работы психологически-сгущенно, скульптурно выделяются фигуры рабочих, сливших свою силу с мощью железа, стали, механизмов, одухотворенных и управляемых рабочей волей.

Достаточно привести хотя бы одну такую зарисовку из романа «Горное гнездо»:

«— Сейчас буду прокатывать рельс,— проговорил Платон Васильевич, когда по фабрике пронесся пронзительный свист.

Старик-уставщик, сняв шапку, ждал у котельной машины.

— Пустите машину, — приказал Горемыкин.

Где-то глухо загудела вода, и за стеной грузно повернулось водяное колесо. Вся фабрика вздрогнула, и стальные валы катальной машины завертелись с неприятным лязгом и взвизгиванием. Сначала еще можно было различить их движения, а потом все слилось в одну мутную полосу, вертевшуюся с поразительной быстротой и тем особенным напряженным постукиванием, которое невольно заставляло думать, что вот-вот, еще несколько поворотов водяного колеса,— и вся эта масса вертящегося чугуна, железа и стали разлетится вдребезги. В глубине корпуса показался яркий свет, который разом залил всю фабрику. Лаптев закрыл даже глаза в первую минуту.

Двое рабочих, нагнувшись, бойко катили высокую железную тележку, на которой лежала рельсовая болванка, имевшая форму длинного вяземского пряника.

Вавила и Гаврила стали по обе стороны катальной машины, тележка подкатилась, и вяземский пряник точно сам собой нырнул в ближайшее, самое большое отверстие, обсыпав всех белыми и синими искрами. Лаптев не успел мигнуть, как вяземский пряник мягким движением, как восковой, вылез из-под вала длинной красной полосой,

гнувшейся под собственной тяжестью; Гаврила, как игрушку, подхватил эту полосу своими клещами, и она покорно полезла через валы обратно. Не хотелось верить, что эта игрушка весила 12 пудов и что в десяти шагах невыносимо жгло и палило лицо. Нельзя было не залобоваться артистической работой знаменитых мастеров, которые точно играли в мячик около катальной машины. Оба высокие, жилистые, с могучими затылками и невероятной величины ручищами, они смахивали на ученых медведей. В этом царстве огня и железа Вавила и Гаврила казались какими-то железными людьми, у которых кожа и мускулы были допущены только из снисхождения к человеческой слабости. Перекрестов вытащил из бокового кармана записную книжечку и что-то царапал в ней, по временам вскидывая глазами на Вавилу и Гаврилу.

— Этакие медведи! — восхищался кто-то.

После катальной посмотрели на Спиридона, который у обжимочного молота побрасывал сырую крицу, сыпавшую дождем горевших искр, как бабы катают хлебы. Тоже настоящий медведь, и длинные руки походили на железные клещи, так что трудно было разобратить, где в Спиридоне кончался человек и начиналось железо.

Такое же точное знание работы механизмов находим в крупнейшем романе «Три конца»:

«Штурвальщики выбивались из сил, бросая шестичетвертовые поленья в чугуны хайла холодных печей. Сырой чугун «садили» в пудлинговые печи, отсюда он в форме громадного «шмата» поступал под обжимочный молот и превращался в «болванку». Болванка снова нагревалась и прокатывалась «под машиной» в тяжелые полосы сырого железа, которое разрезывалось и нагревалось «складками», поступавшими опять в прокатные машины, превращавшие его в «калязник», и уж из калязника вырабатывалось сортовое железо, полосовое, шинное, кубовое, круглое и т. д. Каждый фунт выработанного железа проходил длинный огненный путь.

Тяжело повернулось главное водяное колесо, зажужжали чугунные шестерни, застучали, как железные дятлы, кричные молота, задымилась трубы, посыпались искры снопами, и раскаленные добела заслонки печей глядели, как сыпавшие искры глаза чудовища, пронзительный свист огласил корпуса, и дремавшие по переплетам крыши фабричные голуби встрепенулись, отвыкнув за лето от грохота, лязга и свиста».

Трудовые процессы в различных производствах в разные эпохи по-разному определяют и жизнь рабочего и весь его облик. Особенно замечательны произведения Мамина-Сибиряка, посвященные рабочим массам золотопромышленности, судьба которых была полна величайшего драматизма. В этой области Мамин-Сибиряк у нас единственный писатель.

Так, в «Золоте» Мамин-Сибиряк нарисовал жуткую картину того, как старательская масса, нещадно эксплуатируемая в условиях тогдашнего бурного хищнического процесса капиталистического накопления, нравственно разлагалась, а от нее заражалось и разлагалось окружающее местное население.

Еще ярче выражено это в крупнейшем на данную тему произведении Мамина-Сибиряка, над которым дольше всего и наиболее напряженно работал, — в романе «Три конца». Последний охватывает пеструю жизнь крупнейшего золотопромышленного района — Висимо-Шайтанского завода, но он типичен также и для Урала в целом, представлявшего собой в императорской России всю главнейшую горнозаводскую промышленность страны.

Широкие художественные полотна, освещающие зарождение и развитие у нас капитализма и буржуазии, — такова основная особенность творчества Мамина-Сибиряка, выделяющая ему свое место в русской литературе догорьковского периода.

В этом отношении Мамин-Сибиряк не без основания сравнивался с Золя, а ряд его крупнейших романов — с знаменитой серией «Ругон Маккаров». По познавательному значению творчества Мамина-Сибиряка близок к друго-

му западно-европейскому писателю — Бальзаку.

Произведения Мамина-Сибиряка напоминают собой романы-хроники, своеобразные летописи: они охватывают своим содержанием десятилетия, а истоками иногда уходят вглубь двух столетий, к временам Петра I.

Подробно останавливается Мамин-Сибиряк на мрачной эпохе «каторжной и военно-горной крепости».

«Тогда все горное ведомство было поставлено на военную ногу. Промысловые работы велись военной рукой, с выслугой лет, палачьем и солдатской муштрой... По два воза розог перед работой привозили, а без того и работы не начинали. Когда партия рабочих выступала куда-нибудь на прииск, за ней вместе с провиантом следовал целый воз розог, точно их нельзя было приготовить на месте действия. Военное горное начальство в этом случае рассуждало так, что порядок наказания прежде всего, а работа пойдет сама собой... Вставали и ложились по барабану, обедали и шабашили по барабану и даже в церковь ходили по барабану... Сквозь строй гоняли каждое воскресенье. Людей не жалели, и промыслы работали «сильной рукой», т.-е. высылали на россыпи тысячи людей».

Но главное действие его романов относится к пореформенной эпохе: на этом историческом переломе всей жизни и сосредоточено внимание Мамина-Сибиряка в романах «Золото» и «Три конца».

В первом из них читаем:

«Слишком тридцать пять лет «казенного времени» отбыл Родион Потапыч, когда объявлена была воля. Он совершенно не понимал этого события, никак не укладывавшегося в его голову. Родион Потапыч даже как-то совсем растерялся... Мысль о том, что теперь нужно будет платить каждому рабочему, просто возмутила его. Помилуйте, такая орава рабочих, и вдруг каждому плати, а что же казне-то останется?..».

Так думал управитель Балчуговских приисков Зыков. Так же негодовал и

главный управляющий Лука Назарыч в романе «Три конца».

«—Все кончено... — повторял упрямый старик, удрученный «крепостным горем». — Да... И ничего не будет! Всем этим подлецам теперь плати... за все плати... а что же Устюжанинову (владельцу завода) останется?».

В этой воле видели они только «погром» и гибель. Конец всему! И по своему они были правы: действительно, рушился их мир. В художественно обобщенных образах Родиона Потапыча и Луки Назарыча Мамин-Сибиряк вскрывает сложный процесс перерождения «управителя». Исконный когда-то крестьянин, по крепостному принуждению ставший фабричным рабочим, потом отравленный предоставленной ему эксплуататорской властью, он фанатически привязывается к фабрике, источнику своей власти, и не может удержаться слез из опасения, что освобождение крестьян повредит интересам рабовладельца-хозяина, которые стали его интересами.

Хотя крепостной труд и был отменен, но в жизни остались рабовладельческие и рабьи взгляды, чувства, навыки; воли к борьбе у большинства еще не было. Капитализм жадно набросился на беспомощную рабочую силу, выжимая из нее пот и высасывая кровь.

После отмены крепостного права экономическое положение уральских рабочих, — самого многочисленного отряда рабочих крупнейшего в стране горно-промышленного района, — оказалось еще хуже.

Ленин писал: «Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску».

То же в известной степени произошло и с рабочими на Урале.

В романе «Горное гнездо» Мамин-Сибиряк в ярких художественных образах показывает ту буржуазию, которая проводила в жизнь «звериную систему капитализма». Мы видим ее практику, узнаем и ее блудливую «теорию».

На основе точного исторического ма-

териала автор представил в нем два типа, два этапа в развитии русской буржуазии.

Здесь дана законченная картина того первого, но остро вычерченного эскиза, который намечен был еще в романе «Три конца»: в господском доме была «громадная зала в два света, украшенная фамильными портретами. Это была настоящая картинная галерея, где работы лучших иностранных мастеров перемешивались с работами русских художников, как Венецианов и Брюллов. По этим портретам антрополог мог проследить последовательное вырождение когда-то крепкой мужицкой семьи. От могучего основателя фамильных богатств шел целый ряд изнеженных потомков».

Так и в романе «Горное гнездо» «исключение представляли только первые представители этой семьи, которые основывали заводы и жили в них безвыездно. Это была крепкая, мужицкая семья настоящих «расейских» лапогников: первым в родословном древе заводоладельцев считался Гордей, по прозвищу Лапоть».

Основывали заводы, жили в них и работали только два поколения — Гордей Лаптев и его сыновья. А дальше начинается на готовых капиталах, добываемых даровым крепостным трудом пятидесяти-тысячного населения, буржуазное перерождение и вырождение семьи. Лаптевы поражали Европу «тысячными безобразиями и купеческим самодурством. В Париже, в Вене, Италии были построены Лаптевыми княжеские дворцы и виллы, где они жили и коротали свой век в самом разлюбезном обществе всевозможного отребья столиц и европейских подонков. Здесь они рождались, получали воспитание и женились на аристократических вырождаках или знаменитостях сцены и demi-monde'a, пускали семя и, в крайнем случае, возвращались на родину только умереть. Некоторые из них даже не умели говорить по-русски... Бессмысленная роскошь азиатского пошиба рука об руку шла с грандиозным самодурством, которое с легким сердцем перешагивало через сотни тысяч и миллионы рублей, добытые где-то там.

на каком-то Урале, десятком тысяч крепостных рук».

Правда, в «Горном гнезде» подлинный герой — народная масса, которая движет фабулу романа, наполняет его глубоким содержанием, — находится как бы за сценой, лишь изредка появляясь, чтобы напомнить о себе читателю. А на первом плане суетятся управители, сам вырожденец Лаптев и целая свора больших и малых хищников.

Однако роман возбуждает чувство величайшего возмущения именно своей вопиющей картиной пренебрежительного равнодушия, грубого издевательства, бесчеловечного надругательства выродков и прилипал хищнической буржуазии над приниженной, эксплуатируемой рабочей массой.

В «Горном гнезде», подобно другим романам Мамина-Сибиряка, с беспощадной силой художественной изобразительности показано, как устарелое, пришедшее в негодность техническое оборудование, общая разруха, голод, обнищание горнозаводского населения — последствия хищнического хозяйничанья авантюристской буржуазии — превращают цветущий край, кипевший крупной промышленностью, в мертвую пустыню.

Нужно было свершиться Великой Октябрьской революции, чтобы воскрес и расцвел новой, невиданной жизнью Урал, чтобы «умиравший экономически край превратился в край самой передовой в мире техники», чтобы «Демидовский — эксплуататорский — Урал стал Уралом социалистическим».

III

Писал Мамин-Сибиряк так, как, по мнению Льва Толстого, только и нужно писать: лишь о том, что он хорошо знал

и что увлекало его самого, а потому увлекает и читателя. Богатство наблюдений подлинной, неприкрашенной жизни, почти всегда волнующая тема, серьезная мысль, глубокая искренняя настроенность, великолепное знание народного языка — проникают все творчество Мамина-Сибиряка, и оно нашло уже высокую оценку у Максима Горького.

Все это, несомненно, говорит за то, что сочинения его, полные сосредоточенной и тревожной мысли об участи народных масс, согретые неизменной любовью к трудящимся, будут жадно читаться советским многомиллионным читателем. Его произведения волнуют острой постановкой вопросов социальных, политических, хозяйственно-экономических, производственно-технических.

Кого еще больше может заинтересовать художественное творчество, насыщенное этими вопросами, как не трудящихся Советской страны, занятых строительством социализма, охваченных энтузиазмом построения коммунистического общества?

Произведения Мамина - Сибиряка вновь звучат именно теперь, когда во всем мире, почти в каждой стране ^{5/6} земного шара с грозной стремительностью вооружается и готовится к новой войне фашизм — этот взбесившийся, агонизирующий капитализм — на своей последней, самой преступной и омерзительной стадии развития.

Мамин-Сибиряк как-то сказал своей старушке-матери:

— Мое время еще не пришло — меня оценят только в будущем...

Его время пришло. Пришел его читатель, тот многомиллионный читатель-народ, строитель социализма, которому и принадлежит по праву литературное наследство Мамина-Сибиряка.

Некрасов и наша современность

А. ЕГОЛИН

★

Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней...

А. Некрасов.

Старая Россия была убогая и бессильная. Советский Союз за двадцать лет стал могучей и обильной страной социализма.

Из лозунгов ЦК ВКП(б) к XX-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции.

Заветной мечтой Некрасова было народное счастье. Всю жизнь поэт лелеял надежду увидеть свою родину «свободной, гордой и счастливой». И всю жизнь Некрасов видел вокруг себя крестьян, рабочих и городских бедняков, забитых нуждой и бесправием.

Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг;
Счастье умов благородных
Видеть довольство вокруг.

Мы живем в эпоху, когда осуществились мечты Некрасова.

В докладе «К двадцатилетию Октябрьской революции» товарищ В. М. Молотов сказал:

«Великая сила и международное значение Октябрьской революции заключается в том, что она осуществила сокровенные мечты трудящихся об освобождении от гнета эксплуататоров и от рабского труда у капиталистов и помещиков. Она осуществила то, о чем мечтали лучшие люди человечества на протяжении многих, многих веков»¹.

Некрасов умер 60 лет назад. Остались те же полевые просторы, могучая

река Волга, сохранились деревни, воспетые им с чарующей силой. И вместе с тем как неузнаваема стала родина поэта! Навсегда ушла убогая «матушка-Русь». Народы Советского Союза, раскрепощенные от ига эксплуатации, за двадцать лет построили под руководством партии Ленина — Сталина социалистическое общество, завоевали счастливую и радостную жизнь.

Совсем иной стала деревня; как она не похожа на ту, которую знал Некрасов! Нет больше нищего мужика, одиночки, угнетенного, замученного, каковым он был в эпоху Некрасова и как это правдиво нарисовал великий народный поэт в черную пору страшного произвола и дикого гнета самодержавия. Там, где в прошлом слышался тяжелейший стон, раздирающий душу, ныне раздаются ликующие песни счастливых советских людей. В нашей деревне живет свободный, зажиточный крестьянин-колхозник. Где когда-то уныло шелестела «несжатая полоса», навевая грустные думы поэту, — теперь стелется необозримое поле колхозных посевов. На тех же полях, где когда-то «многострадальная мать» лила слезы и пот, изнывая от непосильного труда, ныне радостно трудится девушка-трак-

¹ В. М. Молотов. «К двадцатилетию Октябрьской революции», стр. 6. Партиздат. 1937.

тористка, олицетворяющая новую советскую деревню.

Приведем сообщение о памятных днях (60-летие смерти) на родине поэта: «С исключительным подъемом прошли некрасовские дни в деревне Некрасово (называвшейся ранее Грешнево). 7 и 8 января состоялись специальные вечера, посвященные памяти великого поэта русского народа. 8 января в колхозный клуб им. Некрасова, вмещающий 250 человек, собралось свыше 400 колхозников.

Под шумные аплодисменты всех собравшихся председатель колхоза им. Некрасова т. А. С. Басов заявил:

— Спросил бы теперь нас Николай Алексеевич: «Как у вас хлебушко, как у вас скот?», — мы бы ответили ему: «Все в порядке, Николай Алексеевич. Хлеба, картофеля, мяса и других продуктов у нас полно. Семья, например, рядового колхозника Артемова, в прошлом голодная и холодная, в 1937 году получила на трудодни 128 пудов хлеба, 612 пудов картофеля, 150 пудов фуража и 500 рублей деньгами. Так же обеспечены и все колхозники»².

Некрасов в свое время мог только мечтать, но тогда это были несбыточные чаяния:

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,
Хочешь — останешься век мужиком,
Сможешь — под небо взвьешься орлом!

Счастлирое детство завоевано у нас юному поколению. Мечты Некрасова сбылись в наше время: теперь крестьянская и рабочая молодежь заполняет стены вузов, становится на почетное место красных специалистов, штурмующих землю и небо, передельвающих жизнь, покоряющих природу, взвиваясь «под небо» орлом.

Исполнилась мечта Некрасова о том времени, когда «мужик... Белинского и Гоголя с базара погонет». Освобожденный народ стал поголовно грамотным, культурно выросшим. «Понес» народ Белинского и Гоголя и сочинения самого Некрасова. С волнением читают миллионы советских людей стихи по-

эта. Если за двадцатилетие до Октябрьской революции (1897—1917 гг.) в царской России было издано всего 17 книг Некрасова, общим тиражом в 194 тыс. экземпляров и только на русском языке, то за двадцать лет советской власти выпущено 165 книг поэта, тиражом в 5.409.000 экз. на 16 языках народов Советского Союза.

Счастливые граждане Советской страны навеки сохраняют в своей памяти образ поэта, в черные годы самодержавия неустанно призывавшего народ на борьбу за свое освобождение. Некрасов близок нам как поэт, с удивительной проникновенностью показавший душу трудового народа.

Некрасов — великий народный поэт. Его творчество выражало передовые, прогрессивные тенденции своей эпохи. Поэзия Некрасова будила умы и сердца от векового рабского застоя, помогала народу найти пути к освобождению.

Некрасов народное благо сделал исходным и определяющим критерием в характеристике жизненных явлений. Все свои сокровенные думы и чаяния он связывал с делом служения народу, допытываясь: «Кому на Руси жить хорошо?». Клеветали на революционного поэта те, кто говорил о нем, как о «гении уныния». Такого рода «слепым некрасоведам» можно ответить меткими словами А. В. Луначарского: «Потрясает тебя Некрасов? Нет. Это еще не значит, что в Некрасове нет поэзии. Это значит только, что нет в твоём сердце тех струн, на которых играла муза Некрасова. И человек, понимающий некрасовскую музыку, может только с сожалением посмотреть на своеобразного глухого, которому он недоступен, будь то хоть сам Тургенев».

Люди социалистического общества, оценивающие явления прошлого с высоты теории Ленина—Сталина, раскрывают новые черты в наследстве классиков литературы. Новое находим мы и в поэтическом облике Некрасова. Наиболее демократический поэт XIX века не может быть не созвучен эпохе и людям, живущим в условиях полного торжества социалистической демократии.

² «Известия» от 10 января 1938 г.

★

Идея служения народу неизменно вдохновляла Некрасова. Вожди революционной демократии — Белинский, Чернышевский и Добролюбов — были для него «светильниками разума», освещавшими ему путь развития. Естественно, что Некрасов создал поэзию, которая и своим содержанием, и своей формой противостояла традиционной литературе, оторванной от народа и далекой от его интересов.

Характер своей поэзии Некрасов определял словами:

«У всякого писателя есть своя своеобразность, у меня реальность». А враждебно настроенный в отношении Некрасова критик Авсеенко, желая оскорбить поэта и унизить его творчество, свою статью о нем назвал: «Реальнейший поэт», т. е. поэт, не чуждающийся самых разнообразных жизненных тем. С нашей точки зрения это определение Некрасова является высшей похвалой поэту. Именно Некрасов был реальнейшим поэтом из всех поэтов XIX века.

Вокруг творчества «старого русского демократа» (так называл Некрасова Ленин), как при жизни поэта, так и после его смерти велись страстные споры. Если сторонники эксплуатации и угнетения испытывали злую ненависть к музе Некрасова, то в революционной и демократической среде его стихи, зовущие

На бой, на труд!
За обойденного,
За угнетенного...

встречались с чувством горячей любви и восхищения.

Поэзия Некрасова была источником воспитания и воодушевления ряда поколений революционных борцов. Некрасов был «властителем дум» молодежи 60—70-х годов. В реакционную эпоху 80-х годов поэт-гражданин стал для лучших людей эпохи призывным маяком, освещавшим путь борьбы за народное дело.

В недавно опубликованной работе Н. К. Крупская, рассказывая о «Детстве и ранней юности Ильича», пишет:

«Чтобы понять до конца, кем был Илья Николаевич, надо почитать «Современник», выходявший под редакцией Некрасова и Панаева, где сотрудничали Белинский, Чернышевский, Добролюбов. И старшая сестра Владимира Ильича — Анна Ильинична — и сам Владимир Ильич вспоминали, как любил Илья Николаевич стихи Некрасова»³.

Поэзия Некрасова резко противостояла народнической теории о «герое» и пассивной толпе. Его стихи обращались непосредственно к народу, так как поэт от самого народа ждал активных и решительных действий для своего освобождения.

Некрасов — это целое направление в русской поэзии, самостоятельная школа, где все отлично и особенно: тематика и образы, язык и стих.

Роль Некрасова в истории литературы исследователи сильно искажают, рассматривая его творчество вне связи с развитием русской поэзии. Откровенней других этот взгляд на Некрасова выразил Нестор Котляревский: «Предшественников он не имел, не имел и наследников. Школы не проходил и школы не создал. Исследователь, если он займется родословной Некрасова, будет избавлен от кропотливых разысканий. Он начнет эту родословную с него самого и на нем ее кончит»⁴.

Некрасов критически осваивал богатое наследие поэтической культуры, в первую очередь наследие великих русских поэтов — Пушкина и Лермонтова, а наряду с ними — Рылеева, Кольцова и других певцов народа и революции.

Некрасов был гениальным поэтом, создавшим высокохудожественный демократический стиль. Появление нового направления в русской поэзии было исторически обусловлено. Стихи поэта революционной демократии не укладывались в рамки и каноны старых литературных форм.

Некрасов страстно стремился быть народным поэтом. Вот изумительные строки, рисующие, как Некрасов пред-

³ «Большевик», 1938 г., № 12, стр. 64.

⁴ Некрасов. Из рукописных собраний Пушкинского дома при Российской Академии Наук. Петроград, 1922; стр. 12.

ставлял себе отношения поэта с народными массами:

В эту ночь со стыдом сознаю
Бесполезно погибшую силу мою...
И трудящийся, бедный народ
Предо мною с упреком идет,
И на лицах его я читаю грозу,
И в душе подавить я стараюсь слезу...

Да! Теперь я к тебе бы воззвал,
Бедный брат, угнетенный, скорбящий!
И такою бы правдой звучал
Голос мой, из души исходящий,
В нем такая бы сила была,
Что толпа бы за мною пошла.⁵

Стихи Некрасова всегда преисполнены глубокого чувства. За ними виден автор, сам сильно переживающий описываемое горе или радость. Некрасовский стих был наиболее полным выражением мотивов «музы мести и печали». Этот стих отражал настроения гнета жизни, испытываемые народом в условиях самодержавного строя. И одновременно он звал на борьбу с господствовавшим злом. Некрасов писал:

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз.

Некрасов в своих произведениях говорил о чувствах и мыслях, переживаемых широкими народными массами. Отсюда — органическая связь его поэзии с народно-поэтическим творчеством. Исключительная широта охвата действительности, типичность образов и революционная направленность — вот характернейшие черты некрасовского творчества.

Первое признание дарования Некрасова пришло со стороны Белинского, с энтузиазмом приветствовавшего молодого автора: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?»⁶

Наиболее совершенная принципиальная оценка поэзии Некрасова принадлежит Чернышевскому и Добролюбову. Еще при жизни Некрасова Чернышевский поставил его, как поэта, «выше всех русских поэтов».

В письме к Некрасову в 1856 г. Чернышевский писал: «Вы теперь лучшая, — можно сказать, единственная прекрасная — надежда нашей литературы».

Чернышевскому хочется, как он пишет Некрасову, поговорить о его «стихотворениях не с политической, а с поэтической точки зрения».

К сожалению, он не мог подробно высказать свое критическое суждение о творчестве Некрасова, так как «негде напечатать эту статью», а в «Современнике» он считал неудобным «представить суждение о стихотворениях одного из своих редакторов».

Чрезвычайно интересные замечания Чернышевского о поэтике Некрасова, сделанные им во второй статье о сочинениях Пушкина⁷. Говоря о специфике русского стиха и о склонности Пушкина к ямбу, Чернышевский отмечает большую правомерность для русского стихосложения трехсложной стопы и противопоставляет в этом отношении Пушкину Некрасова (не называя имени последнего):

«Не можем не заметить, — говорит Чернышевский, — что у одного из современных русских поэтов, — конечно, вовсе не преднамеренно — трехсложные стопы, очевидно, пользуются предпочтительно любовью перед ямбом и хореем».

А о рифме Чернышевский пишет:

«Рифма в русском языке должна существовать с некоторыми особенными условиями, вытекающими из сущности языка. Один шаг к этому сделан уже поэтом, о котором говорили мы выше и который также любит демократическую рифму — это по крайней мере разнообразность рифмы... Русская рифма, нам кажется, могла бы довольствоваться не одинаковостью, а подобностью звуков, как это бывает иногда у Кольцова».

Добролюбов видит в творчестве Некрасова образование нового стиля русской поэзии, в котором новыми словами дается новое осознание жизни. Не называя Некрасова по имени, Добролюбов

⁵ «Литературный архив», издаваемый П. А. Картавовым, 1902 г., стр. 99.

⁶ И. И. Панаев. «Литературные воспоминания», изд. 1928 г., стр. 404.

⁷ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. I, стр. 288.

характеризует его поэтом, «повернувшим» поэзию на «новый путь». О некрасовской поэзии в этом смысле критик говорит как о «совершившемся факте».

В рецензии «Перепевы» (напечатанной в «Современнике» 1860 г., книга VIII) читаем: «Художественный, младенчески-беззаботный и грандиозно-ребяческий период нашей поэзии был уже завершен Пушкиным; Лермонтов не выказал вполне своих сил и до конца жизни не умел, что называется, стать на свои ноги, потому и не мог образовать нового направления; Кольцов остается особняком до сих пор, его оригинальные опыты оказались тоже недостаточно сильными, чтобы повернуть нашу лирику на новый путь. После них нужен был поэт, который бы сумел осмыслить и узаконить сильные, но часто смутные и как будто безотчетные порывы Кольцова, и вложить в свою поэзию положительное начало, жизненный идеал, которого не доставало Лермонтову. Нет ни малейшего сомнения, что естественный ход жизни произвел бы такого поэта; мы даже можем утверждать это, не как предположение или вывод, но как совершившийся факт. Но, к сожалению, наступившие вслед за тем события уничтожили всякую возможность высказаться и развиться в новом таланте тому направлению, которое с двух разных сторон, после Пушкина, пробивалось у нас в Кольцове и Лермонтове»⁸.

В этих немногих строках Добролюбовым дана настолько богатая характеристика развития и смены стилей русской поэзии, настолько отчетливо показана обусловленность появления демократического направления, что она и на сегодня остается непревзойденной во всей критической литературе о Некрасове.

Добролюбов восхищался реалистическим изображением действительности в поэзии Некрасова, ее революционным пафосом. В письме к своему другу он

говорит: «Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить «Песню Еремушки» Некрасова, напечатанную в сентябрьском «Современнике». Замени (только) слово — «истина» — равенство, «лютой подлости» — угнетателям... Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине прошлости. Боже мой, сколько великодушных вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура!»¹⁾.

Творчество Некрасова оказало многостороннее влияние на все последующее развитие русской поэзии. У него учились, за ним шли поэты В. Курочкин, М. Михайлов, Н. Добролюбов, И. Гольц-Миллер, Жулев, Якубович, Надсон, Трефолев и др. Правда, некоторые из них, особенно писавшие в эпоху 80—90-х годов, не ощущали той связи с народом, с крестьянской массой, которая характеризует поэзию их гениального учителя, но в целом эти поэты припекают к некрасовской школе.

В 80-х годах любимцем передовых читательских масс становится Надсон. Гражданское направление в его поэзии находит настолько яркое воплощение, что его считают продолжателем «музы мести и печали». Мотивы любви к народу, вера в светлые идеалы будущего, порывы к свободе привлекают внимание общества к поэзии Надсона. В эпоху безвременья и спада общественного движения Надсон писал:

Я встал в ряды бойцов поруганной
свободы
Я стал певцом труда, страданья и
скорбей!

Надсон почти некрасовскими чертами рисует образ родины:

Мне грезится она иной: томясь в цепях,
Порабощенная, несчастная Россия...

Революционного звучания достигает голос поэта в стихотворениях: «Так вот она, страна свободы и закона», «Ни звука в угрюмой тиши каземата». Широкой популярностью среди молодежи

⁸ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. М.—Л. Гослитиздат. 1935 г., т. II, стр. 594.

⁹ «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова» СПб. 1890 г., т. I, стр. 534.

пользовались стихи Надсона: «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат», «Будут дни великого смятенья», «Была пора, мы в мир вступали».

Стихотворения Надсона любил В. И. Ленин. В письме к его матери Н. К. Крупская писала: «Без чего мы прямо тут голодаем,—это без беллетристики. Володя чуть не наизусть выучил Надсона и Некрасова»¹⁰.

Но в целом поэзия Надсона не достигла уровня некрасовского творчества. Эпоха реакции 80-х годов и разгрома революционных организаций оказала отрицательное влияние на деятельность Надсона. Он не поднялся до роли поэта-революционера, борца, трибуна, кем был Некрасов. Черты пессимизма, уныния, бесперспективности заметны на многих его произведениях.

В русской поэзии 80—90-х годов очевиден отход от некрасовских тем. Выступают поэты не гражданского направления. После длительного перерыва выходят сборники стихов Фета и Случевского, а потом — Апухтина, Фофанова.

Некрасов с его темой страдания народа и борьбы за гражданские идеалы признается «старомодным». Символисты ценили в Некрасове только мастерство, видели в его поэзии «музыку диссонансов» (Б а л ь м о н т). Андреевский писал: «Некрасов не великий, но замечательный, самобытный поэт». Если символисты и признавали Некрасова, как поэта в целом, то лишь в те редкие моменты, когда они в своем творчестве становились ближе к вопросам ответственности.

Полное признание Некрасова, как «великого поэта», пришло со страниц боевого органа партии большевиков.

«Правда» в 1912 году (№ 203) писала о Некрасове как великом поэте, потому что «ему было дано чаровать людские сердца дивной красотой прекрасной русской речи», потому что «он был чуткий, глубокий и отзывчивый художник русской природы и жизни, умевший подмечать в ней новые, еще до него не выраженные красоты, говорить о них язы-

ком певучим и грустно-раздольным, как русская песня»¹¹.

Некрасов—поэт борьбы, поэт труда, певец грядущего народного довольства,—близок и дорог советским поэтам, призванным создать глубоко идейное и народное искусство, кровно связанное с интересами трудящихся. В нашу великую Сталинскую эпоху расцвета народных талантов, когда все живое и здоровое встречает сочувственную поддержку со стороны социалистического общества, Некрасов, как поэт, получает всенародное признание.

Влияние Некрасова на формирование нашей поэзии весьма значительно. Некрасов — наш современник. Он и сегодня с нами. Некрасов-поэт ощущается и в творчестве Маяковского, «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи» (Сталин), и в песнях Лебедева-Кумача, и в стихах молодого поэта А. Твардовского, и в творчестве белорусских поэтов Я. Купала и Я. Коласа. Поэзия Некрасова, отличающаяся революционностью, народностью, песенностью и доходчивостью стиха, способна оказывать самое благотворное влияние на современную литературу. Некрасов воспитывает наших поэтов в духе народности и революционности. Он учит правдивому и реалистическому изображению действительности.

Как в свое время Некрасов, Маяковский в наши дни выступил преобразователем, решительным реформатором традиционных форм русского стиха. Некрасов стоит как бы у начала того пути, который прошел в своем поэтическом развитии Маяковский. Не отбрасывая традиционных размеров стиха, Некрасов нарушал их разговорной интонацией и ритмическими сдвигами. В стихе Некрасова пропадало ритмическое однообразие. Как и Некрасов, адресуясь к разговорному языку народа, Маяковский произвел полный переворот во всей поэтической системе.

Некрасов искал выхода из «тупика гладких и благозвучных стихов», он говорил: «Пушкин и Лермонтов до такой

¹⁰ «Ленин о культуре и искусстве». М. Изд. «Искусство». 1938, стр. 297.

¹¹ «Доктябрьская «Правда» об искусстве и литературе», М. Гослитиздат. 1937, стр. 120.

степени усвоили нашему языку стихотворную форму, что написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий, владеющий в некоторой степени механизмом языка, и потому гладкость и правильность стиха не составляют уже в наше время ни малейшего достоинства»¹².

Как близки эти слова Некрасова нашему Маяковскому! Недаром свое историческое место он определял рядом с Некрасовым.

Поэзия Маяковского созвучна творчеству Некрасова политической насыщенностью, глубокой идейностью, ориентацией на народные массы.

Из молодых талантливых поэтов по своим творческим принципам особенно близок к Некрасову А. Твардовский. Его поэма «Страна Муравия» по сюжету напоминает поэму «Кому на Руси жить хорошо»: крестьянин-единичник уходит на поиски сказочной «страны Муравии» и находит счастливую, зажиточную жизнь в колхозе. Песенный ритм, язык, разговорная интонация родственны поэме Некрасова. Однако Твардовский не теряет своей творческой самостоятельности. Принципы поэзии Некрасова воссозданы нашим советским поэтом в иных социальных условиях, его голос звучит молодо и звонко.

Как томимый жаждой усталый путник припадает к свежему горному роднику, черпал Некрасов свои песенные ритмы у чудесной русской народной песни. Некрасов сам создавал стихи и песни, ставшие подлинно народными; они вошли в быт народа наряду со многими и многими произведениями русского фольклора. Как пример, укажем замечательную некрасовскую песню: «Ой, полна, полна коробушка».

Некрасов близок к песенной традиции гениального французского поэта Беранже. Влияние песни Беранже и Некрасова можно заметить в творчестве даровитого советского поэта Лебедева-Кумача, а также во многих любимых песнях советского народа.

Легко увидеть созвучие с некрасовскими стихами (из «Псовой охоты»):

Чуть не полмира в себе совмещая,
Русь широко протянулась, родная!
Много у ней и лесов, и полей!...

советской «Песни о родине» Лебедева-Кумача:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек...

Проводя параллель между некрасовской поэзией и творчеством советских поэтов и советской народной песней, следует отметить и очень существенное различие. В наших советских песнях, отражающих счастливую жизнь и радостное строительство социализма, неизмеримо сильнее слышатся звуки бодрости, в них преобладают сильные и веселые голоса победившего народа.

Некрасов некогда мудро писал: «Горькое время—горькие песни», «Доброе время—добрые песни».

Он жадно тянулся к «времени новому», горячо желая петь песни радости и веселья:

О, время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как?... Душа народная!
Воссмейся-ж, наконец!..

Отражая «неисходную горе» народное, Некрасов создавал «горькие песни»— «Голодную», «Барщинную», «Соленую», а «Веселой» мог назвать свою песню только иронически, так как в ней приходилось петь:

Чуть из ребятишек,
Глядь—и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин—дочерей!
Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!

★

Советский народ является единственным полнокровным наследником всех сокровищ великой русской литературы. В поэзии Некрасова он видит певца «мести и печали», отдавшего всю свою жизнь борьбе за народное счастье. Не-

¹² Некрасов. Собр. соч., т. II, 1930, стр. 395.

красов писал свои стихи кровью сердца. Самые лучшие его произведения—о народе. Свою музу он назвал «сестрой народа».

Над крепостнической Россией стоял стон многомиллионного крестьянства и рабочих. Народный стон замученных людей и оразил Некрасов в своих стихах:

Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля.—
Где народ, там и стон...

Одновременно Некрасов посылал проклятия по адресу виновников народной кабалы и печали—«владельцам роскошных палат», помещикам и капиталистам.

Некрасов с потрясающей силой рисовал правдивую картину жизни крестьянской и рабочей России. Вот картина пореформенной деревни 70-х годов:

— Как у вас хлебушко? «Нет ни ковриги!»
— Где у вас скот? «От заразы подохи!»
А заикнулся про школу, про книги —
Прочь побежали.—«Помилуй нас бог!
Книг нам не надо — неси их к жандару!
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за лару,
А натерпелись на тыщу рублей!»

К школе привешен тяжелый замок,
Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?

«Путешественник», 1874 г.

Некрасов первым из русских поэтов зарисовал «предместия дальние» фабрик и заводов:

Свечерело. В предместиях дальних,
Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом, —
Начинаются мрачные сцены.

Некрасов создал бессмертную картину роста и формирования русского пролетариата в замечательнейшем своем стихотворении «Железная дорога».

В эпоху «освобождения» Некрасов увидел новые эксплуататорские сети «на месте сетей крепостных»:

В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему,
Водит он армии; в море судами
Правит; в артели стоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные...

Недаром дореволюционная «Правда», в связи с 35-летием смерти Некрасова, писала о нем, как о «нашем любимом поэте-гражданине». По прямому указанию Ленина—писать и растолковывать творчество писателей старой народнической демократии, — «Правда» за короткий период (ноябрь 1912 г. — октябрь 1913 г.) поместила о Некрасове четыре статьи, инструктивное письмо и обращение к культурно-просветительным организациям.

Некрасов всегда пользовался исключительной любовью рабочих и крестьян. В эпоху борьбы с самодержавием и капитализмом наша партия видела в Некрасове своего союзника. Центральный орган партии знал, как много говорила сердца передовых людей рабочего класса поэзия Некрасова. В «Правде», в № 203 от 25 декабря 1912 г., говорилось: «Если кто трудится и борется в надежде на лучшее будущее, какой бы черным и неблагодарный труд ни утомлял его к концу рабочего дня, нужен его душе и отдых, и светлый праздник мысли, и поддержка дружеского сочувствия... Пусть позовет он к себе Некрасова, пусть перечтет его страницы, полные горячей любви к человеку, — с этих страниц вольются в утомленную душу такое тепло и такая жажда иной, лучшей жизни, что захочется снова работать, снова бороться, снова отдавать свои силы черному дню настоящего во имя света завтрашнего дня...».

Интереснейший материал о Некрасове содержится в высказываниях крестьян, опрошенных в 1913 году «Правдой». Вот некоторые из этих отзывов: «Как воздух необходим для дыхания, как солнце необходимо для согревания,—так и Некрасов необходим для широких масс!»

«Когда артели по праздникам или зимой мы собирались и читали стихи Некрасова, то многие плакали и восторженно целовали книгу...».

«С чувством благовения, любви перечитываешь «Мороз — Красный нос» — и невольно к глазам подходят слезы, спирает дыхание, и закрываешь книгу, чтобы успокоиться. Какие яркие, незабываемые картины русской многострадальной деревни, картины, полные слез и горя!».

«Я — крестьянин, и в поэзии Некрасова живет моя душа и все мое существо со всеми верованиями и надеждами...».

«Никто так не понял и верно не изобразил жизнь мужика и деревни, как Н. А. Некрасов. В нем деревня видит себя и считает это не вымыслом, а действительностью».

«Некрасов — это все равно, что нашелся бы такой мужик, с громадными способностями, с русскими мужицкими болями в груди, который взялся бы этак и описал свое русское нутро и показал бы его своим братьям-мужикам: «смотрите-де на себя!» А оно, это нутро, заражает и воспаляет, и не к дурному, а к хорошему»¹³.

Иначе воспринимает творчество Некрасова наш современный советский читатель. Он прежде всего прибегает к сравнению нынешних дней, полных счастья и радости, с тем мрачным временем, которое описывает Некрасов. Знакомясь с поэзией Некрасова, советский читатель еще лучше и ярче видит наши достижения и еще крепче начинает любить свою социалистическую родину.

Недаром государственные и общественные советские деятели так часто вспоминают Некрасова. Стихи его очень часто звучат в речах депутатов Верховного Совета.

Говоря о деревне, о сельском хозяйстве дореволюционной России, депутат Хрущев сказал: «С победой Социалистической революции в нашей стране, с победой социализма в нашей стране, с победой политики нашей партии, политики Ленина — Сталина, канула в вечность правдиво описанная поэтами Некрасовым и Шевченко «доля крестьянская, доля мужицкая».

«Как живой с живыми говоря», Некрасов поведал депутатам о бесправии русского народа в царской России: депутат Леонова в своей речи по докладу о судостроительстве СССР прочла незабываемые строки поэта:

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овинном, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У под'ездов судов и палат.

Депутат Маркин, говоря об угнетенных национальностях царской России, вспомнил Некрасова: «С исключительной правдивостью обрисовал прошлое белорусского крестьянина русский поэт Некрасов:

... Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорусс... — и т. д.

Совершенно не похож колхозник-белорусс на того белорусского крестьянина, о котором писал великий русский поэт¹⁴.

Поэзия Некрасова и сегодня возбуждает жгучую ненависть к угнетателям народа. Молодежь из стихов Некрасова узнает о тех страданиях народа, которые переживали ее отцы и деды в условиях проклятого царского строя.

А ведь совсем недалеко, за рубежом нашей родины, в странах капитализма и поныне жизнь крестьян и рабочих протекает в тех же условиях, что и во времена Некрасова. Приведем интересное сравнение пограничных деревень из статьи депутата Верховного Совета СССР М. Соломко: «Наш колхоз находится у самой границы. Река Днестр отделяет нас от Румынии. Против нашего колхоза — румынское село Комаров. Жалко и больно смотреть на него. Когда у нас уже идут в трубку хлеба, у них только-только начинают сеять. И ковыряется крестьянин примитивным ин-

¹³ «Доктябрьская «Правда» об искусстве и литературе». М. Гослитиздат. 1937 г., стр. 126—127

¹⁴ «Правда», 1938 г., 22 августа.

вентарем на жалких полосках земли. Многие ковыряют землю простыми лопатами. Вид у крестьян измученный.

Русский поэт Некрасов в одном из своих стихотворений описал крестьянина:

Грудь впалая; как вдавленный,
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо.
Рука—кора древесная,
А волосы—песок...

Давно и в помине нет у нас на советской земле такого крестьянина. Есть колхозники, живущие культурно и зажиточно. А по ту сторону Днестра существует еще крестьянин, описанный Некрасовым. Там голод, нищета и притеснение гнут крестьян в дугу. Мы горды тем, что на советской границе стоит наш колхоз, как сильный агитатор за власть советов, за коммунизм»¹⁵.

★

Величие Некрасова—в том, что он сквозь мрачную действительность провидел светлое будущее своего народа и воспел его в волнующих стихах. Мы ценим Некрасова не только за реалистическое изображение прошлого. Поэт нам бесконечно дорог своей устремленностью вперед. Рисуя безотрадное настоящее, Некрасов с удивительной пронизательностью устремлял пылкий взгляд в заманчивое будущее. Метод подхода к изображению действительности отражен в словах поэта («Мороз—красный нос»):

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит...

Типичное в этом отношении произведение—поэма «Дедушка». Рассказывая об увлекательных картинах жизни в Тарбагатае, где люди вольготно живут, так как «волю да землю им дали», поэт путем сопоставления говорит об ужасах окружающей его:

— Ну... а покада подумай,
То ли ты видишь кругом:
Вот он, наш пахарь угрюмый
С темным, убитым лицом:
Лапти, лохмотья, шалчонка...

Некрасов не знал бесперспективности, никогда не опускал в бессилии руки. В его унынии не было покорности или примирения с окружающей действительностью. Как ни грустна была жизнь, он всегда верил в лучшее будущее, призывая к беспощадной борьбе за ее изменение. Выражая печаль и скорбь народа, поэт неустанно звал к мести угнетателям:

Взрослые люди—не дети,
Трус—кто сторицей не мстит!

Беспредельно веря в творческие силы своего народа, в победу русской революции, в торжество правого дела, Некрасов предчувствовал наступление «иных времен, иных картин». В те далекие времена, когда «над великою русской рекой» стоял «стон бесконечный», поэт смело рисовал картины грядущего светлого дня. Порой кажется, что Некрасов писал о чудесах большевистской техники и дерзновенных делах строителей социализма.

В самом деле, как близка к современной действительности некрасовская картина будущего Волги:

Я слушал жадно иногда
И тот напев унылый,
Но гул довольного труда
Мне слаще слышать было.

Увы! я дожил до седин,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут,
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

Мечты!.. Я верую в народ.
«Горе старого Наума». 1874 г.

¹⁵ «Правда», 1938 г., № 213.

Вера в счастливое будущее своей родины никогда не покидала революционного поэта. Он знал, что народ не вечно будет подавлен самодержавием и угнетен эксплуатацией помещиков и капиталистов.

В предсмертные дни Некрасов писал:

О, Русь! Ты несчастна—я знаю;
Но все ж, озирая мой пройденный путь,
Я к лучшему шаг замечаю.

Некрасов восхищался теми скрытыми силами, которые заложены и в крестьянине-богатыре, и в «типе величавой славянки», и в богатейшей русской природе, вызывавшей восторг и восхищение поэта.

Поэт верил в народ:

В рабстве спасение
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Некрасов был передовым человеком своего времени, видевшим великие богатырские силы русского народа, способного создать «обильную» и «могучую» Россию. Он скорбел о том, что эти силы подавлены, забиты, что крепостнический строй и капиталистическая эксплуатация губят страну. Отсюда — покуда родина «убогая» и «бессильная». Но Некрасов не сомневался в том, что крестьянские «топоры лежат — до поры», что придет революционная пора и восстанет народ. Революционное мировоззрение вдохновило Некрасова на создание гениальной песни «Русь», которая останется в веках, как изумительное произведение о неисчерпаемых силах великого русского народа:

Русь не шелохнется,
Русь—как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали—небужены,
Вышли—непрошены.
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всеильная,
Матушка-Русь!..

Недаром наши великие вожди Ленин и Сталин обращаются к этим строкам Некрасова для характеристики положения страны. Ленин в марте 1918 года, процитировав некрасовские стихи, писал, что надо «добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной... У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь»¹⁶.

Товарищ Сталин в своей речи о задачах хозяйственников вспоминал некрасовские слова из стихотворения «Русь», когда говорил о старой России, о ее отсталости.

В лозунгах к 20-летию Великой Октябрьской Социалистической революции на знаменах демонстрантов были слова Некрасова, приведенные в качестве эпиграфа к нашей статье.

Некрасов был истинным русским патриотом, преисполненным любви к своей родине, лелеявшим мечту увидеть ее свободной от сковывавших ее сил царизма и возрожденной на основе самостоятельности народа. Некрасов гордился в русском человеке тем, что было дорого и близко сердцу передовых людей его времени. Он любил русский народ и верил в его великое будущее: когда обстоятельства позволят

... русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней...

В поэме «Несчастные», написанной с особой нежностью, где поэт, по его признанию, «хотел вылить всю свою душу», — Некрасов говорит с какой-то глубокой задумчивостью о родине, русском, о Руси. Отделяя — как внешнее,

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. XXII, стр. 376.

наносное — официальную императорскую Россию от родины и народа-богатиря, Некрасов писал о России:

Она не знает середины—
Черна—куда ни погляди!
Но не проел до сердцевины
Ее порок. В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил:
Так под корою Сибири льдистой
Золотоносных много жил.

Чутьем подлинного народного художника угадал Некрасов великую роль России и высокое назначение ее народа. Политический ссыльный Крот, любимый образ поэта, зачарован всем подлинно русским:

При слове: «Русь», бывало, встанет—
Он помнил, он любил ее,
Заговоривши про нее—
До поздней ночи не устанет...

В облике своей музы Некрасов подчеркивает русские черты и свою судьбу связывает с судьбой народа:

... Завиден жребий наш,
Не надругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский—взглянет без любви
На эту бледную, в крови
Кнутом иссеченную Музу...

Некрасов ценил в русском народе активное начало, «привычку к труду загородную», стремление и способность добиться свободы путем революционного переворота:

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ...
Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

И наряду с этим Некрасов с чувством нескрываемого отвращения и презрения относился к реакционерам — «патриотам» и славянофилам, проповедывавшим националистические чувства. Еще в начале 40-х годов в своих рецензиях (например, в рецензии на книгу «Русский патриот», 1842 г.) Некрасов, повидимому, под благотворным влиянием Белинского, осуждает квасной патриотизм, дает отрицательную оценку патриотическим виршам. То же много-

кратно выражал Некрасов и в своих стихотворных произведениях. В «Недавнем времени» Некрасов дал характеристику славянофилов:

Наезжали к нам славянофилы,
Светский тип их тогда был таков:
В Петербурге шампанское с квасом
Попивали из древних ковшей,
А в Москве восхваляли с экстазом
До-Петровский порядок вещей,
Но живя за границей, владели
Очень плохо родным языком
И понятия они не имели
О славянском призвании своем.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» поэт осуждающе говорит о лже-патриотах:

... Бахвал мужик!
Каких-то слов особенных
Наслушался: Атечество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская.
«Я—русский мужичок!»

Некрасов бичевал в современных ему крестьянах отрицательные черты — покорность, пассивность, терпение. Отсюда — сатирическое освещение барских слуг, разоблачение их смирения и хлопства.

Поэт крестьянской революции все свои симпатии отдает крестьянину-бунтарю. Некрасов видел зреющую силу в крестьянском движении. В своем творчестве он и запечатлел рост сознания в русском крестьянстве, развитие в нем чувства человеческого достоинства. Как восхитителен рядовой крестьянин Яким Нагой из деревни Босово, бросающий грозное обвинение дворянскому строю:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дощдника:
Поп, царь и господин.

Как знаменательно для Некрасова, что из крестьянских образов наиболее ярким получился образ негнбаемого революционера Савелия. С необычайной силой нарисовал поэт образ этого крестьянина-бунтаря, отдавшего свою жизнь борьбе за интересы крестьянства. Он вынес

Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения,

но не сдался, и уже столетним стариком, в ответ на упреки окружающих, что он «клеименый, каторжный», — Савелий с гордостью, «весело» говорит:

Клейменный, да не раб!

Некрасов отводил выдающуюся роль в освободительной борьбе революционной интеллигенции. Разоблачая либеральных болтунов, «богатых словом — делом бедных», клеймя «ликующих, праздно болтающих, обогряющих руки в крови», поэт-революционер с восхищением говорил о борцах за народное дело. «На Руси жить хорошо», по мнению Некрасова, только революционерам-борцам, так как только их жизнь полна великого смысла, красоты и правды.

Свою пламенную любовь к революционным образам Некрасов сочетал со жгучей ненавистью к силам реакции, к угнетателям народа. Он говорил:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

Поэт восхищается самоотверженным поступком жен декабристов, прославляет их образы:

Высок и светл их подвиг незабвенный!

И наряду с этим Некрасов с испепеляющей ненавистью относится к врагам революции, к лагерю виновников гибели лучших людей русской земли. Словами княгини Трубецкой поэт дает характеристику дворянского столичного общества после разгрома декабристского революционного движения:

Там люди живою гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Ничтожной злобы торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жигъ среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.

С изумительной силой нарисовал Некрасов пленительные образы революционеров-демократов: Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Шевченко.

Некрасов неустанно звал к революции, он верил в ее очистительный огонь от всех мерзостей гнусного эксплуататорского строя:

Душно! Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Поэт-революционер, буревестник крестьянского движения, Некрасов всю жизнь грезил картиной народного восстания. Его герой, каторжанин Крот, перед смертью был окрылен «мечтаньем чудным»:

... Мерещился народ...
Восторгом взор его сиял,
На площади, среди народа,
Ему казалось, он стоял
И говорил...

Поэзия Некрасова всегда служила живым источником вдохновения на борьбу с врагами народа. Какое сильное чувство патриотизма вызывали его стихи, воспевавшие подавленный и забытый народ за его способность грудью встать на борьбу. Крестьянин в творчестве Некрасова занял центральное место. Впервые в русской литературе крестьянин был возведен на такое высокое место, впервые с такой силой все стороны жизни были оценены с точки зрения крестьянина.

Некрасов не мог по историческим условиям дать в своем творчестве ни образа пролетарского революционера, ни рабочего, сознающего свои классовые интересы. Только в союзе с рабочим классом, под его руководством, крестьянство оказалось той побеждающей силой, которой мечтал его увидеть Некрасов.

★

Некрасов имел страстное желание быть поэтом масс, народа, создать песню, которая раздавалась бы над просторами родных рек: «Уступит свету мрак упрямый, услышишь песенку свою над Волгой, над Окой, над Камой...».

Сколько горечи и досады слышится в словах поэта, что ему приходится пока «песни петь унылые». Для Некрасова характерно горячее стремление петь песни радости, жажды счастья и веселья. В этом — одна из обаятельных черт его творчества. Крупнейшее свое произведение — поэму «Кому на Руси жить хорошо» — Некрасов заключил главой: «Доброе время — добрые песни». Устами счастливого Гриши автор говорит о веселой песне, как «воплощении счастья народного»:

«Удалась мне песенка!» — молвил Гриша,
прыгая:
«Горючо сказалась правда в ней великая!
Завтра же спую ее вахлячкам — не все
же им
Песни петь унылые...».

Установившаяся традиция видеть в Некрасове унылого поэта совершенно разрушается анализом его произведений, рисующих народ и природу нашей страны.

Народ спасал поэта от уныния и печали:

Приятно встретиться в столице шумной
с другом
Зимой,
Но друга увидеть, идущего за плугом
В деревне, в летний эной,
Сто крат приятнее...

Поэзия Некрасова, несмотря на обилие в ней картин народных бедствий, носит бодрый, оптимистический характер. Поэт любит картину крестьянского труда, когда он становится свободным, Некрасов очарован красотой человеческих чувств, рассказывая о любви крестьянской женщины к мужу, детям и родителям. Тогда меняется и мелодия стиха. Поэт ищет благозвучия, гармонии, предвосхищая поэзию нового, счастливого времени.

А с каким восхищением рисовал Некрасов картины русской природы! С задумчивого лица поэта сбегали морщины, лишь он заговаривал о природе,

о красотах «реки любимой» — о Волге. Всю жизнь Некрасов не переставал восторгаться прелестью волжских просторов, лесов и рек:

О, Волга!.. Колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зорям,
Когда еще все в мире спит,
И алый блеск едва скользит
По темноголубым волнам,
Я убегал к родной реке.

Но просторам природы противостояла социальная жизнь, полная кричащих противоречий и мучительных невзгод. Обращаясь к природе, поэт говорил: «Заглуши эту музыку злобы». И вновь лицо поэта делалось грустным, когда он вспоминал о «зрелищах бедствий народных». Поэтому Некрасов Волгу называл «рекою рабства и тоски»:

Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никогда —
Когда б, о Волга! под тобой
Не раздавался этот вой!

Теперь это противоречие исчезло навсегда. То, над чем мучительно бился всю жизнь Некрасов, стора я жгучей ненавистью, устранено завоеваниями Великой Октябрьской Социалистической революции. Советский народ сторицей отвечает своему гениальному певцу на ту любовь, которую он отдавал народу, пробиваясь своими стихами через преследования царской цензуры, через гонения царских властей. А дальнейший расцвет социалистической культуры нашей родины подымет имя певца народа еще выше.

Поэт-гражданин, до самозабвения любивший свой народ, в эпоху социализма получил всеобщее признание:

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет...

Из переписки

А. П. Чехова и О. Л. Книппер

Продолжение ¹

★

23. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

27 февр[аля] 1903 г. Ялта].

Здравствуй, актрисуля! Погода пасмурная, темная, но все же я брожу по саду, обрезаваю розы; сейчас сижу немножко утомленный. Тепло, хорошо. Насчет пьесы подробно напишу тебе околом 10 марта, т. е. будет ли она написана к концу марта, или нет. Про Швейцарию я не забыл, помню, ибо жажду поскорей остаться с тобою вдвоем¹. Здоровье ничего себе.

Про «Столпов» я еще не читал в газетах, ничего не знаю, но судя по телеграмме твоей ты не совсем довольна. Если так, то могу посоветовать одно: наплюй, дусик. Ведь теперь пост, пора уже отдыхать, жить, а вы все еще портите себе нервы, надсаживаетесь неизвестно ради чего. Только и удовольствия, что Вишневский снесет лишнюю тысячу в банк², а на кой вам чорт эта тысяча?

Вспоминается, что когда начинался Художеств. театр, то имелось в виду не обращать внимания на то, как велики сборы; Немирович говорил, что раз пьеса нравится театру (не публике, а са-

мому театру), то она будет итти раз 30—40 даже при 20 рублях сбора... Изволь ка вот теперь сочинять пьесу и думать все время, думать и раздражать себя мыслью, что если сбора будет не 1600, а 1580 рублей, то пьеса эта не пойдет, или пойдет, но только с огорчением.

Духи у меня есть. Одеколон есть. Мыло для головы есть.

Писал ли я, что открытые письма с «Мещанами» и «На дне» мною от Алексеева уже получены? Если не писал, то имей сие в виду и поблагодари Алексеева, когда увидишь. Поняла?

Больше писать не о чем, балбесик. Хочу только одного: взять тебя за ухо, притянуть и поцеловать двадцать раз в лоб и подбородочек. Пиши мне побольше, а то письма твои короче клопиного шага. Брату своему и племяннику, если они еще не уехали, поклонись.

Обнимаю родную мою, хорошую.

Твой А.

1. У Чеховых было предположение пожить летом в Швейцарии.

2. А. Л. Вишневский ведал в то время хозяйственной частью театра.

24. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

27 февр[аля] 1903 г. Москва] утро.

У тебя нехорошо на душе все это время, дорогой мой. Я чувствую это в каждой строчке, в каждом слове, как ни скрывай. Такое душевное состояние никогда больше не должно повторяться,

слышишь? Никогда. Как это будет — не знаю еще, но будет иначе.

У нас солнце, воздух чудесный, весна будет хорошая, т. к. весь снег, всю гадость уже сvezли и на улицах чисто. Тебе скоро можно будет приехать. Ах, Антон, если бы сейчас была твоя пьеса! Отчего это так долго всегда! Сей-

¹ См. «Новый мир», кн. 10 с. г.

час надо бы приниматься и чтобы весной ты уже видел репетиции. А то опять все отложено на неопределенный срок; я начну с тобой поступать более энергично. Так нельзя дусяк милый. Киснуть и квасить пьесу. Я уверена что ты еще не сел. Тебе верно не нужны тишина и покой для писания. Надо чтобы была толчея и суета кругом. Авось тогда ты засядешь. Ну, прости, только обидно что так долго. Ждут, ждут без конца и все только и слышишь кругом: «ах если бы сейчас была пьеса Чехова!» Напишешь ее к весне и потом опять положишь киснуть на неопределенный срок. Как она тебе не надоест!

Вчера сыграли вторые Столпы. Прием и публика куда выше первого спектакля.

25. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

28 фев[аля] 1903 г. Москва].

Голубчик мой, я как-то сурово писала тебе вчера — правда? Ты не сердисься? Я начинаю нервиться. Я не знаю когда увижусь с тобой. Я ничего не знаю. Жизнь какая-то глупая, никак ее не устроишь. А хочется чтобы все было хорошо.

Сегодня нет солнца и это меня раздражает. Серо. Думаю о тебе и мне тяжело. За тебя и за себя. Я уже не представляю себе как мы с тобой увидимся, какими?! Теперь дни у меня свободные, но вечера без перерыва с 24 февр. до 8-го марта все заняты. Дни я теперь провожу большею частью у мамы с Левочкой¹, с Костей. Костя вчера смотрел На дне и в большом восторге. Мне жаль что он не увидит Три сестры. 4-го он уезжает.

О Петербурге ничего еще неизвестно. Едем или не едем.

Квартиру у Коровина думаем брать, только ты должен тогда скорее приехать. Я тебе буду ванночку делать и в постельку укладывать. И комната тебе там отдельная. Но лестница меня смущает, хотя...

Мишиной девочке лучше, а мальчик кажется прихворнул теперь. Лика² в Москве, видела ее в театре — нарядная, помпезная.

Газеты все похваливают. Даже Эфрос уж не так сильно пощипал.

Мне скучно, я злюсь. Пойду сейчас гулять. Маша пристаёт с квартирой, а у меня нет энергии и т. к. есть план совсем иной на будущ. зиму (о кот. я тебе писала) о кот. я Маше не говорила, чтобы зря не волновать ее, то я и не знаю что надо делать.

Я больше не могу жить с сознанием что ты где-то, далеко от меня, влачишь жизнь, тоскуешь, терпишь. Я этого не могу. А что надо делать, тоже не знаю. Но так немислимо. Ты это понимаешь?

Целую тебя. Ты верно слишком много сидел на воздухе, оттого и нездоровится. Не могу больше писать. Надоело мне все.

Твоя Оля

Вчера На дне было очень много провинциальных актеров и антрепренеров. После 1-го акта кто-то сильно свистел. Было смешно. Оказалось пьяный и его вывели.

Конст. Серг. поднялся как-то духом, бодрый. Не дожидется твоей пьесы. А чтобы ты не говорил, что написанное тобой — старо и неинтересно, надо скорее это мне прочесть и убедить что это хорошо, изящно и нужно. Понимаешь? А то ты там в одиночестве чего, чего не надумал. Со мной забудешь все что выдумал за эту зиму.

На выставке Style moderne я тебе купила красивенькую полочку и не знаю — прислать ли с Алексиним или оставить здесь для твоего «кабинета». Думаю, что лучше последнее.

Будь здоров дусяк мой. Тебе верно странно думать что где то далеко есть у тебя мифическая жена, правда? Как это смешно.

Целую и обнимаю тебя много раз, мой мифический муж. Кланяйся мамаше и всем и Альтшулеру.

Твоя Оля.

1. Лев Константинович Книппер — советский композитор, племянник О. Л. Книппер.

2. Лидия Стахиевна Мизинова — близкая знакомая Чехова и всей его семьи.

26. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

1 марта [1903 г. Ялта].

Актрисуля милая, приехали Ярцевы, рассказывают, что «Столпы» им не понравились, но что ты была очень хороша. В Русских Ведомостях читал сегодня похвалу. Вообще я газетчикам не верю и верить не советую. Эфрос хороший малый, но он женат на Селивановой, ненавидит Алексеева, ненавидит весь Художеств. театр, — чего он не скрывает от меня. Кугель, пишущий о театре в десяти газетах, ненавидит Художеств. театр, потому что живет с Холмской, которую считает величайшей актрисой.

У нас цветет камелия, скажи об этом Маше.

Ну, как живешь, дусик? Как чувствуешь себя? Ярцев говорит, что ты похудела, и это мне очень не нравится. Это утомляет тебя театр. Получил я письмо от Немировича, пишет, что давно не имел от меня писем, между тем я очень недавно писал ему. Его адрес: Б. Никитская, д. Немчинова? Так?

У нас прохладно, но все же я сижу на воздухе. Софья Петровна Средина очень похудела и очень постарела. Леонид В. не встает; сидит в постели, и это уже давно. Сельди я получил, спасибо. Тут как то Ольга Михайловна привезла мне 2 десятка селедок и я ем их все время.

Говорят, что Горький приезжает ско-

ро в Ялту, что для него готовят квартиру у Алексина. Едет сюда, по слухам, и Чириков. Вот, пожалуй, некогда будет писать пьесу. И твой любимчик Суворин¹ приедет; этот как придет, так уж с утра до вечера сидит — изо дня в день.

Когда же ты увезешь меня в Швейцарию и Италию! Дуся моя, неужели не раньше 1 июня? Ведь это томительно, адски скучно! Я жить хочу!

Ты сердисься, что я ничего не пишу тебе о рассказах, вообще о своих писаниях. Но, дуся моя, мне до такой степени надоело все это, что кажется, что и тебе и всем это уже надоело и что ты только из деликатности говоришь об этом. Кажется, но — что же я поделаю, если кажется? Один рассказ, именно «Невеста» давно уже послан в Журнал для всех, пойдет вероятно в апрельской книжке, другой рассказ начат, третий тоже начат², а пьеса — для пьесы уже разложил бумагу на столе и написал заглавие.

Ну, господь с тобой. Благословляю тебя ласково, целую и обнимаю дуся мою.

Твой А.

1. Слово «любимчик» употреблено здесь иронически.

2. После «Невесты» рассказов Чехова больше в печати не появлялось. О каких начатых рассказах он здесь говорит, — неизвестно.

27. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

1 марта [1903 г. Москва].

Я уже перестала понимать, о чем тебе писать, дорогой мой. Бессмысленно, все как-то кажется. Надо вместе жить, вот и все.

Телеграмму конечно, послала я, а не Вл. Ив. Ведь пишу же: целую, скучаю. Разве так написал бы Влад. Ив.? Настроение в труппе хорошее, бодрое. Столпы имеют успех. Принимают хорошо, сочно. Мне приятно играть Лону. Как мне хочется, чтобы ты увидел меня в Насте и Лоне! Значит, ты верно предчувствовал что Лона мне удастся.

Приехал Горький. Я его видела. 4-ого

он едет в Ялту, с Алексиним. У него кровохарканье появилось. Поедет подкрепляться. Он говорит, что послал тебе «На дне». Получил? Завтра заседание. Будем отстаивать Тургеневский спектакль. [. . .].

Буренина я не читала.

Касторочка помогла тебе, дусик мой нежный? — Засел за пьесу наконец? Что ты делаешь целый день? Я бы на твоём месте писала целый день.

Извозчики меня изводят. Мостовые и медленная езда. Это что-то ужасное.

Я пол-дня бегала по магазинам с Костей и Элей. Устала. Потом ездила севой и Костей к головному доктору.

У Левы залегает одна ноздря и брат хотел посоветоваться. Ничего особенно-го. Были у Шлиппе. Лева держит себя великолепно, как истый мужчина. Он тебе бы ужасно понравился. Какой то он гармоничный.

Были с Машей у Ганецкой, чтобы переговорить насчет квартиры, но она была занята. Не знаю, что делать.

Мишиным детям лучше. Мальчика спустили на ноги. Успокой мамашу. Все благополучно. Завтра Вл. Ив. едет в Петербург. Решат окончательно относительно поездки. Когда ты думаешь приехать, дусик мой?

28. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

3 марта [1903 г. Ялта].

Милюся моя, только что собрался написать тебе, как пришла начальница [гимназии] и не одна, а привела с собой учителя одного. Теперь сидят внизу и пьют чай, а я спешу написать тебе сии строки.

29. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

3 марта [1903 г. Москва].

Вчера не писала, дусик милый, очень уж был тревожнительный день. Утром я встала очень мрачная. Поехала к Чемоданову, оттуда на заседание, и конечно опоздала на $\frac{1}{2}$ часа.

На заседании произошел инцидент, кот. сильно всех взволновал. Влад. Ив. начинает говорить очень дельно, очень существенно о нашем репертуаре, что при такой гонке за современностью и за вкусом публики театр никогда не станет на твердую почву. Что вовсе нет заслуги в том, что мы ставим Горького, а заслуга, что мы заставили его писать. Заслуга в том что мы съумели играть Чехова, но из этого не следует что мы должны ставить и Андреева и Скитальца, etc... Вдруг Морозов останавливает его и говорит что это к делу не относится что он отклоняется. Влад. Ив. ответил, что сам знает что относится к делу, встал и вышел. Молчание. Я не сдержалась, вспыхнула и сказала Морозову, что он не имел права обрывать Влад. Ив., раз он говорил о деле. Вспыхнул

Скоро уже настоящая весна.

Вчера у нас были Лика с Екатор. Шенберг и Гольцев, вечером. Я застала только дам. Лика ужасно располнела, колоссальная женщина, нарядная, шушущая. Я чувствую себя такой плюгавкой перед ней.

Клопов у нас нет совсем. За то мыши бегают по постели, по крайней мере я нашла свежие следы на подушке.

Ну покойной ночи, мой милый, мой мифический муж [. . .]. Обнимаю тебя; целую крепко много раз и прижимаю.

Твоя Оля.

Я здоров, ничего не болит, кашляю меньше. Скучно. Погода хуже.

[. . . .] Постарел я!

Идут! Будь здорова!

Твой А.

Вишневский и конечно все были на стороне Вл. Ив., исключая Н. После моих слов, Морозов встал и вышел, прося снять председательство на время. Все сидели, молчали; я тут же заявила что поеду к Влад. Ив. и если нужно и к Морозову, чтобы уладить это дело, и извинюсь перед Саввой. Вспыхнула я оттого, что вообще у Саввы невозможный тон с Влад. Ив. и с Марией Петр. Большинство высказалось, что всем делается не по себе когда Морозов разговаривает с Вл. Ив. Сидели мы долго и обсуждали что теперь делать. К. С. очень умно и спокойно сказал много о заслугах Влад. Ив. Решили всем составом ехать к Немировичу и затем к Морозову и просить его объясниться с Вл. Ив. Симов, Артем Александров, Н, Лужский ничего не высказывали, молчали как и всегда. [. . . .]. Я высказала, что с весны весь тон Морозова по отношению к Влад. Ив. таков, будто он находит его лишним для дела. Многие подтвердили. [. . . .] Мария Петр. говорила о невозможном тоне Морозова на заседаниях. Успокоил всех К. С. [. . . .]

Влад. Ив. был тронут что все приехали к нему. Тут уже немного улеглись нервы и начали посмеиваться. Стаховича отправили к Морозову, предупредить что мы все едем. Приехали. Я как вошла, извинилась перед Саввой, как перед председателем за свою вспышку. К. С. начал просто и ясно говорить с Саввой, просил сбросить всю деловую оболочку, весь тон заседаний и говорить просто. Мария Фед. собралась с духом и очень ясно все формулировала и Савва согласился объясниться с Влад. Ив. Потом я отвела Савву в другую комнату и откровенно высказала ему, что наше дело может только существовать на полной вере, что все мы необходимы для дела, т. е. главн. образом К. С. и Влад. Ив., что с весны я замечала его отношение к Влад. Ив. Отношение было таково, будто Влад. Ив. не нужен для дела что мы и без него обойдемся; сказала ему что он как ум-

ный человек должен видеть что Влад. Ив. делает очень много, отдает все и не получает ничего. Савва ответил, что за последние месяцы он видит что Влад. Ив. для театра, и что у него с ним хорошие отношения. Поговорили и расстались дружно. Влад. Ив. вечером уехал в Петербург.

Знаешь, Антон, может это все глупо, но очень хорошо, что так вышло [. . .] Вообще многое выяснилось. Утомлены все были адски.

Кончаю уже в театре, во время Столпов. Завтра напишу все, а то глупое письмо вышло. Сегодня верно мало придется спать, после спектакля поеду к маме — последний вечерок с Костей; завтра он уезжает. Сегодня болтался. Покончили с квартирой в д. Коровина. Не знаю — хорошо ли будет! Целую обнимаю тебя крепко [. . .]. Целую.

Твоя собака.

30. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

4 марта [1903 г. Ялта].

Милый мой дусик, у нас в Ялте торжество: открылся магазин Кюба, настоящего петербургского Кюба. Завтра пойду погляжу, что у него есть и напишу; быть может, уже не понадобится привозить из Москвы всякую закуску.

Ты делаешь мне выговор за то, что у меня еще не готова пьеса и грозишь взять меня в руки. В руки бери меня, это хорошая угроза, она мне улыбается, я только одного и хочу — попасть к тебе в руки, что же касается пьесы, то ты вероятно забыла, что я еще во времена Ноя говорил всем и каждому, что примусь за пьесу в конце февраля и в начале марта. Моя лень тут ни при чем. Ведь я себе не враг, и если бы был в силах, то написал бы не одну, а двадцать пять пьес. И очень рад, что пьесы нет, так как вам не репетировать теперь нужно, а отдыхать. Работать так умеренно — это свинство по меньшей мере!

У нас прохладно, но все же не дурно. Насчет будущей зимы я еще пока ничего не решаю, но особенно радужных надежд на оную не возлагаю. Пока

только могу сказать, что до декабря в Москве буду жить (особенно, если шубу сошьешь), а потом, вероятнее всего, придется удрать за границу, на Ривьеру или в Нерви, что ли, эдак до 15 февраля, потом назад в Ялту. Будем пребывать в разлуке, но что же делать!! Ничего не выдумаешь, как ни верти головой. Вот если б ты забеременела, тогда бы в феврале я взял тебя с собой в Ялту. Хочешь, дуся? Какого ты мнения? Даже согласился бы зимовать хоть в Аржентельске, все равно тогда, только бы из тебя вышла родительница.

Поедете в Петербург? Да, или нет?

И так, завтра пойду к Кюба, понюхаю европейской цивилизации. Перебираетесь на новую квартиру? На каком этаже? Если высоко очень, то я буду всходить полчаса, это ничего, все равно делать мне в Москве нечего.

Ванна ванной, а все таки я прежде всего в баню. Вот жаль квартиры Голецкой, там баня близко.

Ну, бабуля моя, обнимаю тебя и, обнявши, начинаю прыгать по комнате, потом целую [. . .] и щелкаю по носу, дусик мой.

Твой А.

31. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

4 марта [1903 г. Москва].

Дорогой мой Антон, здравствуй. Ходишь по саду, обрезываешь розы? Я люблю, когда твоя длинная фигура бродит по дорожкам. У тебя такой сосредоточенный вид, когда ты сидишь на скамье, и журавли около тебя.

У нас солнышко начинает пригревать. У меня скоро покажутся веснушки. Стоят славные солнечные дни при—2°. Бодро и крепко в воздухе. Весенний воздух уже действует. Антончик, ты не имеешь понятия когда мы наконец увидимся? В Петербург почти решили ехать. Это ужасно. Везут На дне и Дядю Ваню, значит я буду дуть подряд 17 вечеров и 3 утренника. Мы с тобой зато заработаем, хоть скольконибудь. Тебе придется около двух тысяч. На эти деньги поедем попутешествовать. Согласен?

Я сегодня провожала Костю с Левой. Они поехали на экспрессе прямо до Тифлиса. Чудесный поезд. Мне так захотелось удрать! Даль солнечная, ясная. Приятный ребенок — Левка. С ним так легко ехать. Он всегда сам занимается. Когда едет на извозчике, всегда молчит и думает. Не юлит, не кричит. Нежный мальченок и вместе с тем живой, резвый, но не дикий, не шалун. Ведь хорошо такого иметь, как ты думаешь? Игрушек повез он с собой массу. Его все задали в Москве.

32. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

5 марта [1903 г. Москва].

«На дне»¹.

Как живешь, дусик мой милый? Когда кончится эта безобразная разлука?!

Знаешь я познакомилась с бывшей Сашей Киселевой? И оказывается, что я ее мужа тоже знала студентом. Она хорошенькая. Была у меня в уборной во время Дяди Вани.

Сейчас Каширин рассказывал Конст. Сергеевичу что в Екатеринодаре, в Трех сестрах, помощник режиссера во время пожара выдумал надеть пожарную каску и прыгал под окном, как

Я ему на прощанье привезла еще заводной поезд и он, устроясь в купе, занялся им, был в восторге. Мне жаль было расставаться с ним. Маме, бедной, так грустно будет теперь, так мертво в доме без Левы.

Прости, дусик, что вчера я так бесвязно кончила письмо. Но хотелось его отправить с Горьким, кот. был в театре на Столпах. Я дописывала его в конторе, чуть не стоя. Теперь ты уже прочитал в газетах про Столпы? Доволен, или тебе все равно?

Об инциденте пока молчание. Морозов верно разговаривал с Влад. Ив. в Петербурге. Я думаю что не будет никаких последствий. А Морозов будет знать что можно и что нельзя.

Ты верно посмеялся здорово? Только молчи о всем этом.

[. . . .].

Сегодня выбирали обои для новой квартиры. 8-го верно будем переезжать.

Ксению я отпускаю на 6-ой неделе.

Мне скучно. Что мы оба почувствуем когда встретимся? Зачем этот Петербург подвернулся? Некстати.

Будь здоров, дорогой мой. Как тебе не стыдно, что ты при писании пьесы можешь думать что вдруг она не будет давать полный сбор. Даже в шутку нельзя допускать этой мысли. Слышишь, золотой мой? Целую горячо твою милую мягкую голову. [. . . .].

Твоя собака.

рил секретарь Морозова. А я ничего не получу, покроется только часть моего долга.

Видел ли ты Горького? Говорят у Сулера брюшной тиф. Жаль беднягу. Напишу ему.

Мне страшно надоело играть На дне. Очень хочется играть Елену Андреевну² в новом тоне. Может надумаю чтонибудь.

Так Ярцев рассказывал тебе о Столпах, обо мне, о Москве?

Сегодня я была у Ольги Мих. — ее рождение. Хотинцова обедала у нас.

Все скучно; я теряю аппетит ко всему. Верно утомилась. Сплю как сурок. Это хорошо.

Ты еще не хочешь бросить такую жену как я? Мне так совестно перед тобой — ты представить не можешь! Не называй меня никогда женой — слы-

шишь? Выдумай другое слово, умоляю тебя.

Как твоё здоровье, как кишочки? Что ты кушаешь и с аппетитом ли? Креозот принимаешь? Рыбий жир пьешь? Я живу по привычке.

Обнимаю тебя [. . .].

Что ты думаешь обо мне?

Кланяйся мамаше. Как ее здоровье?

Ты недоволен моими письмами? Верю искренно.

Получил ли фотографии нашего театра? Послал Алексеев. Я тебе тоже заказала а он перехватил, жулик.

Целую тебя, дорогой мой и крещу трижды.

Твоя Оля.

1. Пометка указывает, что письмо пишется в театре во время спектакля «На дне».

2. В «Дяде Ване».

33. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

5 марта [1903 г. Ялта].

Дусик мой, актрисуля, так как я уже не литератор, а гастроном, то сегодня отправился в магазин Кюба, уже открытый. Там оказалась чудесная икра, громадные оливки, колбаса, которую делает сам Кюба и которую нужно жарить дома (очень вкусная!), балык, ветчина, бисквиты, грибы... Одним словом, из Москвы не нужно уже ничего привозить, кроме круп и пшена. Мне кажется, что и окорока к празднику следует теперь покупать у Кюба. Пишу тебе обо всем этом, потому что сегодня был Альтшуллер и уверял меня, что до середины апреля мне нельзя ехать в Москву ни в каком случае. Дуся моя, жена моя, актрисуля, голубчик родной, не найдешь ли ты возможным приехать в Ялту на Страстной, а если поедете в Петербург, — то на Фоминой? Мы бы с тобой чудесно пожили, я бы поил тебя и кормил чудесно, дал бы тебе почитать «Вишневый сад», а потом вместе и покатали бы в Москву. Альтшуллер клянется, что плевет у меня еще не всосался и что ехать ни в каком случае нельзя. Приезжай, роднуля! Театр даст тебе отпуск, я упрошу, если твоих просьб будет недостаточно. Напиши, что прие-

дешь, а главное подумай. Подумай, как для тебя лучше и удобнее. Но я так соскучился, так жажду видеть тебя [. . .], что у меня нет терпения, я зову и зову. Ты не сердись, дуся, а сначала подумай, обсуди. И если решишь ехать, то пойди теперь же закажи билет (на Неглинном), а то к празднику не найдешь. И напиши мне, как ты решишь.

В «Вишневом саду» ты будешь Варвара Егоровна, или Варя, приемыш, 22 лет¹. Только не сердись, пожалуйста. Ты не пиши, а телеграфируй одно слово: «приеду», или «нельзя».

Ты вот пишешь, что не знаешь, как мы встретимся, а я так чувствую, точно мы вчера расстались, и я встречу тебя так, как будто ты не переставала быть моей ни на один день.

Сегодня от тебя нет письма.

6 марта. Пишу на другой день. Из твоего сегодня полученного письма видно, что вопрос с Петербургом еще не разрешен отрицательно, что быть может еще поедете. Если так, то приезжай в Ялту после Петербурга; вообще обсуди все как нужно и, если не найдешь нужным или возможным приехать, то так тому и быть, я покорюсь и сам приеду без всяких разговоров. Решай ты,

ибо ты человек занятой, рабочий, а я болтаюсь на этом свете как фитюлька.

Сегодня сильный ветер, неприятно... Если пьеса у меня выйдет не такая, как я ее задумал, то стукни меня по лбу кулаком. У Станиславского роль комическая², у тебя тоже.

Ну, пупсик, будь здорова. Я тебя люблю, а ты там как хочешь. Твоя фотография выставлена в магазине Волковой, на окне.

Обнимаю тебя и целую.

Твой заштатный муж А.

Мятных леденцов не покупай больше. Мармелад есть у Кюба.

1. Чехов впоследствии передумал и дал О. Л. Книппер в «Вишневом саде» другую роль — Раневской.

2. Чехов первоначально предназначал К. С. Станиславскому роль Лопахина, но он играл Гаева.

34. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

7 марта [1903 г. Москва].

Антосик мой, bonjour. Скажи мне, где ты наконец, и когда думаешь увидиться с женой? А если погода будет теплая, солнечная, разве тебе нельзя будет хоть в конце Святой быть в Петербурге? Это неисполнимо? Напиши мне. Напиши все, что думаешь, чтобы мне знать, чего ждать, на что надеяться.

Пьесу ты должен писать, несмотря на приезд именитых гостей. Ты должен писать, должен знать, что это нужно, что этого ждут, что это хорошо. Подбодрись, дусик милый, ведь ты же живой человек, а не сухарь, и я не люблю, когда ты себя сушишь. Ведь ты мягкий, изящный, тонкий, поэт настоящий, и ты должен давать это людям. Должен чувствовать что это доставляет радость людям. Напрасно ты думаешь, что я что либо говорю из деликатности. Я в этом смысле совсем не такая деликатная.

У нас ясно, солнечно, но утром было — 9°. Сейчас была в новой квартире. Посылаю тебе план. Иметь понятие можешь о квартире.

Сейчас пришло твое письмо. Успокойся. [. . .] Скоро придет Бунин с женой Голоушева в Ялту.

Сегодня читают два акта Найденов-

ской пьесы. Я ее совсем не знаю. Придутся за нее. Я вероятно буду свободна. Сегодня последний спектакль, а затем передышка, слава богу. Будем устраиваться на новой квартире. В конце четвертой может поеду с Марией Петр. к Черниговской — спать, есть и гулять, словом в себя приходиться. Она очень зовет. К. С. все время говорит чтобы ты приезжал и если пожелаешь, пожил бы у Черниговской со мной. Там хорошая гостиница, отличный стол. Съездим, дусик? Вдвоем?

В Швейцарию поедем и будем блаженствовать и жить одной любовью. Так? А пока будем еще терпеть.

Будь здоров, дорогой мой. Не унывай. Пиши пьесу, умоляю тебя. Я тебя всего ужасно понимаю и чувствую.

Целую тебя. Спальня у нас очаровательная будет в новой квартире — светлая, розовая. И весна к тому же. Неужели ты Пасху будешь в Ялте?

Обнимаю тебя крепко и горячо. Приехал бы сюда кончать пьесу, а? Квартира хорошая, воздуху много будет, солнце. Подумай и отвечай скорее. Мы с тобой на Сухаревке купим стол хороший, старинный, еще кое-что и будет кабинет.

Твоя Оля.

35. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

9 марта [1903 г. Москва].

Мы переехали, дусик дорогой и довольны до бесконечности. Удивительная квартира — ты увидишь и будешь доволен. Много света и воздуха. Уютно,

славно. Почти все уже устроено, кроме столовой. Посуда стоит так, т. к. шкаф Маша взяла себе и теперь надо покупать буфет. Попробую заказать столу из простого дерева, авось дешевле выйдет. Если ты не захочешь покупать себе

письм. стол и диван, то можем взять у д. Карла, ког. уезжает до Ноября месяца в деревню. Это как ты захочешь.

Мы обе очень устали с перевозкой. Вчера закусывали в вегетарианской столовой — смешно!¹ Мы с тобой сходим туда. Обедали у Фейгиных. Перевезли все благополучно. В твоём кабинете уже висит твоя группа, полочка с куклами из мха и ковер. Ждут своего хозяина. Спальня — очарование. Тебе жить захочется.

Вчера во время перевозки я еще успела съездить на заседание — отстаивать Тургенева.

Отстояли. Найденовская пьеса провалилась на чтении. Актеры возмутились

36. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

10 марта [1903 г. Ялта].

Мне, дуся моя, и грустно, и немножко досадно, что ты и Маша держите меня в неизвестности: переехали вы на новую квартиру, или нет еще? И где этот дом Коровина, о котором ты писала? В Пименовском пер., или где нибудь в другом месте? Посылаю это письмо в театр, и перестану писать тебе впредь до получения нового адреса, или извещения, что вы еще не перебрались.

Получил я сегодня фотографии — снимки с фойе и проч. Большое спасибо! Передай Тихомировой, которая сидит в конторе, что книга («На дне» Горького) посылается заказною бандеролью, а не посылкой, и что в посылки нельзя вкля-

37. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

10 марта [1903 г. Москва] вечер.

Ужасно меня взволновало твое письмо, дусик мой милый, бывший литератор, теперь же гастроном! Мне было и хорошо и мучительно. Хорошо — оттого что я почувствовала что ты меня любишь а мучительно — от желания поскорее увидеть тебя и от мысли что я ничего не могу сделать, чтобы поскорее держать в своих объятиях моего гастронома. Теперь ты уже знаешь, что Святую и Фоминую мы в Петербурге, а в половине Апреля ты прямо приедешь в Москву на другой день моего приезда,

при мысли что ее можно ставить у нас. Очень слабая пьеса. Напишу подробнее. Тургеневу все рады, примутся с наслаждением. Ты доволен? Будем ходить в Румянц. музей собирать материалы.

А ты привози Вишневы сад, при тебе за него примемся и тебя оживим всего.

Пока до завтра, иду спать, ноги вытягивать. Вчера выпал снег, сегодня все тает, тепло, чудесно. Целую тебя крепко, тысячу раз. Будь здоров.

Когда приедешь?

Твоя собака.

1. Вегетарианские столовые были в ту пору новинкой.

дывать писем. В каждой из трех полученных мною посылок было по письму.

Ты говоришь, что я уже забыл тебя, какая ты есть. Да, дуся, я уже не помню, блондинка ты или брюнетка, помню только, что когда то у меня была жена. В Петербурге или Мария Петровна захворает, или Станиславский утомится, а посему на 3 тысячи, о которых ты пишешь, надежд я не возлагаю.

Одно письмо я послал в Пименовский пер., и теперь боюсь, что оно не дошло¹.

Красова я не знаю, никогда не видел. Ну, господь с тобой, будь здорова и весела. Целую тебя и обнимаю.

Твой А.

1. Оно действительно затерялось.

чтобы я могла тебя встретить. А до тех пор, значит, терпим. Ты пишешь а я играю.

Я, дусик, растрепанная. Прости и не сердись. Ты мне через два слова все пишешь: не сердись. Разве я уж такая сердитая? Я бываю противная когда меня что нибудь мучает.

У нас очаровательно в квартире. Все восхищаются. Мама мне прислала целое окно цветов — лак-фиоли, примулы, резеда и гиацинты — и у меня весна на этом окне, одна рама стоит открытая, чтобы воздуху было больше цветам.

Вечером была Дроздова и М-ме Коволицер. Я все убиралась. Потом села, попела, чтобы тоску разогнать. Резонанс хороший.

Получила роль Дарьи Ивановны в Провинциалке. Ты пишешь что я играю глупенькую, Варю. Мне нравится это. Я рассказала это Марии Петровне, а она смеется, уверяет, что это роль для нее, что драмат. она играть не может. Мы решили что поцарапаемся. Она отказывается играть «Где тонко там и рвется», чтобы беречь силы для твоей пьесы. А эту вещичку можно по моему ставить только с ней; [. . .]. В «Нахлебник» (Артем) играют мужа и жену: Леонидов и Андреева, помещиков: Лужский и Баранов, дворецкого — Вишневский, помещика Иванова — Тихомиров. В Провинциалке: графа — Конст. Серг., мужа — Москвин. Тебе нравится этот спектакль?

Дусик, напиши мне насчет стола и дивана; если согласен, то я еще на Страстной велю их привезть от мамы. Д. Карл будет счастлив.

Пьеса Найденова нехороша. Первые два акта на Волге, на кожев. заводе. Среда богатых заводчиков, атмосфера душная. Непонятный Максим тяготеет

38. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

11 марта [1903 г. Москва] вечер.

Сегодня я часа три сидела у Чегоданова, ждала очереди, первый раз пришлось ждать так долго. Он очень извинялся. А я ничего, сидела, обдумывала Провинциалку. Потом отправилась в Румянцевский музей, где были уже все наши, рылись в журналах 40, 50, 60-х годов. Срисовывали мебель, костюмы, гримы. Потом пошли чай пить в Прагу и съели по растягайчику. Меня звали г-н Книппер, т. к. я была одна женщина. Говорили о Нахлебнике. В шестом часу разошлись. Дома я застала д. Сашу и Авг. Шольца — переводчика. Он говорил о Берлине, о желании перевести твои произведения.

В Kleines Theater ставят Дядю Ваню, режиссер в восторге от этой пьесы. Шольц сам напишет тебе и будь умник, дусик, пусть он переводит и высылает

его и уходит. Все очень мило, приятно, жизненно, но не сочно и фундамента нет. 3-й акт — бывший первый, в мебелир. комнатах, и 4-й там же. Точно другая пьеса начинается. Ни одного действ. лица из двух актов, кроме Максима. Появление неизвестной. Скучно и непонятно. Или еще раз надо почитать. Если ставить ее — значит погубить Найденова. Если бы я ее раньше прочла, я бы ему откровенно сказала, чтобы он не давал этой пьесы театру. Интересно что ты скажешь?!

В Четверг я вероятно поеду к Алексеевым в Черниговскую «обитель», одышать. Я замоталась.

Дусик, [. . .]. Не с кем поболтать и о серьезном и о глупостях. Это ужасно. А как хорошо в спальней у меня! Чисто, светло. Моя комната большая, в три окна и рояль у меня теперь стоит. Ты можешь гулять сколько угодно. И твой кабинет рядом. Наши три комнаты подряд, совсем отдельно.

Ну, дуся, прости меня, нелепую бестолковую женщину, [. . .].

Обнимаю тебя, целую [. . .].
Твоя Оля.

Получила письмо от Ладыженского, кланяется тебе.

деньги, все несколько сотен наберит. А то все переводят и деньги прикарманивают. Он ужасно жалел, что новый твой рассказ выйдет в Апрельской книжке, он бы заранее хотел перевести его и напечатать. Умоляет, чтобы ты новую пьесу прислал бы ему за 6 недель до того что ее напечатают. Это можно сделать? Скажи мне. Будь добр, ответь ему и обещай. Сделаешь? Он потешный этот немец, сидит все время в перчатках; ругает Москву, т. е. грязь, слякоть климат; он захворал.

Д. Саша был мил, сидел довольно долго, искал все чего ниб. для чтения в своем собрании.

Приходил Влад. Ив.; болтали, потом играли в 4 руки симфонии Бетгоvena. Маша была у Ивана.

Меня завалили просьбами о билетах в Петербург. Я запись длиннейшую да-

ла Богомолу. Мне скучно думать о Петербурге. Играть чуть ли не каждый вечер надоевшее «Дно», а днем трепаться по людям.

У нас сегодня весна, тепло, солнечно, солнышко греет.

Я ничего не знаю, что творится на белом свете. Дусик, не будет ли кто ехать в Москву? Если да, то пришли мне мамин портрет в рамке, а то у меня нет, а в Ялте он никому не нужен, и меня

там не бывает. Сделай это. — Посиживаешь ли в саду и как двигается Вишневый сад? Скоро ли распустится вишня? Скоро ли зацветет вишневый сад?

Обнимаю и целую нежно моего дусика дорогого. Ужасно хочу тебя видеть. Мы с тобой славно поедем за границу. Ты думаешь о поездке?

Спи покойно, не кисни, не хандри.

Твоя Оля.

39. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

13 марта [1903 г. Москва].

Родной мой, я сейчас уезжаю к Троице, в Черниговский скит; там Алексеевы. Приведу себя немного в порядок. Я в ужасном состоянии. Я ужасная свинья перед тобой. Какая я тебе жена? Раз приходится жить врозь. Я не смею называться твоей женой. Мне стыдно глядеть в глаза твоей матери. Так и можешь сказать ей. И не пишу я ей по той же причине.

Раз я вышла замуж, надо забыть личную жизнь и быть только твоей женой. Я вообще ничего не знаю, и не знаю что делать. Мне хочется все бросить и

уйти, чтобы меня никто не знал. Ты не думай, что это у меня настроение. Это всегда сосет и точит меня. Ну а теперь проскочило. Я очень легкомысленно поступила по отношению к тебе, к такому человеку как ты. Раз я на сцене, я должна была оставаться одинокой и не мучать никого.

Прости меня, дорогой мой. Мне очень скверно. Сяду в вагон и буду реветь. Рада что буду одна.

Поблагодари Альтшулера за письмо. Я ему напишу.

Будь здоров, не проклинай меня.

Оля.

40. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

14 марта [1903 г. Ялта].

Дуся моя родная, так нельзя! Послал я одно письмо в д. Коровина, Пименовский пер., а вчера был студент Корш и говорил, что д. Коровина на Петровке. Сегодня получаю от тебя письмо, чудесное описание новой квартиры, моей комнаты с полочкой, а адреса нет. Ну что прикажешь мне делать?

Погода в Ялте великолепная, весенняя, все цветет, я почти каждый день бываю в городе. И вероятно я очень изменился за зиму, потому что все встречные поглядывают сочувственно и говорят разные слова. И одышка у меня. И жена у меня злая, прячет свой адрес. Вчера Альтшуллер был у меня и

все поддразнивал меня, и я заподозрил, что ты его подкупила, чтобы он подольше удерживал меня в Ялте.

Умоляю, голубчик, пришли адрес! Адресоваться на театр терпеть не могу.

А что Тургеневское пойдет у вас? Вот вам бы еще Ревизора и Женитьбу, да переглядеть бы Писемского, авось и у него нашлось бы чтонибудь в роде Горькой судьбины.

Мать говеет, завтра приобщается.

Сейчас приходила М-ме Голоушева, принесла от Маши письмо. И опять нет адреса!!

Ну, дусик мой, да хранит тебя бог, целую тебя и обнимаю тысячу раз.

Твой А.

41. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

14 марта [1903 г. Троице-Сергиев монастырь].

Дорогой мой, нежный мой, сижу в монастырской гостинице, сплю, гуляю и много думаю о тебе. Я тебе вчера отчаянное письмо накатала. Ты сердисься на меня? Я право, как-то растерялась. Не сердись на меня и пойми.

Здесь чудесно, тихо. Я чувствую как я устала за зиму. Целыми часами могу сидеть без движения и думать. Все спать хочется.

Вчера, только что я приехала, как Конст. Серг. должен был ехать в Москву. Умерла жена бывшего городского головы, которого убили, и К. С. назначен душеприказчиком. Жаль его. Он только что расположился отдыхать и писать *mise-en-scène* для Нахлебника. Я живу с Марией Петровной в архиерейских комнатах — очень чистых и удобных. Кормят отлично. Вчера гуляла дважды, катались и спали от 1 ч. до 11 ч. утра. Здорово? Как убитая спала. Сегодня я гуляла от 1 до 3-х почти, потом победили, поехали в Вифанию, там опять гуляли, осматривали номера и я решила что я с тобой непременно туда приедем на несколько дней. Весной должно быть удивительно хорошо. Ты бывал? Там огромное красивое озеро, гостиница на берегу, вид изумительный из окон.

У меня сегодня целый день адски болит голова, уже дважды принимала фенацетин. Я нездорова эти дни и волно-

валась много, вероятно от этого и голова болит. Сегодня я много беседовала с отцом Юлием, настоятелем, т. е. нет, я не знаю, кто он; одним словом, состоит при гостинице и уже 23 года монахом. Он много, говорит, слышал обо мне от приезжих, как я играла царицу Ирину и очень рад что увидел меня. Затащил меня к себе и все расспрашивал. Знает тебя как писателя. Говорит что я живу ненормально, что с мужем надо обедать, чай пить, а не врозь жить. Много, много говорил. Я обещала ему приехать с тобой и ты чудесно побеседуешь с ним. Ты ведь любишь монахов. Я ему сказала, что ты собираешься в монахи. Я может завтра пойду к отцу Варнаве спрашивать о себе, что я должна делать. Отец Юлий советует. Ты смеешься?

Мария Петровна кланяется тебе бесконечным поклоном. Можно написать юмористический рассказ, как актрисы отдыхают.

После поездки в Вифанию я пила чай (отец Юлий был у нас) потом легла от головной боли и спала и встала только теперь, в 11 ч. вечера. Сейчас закусим и опять на боковую. Завтра едем в Москву. Мне не хочется. Здесь очень хорошо. Ты бы здесь должен написать рассказец. Приедешь со мной? Мне так хочется пожить с тобой без людей. Целую обнимаю горячо и люблю моего необыкновенного.

Твоя собака.

42. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

[Телеграмма].
[16 марта 1903 г. Москва].

Пят дней без писем умоляю телегра-

фирует тоскую адски по тебе вернулась от Черниговской отдыхала с Лилиной целую жду.

43. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

16 марта [1903 г. Москва] вечер.

Милый мой, ты выражаешь неудовольствие по поводу того, что официально не оповестили тебе новый адрес. Но, дуся, я в скольких письмах писала что переезжаем на Петровку д. Коровина, только номера не писала, потому что сама не знала — 35. Как же так? Я ни-

чего не понимаю. Ты просто верно невнимательно прочитываешь письма.

У нас теплынь, в летнем можно ходить.

Вчера вечером вернулись с Марией Петровной от Черниговской. Мне не хотелось в Москву. Хочется сидеть одной и никого не видеть. Вчера там так чудесно было — тепло, нежно, птицы чи-

рикают, монахи бродят, часы бьют, вода журчит, ели шумят. Я долго сидела на скамеечке у врат, без движения и долго могла бы так сидеть. Разговаривала с монахами.

После обеда совершили большую прогулку с М. П. по лесу, по насту. Ходили и молчали. А вообще очень много говорили о тебе.

Когда я не играю, у меня поднимаются такие душевные муки, что я не знаю как совладать с собой. Точно в сезоне я живу одним кусочком души, а в свободное время другой кусочек вылезает с большой силой и я ужасаюсь когда смотрю назад — чем я жила, и как я могла так жить? Ты меня понимаешь или нет?

Сегодня был у нас Лазаревский был Миролубов, придет завтра обедать и потом я его поведу на «Дно». Лазаревский много болтал, опять говорил как он влюблен в тебя. Хочет издавать свою книжку. Смешной он.

Милый мой, я так была вчера полна тобой, так близко чувствовала тебя, твою душу, твоё настроение, т. е. как будто бы ты был со мной, а не в Ялте. Милый, родной мой, когда же я наконец буду смотреть на тебя, говорить тебе, улыбаться тебе, [. . .].

Пришли почитать «Невесту». Стораю от нетерпения. Умоляю. А как Вишневый сад? Зацветает? Чтобы в 1-м акте было такое настроение как у меня в Мелихове¹ когда все цвело и когда было так удивительно хорошо на душе. [. . .].

Целую, [. . .]. Мы съездим непременно к монахам? Я тебе все покажу. Поедем? Улыбнись мне, дусик.

Твоя собака.

1. В Мелихове, недалеко от Москвы, у Чехова было небольшое имение, где он жил с 1892 г. до переселения в Ялту и где у него гостила О. Л. Книппер в начале их знакомства.

44. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

[Телеграмма].

17 марта [1903 г. Москва].

Петровка дом Коровина 35 Оля.

45. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

17 марта [1903 г. Ялта].

Радость моя, адреса я не получил и уже отчаялся получить когданибудь, а потому пишу тебе опять на театр. Дяде Карлу большое спасибо за стол и диван, но так как на лето мы уедем, а осенью будем заводить себе обстановку, то едва ли понадобится теперь и стол, и диван. А перетаскивать сию мебель, очень громоздкую, с места на место очень неинтересно.

Теперь, радость, собака моя добрая, просьба, за которую конечно ты не поблагодаришь меня. Дело в том, что начальница гимназии В. К. Харкеевич уезжает в Петербург и конечно будет присутствовать на спектаклях Худож. театра. Она умоляет меня, чтобы я упростила тебя — записать одну ложу бельэтажа

на «На дне» и одну ложу на «Дядю Ваню», всего две ложи. Дуся моя, запиши, если не поздно. Пожалуйста!

Почему то я не уверен, что это письмо дойдет до тебя. И вообще грустно, что моя переписка с тобой так глупо расстроилась и черт знает из-за чего, из за адреса, из за улицы, так как про дом Коровина ты уже писала. На какой улице этот дом окаанный? На Петровке?

Ты, положим, очень занята, но Маше ничего бы не стоило прислать мне адрес. Ну да все равно.

У нас тепло, туманы. Я сижу в саду и то думаю, то злюсь. Получил и от Телешова письмо насчет Шольца.

Благославляю тебя и целую.

Твой А.

46. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

17 марта [1903 г. Москва].

Ты все недоволен мной и наказываешь меня молчанием. Дусик, снимись у Дзюбы и пришли мне свою фотографию. Тебе это не очень трудно? Я хоть с новой фотографией поеду в Петербург. Я верно уже на Страстной удеру. Мама уедет из Москвы отдыхать, Маша пусть говеет на свободе, она просилась, а я уж буду жить студентом. Где остановлюсь — не знаю. К Мухину не хочется. Очень уж тяжело вспоминать пережитую там болезнь. Хочется поближе к театру. Говорят Европейская гост. близко, но будто дорого там. Ничего еще не знаю. Как мне не хочется ехать!

Все теперь съезжаются в Ялту и тебе будет веселее. Я ненавижу всех людей едущих в Ялту, т. е. не в Ялту, а к тебе. Завтра едет Миров, в Субботу Маша. Бунин собирается. Екатерина Павл. поехала. Играю я из последнего.

Сегодня был в театре вел. князь Николай Михайл., уехал после 3-его акта на Кавказ. Был в мужском фойэ, но там его очень холодно встретили, никто даже, говорят, внимания не обратил. Миров смотрел, Лазаревский. Расскажут тебе свои впечатления.

У нас очень тепло, ходят почти в летнем. Солнце греет славно. Кошки по вечерам задают концерты на крышах. Все как следует.

47. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

18 марта [1903 г. Ялта].

Дуська моя замечательная, наконец ты прислала свой адрес и все опять вошло в свою колею. Спасибо, голубчик. Слезное письмо твое, в котором ты себя ругаешь перед отъездом к Черниговской, получил я утром, прочел — нет адреса! Готов уже был подать прошение о разводе, как в полдень получил телеграмму.

Стало быть, на Фоминой я приеду в Москву, приеду до твоего возвращения из Петербурга, встречу тебя, встречу не на вокзале, а дома, побывавши в бане, пописавши пьесу. А пьеса, кстати

У Андреевой ангина и сегодня Наташу играла Литовцева. Ничего себе, крепко.

Я сегодня ходила, покупала себе шляпу, платье для Петербурга. Миров обещал у нас и мы справлялись с обедом сами с Ксенией, т. к. Маша отравилась сладким пирожком от Савостьянова. Призывали доктора, он говорит что отравление, прописал ей лекарство. Сейчас ей лучше. Был Петр Кожевников, кот. очень просил тебя принять его в Ялте, где он будет на Святой. У него есть какое-то дело. Примешь? Шольцу ответишь? Адрес его: Berlin, Siboldstrasse, 6^{II}.

Был кн. Шаховской, все имения покупает. Да, он предлагает поставить тебе свой письменный стол, кресло и диван. Ты согласен? Будь милый, ответь. Мельбиль может стоять до осени. А осенью я могу дать тебе своей кабинет, а себе буду понемногу приобретать, а то у меня мужская обстановка. Правда? Буду заказывать столяру по рисункам, будет недорого.

Целую тебя, дорогой мой, и жду письма отчаянно. Покойной ночи, пойду спать, а то уже поздно. Знаешь, я последнюю ночь видела тебя во сне [...]. Как хорошо! Когда это будет на яву! Поцелуй мамаше ручку за меня. Клянись всем.

Твоя Оля.

сказать, мне не совсем удается. Одноглавное действующее лицо еще недостаточно продумано и мешает; но к Пасхе, думаю, это лицо будет уже ясно и я буду свободен от затруднений¹.

Если Маша еще не уехала, то скажи ей, чтобы она привезла немного колбасы вареной. Слышишь? Все остальное добудем у Кюба. Фотографию, о которой ты писала, пришлю тебе вероятно в Петербург с В. К. Харкеевич. Если есть логи не дороже 30, ну, 40 рублей, тогда закажи для В. К. логи («На дне» и «Дядя Ваня»), если же нет таких дешевых и вообще нет лож, то, дуся моя, не сердись на своего глупого мужа, запиши ей

два кресла по 3 рубля на эти две пьесы. Я тебя обожаю, роднула, люблю.

Завтра опять буду писать. Не говори глупостей, ты нисколько не виновата, что не живешь со мной зимой. Напротив, мы с тобой очень порядочные супруги, если не мешаем друг другу заниматься делом. Ведь ты любишь театр?

48. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

19 марта [1903 г. Ялта].

Актрисуля моя здравствуй! Ты извини меня, но наша продолжительная разлука имела свои последствия: я состою в переписке с M-elle Пушкиревой. Чем кончится, к чему приведет эта переписка, не знаю, а пока поздравь меня: она обещает прислать мне свою пьесу. Помнится, в восьмидесятых годах, я уже читал эту пьесу. Как бы ни было, я написал ей, чтобы она мне пьесы своей не присылала, так как де в пьесах я ничего не понимаю, а послала бы к В. И. Немир.-Данченко. Предупреди В. И., скажи ему об этой пьесе, пусть авторитетно скажет ей, чтобы она, П-ва, больше не писала, или поставила пьесу свою где нибудь в провинции, если пьеса хотя немножко не безнадежна.

Я здоров, в последние дни что то стал покашливать, но, должно быть, это неважно, случайно. Чувствую себя бодро, сижу в саду, или немножко работаю в кабинете. Думаю о тебе, о нашей поездке в Швейцарию, в Италию. Будем за границей много есть и много пить пива. Я ведь всю зиму ничего не пил.

17-го марта был на именинах у Але-

Если бы не любила, тогда бы другое дело. Ну, Христос с тобой. Скоро, скоро увидимся, я тебя обниму и поцелую 45 раз. Будь здорова, деточка.

Твой А.

1. О каком персонаже «Вишневого сада» здесь идет речь, можно лишь строить предположения.

49. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

19 марта [1903 г. Москва] утро.

Что же, трагедия с адресом кончилась наконец, милый мой? Ты успокоился? Повторяю что я писала тебе несколько раз что д. Коровина на Петровке.

Опять ты спрашиваешь что Тургеневское пойдет у нас. Я тебе писала, что, и кто играет главные роли. Ты просто, дусик, забываешь. Пойдет Нахлебник. Где тонко, там и рвется, и Провинциалка.

ксея Максимовича. К нему приехала жена. Она и он говорят о тебе с восхищением; говорят, что за последний год ты сильно шагнула вперед, играешь чудесно. Я слушал, радовался, что у меня такая жена, и на ус себе мотал.

Я послал одно письмо в Пименовский пер. Получила ли? Ах, дуся, какое это было огорчение с адресом.

Так не забудь же сказать Немировичу насчет Пушкиревой. В письме к ней я так расхвалил его, что если бы он прочел, то пришел бы в восторг.

Свой петербургский адрес пришли мне заранее. Из Петербурга будешь присылать мне длинные телеграммы, в мой счет, на что ассигную 25 руб.

Знаешь, дусик, «Месяц в деревне» мне весьма не понравился. Пьеса устареела; если у вас она не понравится, то скажут, что виновата не пьеса, а вы.

За зиму я отвык от людей, от жизни, уже ничего не умею, решительно ничего [. . .].

Обнимаю тебя, целую, перекувыркиваю, встряхиваю. Пиши мне каждый день, не терзай меня.

Твой А—

Читал, как Кугель нас отделал? Мы друг друга лицемерами зовем теперь, или сигнализацией.

Как чувствует себя Горький? Видишь ли ты его, и отчего не пишешь?

Вчера был у нас Конст. Серг. Он в духе, интересный, славный, бодрый. Была Надежда Ивановна, был Иван Павл., кн. Шаховской, Лазаревский. Надежда Ив. жила у Саши, пока его жене делали операцию у Штрауха в лечебнице.

Антонка, я так мечтаю о том време-

ни когда мы будем вместе, что мне все кажется теперь маловажным и не знаю о чем писать.

Собираю тряпки для Петербурга, деньги у меня летят, черти, а ничего особенного не делаю. А мне все равно, по правде сказать.

Сегодня шел дождь утром.

На ночь я всегда читаю один твой рассказик. Так уж привыкла.

Ну милый мой писать не о чем. Все благополучно.

Когда ты приедешь, я тебя ровно трое суток буду держать в объятиях, не дам ни есть ни пить. Согласен? Буду смотреть на своего красивого мужа. Я тебе давно не говорила что ты красивый? Целую и обнимаю крепко, дорогого моего. Вспоминай обо мне.

Твоя дворяжка.

50. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

21 марта [1903 г. Ялта].

Дуся моя, твое последнее письмо просто возмутительно. Ты пишешь, что «в скольких письмах писала, что переезжаем на Петровку, д. Коровина» между тем все твои письма целы у меня и только в одном ты вскользь сообщаешь, что перебираетесь в д. Коровина — и мне оставалось думать, что вы перебрались в Пименовский пер. Я так и знал, что я же окажусь виноватым! И все твои письма целы у меня, я покажу их тебе. Ну, да бог с тобой. С этим адресом была в течение двух недель такая

обида, что до сих пор успокоиться не могу.

У нас нет дождя. «Вишневый сад» будет, стараюсь сделать, чтобы было возможно меньше действующих лиц: этак интимнее.

Ну, больше писать не могу, прости.

Твой А.

Ты пишешь, что я невнимательно читаю твои письма. Из чего это видно? Я привезу все твои письма и ты сама увидишь, что ни одно письмо не пропало и что ни в одном нет адреса.

51. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

21 марта [1903 г. Москва].

Сегодня вечером была сильная гроза, дорогой мой! Духота была днем адская. Сейчас льет дождь сильнейший. Точно в Мае. Даже жутко как-то.

В Петербурге у нас все распродано, т. ч. я ничего не могу сделать для Варвары Конст. Напишу Богомолу, может что случайно перепадет.

Ты пишешь что сидя в саду или думаешь или злишься? Ты злишься?.. На кого, на что? А со мной ты не будешь злиться? Мы опять начнем жить сначала. Да, дусик?

Сегодня обедали у нас твоя любимица Мунт и Муратова. Мунт рассказывала о Херсоне, о том что ее любимая роль Нины Заречной, кот. она играет с упоением. Муратова острила понемножку. Приходил Бунин. Я все брожу утомленная. Третьего дня, представь, перед 4-м актом Столпов — заснула и слышу сквозь сон третий звонок и не могу встать. Это я-то! Я зимой ни за

что на кушетку не сяду во время игры, а тут вдруг — заснула. Сегодня в 4-м акте, во время речи Берника еле стояла, стояла и дремала.

Кабы мне в Петербурге продержаться молодцом.

Завтра уезжает Маша и я остаюсь одна. Я ревную что она будет с тобой. Ты сердисься на меня? Посылаю тебе куличек, пасочку и яички и цыпленочка. Хотелось ничего не посылать; я право не знаю, что тебе может доставить удовольствие кроме меня, большой куклы. Если бы я сама могла приехать! Ты так равнодушен ко всему. Т.-е. я бы с радостью прислала тебе предметы художеств., интересную картину, напр., но на это нужны деньги; дребедень ты не любишь, я знаю.

Иночка больше не столуется у нас. Буду обедать одна с твоим другом Вишневым. Ты писал Влад. Ивановичу о действ. лицах в Вишневом саду. А мне ни пол-слова. Я вообще не могу быть в такой продолжительной разлуке с то-

бой. Я теряюсь. Я не такой сильный, разумный человек как ты. Мне уже трудно писать тебе, я не чувствую что тебя интересует, я не знаю о чем ты думаешь, какой ты стал. Вообще это ужасно. Я не знаю за что схватиться, на что опереться. Молодость проходит, а мне все еще жить хочется. А лучше было бы если бы я смирилась и прекратила бы личную жизнь. Душа у меня сохнет, никто меня не держит в руках, не

вразумляет меня, а мне этого надо. Мне так хочется пофилософствовать с тобой! [. . .].

Ну спи спокойно. Теперь тебе будет весело. Маша приехала, ты и не почувствуешь мое отсутствие. Будете веселиться на Святой. Целую тебя и обнимаю крепко. Такой разлуки я больше не в состоянии переносить. Лучше брось меня. Пиши мне больше о себе.

Твоя Оля.

52. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

22 марта [1903 г. Ялта].

Дуся моя славная, вот что ты должна сделать перед отъездом в Питер: посмотри какое у меня есть белье в Москве, и напиши мне подробно. Сколько рубашек, сколько подокольников и проч. Из Петербурга будешь телеграфировать. Между прочим ты протелеграфируешь, в какой день вернешься в Москву; если ты вернешься, скажем, во вторник, то я в Москве буду уже в понедельник. На вокзал не поеду тебя встречать, а буду поджидать дома, с распростертыми объятиями.

Милая дуся, ну для чего мог бы понадобиться мне до осени стол Шаховского. Ведь до осени мы будем путешествовать, и неужели у тебя нет страха к чужой мебели, с ее запертыми ящиками, с разговорами потом, что мебель де ис-

порчена у Чеховых и проч. и проч. Не нужно, не нужно! Мы купим и письменный стол, и диван, все свое заведем. Понадобится корова или лошадь — купим и их.

Ты пишешь, что в Ялту едет много народу, что мне будет не скучно. Мне нужна жена, а не гости, дуся моя, и никого я не хочу видеть.

Начальнице вручил фотографию твоей мамы, а моей тещи. Получишь на страстной. Родная моя, пиши мне побольше! Умоляю тебя на коленях! Прошу убедительно! Не ленись, не обращай внимания на головную боль, а садись и пиши, пиши, о чем хочешь, каждая твоя строчечка дорога мне.

Ну, целую тебя, немочка моя Книппша, обнимаю и еще раз целую.

Твой А.

53. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

22 марта [1903 г. Москва] вечер.

Вот и Маша уехала на юг. Я теперь одна во всей квартире. С какой грустью я смотрела на уходящий поезд! Сегодня после вчерашней грозы шел снег; сыкоть, сырость.

Ты не очень сердился что не привезли Шнапа? Мне ужасно было бы грустно без него. Если ты хочешь я попрошу Ивана Павл. захватить его в Ялту. А ты мне ответь. Шнап ужасно мил, не лает, игрун, вообще смешной.

Сегодня с вокзала я по дороге заехала к Шлиппе, где бываю раза два в год по старой дружбе. Ужасно мне всегда рады там. Застала лазарет: у матери

рожа, у дочери ангина. И то и другое заразно. Правда? Сидела, смотрела как люди наполняют свою жизнь никому ненужными хозяйств. мелочами. Жалко смотреть на них. Губернатор тульский был там. Подсмеиваются над ним. Разговоры о приезде государя, о парадах, о выходах. Я хлопала ушами. К обеду приехала домой. Нахлебник не пришел и я обедала одна, потом легла и читала повесть Куприна «Трус» в Журнале для всех. Попила чайку и пошла играть на дне. Приходила за кулисы помпезная Olga Solovieff, как значится на ее визитной карточке. Говорила несвязные слова, приглашала меня с Вишневы, ужинать, но я отказалась. Лепетала что-то про

твои карточки, но я не поняла. Хорошо что недолго сидела. Завтра обедают у меня Раевская и Качаловы. В театре все обиженные. Раевская на то что ей не дали роль *Vien-aime* в «Где тонко там и рвется», Савицкая на то что ей дали ключницу в Нахлебнике, Адурская на то, что отдали дублировать роль Насти другой в ее отсутствие, которая и будет играть. Все страдают бедные и я понимаю их. Во вторник утром иду смотреть На дне. Мне даже смешно.

Ты хочешь приехать раньше меня в Москву? Почему? Мне бы хотелось встретить тебя и водворить тебя. При-

едет грязный мой муж. Срам, целую зиму не мылся, у тебя верно кора на теле. Как это ты можешь терпеть?! А я тебя буду заставлять каждый день мыть шею и уши. А к Черниговской поеду? Непременно?

Завтра я встану поздно.

Будь здоров, дорогой мой. Высиживай и выхаживай действующее лицо в Вишневом саду.

Скажи Варв. Конст. что продажа у нас закрыта. Может быть чтонибудь можно будет устроить.

Целую тебя [. . . .].

Твоя Оля.

54. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

23 марта [1903 г. Ялта].

Милая моя бабуля, ты сердисься на меня из-за адреса, все уверяешь, что писала, да будто еще несколько раз. Погиби, я привезу тебе твой письма, ты сама увидишь, а пока замолчим, не будем уже говорить об адресе, я успокоился. Затем, ты пишешь, что я опять спрашиваю насчет Тургеневских пьес и что ты уже писала мне и что я забываю содержание твоих писем. Ничуть не забываю, дуся, я перечитываю их по нескольку раз, а беда в том, что между моим письмом и твоим ответом проходит всякий раз не менее десяти дней. Тургеневские пьесы я прочел почти все. «Месяц в деревне», я уже писал тебе, мне не понравился, но «Нахлебник», который пойдет у вас, ничего себе, сделано не дурно и, если Артем не будет тянуть и не покажется однообразным, то пьеса сойдет не дурно. «Провинциалку»

придется посократить. Правда? Роли хороши.

Всю зиму не было у меня геморроя, а сегодня я настоящий титулярный советник. Погода дивная. Все в цвету, тепло, тихо, но дождей нет, побаиваюсь за растения. Ты пишешь, что ровно трое суток будешь держать меня в объятиях. А как же обедать, или чай пить?

От Немировича получил письмо; спасибо ему большое. Не пишу ему, потому что недавно послал письмо.

Ну, будь здорова, дворяжка. Про Горького я уже писал тебе: он был у меня и я у него был. Здоровье его не дурно. Рассказ «Невеста» прислать не могу, ибо у меня нет; скоро прочтешь в «Ж. для всех». Такие рассказы я уже писал, писал много раз, так что нового ничего не вычитаешь [. . .]. Можно, дусик? Пиши, а то назову мерзавкой.

Твой А.

55. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

23 марта [1903 г. Москва] Вечер.

Поздравляю тебя, дусик, с M-elle Пушкаревой! У нее глаза как маслины, поэтические кудри и одинокий зуб, кот. ютится на мягкой губе, алой и вкусной. У тебя хороший вкус. Она работает бумажные цветы, а пьесу — она верно забыла когда писала. Ну, это ничего [. . .].

Письмо, посланное в Пименовск. пер. не дошло до меня. M-те Коновицер переправила адрес и опустила в ящик. Надо справиться на почте. А письмо милое? Стоит справляться?

Я сегодня встала в 12 час. Проснулась с головной болью, приняла фенацетин и осталась лежать. Сидела у меня Эля с своей подружкой. Я ее дразнила, что их брак *style moderne*. Она улыба-

лась, но говорила что это хорошо, ей нравится.

Днем была у меня Вера Васильевна Котляревская из Петербурга, очень изящная дамочка, интересная, умная. Ее муж написал книгу о Гоголе. Проматривал в Мире божьем? Потом я ходила к маме, притащила ее и Николашу к себе обедать вместе с ростбифом. Пришли Качаловы и Раевская, кот. флиртвала с Николашей. Ели по хорошему и вино попивали. Спасибо, дусик за Ай-Ян, кот. привезла великолепная Olga Solovieff. От квартиры все в упоении. Качалов мягко острил. Вечером играли Столпы, и я опять дремала на сцене во время речи Берника. Завтра я собираюсь обедать у Алексеевых а вечером брать ванну. В Субботу Лужский хочет устроить обед и вечеринку для труппы. Сегодня я записала билеты на Дуэ, на последние спектакли, для тебя тоже записала. Тебе захочется пойти? Это будет в конце Апреля и в начале Мая.

Где я буду жить в Петербурге — еще не знаю. К Мухину не хочется из за воспоминаний. — В Петербурге кто-то распространил слухи что при нашем театре основывается библиотека из произведений литерат. дам. Как это тебе понравится? И твоя подруга Чюмина прислала все свои сочинения. Ты хохочешь? Котляревская привезла эти книги и спрашивает куда их девать.

Хорошо ли Маша доехала? Не качало ее? А рассеянный Саша не остался где либо по дороге?

Мне ужасно хочется потрогать твое лицо, волосы, погладить тебя. Золотой ты мой. Как мы славно с тобой поедем. Я так давно не была за границей.

Нежно, нежно целую тебя [. . .]. Будь здоров, весел, не хандри. Пиши Вишневы сад.

Целую и обнимаю.

Твоя собака.

56. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

24 марта [1903 г. Ялта].

Родная моя, не забудь увидеть в Петербурге Модеста Чайковского и попросить его от моего имени, чтобы он возвратил мне письма Петра Чайковского, которые взял у меня для своей книги (Жизнь П. И. Ч.). Если же Модеста Чайковского нет в Петербурге, то узнай у Карабчевского, или у кого либо из литераторов, где он и нельзя ли добыть его адрес, если он за границей. Поняла? Если поняла, то, значит, ты умная у меня.

«Где тонко, там и рвется» написано в те времена, когда на лучших писателях было еще сильно заметно влияние Байрона и Лермонтова с его Печориним; Горский ведь тот же Печорин! Жидкова-

тый и пошловатый, но все же Печорин. А пьеса может пройти неинтересно; немножко длинна и интересна только как памятник былых времен. Хотя я и ошибаюсь, что весьма возможно. Ведь как пессимистически отнесся летом я к «На дне», а какой успех! Не судья я.

Скоро, скоро мы увидимся, старушка моя милая, бесценная. Я буду тебя обнимать и ласкать, буду с тобой ходить по Петровке.

Кричу тебе ура и остаюсь на веки твой заброшенный, полинявший и тусклый муж.

А.

В «Мире Искусства» тебя хвалят Книппуша. Я послал тебе сегодня номер, в котором хвалят. Горжусь, дуся моя, горжусь!

III

57. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

[19 сентября 1903 г. Ялта].

Пятница, день твоего отъезда.

Милый дусик мой, лошадиная моя со-

бачка, как ты доехала? Как провела ты время в Севастополе с рыжим усачем? Все ли благополучно?

А я вернулся с парохода не здоровый; есть не хочется, нудно, глупо в животе, ходить не особенно приятно, голова разболелась. Не знаю, отчего это. Но самое худшее, конечно, это твой отъезд; к твоему отсутствию я не скоро привыкну.

Если ты еще не успела послать в Ялту посылку, то прибавь гамаши — они скоро понадобятся.

Читал сегодня в газетах, что «Вишневый сад» пойдет в декабре. Если это справедливо, то очень хорошо, согласен, пусть только пьеса пойдет в первых числах декабря, а не в последних. Завтра уже буду работать.

Сегодня у нас обедала Нина Корш с девочкой. А мне, знаешь, немножко беспокоенно, что ты взяла у меня не 100, а 75 р. Я, стало быть, должен тебе, дуся, 25 р.

Новое Время все продолжает пощипывать Горького¹; боюсь, как бы скандала не вышло.

Пиши мне, родная, голубчик мой, ты теперь убедилась, знаешь, как я тебя люблю.

Завтра еще буду писать тебе, а теперь отдыхай, беседуй, распаковывай чемо-

даны. Поклонись всем знакомым, никого не пропускай. Напиши, как идет «Юлий Цезарь», не слышно ли чегонибудь насчет «Юлия Цезаря» и проч. и проч. и проч. Как Вишневский?

Обнимаю, целую твои лапки. Господь с тобой.

Твой А.

Как будто я стал писать еще мельче. Правда?

Сегодня буду раскладывать пасьянс solo.

1. Речь идет о фельетоне В. Буренина «Отповедь г. Максиму Горькому». Это ответ на статью Горького в заграничном органе «Освобождение» о кишиневском еврейском погроме, в которой, перечисляя вдохновителей погрома — Суворина, Буренина, В. Величко, С. Шаралова, В. Комарова, Крушевана и др., Горький говорит, что к их прежним «отвратительным кличкам» ныне следует добавить еще и заслуженное ими «звание подстрекателей к убийству и грабежу». В обычном своем тоне грубой брани Буренин возражает Горькому, что истинными виновниками погрома являются «прежде всего любимейшие чада его лубочного «творчества» ухарские Васьки Пеплы, Челкаши, Коноваловы и им подобные воры, грабители и душегубцы» и т. д.

58. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

20 [сентября 1903 г. близ Лозовой] утро.

Вот и ночь прошла, дорогой мой. Ты теперь газеты читаешь. Еду в отд. купэ и это смущает меня — лишнее. Ш. привел меня в отчаяние своей угодливостью. Ночью было холодно, т. ч. велела постель устроить, чтобы было теп-

лое одеяло. Солнечно. На воздухе еще не была, ничего не пила. Во сне видела что у Шнапа шея прямая. Трясет. В Лозовой опушу письмо. Странно мне быть одной. Странно покажется все в Москве. Кланяйся мамаше, Маше. Целую тебя крепко.

Оля.

59. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

20 [сентября 1903 г. близ Харькова] 3 часа.

Еду, еду, еду... Тепло удивительно, теплее чем в Ялте. Окно открыто, пыль адская. Мелькают совсем золотые леса — красиво. Накупила газет и читаю. В Лозовой выпила кофе и с'ела кусок ветчины.

Как умывался? Кому кукиши показывал?¹ От Севастополя у меня кошмар с рыжеусым чудовищем.

Пиши как себя чувствуешь. Побольше

о себе. Увидишь Костю поцелуй его от меня. Будь здоров, пиши и пьесу и письма жене. Обнимаю, всем поклон.

Оля.

1. Летом 1903 г., находясь в Ялте, О. Л. Книппер по утрам отправлялась с М. П. Чеховой купаться, когда Антон Павлович еще спал. Возвращаясь, она часто заставала его еще в постели; при этом А. П. притворялся иногда спящим, держа руки поверх одеяла с кукишами навстречу тому, кто войдет.

60. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

[20 сентября 1903 г. Ялта].

Как это жестоко, душик мой! Вчера весь вечер, потом ночью, потом сегодня весь день ждал твоей севастопольской телеграммы, и только сегодня вечером (в субботу) получил от Шапошникова: «Супруга ваша выехала благополучно»... и т. д. А я думал, что пароход затонул, что билета у тебя нет и проч. и проч. Не хорошо, супруга милая. В другой раз не обещаю.

Мне сегодня легче, но все же я не совсем здоров. Слабость, во рту скверно, не хочется есть. Сегодня я сам умывался. Вода была не холодная. Твое отсутствие очень и очень заметно. Если бы я не был зол на тебя за телеграмму, то наговорил бы тебе много хорошего, я сказал бы тебе, как я люблю мою лошадку. Пиши мне подробности, относящиеся к театру. Я так далек от всего, что начинаю падать духом. Мне

кажется, что я, как литератор, уже отжил, и каждая фраза, какую я пишу, представляется мне никуда негодной и ни для чего не нужной¹. Это к слову.

Михайловского еще не видел. Панова тоже не видел. Если увижусь с ними, то конечно сообщу тебе. Пилюли забываю принимать, хотя и ставлю их перед самым носом; но все же во время вспоминания и исправляю ошибку.

Целую тебя, женушка моя, голубчик. Если мои письма скверные, пессимистические, то не огорчайся, родная, все это пустяки.

Твой А.

1. С годами Чехов становился все строже и взыскательнее к своей работе, впадая в прямую мнительность. В частности, ему казалось, что он повторяет самого себя, чем очень мучился, потому что всегда считал рутину злейшим врагом искусства.

61. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

20 сентября [1903 г. близ Белгорода]
6 час.

Темнеет. Переехали реченку, в которой красиво отражается луна. Тепло. Проехали Белгород. Живописные хатки в осенней зелени. Мирно. Философствую о жизни. Разрешаю задачи. Ем антоновых

яблоки, конфетки (дар Шапошникова). Читала Новое время, Русское слово, Новости. Опять бессмысленное убийство мальчика 5-ти лет. В окно несет запахи осенней зелени. Обнимаю, целую.

Оля.

62. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

21 сент[ября] 1903 г. близ Серпухова]
8 ч. утра.

Доброе утро! Проехали Молоди. Свежий хороший осенний день. Деревья еще одетые, золотые, красные, а ивы зеленые. Дороги и тропинки мокрые — блестят. Солнечно, хотя облачно. Хоро-

шо в природе. Окно открыто. Еду как китайский император, молчаливо и величаво. А я ужасно люблю деревенские лужи, люблюсь на них. К Москве под'езжаю равнодушно. Вспоминаю Лопасню, Мелихово. Будь здоров, пиши умоляю. Обнимаю, целую.

Оля.

63. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

21 сент[ября] 1903 г. Ялта].

Женуля моя великолепная, сегодня чувствую себя полегче, очевидно прихожу в норму; уже не сердито поглядываю на свою рукопись, уже пишу и, когда кончу, тотчас же сообщу тебе по те-

леграфу. Последний акт будет веселый, да и вся пьеса веселая, легкомысленная¹; Санину не понравится, он скажет, что я стал неглубоким.

Встаю в 8 часов утра, умываюсь. Сегодня была холодная вода, хорошо умылся. На дворе тепло, почти жарко.

Дома все благополучно, Шарик еще не научился лаять, а Тузик — разучился. Без тебя мне спать страшновато.

К. Л. не приходил после твоего отъезда ни разу.

Сегодня пришло твое письмо, написанное карандашом, я читал и сочувствовал тебе, моя радость. Пить шампанское! Ездить на Братское кладбище! О, дуся, это тебя так прельстили длинные рыжие усы, иначе бы ты не поехала.

Пьесу пришлю на твое имя, а ты уж передаешь начальству. Только когда прочтешь и найдешь ее скверной, не падай духом.

64. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

22 сент[ября] 1903 г. [Москва], утро.

Вот я и в Москве, дорогой мой, милый мой! И уже беспокойная, тревожная. Как я рада была получить вчера вечером твои милые, ласковые строчечки! Так хорошо это! Дусик ты мой! Как ты живешь без меня?

Ну, подробно опишу мой первый день в Москве. Приехала совсем хорошо, не утомленная, выспавшаяся, но Севастоп. кошмар все меня преследовал. Вехала в Москву все таки с солнцем. Осень видно стояла славная, все деревья одеты. Дома на лестнице встретил меня Шнап, я услыша его лай, даже не хотела посмотреть на него, боялась что уж очень изуродован. Но представь — еслибы я не знала о его несчастьи, то пожалуй и не заметила бы, в особенности когда он вертится и кружится. Когда спокоен, то только голова немного на бок, отчего получается очень умильное выражение, так что смеяться хочется. Он очень крупный, красивый, шерсть блестит и вообще прелестен. Летает стрелой, скользит по натертому паркету и когда налетает на меня то прямо с ног сшибает. Я его все таки свезу к ветеринару, может можно выправить шею. Оказывается через его шею проехала целая карета на шинах но очень быстро.

Квартира вся блестит вся вылизана, вычищена, благодаря Аннушке, так что приятно было войти. Все цветочки вымыты. Я выпила кофе, разобрала вино-

Целую тебя, лошадка, хлопаю, трогаю за нос. Будь весела, не хандри, не умничай и старайся тратить поменьше денег. Господь с тобой, будь, повторяю, весела.

Твой А.

1. Биографы Чехова неоднократно обращали внимание на тот замечательный факт, что в последние годы своей жизни, одолеваемый неуклонно развивавшейся смертельной болезнью, писатель упорно стремился оживить струю юмора в своем творчестве, написав несколько водевилей и введя в свою последнюю пьесу значительный элемент смешного.

град, вымылась, облилась холодной водой, оделась и пошла в театр. Вошла в зал как раз в то время, как Цезаря пронзают кинжалами и оторопела — ничего не понимаю. Всюду белые тоги, в которых не скоро узнаешь всех. В Вишневском мне что-то нравится, а может просто темперамент его настоящий подкупает, еще не разобралась. Брута не понимаю пока, но что то мне не нравится в самом голосе, в речи. Ну, потом все налетели на меня, пошли поцелуи, рукопожатия, расспросы без конца о тебе и просьба послать тебе от всех нижайший поклон и уверение в любви и преданности. Конечно о пьесе толков много. Влад. Иванов. обстоятельно расспрашивал, хотя мало говорили с ним. К. С. уже кажется нервит. Опять при мне уже вышел скандал с Симовым из-за вечной задержки декорации. Вл. Ив. первый раз за все время вспылал адски и решил что у меня дурной глаз относительно него, т. к. совпало с моим приездом. Все как то остались такими же как были, а кто и поправился, так уже успел спустить и принять зимний вид.

У меня от народа, от расспросов, с непривычки голова разболелась. Артем проникновенно целовал мне руку, спрашивал о тебе. Луцкий в тоге, разыграл длинную сцену обморока при виде меня. Я конечно, подыграла сценку. Настроенные у всех кажется ничего себе. Буду похаживать теперь в театр. Из театра поехала к маме. Радость была шумная

и большая, но выговорила мне что я не дала знать о своем приезде. Дядя Саша тут был, т. Леля, Николаша. Опять рассказы, расспросы. Сообщили новость, что Володя едет на неделю в Дрезден, где ему какая-то знаменитость будет пробовать голос и дома и в оперном театре, чтобы окончательно решить его судьбу, а то мать мучается и не берет на себя ответственность. А так ему тянуть не годится¹. Передай эту новость Косте. Дядя Саша мил, передал мне приготовленное для меня поздравление, но не отправленное. Я очень хохотала. Вечером мама уехала слушать Шаляпина в Алеко, а я осталась у них. Пришел Саша Средин с супругой. Она говорят изменилась к лучшему. Саша работал все лето, был у Коровина в деревне, по Яросл, дор. и Шаляпин там был, рассказывает курьезы, как Шаляпин ночью в белом и в красной шапке является в мастерскую и катается на велосипеде. Саша хочет меня писать. Не знаю, не знаю... За ужином много и шумно хохотали, по Книпперски.

65. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

23 сент[ября] 1903 г. Ялта.

Здравствуй, дусик, моя половинка! Сегодня пришло от тебя два открытых письма, я очень рад и доволен. Рассчитывал получить из Москвы телеграмму, ну, да бог с тобой, я вхожу в твое положение и понимаю. Что нового придумали в театре? Не утомились? Не разочаровались?

Четвертый акт в моей пьесе сравнительно с другими актами будет скуден по содержанию, но эффектен. Конец твоей роли мне кажется не дурным. Вообще не падай духом, все обстоит благополучно.

После твоего отъезда брат твой не был у меня ни разу. Я несколько не обижаюсь, а пишу тебе об этом только на всякий случай. Посылка у нас лежит и ждет его прибытия. Его адрес: Ялта, Дереккой, д. Мустафы Бай. Вчера был у меня Панов, разодетый, довольный жизнью, счастливый; сидел долго. Говорил, что Михайловский по всей вероятности поехал с Костей на Сюрень. Михайловский будет у меня в четверг.

А как мне грустно было придти в пустую квартиру! И сколько еще таких грустных возвращений предстоит!

Спала хорошо. Сейчас утром убиравлась, играла с Шнапом. Посылаю письма, телеграмму, за которую сделала выговор что не переслала, хотя бесполезно. Сейчас пойду покупать порошок, мыла и отсылать буду завтра в Ялту.

Скажи Маше что Дроздова не была. Эберле наняла квартиру рядом с нами в д. Савостьянова. В 3 ч. пойду есть пельмени к маме. Ну кажется приблизительно все отрапортовала.

«Мир божий» пришел сюда.

Будь здоров дорогой мой, милый. Пиши мне о здоровье. Умоляю, заклинаю. Целую и обнимаю тебя много раз и каждый вечер мысленно крещу тебя. Кланяйся матери, Маше, Шарик, Матрешке. Целую.

Твоя Оля.

1. Вопрос шел о переходе В. Л. Книппера на карьеру оперного певца.

У Татариновой умер сын около Кенеица, когда везли его домой из заграницы. Сегодня похороны, Маша отправилась в церковь.

Умываюсь я хорошо. Велю подавать кувшин обыкновенной воды из водопровода и не большой кувшин со льда. Потом развожу и у меня получается именно то, что нужно. Одеваюсь медленно, или потому что отвык одеваться, или потому что мешает одышка. Настя подает каждый день новый костюм. Зубы чищу, пульверизацией занимаюсь. Что еще? Жене пишу почти ежедневно.

На сих днях к тебе придет П. И. Куркин. Он расскажет тебе о том, что ему нужно, а ты подумай и дай совет. Дело весьма важное.

Шарик растет, но еще не лает. Ты, уезжая, забыла взять свою кошку. Прикажешь прислать?

Кланяйся Вишневскому и скажи ему, чтобы он набирался мягкости и изящества для роли в моей пьесе¹.

Ну, дуццык, благословляю тебя. Не

сердись, не хмурься, не брани своего мужа. Скоро увидимся. Как только в Москве начнутся заморозки, так и приеду.
Твой А.

1. Чехов предназначал А. Л. Вишневному роль Гаева, доставшуюся К. С. Станиславскому. Антон Павлович был огорчен, что в «Вишневом саде» Вишневский остался без роли.

66. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

23 сент[ября] 1903 г. Москва] утро.

Дорогой мой здравствуй. Как спишь, как чувствуешь себя? Я все о тебе думаю и мысленно одеваю тебя, целую в плечико, командую за умыванием. А тебя нет. Я одна, и ты один.

Целую тебя нежно за твое нежное письмоце. Дорогой мой! Я плакала когда читала. — Тебе не надо было ехать провожать меня, дусик. Надо окрепнуть сначала а потом уж раз'езжать. Ведь это томительно — проводы на пристани. Тянется без конца, нудно, противно.

Тебе лучше теперь?

А я сегодня проснулась уже с чисто московским, сезонным ощущением: в голове неладно, что-то везде побаливает, какие-то ниточки, потом привыкну к этому. Вчера утром возилась по дому. Потом пошла в театр — там опять никакой репетиции, а возня с декорациями и повышенные нервы у режиссеров. Отдала каштаны и виноград Алексеевым, подушку Немировичу — очень все довольны. Потолкалась, поболтала и пошла к маме. Там слушала Володю, т. е. его пение. Он на днях уезжает. Пришла Эля. Я посидела у Зины, у Анны Егоровны в кухне, про Ялту рассказывала, про тебя. Потом пошла с Элей по магазинам. Купила умывальник простой цин-

ковый, белый очень удобный за 14 р. — дешево? У Малера на Петровке. Была у Гетлинга и барышня опять поднесла мне чудную ветку туберозы. Пришла домой и сюрприз: прислано письмо от Лужского и роль Калфурний — жены Цезаря. Якобы репетирует теперь второй состав и просят меня быть готовой играть в сезоне сию роль. А играет ее Бутова и говорят неважно. Ничего не понимаю. Поговорю сегодня. Дома сидела, читала, потом мыла голову, пила чай, ела ветчину и сыр а часов в 10 пришла Раевская и сидела до 12½. Болтала, хохотала нервически и очень хотела кажется узнать есть ли ей роль в твоей пьесе, но я помалкивала. Она бедная не очень даровита но не чувствует этого и терзается и мучается что пропадает даром, без работы. Ей бы лучше уйти от нас, право. Жалко ведь, когда слушаешь ее, а сказать нельзя ей правду.

Про гамашу я сама, дусик, решила, что пошло и уже выложила их. Как аппетит у тебя? Как настроение?

Ну, пришел Средин, хочет писать меня. Кончаю, будь здоров, целую и обнимаю тебя несчетно раз, и кукиши целую, и глаза твои чудесные.

Дусик мой, дорогой.

Твоя Оля.

67. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

24 сент[ября] 1903 г. Москва] утро.

Вчера не было письма от тебя, дорогой мой. Я беспокоюсь.

Тебе не надоели мои письма с дороги? Я их что-то много нацарапала. Разобрал все, или нет? — О, эти рыжие усы!! Как я их ненавидела! Как они пожимались и кланялись, и ехавши мимо церкви сняли шляпу и крестились за здоровье Антона Павловича. Глупо и нелепо было пить шампанское с чужим

для меня человеком, на берегу моря при заходящем солнце. А мне так хотелось быть одной, сидеть на берегу и передумывать все, что я пережила за последнее время. Ну, мимо, читатель, мимо.

Вчера была слякоть, сырость, холод, я мерзну все время. Днем в театре болтала с Вл. Ив., Вишневым. Сегодня буду обедать у Раевской с Лужским и Вишневым. С Кальфурнией меня что-то путают, я не пойму. Сказали бы прямо, что у Бутовой не идет, должна

играть я, ну и понятно. А то, что-то не ясно. Вл. Ив. сильно кажется волнуется. Вишневецкий все гудит что в банке осталось всего 25.000 р. Бурджалов ходит с страшно деловым видом. Про него острят что поездка с Бутовой скомпрометировала его и что у него уже есть «прошлой». Вечером вчера я заходила к Варваре Эберле. Она больна, лежит. Говорит что сердце перестает работать, ей делалось совсем дурно в театре. Лечится усиленно. В театре ею довольны. У нее живет Екат. Шенберг, еще барышня, зять Эберле, называется меблир. комн. Королева. Она сама, ничего, бодр. Вл. Ив. говорил мне что он ее будет помещать во все ученические стрывки, чтобы она скорее выбралась в актрисы.

68. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

24 сент[ября] 1903 г. Москва].

Только что кончила письмо и в пачке писем нашла вдруг твое письмо, кот. пришло вчера, и я рассердилась на Аннушку. Вчера когда пришла домой первый вопрос был — есть ли письмо? И получила ответ: нет.

Голубчик, золотой мой, не сердись за телеграмму. Я на вокзале писала письмо тебе и уже к 2-му звонку еле успела попасть в вагон и умоляла Ш-ва послать сию минуту телеграмму. Значит он не послал сейчас-же! Прости, умоляю. Но я была такая растерянная, мне так хотелось написать тебе письмецо а не телеграмму. Не сердись, голубчик, не пиши пессимист. писем. Ты как литератор нужен, страшно нужен, нужен чтобы отдыхать, чтобы люди помнили что есть на свете поэзия, красота настоящая, чувства изящные, что есть души любящие, человечные, что жизнь велика и

69. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

25 сент[ября] 1903 г. Ялта].

Собака моя бесхвостая, это письмо придет к тебе вероятно после того, как уже получишь телеграмму об окончании пьесы. Четвертый акт пишется легко, как будто складно и, если я его кончил не скоро, то потому что все побаливаю.

Была там вчера Муратова, копировала экзаменовавшихся и я много хохотала. Была вчера я у Володи. Как у них уютно, славно в квартирке! Даже завидно стало. Просто прелесть. Для укладывала Володин чемодан. Володя сегодня уезжает. Была у Надежды Ив., у моих старух, копировала им Федотову, когда она была у нас и они помирали со смеху.

А в общем я ото всего отвыкла. Точно чужая брожу всюду.

Как все нервны!

До завтра, дорогой мой, целую тебя много раз. Ставят ли тебе воду, кладут ли чистый костюм? Меняешь ли белье? Обнимаю и глажу.

Твоя Оля.

красива. А лиризм твой? Каждая твоя фраза нужна, и впереди ты еще больше нужен. Ох, если бы у меня был дар слова — сколько бы я тебе наговорила!! Выгони из себя ненужные мысли. Пожалей людей и почувствуй что ты им нужен. Не отдаляйся, а давай все что ты можешь дать из своей богатой души. Пиши, и люби каждое свое слово, каждую мысль, каждую душу, которую выняньчишь, и знай что все это не обходимо для людей.

Такого писателя как ты — нет и нет, и потому не замыкайся, не уходи в себя.

Пьесы твоей ждут как манны небесной.

Посылку отправляю завтра. Все не найду мамаше гребеночку подходящую.

Целую тебя, целую руки твои и молю бога чтобы ты чувствовал себя хорошо.

Получаешь ли мои письма?

Твоя Оля лошадка.

Сегодня мне легче, чем вчера, правда, но часов в 11 начало ломить в ногах, в спине, начался кашель. Все таки, думаю, теперь будет становиться все лучше и лучше. Третьего дня явился ко мне твой, как ты его называешь, «враг» Альтшуллер; я не дался выслушивать, но сказал насчет утренних обливаний.

Он всплеснул руками и запретил мне обливаться из губки. И теперь я умываюсь по старому, то есть через три-четыре дня у меня опять уже будет серая шея. Два утра я не обливаюсь, но состояние моего здоровья все таки прежнее, только как будто чувствую себя лучше.

Вчера наконец был Костя. Явился он веселый, возбужденный, серый и тощий, в темных кисейных панталонах. Мы дали ему пообедать. Он ушел и вечером пришел опять с засорившимся глазом. Я стал делать операцию, операция, кажется, не удалась, но глазу полегчало. Сегодня рано утром он приезжал за бельем. Завтра у него кончается самая трудная работа. С Михайловским ладит.

Настя аккуратно меняет мне костюмы. В самом деле, так хорошо, хозяйственно. Вообще надо пожалеть, что я женился на тебе так поздно. Когда я пришлю пьесу, то постарайся сделать так, что бы во время чтения (в фойе) Стаховича не было ¹.

Мне кажется, что в моей пьесе, как она ни скучна, есть что то новое ². Во всей пьесе ни одного выстрела, кстати сказать ³. Роль Качалова хороша ⁴. Присматривай, кому играть 17-летнюю ⁵, и напиши мне.

Вчера я не писал тебе и вообще писал очень мало, потому что не здоровилось.

Целую тебя, моя радость, крепко обнимаю. Поклонись Вишневному, Немировичу, Алексею и всем православным христианам.

Я замедлил с пьесой, скажи, что очень и очень извиняюсь.

Завтра придет от тебя письмо — пер-

вое из Москвы. Жду его с нетерпением. Ну, цуцук, не забывай, вспоминай.

Твой А.

1. А. А. Стахович — адъютант вел. князя Сергея Александровича, впоследствии — артист Художественного театра. Можно предположить, что для фигуры Гаева Чехов воспользовался некоторыми чертами Стаховича.

2. Для принципиального новатора, каким был Чехов, требование новизны было основное, которое он предъявлял к произведению искусства. В частности «Вишневый сад» казался ему новым своеобразным синтезом драматических и комических элементов.

3. Характернейшей чертой чеховской драматургии является замена в пьесах внешней сюжетности «подводным течением», т. е. игрою паузами, лирикой, даже пейзажем, созданием «настроения» и т. д. Этот процесс вытеснения внешней сюжетности проходил очень постепенно. Элемент «фабульности», а в частности и стрельбы убывает в пьесах Чехова в строго хронологической последовательности. Его большая юношеская пьеса без названия, изданная Центрорхивом, изобилует мелодраматическими моментами. В «Иванове» герой застреливается на сцене на глазах у своей невесты, перед самым венчанием. В «Лешем» — опять самоубийство, но уже за сценой, и вдобавок пожар за сценой, романтические побеги и т. д. В «Чайке» — опять самоубийство за сценой, выстрел слышен зрителем. В «Дяде Ване» — стрельба на сцене, но уже без жертв. В «Трех сестрах» — пожар за сценой, слышен набат, дуэль за сценой, слышен глухой выстрел. И только, наконец, в «Вишневом саде» — ни одного внешнего эффекта и «ни одного выстрела», как нашел нужным специально отметить Чехов.

4. Качалов исполнял роль студента Трофимова.

5. Аню, дочь Раневской. Ее играла М. П. Лилина.

70. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

25 сент[ября] 1903 г. Москва] утро.

Сегодня холодно, дусик милый, надо окна замазывать. Хожу уже в теплом. Вся кожа болит, в боку какая то нервная боль, противно. Да еще вдобавок вчера сидела в Мал. театре с Раевской смотрела «Сын Жибуайе». Проспала половину и если бы не Раевская — я ушла [бы]. Отчаянно скучно. Федотова кри-

влялась. Лешковская мило гнусавила. Рыбаков грубо комиковал, один Ленский приятен и Южин ничего был. Но пьеса... о, о, о... Билеты достали только наверху в купонах. Никого не видела.

Обедала вкусно у Раевской с Лужским. Перета собирается писать тебе, я ей разрешила. Вас. Вас. изображал как играют Цезаря, копировал Станиславского.

Проводили вчера Володю за границу. Я была у стариков Bartels, откуда отправляли Володю и Ваню, Элиного брата, кот. учится в Антверпене. Говорила по немецки и надо мной хохотали.

Встретила на улице Чирикова, обещался зайти. Вчера без меня были Стахович с Вишневым и оставил Вишневский записочку, просит сегодня обедать у него. У него в Тюрби хороший повар и он по очереди кормит у себя всю труппу. Пойду. А завтра обедает у меня София Влад. с Володей и может быть Иван, а в воскресенье у меня родственник обед, т. е. мама с т. Лелей, Надежда Ив., Николаша. Был на днях Маклаков, но не застал меня. Сегодня хочу пойти посмотреть Пасхалову в Интерн. театре. Пока свободна — осмотрю все театры. Вчера у нас в конторе видела Эфроса, которому я всегда доставляю такое неудовольствие своим видом. Но что делать! Репетиций пока нет, возьматся

с декорациями и я еще ничего не видела. Был еще вчера Сергей Саввич, но тоже не застал.

Деньги, дусик, трачу, на нужное. Заплатила за квартиру, купили дров, углей, купила платье простое, для каждого дня, начну шубку себе шить. А хорошо, кабы ты мне одеяльце привез, а то ты спишь здесь под моим, а у меня нет. Умывальник чудесный теперь.

Так ты ревнуешь к рыжим усам? О, дуся моя...

Пьесу буду ждать с нетерпением. Если ты только пришлешь ее прямо начальству а не мне — то разведусь с тобой, так и знай. Шнап каждое утро ураганом летит ко мне, когда я пью кофе, получает хлеб обмоченный в кофе, сахару и отправляется. Смешной он. — Целую тебя, дорогуля моя, сокровище мое, грейся на солнышке, кушай, поправляйся. Целую обнимаю и крещу тебя.

Твоя Оля.

71. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

(Телеграмма)

[26 сентября 1903 г. Ялта]

Четыре акта совершенно готовы пере-

писываю пришлю тебе здоровье поправляется тепло целую — Антуан.

72. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

26 сент[ября] 1903 г. Москва] утро.

Вчера действительно не было письма от тебя. Не писал, или почта виновата? Сегодня праздник и пишу тебе на цветной бумажке, стараюсь писать мельче, т. к. бумажка формата не крупного. — Морозно, но солнечно. Колокола звонят.

Вчера мы превесело смотрели «Тьму» Тимковского. Сидели в 1-м бенеуаре: Раевская, я, Вишневский и Стахович. Я подбила ехать, а то одна не высидела бы. Вот ужас, скажу тебе! Вот банальщина, вот пустое место! Смешно было, а на сцене все разрывались. Подумай: 4 акта и за все это время у всех действующих лиц — драматич. лица и драмат. положения, т. е. выдуманные. Ни одного человеческого, жизненного слова, ни одной улыбки — это так похоже на Тимковского. Что-то невообразимое, нудное; непонятные страдания, непонятные люди. Смотрели знаменитую Пасхалову,

кот. все четыре акта делала безумные глаза, заламывала руки и безумно страдала. Мужчины были ужасны. Вообще я пойду туда только еще раз, чтобы посмотреть Пасхалову в человеческой роли. В театре было много знакомых. В ложе сидели Бунин, Найденов и Чириков с женой, приходили ко мне. Найденов без бороды, улыбающийся, Бунин бледный, истомленный, будет теперь в Москве. Я их позову обедать как-нибудь. Был Левинский, Любошитц, Эфрос, Пчельников, Шпажинский, кот. спрашивал о тебе, хотел тебя в какой-то комитет. Конечно все спрашивают о Вишневом саде. Было много наших артистов. Был твой друг Манасевич. Автор сидел в лит. бенеуаре. Порывались вызывать, но после 3-го сообщили что их в театре нет. Литературное трио¹ в ложе не вытерпело и уехало после 3-го акта. — Обедала я вчера у Вишневого с Стаховичем и Влад. Ив., кот. говорит, что

я скомпрометирована этим обедом. Я не нахожу. Ели стерлядки кольчиком, борщок, отбивн. котлеты, артишоки, печен. яблоки. Ал. Леон. был очень мил и радушен. Все стены в фотографиях и лентах.

Днем я была в своей гимназии, просила залу у Арсеньевой для Зинаиды Сергеевны, кот. по воскресеньям устраивает лекции по истории музыки. Видела всех учителей своих, Лопатина, бывш. учениц, много вспоминали и болтали. Приятно было.

Вчера после театра я до 2-х час. ночи читала, т. е. декламировала Калфурнию. Так вдруг захотелось поиграть ее, а буду ли играть — не знаю. Хотят возобновлять Одиноких. Это хорошо. Иоганнес — Качалов, Браун — Леонидов, старик — Лужский.

Дусик, как Вишневый сад идет?

Золотой мой, как мне хочется приласкать тебя, расцеловать, погладить! Не за кем мне ухаживать, некого умывать, одевать.

Вчера был у меня Алферов, муж сестры Вари Коссович, у кот. женская гимназия. Просил меня хоть изредка участвовать в чтениях для учащих, устраив. педагогическим обществом, состоящ. при импер. моск. университете. Мне это нравится и я согласилась. В историч. музее, и аудитория приятная. Это не концертная эстрада, и потом это днем. И Алферов приятный.

Сегодня вечером пойду может быть в суд, наши все бегают, а я ни разу не была в суде, а давно хочется.

Ну, до завтра, голубчик мой нежненький. Целую тебя много раз и обнимаю.

Твоя Оля.

1. Т.-е. Бунин, Найденов и Чириков.

(Окончание следует)

Друг трудящихся

ИВ. АНИСИМОВ

★

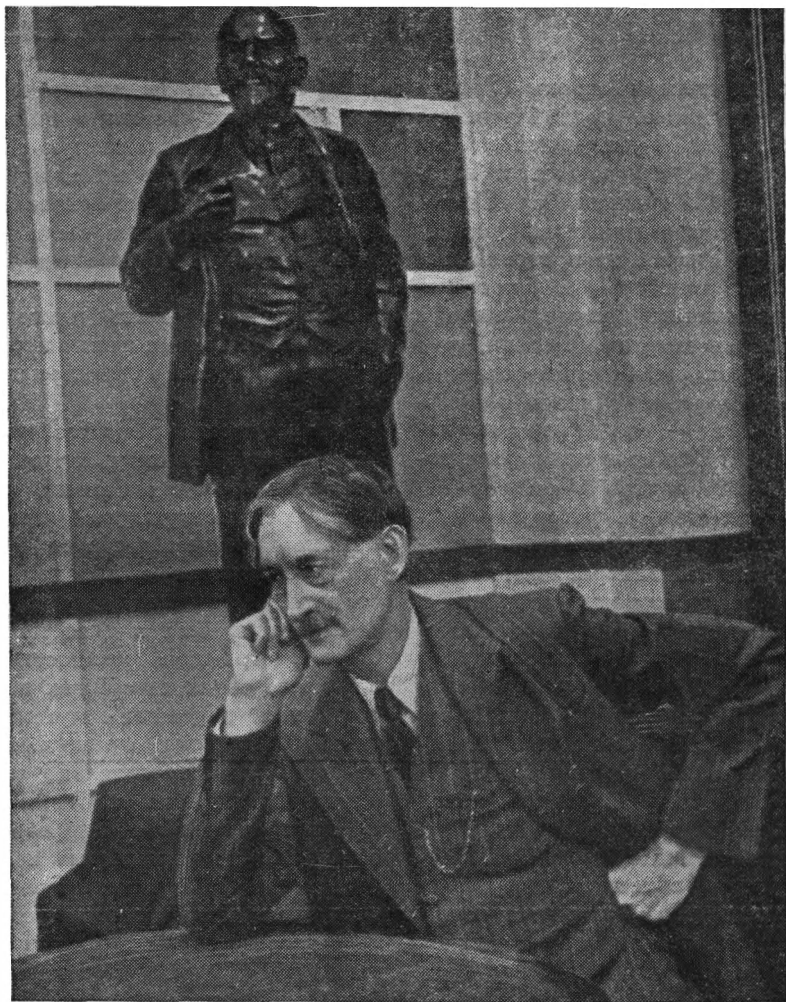
1

Не только у каждого читателя книг Анри Барбюса создается впечатление, что годы 1916—1920 — это подлинное начало его творчества, — к такому выводу неизбежно приходит и исследователь: настолько грандиозен взлет, который приходится на данные годы. Только написав «Огонь», «Ясность», «Слова борца», Барбюс стал Барбюсом. Это не значит, что все написанное им ранее малоценно, малосущественно, — нет, и «Плакальщицы» (стихи), и «Просящие», и «Ад» (романы), и «Мы, другие» (рассказы) — талантливые, яркие произведения. Но все эти сочинения были лишь пробой сил. Только в «Огне» Барбюс начинает говорить во весь голос. Это был скачок, определивший всю дальнейшую судьбу писателя.

К рубежу «Огня» Барбюс пришел, имея двадцатилетний литературный опыт. Об этой пред'истории одного из выдающихся писателей нашего времени у нас мало знают, а между тем она глубоко поучительна. Когда в начале девяностых годов молодой Барбюс пришел в литературу, он был обласкан, на него возлагал надежды сам Катюль Мандес, тогдашний «король поэтов» во Франции. В 1893 году Барбюс получил крупную литературную премию. Перед лауреатом открывалась дорога шумного успеха; талант его был сразу признан. Но чего хотела от молодого Барбюса «ярмарка на площади», как

гневно и справедливо назвал буржуазное искусство Ромэн Роллан? Пустой и легкой красотой, отстранения от зияющих язв действительности, одним словом, умения поддурманивать истину и фальшивить. А перед молодым Барбюсом стоял, как образец настоящего искусства, как образец подлинного творческого мужества, Золя, который был страшно одинок в те годы крушения реалистического искусства, которого так поносили входившие в моду декаденты, сделавшиеся господами положения на «ярмарке». Золя так много означает для Барбюса, что нельзя говорить об авторе «Огня», не коснувшись этой важнейшей и глубоко поучительной связи. «Литература найдет себя лишь на пути, который прошел Золя, лишь за той точкой, на которой он был остановлен смертью» — писал Барбюс.

У молодого писателя хватило мужества отказаться от лавров и легко доставшегося ему признания — он предпочел этому тернистый путь правды. Как только выяснилось, что лауреат решил идти против течения, его начали страшиться, его начали замалчивать. На пути реализма Барбюс тем временем пришел к значительным достижениям. Здесь надо назвать «Ад» (1908) — превосходный роман, проникнутый влиянием Золя и очень ярко представивший чудовищность капитализма, — а также несколько десятков новелл. Барбюс продолжал линию французских реалистов, столь усердно сти-

Анри Барбюс

раемую его современниками, он стремился насытить свои произведения большим и жгучим социальным содержанием, — целью его творчества всегда была правда.

Нетрудно заключить отсюда, что отношения Барбюса с литературным миром становились все более напряженными. Долгие годы его упорная творческая работа остается в тени. Он одинок, ему тяжело, но он крепок духом и не думает сдаваться.

Империалистическая война открыла глаза Барбюсу, подобно миллиону «мелкобуржуазных трудящихся». Этот толчок заставил его собрать все свои силы и придал неслыханную мощь его словам.

Можно сказать, что в ранних произведениях Барбюса уже подготовлялся грандиозный разряд «Огня». В этих вещах накапливалась та ненависть к капитализму, которой проникнут замечательный роман, эти произведения сильны тем самым глубоким знанием жизни, которое поражает в «Огне». Но над всем ранним творчеством Барбюса «Огонь» бесконечно возвышается масштабами своего замысла, смелостью и ясностью своей идеи и глубочайшим убеждением в том, что крах капитализма неизбежен.

С «Огня» началась мировая слава Барбюса. После этой «книги, исполненной пророческого гнева» (Горький), с огромной силой прозвучавшей над за-

литыми кровью полями Европы 1916 года, книги, не только разоблачившей бойню народов, но и указавшей массам выход, Барбюс сразу вырастает в гигантскую фигуру. Начиная с «Огня», Барбюс говорит как писатель, достойный выразить надежды и стремления передового человечества. В произведениях, написанных после победы Октябрьской революции в России, он с величайшей убедительностью показывает, что открылась новая эра в истории человечества — «великие дни наступили». Книги Барбюса приобрели колоссальную силу, впитав в себя ту ненависть к капитализму, которую обострила и укрепила в сознании трудящихся всего мира империалистическая война. Эти книги явились мощным и ярким выражением того, что «революционное сознание масс растет везде» (Ленин).

Человечество вступило в новый период своей истории, началось раскрепощение человечества от капиталистического ига — эта мысль наполняет своим светом каждый образ, создаваемый теперь Барбюсом, каждое его слово. Изумительный пафос, страстность, приподнятость произведений Барбюса естественны. Эти произведения всегда глубоко правдивы и вместе с тем романтичны в самом хорошем смысле этого слова. Они проникнуты великой уверенностью в том, что близка окончательная победа над врагами человечества.

Только на революционном пути Барбюс нашел себя как художник и мыслитель. «Огонь», «Ясность», «Слова борца», — произведения, следующие одно за другим с бурной стремительностью, — оставляют впечатление прекрасного и плодотворного творческого подъема. Это — начало того Барбюса, чей голос звучит на весь мир, чье имя становится знаменем борьбы против войны и фашизма.

Книга «Огонь» велика тем, что художник с полной ясностью показал в ней преступность и безумие капитализма. Барбюс дал реальную картину империалистической войны, разрушив все дживые и гнусные бредни, которые

распространяла шовинистическая пресса, воспевшая «героику» войны. Он сказал о войне обнаженную правду, он показал страдания масс, превращенных в пушечное мясо, он показал, что империалистическая война была бойней, где миллионы людей убивались в интересах капиталистов.

Надо было иметь много мужества, чтобы выступить с таким произведением в самый разгар империалистической войны.

Это мужество Барбюс почерпнул в народе, который он узнал за время пребывания в окопах больше, чем за всю свою предшествующую жизнь. Книга «Огонь» свидетельствует о том, как тесно сблизился с народом, одетым в солдатские шинели, писатель, который еще недавно был в тягостном одиночестве. С огромной нежностью говорит Барбюс о своих товарищах по окопам, — страдания, надежды, мужество, повседневный героизм французских солдат он изобразил трогательно и правдиво. Книга проникнута любовью к народу. Среди солдатской массы Барбюс нашел замечательные примеры человеческого достоинства. Он нашел здесь и многочисленные доказательства того, что война многому научила французских крестьян и рабочих и с каждым днем все больше убеждает их в необходимости и неизбежности революции.

В «Огне» показано, что империалистическая война легла чудовищным кровавым бременем на народ, но вместе с тем война эта стала школой сознательности для миллионов: основной особенностью романа «Огонь» является то, что он показывает рост революционного сознания в массах. Книга Барбюса содержит не одно только разоблачение капитализма, и Горький в свое время правильно назвал ее «страшной и радостной книгой», книгой, которая указывает выход. Со страниц ее на весь мир прозвучало имя Либкнехта — вот путь, который указывал массам писатель, вот знамя, под которым предлагал он объединяться.

И роман, в котором с самыми чудовищными подробностями показан «грязный кошмар» империалистической вой-

ны, стал книгой мужества и великой надежды.

Нет ничего более ошибочного, как ставить это произведение в один ряд с позднейшими пацифистскими откровениями Дюамеля или Ремарка, в которых выражен слепой, животный ужас перед войной. Мужественный оптимизм книги «Огонь» состоит в том, что она пропитана сознанием неизбежности революционного взрыва, которым должна закончиться империалистическая война. Полный благородства образ капрала Бертрана, самоотверженного мечтателя о будущем человечества; образ Карла Либкнехта («образ, поднявшийся над войной, образ, который вечно будет сверкать красотой и мужеством»); обращение к «бесчисленным труженикам битв, — проделавшим овыми руками всю великую войну», — с призывом сделать из войны революционный вывод во имя «великого общего блага»; гневная отповедь «чудовищным хищникам» капитализма, виновникам боини, — все это никак не может быть названо пацифизмом. Барбюс дал в своем замечательном романе правдивую картину того, что пережили народные массы на войне и какой вывод они сделали из этого страшного испытания.

«Но их глаза уже открылись» — пишет Барбюс о французских солдатах, заканчивая книгу, в которой «превращение совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками обывателя и массовика в революционера именно под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво» (Ленин). Этот патетический итог прекрасно подготавливается на всем протяжении книги. И «спокойный луч света», который прорывается сквозь «черное небо, отягощенное грозой», луч света, который «нам доказывает, что солнце существует», возникает, как необычайно уместный простой и естественный образ, в котором выражен весь великолепный оптимистический пафос книги.

Этот образ прекрасно завершает книгу, подчеркивая ее основную тенденцию.

«Огонь» написан с той жестокой простотой, которая оставляет неизгладимое впечатление, язык романа расцвечен грубоватой и необычайно яркой краской окопного арга. Как известно, в «Огне» есть специальная глава (тринадцатая), которая так и называется — «Грубые слова». «Я буду пользоваться грубыми словами, ибо этого требует правда» — говорит автор.

2

После «Огня» начинается плодотворный расцвет всех возможностей, заложенных в таланте Барбюса. Он растет в грозе и буре. Отныне имя Барбюса будет связано с самыми острыми и ответственными моментами истории послевоенной Европы. Литературная работа его теперь неотделима от политического действия, становящегося подлинной стихией его. Ромэн Роллан, великий собрат Барбюса, с полным основанием называл его «храбрым солдатом социальной мысли». С огромной страстностью Барбюс отдается борьбе за новый мир. Он был первым европейским мастером культуры, который связал свою судьбу с рабочим классом, зачинателем широкого антифашистского движения интеллигенции, которое в наши дни охватывает все страны капиталистического мира. Борьба против войны и фашизма не была для Барбюса одной из сторон его деятельности. Она поглощала его целиком.

Книга, в которой собраны статьи и речи Барбюса за 1917 — 1920 гг., носит название «Слова борца». Это определение можно отнести к каждой строчке, написанной Барбюсом после войны. Оно глубочайшим образом соответствует духу его творчества. Автор «Слов борца» является подлинным просветителем, — недаром образ «света», «ясности» (clarté) так настойчиво повторяется во всем его творчестве. Барбюс превращает свое творчество в орудие воспитания. Но он не занимается чисто словесной, отвлеченной проповедью, он очень рано понял необходимость действия. Этот интеллигент, в чьих произведениях «всегда разрывы-

вается великая драма людей», был поразительным организатором.

«Лига бывших фронтовиков» — широкая антимилитаристская организация, группа «Клартэ», в которую Барбюс вовлек лучших писателей и мыслителей послевоенной Европы, — все это в значительной мере «произведения» Барбюса, в которые он вложил столько же страсти и таланта, как и в свои книги. Нельзя представить себе этого писателя, слово которого приобрело огромный резонанс, к слову которого прислушивался мир, без этой важнейшей стороны его творчества, заключавшейся в организации борьбы за мир, против военной опасности и фашизма. Можно сказать, что и своеобразие литературного стиля Барбюса тесно связано со стилем его организаторской деятельности.

После того, как окончилась война, Барбюс поднял широкие слои французского народа до понимания того, что только революция приведет к раскрепощению. Он нашел неотразимые слова, чтобы доказать это людям, которые еще вчера были политически-невежественными обывателями. С изумительной мудростью искал Барбюс способов воздействовать убеждением на самые различные слои народа; он великолепно пользовался словом, создав большое количество настоящих шедевров революционной публицистики.

Сборник «Слова борца» дает очень полное и яркое представление о борьбе за мир и социализм, которую с огромным успехом вел Барбюс после окончания империалистической войны. Он стремился, прежде всего, к тому, чтобы французский народ и все народы Европы сделали правильный вывод из кровавого урока империалистической войны. Он уверенно разоблачал все попытки империалистических политиков замести следы и скрыть от народа, что война, унесшая миллионы молодых человеческих жизней, была войной грабительской, что в ней были денежно заинтересованы империалистические хищники.

«Мы хотим знать правду» — восклицает Барбюс. Под знаменем прав-

ды он ведет свое наступление, зная, что «правда революционна», что капитализм боится правды, как смерти. Замечательно просто и наглядно умеет он доказать своей огромной аудитории, что эта правда, будучи усвоена всем народом, становится грозным революционным оружием. Капитализм скрывает свой кровавый облик под тысячей самых разнообразных покрывал, даже недавнюю чудовищную бойню он осмеливается оправдывать какими-то благородными, высокими целями. Надо сорвать эти отравленные покрывала жи. Пусть каждый поймет, что капитализм — смертельный враг его, и что счастье и свобода человечества недостижимы при капитализме. С величайшей убедительностью показывает Барбюс «кровавый хаос» капитализма — «невольно спрашиваешь себя, не сошел ли род человеческий с ума»; без конца приводит он «гнусные и страшные примеры», свидетельствующие о том, что капитализм означает «варварство, свирепствующее во всех направлениях»: «С ужасом мы озираемся вокруг. Этот порядок привел человечество к безвыходному состоянию. Мы начинаем видеть, что все мы обречены на разорение и смерть».

«Вся наша цивилизация быстро погружается в нищету, горе и кровь».

Сознанием неизбежности краха капитализма проникнуты все выступления Барбюса. «Мы живем в условиях распада» — не раз повторяет он. В речи «Урок прошлых революций», произнесенной в 1920 году, Барбюс сравнивает положение капитализма в Европе после войны с состоянием французской монархии накануне революции 1789 года, констатируя полное совпадение. «Банкротство у наших ворот» — эту знаменитую фразу Мирабо он полностью переносит в современную обстановку. Крах капитализма близок — вот «простая истина», которую Барбюс стремится донести до самых отсталых своих слушателей и читателей. «Наступили великие дни», началась решительная борьба за освобождение человечества — вот правда, которую должен знать народ.

Именем народа обвиняет Барбюс капитализм в его бесчисленных кровавых преступлениях. «Мы — партия порядка» — называет он одну из своих статей, прекрасно доказывающую, что только социализм может дать человечеству тот мудрый порядок, который обеспечит плодотворное его развитие, что только социализм уничтожит навсегда тот отвратительный хаос, который продолжает господствовать вокруг.

«Надо стремиться к революции, — заявляет Барбюс, — ибо она — благо». Об «освобождающем социализме», о «непримиримом социализме» говорит он, излагая программу действий, программу борьбы за свободу и счастье человечества. Нет другого пути, чтобы «установить идеал нового порядка, который и есть порядок истинный».

«Человеческое общество нужно совершенно перевернуть, и тогда мир станет таким, каким он должен быть». Возвышенный пафос всех выступлений Барбюса коренится в сознании того, что началась новая эра в истории человечества. Сила, страстность, несокрушимость доводов, которые он приводит для того, чтобы каждый его читатель или слушатель проникся этим сознанием, поистине великолепны. Выступления Барбюса, в которых негодование к врагам человечества всегда соединяется с призывом к борьбе за новый «справедливый порядок», получают широчайший отклик не только во Франции, но и за ее пределами. Слово Барбюса гремит на весь мир.

Разоблачая шовинистов и их грязную спекуляцию на патриотическом чувстве, Барбюс с великой нежностью говорит о французском народе и о своей родной земле. «Люби Францию, как любишь свою мать. Желай, чтобы она пребывала великой, благородной, богатой и лучезарной». Он с возмущением показывает, как капитализм извратил и загрязнил идею отечества и национальной гордости. Реакционные правительства, это — «враги Франции». Подлинное величие свое Франция, как и всякая другая страна, найдет лишь тогда, когда народ ее сбросит капиталистическое иго. Только социализм

раскрепостит неисчерпаемые силы великой страны. Любовь к «лучезарной Франции», это — любовь к великому французскому народу.

И Барбюс, еще в «Огне» замечательно показавший французский народ, с безграничной радостью говорит о том, что повсюду растет революционное сознание масс: «Народные массы уже открыли свои глаза. Они увидели свое место под солнцем, они хотят получить его и имеют на это все основания».

«Демократия непобедима, — пишет он. — Все угнетаемые народные массы пробуждаются и приходят в движение повсюду в старом мире». В этом пробуждении народов Барбюс черпает свои силы и свое вдохновение. Со всей энергией своего таланта он стремится выразить в простых и ясных словах грозную ответственность переживаемого момента.

Великая Октябрьская Социалистическая революция оказала на Барбюса глубочайшее влияние, открыла его, дала направление всей его литературно-политической деятельности. И в «Словах борца», как основная тема, проходит тема «русской революции». Барбюс мужественно защищает Советскую Россию от попыток французских империалистов задушить ее при помощи блокады и интервенции. Он постоянно и с огромным успехом пользуется величественным примером Советской России для того, чтобы показать французскому народу и народам всей Европы, каким путем они должны идти к своему раскрепощению. И, может быть, нигде слово Барбюса не достигает такого блеска, уверенности и пафоса, как там, где оно посвящено Советской стране.

«Спасайте человеческую истину, защищая правду русскую. Будьте уверены, что грядущие поколения вынесут свой приговор честным людям нашего поколения в зависимости от того, на чью сторону они встанут в настоящий момент», — такими словами Барбюс закончил статью «Мы обвиняем» (октябрь 1919 года), в которой он призывал народы Англии, Франции и Америки потребовать от своих прави-

тельств прекращения интервенции в СССР.

Об этом же Барбюс говорил и в замечательной речи «Русская революция и долг трудящихся», произнесенной несколькими днями позже. В этом выступлении дано, между прочим, поразительно простое и популярное изложение первой советской Конституции. Разоблачая безобразную ложь, которую усердно распространяла капиталистическая пресса, Барбюс дал своим слушателям яркое, живое и увлекательное представление о том, что такое Советская Россия и как героически борются ее народы против белогвардейских полчищ, поддерживаемых интервентами. И сейчас эту речь нельзя перечитывать без волнения.

«Товарищи, — закончил свое выступление Барбюс, — знамя Социалистической Республики Советов, уничтожению которого вы содействуете, оставаясь безучастными, это — красное знамя освобождения всего человечества».

В речи, произнесенной при открытии международного конгресса бывших фронтовиков, Барбюс говорил о борьбе двух миров, как об основном моменте современной истории. Его речь, как и все другие его выступления, была проникнута глубокой уверенностью в том, что победа нового мира неизбежна и близка. «Мы возвещаем неминуемое пришествие всемирной справедливости, — говорил Барбюс, — мы будем победителями, потому что наше поражение явилось бы поражением разума, морали и истины. Наша вера приходит во вселенную, как молодость будущего счастья, как весна!».

Самым большим основанием своей оптимистической уверенности Барбюс считал существование Советской России, этого «начала новых времен». «Обновленное человечество, человечество будущего, — говорил Барбюс, обращая мысль к Советской стране, — уже предпринимает против ошестившегося оружием капитализма остальной Европы борьбу, столь же отчаянную, столь же решительную и столь же простую, как борьба дня против ночи, и мы не будем настолько смешны,

чтобы колебаться в выражении своего одобрения великим московским создателям».

Тема Советской страны занимает в публицистике Барбюса исключительно важное место, можно сказать, что это — связь и основа всех его суждений о современном мире. Эта тема звучит всегда с огромною силой, ибо в ней выражены все надежды и чаяния Барбюса. В известном своем манифесте «С ножом в зубах» Барбюс писал о том, что возникновение Советского Союза — «факт более важный, чем христианство, чем французская революция, крупнейшее и прекраснейшее явление в мировой истории. Этот факт вводит человечество в новую эру его развития». Эту мысль он настойчиво повторяет во всех своих произведениях.

С высоты сделанного здесь обобщения он рассматривает весь ход современной истории. Не надо указывать здесь, сколько мудрой пронизательности содержала оценка всемирно-исторического значения Октябрьской революции, которую Барбюс дал раньше всех других мыслителей Запада.

Величественный образ Советской страны является вершиной книги «Слова борца», полно и наглядно отразившей путь литературно-политической деятельности Барбюса в годы 1917—1920. Все последующие его произведения в той или иной степени являются попыткой показать, какие глубочайшие изменения в жизни человечества связаны с победой социализма на одной шестой части земного шара. Это — основа всей политической и художественной логики Барбюса. В последнем произведении его, в книге о Сталине, образ Советской страны, сделавшийся неотъемлемой частью творчества Барбюса, получает особенно яркое и завершенное раскрытие. Барбюс замечательно умел донести до народов Европы всю силу и все великое обаяние этого образа.

К могучему слову Барбюса прислушиваются широчайшие массы. Этот мастер культуры сыграл исключительно важную роль в создании антифашистского народного фронта. Он послужил прекрасным примером для передо-

вых писателей в странах капитализма, он многому научил их.

Еще со времени образования группы «Клартэ» (1919 год) Барбюс вел большую борьбу за то, чтобы отвоевать от капитализма лучших писателей. Здесь ему удалось собрать наиболее передовых представителей литературы, объединив их вокруг идеи союза с рабочим классом. Георг Брандес, Анатоль Франс, Жорж Экхоуд, Томас Гарди, Уэллс, Ибаньес, Жюль Ромэн, Эптон Синклер и многие другие составили ядро группы «Клартэ», представляющей первую попытку объединения мастеров культуры. Перед нами — прообраз современных объединений антифашистских писателей, играющих ответственнейшую литературно-политическую роль. Опыт «Клартэ» Барбюс углублял и совершенствовал в последующие годы. Путь от «Клартэ» к парижскому конгрессу писателей в защиту культуры (лето 1935 года), это — история неустанных и упорных стремлений Барбюса развить широкое антифашистское движение писателей. Эти стремления увенчались успехом.

В книге «Слова борца» дана весьма полная программа тех идей, с которыми Барбюс обращался к европейской интеллигенции. Самым широким и всеобъемлющим требованием, которое он предъявлял писателям, было — «говорить правду» и «знать, куда они ведут людей». Барбюс настойчиво и страстно убеждал писателей в том, что «благородная и великая миссия литератора» обязывает его быть политиком, обличителем капитализма, — писатель не может «бояться ни смелости мысли, ни жестокости правды»!

Барбюс напоминает, что во все времена передовые мыслители и художники воплощали в своем творчестве «дух освобождения и неповиновения старым варварским законам» и всегда помогали «изменять лицо общества». Не раз обращается он к «примеру Золя» для того, чтобы воссоздать перед своими читателями и слушателями облик писателя, который был настоящим борцом за правду и содействовал своим творчеством раскрепощению человечества.

Барбюс с восхищением говорит о Ромэне Роллане, «блестяще олицетворяющем возмущенную совесть и прозорливость». Он призывает писателей, «преданных идее общественного блага» и «стоящих на страже мысли», «следовать совести и примеру самого удивительного и наиболее уважаемого из французских мастеров слова — Анатоля Франса». Слово Барбюса всегда отличается удивительной логичностью и конкретностью. Барбюс не только делает совершенно ясной задачу, стоящую перед каждым честным писателем, он приводит здесь же наглядно и забываемые примеры: Роллан, Франс.

«Многие из писателей не выполняют своих обязанностей человека. Они думают оставаться только чистыми художниками, отстраняясь от участия в общественном движении...». Барбюс ведет настойчивую атаку против таких литераторов. Он разбивает все «философские оправдания» невмешательства, он доказывает с величайшей убедительностью, что все живое в литературе должно бороться на стороне народа. С отвращением говорит он о литераторах типа д'Аннунцио, которые служат капитализму, как верные псы.

Речь «К новым временам», произнесенная в июле 1919 года, представляет превосходный образец того, как ставил Барбюс самые жизненные вопросы культуры и интеллигенции.

«Судьба бросила всех нас в самую гущу великих событий...». Несколькими резкими чертами определяет Барбюс создавшуюся ситуацию. С одной стороны — кровавый кошмар капитализма, который многим внушает чувство глубочайшей безнадежности. С другой стороны — нарастание сил будущего: «все угнетаемые народные массы пробуждаются и приходят в движение в границах старого мира». Со всею убедительностью Барбюс показывает, что долг художника присоединиться к «партии истины» и отдать все свои силы народу.

«Человеческая мысль раскалывается, носители идей разделяются на две части: одни хотят изменения социального строя, другие желают или соглашаются

на оставление прежнего порядка вещей. Все промежуточные течения не идут в счет».

Со всей страстью нападает Барбюс на писателей, которые хотели бы отсидеться в тиши своих кабинетов, отрешившись от величайших событий, развертывающихся вокруг. «Индивидуальная мудрость является глупостью, если все вокруг безумие!» — бросает Барбюс по адресу таких литераторов, пытающихся трусливо оправдывать свою нейтральность сугубо личным характером творчества. Нет, не эти люди создадут настоящую литературу нашего времени! Ее создадут смелые и мужественные «воины мысли». Вот идеал подлинного писателя, который с таким вдохновением развертывает Барбюс перед своей аудиторией. Когда в одной из последних своих статей Генрих Манн говорит о том, что его идеал, это — «гуманист на коне», «гуманист с оружием в руках», то разве это не тот смелый «воин мысли», о котором говорил Барбюс? Разоблачая предрассудки буржуазного гуманизма, Барбюс развертывал перед мастерами культуры картину гуманизма подлинного, означающего борьбу за счастье человечества. Эту линию Барбюс уверенно начал в «Словах борца», неуклонно и блистательно он проводил ее и во всех последующих своих выступлениях.

«Талант и гений являются высшими формами не только искренности, но еще в большей степени правдивости... Мысль должна быть смелой и неумолимой». Развивая этот довод, Барбюс ставит основной вопрос: с кем же вы, мастера культуры?

«Восстаньте же, наконец, сознательные интеллигенты! Но, прежде всего, не думайте, что достаточно возмутиться в душе. Не думайте, что отныне достаточно лишь добрых намерений: справедлива старая поговорка — ими вымощен земной ад... Ваша идея, какова бы она ни была, — ложь, если она стоит в стороне от жизни. Ваша личность — лишь звено, и вы должны вступить в великую цепь человечества». Эти слова известного манифеста «С ножом в зубах» представляют программу полити-

ческой и литературной работы Барбюса в направлении интеллигенции. Барбюс сумел доказать самым убедительным и понятным для своей аудитории образом, что место честных мастеров культуры — с народом, что их творчество неотделимо от политической борьбы. Барбюс сумел разрушить множество предрассудков, которые опутывали многих буржуазных интеллигентов, мешая им выпрямиться. Роль Барбюса здесь огромна. Как и во всем остальном, здесь за ним была историческая правда, которая придала всем его обращениям к интеллигенции неотразимую убедительность и потрясающую ясность.

Здесь надо вспомнить один излюбленный образ Барбюса — он пользовался им всегда, когда хотел нанести удар трусливому либеральному «гуманизму». Барбюс был гуманистом в самом возвышенном смысле этого слова. Он был воином за счастье человечества и не щадил тех, кто старался уклониться от своего «долга человека». Он называл таких людей «золотой серединой». В борьбе двух миров не может быть «никаких промежуточных позиций»!

«Никакой спокойной золотой середины! Эта третья позиция мнима и призрачна. Те, которые избирают ее, защищают не демократическую свободу, не культуру в опасности, они защищают — временно! — только свое спокойствие». Так говорил Барбюс на Парижском конгрессе в защиту культуры, обращаясь к писателям, которые еще колебались. Мы узнаем в этой четкой формуле Барбюса времен «Слов борца». В своей последней книге Барбюс пишет еще более резко: «Золотая середина, это — реакция, скрывающая свое лицо».

Барбюс, во всем добивавшийся полной ясности, с величайшей настойчивостью разъяснял западным интеллигентам, что не прятаться в скорлупу «промежуточных позиций» надо, а честно и немедленно становиться в ряды борцов антифашистского народного фронта. В борьбе за освобождение человечества, в борьбе против озверелого фашизма не может быть нейтральных. Все, что написал Барбюс, с той или иной стороны доказывает эту верную и ясную мысль.

3

Незаметен и крайне естественен переход от публицистики «Слов борца» к роману «Кларте» (1920), где в художественных образах большой силы ставятся те же животрепещущие вопросы. Перед нами — история человека, который был долгое время подавлен пред-рассудками и в котором постепенно прорывается понимание чудовищности капитализма. Испытание войны коренным образом изменяет его отношение к действительности. Недавно еще обыватель, он становится сознательным противником капитализма. То, к чему звали пламенные «Слова борца», выражено в романе «Кларте» языком сурового и мужественного искусства. Глубочайшее единство пронизывает все стороны творчества Барбюса, изумительно цельного.

В своем известном высказывании о революционном значении творчества Барбюса В. И. Ленин перевел французское название романа «Clarté» словом «Ясность». У нас как-то прошли мимо такой существенной подробности и продолжают называть этот роман «Свет». А дело именно в ясности, в том, что империалистическая война окончательно разъяснила миллионам людей, что капитализм — их смертельный враг. Всю силу своего таланта Барбюс посвятил тому, чтобы поднять до революционной сознательности миллионы Симонов Полен (имя героя «Ясности»), сделать их борцами, доказать им, что «революция есть благо».

Книга написана, как исповедь. События жизни Симона Полен, испытания, через которые прошел этот человек прежде, чем доискался правды, показаны на большом и характерном фоне. Сначала это — мирный, даже сонный провинциальный городок Вивье в предвоенные годы, потом — фронт империалистической войны, где массы Симонов Полен, одетых в солдатские шинели, на опыте узнают, что такое чудовищность капитализма в ее самом последовательном выражении. Описывая Вивье «в ту пору, когда появились первые аэропланы», Барбюс дает очень полную и разнообразную картину провинциальной жизни.

Серьезные противоречия, назревающие даже в этом сонном царстве, выпуклые и яркие характеристики действующих лиц, — все это изображено с той жизненной глубиной, которой всегда отличалось изображение среды у классических французских реалистов. Барбюс выступает здесь, как продолжатель лучших традиций.

Канцелярское ремесло Симона, обреченного корпеть всю жизнь в «стеклянной каморке», обрастает самыми нелепыми иллюзиями. Симон — пролетарий в белом воротничке — отгорожен этими иллюзиями от народа, от рабочих той фабрики, где он тянет свою рабью ляжку. Его привлекает к себе мир богатых, он тянется к вивьерским буржуа, подражает им в одежде, стремится усвоить их взгляды. Традиционный местный праздник, на котором скромный счетовод может увидеть баронессу Гриль, маркиза де Монтион, своего хозяина господина Гозлан, торговца Фонтана («У него лицо бледное, жирное и в складках, как у Будды») и другую местную «знать», кажется ему большим и ярким событием. Симон готов сочувствовать националистической пропаганде господина Жозефа Бонеаса, который основал в Вивье «общество национального пробуждения» — «Реванш». Это льстит самолюбию клерка, это приближает его к хозяевам. В романе прекрасно представлена психология забитого жизнью мелкого человека, стремящегося всплыть на поверхность. Показаны серая скука и пустота существования Симона — все здесь очень бесцветно. Человек придавлен и принижен. Про старого Тюссона, клерка, сказано: «весь день погруженный в цифры, он выплывает из них по вечерам, как утопленник, растерянность и безразличие написаны на его лице», — эту исковерканность человека глубоко чувствует автор романа и он повествует о людях, которых жизнь пригнула к земле, подчеркивая, что за «бедностью их существования» различимо прекрасное «богатство их сердца».

Если в помыслах своих Симон тянется к миру богатых, то в действительности он плотно окружен той самой «толпой», тем самым «простым народом», которого

он всячески сторонится. Своим социальным положением, своими жизненными интересами, своим бытом он связан с массой. В романе показан целый ряд «простых людей», составляющих непосредственное окружение Симона; здесь вырисовываются весьма интересные характеры. Вот ламповщик Петролюс, вконец истрепанный своей работой, исхудавший и озлобленный, он попался на удочку шовинистической пропаганды господина Бонеаса и любит отвести душу самой разухабистой болтовней о реванше. Этого отсталого и темного рабочего, искренне ненавидящего буржуазный строй, искренне возмущающегося несправедливостью, ловко прибрали к рукам молодчики из организации Жозефа Бонеаса, близко напоминающие современных кагуляров. Рядом можно поставить тоже необычайно характерную фигуру кузнеца Брисбиля. Подобно Петролюсу, этот рабочий страстно ненавидит буржуазный мир, но это законное и оправданное негодование выливается у него в совершенно бесплодный анархический бунт. Брисбиль с его отчаянными и в конце-концов никому не страшными выпадами против капиталистов находится в том же глухом тупике, что и Петролюс, обманутый буржуазными националистами. Ряд других фигур романа — Крильон, дядя Эйдо — дополняет картину. В городке, где живет Симон, людям трудно добраться до правды, в затхлой атмосфере Вивье глушится живая мысль, нужна большая встряска, чтобы вывести этот мирок из оцепенения. Роман показывает, как господа Гозланы эксплуатируют темноту и отсталость своих рабочих; они кровно в этой темноте заинтересованы.

Перед взором Симона постоянно возникает «трагическое видение народа». Он каждый день соприкасается с тяжелой жизнью социальных низов, но он делает попытку остаться в стороне, отгородиться от всего стеклянными стенками своей будки на заводе Гозлана. Ведь у него есть иллюзия выйти в люди! И пока он носится с этой иллюзией, самая ощутительная реальность в жизни Симона, — подобно другим «потрясенного своим беспредельным, холодным

одиночеством», — сознание пустоты жизни. Симон мучительно переживает свою отрешенность от большой и яркой жизни, но он покорно мирится с этим («Ах, мы не созданы для крупных событий!»), как и все, кто его окружает. Такова жизнь в Вивье — серая, монотонная, существование людей, пригнущих к самой земле, лишенных света, радости, мужества.

Эту мрачную картину Барбюс рисует не только скупыми, но и тревожащими словами. Он дает не только точнейшее и глубокое реалистическое изображение городка и его обитателей (ярмарка в Вивье, живо напоминающая классическое описание Флобера), но и заставляет нас изведать меру человеческого страдания. Старая барбюсовская тема, тема «Ада», развернута здесь с новой силой и с убедительностью невиданной.

Но и в этом темном захолустье зревают большие события. Сначала пьяный Брисбиль на празднике кричит прямо в лицо Фонтанам и Бонеасам: «Сказать, куда это идет, вот все это?.. В пропасть! Это старое, сгнившее общество, выгодное для всех, кто силен, и делающее остальных дураками! В пропасть... Завтра берегитесь! Завтра...». Как ни голословна эта реплика знаменитого в Вивье пьянчуги, в ней чувствуется нарастание грозы, и она в какой-то степени символична. Забастовка рабочих на фабрике Гозлана представляет невиданное событие в Вивье. Она по-настоящему всколыхнула болото и впервые по-настоящему поставила вопрос о классовой борьбе в захолустном городке. Как бы ни был бесславлен конец забастовки, которую хитрые хозяева ликвидировали тем, что споили своих рабочих вином, — это было огромное и грозное событие, наложившее отпечаток на дальнейшую судьбу Вивье и его обитателей. И, наконец, настоящей грозой, разразившейся над сонным городком, была империалистическая война 1914 года.

Симон, как и многие вивьерцы, становится окопным солдатом, пуалю. Ему приходится пройти через все то, что описано с такою потрясающей силой в «Огне», пережить и предумать все то,

что передумали капрал Бертран и другие люди «Огня». В этом отношении роман «Ясность» непосредственно соприкасается со знаменитой первой книгой Барбюса о войне. Многие здесь прямо повторено, и, как нам кажется, целью художника было дать сжатую выдержку колоссальной панорамы «Огня» для того, чтобы подчеркнуть глубокое единство двух книг, продолжающих одна другую. Перед Симоном Полен возникают вопросы о целях империалистической бойни, об ответственности за эту бойню. Он начинает понимать, что вместе с миллионами других французов он стал жертвой «капиталистического обмана», что французский народ проливает кровь в интересах своих врагов, пожирающихся на войне. Ему становится ясно, что «Франция — это мы», это — народ, а не господа Фонтаны, не реакционные министры вроде господина Пуанкаре.

Параллельно совершаются весьма интересные события в Вивье. Казенные ораторы произносят здесь лицемерные, шовинистические речи, живigkeit которых становится понятной даже очень отсталым слушателям. Парад шовинистического лицемерия показан в романе с большой сатирической силой. Мы видим, как возникает переключка с мыслями солдат на фронте: в захолустном городке также начинают догадываться, что «Франция — это мы», что народ — это не господа Фонтаны.

В романе показана поучительная «эволюция» некоторых героев, с которыми читатель познакомился в самом начале. Мы видим, что крупный торговец Фонтан необычайно разбогател на войне; он разжирел, повышая цены, спекулируя на недостатке продуктов; урапатриотической ложью этот субъект прикрывает самое настоящее мародерство. Что касается «прыщеватого» Бонеаса, то этот кагуляр 1914 года счел за благо «выдержать экзамен на жандармского офицера». Это избавляло «доблестного» националиста от всяких неприятностей фронта и заодно подводило четкий баланс всей его деятельности. Этот молодчик, столь цветисто говоривший об «избранной расе», всегда был «идейно»

близок к охранке. Так, в немногих, но очень метких и точных формулах определяется облик мира, который еще недавно казался Симону очень красивым.

Подготавливается и нарастает полный разрыв между прошлым Симоны Полен, между его иллюзиями и жалкими заблуждениями — и тем, что предстоит ему в будущем.

Страшная контузия, надолго лишившая Симоны сознания, создала некую психологическую пропасть между двумя отрезками его жизни, и после лазарета Симон возвращается в свой городок новым человеком. Теперь он необычайно активен, он стал деятелем и не склонен мириться с ложью и несправедливостью.

«Ты слишком много волнуешься с тех пор, как вернулся», — говорит ему Мари, его жена. В этой скромной реплике, как в капле воды, отражены большие перемены, происшедшие в Симоне.

Еще не совсем оправившийся от перенесенного потрясения, Симон все же полон оптимизма и уверенности: «Я стою на ногах и крепну с каждым днем. Я принадлежу не к тем, кто заканчивает жизнь, а к тем, кто ее начинает». Мы становимся свидетелями долгих раздумий Симоны, долгих его разговоров с самим собой, разговоров, где подняты все вопросы, которые может поднять человек, впервые узнавший правду о капитализме и о революции. Многие здесь приближаются к тому, что сказано в «Словах борца», но все это включено здесь в человеческий характер, в человеческую драму и приобрело поэтому какой-то новый, глубоко интимный оттенок.

Сознание Симоны Полены, очищающееся от предрассудков, приобретает ясность. Барбюс очень талантливо решает здесь психологическую задачу. Как приходит недавно еще невежественный обыватель к пониманию того, что «истина проста», что «истина революционна»? Как узнает он в себе «человека из народа» и догадывается, что его судьба неразрывно связана с судьбой народа? Как приходит он к выводу, что надо «убить капитализм», раз хочешь быть свободным и сделать свой народ счастливым? Ведь величие его родины, его

«лучезарной Франции», это — величие народа! С мудрой, глубокой простотой повествует Барбюс о том, как эта лавина идей захватила его героя, как страшные годы войны подготовили этого «человека из народа» к тому, что он стал сознательным противником капитализма. Перед нами картина полного преобразования человека.

Самой важной чертой нового характера является мужество и уверенность, что прямо противоположно прежнему Симону с его одиночеством и «непомерной печалью». Ясность выпрямляет человека, ясность делает его смелым и сильным. «Я искал, я смутно видел, я сомневался. Теперь я надеюсь», — говорит Симон.

Теперь он знает, что надо «перестроить все сверху донизу». Он знает, что только революция спасет человечество и принесет ему освобождение и мир. «Революция — это порядок».

Симон охвачен переживанием красоты будущего, залитого «ярким светом», великодушных «просторов этого будущего, когда людям станет легко дышать, когда будет расчищен путь от отдельного человека к человечеству». Последние страницы романа «Ясность» солнечны, радостны, и эта радость — мужественна, ибо герой романа понял, что счастье человечества надо завоевать в бою. Герой «Ясности» — это человек, ставший борцом и деятелем.

Поднимаемая вопросы колоссальной важности, роман Барбюса в живых, ясных и патетических образах показывает пробуждение революционного сознания в массах, показывает путь многочисленных незаметных Симонов Полен, становящихся в ряды борцов. Вместе с «Огнем» «Ясность» составляет самое поразительное, глубокое и мощное революционное произведение послевоенной эпохи на Западе.

После «Огня» и «Ясности» Барбюс стал известнейшим писателем и известнейшим революционным деятелем. Группа «Клартэ» и «Ассоциация бывших участников войны» были первыми доказательствами того, как замечательно воплотились в Барбюсе те новые качества писателя-борца, которых он требовал от

всех мастеров культуры, призывая их стать на сторону рабочего класса. Никак нельзя отделить Барбюса-художника, прекрасного художника, от деятеля, организатора борьбы против фашизма. Барбюс был первым западным писателем этого нового типа. Он скоро преодолел двойственность между искусством и действием, которая была серьезной болезнью весьма многих мастеров культуры. Слово Барбюса начало поднимать миллионы людей, ибо оно было словом писателя, беззаветно преданного народу, писателя, вся жизнь которого была без остатка отдана народу. Барбюс был художником большой цельности.

С головой уходит он в политическую работу и на писательство свое смотрит, как на прямое продолжение этой работы. Он ищет такой формы писательства, которая максимально отвечала бы задаче просвещения масс и их революционной организации. В этом плане надо рассматривать все, что вышло из-под его пера. Барбюс был агитатором в самом полном и глубоком значении этого слова. Проза Барбюса, отточенная, чистая и простая, удивительно экономна и целесообразна. Слово всегда бьет прямо в цель. Не превращая в канон и не собираясь считать эту прозу вершиной революционного реализма и единственно возможным его выражением, воздадим должное прекрасному и высокому искусству Барбюса. Оно по-своему грандиозно.

Барбюс не пишет обыкновенных романов или чего-либо напоминающего обыкновенные романы. Он ищет и находит свою очень гибкую и очень живую форму, которая представляет форму «суждения», постоянно длящегося монолога, в котором обсуждаются самые важные, боевые, острые, захватывающие вопросы борьбы за новый мир. Иногда Барбюс мотивирует этот монолог, вводя героя, рассказывающего о жизни, судящего о ней. Иногда он выступает прямо от своего лица. Барбюс был учеником Золя, он был реалистом и давал в своих произведениях полную и верную картину действительности. Любая его вещь основана на колоссальном количестве материа-

ла. Все это предстает у Барбюса не как последовательное реалистическое описание, а как страстная, пронизанная негодованием и пафосом речь революционного агитатора. В этом плане строится каждая вещь Барбюса. Барбюс постоянно вмещивается в изложение событий и фактов, он с величайшим блеском осуществляет эти инверсии, добиваясь подчас поразительного эффекта.

Можно говорить о своеобразной прямолинейности прозы Барбюса. Писатель, сделавший своей творческой программой ясность, стремился к тому, чтобы с возможной простотой, наглядностью, убедительностью раскрыть перед массами важнейшие, самые насущные вопросы борьбы и жизни. В этом смысле искусство Барбюса необычайно строго и не допускает никаких отклонений. Читатель книг Барбюса знает, что в них он встретит целый ряд мыслей, образов, которые, подобно красным линиям (или, если хотите, молниям), пронизывают творчество Барбюса. Есть вещи, о которых Барбюс никогда не устал говорить и которые он никогда не боялся повторять, ибо справедливо считал их неисчерпаемыми. Из них и сложились лейт-мотивы, которые придают произведениям Барбюса такую цельность, стройность и устремленность.

Направление, в котором располагаются все лейт-мотивы Барбюса, это — самое важное и решающее в современной истории, то, что он для всех хотел сделать ясным: борьба двух миров. Напряжение этой борьбы Барбюс постоянно заставляет нас чувствовать, вне этой борьбы нельзя себе представить ни одно его произведение, ни один образ, ни одно слово. И прекрасный, вдохновенный пафос, столь свойственный Барбюсу, и гневный сарказм, которым он так мастерски владел, получают в этой основной и всеобъемлющей теме Барбюса глубочайшее выражение.

Сквозь все, что писал и говорил Барбюс, проходит грозная ненависть к капитализму и фашизму. Трудно назвать писателя, который показал бы с такой силой негодования и с такой жестокой реальностью то, что Барбюс называл «эпохой крови».

«Варварство царит повсюду в наши дни» — говорит Барбюс и самыми страшными, неотвратимыми фактами, огромным количеством фактов разоблачает капитализм. Он доказывает неизбежность краха капитализма, который «катится вниз по всем своим статистическим кривым». Он хочет, чтобы трудящиеся лучше узнали своего врага, он воспитывает в своем читателе презрение и ненависть к этому врагу.

В романе «Звенья» (1924) Барбюс попытался дать огромную историческую панораму, которая охватывает эпохи от деспотий Вавилона и Египта, от древнего Рима и Греции до самой империалистической войны. Вся эта цепь исторических картин связана единством темы: «потревожить мрачное молчание истории» Барбюс решил с целью показать, какую роль всегда играло социальное неравенство, показать уродство общественных отношений, основанных на неравенстве, и страдания угнетенных низов. Барбюс заставляет вспомнить, как много тяжелого, мучительного и страшного было в пред'истории человечества.

Автор стремился показать всю пред'историю человечества для того, чтобы зажечь в своем читателе энтузиазм борьбы, чтобы развернуть перед ним прекрасную и благородную перспективу революции. «Звенья» заканчиваются словами: «Ради мудрости, ради сострадания, восстаньте». Так же точно «Проншествия», — одна из самых глубоких книг Барбюса, книга, в которой капитализм показан во всем его чудовищном безобразии, — посвящались автором «неведомому, многоликому, великому и бесконечному человеческому коллективу». Книга эта проникнута горячей любовью к человеку и верою в то, что человек скоро станет свободен.

Барбюс писал и говорил с одной целью — поднять миллионы людей на борьбу с капитализмом. Самые сильные, незабываемые места книг и выступлений Барбюса, это — контраст между радостной, счастливой, весенней перспективой социализма, к которому он звал человечество, и мерзостью фашистского варварства. Барбюс умел выразить ненависть трудящихся к фашизму и уверенность

их в победе. Он умел показать, что только жестокая и трудная борьба приведет к уничтожению фашистского зверя. С презрением и негодованием говорил он всегда о людях, пытающихся трусливо уклониться от схватки. Он издевался над этими «паффистами».

Спокойствие и покоряющая уверенность слов Барбюса коренятся в его любви к народу, в его ясном убеждении, что «сила народа может пересоздать все».

С прекрасным волнением писатель показал пробуждение народа. «Их глаза уже открылись» — пишет Барбюс о французских солдатах, которых война многому научила и убедила в необходимости и неизбежности революции. Этот образ, появляющийся впервые на последних страницах книги «Огонь», очень часто встречается в дальнейшем. Барбюс любит его не меньше, чем слово «ясность». «Народные массы уже открыли свои глаза» — не раз в различных вариантах это сказано в книге «Слова борца». И, наконец, в последней книге своей, говоря об антифашистском народном фронте, Барбюс пишет: «Есть миллионы глаз, открывающихся под воздействием света». Простой и сильный образ этот — неотъемлемое своеобразие прозы Барбюса. Здесь замечательно выражен ее строгий и чистый пафос.

Барбюс показывает рост революционного сознания в массах, как мудрый наблюдатель, как революционер с широчайшим кругозором, как вдохновенный народный поэт. Он подходит к этой проблеме с разных сторон, если нужно, он погружается в статистические выкладки, — с особым вниманием присматривается он к типу нового человека, который складывается в обстановке борьбы. Глубокими и ясными чертами рисует он эту фигуру.

«Революция, это — выпрямление всемирной жизни» — пишет в одном месте Барбюс. И он, показавший с потрясающей наглядностью, как капитализм коверкает, унижает, пригибает к земле человека, находит чудесные, чистые слова для того, чтобы показать, что революция помогает человеку встать во весь рост. Барбюс умел замечательно

ярко показать своей колоссальной аудитории, сколько радости и весенней свежести содержится в понятии — социализм. Этому грандиозному выпрямлению, этому грядущему счастью человечества он служил всю свою жизнь.

Пробуждение народных масс в его родной Франции и в других странах капитализма вдохновляло Барбюса в его литературном и политическом творчестве. Вместе с тем самой большой и самой яркой надеждой Барбюса была наша великая родина. Он внимательно изучал историю нашей революции и весь ход социалистического строительства, проходившего на его глазах. Образ страны социализма с исключительной яркостью воплощен во многих его произведениях. В этом образе революционный пафос Барбюса получает самое целостное, самое последовательное раскрытие.

Последняя книга Барбюса, самое величественное и прекрасное из его произведений, это — книга о гениальном вожде всего предевого человечества — товарище Сталине. В ней дан яркий и правдивый образ лучшего из людей нашей эпохи. Вместе с тем, это — книга о Советской стране и великих победах социализма, одержанных под руководством Сталина. В этой книге дана солнечная картина нового мира. Здесь нашли законченное и полное выражение самые высокие чаяния писателя, который был мужественным воином за счастье человечества.

Барбюс дает западному читателю живое и ясное представление о том, как под руководством Ленина и Сталина народы Советской страны построили новую жизнь. Книга основана на колоссальном фактическом материале, и в то же время она поэтична в самом высоком смысле этого слова. На одной из последних страниц, завершая картину советской жизни, которую Барбюс написал с таким проникновением и с такой силой, он дает сжатую, ясную формулу:

«Все человеческие умы и сердца устроены одинаково. То, с чем мы обращаемся к ним, очень просто: либо люди должны отказаться жить сообща, либо они должны начать историю заново, взять

курс на великий пример, на зарево пожара.

Русский народ, первым начавший спасать народы, СССР, единственный социалистический опыт, дает реальное, уже построенное доказательство: социализм осуществим на земле.

Результаты социализма — налицо. Вот они. Пусть паяцы и лисы парламентских трибун не пытаются внушить нам, будто это не так. Вот перед нами страна, где в руках двух великих людей сочетались «русский революционный размах с американской деловитостью», страна сознания и долга, — вот она, с ее каждой истины, с ее энтузиазмом, с ее весной.

Она выделяется на карте мира не только тем, что нова, но и тем, что чиста.

Только советская социалистическая власть обеспечила процветание, воспитала гражданские доблести, которые не имеют ничего общего с омерзительным «кодексом чести» бандитов типа Муссолини или типа Стависского, блистающих бок о бок во всех столицах. Октябрьская революция действительно принесла нравственное и общественное очищение, чего не дала поныне ни одна религиозная или политическая реформа: ни христианство, ни реформация, ни «Декларация прав человека и гражданина».

Обращая свой взор к Советской стране, Барбюс всегда как бы светлеет. Он бесконечно любил нашу страну и восторгался ею. Образ СССР вдохновлял Барбюса в борьбе за мир, которую он вел, не покладая рук, в сплочении сил антифашистского народного фронта, которое было делом его жизни. С величайшей уверенностью Барбюс говорил о том, что война, которую стремятся разжечь фашисты, будет их концом, ибо «война, это — также и социальная революция, широко рассеиваемая по бороздам окопов и очагам городов». Разъясняя народам Европы колоссальную роль Советского Союза в деле сохранения ми-

ра, Барбюс с великой гордостью говорил о том, что страна социализма непобедима.

«Если разразится война, СССР будет защищаться, — он будет защищать себя и все будущее человечество, представителем которого он является. Война эта охватит весь мир и в очень многих пунктах из империалистической превратится в революционную, в гражданскую. Это не столько политическая заповедь партии, сколько историческая необходимость. Где пройдет война, там пройдет революция. Опыт послевоенной эпохи ясно показывает нам, как развернутся события при следующей войне, — но только тогда они развернутся более широко и круто. Даже тот, кто хочет уничтожить прогресс, — толкает его вперед.

Но что бы ни таило в себе будущее, если разразится война, — величайшим основанием уверенности советских народов будет Сталин».

★

Три года прошло со дня смерти Анри Барбюса, которого товарищ Сталин охарактеризовал, как «нашего друга, друга рабочего класса Франции, достойного сына французского народа, друга трудящихся всех стран, глашатая единого фронта трудящихся против империалистической войны и фашизма».

В эти годы ширилось и крепло антифашистское движение во всем мире, в эти годы народы Испании и Китая начали героическую борьбу против вооруженных до зубов фашистских интервентов, в эти годы были одержаны новые великие победы на фронте социалистического строительства в нашей стране.

Вдохновенное слово Барбюса звучит среди этих событий, как слово живого. Имя Барбюса зовет на борьбу, пример Барбюса учит миллионы. Слово Барбюса кажется сказанным только вчера, только сегодня, так оно живо, остро, пламенно.

БИБЛИОГРАФИЯ

«КАК МЫ БИЛИ ЯПОНСКИХ САМУРАЕВ», сборник статей и документов.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1938, 339 стр. Тираж 10 000 экз.

Дальний Восток! Внимание всего советского народа было приковано к высотам Заозерной и Безымянной, к озеру Хасан. Грозной волной вздымался гнев народа, священная ненависть против обнаглевших японо-фашистских самураев, посмевших нарушить неприкосновенность советских границ.

Многие миллионы советских патриотов в те дни заявляли о своей готовности, о своем страстном желании участвовать в боях против оголтелых фашистских налетчиков, с оружием в руках защищать родную землю, величие и честь Советской страны.

Край ссылки, каторжный край при проклятом царском режиме — стал родным и близким всем народам Советского Союза.

Подразумеваемая весь Дальний Восток, Владимир Ильич Ленин в речи на пленуме Моссовета сказал проникновенно и тепло:

— Владивосток далеко, но, ведь, это город-то нашенький.

И совсем недавно, в июне 1938 года, Герой Советского Союза Владимир Коккинаки, приземлив свой самолет на одном из аэродромов Дальнего Востока, передал встречавшим его товарищам кипу номеров «Правды», вышедших накануне. Обычно «Правда» доходит только на десятый день.

Коккинаки сказал со своей замечательной веселой и сдержанной усмешкой:

— Ну, что ж, теперь видите, — Дальний Восток перестал быть далеким.

В этих словах выражена победа советской авиации и техники и ее деятелей. В этих словах выражено чувство советского народа, гордого и мудрого хозяина всей советской земли — всех ближних и дальних краев ее.

В умном и взволнованном предисловии к книге «Как мы били японских самураев» А. В. Косарев говорит о советском героизме, об его сути, об его истоках и корнях:

«Коммунизм и героизм связаны неразрывными узлами. Борьба за коммунизм есть героическая борьба».

О героизме, возвращенном партией большевиков, о героическом, беззаветном служении народу замечательно сказал товарищ Сталин в своем ответе на приветствия, присланные в день его пятидесятилетия:

«Ваши поздравления и приветствия отношу на счет великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по образу своему и подобно... Можете не сомневаться, товари-

щи, что я готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей».

Товарищ Сталин, приветствуя всадников Туркмении, говорил о том, что только ясность цели, настойчивость в ее достижении и твердость характера, ломающего все и всяческие препятствия на своем пути, могли обеспечить такую победу. Эти черты прививаются народу большевизмом.

Героика становится нормой поведения каждого гражданина. Наши герои скромны. Наши герои беззаветно преданы делу Ленина — Сталина, своей социалистической родине.

Неувядаемым примером для советского народа, для всех нас служит борьба лучших сынов народа, лучших сынов родины, отдавших свою жизнь за светлое будущее своей родины, всего человечества.

В книге «Как мы били японских самураев» вслед за первым разделом «Любимый край советского народа», дающим полное представление о богатствах края, о его прошлом и героическом настоящем, идет раздел «Штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни». Здесь — повествование о 1918—1922 годах, о предательском нападении японцев с помощью белогвардейцев на Дальний Восток и, наконец, — о разгроме японских интервентов.

«Ни одной пяди своей социалистической родины без боя не уступать, а если под напором огромных сил противника все же должны будем отойти от занятых позиций, то сделать это в последнюю минуту только для того, чтобы, собравшись со свежими силами, вновь ринуться на врага».

Так постановили в 1918 году V съезд Советов Дальнего Востока.

Под знамена Советов встало трудящееся население всего края. Во главе с легендарным героем, большевиком Лазо, дальневосточные партизаны героически боролись против японских интервентов.

Многие наши товарищи пали смертью храбрых в борьбе за родину, против заклятых врагов. Лютой казнью казнили японские изверги попавших в их руки революционеров. Сергей Лазо вместе с товарищами Луцким, Сибирцевым и Андреевым были сожжены в паровозной топке. Японские самураи грабили, насиловали, истязали трудящихся.

Но народ отвечал на все это новым взрывом гнева, подъемом в борьбе — и дальневосточные партизаны вместе с бойцами Красной Армии разгромили японских захватчиков и их приспешников.

Весь советский народ поет песню:

И останутся, как сказка,
Как маяющие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

Выметены за пределы советских земель враги. Они разбиты, но еще существуют. Дальний Восток с его неисчислимыми богатствами пока не дает японским захватчикам.

Для всей нашей страны это были годы мирного строительства. На границах же — доблестные пограничники беспощадно и бесстрашно ликвидировали все вражеские попытки и вылазки японофашистских самураев с их наймитами — всеми этими подлыми белогвардейцами, троцкистами, бухаринцами и др.

В третьем разделе книги — «Предметные уроки японским самураем» — повествование о службе наших пограничников — смелых патриотов.

У всех граждан Советского Союза в памяти подвиг капитана Агеева с его товарищами в бою у пади Мещеряковой в январе 1936 года.

Об этом с негодованием писали японские военные специалисты.

«Капитан Агеев не знает тактики. Он осмелелся с одним взводом выступить против двух рот императорской армии и разбить их. Подобные военные действия весьма рискованны...».

Капитан Агеев красочно и убедительно рассказывает в своей статье о жизни и борьбе пограничников.

Товарищ Сталин учит нас, что до тех пор, пока существует капиталистическое окружение, к нам будут засылаться шпионы, диверсанты, наемные убийцы. Боевые эпизоды, покрывшие неуязвимой славой верных сынов родины — пограничников, — напоминают о бдительности, о боевой готовности. Они же, эти боевые эпизоды, дают нашей молодежи яркие примеры героизма, отваги, мужества.

Пограничник Баранов Василий говорил на границе:

— Если враг придет, ураловцы не подкачают.

— А если умереть придется?

— Что же, — ответил Баранов, — иногда бывает и так — человек умрет, а победит.

Исколотый штыками десятков японцев, он был без сознания унесен в тыл врага. Там его старались подкупить, потом зверски пытали. Но нельзя сломить боевой дух верного сына русского народа. Он умер, но победа осталась за ним.

В четвертом разделе — «Как японские са-

мураи хотели взять сопку Заозерную и что из этого вышло» — даны рассказы и стагги участников боев.

Молодые бойцы Красной Армии воспитаны в духе ее политических и боевых традиций. И мы с чувством радости и счастья узнаем из книги, что командиры, политработники и бойцы — коммунисты, комсомольцы и беспартийные — бросались в атаку на огневые точки самураев с именем Сталина и родины.

— За Сталина, за родину — вперед!

Беспартийные товарищи перед началом боя в исходном положении перед атакой, заявляли о своем желании вступить в партию Ленина—Сталина.

Лейтенант Христолюбов, пять раз раненый в бою, говорил:

— Я иду в бой непартийным большевиком. Вернусь с границы — считайте меня в партии Ленина—Сталина.

Смелый, бесстрашный патриот красноармеец Пятаков был в двух боях ранен пять раз, но не ушел с поля боя до конца сражения.

При штурме высоты Заозерной подразделения сореволюались: кто первым вознесет красное знамя на высоту. Обгащенное кровью, изрешетенное пулями, влажное от дождей знамя развернул заместитель политрука комсомолец Смирнов.

Это знамя прислали рабочие и колхозники Посьета.

Командир танкового подразделения старший лейтенант Сирченко накануне боя лично прополз по всем опасным для танков местам, производя разведку путей.

Раненый, оставив подбитый танк, он встает с помощью товарища и командует:

— За Сталина! За мировую пролетарскую революцию, вперед!

На примерах мужества и героизма участников боев у озера Хасан будут воспитываться многие и многие молодые патриоты.

Но эти бои поучительны еще и тем, что в них выявилась вся мощь и сила всех родов советского оружия. Рассказы, помещенные в книге, дают яркое представление об этой мощи и силе.

Товарищ Сталин учит нас, что слабых бьют. Под руководством партии Ленина—Сталина советский народ построил могучую социалистическую экономику, создал великолепно оснащенную могучую Красную Армию.

«Мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны» — сказал товарищ Сталин.

И бои у озера Хасан — убедительная иллюстрация к этим словам.

Наш народ — непобедим. Его сила — в преданности делу Ленина—Сталина, в сплоченности вокруг партии, вокруг великого и родного Сталина, в политико-моральном единстве партии и народа. В дни «хасанских» боев на сотнях тысяч собраний трудящиеся выражали чувство великого единства народа, чувство гнева и ненависти к врагам.

Пятый раздел сборника, начинающийся очерком депутата Верховного Совета Валентины

Хетагуровой, даст яркое представление об этом.

В дни боев у озера Хасан работала 2-я Сессия Верховного Совета СССР. На Дальнем Востоке гремели орудия, рвались гранаты. Сессия уверенно и спокойно обсуждала вопросы бюджета и другие вопросы текущей жизни, вопросы строительства социализма. И вся страна жила полнокровной могучей жизнью, исполненной грозного мужественного достоинства. Вся страна была уверена в победе над обнаглевшей японской военщиной.

Вся страна, с трепетным волнением следившая за боями на Дальнем Востоке, продолжала мерной поступью свой путь к коммунизму.

Книга «Как мы били японских самураев» дает глубокое удовлетворение чувству советского патриотизма и многому учит.

К достоинствам книги надо отнести содержательную статью «Лицо японского фашизма» Б. Розенцвейга и справку о Квантунской и Корейской армиях.

Оформлена книга хорошо.

С. Б

★

М. ШКАПСКАЯ.—«ЧЕЛОВЕК РАБОТАЕТ ХОРОШО». (ДАЛЬНИЙ ВОСТОК).

Гос. изд-во «Худож. литература», Ленинград, 1938 г., 245 стр. Тираж 10 300 экз. Ц. 3 р. 25 к.

Содержание этой книги четко определяется ее заглавием, а также эпиграфом, в качестве которого взято высказывание товарища Сталина: «И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать, — он герой труда, он овеян славой». Вот о таких героях социалистического труда, овеянных славой, и повествуется в новой книге очерковых рассказов М. Шкапской.

Герои рассказов М. Шкапской взяты из современной действительности Дальнего Востока, который так богат подвигами и необычайными делами своих замечательных людей. Стахановцы социалистических заводов и полей, отважные летчики и бесстрашные подводники, непревзойденные снайперы и самоотверженные торпедисты, смелые рыбаки и неутомимые землекопы, прославленные наркомвнудельцы и возвращенные ими в среду честных людей бывшие преступники, — вот с кем знакомит М. Шкапская в своем произведении.

Творческий труд, доблесть и героизм людей Дальнего Востока проявляются всюду и во всем — в мирной обстановке социалистического строительства, в вооруженной борьбе с врагами, в дремучей, суровой тайге, где «даже птицы не пели», в глубинах тихоокеанских вод.

При всем различии возраста, профессии, национальности, личного характера эти люди — энтузиасты новой жизни — объединяются общим высоким пафосом социалистического строительства, беспредельной любовью к своей родине, твердой решимостью укреплять и защищать ее дальневосточные границы. И еще одно особенное свойство отличает их от невольников капиталистической каторги — радостное ощущение творческого, освобожденного труда.

Вот старая работница деревообделочного цеха, благодаря рационализации и правильной организации трудовых процессов, повысила производительность своего труда до 300 проц. «И гордилась, старая, что сама придумала и что — второе». Вот другой скромный труженик: «ткарь получает листок наряда, чертеж. Но за работу не принимается, пока не обдумает деталь, не закажет приспособления. «Лучше, — говорит, — два часа подумаю, я их верну». И строит строго по операциям, совмещает несколь-

ко в одну, и мелочами в четыре раза увеличил снятие продукции со станка. Он отказался от сверхурочных, а зарабатывать стал больше. И, когда его спрашивают, как он получает такие результаты, — отвечает: «Просто четыреста двадцать минут честно отдаю производству».

Чувство гордости за себя, радость в связи с возможностью полного проявления раскрепощенных творческих сил также глубоко волнует сердце и юной комсомолки-мармеладницы Нasti, и китайца-бахчевника, и железнодорожного костыльщика, и мастера земляных работ, и тихоокеанского подводника. «Жизнь у нас хорошая, — восторженно говорит стрелочница Люба Глав, бывшая воровка и поджигательница, — пути никому не закрыты, стрелки в порядке; заслужи — и пропустят на любую станцию».

Близость к границе, постоянная угроза со стороны зарубежного наглеющего врага еще сильнее поднимает дальневосточных людей на подвиги, на героический труд. Рабочий-стахановец в рассказе «Поспешное время» признается: «А японцы все делают переходы, и у меня начинает на них гореть сердце... И начинаю я связывать — как от нашей быстрой работы зависит отпор, какой мы можем дать врагу». Стахановское движение ширится по всему Дальневосточному краю. Оно всколыхнуло и ряды Дальневосточной Краснознаменной Красной Армии. В рассказе «Три испуга капитана Седых» повествуется о том, как в парторганизации одной красноармейской части обсуждался вопрос о стахановском движении. «Решили: пусть каждый командир-коммунист делает свой взвод стахановским».

И мотивировали:

— Рабочие начали — Красной Армии не отставать».

Красная Армия и весь край живут общими интересами, их творческая работа направляется на общую цель — оборону социалистической родины, они чувствуют ответственность за общее дело и потому повседневно нуждаются во взаимной поддержке.

Эту весьма сложную и напряженную жизнь Дальнего Востока хорошо изучила и знает М. Шкапская.

Жаль только, что автор весьма упростила

свою задачу и в большинстве случаев ограничилась торопливыми портретными зарисовками мужественных людей Дальнего Востока, поверхностным описанием захватывающих событий. Поэтому вместо развернутых, композиционно четких картин жизни даны лишь эскизы отрывочных эпизодов, дана лишь регистрация стахановских рекордов и побед; вместо художественно-полнокровных образов людей — лишь их общие контуры, бледные силуэты. Показывая героев труда, оваянных славой, М. Шкапская с увлечением констатирует их подвиги и достижения, но уклоняется от художественного показа их внутреннего роста. «День за днем незаметно идут, день за днем новому учишься, сам себя за голову берешь: я или не я, на глазах сам у себя растешь, и уже на две головы умнее становишься» — уверяет один из героев. Читатель хочет ему верить. И жаль, что автор не помогает читателю в этом художественными средствами, а идет по линии наименьшего сопротивления.

Богатый, увлекательный материал жизни подчинил его себе. Соблазнившись необычайной красотой и содержательностью изображаемой жизни, М. Шкапская часто лишь эмпирически воспроизводит ее. Так художник слона снижает до уровня переписчика, снимающего копию и заверяющего ее: «с подлинным верно». Но ведь в искусстве копии всегда тусклее подлинника, бледнее оригинала.

М. Шкапская, несомненно, могла бы лучше овладеть замечательным материалом, имеющим

ся в ее распоряжении, могла бы претворить его в более яркие, художественно-значимые образы. Для этого у нее имеются творческие возможности и способности: острота и зоркость художественного зрения, способность выявлять наиболее характерное и важное, высокий уровень общей культуры. Эти положительные качества писательницы отчасти оказались в лучших ее рассказах: «От природы», «Член правительства», «Тебе ж плавать», «Нечто от искусства». (Сборник «Человек работает хорошо»).

Владеет автор и литературным языком, но тем более досадны встречающиеся в сборнике отдельные стилистические шероховатости (стояли «не досыта сытые», «наука управления нашими советскими приемами») и не всегда удачные метафоры и сравнения (напр., сознательные стахановцы «работали, как звери»). Напрасно также автор засоряет речь своих героев из народа неправильными, чрезмерно искаженными словами и выражениями, мало характерными для них по существу.

Книгу о героических людях нашего Дальнего Востока прочтут многие с интересом и пользой для себя. Однако крайне жаль, что бы на ее основе была написана М. Шкапской другая книга, удовлетворяющая более повышенным требованиям. Необходимо эскизно-портретные зарисовки превратить в художественно-полноценные, законченные образы героев Сталинской эпохи.

П. Березов.

Н. П. ОГАРЕВ. ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ.

Под ред. Я. Э. Черняка. М. Гос. изд. «Художественная литература». 1938. 438 стр.

Тир. 10.000 экз. Ц. 6 р.

В 1856 г., когда вышло первое издание стихотворений Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевский, отзываясь на него, писал в «Современнике»:

«Холодно будут тогда (лет через 20—30) вспоминать или вовсе не будут вспоминать о многих из поэтов, кажущихся нам теперь достойными панегириков, но с любовью будут произносить и часто будут произносить имя г. Огарева, и позабыто оно будет разве тогда, когда забудется наш язык».

Это предсказание Чернышевского оказалось не вполне верным. В течение многих лет Огарев был забыт. Его знали лишь по имени, как ближайшего соратника Герцена. С поэзией же его были знакомы только немногие, и еще меньше было людей, осведомленных о его публицистических произведениях, печатавшихся, главным образом, на страницах почти недоступного рядовому читателю нелегального «Колокола».

Между тем Чернышевский был вполне прав, утверждая, что поэзия Огарева не должна быть забыта. На это Огарев имеет право как поэт, обладавший, несомненно, ярким и своеобразным дарованием. Крайне интересна и биография человека, отдавшего все свои силы

и всю свою жизнь на борьбу против самодержавия и крепостничества.

Вследствие этого можно с большим удовлетворением констатировать, что в наши дни предсказание Чернышевского начинает оправдываться. Об Огареве вспоминают все чаще и чаще. В серии «Библиотека поэта» вышли 1-й том полного собрания стихотворений Огарева и сборник его избранных поэтических произведений. Рецензируемая книга также дает только избранные стихотворения и поэмы Огарева, но в ней его поэзия представлена значительно шире, нежели в маленьком сборнике «Библиотеки поэта». Выход этих изданий значительно облегчает читателям ознакомление с поэтическим наследием Огарева.

Переходя к оценке книги, вышедшей под редакцией Я. Э. Черняка, необходимо отметить, что подбор произведений Огарева в общем произведен в ней удачно. Если в нее включено несколько слабых по выполнению стихотворений, то число их невелико, и, не имея большого художественного значения, они интересны для читателей частью в политическом отношении, частью с психологической стороны. Некоторые же из помещенных здесь стихотворений Огарева печатаются впервые.

Серьезные возражения вызывает произведенная редактором разбивка стихотворений Огарева по разделам. Достаточно ознакомиться с заголовками последних, чтобы убедиться, что разделение произведено часто по совершенно случайным признакам («Политические стихотворения», «Лирические стихотворения», «Из стихотворений последних лет», «Полемика, эпиграммы, шутки» и «Поэмы»). В стихотворениях Огарева отделить «политику» от «лирики» во многих случаях невозможно, а такая рубрика, как «Из стихотворений последних лет», имеет искусственный характер.

В поэзии Огарева отчетливо проявляются две струи: с одной стороны, жгучая ненависть к старому миру, глубокое убеждение в его обреченности и сознание неизбежности социального переворота; с другой — то, что Белинский называл «гамлетизмом», а Герцен характеризовал, как «монашескую пассивность», бывшую, по его словам, «злым духом Огарева». Сомнения, колебания, неуверенность в своих силах и в успешном исходе борьбы и, как вывод отсюда, проповедь служения («смиренье в душу вложено») переплетаются в поэзии Огарева с призывами к политической активности и революционному действию. Для того, чтобы разобраться в поэтическом наследстве Огарева, необходимо понять причины той двойственности, которую читатель находит в ней и объяснения которой надлежит искать в общих социально-политических условиях николаевской эпохи. Политический путь Огарева, как и Герцена, не был прямым. Не меньше, чем Герцену, ему были свойственны те колебания между либерализмом и демократизмом, о которых говорит В. И. Ленин в своей статье «Памяти Герцена». Крах «буржуазных тенденций в социализме», по выражению Ленина, с не меньшей силой проявился в мирозерцании Огарева, чем Герцена. Недаром Герцен имел полное право назвать себя и Огарева двумя темами одной и той же поэмы.

Если с этой точки зрения подойти к вступительной статье, которую мы находим в рецензируемом издании, то придется признать, что она не вполне удовлетворяет требованиям, которые вправе предъявить ей читатель. Хотя автор статьи и сознает намеченную выше двойственность поэзии Огарева, он тем не менее не дает ей достаточно четкого объяснения. Мало этого, ему не чужда тенденция затушевывать срывы в сторону либерализма, которые были у Огарева. В его изображении политический путь Огарева получается гораздо более прямым, нежели он был в действительности. Стремление преувеличить революционность Огарева и затушевать его либеральные иллюзии наблюдается как во вступительной статье, так и в комментариях, которыми снабжены приводимые в рассматриваемом издании стихотворения Огарева. Между тем живой, действительный Огарев только под самый конец своей жизни убедился в неизбежности революционного пути; до этого же он постоянно колебался, не решаясь окончательно расстаться с надеждой на возможность мирного исхода и ме-

чая, что царь и дворянство под напором общественного мнения вынуждены будут пойти на уступки и отказаться от своих нрав в пользу народа. Этим и обуславливались различные фантастические планы, с которыми выступал Огарев, — вроде, например, основания общественного банка в целях выкупа у помещиков земли для передачи ее крестьянам или подачи «всеподданнейшего адреса» царю с изложением необходимых для России реформ.

Упрощение очень сложной в действительности политической эволюции Огарева и преувеличение его революционности — основной недостаток не только вступительной статьи, но и примечаний, касающихся отдельных произведений Огарева.

В остальном эти примечания в общем составлены со знанием дела. В частности, они свидетельствуют о большой работе редакции по датировке тех произведений Огарева, время написания которых было до сих пор неизвестно. Однако наряду с этим нельзя не отметить, что примечания, как и в других аналогичных изданиях классиков, перегружены излишними подробностями. Так, следовало бы сократить без нужды длинные цитаты из Герцена и других источников и устранить ряд имеющихся в примечаниях повторов. О влиянии на Огарева и Герцена декабристов и об их взаимоотношениях с Грановским достаточно было сказать один раз, а не возвращаться многократно к этим вопросам. Нет необходимости и дважды рассказывать о сближении Огарева с Мери Сертерленд, — причем в одном случае начало их знакомства отнесено на 1859 г. (что правильно), а в другом — на 1858 г.

Можно найти в примечаниях и некоторые погрешности и ошибки фактического характера. Так, например, много неточностей содержит в себе примечания, в которых затронут вопрос о «Земле и Воле» и об отношении к этой организации Огарева. Датируя летом 1862 г. стихотворение «Вихрь», комментатор поясняет, что оно было написано Огаревым под впечатлением «разгрома революционных организаций, в особенности «Земли и Воли», одним из руководителей которой он был». В этом утверждении — три ошибки: во-первых «Земля и Воля» разгромлена не была, а самоупразднилась под влиянием разочарования в возможности всенародной революции в России; во-вторых, ликвидация этого общества произошла не в 1862, а в конце 1863 года; и, в-третьих, называть Огарева одним из «руководителей» этого общества, значит извращать отношения, существовавшие между «Землей и Волей» и редакторами «Колокола». Ни Огарев, ни Герцен на руководство деятельностью революционных организаций, действовавших в России, не претендовали, считая, что руководить ими могут лишь люди, находящиеся в России. Комментируя стихотворение «Что за год бесчеловечный», относящееся к 1862 г., комментатор поясняет, что этот год был «годом жестокой расправы правительства с революционным движением. В этот период был арестован Н. Г. Чернышевский, разгромлена «Земля и Воля», подавлены

студенческие волнения, арестован и выслан в сибирские рудники... И. Л. Михайлов (очевидно, опечатка: М. Л. Михайлов), расстрелян крестьянин Антон Петров — участник знаменитого крестьянского восстания в селе Бездна, и т. д.». Из всех перечисленных комментатором событий на 1862 г. приходится только арест Чернышевского. «Земля и Воля», как уже сказано, ликвидировалась в 1863 г., а подавление студенческих волнений, арест и высылка Михайлова и расстрел Петрова относятся к 1861 году. Между тем те многочисленные репрессивные акты, которые относятся, действительно, к 1862 г. и которые вполне оправдывают название этого года «бесчеловечным», почему-то комментатором не указаны.

Трудно думать, чтобы комментатор не знал

всего только-что сказанного; скорее мы имеем в данном случае дело с неряшливостью, нежели с незнанием. Такой же неряшливостью приходится объяснять отсутствие достаточно четкого определения политической позиции различных лиц, упоминаемых в примечаниях. И Валуев, и кн. Черкасский, и Ростовцев, и Муравьев-вешатель отнесены комментатором одинаково к числу реакционеров и крепостников. Борьба, происходившая внутри дворянства в связи с подготовкой отмены крепостного права, тем самым полностью игнорируется.

Таким образом, приходится признать, что комментарию много выиграли бы, если бы подверглись серьезной редакторской правке.

Б. Козьмин.

РИЧАРД РАЙТ. «ДЕТИ ДЯДИ ТОМА».

«Интернациональная литература», 1938, № 7.

Опубликованный в «Интернациональной литературе» сборник новелл негритянского писателя Ричарда Райта «Дети дяди Тома» — глубокая волнующая книга. Ее появление — радостное событие для мировской прогрессивной литературы.

Имя Ричарда Райта, молодого негритянского писателя-коммуниста, впервые появляется на страницах наших журналов. Мы, вообще, до обидного мало знаем негритянскую литературу. За исключением романов Клода Мак-Кея, Уолтера Уайта, Дж. Фоссета и некоторых стихов современных негритянских поэтов, в особенности Ленгстона Хьюза, на русском языке за многие годы ничего не появилось. Тем радостней для нас появление нового писателя негритянского народа, писателя с незаурядным талантом и ярким темпераментом борца-революционера.

«Дети дяди Тома» — назвал Райт сборник своих новелл! Кто не помнит трогательной и сентиментальной повести Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»! Кто не проливал в детстве слез над горькой участью страдальца Тома! Кого не умилял трогательный образ малышки Евы, этого «ангела во плоти»! Кто не трепетал за судьбу красавца Джорджа, не тосковал вместе с теткой Хлоей над трупом ее мужа-негра! В агитации за освобождение от рабства южноамериканских негров книга Бичер-Стоу сыграла известную положительную роль. Но ее проповедь христианского терпения, покорности и всепрощения, ее ханжеское смиренномудрие были определено вредны, разоружали негритянский народ в его борьбе с поработителями. Возведенный в идеал образ христианского мученика негра Тома ни в какой степени не отражал подлинного лица негритянского народа, борющегося за свое освобождение. Книга Бичер-Стоу взывала к жалости и состраданию белых, оставляя на долю рабов покорность, терпение и надежду на то, что «претерпевший до конца спасется» (Бичер-Стоу, «Хижина дяди

Тома», изд. т-ва Кушнарев и К°, 1907 г., стр. 324).

Райт противопоставляет поколению долготерпеливого христианина Тома новое поколение негритянского народа, поколение детей дяди Тома, не зараженное христианскими бацилами «непротивления злу», не склоняющее смиренного голову перед белыми господами, а бурно и гневно протестующее против расового и классового насилия.

Для этого поколения «дядя Том» стал презрительной, позорной кличкой, символом пресмыкания перед властью имущими, потери чувства человеческого достоинства и национальной гордости. Энергия, мужество, воля к борьбе, ярко выраженное чувство собственного достоинства — характерные черты героев Райта.

Под общим названием «Дети дяди Тома» Райт объединил четыре новеллы: «Биг бой покидает дом», «На берегу реки», «Тучи и пламя», «Утренняя звезда».

Четыре черных подростка резвятся и играют в лесу. Они наслаждаются природой, свободой от надзора старших, приятным ощущением своего здоровья и молодости. Хорошо искупаться! Но ручей протекает по владению белого. Там их видит белая женщина. Ребята хотят взять свою одежду, лежащую под деревом, около которого стоит женщина. Она кричит. Выбежавший на крик женщины белый мужчина убивает одного за другим двух ребят. Двое других вступают с ним в борьбу и, наконец, один из них убивает белого. Ребята бегут. Одному удается скрыться из поселка, другой подвергается суду Линча. Его обливают дегтем и сжигают. Таково содержание новеллы «Биг бой покидает дом».

Бессмысленность нелепого убийства двух ни в чем не повинных подростков, дикая сцена суда Линча над ребенком Бобом выступают на фоне мирной, богатой и радостной природы особенно трагично. Несколько страниц этого рассказа говорят о бесправии и беззащитности

черного населения, перед лицом белых эксплуататоров гораздо больше, чем горы специальных трудов о положении негров в Южных Штатах Америки. Картина суда Линча над маленьким Бобом — одна из самых волнующих и страшных страниц в книге.

Интересен образ главного героя этой новеллы — мальчика Биг боя. Биг бой смел и энергичен. Он, не колеблясь, бросается на вооруженного белого человека, чтобы отстоять жизнь товарищей. Он убивает гигантскую змею, занявшую яму, где он должен был укрыться от погони белых. Он борется и душит собаку, которая могла открыть его убежище. С недетской силой и горечью переживает он гибель своего товарища, маленького Боба. Биг бою удалось спастись от суда Линча. И читатель верит, что он пробьется на правильный путь. Такие недешево отдадут свою жизнь и свободу.

У негра Менна больна жена: она уже четыре дня мучается в родах. Но Мени не может доставить ее в больницу, где бы ей оказали необходимую помощь: в Саус-Энде наводнение, а у него нет лодки, чтобы переправиться в город. Брат Менна похищает лодку у белого, почтового чиновника Хартфила. По дороге в больницу Мени попадает на глаза хозяину лодки, тот стреляет. Обороняясь, Мени убивает Хартфила. Жена Менна умирает. Мужественно и самоотверженно работает Мени по спасению погибающих от наводнения. В числе других спасает он и вдову Хартфила с двумя детьми. По доносу сына Хартфила Менна арестовывают и «пускают в расход» («На берегу реки»).

Сурово и просто рассказывает Райт эту страшную повесть. Мени кроток и беззлобен. Он способен на большую любовь, дружбу, самопожертвование. Он — нежный отец и муж. Он не совершал преступления, он только оборонялся. И вот его ведут на расстрел. «Он побрел ошупью, сгорбившись, изо рта у него лилась кровь, руки болтались. Солдат было четверо, и он шел между ними. Слезы застилали ему глаза. Справа под горой колыхалось бурное море, оно доходило до колеблющегося неба. И там были лодки, белые лодки, свободные лодки, подпрыгивавшие и нырявшие, точно рыбы. Там лодки, а его ведут на смерть... Два солдата плыли впереди него, и за спиной он слышал еще двух. Он шел между ними, не останавливаясь, и солнце сыпало желтые блески ему в глаза. Его ведут на смерть! На смерть... Колени у него подогнулись, и он упал ничком. Мгновение он как-будто не думал. Потом, собрав всю силу своих легких, он крикнул:

«— Господи, не дай им убить меня! Довольно им убивать черных людей!..».

Пули солдат настигают Менна. Мертвого сбрасывают его в реку.

Новелла «Тучи и пламя» показывает процесс роста классового сознания негритянских трудящихся масс, рост их боевых революционных настроений, процесс перехода от расовой борьбы к борьбе классовой, первые попытки совместной борьбы белых и черных трудящихся против угнетателей.

В центре новеллы — фигура негритянского пастора Тейлора. Тейлор любит свой народ, болеет его горестями, мучается и страдает вместе с ним. Негры голодают... Белые хозяева отняли у них пашни и луга, обрели их на медленное вымирание. Пастор взывает к милосердию и совести белых, к человеческой справедливости. Напрасный труд! И все же Тейлор колеблется вступить на путь открытой борьбы с ними, куда его призывают руководители революционных организаций города: «Я христианин, братья, я не могу проливать кровь» — отвечает он на все убеждения открыто примкнуть к красным и выступить против угнетателей. Но логика классовой борьбы заставляет его постепенно изменить свое отношение к жизни, свои убеждения. Белые хозяева переходят в наступление. В ночь перед созываемой красными демонстрацией городской власти по-одиночке вылавливают «смутьянов», их избивают, издеваются над ними, а наиболее «опасных» бросают в тюрьму. Пастора Тейлора также избивают. В нем происходит глубокий внутренний переворот, он начинает понимать многое, что раньше казалось ему таким далеким и неясным.

«Мы должны быть вместе со своим народом, сынок, — говорит он своему сыну. — Слишком долго мы шли одни, и потому белые нас били, а мы смирились и просили пощады. И тогда они убивали нас, как собак... Народ, только народ должен быть всем в нашей жизни... Мы не можем помочь ни себе, ни другим, пока мы одни... Народ — это сила, воля, мощь, народ — это все!».

Демонстрация состоялась. К поднявшимся неграм присоединились и белые бедняки.

«Тейлор задрожал, глядя, как два потока сливались в один, как разбухала двигавшаяся в городе толпа. Он глядел вперед и видел толпу белых и черных, и он глядел назад и видел толпу белых и черных...».

Мощным потоком текли массы по улицам города, и никто не мог остановить движение этого потока.

«Огромная светлая радость охватила Тейлора. Он не отрывал глаз от этого моря белых и черных лиц. Песня росла и ширилась и звонкой дрожью отдавалась у него в груди. Вот он — путь! — думал он... — Свободы добьется сильный!».

«Свободы добьется сильный», «Мы должны быть все вместе», «Народ — это все», — как не похоже это на слащавую, слезливую проповедь дяди Тома. Эти мысли говорят о высокой классовой зрелости восставших масс, о правильности выбранного ими пути. «Тучи и пламя» — необычайно оптимистическая, жизнеутверждающая новелла.

Наиболее задушевным и лиричным, но в то же время и наиболее действенным, боевым произведением Райта является его новелла «Утренняя звезда». У тетюшки Сю два сына: Сег и Джони бой. Оба — коммунисты. Сег сидит в тюрьме за нелегальную партийную работу. Джони бой продолжает его дело. По мере сил тетюшка Сю помогает сыну. Она никогда не удерживает сына от риска, от опасно-

сти. Она знает: Джони бой должен выполнять свой революционный долг. И она гордится своими смелыми и мужественными сыновьями. Когда Джони бой попадает в лапы полиции, тетушка Сю, избитая полицейскими, обессиленная, случайно выдает провокатору имена активных членов мартии. Чтобы спасти выданных ею людей, она пробирается в полицию и там убивает провокатора в тот момент, когда он должен был передать шерифу имена «государственных преступников». Таково вкратце содержание новеллы.

Образ тетушки Сю, мужественной матери-революционерки, идущей в одном строю со своими сыновьями-коммунистами и погибающей за великое дело народного освобождения, перекликается с незабываемым образом Пелагеи Ниловны из «Матери» Горького.

Из забитой, темной старухи, боящейся всего и всех, Ниловна становится мужественной и стойкой революционеркой. Из любви к сыну пытается Ниловна познать ту правду, за которую он готов идти на смерть, и она познает ее. Она подхватывает знамя, падающее из рук сына, она стремится открыть его правду всему миру. Пойманная шпиками на вокзале, избитая, растерзанная Ниловна кричит своим палачам, окружающим людям, всему свету:

«Душу воскресшую не убьют!».

«Не зальют кровью разума!».

«Морями крови не угасят правды!».

Эту высокую правду знает и тетушка Сю. Как и Ниловна, не сразу, постепенно преодолевая свои предрассудки и темноту, пробивается она к ней. Райт прекрасно показал этот процесс прозрения, просветления старой негритянки.

«Господи, Джони бой, — говаривала она, — пусть-ка эти белые попробуют, заставят меня сказать, кто в партии и кто нет. Пусть только попробуют; они еще не знают, что может сделать негритянка!».

И тетушка Сю показала, на что способна негритянка. Ее, старую женщину, мучают, избивают, требуя сообщить местопребывание сына и имена его товарищей. Но она молчит. В полиции ее заставляют уговорить сына выдать товарищей. Старуха снова молчит, несмотря на то, что на ее глазах истязают, калечат, уродуют самое дорогое для нее в мире существо. И только, убив шпиона, она чувствует, что теперь может умереть спокойно. Ее расстреливают. Но

ее смерть — ее моральная победа. «Вы не добились, чего хотели! И никогда не добьетесь!» — шептала она, умирая.

С книгой Ричарда Райта в негритянской литературе появляются новые герои и новые мотивы. Герой-одиночка, поднявшийся благодаря своему таланту выше окружающей его среды, пробивший себе дорогу к белым и страдающий от их непонимания, ненависти и презрения, герой, оторванный по существу от своего народа, которого мы встречаем на страницах негритянских романов, уступает место героям, тесно связанным с народом, живущим с ним одной жизнью, самому народу, борющемуся за свою независимость. Мотивы расового противопоставления черных белым, мотивы борьбы за выявление так называемого «негритянского гения», которыми заражены были представители «молодого поколения» негритянской литературы (Мак-Кей, Куллен, Тумер, ранний Хьюз, Фишер), сменяются мотивами классовой борьбы, народного самоопределения, международной солидарности.

Райт — не начинающий ученик в литературе. Это вполне зрелый, сложившийся мастер со своим своеобразным стилем и языком. Стиль Райта необычайно динамичен. События развертываются стремительно. Характер героев раскрывается в действии. Скупость описаний, характеристик восполняется их яркостью и остротой. Язык Райта прост и поэтичен. Мотивы народной поэзии тесно слетаются с повествованием. Песня органически включается в повествовательную ткань. Чувствуется опытная рука поэта (Райт начал свою литературную деятельность стихами), прекрасно знающего народную поэзию, впитавшего ее в свое творчество.

В совершенстве владеет Райт и мастерством диалога, он у него динамичен и отточен: ничего лишнего, ненужного, затемняющего смысл.

Книга Райта — незаурядное явление. Своей новой тематикой, новой идеологической направленностью, новыми героями она знаменует новый этап в развитии негритянской литературы — разрыв с расовой ограниченностью, выход из узкого круга проблем «негритянского гетто» и включение в общий поток мировой пролетарской литературы.

Книгу Райта нужно всячески рекомендовать советскому читателю, а для этого ее нужно скорее выпустить отдельным изданием.

С. Востокова.

★

ГУСТАВ РЕГЛЕР. «ПОСЕВ».

Перевод с немецкого Я. И. Рецкера. Журнально-газетное объединение, 1937 г., стр. 365.

Тираж 20 тыс. Ц. 2 р. 50 к.

«Вы можете закрыть границы, — говорил Густав Реглер на Парижском конгрессе писателей в защиту культуры в 1935 году, адресуясь к фашистским угнетателям германского народа, — наша литература их все-таки перейдет. Вы могли убить Мюсама, в ваших руках Осецкий и Ренн, но вы не заткнете нам глотки, вы никогда не задушите в нас ни любви к

рабочему народу, ни мучительного пламени нашей страсти к истине!».

Любовь к рабочему народу и пламенные поиски истины привели Густава Реглера в коммунистический лагерь. Коммунист Реглер бежал из фашистской Германии, где он принимал непосредственное участие в организации единого антифашистского фронта в Саарской области и

в борьбе против присоединения Саара к Германии.

Любовь к рабочему народу и пламенные поиски истины привели Густава Реглера на передовые позиции антифашистской борьбы — в ряды республиканской армии Испании. Тяжело раненный осколками снаряда (рядом с ним был убит легендарный генерал Лукач (Матэ Залка), Густав Реглер — политический комиссар Интернациональной бригады — мужественно сражался с мировым фашизмом на фронтах народной Испании.

Неустанную борьбу с фашизмом ведет Густав Реглер и в своей писательской деятельности.

Революционной страстью и непримиримостью к врагам трудящихся проникнут роман Реглера «Посев», посвященный эпохе крестьянской войны в Германии в XV—XVI вв. Это — книга социальных конфликтов, пропитанная суровым духом средних веков. Как живые, встают перед нами мрачные картины средневекового гнета, когда крестьян за малейшую провинность подвергали жестоким истязаниям, когда по приказанию дворян и попов палачи отрубали у крестьян руки за то, что они из глубокой нужды осмелились подстрелить в господском лесу птицу или срубить дерево. Крестьян душили бесконечными поборами дворяне, князья и попы, над ними глумились фохты — наместники князей — пользовавшиеся правом первой ночи. За малейший протест в защиту своего человеческого достоинства их гноили в страшных подземельях епископских и княжеских замков.

Злоба и ненависть накапливались в сердцах обездоленных людей, толкали их к восстаниям против угнетателей.

«Посев» начинается с поражения крестьянского движения, организованного Союзом Башмака под Шлеттштадтом в 1493 г., с расправы над повстанцами.

И уже с самого начала читатель захвачен мужественностью, силой воли и революционной самоотверженностью повстанцев. «По улице несли рысью отряд всадников. Рядом с лошадьми бежали, привязанные веревками к седлам, человек двадцать крестьян. Желая показать свое усердие перед сеньором и судом, рейтары прищипывали коней и пиками били крестьян по голове. Из облака пыли, поднятого лошадьми, раздался крик. Ставшая на дыбы лошадь опрокинула одного из крестьян. Не обращая на это внимания, солдаты доскакали до места, волоча за собой по земле на туго натянутой веревке израненного человека. Почти у самого стола они остановились, подняли свои пики в знак приветствия и, отвязав от седел концы веревки, бросили их профосу».

Приговор краток. «Всех восемнадцать — под топор...». Глухие, шлепающие удары падающих человеческих голов, а перед столом господского суда, грубо схваченный ландскнехтами, стоит уже новый человек — пекарь Михаэль Венделин. «Одна рука его была поднята вверх, как бы для клятвы... Вот он зазвучал снова, голос крестьянского Башмака, голос права... Он про-

звучал громче, чем крики умирающих, даже громче, чем поповская ложь и приговор суда, — это был священный голос восстания, голос непреклонной решимости».

Эта решимость была, действительно, непреклонной. Крестьянская война не прекращалась, несмотря на зверскую расправу победителей. С конца 90-х гг. XV века все с новой и новой силой возникали крестьянские заговоры и восстания.

Художественная литература не богата произведениями, освещающими эти исторические события средневековой Германии. Основной недостаток, например, драмы Лассала «Франц фон-Зикинген», построенной на этом материале, в том, что автор не уделал должного внимания крестьянскому движению. Лассаль, по мнению Маркса и Энгельса, не сумел оттенить «с достаточной силой... бурно разлившийся уже тогда поток крестьянских движений... Привлечение тогдашней поразительно пестрой плебейской общественности, — писал Энгельс Лассалу, — дало бы совершенно иной материал для оживления драмы».

Заслуга Густава Реглера в том, что он с большой творческой силой и проникновенностью сумел показать именно крестьянское движение конца XV и начала XVI вв., к которому прикнули и плебейские элементы города.

В книге Реглера оживают колоритные фигуры людей эпохи Крестьянской войны в Германии, многочисленных и разнообразных участников крестьянского движения: они обрисованы автором скупно, но поразительно красочно. Здесь и бродяга Лоренс с картонным ухом, поплававшийся своим собственным ухом за то, что «сеял смуту на рынках и в трактирах». Здесь и обманутые наемные солдаты (ландскнехты) императора Максимилиана, а среди них вечно бахвалившийся Адольберт — «Пустая кишка», как в сердцах называли его товарищи. За минуту до смерти, истекая кровью, этот простой парень совершает подвиг, проявляет стратегический гений полководца, спасая ландскнехтское войско, своих товарищей от поголовного уничтожения турецкими янычарами. Здесь много и других характерных плебейских и крестьянских образов той эпохи. Но центральное место в романе занимает образ крестьянского вождя Йосса Фрица — восстановителя Союза Башмака на Верхнем Рейне. Йосс постепенно сбрашивает с себя наносную шелуху всяческих заблуждений (шовинизм, преданность императору, религиозные увлечения). Он проходит долгий путь борьбы, испытаний и неудач, прежде чем становится убежденным борцом, вождем крестьянского движения.

Казнь одного из главарей крестьянской войны Вельтина (суд господ приговорил его к ужасной смерти: «разрубить на четыре части и выставить труп на виселице на трое суток в назидание всему народу»), мужественный героизм этого бойца, не перестававшего, несмотря на страшные мучения, кричать с эшафота: «А все-таки Союз Башмака будет жить!» — потрясла Йосса. После казни Вельтина Йосс Фриц окончательно утвердился в

правильности избранного им пути и стал тем революционером, о котором Реглер взволнованно пишет:

«Быть революционером — это значит: засыпая, еще думать о враге, и, просыпаясь, уже снова видеть зажженное рукою мстителя пламя... Они живут лихорадочным ожиданием будущего, и единственная их награда — дожидаться часа восстания. Там, где они появляются, преобразается мир, ибо там ничтожное сегодня сталкивается с обновленным завтра».

Иосс Фриц и его друг Мартин день и ночь находятся в пути, умело используя все обстоятельства для агитации среди крестьян, для вербовки членов в Союз Башмака и подготовки нового восстания.

У бесправных и голодных крестьян есть одно лишь утешение — молитва, церковь. Но всемогущий папа лишает их и этой единственной радости. Для пущего устрашения народа папа, не удовлетворяясь многочисленными персональными отлучениями крестьян от церкви, объявил интердикт — отлучение от церкви — всего населения Шпейерской области.

Иосс и Мартин использовали интердикт для разоблачения корысти и лицемерия попов. Они проводили большую разъяснительную работу среди обескураженных гневом папы крестьян и превращали «деревенскую тишь в грозный гул, а испосланную папой кару — в насилие всех тиранов...». Под влиянием Иосса и Мартина отлученные от церкви крестьяне с оружием в руках заставляли попов отпевать покойников и крестить младенцев.

На собраниях прихожан, устраиваемых самовольно, вопреки запрещению папы, заговорщики из Союза Башмака умело вели свою агитацию, а когда появлялся по вызову попов разъяренный фохт с вооруженными рейтарами, чтобы разогнать смутьянов, прихожане опускались на колени. Один из крестьян, стоя на бочке, читал им молитву. Сбитые с толку рейтары не решались напасть на молящихся.

Повсеместные революционные, хотя по-своему и своеобразные, выступления крестьян против интердикта, подготовленные агентами Иосса, заставили, наконец, папу отменить интердикт. Но посев Иосса и его друзей не пропал даром. Многие из крестьян, наслушавшись речей членов Союза Башмака об алчности, развратности и продажности духовенства, стали «еретиками» и уже почти равнодушно встретили весть об отмене интердикта. В те дни среди крестьян распространялась листовка, в которой было написано:

К чему налог нам мов-стырский?
Умеем сами мы молиться.
И пожелаем — в божий дом
Дорогу сами мы найдем...
Зачем несем мы господину
И барщину, и десятину?
Мы, наконец, желаем сами
Быть над собою господами.

Когда в лютую, страшную зиму 1501 года в нетопленых крестьянских домах остро чувствовался недостаток обуви, теплого платья, одеял и люди замерзали сотнями в своих жал-

ких лохмотьях, служивших им и постелью, и одеждой, Иосс Фриц и его помощники убеждали крестьян бороться за свою жизнь и жизнь детей, коллективно рубить лес, отнимать украденное у них фохтами. И вот, вокруг покорожденных под снегом, замерзших деревьев по ночам зазвенели топоры, заскрипели пилы, и теперь у потрескивавшего огня энергичнее шла работа по вовлечению крестьян в Союз Башмака.

С подлинным мастерством и знанием исторического прошлого показывает Реглер, как Иоссу Фрицу — «дипломатическому таланту и неутомимой выдержке этого образованного заговорщика» (Энгельс) — удалось привлечь к участию в крестьянском движении плебейские элементы городов, нищих, бродяг, солдат и пр.

Понимая, что разрозненные выступления крестьян не обеспечат успеха борьбы, Иосс призывал их к сплочению своих рядов. «Бессмысленно действовать в одиночку, только объединившись, они могут внушить страх» — убеждал он крестьян.

Образ Иосса Фрица, представлявшего, по словам Энгельса, «во всех отношениях выдающийся характер», несколько односторонен у Реглера, обеднен им. Мы видим в романе «Посев» пламенного борца, но других черт его облика автор почти не показывает. Известно, что у Иосса была жена, которая за участие в крестьянском движении была арестована, а после освобождения помогала мужу налаживать революционные связи. Использование этого факта в романе сделало бы образ героя полнокровнее и одновременно сильнее подчеркнуло бы очень значительный момент крестьянского движения — участие в нем женщин. Иосс понимает, какое важное значение имеет участие женщин в движении. «Мы должны действовать, — говорит он, — через женщин, которые лучше всего знают, как пусто в крестьянских горшках, через женщин, которым терзает уши плач голодных детей».

Упущением Реглера является и то, что изображенные им в романе женщины-революционерки — фигуры эпизодические, а не органически связанные с делом, которому они так беззаветно служат (крестьянка Книттель, например).

Многолетний, терпеливый и упорный посев Иосса обещал хороший урожай и хорошую жатву. Крестьяне готовы к восстанию. У них есть оружие. Они хотят последовать примеру швейцарцев, которые не только освободились от своих фохтов, но и не поддались императорскому произволу. Свободная Швейцария была для них «тем факелом, сигналом тревоги, который с высоких гор освещал своим заревом долины и будил спящих».

Уже назначен срок восстания и готово знамя с изображением крестьянского башмака, но среди составших находится предатель. Крестьянин Люкс Рапп, с колебаниями примкнувший к заговорщикам, спасая «свой садик и свою жалкую шкуру», выдает планы крестьянского восстания епископу.

Словами, полными гнева и презрения, клей-

мит автор черную измену Люкса. «О, Люкс Рапп, как часто встречаются тебе подобные во все времена и во всех странах! Эти прозябающие, с кожной душой, эти колеблющиеся, с зачячей кровью в жилах... Да, Люкс Рапп, твое имя останется навсегда в списке предателей».

Восстание сорвано. Иоссу приходится бежать, но это не бегство от революции. Иосс Фриц со спрятанным на груди знаменем Башмака «скрывается из виду», как повествует конец романа, чтобы продолжать свое революционное дело.

★

«Посев» достоин самого широкого распространения, как глубоко содержательный, боевой, художественный роман из эпохи Крестьянской войны в Германии. С сожалением приходится констатировать, что книга эта мало известна массовому читателю. Отчасти в этом повинен тяжелый, подчас затрудняющий чтение, перевод романа и недостаточно тщательная редакция. Перевод пестрит нелепостями вроде следующих: «Мертвец у его ног еще раз открыл глаза. Неужели он скалил зубы над его сумасбродством. Улыбка застыла в уголках его рта». «Дети будут чавкать у полной крышки с молоком» и т. п.

Но главным образом виновата в этом плохая популяризация романа «Посев» и других произведений Густава Реглера. Скупое откликнулись на появление романа Реглера наши журналы и газеты, не популяризируют творчество Реглера и работники библиотек. На выставках антифашистской художественной литературы ряда московских библиотек и читален роман «Посев» и др. книги Реглера отсутствуют, так как они не значатся в указателе литературы, издаваемом Наркомпросом РСФСР (а этим указателем библиотеки руководствуются при комплектовании выставок).

Между тем книга «Посев» должна быть ре-

комендована не только для взрослого читателя, но и для юношества, и при незначительном сокращении включена в серию исторических романов школьной библиотеки.

Воскрешая в художественных образах героическое прошлое германского народа, эта книга вооружает на борьбу с фашистскими угнетателями. Читая страницы романа, бичующие средневековый гнет и насилие, убеждаешься, как много общего с той страшной эпохой у современной фашистской Германии. Та же нищета, те же бесправие, гнет и насилие, те же палач и плаха для народа. В фашистских концентрационных лагерях истязают лучших сынов германского народа так же, как в мрачное средневековье истязали их в подземельях епископов и князей.

Но революционное дело Иосса не прекратилось.

Под знаменем Башмака проходят и в наше время в отдельных местностях Германии антифашистские выступления крестьян: «Крестьянин! Тебя приветствует Башмак, старый символ наших революционных предков... То беззаконие, которое в средние века творили наместники государей и князей, творят ныне коричневые наместники, — говорится в листовке, подписанной Союзом Башмака, распространяемой во многих деревнях Южной Германии. Напоминающая о восстании крестьян в Германии в средние века против князей, дворян и попов, листовка призывает крестьян к борьбе против фашизма, за землю и свободу, чтобы стать «свободными крестьянами на свободной земле»¹.

Гордый вызов Иосса Фрица — «Они нас не сломят» — перекинуется с чаяниями тех наших неизвестных братьев, которые в глубоком подполье Германии ведут непрекращающуюся героическую борьбу против фашистского произвола и мракобесия.

О. Слуцкая.

★

ПРОФ. Х. С. КОШТОЯНЦ. ПОВЕСТЬ ИЗ ЖИЗНИ АКАДЕМИКА ПАВЛОВА.

Л. Изд. Акад. наук СССР. 1938 г. Изд. 2-е. Тираж 10.000. Стр. 144. Ц. 3 р. 50 к.

Академик Павлов является общепризнанным гением мировой физиологии, построившим заново целые разделы этой важной науки. Его новаторский гений всюду давал новые методы, строил обобщающие теории и указывал физиологам оригинальный исследовательский путь. И если мировая физиология заслуженно признала Павлова на XV международном конгрессе физиологов «старшины физиологов мира», то для нас, советских ученых, он, кроме того, еще близкий человек, верный сын своей родины.

Будучи крупнейшим ученым, пройдя с триумфом через все академии мира, Павлов не оторвался от своего народа, остался «своим Павловым», в котором неизбежные в прошлой, дореволюционной его жизни «аппарансы» высшего света не заслонили сочной, жизнерадостной природы простого русского человека.

Как говорит Баркрюфт, крупнейший физиолог Англии, имя Павлова было знаменем для целого ряда поколений физиологов». Естественно поэтому, что всякая попытка дать историю открытий Павлова, характеристику его творческого облика должна быть приветствуема.

Книга проф. Коштоянца в этом смысле имеет ряд положительных качеств. Она в красочной форме повествует об отдельных эпизодах большой творческой жизни Павлова и вместе с этим учит нашу советскую молодежь тому отношению к науке, которое было характерно для Павлова, — отношению к науке. Своей формой изложения книга проф. Коштоянца очень выгодно отличается от обычных биографических исследований. Автор

¹ См. «Правду» от 6/VI 1938 г.

не задавался целью вскрыть генеалогию творческой мысли Павлова; но зато, преподнося почти в беллетристической форме ряд эпизодов из его жизни, способствует, как никто, популяризации творческой жизни Павлова. Недаром эта книга на протяжении одного года была совершенно разобрана советским читателем, и потребовалось ее второе издание. Наряду с занимательностью изложения самая композиция книги — описание жизни от одного эпизода к другому, не преследующее особенно строгой исторической последовательности в этих эпизодах, — содействует легкости восприятия самых первых этапов семидесятилетней творческой жизни гениального ученого. Это — сильное орудие пропаганды творческих приемов гения.

Литературное изложение жизни великого человека, с частыми разговорными вставками, требует от автора знания тончайших психологических нюансов в характере этого человека. И, надо отдать справедливость автору книги, он довольно правдоподобно представил Павлова в разговорной форме. Задача эта чрезвычайно трудна, и поэтому некоторые шероховатости речи, не свойственные покойному Ивану Петровичу, вполне извинительны автору. В общем, на всем протяжении книги облик великого ученого обрисован с исчерпывающей ясностью.

Содержание «Повести из жизни академика Павлова» ограничивается первым периодом его творчества, охватывающим работы по изучению сердечной деятельности и пищеварения, как процесса образования в организме человека крови. Правда, во втором издании автор добавил материалы, которые рисуют переход Павлова от пищеварения к условным рефлексам.

Как известно, работы первого периода творчества Павлова привели его к всемирной славе и Нобелевской премии. Поэтому является крайне ценным то, что проф. Коштоянц сам кропотливо собирал исторические эпизоды из этого периода и придал им занятую литературную форму. Разумеется, такое литературное изображение неизбежно должно иногда идти вразрез с исторической правдой; но, в конце-концов, так уж важно ли, в какой форме Павлов, например, сказал Боткину о применимости собачьего желудочного сока в лечении людей? Важно, что значительность этого исторического момента вырастает в глазах читателя и навсегда запечатлевается в па-

мяти. А это тем более необходимо, что книга и по своей форме, и по содержанию рассчитана на молодежь. Последняя найдет в этой книге благодарную пищу своему молодому уму; книга может служить прекрасным подспорьем при изучении физиологии или, например, биологии.

Мне кажется даже, что и студенческая аудитория, прочтя книгу проф. Коштоянца, найдет в ее ярких физиологических эпизодах лучшее средство к пониманию академического курса физиологии. В этом смысле ее всячески можно рекомендовать именно учащейся молодежи — биологам, медикам и другим.

В книге, наряду с физиологическими эпизодами, даны характеристики отдельных учеников Павлова, и это воссоздает в представлении читателя ту среду, в которой развивался павловский гений. Для понимания путей науки часто бывает важно не только знать фактическое содержание какого-либо открытия, но и те условия, которые определили этот творческий шаг. Книжки, дающие историческую ситуацию получения фактов, всегда выгодно отличаются от сухого перечня этих фактов. Книга проф. Коштоянца изобилует такими жизненно-правдоподобными зарисовками, которые придают особую остроту физиологическим открытиям Павлова и читаются поэтому с неослабевающим интересом.

В занимательной литературной форме преподнесены эпизоды всех наиболее важных операций, сделанных покойным Павловым, и, что главное, читатель несомненно поймет как основную идею их, так и техническую сторону.

Книжку можно рекомендовать не только молодежи, — она будет прочтена с интересом, благодаря обилию редкого исторического материала, и преподавателями.

Павлов — гордость советской науки. Павлов был патриотом, отдавшим всю жизнь на служение родине. Поэтому надо признать за автором очень большую заслугу в том, что он дал наиболее яркий, наиболее доступный и увлекательный очерк о его научных достижениях.

Не совсем хорошо справилось со своей задачей издательство Академии наук. Книга «Повесть из жизни академика Павлова» издача неприглядно, особенно если принять во внимание, что ее 2-е издание специально рассчитано на стахановцев.

Проф. П. Анохин.

Редколлегия: Ф. В. Гладков
Л. М. Леонов
А. Г. Маамышкин
В. П. Ставский

Ответственный редактор В. П. Ставский

Редакция: Москва, 6. Пушкинская площадь, 5.
Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР“
Москва, Пушкинская пл., д. 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА **1939** ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО —
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

15-й год издания

„НОВЫЙ МИР“
ПЕЧАТАЕТ:

Произведения советской художественной литературы народов СССР.

Произведения большевистской критики по вопросам художественной литературы, театра, музыки, кино, живописи, архитектуры и скульптуры.

Статьи и очерки о строительстве социалистического хозяйства и социалистической культуры.

Обзоры и статьи о политической, экономической и культурной жизни капиталистических стран.

В журнале печатаются иллюстрации и многокрасочные вкладки лучших мастеров советской живописи.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
БЕЗ ПЕРЕПЛЕТА

1 м.	3 м.	6 м.	12 м.
3 р.	9 р.	18 р.	36 р.

В ПЕРЕПЛЕТЕ

1 м.	3 м.	6 м.	12 м.
5 р.	15 р.	30 р.	60 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всюду на почте, почталыонами, сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях и отделениями КОГИЗа.

МОГИЗ

ДОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ КНИГИ

ИЗУЧАЙТЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ!

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Пурвер Г. Л. **УЧЕБНИК АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ** 2-е исправленное издание. 1938 г. Цена 3 р. 90 к.

Реймерс Б., Молчанов-кая В. **УЧЕБНИК АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ КОМАНДНОГО И НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА РККА**. 2-е исправленное и дополненное издание. Цена 4 р. 65 к.

Миллер А. Д., Озерская Т. А. **АНГЛО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ ДЛЯ НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ**. Около 18.000 слов. Цена 4 руб.

Зарецкая Р. А. **АНГЛО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ** (лялипут). Имеет 10.000 слов. 1938 г. Цена 5 руб.

Насильева О. **УЧЕБНИК ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА** (начальный курс). Цена 5 р. 60 к.
Мардышевская К. А., Ясельман Ю. С.

РУССКО-ИСПАНСКИЙ СЛОВАРЬ. Имеет 10.000 слов. Цена 2 р. 20 к.

Игнатюв С. С., Кельян Ф. В. **ИСПАНСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ**. Имеет около 30.000 слов. Цена 3 р. 10 к.

УЧЕБНИК ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА для взрослых. Цена 4 руб.

Потоцкая В. В. **ФРАНЦУЗСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ ДЛЯ НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ**. Около 20.000 слов. Цена 5 руб.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИК ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА. 1938 г. Цена 3 руб.

Чернышев М. А. **ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКИЙ НЕМЕЦКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ**. Цена 5 руб.

Георгиу. **УЧЕБНИК ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА**. Ц. 6 р.

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА
ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ по адресу: Москва, ул. Горького, 51. Дом Интернациональной книги Могиза. Телефон К-0-77-04.

НОТЫ—ПОЧТОЙ МОГИЗ'а

МОСКВА, 31, НЕГЛИННАЯ, 14/НМ.

ВЫСЫЛАЕТ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ
БЕЗ ЗАДАТКА

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ДЛЯ ХОРОВ И СОЛЬНОГО ПЕНИЯ

«НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ». 52 песни старой и колхозной деревни, дубовкой лирики, плясок и др. Труды фольклорной комиссии Академии наук СССР. Ц. 4 р. 50 к.

«ПЕСНИ ПИНЕЖЬЯ». Книга II. 158 песен с комментариями и указанием источников. Труды Института антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР. Цена в переплете 19 р.

«ХОРОВОЕ ТВОРЧЕСТВО НАРОДОВ СССР». 63 русских, украинских, белорусских, грузинских, армянских и др. нац. песен. Для хоров. Цена в переплете 8 р. 25 к.

«50 РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕСЕН». I. Старые революционные песни. II. Песни гражданской войны. Для хоров. Цена в переплете 15 р.

«ПЕСНИ КРАСНОЗНАМЕННОГО АНСАМБЛЯ КРАСНОАРМЕЙСКОЙ ПЕСНИ И ПЛЯСКИ СОЮЗА ССР». Сборник содержит 95 известных песен для хоров. Цена в переплете 15 р.

«ПЕСНИ БЕРАНЖЕ». 25 старинных французских песен. Для голоса с фортепиано. Цена 5 р. 25 к.

«СБОРНИК ХОРОВ ИЗ ОПЕР РУССКИХ КОМПОЗИТОРОВ». Вып. II. Мусоргский и Римский-Корсаков Для смешанных хоров. Партитура и голоса. Цена 8 р. 25 к.

«ШКОЛА ХОРОВОГО ПЕНИЯ», сост. П. Демьянов. Содержание: Состав голосов в хоре. Распределение певцов. Работа и удивления над песнями. Цена 75 к.

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ.

Цена 3 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „УДОЖЕСТВЛЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“ при СНК РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1939 ГОД НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ

З В Е З Д А

Год издания 16-й

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

Орган Ленинградского отделения Союза советских писателей.

Подписная цена:

На год — 42 р., на 6 мес. — 21 р., на 3 мес. — 10 р. 50 к. Цена отдельного номера 3 р. 50 коп.

З Н А М Я

Год издания 9-й

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

Орган Союза советских писателей.

Подписная цена:

На год — 42 р., на 6 мес. — 21 р., на 3 мес. — 10 р. 50 к. Цена отдельного номера 3 р. 50 коп.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

на английском языке

12 номеров в год

Единственный в СССР журнал на английском языке посвященный вопросам социалистической культуры СССР, советской литературе и искусству а также отражающий достижения антифашистской литературы разных стран.

Подписная цена:

На год — 24 р., на 6 мес. — 12 р., на 3 мес. — 6 р. Цена отдельного номера — 2 р.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

на немецком языке

(„Дейче Блеттер“)

Год издания 9-й

Ежемесячный журнал знакомит читателя с лучшими произведениями антифашистской немецкой беллетристической литературы.

Подписная цена:

На год — 24 р., на 6 мес. — 12 р., на 3 мес. — 6 р. Цена отдельного номера — 2 р.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

на французском языке

12 номеров в год

Единственный в СССР журнал на французском языке, посвященный вопросам социалистической культуры СССР, советской литературе и искусству а также отражающий достижения антифашистской литературы разных стран.

Подписная цена:

На год — 24 р., на 6 мес. — 12 р., на 3 мес. — 6 р. Цена отдельного номера — 2 р.

СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ!

Подписка принимается повсеместно «Сюзпечатью», почтой, почталонами и организаторами подписки на фабриках, заводах, в учреждениях и организациях.

Кроме того на журналы «Звезда», «Знамя», «Интернациональная Литература» на иностранных языках, «Красная Новь», «Литературное Обозрение», «Литературный Критик», «Литературный Современник» и «Октябрь» подписка принимается отделениями и магазинами КОГИЗА.

КРАСНАЯ НОВЬ

Год издания 19-й

Ежемесячный журнал художественной литературы критики и публицистики. Орган Союза советских писателей.

Подписная цена:

На год — 42 р., на 6 мес. — 21 р., на 3 мес. — 10 р. 50 к. Цена отдельного номера — 3 р. 50 к.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Год издания 4-й

Критико-библиографический иллюстрированный двухнедельник при журнале «Литературный критик».

Подписная цена:

На год — 24 р., на 6 мес. — 12 р., на 3 мес. — 6 р. Цена отдельного номера — 1 р.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Год издания 7-й

Ежемесячный журнал литературной теории, критики и истории литературы.

Подписная цена:

На год — 30 р., на 6 мес. — 15 р., на 3 мес. — 7 р. 50 к. Цена отдельного номера — 3 р. 50 коп.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМНИК

Год издания 7-й

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Орган Ленинградского отделения Союза советских писателей.

Подписная цена:

На год — 36 р., на 6 мес. — 18 р., на 3 мес. — 9 р. Цена отдельного номера — 3 р.

О К Т Я Б Р Ь

Год издания 15-й

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Орган Союза советских писателей.

Подписная цена:

На год — 42 р., на 6 мес. — 21 р., на 3 мес. — 10 р. 50 к. Цена отдельного номера — 3 р. 50 к.

Р Е З Е Ц

Двухнедельный литературно-художественный журнал Орган Ленинградского отделения Союза советских писателей.

Подписная цена:

На год — 18 р., на 6 мес. — 9 р., на 3 мес. — 4 р. 50 к. Цена отдельного номера — 75 коп.